Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Издается с 1998 г. Выходит 1 раз в год

Выпуск ФИЛОЛОГИЯ. 10 / 2013

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77–36152 от 06 мая 2009 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес редакции
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Адрес издателя
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на английский язык
А.Ц. Эрдынеев
Редактор *Д.Н. Гармаева*
Компьютерная верстка
Л.П. Бабкиновой

Подписано в печать 23.09.13.
Формат 60 x 84 1/8.
Уч.-изд. л. 26,3. Усл. печ. л. 24,0.
Тираж 1000. Заказ 559.
Цена договорная.

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель); *И.К. Шаранхаев*, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); *Н.Н. Татарникова* (зам. председателя, директор Издательства БГУ); *М.В. Бадмаева,* д-р филос. наук, доц.; *Т.С. Базарова,* д-р пед. наук, доц.; *А.С. Булдаев*, д-р физ.-мат. наук, проф.; *Д.И. Бураев,* д-р ист. наук, проф.; *А.В. Гаськов*, д-р пед. наук, проф.; *Н.Ж. Дагбаева,* д-р пед. наук, проф.; *Ц.З. Доржиев,* д-р биол. наук, проф.; *С.С. Имихелова,* д-р филол. наук, проф.; *Л.П. Ковалева,* канд. филол. наук, проф.; *К.Б.-М. Митупов,* д-р ист. наук, проф.; *И.И. Осинский,* д-р филос. наук, проф.; *М.Н. Очиров,* д-р пед. наук, проф.; *В.В. Хахинов*, д-р хим. наук, проф.; *В.Е. Хитрихеев,* д-р мед. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

С.С. Имихелова, д-р филол. наук, проф. (гл. редактор); *В.В. Башкеева*, д-р филол. наук, проф.; *А.П. Майоров*, д-р филол. наук, доц.; *Р.П. Матвеева*, д-р филол. наук; *В.И. Рассадин*, д-р филол. наук, проф. (г. Элиста); *А.С. Собенников*, д-р филол. наук (г. Иркутск); *Г.С. Доржиева*, д-р филол. наук, доц. (отв. секретарь)

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

УДК 811.512.31

© ***Д.Ш. Харанутова***

Категория залога (словообразовательная или формообразующая) в бурятском языке

В статье представлена точка зрения, что внутриглагольное словообразование в бурятском языке, характеризующееся залогообразованием, относится к сфере деривации.

Ключевые слова: категория залога, деривация, аффикс, внутриглагольное словообразование.

D.Sh. Kharanutova

Category of voice (word formative and formative category) in Buryat language

In the work the point of view is presented that intraverbal word formation in the Buryat language, characterized by the voice formation, belongs to a sphere of derivation.

Keywords: category of voice, derivation, affix, intraverbial word formation.

Ядро предикатной лексики в бурятском языке составляет глагол, который отличается сложностью своего содержания и характеризуется разнообразием категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей. Описание этой части речи занимает значительное место в изучении языковой системы бурятского языка, поскольку особенности его грамматического строя определяются категориальными признаками данного разряда слов.

Из грамматических категорий бурятского глагола самой дискуссионной является категория залога. Есть мнение, что данная категория «относится к наиболее изученным в бурятском языке» [Егодурова, 2003, с. 114]. Изученность данного вопроса не исключает спорности, так как системная организация исследуемой категории представляет собой сложное и многогранное явление. Многие вопросы его изучения еще не получили однозначного решения, в частности, спорными остаются вопросы классификации и количества залогов, не существует единого мнения по поводу статуса категории залога – отнесения к формообразующим или словообразовательным категориям.

В понятие залога разными исследователями вкладывается крайне разнообразное и противоречивое содержание, вследствие чего существует несколько концепций залога. При всем многообразии концепций в лингвистике сущность категории залога раскрывается определением залога как грамматической категории глагола, опирающейся на определенную систему грамматических форм (морфологических / синтаксических). При этом понятие «залога» двояко, его можно рассматривать в узком и широком смысле. В широком смысле – залог охватывает круг явлений, связанных, во-первых, с соотношением пассива – актива, т.е. действия, направленного на субъект, с действием, у которого нет указания на такую направленность, во-вторых, с переходностью/непереходностью глагола, в-третьих, с возвратностью глагола. В узком смысле – это собственно залог [Русская грамматика, с. 350].

Известно, что в русском языке понятие залога рассматривается в широком смысле слова, наряду с морфолого-синтаксическим явлением (оппозицией действительного и страдательного залогов) выделяются две другие оппозиции: лексико-морфологическая оппозиция возвратности/невозвратности и соотнесенная с ней лексико-синтаксическая оппозиция переходности/непереходности. В бурятском же языке понятие залога трактуется в узком смысле, но и в этом аспекте в него вкладывается крайне противоречивое содержание.

В монголоведении наиболее распространенной является концепция пяти залогов, в своих истоках связанная с именем Г.Д. Санжеева. В соответствии с этой теорией залог является словообразовательной пятичленной категорией, которую имеют и переходные, и непереходные глаголы. Споры возникают вокруг прямого залога, введенного Г.Д. Санжеевым [Грамматика бурятского языка, с. 200]. По его мнению, «основа прямого залога всегда является первичной основой любого залога <…>. В морфологическом плане его можно определить как основный залог» [Грамматика бурятского языка, с. 201]. Ц.Б. Цыдендамбаев считает, что такого залога не существует ввиду его морфологической неоформленности [Цыдендамбаев, с. 84]. Не существует единого мнения и по взаимному залогу (реципрок) и совместному залогу (социатив): за выделение как отдельных видов залоговой классификации выступают Г.Д. Санжеев, С. Галсан, Ц.Б. Цыдендамбаев, П.П. Дамбуева, как один вид залоговой системы – Д.Д. Амоголонов. Мнения о

выделении или невыделении прямого залога, об объединении или разъединении взаимно-совместного залога идут в одном русле.

Свою концепцию, основанную на двухчастной модели, предлагает В.М. Егодурова, где категория залога глагола – формообразовательная категория, представленная противопоставлением действительного и страдательного залогов, т.е. понимание категории залога сформулировано с точки зрения русистики. По ее мнению, категория залога в бурятском языке не относится к сфере деривации, а относится к словоизменительным категориям, противопоставляющим формы одной лексемы. В конструкциях с действительным оборотом речи употребляются глаголы собственно действительного залога, глаголы действительного залога с побудительным значением, глаголы действительного залога с взаимно-возвратным значением, глаголы действительного залога с взаимно-совместным значением. В конструкциях со страдательным оборотом речи употребляются глаголы собственно страдательного залога и глаголы страдательного залога с побудительным значением [Егодурова, 2003, с. 62]. Данная трактовка строится с учетом связи категории залога с категорией переходности/непереходности, отношений между формами актива и пассива [Егодурова, 2012].

Как представляется, в бурятском языке данные отношения не имеют непосредственного отношения к категории залога. По мнению Г.Д. Санжеева, «под категорией залога в монгольских языках мы понимаем такое оформление глагольной основы, которое показывает отношение действия к субъекту, выраженному подлежащим… Активность и пассивность глагола характеризует положение субъекта в действии, а переходность-непереходность – отношение действия к объекту, но никак не к субъекту» [Санжеев, 1964, с. 18]. Что касается категории переходности/непереходности в бурятском языке, то здесь наблюдается та же картина: глагол страдательного залога может быть переходным, т.е. может управлять прямым дополнением [Грамматика бурятского языка, с. 198, 235]. К прямому (или основному) залогу относятся как переходные, так и непереходные глаголы, не имеющие каких-либо морфологических показателей. Глаголы данного вида залога являются исходными основами для остальных четырех залогов (побудительный, страдательный, взаимный, совместный).

Одним из основных является вопрос: это формообразование или словообразование? Правомерность описания залогообразования при исследовании деривационного механизма бурятского языка большинством бурятоведов не оспаривалась, превалирующей считалась точка зрения Г.Д. Санжеева, что в бурятском языке «залоговые основы должны рассматриваться в плане словообразования, так как они не могут быть формами одного и того же глагола» [Санжеев, 1958, с. 4]. Кстати, далее в работе залоговые глаголы называются формами глаголов [Санжеев 1958, с. 201, 206]. К сожалению, путаница в терминологии наблюдается также в работах Ц.Б. Цыдендамбаева, У.Ж.-Ш. Дондукова и других монголоведов. У.-Ж.Ш. Дондуков вслед за Г.Д. Санжеевым ставит под сомнение формообразовательные значения залоговых аффиксов, считая залоговые глаголы «вполне самостоятельными и совершенно независимыми основами» [Дондуков, с. 144].

Представляется, что данная точка зрения наиболее точно отражает залогообразование. Глаголы с залоговыми аффиксами имеют самостоятельное значение, отличное от семантики производящего. Например, от *буляаха*`1) вырывать, выхватывать из рук; брать силой, отнимать, узурпировать; 2) привлекать на свою сторону` образуются глаголы побудительного залога: *буляалгаха*` 1) велеть отобрать; 2) быть отбираемым (или отнимаемым); 3) быть лишенным`, *буляагдаха*` 1) быть отбираемым (или отнимаемым); 2) быть лишенным; 3) *перен*. попадать под чье-л. влияние; поддаваться чему-л.`. От этого производящего образуются глаголы совместного залога: *буляалдаха*` 1) вырывать друг у друга из рук; 2) оспаривать друг у друга; препираться, спорить`, *буляалсаха*` 1) помогать кому-л., отнимать у кого-л. что-л.; 2) спорить друг с другом; оспаривать один у другого`. Данные глаголы не вступают в отношения оппозиции друг с другом, между ними наблюдаются другие отношения: отношения различия, в первую очередь семантические. Даже глаголы одного залога имеют свои оттенки различия, дериватором выступают разные аффиксы: *-лса* и *-лда* (аффиксы совместного залога) и *-лга* и *-гда* (аффиксы побудительного залога).

В монгольских языках «отношение действия к объекту не находит своего выражения в изменении формы глагола, ибо такое отношение заключается в самой лексической основе глагола» [Санжеев, 1964, с. 19]. Таким образом, залоговые глаголы демонстрируют не изменение, а образование глагола. Это очень хорошо видно на примере деривационного преобразования многозначного глагола. Например, от *ороxо*`1) входить, въезжать, заходить, заезжать; 2) выражает состояние, в которое попадает кто-что-л., благодаря воздействию со стороны; 3) подпадать подо

что-л.; попадать в какое-л. положение; подвергаться чему-л.; 4) подчиняться, повиноваться кому-л., слушаться кого-л.; 5) выражает начало действия, приступать к чему-л., начинать делать что-л.; 6) об атмосферных осадках; 7) о времени года; 8) при наличии зависимого именного компонента выражает наступление какого-либо состояния и переводится по значению этого компонента; 9) при сочетании с соед. или слитн. деепричастием в составе сказ. выражает начало или интенсивность действия и часто соответствует приставке *за-* или словам *приниматься, пристать, вступать*; 10) употреблять, расходовать; 11) поступать; 12) наступающий, входящий` образуется производное слово – глагол совместного залога *оролсохо* `1) вместе включаться; 2) вместе входить, участвовать, принимать участие, включаться`, где аффикс *-лсо* не только вносит значение совместности действия и указывает на количественную множественность субъектов действия, но и образует дериват с новым значением. Этот пример также свидетельствует, что образование залоговых глаголов – образование новых слов.

Представляется обоснованной точка зрения Г.Д. Санжеева, что одним из аргументов в пользу того, что образование залоговых основ представляет собой образование новых глагольных основ, новых лексем, являются именно деривационные возможности залогового глагола. Например, от *буляалдаха* `*совм*. вырывать друг у друга из рук; оспаривать друг у друга; препираться, спорить` образуются *буляалдаан* `препирательство, спор`, *сэсэ буляалдаха* `спорить, дискуссировать (*букв*. состязаться в мудрости)`, от *буляалсаха* `1) *совм*. помогать кому-л., отнимать у кого-л. что-либо; 2) спорить друг с другом; оспаривать один у другого` образуется существительное *буляасалдаан* `спор, конфликтовать друг с другом.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, подтверждающее положение о словообразовательной сущности залоговых глаголов: глагольные основы могут сочетаться с несколькими аффиксами залогообразования, которые, по мнению У.-Ж.Ш. Дондукова, являются словообразовательными аффиксами [Дондуков, 1964, с. 232]. Например, глагол совместного залога *оролсохо* становится производящим для *оролсуулха* `*совм.-побуд*. включать, вовлекать, привлекать к участию`. Далее эстафетную палочку в деривационной цепочке может принять аффикс *-гда*, образуя глагол совместно-побудительно-страдательного залога *оролсуулагдаха* `*совм.-побуд.-страд*. быть включенным, быть принужденным принять участие`.

Кроме того, залоговые суффиксы в бурятском языке исторически имели словообразовательное значение, в результате опрощения граница морфемного шва исчезла в образованных ими глагольных основах, залоговые суффиксы тесно и органически срослись с производящими основами. Например, потеряны деривационные связи между *оршуул-* `переводить` и *оршо-* `поворачиваться, околачиваться, вертеться`, *суглуул-* `собирать` и *сугла-* `собираться`.

Таким образом, аффиксы залогообразования выступают не в качестве формального показателя преобразования «глагол – глагол», они являются семантически необходимыми для преобразования смысла «глагольное действие – другое глагольное действие». Данная точка зрения подтверждается способностью залоговых аффиксов образовывать глаголы от именных основ, например, *шааса* `один удар кулаком` → *шаасалдаха* `боксироваться`, *боосо* `пари` → *босолдо* `спорить, держать пари`, *нюрган* `спина` → *нюргалдаха* `поворачиваться спиной`.

Для бурятского языка характерна высокая упорядоченность аффиксов, при которой все элементы взаимозаменяемы при одной и той же константе (корневой морфеме). Для такой организации применимо понятие парадигматического порядка. Данным признаком обладают словоизменительные аффиксы падежей, притяжания. Словообразовательные аффиксы, присоединение которых влияет на лексическое значение корня, составляют единицы непарадигматического порядка [Кузьменков, 1983]. Очевидно, что залоговые аффиксы можно отнести к единицам непарадигматического порядка, так как присоединение суффиксов ведет к созданию глагольных слов. Проиллюстрируем это на дериватах словообразовательного гнезда с вершиной *буудаха* `стрелять`: глагол побудительного залога *буудуул* `заставить стрелять`, страдательного залога *буудагда* `быть подстреленным`, совместного залога *буудалса* `стрелять вместе с кем-либо`, взаимного залога *буудалда* `перестреливаться`.

Таким образом, в словообразовательную гроздь глагольного слова обязательно входят глаголы, образованные при помощи залоговых аффиксов, т.е. глагол в пучке дериватов дает прогнозируемый веер залоговых глаголов. Распределение слов в грозди данной части речи также высвечивает и другую закономерность, связанную со словопорождающими способностями бурятских лексем: глагол прежде всего образует глагольные слова.

Итак, специфической областью бурятского языка является внутриглагольное словообразование, характеризующееся залогообразованием, которое относится к сфере деривации.

Литература

1. Афанасьева Э.В. Категория залога и вида в бурятском и баргутском языках // История развития бурятского языка: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006.
2. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. – М.: Изд-во вост. лит., 1962.
4. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964.
5. Егодурова В.М. Бурятский глагол: учеб.пособие. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003.
6. Егодурова В.М. Категория залога в бурятском языке // Вестник Бурятского госуниверситета. Язык. Литература. Культура. – Улан-Удэ, 2012.
7. Кильдибекова Т.А. Глаголы действия в современном русском языке. Опыт функционально-семантического анализа. – Саратов, 1985.
8. Кузьменков Е.А. Суффиксальная деривация отглагольных имен в монгольском языке // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. – Улан-Удэ, 1995.
9. Наделяев В.М. Залоговость в тувинском языке // Морфология тюркских языков Сибири: сб. науч. ст. – Новосибирск, 1985.
10. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980.
11. Санжеев Г.Д. К вопросу о глагольных основах в монгольских языках // Краткие сообщения Ин-та востоковедения. – М., 1958. – Вып. 24.
12. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. – М.: Наука, 1964.
13. Холодович А.А. Залог // Категория залога: материалы науч. конф. – Л., 1970.
14. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979.

Харанутова Дарима Шагдуровна, доцент кафедры русского языка Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. E-mail: dkharanutova@mail.ru

Kharanutova Darima Shagdurovna, associate professor, department of Russian language, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 811.512.31

© ***Ж.Ш. Санжанов***

Общественно-политическая лексика бурятского языка
(на примере газеты «Буряад-Монголой үнэн»)

Исследование общественно-политической лексики бурятского языка (по материалам газеты «Буряад-Монголой үнэн» 1920-х гг.) показало, что она была достаточно разработана, практически отражала все реалии общества и соответствовала общемонгольской лексике.

Ключевые слова: бурятский язык, старомонгольская письменность, общественно-политическая лексика, неологизм, газета «Буряад-Монголой үнэн».

Zh.Sh. Sanzhanov

The socio-political lexis of the Buryat language
(on the example of the newspaper «Buriyad Mongγul-un Ünen»)

The research of the socio-political lexis of the Buryat language (on the material of the newspaper «Buriyad Mongγul-un Ünen» of the 1920-s) has shown that the socio-political lexis was sufficiently developed, actually reflected all realities of the society and mainly corresponded to a common Mongol lexis.

*Keywords***:** Buryat language, Old Mongolian written language, socio-political lexis, neologism, newspaper «Buriyad Mongγul-un Ünen».

Исследование общественно-политической лексики газет на бурятском языке представляется одной из актуальных проблем в современной бурятской лексикологии. Под общественно-политической лексикой следует понимать группу обозначающих общественно-политические реалии слов, вошедших в активный состав языка.

Реформа письменности в 1930-е гг. в пользу латиницы, а затем кириллицы в определенной мере привела к утрате общественно-политической лексики на старомонгольской письменности в бурятском языке. Изучение и восстановление данной лексики имеют важное практическое значение для бурятского языка, так как в настоящее время существуют определенные трудности в формировании современной общественно-политической лексики в СМИ.

В рамках данной статьи целесообразно рассмотреть главную республиканскую газету «Буряад-Монголой үнэн», издававшуюся на старомонгольской письменности с 1923 по 1936 г., переименованную в 1958 г. в «Буряад үнэн». В газете использовалась общемонгольская общественно-политическая лексика, характерная как для бурятского, халха-монгольского языков, так и для старомонгольской письменности. Именно через нее новая общественно-политическая лексика широко проникала и распространялась сре-

ди бурятского населения.

В настоящее время данная лексика недостаточно представлена в бурятском языке, в частности в словарях советского периода, что вызывает затруднение в ее использовании. Однако она широко представлена в языке бурят Внутренней Монголии и Монголии и даже приобрела более современные дефиниции [Санжанов, 2012].

В первые годы существования газеты «Буряад-Монголой үнэн» широко использовалась общественно-политическая лексика XVIII–XIX вв. на старомонгольской письменности, что подтверждается самой лексикой бурятских летописей [Летописи, 1936; 1940] и их исследованиями в работах Ц.Б. Цыдендамбаева [Цыдендамбаев, 1972], Л.Б. Бадмаевой [Бадмаева, 2012], а также исследованиями монгольких источников «Алтан тобчи», «Халха джирум» в работах П.Б. Балданжапова [Балданжапов, 1970], Г.Ц. Пюрбеева [Пюрбеев, 2012] и др. В газетах встречаются слова с той же семантикой, что и в летописях. Это объясняется тем, что идеологически направленная газета для критики монархического строя была вынуждена использовать социально-политическую лексику, устоявшуюся еще при царизме в XIX в.

В то же время активизируется процесс создания неологизмов в бурятском языке, который был обусловлен таким экстралингвистическим фактором, как образование в 1923 г. Бурят-Монгольской республики. Данное событие повлекло за собой появление новых политических и социальных институтов, изменение экономических и производственных отношений, развитие образования, техники и культуры в бурятском обществе. В этих условиях общественно-политическая лексика на старомонгольской письменности во многом подверглась модернизации и получила свое дальнейшее развитие в виде неологизмов, которые стали общеупотребительными и перешли в активный словарный запас бурятского языка, но позже были изъяты из речи по идеологическим причинам. Это подтверждается исследованиями Л.Д. Шагдарова [Шагдаров, с. 74-77, 81-83], А.А. Дарбеевой [Дарбеева, с. 13-18], У.-Ж.Ш. Дондукова [Дондуков, с.4-10] и др. В 1920-е гг. непосредственно вопросом создания неологизмов занимался Г.Ц. Цыбиков, ученый Буручкома, совместно с учеными Монучкома, ученым секретарем которого был Ц. Жамцарано [Цыбиков, 1928, с. 215]. В 1927 г. Г.Ц. Цыбиков и Ц. Жамцарано организовали совместную комиссию при Монучкоме для согласования новых терминов [Цыбиков, 1981, с. 136, 141] и в результате выработали и согласовали более 2000 неологизмов [Цыбиков, 1928, с. 16].

В газетных номерах методом сплошной выборки нами выявлена общественно-политическая лексика, которая имеет четкие дефиниции, что дает возможность однозначного понимания слов и словосочетаний.

Рассмотрим общественно-политическую лексику газеты, которую можно распределить по следующим группам согласно сферам преимущественного употребления: 1) политическая лексика (политические институты, политические процессы, государственно-административное устройство, органы власти и управление); 2) социальная лексика (социальные группы населения, социальные отношения); 3) судебно-правовая лексика; 4) экономическая лексика; 5) производственная лексика.

Политическая лексика. *Политические институты:* п.-мо. **ulas**, монг. *улс*, бур. *улас*, ‘страна, государство’: *körünggetü ulas-un albatu irged inu* ‘граждане иностранных, капиталистических стран’ [БМҮ. 1923. 7 дек. №5, с. 2]; п.-мо **törü**, монг. *төр*, бур. *түрэ* ‘государство’: *jasaγ törü-yin bodolγa ulam sayijiraqu* ‘стала улучшаться государственная политика’ [БМҮ. 1924. 15 сент. №36-37, с. 7]; п.-мо **jasaγ,** монг., бур. *засаг* ‘власть’ *jöbleltü jasaγ-un kereg üyile-yi 6 jil dotur-a jiγan kütelbürilejü bayiγsan oros-un eb qamtu-yin nam-un kütelbüri* ‘программа коммунистической партии России, по которой в течение 6 лет руководствовались в мероприятиях советской власти’ [БМҮ. 1923. 4 дек. №5. с. 1]; п.-мо. **nam**, монг., бур. *нам* ‘партия’[там же]; п.-мо. **neyigem**, монг., бур. *нийгэм* ‘общество’: *öber-e erketü neyigem jirumtu jasaγ-un γajar* ‘‘автономное правительство социалистического общества, правительство социалистического общества’ [там же]; п.-мо. **alban**, монг. *алба*, бур. *албан* ‘государственная служба служба’ : *qota ba ködüge tosγon arad-un dumda-ača sine kümüs-i abču alban qaγaγčid beledkemüi* ‘готовить новых служащих на государственную службу из среды городского и сельского населения’[БМҮ. 1925. 10 июля. №24, с. 2].

Политические процессы: п.-мо. **qubisγal**, монг. *хувьсгал*, бур. *хубисхал* ‘революция’: *qubisγal-un üjelten niγuča nam toγtoγoqu* ‘революционер организовал тайную партию’ [БМҮ. 1924. 22 окт. №43, с.4]; п.-мо. **urbalta**, монг. *урвалт*, бур. *урбалта* ‘переворот’: *erkü-yin urbalta-yin oi-du yeke yabuγulγa kigsen bayina* ‘организовали юбилейное мероприятие по случаю переворота в Иркутске’ [БМҮ. 1924. 14 янв. №10, с. 3]; п.-мо. **songuγuli**, монг. *сонгууль*, бур. *һунгуули* ‘выборы’*: jöblel-üd-ün songγuli* ‘выборы в Советы’ [БМҮ. 1923. 17 окт. №2, с. 1]; п.-мо. **möljilge**, монг. *мөлжлөг*, бур. *мүлжэлгэ*, ‘эксплуатация’:

möljilge-eče ködelmüričin ba ködüge ajilčin arad čilüge γarju baričuqui ‘трудящиеся и крестьяне избавились от эксплуатации и получили свободу’ [там же, с. 6]; п.-мо. **qimural**, монг. *хямрал*, бур. *химарал* ‘кризис’: *qimural ulam güngjügüi bolqu* ‘кризис станет еще более глубоким’ [БМУ. 1924. 8 янв. №31, стр. 2]; п.-мо. **sinečilel**, монг. *шинэчлэл*, бур. *шэнэшлэл* ‘реформа’: *ködüge ajiltan-u dumda ulas törü-yin sinečilel-un erdem-i ulam nebteregülün darui üyiledbesü jokimui* ‘следует немедленно внедрять знание политической реформы среди сельских работников’ [БМУ. 1924. 8 янв. №31, с. 4].

Государственно-административное устройство: п.-мо. **eb qamtu**, монг. *эв хамт*, бур. *эб хамта* ‘коммунизм, коммунистический’: *oros-un eb qamtu nam* ‘российская коммунистическая партия’ [БМУ. 1923. 17 окт. №2, с. 1]; п.-мо. **körünggetü,** монг. *хөрөнгөт*, бур. *хүрэнгэтэ* ‘капиталистический, буржуазный’ [там же]; п.-мо. **öber-e erketü**, монг. *өөрөө эрхэт*, бур. *өөрөө эрхэтэ* ‘автономия, автономная’: *öber-e erketü neyigem jirumtu jasaγ-un γajar* ‘правительство социалистической автономии’ [там же]; п.-мо. **neyigem jirumtu**, монг. *нийгэм журамт*, бур. *нийгэм журамта* ‘социалистическое общество, социализм,’: *öber-e erketü neyigem jirumtu jasaγ-un γajar* ‘‘автономное правительство социалистического общества, правительство социалистического общества’ [там же]; п.-мо. **qolbuγatu ulus**, монг *холбоот улс,* бур. *холбоото улас*, ‘федерация, федеративное государство’: *qolbuγatu ulus-un ede-ün jasaγ* ‘экономика федеративного государства (федерации)’ [БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 1]; п.-мо. **ayimaγ**, монг., бур. *аймаг* ‘аймак, район’: *kori-yin ayimaγ-un čilaγutai-yin qosiγun-u doodu γol-un somun* ‘Дод-гольский сомон Чилутайского хошуна Хоринского аймака’ [БМУ. 1924. 22 окт. №43, с.6]; п.-мо. **kijaγar**, монг. *хязгаар*, бур. *хизаар* ‘край’: *oron kijaγar-un γajar usun ba tedeger-ün asiγ körüngge-yi ejerken medekü arγa ügei* ‘не иметь способов владеть землей территорией края и его имуществом и прибылью’ [БМУ. 1923. 7 дек. №5, с. 2]; п.-мо. **muji**, монг. *муж*, бур. *можо* ‘область’: *solongγos-un muji-du γajar inu ködelegsen* ‘произошло землетрясение в корейской области’ [БМУ. 1924. 14 янв. №10, с. 4].

Органы власти и управление: п.-мо. **jasaγ-un γajar**, монг. *засгийн газар,* бур. *засагай газар* ‘правительство’: *öber-e erketü neyigem jirumtu jasaγ-un γajar* ‘автономное социалистическое правительство’ [БМУ. 1923. 17 окт. №2, с. 1]; п.-мо. **qoriy-a**, монг. *хороо*, бур. *хороон* ‘комитет’: *buriyad mongγul-un qoriy-a-ača dolγan qonuγ büri-dü nige qaγudasu γarγaγdamui* ‘бурят-монгольский комитет выпускал каждую неделю одну страницу’ [БМУ. 1923. 17 окт. №2, с. 1]; п.-мо. **bayiγulalγa**, монг. *байгууллага*, бур. *байгуулалга*, ‘организация, предприятие’: *jöblel-ün jasaytu ulus-un bayiγulalγa* ‘организация советского государства’ [БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 5]; п.-мо. **čiγulγan**, монг. *чуулган*, бур. *шуулган*, ‘съезд’: *čiγulγan ba quralduγan tomilaγdun orolčoγsan* ‘участвовали в съезде и на заседании’ [БМУ. 1925. 10 июля. № 24, с. 5]; п.-мо **yamun**, монг *яам*, бур. *яаман* ‘министерство’ *begejin qota-du saγuγa elčin-u sayid-un yamun-i süyidgekü* ‘напасть на министерство в Пекине’ [БМУ. 1927. 15 июня. №25, с. 1]; п.-мо. **γayili**, монг. *гааль*, бур. *гаали* ‘таможня’: *γayili-yin alba-yin bayidal inu dutamaγ bui* ‘положение таможенной службы было трудным’ [БМУ. 1924. 15 сент. №36-37, с.8]; п.-мо. **elčin sayid,** монг. *элчин сайд*, бур. *элшэн сайд* ‘посол’: *qolboγatu ulus-un elčin sayid* ‘посол федеративного государства’ [БМУ. 1924. 14 янв. №10, с. 3].

Социальная лексика. *Социальные группы населения:* п.-мо. **körünggeten**, монг. *хөрөнгөтөн*, бур. *хүрэнгэтэн* ‘капиталист’: *oros-un körünggeten* ‘российский капиталист’[БМУ. 1925. 10 июля. №24, с.1]; п.-мо. **üyledbüričin**, монг. *үйлдвэрчин*, бур. *үйлэдэбэришэн* ‘производственник’ : *üyiledbüričin ba tariyačin buriyad mongγul arad-un dumda* ‘производственники и земледельцы среди бурят-монгольского народа’ [БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 2]; п.-мо. **tariyačin**, монг. *тариачин*, бур. *таряашан* ‘крестьянин, земледелец’ [там же]; п.-мо. **ködelmürčin**, монг. *хөдөлмөрчин*, бур. *хүдэлмэришэн* ‘рабочий, трудящийся’: *qota-yin ködelmürčin arad ulas törü-yin kereg-tü bolbosuruγulaqu* ‘приобщять городских трудящихся к политике [там же]; п.-мо. **negüdelčid**, монг. *нүүдэлчид*, бур. *нүүдэлшэд* ‘переселенцы’: *γajar-i negüdelčid-dur qauli-yin küčüber γarγaγulaγsan* ‘переселенцам выдали по закону земли’ [БМУ. 1923. 7 дек. №5, с. 2]; п.-мо. **qariyatu**, монг. *харьяат*, бур. *харьяата* ‘гражданин, гражданство, подведомственный к чему-либо’ : *jöbleltü ulas-un qariyatu* ‘гражданин советского государства ’[БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 2]; п.-мо. **irgen**, монг., бур. *иргэн*, ‘гражданин’: *irgen-i qamaγalan erke-yi sakiqu üyile anu* ‘дело по охране прав и защите гражданина’ [БМУ. 1923. 20 дек. №7, с. 1].

Социальные отношения: п.-мо. **tedkümji**, монг. *тэтгэмж*, бур. *тэдхэмжэ* ‘пособие’: *surγaγuli-nud-dur neyite-yin tedkümji-yi suralčaγčid inu ülemji bolju nemegsen bayimui* ‘значительно увеличилось социальное пособие для учащихся в школах’[БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 2]; п.-мо

könggülelte, монг. *хөнгөлөлт*, бур. *хүнгэлэлтэ* ‘льгота’: *nam-un surγaγuli-du suruγčid-du könggülelte ügdemüi* ‘учащимся партийной школы предоставляют льготы’ [БМУ. 1926. 1 авг. №37, с. 2]; п.-мо. **tusalamči**, монг. *тусламж*, бур. *туһаламжа* ‘помощь’: *qaldaburitu ebedčin-eče aračilaqu üyiles-tür adaγusu mal-un emčilelge-yin tusalamči ani* ‘ветеринарная помощь в деле по устранению инфекционного заболевания’ [БМУ. 1925 г. 10 июля. №24, с. 2]; п.-мо. **qariγučalγa**, монг. *хариуцлага* бур. *харюусалга* ‘ответственность’: *tus ülemji yeke qariγučalγa bayimui* ‘это большая ответственность’ [БМУ. 1923. 17 окт. №2, с.1]; п.-мо **qarilčaγ-a**, монг. *харилцаа*, бур. *харилсаа* ‘отношения’: *ed-ün jasaγ-un qarilčaγ-a-yi tasulaqu* ‘прекратить экономические отношения’ [БМУ. 1927. 15 июня. №25, с. 1].

Судебно-правовая лексика: п.-мо. **qauli**, монг. *хууль*, бур. *хуули*, ‘закон’: *tusγayitu qauli jokioγdaqu* ‘составлять специальный закон’ [БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 3]; п.-мо. **ündüsün qauli**, монг. *үндсэн хууль*, бур. *үндэһэн хуули* ‘конституция’: *ündüsün qauli-yi jirumjilan küliyejü abuγsaγar edüge nige jil γurban doluγan qonoγ ünggereged bayiqu* ‘с момента принятии конституции прошел 1 год 3 недели’ [БМУ. 1924. 1 авг. №31, с. 1]; п.-мо. **nекebüri**, монг. *нэхвэр*, бур. *нэхэбэри* ‘взыскание, иск’: *mönggün-ü nekebüri-yi erčim-tei bolγaqu* ‘активизировать поступление денежных взысканий’ [БМУ. 1924. 28 дек. №54, с. 1]; п.-мо. **gemten**, монг., бур. *гэмтэн* ‘преступник’: *gindan-du bariγdaju bayiqu gemten arad-un quγučuγa-yin qaγas qubi-yi qasaltu bolγaju künggelekü* ‘сократить на половину срок преступникам, находящимся в тюрьме’ [БМУ. 1924. 28 дек. №54, с. 5]; п.-мо **gem**, монг., бур. *гэм* ‘вина’: *bükü gem-üd-i girman ulas-un ejen qaγan degere toγtoju egürgegsen bölüge* ‘всю вину возложили на германского императора’ [БМУ. 1924. 15 окт. №36-37, с. 1]; п.-мо. **toγtuγal**, монг., бур. *тогтоол*, ‘постановление’: *toγtuγal γarγaγsan* ‘приняли постановление’ [БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 6].

Экономическая лексика: п.-мо. **mayimaγan**, монг. *наймаа*, бур. *наймаан* ‘коммерция’: *mayimaγan-u qorsiyan-du tusalamji üjegülkü* ‘оказывать помощь коммерческому кооперативу’ [БМУ. 1924. 7 дек. №51, с. 2]; п.-мо. **delgegür**, монг., бур. *дэлгүүр*, ‘магазин’: *delgegür degere qudaldaqu üne čeng inü* ‘торговая цена в магазине’ [БМУ. 1923. 7 окт. №2, с. 2]; п.-мо. **örtüge**, монг. *өртөг*, бур. *үртэг*, ‘себестоимость’: *temür jam-un örtüge* ‘себестоимость железной дороги’ [БМУ. 1923. 7 окт. №2, с. 2]; п.-мо. **ed-ün jasaγ**, монг *эдийн засаг,* бур. *эдын засаг*, ‘экономика’: *qolbuγatu ulus-un ede-ün jasaγ* ‘экономика федеративного государства (федерации)’ [БМУ. 1925. 10 июля. №24, с.1]; п.-мо. **körüngge**, монг. *хөрөнгө*, бур. *хүрэнгэ*, ‘имущество’: *ašiγ körüngge-iyn yabudal-i jöblükü čiγulγan-iyer batulaγulqu* ‘утвердить на совещательном съезде положение об имуществе и прибыли’ [БМУ. 1923. 7 окт. №2, с.2]; п.-мо. **tölübüri**, монг. *төлбөр*, бур. *түлбэри* ‘оплата, платёж’: *arad-i tölübüri-eče oγtolon sulalaqu buyu qanumjitai-bar könggeleltü üjegülkü-yi naribčilan kinaqu yosutai bui* ‘должны были полностью освободить население от платежей или удовлетворительно проконтролировать предоставление льгот’ [БМУ. 1924. 7 дек. №51, с. 8]; п.-мо. **asiγ**, монг. *ашиг*, бур. *ашаг* ‘прибыль’: *oron kijaγar-un γajar usun ba tedeger-ün asiγ körüngge-yi ejerken medekü arγa ügei* ‘не иметь способов владеть землей территорией края и его имуществом и прибылью’ [БМУ. 1923. 7 дек. №5, с. 2]; п.-мо. **say-a**, монг., бур. *сая* ‘миллион’ *400 say-a toγan-u kitad-un tümen arad ani erke čilöge–ben abun jabdaju bui* ‘400-миллионное население Китая собирается получить свои права и свободу’ [БМУ. 1927. 15 июня. №25, с. 1]; п.-мо. **qudaldaγan**, монг. *худалдаа,* бур. *худалдаан* ‘торговля’ *longdon qota-du saγuγa manu qudaldaγan-u elčin-u γajar-i negjin üyimegülügsen* ‘обыскали и привели в замешательство наше торговое атташе в Лондоне’ [БМУ. 1927. 15 июня. №25, с. 1]; п.-мо. **qubi**, монг. *хувь*, бур. *хуби*, ‘процент’: *100 qubi degürgegsen bayina* ‘выполнили на 100 процентов’ [БМУ. 1923. 7 окт. №2, с. 2].

Производственная лексика: п.-мо. **üyiledbüri**, монг. *үйлдвэр*, бур. *үйлэдбэри* ‘производство, промышленность’: *üyiledbüri ba erdem bolbosural-un kereg-i neliyed uraγsi debsigülün yabulaγsan* ‘значительно продвинули дело по производству и образованию’[БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 2]; п.-мо. **aju aqui**, монг. *аж ахуй*, бур. *ажахы* ‘хозяйство’: *arad-un aju aqui-yin bayidal sayijiγulun bayimui* ‘улучшают хозяйственное положение народа’[БМУ. 1925. 10 июля. №24, с. 1]; п.-мо. **ködülmüri**, монг. *хөдөлмөр*, бур. *хүдэлмэри*, ‘труд, работа’: *ködüge saγuγčid bükü ajil ködülmüri-yin irged inu* ‘сельские жители – это трудовое, рабочее население’ [БМУ. 1923. 7 дек. №5, с. 1]; п.-мо. **tonog**, монг., бур. *тоног* ‘оборудование, прибор’: *tariyalang-un üyiledbüri-yin tonog ba teüke edlel-üd kerelegdemüi* ‘использовать оборудование сельского производства и фабрикаты’ [БМУ. 1924. 28 дек. №54, с. 1]; п.-мо. **baraγ-a**, монг *бараа*, бур. *бараан*, ‘товар’: *qari ulas-un ed baraγa qudaldaju ülü abqu* ‘не покупать товары иностранных стран ’ [БМУ.

1925. 10 июля. №24, с. 4]; п.-мо. **ed keredlegdekün**, монг., бур. *эд хэрэглэдэхүүн*, ‘материал, продукция’: *ed keredlegdekün kügjigülekü* ‘развивать продукцию’ [БМҮ. 1925. 10 июля. №24, с. 6]; п.-мо. **ed**, монг., бур. *эд*, ‘вещь, материал’: 14 *qonoγ-un quγučaγa dotor ködüge ajiltan ba qota qoyar inu ed-ün solilγa üyiledümüi* ‘сельские работники и город в течение 14 суток проведут обмен товарами’ [БМҮ. 1924. 14 янв. №10, с. 1]; п.-мо **teükei ed**, монг. *түүхий эд*, бур. *түүхэй эд* ‘сырье’ *keregtei teükei ed-i abuqu* ‘брать необходимое сырье’ [БМҮ. 1924. 14 янв. №10, с. 1].

Анализ газеты «Буряад-Монголын үнэн» за 1920-е гг. показал, что общественно-политическая лексика бурят была достаточно разработанной и практически отражала все реалии того общества и соответствовала общемонгольской лексике, которая в настоящее время недостаточно представлена в современном бурятском языке. Неологизмы образовывались за счет расширения семантики слов и словосочетаний, которые впоследствии были вытеснены заимствованиями из русского языка, но сохранились в современном халха-монгольском языке и лексике шэнэхэнских бурят [Санжанов, 2013]. В связи с этим представляется возможным восстановить данную лексику в словарях и СМИ, что будет способствовать развитию современной общественно-политической лексики в бурятском языке, предотвратив излишние заимствования иностранных слов.

Литература

1. Бадмаева Л.Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012.
2. Балданжапов П.Б. Altan Tobči. Монгольская летопись XVIII в. – Улан-Удэ, 1970.
3. Дарбеева А.А. Развитие общественных функций монгольских языков в советскую эпоху. – М., 1969.
4. Дондуков У.-Ж.Ш. О развитии терминологии в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1970.
5. Летописи селенгинских бурят. Хроника убаши Дамби Джалцан Ломбоцэрэнова // Труды Института востоковедения. Т. XII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936; *Летописи* хоринских бурят. Хроники Тугулдура Тобоева и Вандана Юмсунова / пер. Н.Н. Поппе // Труды Института востоковедения. Т. XXXIII. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940.
6. Пюрбеев Г.Ц. Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. – М., 2012.
7. Санжанов Ж. Ш. Общественно-политическая лексика в исторической хронике Бодонгууд Абиды «Buriyad mongγul-un tobci teuke» 'Краткая история бурят-монголов' // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы XII Регион. конф. – Уфа, 2012.
8. Санжанов Ж.Ш. 1920-иод оны буриад аялгууны үгийн сангийн х**ө**гжил («Buriyad-Mongγul-un Ünen» сонины жишээгээр) // Монголын утга соёлын үнэлэмжид Д. Равжаа судлалын эзлэх байр. – Улаанбаатар, 2013.
9. Шагдаров Л.Д. Становление единых норм бурятского литературного языка в советскую эпоху. – Улан-Удэ, 1967.
10. Цыбиков Г.Ц. Монгольская письменность как орудие национальной культуры. – Верхнеудинск, 1928.
11. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т.2: О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии. – Новосибирск, 1981.
12. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972.

Санжанов Жамьян Шарапович, соискатель отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: elo81@mail.ru
Sanzhanov Zhamyan Sharapovich, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS.

УДК 81'255.2

© ***Т.Б. Савинова***

О лексических трансформациях в переводах бурятских пьес на русский язык
(на материале текстов драматических произведений об истории хори-бурят)

В статье рассматриваются лексические трансформации в переводах на русский язык бурятских пьес на примере исторической драмы «Бальжин хатан» Д. Эрдынеева и исторической пьесы «Кнут тайши» Х. Намсараева.

Ключевые слова: перевод, переводческие трансформации, лексические переводческие трансформации, лексические единицы с широкой семантикой, историческая пьеса.

T.B. Savinova

On lexical transformations in the translations of the Buryat language plays into the Russian language
(on the material of dramatic works on the history of the Hori-Buryats)

The article discusses the lexical transformations in translations of the Buryat plays into the Russian language on the example of D. Erdyneev’s historical drama «Balzhin khatan» and Kh. Namsaraev’s historical play «Knut taishi».

Keywords: translation, translation transformations, lexical transformations, lexical units with broad semantics, historical play.

Процесс перевода всегда трудоемок и сложен. Переводчик затрачивает массу усилий для того, чтобы адекватно перенести смысл устного высказывания или письменного текста с одного языка на другой. Особенную сложность представляет, конечно же, перевод художественного произведения, ведь художественный стиль характеризуется образностью, эмоциональностью речи, предполагает использование самых различных средств художественной выразительности – тропов, нередко писатели при создании своих произведений прибегают к использованию не только литературного языка, но и устарелых диалектных и просторечных слов. Перед переводчиком стоит очень сложная и важная задача – перенести художественное произведение на другой язык, не исказив его первоначального смысла и не растеряв особенного, «индивидуального» обаяния, дать адекватный, эквивалентный перевод. Перевод – это возможность взаимопонимания людей с разной ментальностью, возможность диалога культур, возможность обмена духовными ценностями. Б. Пастернак давал очень высокую оценку роли переводов в межкультурном общении: «Переводы не способ ознакомления с отдельными произведениями, а средство векового общения культур и народов» [Пастернак, 1990, с. 160].

Переводные произведения не только являются инструментом межкультурных коммуникаций, но и, как пишет Ю.Л. Оболенская, «становятся частью национальной литературы, способствуют ее обогащению и развитию, а с другой стороны, в значительной степени благодаря переводам происходит распространение литературных жанров и стилей, художественных приемов и т.п.». [Оболенская, 2006, с. 3].

Изучением вопроса переводов занимались известные лингвисты Я.И. Рецкер, В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, А.М. Фитерман, Г. Гачечиладзе, Е.М. Верещагин, В.Ю. Хундаев и др. Но, несмотря на это, проблема межъязыковых (переводческих) трансформаций остается актуальной, так как профессиональный перевод не может быть выполнен без преобразований. Кроме того, постоянно продолжают вырабатываться приемы и принципы перевода, который на ранних этапах своего существования стремился к буквальному копированию оригинала, что приводило к искажению смысла, изменению стиля и манеры повествования. Позже ряд переводчиков выступали за допустимость свободного перевода, что так же неприемлемо на современном этапе его развития. Справиться со сложной задачей адекватного перевода сегодня помогают переводческие (межъязыковые) трансформации, обусловленные некоторыми различиями исходного и переводящего языков.

Я.И. Рецкер обозначает трансформации как «приемы логического мышления, с помощью которых мы раскрываем значение иноязычного слова в контексте и находим ему русское соответствие, не совпадающее со словарным» [Рецкер, 1974, с. 38]. Следующее определение межъязыковым трансформациям находим в книге «Теория и методы перевода» Р.К. Миньяр-Белоручева: «Трансформация <…> заключается в изменении формальных (лексические или грамматические трансформации) или семантических (семантические трансформации) компонентов исходного текста при сохранении информации, предназначенной для передачи» [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 201]. Л.С. Бархударов пишет: «Переводческие трансформации – это те многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, которые осуществляются для достижения переводческой эквивалентности («адекватности перевода») вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [Бархударов, 1975, с. 145]

Я.И. Рецкер выделяет всего два типа переводческих трансформаций: грамматические и лексические. Грамматические трансформации, по его словам, предполагают замену частей речи или членов предложения, а лексические трансформации, впервые описанные ученым, включают в себя семь разновидностей: конкретизация, генерализация, дифференциация значений, антонимический перевод, компенсация потерь, возникающих в процессе перевода, смысловое развитие и целостное преобразование.

В.Н. Комиссаров выделяет такие виды трансформаций, как лексическая, грамматическая и комплексная. В качестве лексических трансформаций он называет транслитерацию, переводческое транскрибирование, калькирование, некоторые лексико-семантические замены (модуляцию, конкретизацию и генерализацию), в качестве грамматических трансформаций – дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения, объединение предложений. К комплексным или лексико-грамматическим трансформациям он относит экспликацию (описательный перевод), антонимический перевод и компенсацию.

Несмотря на то, что существует множество вариантов классификаций переводческих трансформаций, тем не менее, ученые солидарны друг с другом в том, что это деление достаточно условно, так как трансформации могут сочетаться

и между ними невозможно провести четкого разграничения.

Попытаемся проследить функционирование лексических трансформаций в переводах бурятских пьес «Кнут тайши» Х. Намсараева и «Бальжин хатан» Д. Эрдынеева переводчиками Е. Феличевым (Е.А. Фельдман) и И.В. Фроловой [Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века]. В качестве материала исследования используются оригинал пьесы «Тайшаагай ташуур» («Кнут тайши»), опубликованный в третьем томе собрания сочинений Х. Намсараева «Үльгэрнүүд, зүжэгүүд» (1988) и оригинал пьесы «Бальжан хатан», опубликованный в сборнике произведений Д. Эрдынеева «Үйлын үри» (Улан-Удэ, 2006). Для методологической основы берется классификация, предложенная В.Н. Комиссаровым, так как она, по нашему мнению, является наиболее универсальной.

Итак, говоря о лексических трансформациях, рассмотрим переводческое транскрибирование, транслитерацию, калькирование и лексико-семантические способы трансформации. Переводчики прибегают к использованию лексических трансформаций тогда, когда в исходном тексте встречаются нестандартные языковые единицы на уровне слова, которые не имеют своих аналогов в переводящем языке. Это могут быть имена собственные, слова, обозначающие явления, предметы и понятия, характерные для культуры языка оригинального текста.

Переводческое транскрибирование – это способ лексической трансформации, который с помощью фонем переводящего языка создает фонетическую имитацию исходного слова в переводящем языке. В переводах пьес «Кнут тайши» и «Бальжин хатан» и находим следующие примеры: *тайжа – тайша, ноён – нойон, Тарба – Торба, гүрэмбэ – гурэмбэ, Бүүбэй хаан – Буубэй-хан, Алтан хаан – Алтан-хан, Баргуджин-Түхэм – Баргуджин Тукум, түмэд – туматы, барга – баргуты, буряад – буряты, чахар – чахары, хорчин – хорчины, Барга-Баатар – Барга Батор, Хоридой-Баатар – Хоридой Батор, Эрдэни-Дзуу дасан – Эрдэни-Дзуу дацан, Хухэ-Нуур – Кукунур, Байгал – Байкал, Хобдо – Кобдо, Халха – Калка, манжанар – маньчжуры, Үлирэнгэ – Урулюнгуй, Үргэнэ – Аргунь, торгуут-монгол – торгут-монгол, Хүхэ хото – Хух-Хото*.

Также достаточно широко распространен транслитерационный способ перевода, который предполагает формальную (буквенную) имитацию исходной лексической единицы. В процессе транслитерации исходное слово приобретает форму, приспособленную для произносительных особенностей переводящего языка.

Так как и в русском, и в бурятском языках за основу взята кириллица, в фонетическом строе языков наблюдается относительно небольшое количество расхождений. Наличие в основе двух языков одного алфавита и схожесть в произношении звуковых единиц языка обусловливают сложность разграничения транслитерационного способа и способа переводческого транскрибирования. В качестве транслитерационного способа перевода можно указать следующие примеры: *Ринчин-Доржо Дымбылов, Зата, Дэбэр, Гоншог, Сонинпол, Улаахан, Сэмпил, Дай-хун, Зэлмэ, Бальжин-хатан, Хархан, Уувы, Бабжи, Богдо Чингис, Хорилартай Мэргэн, Ошор-Вани Бурхан, Бурхан Гурбан Эрдэни, Онон*.

Наиболее часто эти способы используются при переводе слов, обозначающих имена собственные, географические названия, явления, материальной и бытовой сферы жизни, присущих определенной культуре, с целью сохранить специфичность жизненного уклада соответствующего народа в переводе, даже если в переводящем языке есть свои аналоги.

Калькирование встречается реже, чем рассмотренные способы трансформаций, и предполагает замену составных частей лексической единицы языка оригинала – морфем, слов в устойчивых словосочетаниях их лексическими соответствиями в языке перевода. Сущность калькирования заключается в копировании структуры исходной лексической единицы и создании нового слова или устойчивого словосочетания в переводящем языке. При использовании приема калькирования возможно нарушение порядка слов в калькируемых элементах. Примеры: *галзуудай гулваа – глава галзутов, хальбанай гулваа – глава хальбинов, батанайн гулваа – глава ботанайцев, бодонгуудай гулваа – глава бодонгутов, хуасайн гулваа – глава хуасайтов, Хори-Түмэдэй Алтан Хаанай зай басаган – внучка хори-туматского Алтан-хана, Барга-Монголой Бүүбэй хаанай хүбүүн Дай-Хун – сын баргутского хана Буубэя Дай-Хун, Нютагай Эзэд – Хозяева местности, Бурхан-Сахюусад – Боги-Хранители, Бурхан Тэнгэриһээ – от Бога Неба, Газар Эхэһээ – от матери Земли, Ехэ Монгол Улас арадай – Великого монгольского народа, Хитадай хэрэм сагаан хана – Великая Китайская стена, хориин арбан нэгэн эсэгэ – одиннадцать родов хоринских бурят, хориин арбан нэгэн эсэгын ахалагша тайшаа – главный тайша одиннадцати хоринских родов, Ехэ Үргээ – Большой дворец, Бага Үргээ – Малый дворец.*

Для перевода многозначных слов переводчики прибегают к лексико-семантическим трансформациям, которые предполагают перевод ис-

ходной лексической единицы с помощью слова переводящего языка, которое не соответствует семантически, но подходит логически. Лексико-семантические трансформации включают в себя такие способы, как генерализация понятия (замена частного общим), конкретизация понятия (замена общего частным), модуляция (смысловое развитие).

В процессе анализа переводов пьес «Кнут тайши» и «Бальжин хатан» нам удалось найти примеры лексико-семантических трансформаций. Например, при переводе предложений: «*Хориин главна тайшаа Ринчин-Доржо Дымбыловэй* ***гэртэ»****. – «****Комната в доме*** *Ринчин Доржо Дымбылова»; «Хэн танда жут****өөрхөө*** *юм, харин* ***өөрөө****л энэ тэрэ* ***ноёд*** *шамайе хараба, энеэлдэбэш гэжэ байжа бахалуурдагша бажуугша бэшэ аалта!» «Кто вас ревнует? Не сами ли вы всякий раз хватаете меня за горло и душите, когда* ***кто-либо из нойонов или русских чиновников*** *взглянет на меня…»* – наблюдается использование способа конкретизации понятия: слова с широким семантическим полем: *гэр – дом, ноёд – ноёны (начальство)* заменены словами с более узким семантическим полем или уточняющими словосочетаниями: *комната в доме, кто-либо из ноёнов или русских чиновников.* Часто встречается замена глаголов движения с более широкой семантикой в бурятском языке *ерэхэ*, *ошохо* конкретизирующими глаголами с более узкой семантикой *приезжать, приходить и уезжать, уходить* в русском языке. Например: *«Ноёной Санкт-Петербургд* ***ошоһоной*** *хойно ямаршье жаргалтай байгаа һэнбибди даа…» – «Ах! Как мы хорошо жили, когда тайша* ***ездил*** *в Петербург!»; «Зай,* ***ошожо*** *харалши, һайднарнай сугларба гу?» – «Ну-ка,* ***сходи*** *посмотри, прибыла ли знать?»; «Газаа нэгэ хүн* ***ерээд*** *байна.» – «К вам* пришли*, госпожа»; «Ахай ноён* ***ерэбэл****!» – «Тайша* ***едет****!»; «Мэнэ һая Ирхүү* ***ошожо ерээ*** *хамнайб!...<…> Дымбылов ноён Санкт-Петербург* ***ошохын*** *ябадал хэжэ байха үед****өө*** *Ирхүүгэй губернаторта 5 мянган тухэриг эдилтэ үгэһэн байгаа гэжэ нэгэ чиновнигһоо дуулааб.» – «Видишь ли я недавно* ***ездил*** *в Иркутск…<…> Ну и там узнал от одного чиновника, что тайша, для того чтобы* ***поехать*** *в Санкт-Петербург, дал иркутскому губернатору взятку в пять тысяч рублей».* В бурятском языке слова *ерэхэ* и *ошохо* имеют более широкую семантику – передвижения по направлении к говорящему или от говорящего пешком или используя тот или иной транспорт, однако в русском языке два разных способа передвижения выражаются разными глаголами: *приехать, прийти* и *уехать, уйти.* Переводчик при переложении текста с бурятского языка на русский, исходя из контекста, выбирает один из подходящих глаголов.

Процесс обратный предыдущему способу – генерализация понятия – используется при переводе такого предложения: *«Таниие хулеэжэ ядаад, дуулаха басагад,* ***бэреэд*** *олон юм бэшэ аал?» – «Мало ли девушек и* ***женщин*** *ожидали вас?».* В данном предложении видовое понятие *бэри – невестка* очень удачно заменено родовым понятием *женщина,* так как перевод предложения оказался бы непонятным для русскоязычного читателя. В переводе предложения: *«Минии* ***тархимни үбдэшэбэ****, ошожо амархам» – «****Нездоровится мне****: пойду отдохну»* – так же головная боль как разновидность недомогания человека вполне оправданно передана более общим понятием, тогда как дословный перевод «У меня заболела голова, пойду отдохну» не позволяет избежать буквализма и выглядит несколько «тяжело». В реплике Гурэмбэ ламы *«****Обоо мунхан, найр наадан*** *дээрэ ахай ноёной гүйг****өө****шэ тургүлжэ ерэхэ ёһотой байна даа»* подразумеваются конные скачки, которые проводятся по разным случаям: в рамках праздника поклонения местности или во время летних народных игр и представляют собой видовые понятия. Однако в русском варианте текст выглядит в трансформированном виде, две разновидности конных состязаний заменены одним общим родовым понятием: *«Да и на* ***скачках*** *приятно увидеть, что первым приходит к цели конь главного тайши».*

Модуляция предполагает более углубленное смысловое толкование той или иной лексической единицы или словосочетания. Переводчик должен уловить, правильно понять смысловое содержание высказывания и найти более конкретное и стилистически уместное контекстуальное решение. Сущность процесса модуляции сводится к замене предмета, процесса (действие или состояние, выраженное глаголом) или признака, выраженного на языке оригинала, другим предметом, процессом или признаком на переводящем языке, логически связанным с ним. При этом возможна замена предмета признаком, предмета процессом, признака процессом, процесса предметом и т.д.

В переводе пьесы «Кнут тайши» находим следующий пример: *«Ши хэрээһэ зүүхээ һанаа гүш?» – «Ты что хочешь окреститься?».* В данном примере переводчик проводит смысловое развитие по принципу замены следствия причиной. Перевод с помощью приема смыслового развития представляется удачным и оправданным, т.к. буквальный перевод предложения: «Ты хочешь носить крест?» – является некорректным.

Следующие примеры иллюстрируют процесс

замены причины следствием: *«Мүн**өө** таниие хаан гэжэ нэрлэхэ аргамгүй, хэлэһэн үгэтнэй худал!» – «Я больше не должен называть вас ханом, все ваши слова ложь»; «Булта яһа хэлэнэй, шажан шүт**өө**нэй, үнгэ жүһын илгаануудые дабаһан хүнүүд» – «Они изучили и могут распознать самые разные языки и верования»; «Тиигээд тэрэ ноён энэ хатандаа оробол бүри һайхан хатаниие оложо абахын тулада **өө**рынг**өө** албатанар соохоо гоё һайхан басагадые бэдэрүүлдэг болоо һэн ха» – «А нойон не ценил жену: всё искал девушку, которая затмила бы своей красотой прелестную супругу»; «Хатан эгэшэ, ноён тухайдаа яагаа хатуугаар айлдана гээшэбта?» – «О, дорогая госпожа, нельзя быть слишком строгой к нойну-тайше».* Благодаря подобной трансформации, предложения в русском переводе выглядят очень органично.

К примеру, при переводе предложения, звучащего от лица Бальжин хатан в одноименной пьесе Д. Эрдынеева: *«Уувы тайжада мэхэлүүлхэгүй гэнэб!» – «Я объясняю, как не дать Уувы тайже обвести нас вокруг пальца»,* – происходит процесс модуляции путем замены следствия процессом. В данном предложении переводчик заменяет бурятское слово *мэхэлүүлхэгүй* – «не быть обманутым», «не стать обманутым» образным выражением «не дать обвести вокруг пальца». Прием перевода, предпринятый переводчиком, представляется неизбежным, так как всевозможные варианты перевода: «Я не хочу, чтобы мы были обмануты Уувы тайжой», «Я хочу, чтобы Уувы тайжа не смог нас обхитрить» и т.д. – нарушили бы стиль произведения. Перевод, предложенный И.В. Фроловой, представляется высокохудожественным.

Смысловое развитие путем замены процесса его причиной демонстрирует перевод предложения *«Бидэндэ таниие ерэхэ бэзэ гэжэ найдажа ябаабди» – «Мы все время ждали вас»,* но перевод не передает всей полноты эмоциональной составляющей предложения и хотелось бы предложить другой вариант перевода: *«Мы постоянно жили в надежде, что вы к нам приедете».* Русский перевод предложения *«Яагаад маниие хамгаалха хүмши гэжэ һанабалши даа Дай-Хумни» – «Дай-Хун, как же ты надумал поступить»* – произведен путем модуляции по принципу замены процесса его следствием. Данный пример также представляется не совсем удачным, далеким от оригинала. Возможен следующий перевод предложения: «Дорогой мой Дай-Хун, ты ведь подумал, что я не способен вас защитить».

Процесс смыслового развития путем замены причины процессом происходит при переводе следующего предложения с бурятского языка на русский язык: *«Иихэдээ таанад Монгол оронойнгоо зүүн хизаарта эхилһэн ехэ, ехэ дэмбэрэлтэ хэрэгүүдһээ үлэжэ байна ха юмта!» – «Я здесь для того, чтобы вы не остались в стороне от больших, великих событий, происходящих на востоке монгольской стороны».* Перевод данного предложения, хоть и имеет альтернативу: «В таком случае, вы отстаете от великих событий, которые происходят на востоке монгольской стороны», но является более подходящим.

Исходя из вышеизложенного видно, что семантические несовпадения лексических единиц, многозначные слова, различия в логике, культуре исходного и переводящего языков представляют большую сложность для переводчиков при работе над текстами. Для успешного применения различных переводческих трансформаций, в частности лексических, от переводчика требуется хорошее владение языками оригинала и перевода. Понимание текста перевода читателем зависит от того, насколько правильно переводчик сумел уловить смысл, контекстуальное значение слов и как успешно преобразовал их в текст языка перевода, используя лексические трансформации. Помимо хорошего владения исходным и переводящим языками переводчику необходимо иметь представление и о культуре народов двух языков.

Литература

1. Антология литературы Бурятии XX – начала XXI в.: в 3 т. Т. III: Драматургия / сост. С.С. Имихелова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории переводов. – М., 1975.
3. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: курс лекций. – М., 1999.
4. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М., 1996.
5. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. – М., 2006.
6. Пастернак Б. Об искусстве. – М.: Искусство, 1990.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974.

Савинова Туяна Баировна, ассистент кафедры восточных языков, аспирант Бурятского госуниверситета. Тел: (3012)452777, +7-9246599650. E-mail: tuyanasavinova@mail.ru

Savinova Tuyana Bairovna, assistant teacher, department of oriental languages, postgraduate student, Buryat State University.

УДК 821.512.31

© ***И.В. Булгутова***

Структура поэтического образа в поэзии Н. Нимбуева: особенности символизации и метафоризации

В статье рассматриваются особенности символизации и метафоризации в творчестве Н. Нимбуева, поэтических ассоциаций в процессах синестезии и суггестии, устанавливаются синтез и взаимодействие различных видов восприятия. Выявляются вещественность и конкретность поэтического восприятия Н. Нимбуева в процессе символизации как черта национального художественного мышления.

Ключевые слова: Н. Нимбуев, символ, метафора, символизация, синестезия, суггестия, ассоциация, виды восприятия.

I.V. Bulgutova

The structure of poetic image in N. Nimbuev's poetry: peculiarities of symbolization and metaphorization

The article analyzes the peculiarities of symbolization and metaphorization in N.Nimbuev's poetry, his poetic associations in the processes of synesthesia and suggestion, synthesis and interaction of different types of perception are traced. The materialness and concreteness of N. Nimbuev's poetic perception are revealed in the process of symbolization as a feature of national artistic thinking.

Keywords: N. Nimbuev, symbol, metaphor, symbolization, synesthesia, suggestion, association, types of perception.

Исследование национальных истоков художественной образности в лирике Намжила Нимбуева представляет собой сложную и интересную проблему, связанную с языком поэтического выражения. Поэт писал на русском языке, но в то же время сумел воплотить на уровне художественной структуры принципы национального мышления. В частности, мы рассматривали в одной из своих работ «Символ сердца в поэзии Н. Нимбуева» [Фролова, с. 191-194] такую особенность символизации, как акцентирование вещественного плана и предметного уровня символа, что, по нашему мнению, происходило под влиянием родного языка поэта. В бурятском языке уже на уровне грамматической структуры строятся образы, которые предельно подчеркивают материальный план существования вещей для актуализации плана духовного. Конкретность и детальность в раскрытии материи проявляются и в том, что структурирование образов опирается не только на зрительно-слуховое восприятие, но и на осязательное, что подчеркивает еще раз вещественность. Самим языком определяются представления о наличии связи «плотного» мира вещей и «тонкого» мира идей, и представление об одухотворенности материального плана коренится не только в анимизме, но и базируется на символическом моделировании реальности. Вследствие этого символизация является неотъемлемой чертой в бурятской художественной традиции.

Образность в лирике Н. Нимбуева интересна по принципам структурирования, по способам метафоризации и символизации. «Символ очень близок к метафоре, но он не есть метафора. И в символе, и в метафоре идея вещи и образ вещи пронизывают друг друга, и в этом их безусловное сходство. Но в метафоре нет того загадочного предмета, на который ее идейная образность только указывала бы как на нечто ей постороннее» [Лосев, 1976, с. 153].

Примечательно, что в цитате А.Ф. Лосева разводятся понятия «идея вещи» и «образ вещи», развивая эту мысль, можно предположить, что символ экстраполирует от «идеи вещи». Вещность же, будучи выраженной в конкретно-детализированной форме, становится противоположным полюсом «идеи вещи», сам же путь протекания информации от полюса к полюсу позволяет реализоваться множеству значений и дает бесконечное поле для интерпретации символа. Символическое мышление всегда предполагает наличие и связь между материальным планом явлений и идеальным началом «неявленного».

Для поэтического мышления Н. Нимбуева характерно не просто образное видение человеческих чувств, а их конкретная овеществленность в деталях, во всей полноте материального существования. Примечательна следующая цитата: «Мои чувства, конечно, выглядят старомодно, как важный сухонький старичок в соломенной шляпе-канотье и в галошах "прощай, молодость" времен нэпа, не вызывая ни доверия, ни уважения, кроме единственно исследовательского любопытства. Наверное, мне надо было родиться двумя-тремя веками раньше где-нибудь близ Барселоны» [Нимбуев, с. 6] В идеальном плане мысли здесь выражено ощущение несовпадения собственного опыта поэтических прозрений своему времени, причем в проекции к прошлому, хотя объективно поэты, как правило, предвосхищают свое время, т.е. опережают его. Это ощущение ненужности, собственной неуместности, будучи выраженным в слове, наоборот, ста-

новится способом утверждения наличия своего видения, самопрезентации в мире: как бы мои чувства ни «выглядели» – они есть «здесь и сейчас». Конкретность деталей образа «важного сухонького старичка», рисуемого воображением поэта, одновременно означает предельную степень абстрагирования и удаления от самих «моих чувств» как явления идеального плана, и в то же время это предельно живой в своем материальном воплощении и явленности образ, который призван вызвать соответствующие авторской задаче мысли и ощущения читателя. Для анализа образной структуры, таким образом, важно понимание авторской направленности чувства, его «внушения» – «суггестии» в движении между семантическими оппозициями.

Явленная вещественность в символе может лишь только сигнализировать о сущности «неявленного», лишь давая общее направление для восприятия. Не случайны в поисках символистов попытки осознать именно план суггестивности. «В искусстве письма символ возникает тогда, когда образ или последовательность образов, связь слов, звучание музыки дает нам возможность угадать идею, открыть ее так, как если бы она родилась внутри нас» [Энциклопедия символизма, с. 388].

Исследование символического уровня в поэзии Нимбуева плодотворно, потому что план духовной жизни человека, внутренние процессы, мысли, переживания у него получают чувственно-емкое раскрытие (в единстве различных видов восприятия) и начинают соотноситься с предметами материального мира. Мы рассматриваем здесь один из аспектов символического моделирования мира, а именно способы и приемы символизации с целью выявления закономерностей построения образов, особенностей поэтического осознания мира, соотношения чувств на уровне телесного восприятия (слуха, зрения, обоняния, осязания и т.д.) и рефлексии ментального плана. Безусловно, тут можно поставить проблему специфики символа и символизации в творчестве поэта, так как здесь наблюдается определенного рода синтез, присущий именно символическому постижению мира. Как известно, один из теретиков символизма Малларме видел в слове «символ» эквивалент понятия «синтез» и считал, что «символ является живым воплощением синтеза, которое не нуждается в рациональном восприятии» [Энциклопедия символизма, с. 388]. Обращают на себя внимание два процесса: материализация бесплотного и идеализация вещественного.

Рассмотрим образы дыхания в нимбуевской поэзии, так как, с одной стороны, это фиксируемый процесс на физиологическом уровне, с другой – в плане материального выражения сам результат бесплотен, неуловим, это явление пограничное, не случайно дыхание связано с тайной жизни-смерти (материи-идеи).

В финале стихотворения «Письмо девушке» возникает материализация бесплотного: заключительный образ морозного дыхания как «белых роз на устах» [Нимбуев, с. 11] вырастает на основе целого ряда внешних явлений, соотносимых с внутренними переживаниями. Все же стихотворение построено на передаче ощущения холода внешнего мира, который совпадает с осознанием холода душевного от бесплодного ожидания любимой на свидании. В символическом же образе же «белые розы на устах» видим понимание и приятие ситуации лирическим героем. Осязательность образов становится одним из способов материализации тонкого мира. Например, в стихотворении «Смерть актера» его последнее дыханье олицетворяется в образе птицы-голубки-души, увиденной во всей ее реальной конкретности, оно «выползло наружу, болезненной кроткой голубкой, царапая хрупкими крыльями» [Нимбуев, с. 94]. Здесь налицо логика архаического инкорпорированного мышления, о котором писал А.Ф. Лосев: «…можно сформулировать так: что имеет значение для какой-нибудь определенной вещи, то имеет значение и для всяких других вещей, если они достаточно близки к ней в том или ином пространственно-временном отношении… Приведем для примера несколько умозаключений, как они строятся в инкорпорированной логике. Жизнь человека кончается с последним вздохом, и мертвый человек не дышит. Следовательно, причина жизни, или душа, есть дыхание. Дыхание вылетает из рта умирающего в виде облачка и летит по воздуху. Птицы тоже летают по воздуху. Следовательно, душа есть птица» [Лосев, 1982, с. 270-271].

Не случайно в нимбуевском стихотворении возникает метафора «железного занавеса» смерти как границы, где уже видится соотношение с профессией актера. Это метафора, а не символ, потому что направляет мысль и восприятие в реальность. Процесс взаимодействия реального и идеального планов у Нимбуева четко прослеживается в деталях: так, голубка-дыхание-душа выползает из рта актера, «истонченного армией монологов». Слова как объект тоже представляют собой пограничное явление, а наблюдение поэта фиксирует их проявленность в действии и результате они оказались способны «подточить», «истончить» тело человека в его материальной плотности. Своеобразие символики в творчестве

Нимбуева – в наглядности, особой пластичности и зримости вещественного плана, так в поле значений от голубки к душе человека создается убедительность и достоверность каждого уровня, т.е. делается попытка фиксации высших идеальных уровней символа, недоступных непосредственному восприятию.

Рассмотрим в таком контексте символизацию слова в творчестве Нимбуева. Слово, бесплотное как звук, проявляющееся в материальном мире как результат, почти всегда ассоциируется с плодом, в данной цепочке ассоциаций символ слова как яблока понятен в поэзии всех народов, в том числе и библейский образ «запретного плода» – яблока. «Стою на планете / Под деревом моей родины. / Играю словом – / румяным краснощеким яблоком, / Подкидываю и ловлю его / Подкидываю и ловлю его» [Нимбуев, с. 57] – это нимбуевский образ поэзии. «Дерево и планетарный масштаб дают скрытое направление лиры Нимбуева – соотнесение своего родного, национального с общечеловеческим. И яблоко в этих координатах оказывается больше, чем образ, оно превращается в символ самого поэта Намжила Нимбуева, играющего своим сердцем, своим поэтическим миром, раздираемым Родиной и “планетой» [Сибиданов, с. 128-129].

Символ слова у Нимбуева вбирает в себя значение созидания и «плодотворности» слова как божественного акта «творения». Так, поэт идет по ночному городу с яблоками и дает их манекенам: «Те / съедают их, брызжа налившимся соком / на чудесные модные платья свои. / И тотчас в синтетической мертвой груди / появляются формы пунцового женского сердца, / а согретые кровью безжизненно бледные руки / поправляют невольно чудесные модные платья» [Нимбуев, с. 166]. Конкретность описания яблока как вещи не лишает его символической сущности образа, наоборот, творимая яблоками тайна «оживления» и отсылает к слову, единственно которым и владеет поэт.

Ассоциативная цепочка возникает благодаря логике инкорпорированного мышления, например, следующим образом: «Не шуми, цветущая яблоня, не роняй розовых аистят, рожденных умирать на закате» [Нимбуев, с. 21]. Здесь «аистята» равны по функции «яблокам-словам» (вспомним и пастернаковское «Давай ронять слова, как сад янтарь и цедру») и одно из символических значений этого образа – слово. Птица символизирует не только душу и слово, но и может выступать в лирике Нимбуева символом языка, причем все эти понятия внутренне соотнесены между собой. Так, в стихотворении «Русский язык» голубка – символ русского языка, а беркутенок – бурятского: «Ты голубем вьешься, воркуешь о чем-то / в гортани моей – колокольне своей, / а рядом, как память о древних монголах, / как их осуждение блудного сына, / сидит беркутенок в моем подъязычье» [Нимбуев, с. 79]. Можно проследить, как от конкретных черт и признаков рождается и растет символическое поле смыслов: птица как живое существо совмещает в себе материальную явленность и идеальную сущность. Метафора и символ же различимы по направленности познающего сознания, символ идет в глубину сущности явлений, намекая на нее, внушая определенный комплекс чувств. «Символ вещи есть ее отражение, однако не пассивное, не мертвое, а такое, которое несет в себе силу и мощь самой же действительности. Поскольку однажды полученное отражение перерабатывается в сознании, анализируется в мысли, очищается от всего случайного и несущественного и доходит до отражения уже не просто чувственной поверхности вещей, но их внутренней закономерности» [Лосев, 1976, с. 65].

Особая пластичность образов в лирике Нимбуева достигается за счет сочетания разных способов восприятия: слухового, осязательного, зрительного. В строке «Будь у меня голос, /атласный, гортанный,/ словно гарцующая / на цыпочках сабля» [Нимбуев, с. 47] прослеживается, как Нимбуев дает определения параметров звукового восприятия через осязательный уровень и кинетику. Такая характеристика создает определенный комплекс, позволяющий увидеть привычные явления с необычной стороны. Метафора «атласный голос» сочетает озязательный и зрительный моменты восприятия, сравнение же человеческого голоса с саблей восходит к традиционному в бурятском языке определению красивого сильного голоса как *хурса хоолой* – букв. «острый голос», т.е. способный проникнуть до глубин человеческой души. Кинетическая характеристика звуков в поэзии Нимбуева свойственна при определении музыки: «…как под бризом водорослей ветви, / возникают зыбкие созвучья / и сплетают беглые картины, / словно на заглохшую веранду заползает дикий виноград» [Нимбуев, с. 41]. В данном примере взято движение в масштабе большого времени, которое не поддается непосредственному эмпирическому наблюдению, что должно раскрывать суть музыки как причастной вечности. Данное сравнение созвучий и процесса развития уже по нисходящей линии концентрирует в единство образ ощущения музыки.

Восприятие звуков речи, ритмики всегда важно для поэтического осознания действительности, а установление их связи с движением позво-

ляет создать зримость бесплотных явлений, дает возможность их фиксации. Например, дается такая поэтическая характеристика имени Юя: «…дунь осторожно/ смеющийся звук / выпорхнет в небо, как птица из рук» [Нимбуев, с. 129]. Этот прием используется Нимбуевым и с другой стороны: возможна и характеристика движения через музыкальные образы, т.е. через звук. Таков образ в стихотворении «Утренний намаз», в котором лирический герой обращается с призывом к тишине ко всему миру (яблоне, журавлям, грачонку), чтобы услышать движение рук любимой, как музыку: «Тише, ради бога, тише! / На пороге моей скромной хижины / любимая расчесывает волосы, / словно играет / на золотистострунной арфе» [Нимбуев, с. 21]. «Ритм не есть простое соединение слов согласно определенному метру; ритмическими могут быть то или иное согласование идей, музыки мыслей, подчиненное тонким правилам их распределения» [Тагор, с. 96]. В ритмической основе этого стихотворения – своеобразная мелодия чувств человека: три раза следует обращение к природным образам, а заключительным аккордом служит установление музыки, т.е. ритма, в движениях любимой.

Очень часто при необходимости показа внешности человека у Нимбуева возникает не зрительная характеристика, а осязательная, так, например, он видит лицо любимой ладонью: «Оно/ под ладонью моей/ юно/ и так трепетно ново, любовным теплом отвечая на ласки» [Нимбуев, с.14]. Или же другой пример: «…чтобы создать мой мысленный портрет, / ты чуть коснулась пальцами лица. / И чудится: блаженствую в степи,/ сквозь сомкнутые веки светит солнце, / и по лицу порхают махаоны...» [Нимбуев, с. 43]. Не случайно этот образ повторяется в обратной направленности в стихотворении о встрече после разлуки: «Руки мои ослепли, / тепло твоих рук позабыли» [Нимбуев, с. 24]. Такой синтез при постижении мира позволяет Нимбуеву легко подменять параметры одного вида восприятия другим, как бы переключая регистры и каналы, в основе же цельности создаваемого образа – интуитивное ощущение единства чувственно-осязательного, ментального уровней духовной жизни человека.

О! – восклицал я, любуясь рассветом,
глядя, как море мерцает во мгле.
О! – повторял я: поведать об этом
не было праздничных слов на земле.
О! – восторгался я, грудь обнажая,
балуясь с ветром над бухтой сонной...
Вдруг, словно крикам моим подражая,
выплыло круглое красное солнце.

[Нимбуев, с. 172].

Здесь наивысшим моментом и исходом развития чувства восхищения при восприятии окружающего мира становится солнце как материализация чувства, выражаемого междометием «О!». Это очень древний момент: тождество звука и солнца имеет основой ощущение человеком себя как тождественного космосу, ведь звук из его груди не просто сопоставляется с солнцем, а их совпадение по моменту появления и есть наивысший момент по ощущению.

Материализация и овеществление звуков свойственны поэтическому мышлению Нимбуева в целом и могут браться в качестве исходного образа: «Трех грустных / седых аистят / вскормил я под сердцем / в тоскливые дни неудач: / “Се ля ви”« [Нимбуев, с. 140] Аистенок, аистята – один из своеобразных образов нимбуевской поэзии, приобретающий символическое звучание, вместе с тем всегда сохраняющий конкретность наименования. Здесь можно увидеть в зримой оксюморонности «седых аистят» не только сами слова как звукокомплексы, но и разъясняние глубинной проживаемой правды чувств. Также при характеристике звуков речи у Нимбуева подключается план обоняния: «…их речь скупая – аромат сандала, цветущего раз в десять лет» [Нимбуев, с. 51]. Образ, возникающий на основе ассоциативных смежных связей по месту образования, в стихотворении «В родном улусе» раскрывает ценность слов, сказанных представителями старшего поколения. При характеристике бурятского акцента в русской речи в стихотворении «Русский язык» также раскрывается образ «аромата речи»: «И речь моя русская пахнет внезапно полынною степью, звездой, табунами, скрипучим седлом...» [Нимбуев, с. 79]. Единство ассоциативных рядов, возникающее при работе различных органов восприятия в комплексе, создает художественно достоверную картину мира.

Зримость звуков раскрывается в метафоре «фейерверк серебряных аккордов» [Нимбуев, с. 36], создавая единство ощущения при сочетании разноплановых параметров: «фейерверк» и «серебро» – эти зрительно воспринимаемые образы внешнего блеска применяются для передачи и характеристики звукового регистра. Так, образом нетерпеливого радостного ожидания возлюбленной становится «фейерверк гулких горошин копытного цокота» [Нимбуев, с. 127], общая закономерность образа в овеществлении бесплотного звука и соответственно чувства лирического героя. Так через синтез различных видов восприятия создается цельный образ. В образности Нимбуева достаточно часто прослеживается зрительное восприятие звука, таково и сравнение «незрячих улочек, кривых, как соловьиные ко-

ленца» [Нимбуев, с. 13], «кривизна» и переливы соловьиной песни увидены в данном случае топографически.

В стихотворении «У картины Левитана» не просто описание самой картины, но и делается попытка описания первоосновы живописного образа – состояния осенней природы. Попытку воссоздания человеческого восприятия и ощущения в его целостности можно проследить в уже начальных строках:

Пронзительное золото листвы,
как вкус воды в серебряном кувшине.
В пруду мерцает терпкое вино,
Настоянное на медовых травах.

[Нимбуев, с. 85]

Метафоры, употребляемые Нимбуевым в данном стихотворении, совмещают зрительные ощущения с вкусовыми, сравнение с водой в серебряном кувшине выразительно оттеняет чистоту цвета, в свою очередь, вода в пруду тоже метафорически выражена в образе терпкого вина (здесь, возможно, аллюзия на гомеровский образ «виноцветного моря»). Картина осенней природы далее воскресает в запахах и пластических ощущениях, тут и стога, которые «хранят в себе пахучий образ лета», и также аллюзивный образ «клейкости зеленой первых почек...». Развитие лирической темы связано с буквальным толкованием широко употребляемой метафоры «картина оживает»:

Продрогший лист меж небом и землей –
скупой мазок багряно-желтой краски –
припомнит вдруг, что он листок осины,
и свой полет прощальный совершит.

[Нимбуев, с. 85]

Проницаемость границ между идеальным миром мыслечувствований и материальным миром предметов и вещей достигается в поэзии Нимбуева за счет подключения к образному постижению мира всех органов восприятия, особую роль в котором получают слух и осязание. «Сегодняшней ночью / приснился мне смуглой предок. / Он пел в изголовье гортанные песни / и с жалостью щупал мои / прямые оглоблями, ноги» [Нимбуев, с. 56]. В этом пятистишии, с одной стороны, с точки зрения предка устанавливается потеря традиционного кочевничьего образа жизни потомками в утрате признаков исконного всадника на физиологическом уровне, но, с другой стороны, сохраняется восприимчивость и чуткость души потомка, способного слушать, чувствовать и осязать бесплотные субстанции прошлого.

Образы снов являются пограничными, выступая приметами иной реальности. В лирике Нимбуева граница между мирами часто проницаема и подвижна:

Приснилось мне синее детство:
Коняга под хохот ребячий,
Босого, в траву меня сбросил.
...И тут на полу я проснулся,
вздохнул в темноте, бородатый.

[Нимбуев, с. 134]

Лирический герой, сознающий различие сна и реальности, детства и взрослой жизни, тем не менее, будучи сброшен с коня во сне, падает в этой реальности. В попытке постигнуть бытие во всей сложности и целостности поэт символически кодирует явления реальной действительности, делая их соотнесенными с планом идеальным.

Своеобразие символики в творчестве Нимбуева заключается в наглядности, особой пластичности и зримости вещественного плана, т.е. таким образом делается попытка фиксации высших идеальных уровней символа, недоступных непосредственному восприятию.

Литература

1. Лосев А.Ф. О пропозициональных функциях древнейших лексических структур // Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
2. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976.
3. Нимбуев Н. Стреноженные молнии. – М.: Галерея Ханхалаев, 2003.
4. Сибиданов Б.Б. Намжил Нимбуев: драма самосознания (опыт интерпретации // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 1999. – Вып. 3. Филология.
5. Тагор Р. Религия художника // Восточный альманах. – 1961. – № 4.
6. Фролова И.В. Символ сердца в поэзии Намжила Нимбуева // Россия-Азия: становление и развитие национального самосознания: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2005.
7. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература и музыка. – М., 1998.

Булгутова Ирина Владимировна, доцент кафедры зарубежной литературы Бурятского госуниверситета, кандидат филологических наук. E-mail: amargol21@mail.ru

Bulgutova Irina Vladimirovna, associate professor, department of foreign literature, Buryat State University, candidate of philological sciences.

УДК 821.512.31

© ***Е.Е. Балданмаксарова***

Живая и действенная поэзия Даши Дамбаева

В статье исследуется жизненный и творческий путь бурятского поэта Даши Дамбаева (1938-1975). Особое внимание уделено роли и значению поэта как классика бурятской литературы, его вкладу в расширение жанровой границы бурятской поэзии.

Ключевые слова: бурятская поэзия, лирика, поэтические жанры, музыка стиха.

E.E. Baldanmaksarova

Lively and effective poetry of Dashi Dambaev

The article researches the lifeprofile and literary activity of Dashi Dambaev (1938-1975), the Buryat poet. Particular attention is paid to the role and importance of this poet as a classic of the Buryat literature, his contribution to the expansion of genre boundaries in the Buryat poetry.

Keywords: Buryat poetry, lyrics, poetic genres, music of the poetry.

В истории бурятской литературы в ряду ее талантливых художников слова имеются поэты и писатели, имена которых особо почитаемы и любимы. Безусловно, такой знаковой фигурой является поэт Даши Цыретарович Дамбаев (1938-1975). Если в памяти читателей сохраняются стихи и песни поэта, то с полной уверенностью можно сказать сегодня, что поэт Даши Дамбаев является живой и действенной силой в художественном сознании современников, хотя со дня его ухода из жизни прошло уже 38 лет. Еще при жизни поэт пользовался истинным влиянием на современников: стихи и песни его переписывались и заучивались наизусть. Теперь же его стихи, поэмы, как и его песни, живут уже своей самостоятельной жизнью, переходя из его книг в живую память народа. В этом, наверное, заключается великая тайна, магия и сила словесного искусства. И, конечно же, здесь не обошлось без природного дара, которым наградила его родная селенгинская земля, и таланта самого поэта, отпущенного ему свыше.

Даши Дамбаев пришел в литературу в 60-е гг. XX в. В бурятской поэзии именно эти годы явились переломными, что было связано в первую очередь с изданием в 1955 г. сборника стихов «Баргузин» Н.Г. Дамдинова. Выход этой новаторской, по сути, книги явился импульсом, толчком для активной деятельности большой группы молодых ярких поэтов, творчество которых буквально всколыхнуло и полноправно вписалось в общую картину бурятской поэзии и определило ее ведущие черты на современном этапе. Это Д. Улзытуев, Л. Тапхаев, Б. Халзанов, Ц.-Д. Дондогой, М. Самбуев, Г. Дашабылов, Б. Жанчипов, В. Петонов, А. Румянцев, А. Щитов и др. В ряду этих имен свое особое место по новаторской стихии, философской направленности, эмоциональной насыщенности, лиричности звучания занимает Даши Дамбаев, в чьем творчестве поэтически объемно отразились время и перемены в духовном мире человека начала второй половины XX в. «Вперед, мой поезд! / Лети, как песня, / Крылатый поезд юности моей!» (пер. Н. Бялосинской) [Дамбаев, 1988, с. 29] – этими звонкими, динамичными, эмоциональными, устремленными в будущее словами начался поэтический путь Д. Дамбаева. Для людей моего поколения, воспитанных на творчестве поэта, радовавшихся и болевших его песнями, личное посвящение в его поэзию дает осознание и повод говорить об историческом значении появления этой творческой личности.

Любой истинный поэт стремится посредством своего слова добраться до сути вещей, до сокровенного смысла явлений, чтобы выявить, как писал В. Брюсов, «тонкие властительные связи» между предметами и явлениями, открывая нестандартное в будничном. Не является исключением и Д. Дамбаев. Свое поэтическое кредо он выразил следующими словами:

Жизнь!
Я воздух соленый пью.
Жизнь!
Я песни степей пою.
Слышишь ты –
Ветер над головой
Зовет меня, жизнь.
В мире тревог дорожных,
В мире победных кликов
Иду я
тропой тревожной
С мыслями о великом.
Навстречу ветрам,
метелям,
Навстречу радостям,
бедам
Иду я упрямо к цели,
Иду я к победам…
Сильным дорогу!
Дай мне,
Жизнь моя,

больше силы!
Иду я к просторам
Дальним…
Живущий,
Да будь счастливым!
(пер. А. Щитова) [Дамбаев, 1988, с. 71-72]

Новое восприятие жизни, ее творческое переживание, открытость души поэта переменам жизни, различным ее скачкам определили его жизненный путь и поэтическую миссию. Новым в поэзии Дамбаева было живое сознание присутствия в мире безграничного вселенского пространства. Именно это сознание придает всему творчеству поэта новый смысл, новое измерение. Оно превращает жизненный путь поэта в драму, где присутствует борьба добра и зла, божественного и демонического за душу человека. Как тут не вспомнить Достоевского с его словами: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил…Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Воистину поэтическое творчество, как в случае с Дамбаевым, состоит не из одних только стихов – им является и вся жизнь поэта. Не случайно поэт запальчиво восклицает: «Мне жизни нисколько не жалко, / Коль в схватке, / Грозящей мне смертью, / Мой лозунг – / Борьба и победа!» [Дамбаев, 1988, с. 57].

Во всех своих странствиях, ведь по существу он вел кочевой образ жизни, и во всех своих воплощениях – студент МГУ им. М.В. Ломоносова, покоритель казахстанской целины, строитель стальной железной магистрали, рабочий завода, слушатель Литературного института им. А.М. Горького, журналист, исколесивший всю республику, а также Ольхон, Усть-Орду и Агу – он всегда оставался поэтом. И потому имел право сказать:

На море,
На море бешеном
Кажусь летящею лодкой.
Я правду ищу –
И штормы,
Которых всесилье знаю,
И волн огневая пляска
Не в силах сорвать мой голос,
Мой песенный
Крепкий голос
(пер. А. Аквилева) [Дамбаев, 1988, с. 55]

«Слова поэта – суть дела его». Поэзия Дамбаева – это поэзия для молодых, о молодых, весне жизни, молодости, свежести и яркости чувств, когда очарование миром всего сильнее, когда все представляется новым, необычайным, когда искренне верится «в прекрасное далёко»: «О юность! / Первые порывы / К тому, / Что трудно объяснить, / Где робкий взгляд / Готовит взрывы, / В душе моей / Готовит взрывы, / Решая, / Быть или не быть. / Но будет все! / Я в это верю: / Полощет небо синевой. / В глазах моих – Счастливый берег. / И рядом ты. / Всегда. / Со мной» (пер. А. Щитова) [Дамбаев, 1988, с. 13].

Д. Дамбаев – тонкий лирик, романтик. Поэтому в стихах его исповедь, признание, излияние, мольба и даже наказ – и во всем этом искренность, правдивость и высота чувств. И это, безусловно, подкупает, трогает и не может оставить равнодушным. И читатель, ощущая естественность, органичность, эмоциональную мощь его поэзии, очищается, возвышается душой, у него появляется ощущение прикосновения к чему-то прекрасному, светлому, доброму и чистому. Слово у Дамбаева обнажающее и преображающее действительность, и он владел этим словом с искусством фокусника, преображающего простую бумагу в живую розу.

Д. Дамбаев – поэт любви. Любовь для него – не узкое понятие, не только отношения между мужчиной и женщиной, не просто сменяющие друг друга радостные и печальные чувства. Любовь для него – это основа и фундамент человеческого существования в мире, откровение, познание тайны бытия: « Я, счастливый, шагал / и весь мир принимал / Как великое таинство, / что открыть еще надо» (пер. Б. Каурова) [Дамбаев, 1988, с. 73].

Все написанное поэтом проникнуто искренней сыновней любовью к родной Бурятии, ее сакральным местам, таким как Байкал, Ольхон, Алханай, Алтан уула, село Харгана – тоонто, его малая родина. Именно от этих мест поэт черпает силы для вдохновения, заряжается светлой космической энергией. Тема природы и человека, ставшая одной из ключевых в творчестве поэта, приобретает художественно-философскую направленность.

Аээ!
Родилось у меня стремление
Песни слагать о Земле,
Синее и весеннее, –
Песни прозрачно красивые
О щедрой моей Земле.
Аээ!
Вдохновение родилось во мне…
Я мир поющий обнял.
Вдохновение навеяло мне
Синее море Байкал
(пер. А. Аквилева) [Дамбаев, 1988, с. 44-45]

Как человек, влюбленный в жизнь, знающий, что такое «грозная буря», поэт особо ценит ее драгоценности. В стихотворении «Три драгоценности» («Гурбан эрдэни») он представляет их в следующей последовательности: во-первых – это воздух, земля и вода, символизирующие жизнь; во-вторых – это цифра, музыка и слово, являющиеся своего рода ключом, открывающим тайны вселенной; в третьих – это мать, отец и ребенок как основа и венец жизни на земле.

Вся поэзия Дамбаева проникнута любовью к человеку, по существу, он поет гимн человеку, восславляя его ум, любящее сердце, волю и его дела. В одном из стихотворений он пишет: «Я – Человек! / Не трава. Не зверье. / Я в мире вчера / И – завтра. / Я вечен не только в ковре / Цветов – / Я разумом светлым / Вечен!» (пер. А. Щитова) [Дамбаев, 1988, с. 70].

О величии человека, о том, что его светлые мысли и дела, подобно музыке, могут окрылять, возвышать душу, помогать преодолевать трудные времена и звать к новым вершинам, приближая будущее, говорится во многих стихах. Эти чувства и мысли поэта были созвучны атмосфере 1960-х гг., так называемого «оттепельного периода», когда поднялась волна «взрыва любви к поэзии», так как именно поэзии в то время удалось ответить на важные духовные запросы людей. И этот период вошел в историю литературы как время «громкой», «эстрадной» поэзии, формируя новое общественное сознание, не скованное всевозможными запретами и табу.

Поистине удивительно, что в годы воинствующего атеизма, поэт, восславляя человека, выражает в стихотворении «Вечный круговорот» («Мүнхын эрьесэ») мысль, близкую буддийской философии: в каждом человеке есть частица божественного, Бога. Другое стихотворение «Я Перерожденец» («Хубилгаанби») тоже об этом. Сейчас мы можем только догадываться, почему поэт ощущал себя «Тулку», «Перерожденцем», т.е. проявлением Бодхисаттвы в этом мире, в частности, Белой и Зеленой Тары, которые почитаются как матери всех живых существ и из-за безмерного сострадания и любви оказывают мгновенную помощь страждущим, избавляя от всех опасностей и бед. У Дамбаева на то, видимо, были веские причины. Возможно, внутреннее ощущение не обманывало поэта, ведь сила поэтического слова имеет терапевтический эффект, является залогом духовного перерождения, оплодотворяя мысль и сознание человека. Надо признать, тематика, внутренняя емкость поэтического слова и образа в этих двух стихотворениях находятся в русле средневековой монгольской традиции, которая была прервана в начале 20-х гг. XX в.

Сегодня можно с уверенностью констатировать, что основная направленность поэзии Д. Дамбаева – философская, свидетельством чему является активное обращение поэта к вечным проблемам бытия. Новый, более углубленный подход обнаруживаем в темах жизни и смерти, добра и зла, любви и природы. В них – реальные, земные радости, тревоги, печали. Эсхатологические мотивы в его творчестве, определившие собой возрождение мистического чувства в бурятской поэзии, носят характер взволнованного монолога, предчувствия чего-то нового и интимно-личного откровения. Как наиболее характерные можно назвать стихотворения «Борьба» («Тэмсэл»), «Вечный круговорот» («Мүнхын эрьесэ»), «Завершение» («Түгэсхэл»).

Станут известны
с младенческих лет
Закономерности на земле.
А в годы более поздние –
Закономерности звездные.
Все в необъятном просторе вселенной
Становится закономерным.
Любая травинка свой стебелек
Схоронит – и не найдете…
И я, пусть строен,
здоров,
высок,
Схож с ней в конечном счете.
Неужели и я,
Как трава предам
Тело свое земле?
Неужели и мне,
однажды упав,
Подняться
не хватит сил?
И я,
Носящий неповторимое имя,
Исчезну
(пер. А. Щитова) [Дамбаев, 1988, с. 69-70]

Стремление глубже понять ход истории, художественно осмыслить движение времени, ощутить ритм и биение пульса современной эпохи подвигают поэта обратиться впервые в бурятской поэзии к таким понятиям, как галактика, космос, атом, интеграл, дифференциал, фотон. Динамичный и в то же время экспрессивный образ летящего времени у поэта ассоциируется с поездом. Эта была удачная находка, вполне соответствующая духу и образу того времени. Как поэтически одаренная творческая личность Дамбаев глубоко чувствовал своеобразие исторического времени, в котором он проживал. Стихи его сразу становились событием в бурятской поэзии и подхватывались многочисленными поклонниками, ими зачитывались, и он был необычайно популярен. Секрет его мастерства, безусловно, в лиричности, музыкальности, мелодичности его поэзии. Не случайно его стихи становились песнями, которые до сих пор поет народ. И короткая жизнь поэта, вместившаяся в 37 лет, была прожита им как песня.

Поэтическое творчество Д. Дамбаева имеет глубокие народные корни. Поэт, опираясь на фольклорные песни, разрабатывал близкие народу темы и мотивы, именно поэтому его песни, такие как «Селенга» («Сэлэнгэ»), «Молодежная песня» («Залуушуулай дуун»), «Первая любовь» («Түрүүшын дуран»), «О путях-дорогах» («Замай

дуун») и другие, до сих пор сохраняют свежесть и являются образцом создания новых, поистине народных песен. Песенная поэзия Дамбаева обогатила бурятскую лирику, наметив дальнейший путь ее развития. Об этом говорит очень интересный факт. В 1960-е гг. широко распространилась его песня «Элегическая песня» («Гуниг дуун»), которая по содержанию, поэтическому стилю и даже по мелодии, написанной самим Дамбаевым, была далека от бурятских народных песен, ибо в основу были заложены традиции индийской песенной культуры. Эта новая лирическая песня полюбилась и стала поистине народной. Свидетельством ее огромного успеха являются многочисленные варианты этой песни, которые были записаны в 1962 г. фольклорной экспедицией БКНИИ СО АН СССР (ныне – ИМБТ СО РАН).

Д. Дамбаев развивал и расширял не только содержательно-смысловую наполненность, но и национальную форму бурятской поэзии. Под влиянием русской и мировой поэзии бурятские поэты начали активно осваивать такие нетрадиционные для бурятской поэзии жанровые формы, как элегия, баллада, лирический цикл, сонет и венок сонетов, верлибр или свободный стих, лирико-философские поэмы и т.д.

В бурятской поэзии XX в. верлибр начал активно утверждаться в начале 1960-х гг. И его появление было связано с именами Д. Улзытуева и Д. Дамбаева. Если сейчас откроем поэтические сборники молодых поэтов, то обнаружим, что в основном они пишут верлибром. Однако процесс становления этой формы не был ровным в бурятской литературе [Балданмаксарова, с. 132-141]. Здесь лишь отметим, что акцентный стих бурят-монгольской поэтики, для которого характерен упор на определенные в строке слова, является хорошей основой для утверждения и развития жанра верлибра. Для него свойственна полифоничность отражения современного мира. Сегодня мы можем констатировать, что элементы свободного стиха присущи бурятской поэзии с истоков, т.е. со средневекового периода. Поэтому обращение Дамбаева к жанру верлибра и достижение успехов в освоении этой формы были не случайными. К примеру, возьмем отрывок из лирической поэмы «Вперед, мой поезд!» («Сэнхир хүлэг»).

Эжымни!
Элдин ногоон дэлхэй дээрэ
Эмниг хүлэгэй табараан доро
Эрын хонгео дуу дуулан
Ажahyуха
Арюухан!
Элдин сэнхир дэлхэй дээрэ
Эжэл инагай харасын түл**өө**
Эгээл hайхан шүлэг зохеон
Ажahyуха
Арюухан!
Элдин шаргал дэлхэй дээрэ
Элшэ гэгээн наран доро
Эжы, абын юр**өө**л түх**өө**н
Ажahyуха
Арюухан!
Элдин ягаан дэлхэй дээрэ
Эгүүридэ хэрэгэй жолоо баряад,
Эгээлэй хүнэй жаргал эдлэн
Ажahyуха
Арюухан!
[Дамбаев, 1998, с. 71].

Мама моя!
На обширной зеленой равнине,
Под топот необузданных коней,
По-мужски напевая песню
Жить
Прекрасно!
На обширной голубой равнине,
Ради мягкого взгляда любимой,
Сочиняя стихи прекрасные,
Жить
Прекрасно!
На обширной оранжевой равнине,
Под лучами ясного солнца,
Восприняв благословение родителей,
Жить
Прекрасно!
На обширной розовой равнине,
Во веки нужное дело ведя,
Имея обычное счастье человека,
Жить
Прекрасно!
(подстрочный пер. наш. – *Е.Б.*)

Перед нами верлибр. Авторская речь льется свободно и естественно, это речь о неразрывной, органичной связи человека с Природой. Воспринимается легко, прочитывается буквально на одном дыхании. Его искренность подкупает, и веришь поэту, что только эта форма единственна в выражении данной мысли, данного содержания. Чувствуется особый ритм поэтической речи, повышенная эмоциональность стихотворения, наряду с повторами важную роль выполняют перечислительная интонация и форма ритмико-синтаксического параллелизма.

Верлибр, как известно, предъявляет поэтам высокие требования. Он опасен тем, что может обернуться своей противоположностью – антипоэзией, если мысль в нем не будет не только поэтической, но и значительной. Иначе при отсутствии внешней привлекательности (аллитерация, ритм, рифма) взволновать читателя не удастся. Свежие образы, метафорическое восприятие мира, сознательное использование ритмических повторов, поэтически действенный язык, интонация, точные сравнения, музыкальность строки, ритмико-синтаксический параллелизм

заставляют читателя забывать, рифмует поэт или не рифмует свои стихи. Впрочем, это становится не столь уж и важным.

Сегодня, как одно из главных достоинств поэзии Дамбаева, нельзя не отметить его вклад в разработку, вслед за Н. Дамдиновым, так называемой, маленькой лирико-философской поэмы. Для того времени это была совершенно новая, еще мало разработанная поэтическая форма в бурятской поэзии. Именно в жанре лирической поэмы проявилась яркая индивидуальность поэта, его творческая самобытность, его мастерство. Назову лишь некоторые из поэм: «Памяти отца» («Абын дурасхаал»), «Пой, мой атом!» («Дуулыш, минии атом!»), «Вперед, мой поезд!» («Сэнхир хүлэг»), «Песня жизни» («Наһанай дуун»). Читая их, невольно вспоминаются слова В. Гюго: «Существует зрелище более прекрасное, чем небо: глубина человеческой души».

Д. Дамбаев в своих стихах много размышлял о поэзии, ее роли в жизни художника, тайнах литературного труда. В каждой стихотворной строке чувствуется уважение к творческой работе, стремление к совершенству, призыв к творческим высотам. Недаром поэта он сравнивал с птицей, парящей в небе, всегда устремленной ввысь.

Д. Дамбаева как большого поэта волновала мысль о том, какое поэтическое наследие он оставит после себя, как будут воспринимать его поэзию грядущие поколения, какое воздействие он оказывает на современников, на последующее развитие бурятской поэзии. Он предчувствовал, что имя его останется в веках. Этой теме поэт посвятил немало проникновенных строк. В стихотворении «Наказ» («Захяа») есть такие слова:

Песни мои, останьтесь
Памятью обо мне.
Только их пойте, люди.
На берегу Селенги моей
У голубых саранок
Посидите немного, вспоминая меня.
Седого времени эхо
Слова мои не заглушит.
Бурятия, сын твой я.
Долго еще я буду
Сердца беспокойно трогать
Звуками песен моих
(пер. А. Щитова) [Дамбаев, 1988, с.79-80].

Стихотворные строки поэта «Всегда на земле вечен / Поэзии мудрой свет» [Дамбаев, 1988, с. 42] – не пустая фраза. А выражение «Я в песнях весь и в стихах» [Дамбаев, 1988, с. 67] очень точно передает его предназначение на земле – быть поэтом. Значение Д. Дамбаева как художника слова, как классика бурятской литературы неоценимо, его вклад в развитие национальной поэзии весом. Его крылатая поэзия, без сомнения, будет жить всегда в сердцах и душах ценителей высокой поэзии.

Литература

1. Балданмаксарова Е.Е. Традиции и новаторство в бурятской поэзии: дис… канд. филол. наук. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1987.
2. Дамбаев Д. Живущий, да будь счастливым! / пер. с бурят.; предисл. Л. Тапхаева. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988.
3. Дамбаев Д. Алтан зула. – Улаан-Үдэ: «Буряад үнэн» сонин, 1998.

Балданмаксарова Елизавета Ешиевна, профессор кафедры зарубежной литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Тел.: (3012)457650; +7-9021601682. E-mail: liza.bur @ mail.ru
Baldanmaksarova Elizaveta Eshievna, professor, department of foreign literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 82.0(571.54)

© З.А. Серебрякова

Национальный характер в романе Д. Батожабая «Похищенное счастье»

Проведенный в статье анализ образов романа Д. Батожабая «Похищенное счастье» выявляет аспекты и черты национального бурятского характера.
Ключевые слова: Д. Батожабай, бурятский роман, национальный характер, принципы изображения.

Z.A. Serebryakova

National character in the novel «Stolen happiness» by D. Batozhabay

The analysis of the images of the novel «Stolen happiness» by D. Batozhabay reveals the essential aspects and features of the Buryat national character.
Keywords: D. Batozhabay, Buryat novel, national character, principles.

Роман-трилогия Д. Батожабая «Похищенное счастье» («Төөригдэһэн хуби заяан») (1965) – одно из самых масштабных произведений бурятской литературы, первая национальная историческая эпопея, отразившая переломный кризисный момент национальной истории, когда в полной мере раскрывается национальное самосознание, «дух народа». Это широкая панорама жизни не только бурятского народа, мышление художника тяготеет к соединению разных культур. Достоверно писателем воспроизведены национальные характеры представителей разных народов. В субъективно-художественной интерпретации опыта прошлого, роли человека, его нравственных усилий, дающих импульс истории, а нередко изменяющих ее направленность, видится заслуга бурятского писателя-романиста.

Наиболее многочисленны и обстоятельно выписаны образы бурят. Многие из них индивидуализированы и колоритны. Персонажей можно разделить на два лагеря: власть имущих – богачей, духовенства и угнетенных – носителей лучших человеческих качеств и черт национального характера. Среди последних выделяются образы борцов за социальную справедливость. В их характерах доминируют страстное стремление к справедливости, готовность к самопожертвованию.

Трагична судьба поденщика Галсана. Хозяин запер его в горящей юрте. Сильный и смелый батрак спасся, но стал горбуном, лишился невесты, а впоследствии превратился в бесстрашного защитника интересов трудового народа. Он спас Булада, которого чуть не задавили в толпе. Галсан учит людей думать, понимать причины событий. Недаром Шара-Дамба, один из тех, кто поддерживает Галсана, говорит о нем: « Ума на десятерых лам хватит… Люди изуродовали его тело, но не смогли изуродовать его душу». Сам Шара-Дамба, как и Галсан, отличается свободомыслием, не верит земным и небесным святым. Так, он в шутку предупреждает главного героя Аламжи, что вместе со скотом бедняки и сами могут попасть в дацанский котел. К этой группе героев отнесен и Булад, в описании которого мало индивидуальных черт и преобладает некоторый схематизм.

Все симпатии писателя отданы противоречивым и сложным натурам. Таков центральный герой Аламжи. С юности терпящий лишения и ради заработка отправившийся в Тибет, он потерял свою любимую жену Жалму – пока он был вдали от дома, недруги довели ее до потери рассудка, а также погубили их младшего сына, а старшего Булада ограбили.

Образ Аламжи соткан из противоречий. Наряду с богобоязненностью и покорностью в его характере проявляются независимость, отвага и смелость. Из любви к Жалме он чуть не убил отца. Во избежание кары небес, как требовали предписания религии, возжег светильник от собственного пальца перед изображением Бодисатвы. Надеясь, что благословение святого избавит его от бедности, он, тем не менее, активен в своей борьбе с нуждой, его натура требует справедливости в мире, где ей не место: всегда живущие в бедности люди продолжают зависеть от прихоти богатых соплеменников. Вернувшись на родину и отомстив главному врагу – Самбу-ламе, Аламжи покидает сочувствующих ему Шара-Дамбу и его друзей, не находит общего языка с Буладом и отправляется к хунхузам в Монголию. Он с горечью думает о себе, что прежде поклонялся богам, верил в добрые намерения людей, а теперь не верит никому и ни во что.

Судьба Аламжи соответствует сложности и трагической запутанности его характера, как, впрочем, сложности, суровости самой жизни. Всякий раз его благородство как бы испытывается судьбой, роковыми обстоятельствами. Он спас замерзающего в степи человека, а когда выходил его и подарил ему жизнь, за этот гуманный поступок был арестован и едва не подвергся суровому наказанию, т.к. спасенный оказался беглым политзаключенным. В схватках с разбойниками Аламжи отважен, во время работы прислужником в монгольской тюрьме из сострадания к узникам, содержащимся в нечеловеческих условиях, пытается помочь главарю хунхузов Ван-Тумэру, но уличен, избит и изгнан со службы.

Самоотверженный отец, Аламжи ради сыновей готовится к состязанию силачей, стремясь выиграть приз. На чужбине тоскуя о семье и отчаявшись, предпринимает неудачную попытку грабежа, не видя другого способа поскорее попасть домой. И жизнь этого трудолюбивого, физически сильного, неглупого человека сопровождает только бедность. Жалма думает о нем: «Всю жизнь он работал на чужих людей, везде его обижали, обманывали. Работал до кровавых мозолей, а юрты своей не нажил» [Батожабай, с. 38]. Трогательно он относится к старому коню, не позволяет его бить, прощается с ним как с живым существом.

Пронзительны страницы, где автор выводит образы сирот, особенно детей. Так, потеряв надежду найти свою семью, Аламжи усыновил сироту. Заботливо и терпеливо обучает и воспитывает чужих детей улигершин.

Жена Аламжи Жалма – сирота и до замужества была телятницей у Шаралдая. Казалось бы, в ее характере главенствуют покорность и безответное смирение. Вот она говорит мужу: «Зачем

искать правду? Люди поумнее нас давно отыскали ее… Покоряться богам да нойонам – вот и вся наша правда» [Батожабай, с. 38]. Несмотря на тяготы, любит радоваться красоте окружающей природы, обладает силой духа, мужеством, упорно противостоит домогательствам Самбуламы, вызвав его гнев. Следуя традиционным нормам поведения замужней женщины, держится в стороне от мужчин, не вмешивается в их разговор, не реагирует на восхищенные взгляды посторонних.

Покорные жертвы социальной несправедливости – не только женщины, например батрачки Долгор и Дарима, но и мужчины, прежде всего, отец Аламжи Наван-Чингиз. Могучий и неглупый, он теряется перед вышестоящими, предпочитает смолчать, когда его обманывают, ему неудобно сказать подлецу, что он подлец. После смерти жены пропил имущество и принуждал сына жениться на старой дочери богача. Кражу им скота у богачей трудно связывать с проявлением социального протеста. Вот почему в этом образе мы видим авторскую позицию, не исключающую сложность нравственного отношения и осмысления поступков героев.

Как типичная черта бурятского характера показано гостеприимство. Незнакомые бедняки угощают Жалму с детьми ужином, предлагают кров. В бурятских и монгольских степях Аламжи всегда находил стол и приют. Не обойдена вниманием религиозность бурят, которые могут пожертвовать храму даже последнюю корову.

В трилогии представители бурятского народа всегда окружены персонажами другой национальности. Галсан благодарен многим русским за помощь в его многотрудной жизни, крепко дружит с лесником Клименко. Среди друзей Аламжи русский политкаторжанин, охотники-тунгусы, монголы, китайцы, с которыми он встречался в годы скитаний. Множество эпизодических героев подтверждают идею автора о толерантности бурят, так, Дондок неразлучен со Степкой; у Булада приемная мать – русская женщина, революционерка Искрова, которую он очень любит.

Вместе с тем автор романа очень внимателен к деталям не только психологического, но и ментального характера. Одна из национальных особенностей поведения бурят – сдержанность. Так, возчикам любопытно, за что арестован Аламжи, что ему говорил Туван-хамбо, но они из деликатности не расспрашивают. Обмениваясь традиционными вопросами о здоровье скота, бедняки делают вид, что не знают об отсутствии такового у собеседника, а сетуют, что их собственная телка погибла, давая собеседнику возможность ответить аналогичной фразой. К чертам бурятского характера писатель относил умение украшать вещи: «Самый последний бедняк имеет нож, огниво, трубку, каждая вещь отмечена мастерством. Недаром путешественники писали, что произведения лучших бурятских мастеров соперничают и с тульскими, и с китайскими» [Батожабай, с. 89].

Большинство образов бедняков внушает симпатию и сочувствие, тогда как в изображении их обидчиков и угнетателей доминируют негативные краски. Зло в романе Батожабая многолико и воплощено в образах, которые можно дифференцировать и разделить на три группы.

Во-первых, это похитители счастья народа Самбу-лама, Лонхо и Далай. Жадный завистник Лама отплатил Аламжи за добро вероломством: услав его в Тибет, пытался соблазнить Жалму, а в ответ на ее сопротивление жестоко отомстил. Он назван страшным человеком, поправшим все законы, и именно он стал настоятелем Агинского дацана. Лонхо, с большими ушами, слезящимися глазами, глуповат с виду, но хитер и коварен: подстроил нападение на Галсана и пытался сжечь его, ограбил и прогнал Булада, избивал и пытался заживо похоронить Долгор. Автор замечает, что если бы собрать все слезы, выплаканные ею, их бы хватило, чтобы утопить самого Лонхо. У Далая за пазухой всегда есть камень для обидчиков. О нем говорят: «Покажи ослу пучок сена, он пойдет куда угодно; побряцай перед Далаем кошельком, он согласится на любую сделку» [Батожабай, с. 70].

Вторая группа – подручные богачей. Десятскому Шаргай-нойону Самбу-лама поручил отравить Галсана и Шара-Дамбу. Заседатель Лубсан-нойон оскорбляет и избивает бедняков. И третья – это персонажи, лично к произволу и преступлениям непричастные, но морально ущербные. Бестолковый, скупой и уродливый богач Намдак, пьяница и обжора, честолюбец. Он злорадствует при виде арестованного Аламжи. Его жена груба, похотлива и так грузна, что руками переставляет ногу через порог. Патологически жадный тайша Намсарай никогда не платит батракам, собирает на ярмарке всякий хлам, пытается присвоить чужое золотое пенсне, по глупости надеясь заставить еще больше бояться себя. Приодевшийся в честь торжественного события, тайша тщится принять грозный вид, но окружающие не скрывают ненависти и презрения к нему. Гипертрофированно жаден и богач Шаралдай, в любой юрте забывающий все слова, кроме: «плати долг», «отдавай лошадь» и т.п. Нарушая обычаи, богачи отказывают в приюте и пище Жалме и ее детям. Поведение свя-

щеннослужителей далеко от святости. Настоятель дацана пьет, курит, нарушает другие запреты и мечтает вытянуть из верующих побольше пожертвований.

Огромную чуткость писателя ко всякому проявлению зла отмечал В.Ц. Найдаков: Батожабай «всюду, где только мог, не упускал случая прибегнуть к ироническому, сатирическому изображению его, помогающему ярче оттенить, подчеркнуть, выявить существенные стороны уродливых явлений действительности, вызвать к ним вполне определенное отношение» [Найдаков, с. 90].

Д. Батожабай воспроизвел образы некоторых реальных исторических деятелей. Большинство из них наделены чертами характера, поведения или облика, придающими им индивидуальность, а подчас яркий колорит и эмоциональную окраску. Так, придворный лекарь Петр Александрович (Жамсаран) Бадмаев – тонкий политик, крупный и удачливый коммерсант. Будучи гостем на своей родине, вмешивается в дела генерал – губернаторства, давая основания называть его вершителем восточных дел. Трилогия начинается с прибытия в Агинский дацан в 1884 г. Туванхамбо, когда-то здешнего настоятеля, после обучения в Тибете ставшего доктором философии, учителем Далай-ламы XIII. Субъективность авторского отношения сказывается в его облике: это крайне прагматичный политикан и интриган, заинтересованный в сближении Тибета с Россией, склоняющий к этому Далай-ламу и беспощадно борющийся с оппонентами-сторонниками Англии. Организовав специальное послание Далай-ламы к генерал-губернатору и заручившись помощью Бадмаева, он добился разрешения российских властей строить дацаны в Забайкалье. Всегда предстает роскошно одетым, величавым, устремившим глаза поверх толпы. Он способен вслепую использовать подчиненных и даже жертвовать их жизнями.

Изображение характеров в трилогии Д. Батожабая подчинено главной идее – противостоянию похитивших счастье трудового народа и тех, чье счастье похищено богачами и другими угнетателями. В соответствии с этим интерпретируются образы и события, расставляются акценты. Так, беглый каторжник говорит Аламжи: «Бедняки никогда не будут врагами беднякам, хоть и разным богам поклоняются» [Батожабай, с. 26]. Писатель в духе своего времени сопровождает эпизод собственным комментарием: Аламжи не знал ничего о каторжнике, но помог ему, как может помочь в беде только бедняк бедняку. Очевидна авторская симпатия по отношению к беднякам.

Классовая подоплека системы образов соответствует самому времени: так, изображая волостную сходку, писатель передает привычный абсурд имущественного расслоения людей: «…рассаживались, как всегда, не по старшинству, не по заслугам, а по достатку: впереди самые богатые скотоводы, чины волостной управы, ламы, потом торговцы всякой мелочью, третьеразрядные чиновники, за ними середняки. У самых дверей те, кто пришел на сходку пешком» [Батожабай, с. 485]. Для советского историко-революционного романа «классовость» подхода была обязательна и сказывалась в претворении канона положительного героя и обязательного воспитательного «урока»: например, в беседах улигершина с детьми преобладает призыв прогнать богачей и работать на себя.

Вместе с тем очевидна сложность человеческих судеб, не укладывающихся в прокрустово ложе схемы. Аламжи в своих странствиях встречает тех, чье поведение не зависит от социального статуса и степени богатства. Начальник почтовой конторы в Урге не раз помогал Аламжи, нашел ему работу. Сын богача Локсой в Лондоне поддержал Осора-ламу и помог ему вернуться на родину. Лубсан-нойон храбр, гордится воинскими наградами и знаменем полка. Намдак безошибочно определяет на скачках самого резвого скакуна, а также самого сильного борца. Нет явно отрицательных оценок и в образе Бадмаева.

В изображении священнослужителей писатель проводит грань между религией и ламством. Ламы развенчиваются как носители зла, потому что забывают о религиозных постулатах: например, своим «лечением» сводят больного в могилу, а ложь и лицемерие сопровождают их в готовности к преступлению. Улигершин, которому отведена роль своего рода высшей нравственной инстанции, говорит, что сам он верит богам, но не ламам, которые, как он объясняет слушателям, и придумали шолмосов и оборотней, чтобы заманить людей в духовное рабство.

В «Похищенном счастье» читатель сталкивается с эпической мощью образов обычных людей, соотносимых автором с масштабами больших пространств, в сопряжении их чаяний с вечными общечеловеческими проблемами счастья, добра и справедливости. Все это позволяет считать роман-трилогию по-настоящему национальным романом-эпопеей, герои которого, несмотря на отпечаток конкретных социально-исторических обстоятельств, несут в себе особенности национального миропонимания, живого биения народной жизни, что позволило писателю при создании этих характеров избежать схематизма и одномерности.

Литература
1. Батожабай Д.О. Похищенное счастье: роман-трилогия / пер. с бурят. Н. Рыбко; новая ред. пер. Н. Ершова. – М., 1973.
2. Найдаков В.Ц. Даширабдан Батожабай. – Улан-Удэ, 1991.

Серебрякова Зоя Александровна, доктор филологических наук, и.о. профессора кафедры теории и истории искусств и литературы Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. Тел.: (3012)213311, +7-9025652266. E-mail: org555@mail.ru

Serebryakova Zoya Alekcandrovna, doctor of philological sciences, professor, department of theory and history of arts and literature, East Siberian State Academy of Culture and Art.

УДК 821.512.31.0

© ***В.В. Башкеева, Г.С. Доржиева***

К вопросу о литературной биографии Владимира Митыпова

Ставятся вопросы, связанные с литературной биографией крупнейшего бурятского писателя Владимира Митыпова.
Ключевые слова: В. Митыпов, литературная биография, стиль.

V.V. Bashkeeva, G.S.Dorzhieva

To the issue of Vladimir Mitypov's literary biography

This article is devoted to the problems concerning the literary biography of Vladimir Mitypov, the permanent Buryat author.
Keywords: Vladimir Mitypov, literary biography, style.

Создание литературной биографии современного писателя, который продолжает сочинять произведения в том или ином жанре, – дело весьма непростое. Еще более непросто создавать литературную биографию писателя, который по рождению, по крови принадлежит к одной национальной культуре, а по языку, на котором пишет, – к другой. Владимир Гомбожапович Митыпов свои произведения создает на русском языке.

Есть и третий фактор, влияющий на отношение самого писателя к своей личности и своему творчеству, фактор, присущий и всей российской культуре в целом, а в особенности характерный для национальных регионов России, – «позиция скромности», желание и стремление не придавать излишнего значения своей персоне. В культуре многих народов России отдельная личность соотносится с общим началом, значение последнего тем больше, чем теснее личность связана, если вспомнить слова Л. Толстого, с «роевым началом». Отсюда неизбежное следствие – недооценка писателем фактов своей жизни, несохранение документов, подчас небрежение ими, в связи с чем задача автора, создающего биографию бурятского писателя, усложняется. Не случайно такие биографии практически отсутствуют.

Не исключение в этом смысле и Владимир Митыпов, крупнейший бурятский писатель, прозаик, автор всероссийски известных произведений. При всей его известности он не удостоился сколько-нибудь полной литературной биографии, ведь не считать же биографией разрозненные и неполные данные, размещенные в сети Интернет на сайтах, посвященных научной фантастике.

Таким образом, задача создания литературной биографии по-новому возникает перед бурятским литературоведением. Ведь тот жанровый опыт, который реализовался в серии «Жизнь замечательных людей», не вполне может быть применим в нашем случае, особенно сегодня, когда проблемы биографии, в том числе литературной, вновь на повестке дня. Свидетельствуют об этом и переиздание в 1997 г. работы Г.О. Винокура «Биография и культура», и публикация в 2010 г. учебного пособия А.А. Холикова «Биография писателя как жанр», и проект создания биографического словаря русских литературоведов XX в.

Наряду с общими проблемами, сопутствующими созданию литературной биографии бурятского писателя, обозначим круг проблем, важных для нашей статьи и связанных с биографией крупнейшего бурятского прозаика второй половины XX в. Во-первых, это проблема языка. Со слов В. Митыпова известно, что в его семье говорили по-бурятски. «Дома всегда говорили по-бурятски, в школе учили на русском языке» (из интервью автора с писателем от 28.02.2013 г.). Вследствие ли влияния школы или по другой причине все его произведения написаны на прекрасном, выразительном русском языке. Нельзя не отметить, что для самого писателя важнейшей характеристикой таланта становится категория стиля, языкового стиля.

Каким образом произошел переход от бурятского языка как языка жизни и быта к русскому

как языку творчества? Стоит ли здесь усматривать влияние одних социальных обстоятельств, когда престиж русского языка, русской культуры был неоспорим и в каком-то отношении подавлял родной язык? Или нужно добавить к этому преподавание предметов в школе на русском языке, дополненное буквально запойным чтением литературы популярной, художественной? Или нужно учитывать какие-то иные факторы, приведшие к выбору русского языка: распространенность изданий на русском языке, расширение круга возможных читателей, желание в совершенстве овладеть языком культурного большинства. Или это влияние городской культуры, так как писатель два первых класса учился в улан-удэнской школе № 20, а затем проживал в поселке Онохой с его заметной установкой на городскую культуру? Быть может, стоит поставить вопрос о двуязычии, когда сфера бытового использования языка не пересекается со сферой социального творчества. В любом случае приходится признать, что В. Митыпов – один из тех писателей Бурятии, который зафиксировал, как и Чингис Айтматов после 1965 г., процесс знакового перехода с национального языка на русский язык.

Еще одна проблема, которую можно увидеть в данном контексте, – проблема выявления отношений, связи между образом жизни писателя и творчеством. Эта проблема шире индивидуальной судьбы, она касается абсолютного большинства советских писателей, а может быть и шире – писателей XX в. В. Митыпов, отвечая на вопрос о связи места с этапом творчества, счел возможным отметить, что писатели XX в. отличаются от ряда творцов предыдущего века. Как правило, писатель XX в. имеет профессию, имеет трудовой профессиональный опыт. «У нашего поколения уже все иначе», – считает Митыпов (из интервью от 28.02.2013). Так, по образованию он геолог, немало лет проработал в геологических партиях на севере Бурятии, в других регионах страны, в молодости даже открыл рудопроявление, что удается далеко не каждому. Геологическое образование, сам тип рационального мышления, воспитанный в университете, интеллектуальное восприятие мира, профессия геолога, несомненно, оказали сильное влияние на становление писателя, на выбор творческих тем и их воплощение. «Работа, она отражается, и она, так сказать, захватывает часть твоего творчества <…> Достоевский. У него когда-нибудь была трудовая книжка в жизни? Не было» (из интервью от 31.05.2013).

Последнее по времени крупное художественное произведение В. Митыпова так и называется – «Геологическая поэма». Причем интерес к теме появился сразу. Роман был задуман почти одновременно с другими крупными, знаковыми произведениями Митыпова – «Долиной бессмертников» и «Инспектором Золотой тайги»: «Я попеременке писал, что-то потом бросал, опять продолжал» (из интервью от 28.02.2013). Если два последних произведения были написаны быстрее (ориентировочно с 1967 по 1975 г. с перерывами писалась «Долина бессмертников», с 1965 по 1978 – «Инспектор Золотой тайги»), то поэма писалась долгие 17-20 лет, закончена была в Москве: «Я запомнил, что было где-то 8 часов, когда я закончил писать. И ощущение было точно такое же, как в первый раз» (из интервью от 28.02.2013). Причем название родилось тоже не сразу. Первоначальный вариант названия был таким – «Песочные часы».

Еще один важный вопрос, связанный с литературной биографией В. Митыпова, – вопрос о значении для его писательской личности, а, стало быть, и для творческого процесса, других, чужих «литературных рядов». Митыпов – не просто крупный и талантливый писатель, он еще талантливый читатель. Эта любовь к чтению, к художественному слову, заложенная еще в детстве, очевидно, матерью писателя Сындымой Доржиевной, проходит красной нитью через всю его жизнь. Раз в год он перечитывает романы Л. Толстого «Война и мир» и Ф. Достоевского «Братья Карамазовы». Для него это не просто прикосновение к художественным авторитетам, а философское и эстетическое наслаждение от встречи с великим. В каком-то смысле это смакование красоты мысли и слова, медленное наслаждение художественной красотой бытия.

Преклонение перед великими – черта, присущая достойным людям. В Советском Союзе с его выраженной литературоцентричностью преклонение перед классикой было особенно заметным. Показателен случай, пришедший писателю на память: «Я вам рассказывал, как в Полтаве увидел на автобусной остановке расписание?.. Мне дали в Киеве в Союзе писателей указание: “Поезд приходит в пять утра, ты выходи через виадук, увидишь Южный вокзал, и там тебя человек один будет встречать”. Ну, я пришел на Южный вокзал через виадук, похожий на виадук у нас в городе. Стоянка автобусов большая, никого нет, а я от нечего делать смотрю на расписание автобусов: маршрут такой и такой. Ну, там, значит, Сорочинцы, Диканька… Представьте себе, это же ужас какой-то. Я прямо оцепенел от этого. Можно сесть на автобус и приехать в Диканьку… Ну это же ужас какой-то!..» (из интервью от 31.05.2013). Вот в этом «ужас какой-то» – ключ к разгадке взаимоотношений писате-

ля и классиков, а шире – писателя и литературных предшественников, которые одновременно и учителя, и соперники, и непревзойденные мастера, и превзойденные коллеги.

Незаемный, индивидуальный вкус позволяет Митыпову по-новому видеть классиков или выдвигать в первый ряд отечественной литературы не принятую литературную обойму, а тех авторов, которых он действительно признает писателями, сумевшими подняться на вершину. Вот как, например, сказано по-новому о Достоевском: «Вы понимаете, я для интереса пытался читать его первую вещь – “Бедные люди”. Я не знаю, сегодняшнего молодого человека, хотя бы сидящих вот рядом с нами под пистолетом не заставишь прочитать “Бедных людей”. Я удивляюсь, как Некрасов с Белинским… Некрасов, прочитав “Бедных людей” <…>, на рассвете ворвался к Белинскому с криком “Новый Гоголь явился!”. Я пытаюсь разобраться, что там гоголевского? Ничего нету, скучнейшая вещь… А когда он начал писать, будучи в зрелом возрасте, уже после каторги, «Преступление и наказание» и особенно «Братья Карамазовы», у него уже стиль появился. “Беседа Ивана с чертом” – это вообще загляденье, или “Великий инквизитор” и так далее. Ну, стиль появился, поздно пришел к нему стиль. Он, по-моему, сам понимал…» (из интервью от 31.05.2013).

В числе уважаемых авторов классик советской литературы Алексей Толстой. «Алексей Толстой – да! <…> язык у него, конечно, великолепный… Он языком владеет. Вот “Петра Первого” можно перечитывать просто ради языка. А вот цикл небольших рассказов его, полное собрание сочинений, которое начало выходить в 45-м году сразу после войны, там у него есть рассказы вообще, как говорится, драгоценные кристаллы. Ну, допустим, “Похождения Невзорова”. Какой язык, слушайте! Каждая фраза или там это… да я даже перечислять не буду, это надо перечитывать» (из интервью от 31.05.2013).

Прекрасными стилистами Митыпов считает Константина Паустовского и Валентина Катаева. «Я всегда, всю жизнь восхищался стилем Паустовского. Тончайший стилист, он прямо как ювелир. Его каждая фраза отделана, стиль великолепный... Из советского периода, конечно, блистательный прозаик – это Катаев. «Белеет парус одинокий», «Я сын трудового народа», поздние вещи. Он, конечно, громадную работу провернул, чтобы выработать этот стиль, он в шутку называл его “мовизмом”« (из интервью от 31.05.2013).

Стиль для Митыпова – вершина писательского мастерства, приобретаемая к тому же в результате громадного труда. Молодым, даже и талантливым, гениальным, он, как правило, не дается. Достоевский, по Митыпову, лишь в зрелых романах вырабатывает свой стиль. Интересно, что близок к этой позиции А. Холиков, который, выделяя три уровня разговора о биографии писателя, наивысшим считает сущностный уровень, когда работает принцип «писатель – это его стиль». «В стиле проявляется индивидуальность творческой личности (под индивидуальностью понимается неповторимое своеобразие на уровне текста). Соответственно развитие творческой личности предполагает возрастание степени ее индивидуальности» [Холиков].

Другая категория, важная для оценки творчества писателя, – то, что Митыпов называет словом «масштаб». Если раскрывать значение понятия, то это сила таланта, значение для литературы, для народа, это некая безусловная точка отсчета. Писатель возражает против субъективности в оценке творчества некоторых писателей. «Если считать, что все субъективно, то все вообще теряет точку отсчета. Есть какие-то бесспорные величины, о которых глупо даже спорить. Возьмем Шолохова, мне очень не нравилось, что уж там… Я для интереса “Тихий Дон” перечитал сначала. Ну, чувствуется, что пишет мастер, и он все это знает, видел в отличие от москвичей, которые дальше МКАДа не выезжают» (интервью от 31.05.2013). Масштаб важен и неоспорим, но стиль все же вызывает у В. Митыпова больший интерес.

Важна для понимания личности и общей линии развития творчества Митыпова его бессменная любовь к литературной фантастике. Интерес появился в школе, когда школьником увлекся чтением научной фантастики: «Прочитав “Аэлиту” Толстого, я подговорил товарищей написать фантастическую повесть о путешествии на Марс, терпения хватило на одну страницу» (интервью от 28.02.2013). Первая фантастическая повесть Митыпова «Зеленое безумие Земли» была написана и опубликована в 1966 г. В 1967 г. написал предисловие к повести «Второе нашествие марсиан» Б. Стругацкого, это была первая публикация братьев Стругацких в журнале «Байкал». Далее, в 1968 г., последовал визит к Борису Стругацкому, которому показал рукопись повести «Внимание: неопитеки!» [Митыпов], впоследствии она стала называться «Приход больших обезьян». Сам писатель говорит о 1960-х гг. как важном десятилетии: «С хрущевской “оттепелью” стала появляться переводная литература, мир открылся. Великое событие – прорыв в космос.

Переводятся американские фантасты. “Зеленое безумие Земли” и “Приход больших обезьян” были написаны под впечатлением <…>. Я считаю, что фантастика мне много дала. “Долина бессмертников” – это тоже фантастика, но обращенная в прошлое» (интервью от 28.02.2013). Более того, интерес к фантастике не угас, писатель признается: «Вообще фантастика никогда не оставляла меня, все равно как-то возвращаешься, потому что это такой жанр… позволяет мечтать. И даже отражать сегодняшний мир в несколько видоизмененном виде» (из интервью от 31.05.2013).

На примере жизни и взглядов В. Митыпова можно понять и такую особенность национальной бурятской, а возможно, и сибирской души (если таковая имеется в российской ментальной типологии), как патриотичность и взвешенность. Не все воспитанные в период социализма сегодня воздают благодарность времени своего детства, молодости, зрелости. Не все творцы готовы пребывать в покое неизвестности в эпоху грянувшего российского капитализма, а потому ради вписывания в современный контекст отказываются от прошлого и вместе с либералами выкидывают на задворки свою личную историю и историю своей страны. В. Митыпов не из таких. В нем при очевидной интеллигентности, даже интеллигентском самоедстве, есть твердость характера и простота принятия меняющейся жизни. Он не согласен с тем, что в Советском Союзе был «такой, дескать, тоталитарный режим, что нельзя было шагу ступить. Свобода слова была. Вот в Москве все эти ребята совсем уже, как говорится, “удила закусили”. А у нас в Сибири, в Улан-Удэ свобода слова была» (из интервью от 31.05.2013). Слова эти не вызывают возражений, ведь сегодня редко кто из зрелых личностей с ним не согласится.

Твердость характера иначе можно назвать гражданской позицией. Писатель счел своим долгом проявить гражданскую позицию в ситуации присуждения высокого звания «Народный поэт Республики Бурятия» автору, которого Митыпов считал не вполне достойным этого звания. Он даже в знак несогласия готов был отказаться от своего звания «Народный писатель Бурятии». Возможно, честность и бескомпромиссность его позиции заставила задуматься соответствующие органы о дальнейших действиях. Во всяком случае до сего момента новых спорных решений не было.

Есть и другие проблемы, направления поиска в создании литературной биографии Владимира Митыпова. Быть может, их можно экстраполировать на биографии других писателей Бурятии, и тогда они будут иметь более общий смысл.

Литература

1. Митыпов В. Внимание – неопитеки! // Байкал. – 1968. – № 5.
2. Холиков А. Писательская биография: жанр без правил // Вопросы литературы. – 2008. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: http://magazines.russ.ru/voplit/2008/6/ho4.html

Башкеева Вера Викторовна, профессор кафедры русской литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Тел.: (3012)210591. E-mail: oaelun@mail.ru

Bashkeeva Vera Viktorovna, professor, department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

Доржиева Галина Сергеевна, доцент кафедры французского языка Бурятского государственного университета, доктор филологических наук. Тел.: (3012) 231867; +79516332782. E-mail: galdor@yandex.ru

Dorzhieva Galina Sergeevna, associate professor, department of French language, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 82-2(571.54)

© ***С.С. Имихелова, Т.В. Шантанова***

Трансформация архетипа Великой Матери в бурятской драматургии второй половины XX в.

В статье анализируются женские образы в пьесах бурятских драматургов второй половины XX в. с позиций мифопоэтического подхода, позволяющего обнаружить в них проявление архетипа Великой Матери.

Ключевые слова: архетип Великой Матери, женские образы, бурятская драматургия, амбивалентность архетипа.

S.S. Imikhelova, T.V. Shantanova

Representation of 'the Great Mother' archetype in the Buryat dramatic art of the second half of the 20th century

The article analyzes women characters in dramas by the Buryat playwrights of the second half of the 20th century, using the mythopoetic approach which allows to find a display of 'the Great Mother' archetype.

Keywords: the Great Mother archetype, women characters, the Buryat dramatic arts, archetype ambivalence.

Архетип, как известно, способен «подсвечивать» сюжет произведения не только общими законами мифологического сознания, но и этнической спецификой его проявления. Этническая редакция мифологизма в литературе (В.Н. Топоров) как сопряжение современного и архаического сознания находит выражение в мифологических первосхемах, которые в обилии представлены, по мнению мифопоэтологов, в современной литературе и искусстве. Так, в бурятской драматургии с самого начала можно наблюдать проявление элементов мифологического сознания, закрепленного в древних танцах, шаманских камланиях, бытовых и религиозных обрядах, в устной поэтической традиции [Имихелова, Фролова].

В системе культурных архетипов особое место занимает архетип Великой Матери, Матери-Богини, который у всех древних народов был осенен ореолом святости, непостижимости и поклонения. Поэтому образ женского божества – один из основных в художественных традициях самых разных культур. В первобытной культуре народов Прибайкалья архетип восходит к древним мифоритуальным представлениям о женских божествах – эжинах огня, солнца и луны – Гал голохан, Налхан Юһуруун Төөдэй и Һалхан Юһуруун Төөдэй. Именно этим природным объектам, которые выступали в качестве аналога порождающего начала, поклонялись тюркоязычные народы Сибири. К эпохе матриархата восходит образ Манзан Гүрмэн Тоодой – самой старой богини и матери всех небожителей-тэнгриев. О культе женщины-прародительницы, женщины-жрицы, хранительницы домашнего очага как материнском начале свидетельствуют изображения женщин на скалах, статуэтки из камня и кости [Михайлов, с. 42].

Самым же древним образом, воплощающим женское начало в значении важнейшего мироустройства в восточноазиатской традиции, является Мать-Земля – прародительница всего сущего: растений, животных, человека. Воплощением Земли и женского чрева выступали божественные персоны Ульгень дэлхэй. Древнемонгольское божество, олицетворяющее мать- землю, звалось Etugn – Этуген.

Архетип Великой Матери, как и любой архетип, описанный Юнгом и его последователями, позволяет увидеть во взаимодействии различных культур типологическое сходство, вычленить инвариантное содержание, имеющее надэтничный, общекультурный характер. Так, общей чертой этого культурного архетипа является его амбивалентность, т.е. устойчивость и в то же время изменяемость, обладание позитивным и негативным аспектами одновременно. Некоторые мифологические женские образы мировой культуры, как писал ученик К.Г. Юнга Э. Нойманн в своей книге «Великая Мать» (Нью-Йорк, 1955), наиболее ярко отражают тот или иной аспект архетипа Великой матери: Святая мать дополняется жестокой мачехой, Великая Мать – это Жизнь, олицетворение роста и продолжения жизни, но Мать – это и Богиня смерти, чей голод может быть утолен бесчисленными жертвами живых существ или же жертвоприношениями мужчин и животных [Нойманн].

Мать-Богиня выполняет не только материнские функции, она может быть определена одновременно и как дающая жизнь, и как дарующая смерть [Платицына]. Аспект смерти – это прерогатива Ужасной Матери. Образ, который воплощает в себе ее качества, – это Старая Ведьма. То есть архетип матери неполон без другого аспекта, составляющего оппозицию Хорошей матери. Это аспект Ужасной Матери, удерживающей и порабощающей, Ведьмы, завладевающей и порабощающей душу. Она противостоит Музе, вдохновляющей и дарующей свободу духа, и составляет вместе с ней неразлучную пару [Платицына].

Культу Матери-прародительницы, выступающей не только в ипостаси Жизни, но и воплощающей Смерть, предшествуют эпизоды встреч юношей с демоническими воинственными женщинами. Познание женщиной того, что она является творцом Жизни/Смерти, происходило через ряд таких сакрально-магических действий, как ритуальные соблазнение, убийство и воскрешение. Амбивалентность материнского архетипа можно увидеть в пьесе «Мудрая девица Ногодой» М. Батоина (1990), где мать вместе с отцом совершают убийство собственного сына, правда, поддавшись чарам духа местности, оскорбленного тем, что перед охотой не совершился обряд его умилостивления. В пьесе М.Ж. Батоина женские образы предстают перед нами как воплощение архетипа Великой Матери. Это либо Добрая Фея в образе девицы Ногодой (Ногоодой сэсэн басаган), либо Ведьма в образе матери Ногоодой – Хажар Хара.

Во второй половине XX в. бурятская драматургия была востребована национальным театром и пополнилась новыми именами и произведениями. Один из самых талантливых бурятских драматургов в 1950-е гг. Ц. Шагжин, автор комедий «Хитрый Будамшу» (1954) и «Черт в сундуке» (1963), с успехом ставившихся на сцене Государственного театра драмы им. Х. Намсараева в разные годы, работал в самых разных жанрах:

так, широкую известность ему принесли героическая драма «Песня весны» (1957) и социально-психологическая пьеса «Совесть (Не ждали, не гадали…)» (1960).

Архетипические образы Великой Матери особенно отчетливо проявились в пьесах «Хитрый Будамшу» и «Черт в сундуке». Дело в том, что именно в этих своих лучших произведениях драматург мастерски опирался на сознание читателя, в котором сохранялись архетипы архаической культуры. Как отмечал М. Элиаде, для представителя традиционной культуры архетип является сакральной реальностью, согласно которой совершаются все действия «архаического» человека. В своей работе «Миф о вечном возвращении» ученый рассмотрел особенности восприятия времени и истории архаическим человеком. Все его действия (брак, танец) ритуальны, воспроизводят акт первотворения и великие деяния предков. При исполнении ритуала, воспроизводящего творение мира из хаоса, архаический человек переносится в мифологическое время «начала» – так происходит в комедии «Будамшу». Совершается «отмена» времени и устранение истории. То есть происходит некий «бунт» против исторического времени, попытка включить его в космическое, циклическое и бесконечное время [Элиаде, с. 35].

Так, в комедии «Будамшу» представлены два женских образа – красавицы Гэрэл и жадной Пяглай. Девушка, оказавшаяся в бедственном положении, – один из древнейших архетипов, который нашел активное отражение в мифах, сказках многих народов мира. Гэрэл относится к этому архетипу, потому что она красива, ранима и беззащитна. Главному герою – защитнику бедноты остроумному и находчивому Будамшу предстоит защитить, уберечь юную Гэрэл от старого женолюба Елбой-нойона, который требует богача Порни и его жену Пяглай привести ему Гэрэл в наложницы. Пяглай представляет собой архетип Злой Ведьмы, угодливо стремящейся устроить мужу хорошую должность и пресмыкающейся перед ламой, нойоном, но необыкновенная глупость помешает ей в этом, и Будамшу обведет всех обидчиков Найдана и Гэрэл вокруг пальца. Сказочный хэппи-энд в комедии – это еще от мифов идущее представление о том, как удалец-молодец благодаря своему уму перехитрил своих врагов.

Главная героиня комедии Шагжина «Черт в сундуке» – старая набожная старушка Бума очень хочет съездить на молебен в дацан, чтобы ее молитвы помогли счастью единственной дочери Цырэгмы, для чего ей понадобятся накопленные сбережения. Это ее желание подкреплено и неверным, с ее точки зрения, выбором дочери: она влюбилась в Дамдина, молодого дояра, который «плох» тем, что занимается немужской работой, «сидит под коровой», это стыдно и грешно, считает Бума. К тому же Дамдин явный безбожник. И тут Буме «повезло»: бывший лама Тарсед обещает провести обряд без всякой поездки в далекий монастырь, чтобы расстроить намечающийся невыгодный брак. Мошеннический интерес Тарседа раскрывают бойкий Дамдин при сотрудничестве соседа Бумы Хасара, бывшего милиционера.

Высоко оценили комедийное мастерство автора пьесы В.Ц. Найдаков и С.С. Имихелова: «Содержание этой комедии как будто не претендует на большие художественные обобщения. Но эта нехитрая сюжетная канва так расцвечена яркими, красочными подробностями современного быта, смешными приключениями незадачливого «святого», психологически убедительными и по-настоящему комедийными ситуациями, что смело может быть поставлена в один ряд с лучшими образцами комедийного жанра» [Найдаков, Имихелова, с. 144].

Архетипически образ Бумы, наивно верящей не чувству дочери, а слащавым обещаниям прохожего, случайно оказавшегося странствующим ламой, совмещает в себе функции Хорошей и Плохой Матери, которые выражены в целом ряде символов. Одним из них является предмет, предназначенный для хранения одежды – сундук. Именно в нем хранит Бума свои сбережения, на которые позарится Тарсед, именно в нем он пытается спрятаться от Дамдина и Хасара. Прячется он и на кровати под одеялом и дохой, т.е. сундук и кровать – символы защиты, «содержания в себе», свойственные архетипу Великой Матери [Нойманн]. Одновременно сундук и кровать для Бумы окажутся предметами, которые внушают страх: то кто-то, укрытый дохой, вдруг выбежит из юрты (это Дамдин, следящий за Тарседом, спасается от разоблачения), то из сундука будут раздаваться звуки, наводящие ее на мысли о черте – бохолдое (а это Тарсед мучается там без воздуха), и т.д.

Образ Бумы – самый привлекательный в пьесе Шагжина, поскольку воплощает женское начало в архаическом смысле: вместо логических рассуждений и догадок она, подобно ребенку, безоговорочно верит в силу ритуала, одухотворяет предметы, наделяя их мистическими свойствами. Благодаря ее сверхэмоциональной вовлеченности в события реальные предметы – сундук, кровать, доха превращаются в ее сознании в образы антропоформные, приобретают облик живых существ, как при ритуале, когда какой-то пред-

мет превращается в тотемное животное. Воплощая в себе архетип Матери, дарящей, защищающей свое дитя, Бума как бы пребывает в мифологическом времени, пока сознанием не возвращается в реальное время: чары развеиваются к ее облегчению, когда Дамдин и Хасар развенчивают мошеннический план Тарседа – обобрать Буму и скрыться. Убедившись в том, что несостоявшийся служитель культа оказался ничтожеством, Бума прогоняет его и соглашается на брак дочери и Дамдина.

Совсем по-другому архетипический образ Великой Матери проявляется в пьесе Шагжина «Совесть» («Не ждали, не гадали…»). В сюжетном плане это продолжение пьесы «Первый год», написанной в 1956 г. Несмотря на то, что в центре пьесы находится «мужской» конфликт (как и в первой части драматургической дилогии) – внутренний разлад и прозрение председателя колхоза Эрдэни, выраженный в одном из названий пьесы, на первом плане окажется участие «женского» начала, отразившийся во втором названии. Оно неожиданно станет противовесом зазнайству и самодовольству Эрдэни, чьи успехи (о них говорится в пьесе «Первый год») и лесть лодырей и интриганов вскружили ему голову. Умная и всепонимающая жена Саран, молодая доярка Долгор, подруга противника героя – парторга Цокто, ее коллега Намсалма, ревностно отстаивающая свою репутацию передовой доярки колхоза, – именно они разрушат планы тех, кто хочет подставить председателя колхоза и нажить себе авторитет, – заведующего фермой Мунсы Бухаевича и его племянника Тээхэра. Они-то придумали план – искусственно завышать удои Долгор, выдвинув ее в нового передовика, «маяка» производства и раззвонив об этом в отчетах и районной газете. Сначала Зоригто неохотно соглашается с этим планом, но потом приписки и фальшивые отчеты начнут его тревожить, а затем откроют ему глаза, заставят пересмотреть отношение к своим делам и поступкам. Он созывает собрание, чтобы публично покаяться и предать себя суду своих земляков. В финале раскроется правда о поднятом переполохе: оказывается, что не было никакого обмана и приписок, что доярки Долгор и Намсалма, договорившись между собой, побили все рекорды и добились успехов назло врагам любимого председателя. Намсалма так и объяснит собравшимся: «Из Долгор хотели сделать погремушку да вокруг этого звона руки погреть… Хорошо, Долгор вовремя догадалась, мне все рассказала. Ах, думаю, черти! Проучить их надо! А чем злых людей накажешь крепче всего? Хорошей работой! Мы и взялись! И добились своего» (пер. А. Симукова) [Шагжин, с. 124].

В построении конфликта ключевой стала фраза Зоригто в начале пьесы «Мало ли что бабы говорят», которой он беспечно откликнется на тревогу жены Саран и ее подруги Долгор по поводу его заблуждений. Эти слова будут опровергнуты всем ходом действия и окажутся началом его перерождения. То есть роль женского начала в основном – «мужском» – конфликте окажется главной. В мифах функция спасения – одна из главных функций Великой Матери, которая выступает при этом в аспекте Хорошей Матери, повелительницы всего живого, и Музы, вдохновляющей и дарующей свободу духа. Именно такова сущность всех женских образов в драме Ц. Шагжина «Совесть», составляющих комплекс мудрой, понимающей, всепрощающей, жалеющей и помогающей герою Матери.

В пьесах данного периода можно увидеть, что противоположные аспекты Великой Матери достаточно четко делятся и воплощаются в различных женских образах, противостоящих друг другу и борющихся между собой. Борьба и дуальность образов – основные мотивы многих пьес, например, «Мудрая девица Ногодой» М. Батоина, где налицо противопоставленность, противоположность образов рассматриваемого архетипа. Но в лучших пьесах 1950-1980-х гг. амбивалентность рассматриваемого архетипа проявится в том, что его противоположные аспекты будут слиты воедино и плавно «перетекать» друг в друга, не противореча один другому, в одном женском образе. Эта тенденция проявится в пьесах талантливых прозаиков, пришедших в драматургию в этот период.

Уже постановка первой пьесы прозаика и начинающего драматурга А. Ангархаева «Золотое кольцо» («Алтан бэһэлиг») (1975) дала основание критику заметить: «Внимание театра, несомненно, привлекла удивительная человечность автора, его позиция активной доброты, точность воссоздаваемой атмосферы, знание обычаев и деталей быта современного бурятского села» [Муруева, с. 67]. В сущности эти слова применимы почти ко всем пьесам Ангархаева. Но первая пьеса действительно была написана мастерской рукой автора рассказов и повестей (о чем свидетельствовала перекликающаяся с ней в сюжетном отношении повесть «Наводнение» («Үер»), написанная в 1976 г.) и выявила интерес писателя к воспроизведению национальной картины мира, выраженной в образно-метафорическоой символике, в архетипических образах-символах горы, реки-потока, огня-пламени и других природных стихий.

Кажется, ни в какой другой пьесе драматурга

больше не будет выведено столько ярких женских образов, в которых угадываются различные проявления архетипа Великой Матери: Хорошей Матери в образе жены главного героя председателя колхоза Дабы, Доброй и Злой Феи в образах-антиподах Хорло и Дэжид, любящих одного и того же мужчину – Буду, Музы – в лице молоденькой и наивной Сэндэмы, влюбленной в художника-неудачника Армана. Даба, Буда и Арман – три сына старика Боро, чье прошлое окутано тайной, и только золотое кольцо когда-то убитой в годы коллективизации матери Хорло, наконец, раскроет тайны прошлого. Сам того не ведая, Сэнгэ, ненавидящий Дабу – своего соперника в личной и профессиональной сферах, желая бросить тень на всю семью Бороевых, пускает в ход купленное у ламы золотое кольцо, но оно не только не повредит старику Боро, а выведет к истинному убийце – отцу самого Сэнгэ.

Необычное, расписанное узорами из цветов золотое кольцо для Хорло – память о матери, как она говорит Арману, это «единственная вещь, напоминающая мне мать» («Эжыемни һануулха ганса юумэн»), а тот откликается: «Да… На земле нет священнее памяти матери» («Тиимэл даа… Дэлхэй дээрэ хүндэ эжыһээнь үнэтэй юун байхаб») (подстрочный пер. автора; архив ГАБТД им. Х. Намсараева). Действительно, золото символизирует одновременно жизнь и смерть. В мифах ацтеков, например, это символ сезонного цикла естественного обновления, в буддизме оно означает свет, озарение [Словарь символов] – именно этот смысл, видимо, имел автор. Но если обратиться к ассоциациям с Великой Матерью, то форма кольца напоминает округлые формы женских частей тела, и потому детективная разгадка связана с этим архетипом, ибо в соперничестве мужчин из-за женщины как в прошлом (мать Хорло), так и в настоящем (Галя) на первый план выходит любовь – основное качество Хорошей Матери и движущаяся сила матриархального общества.

Одна из сцен-экспозиций – встреча героинь на дне рождения Хорло, где они весело размышляют о том, какой должна быть настоящая женщина. Сэндэма упрекает Галю в черствости, поскольку все время говорит о работе, о волнующих всех колхозных проблемах, и утверждает, что она должна быть мягкой, сердечной, обаятельной («Эхэнэр хүн уян, з**өө**лэн, урихан наягай байха юм»). И, конечно, главное в жизни женщины – любовь, которая «ни от чего не зависит: ни от славы, имени и других людей. Только от сердец двоих» («Инаг дуран юунһээшье айха, дулдыдаха ёһогүй. Нэрэ солоһоошье, бусад зонһоошье. Хоёр хүнэй зүрхэ сэдьхэлэй хэрэг»). Галя же чувствует себя умудренной женщиной, поскольку поглощена производственными делами своими и мужа, и не соглашается с девушкой.

Хорло считает Сэндэму веселой и отчаянной, как пламя («Дүлэн мэтэ шуумар басаганши, Сэндэмэ!»), потому что сама грустна – когда-то рассталась с Будой из-за неприязни его отца и держит обиду на него за то, что тот быстро сошелся с соседкой Дэжид. Но песни и танец внесут ненадолго радость в ее отношении к жизни. Именно Сэндэма своим легким веселым нравом способна заразить и Галю, и Хорло, которая будет благодарна подругам за то, что они «развеяли грусть, как легкий дым, внесли в душу радость, как солнце» («Ходол нүхэрэйнг**өө**: уйдахада уйдхарыень утаан мэтээр тараажа, баярыень наран мэтээр бадараажа ябыт даа…»). Но архетипически Сэндэму следует представить посланной Великой Матерью-Землей, чтобы, как Муза, поддержать Армана, который из-за душевной сумятицы, вызванной мрачными подозрениями по поводу виновности отца в давнем убийстве, никак не может дописать свою главную картину. Она заразит жаждой творчества Армана, который захочет нарисовать ее, но главное – вселит в него веру в себя, заставит быть честным с самим собой.

В этом образе подчеркивается воплощение самой жизни, недаром Сэнгэ сравнивает Сэндэму с цветком, намекая на яркий, как солнце, румянец на лице. Борьба и спасение любимого от разрушения личности, обаяние красоты степного цветка – все это приложимо к героине, обозначая ее как Хорошую Мать, как победу жизни и красоты над силами тьмы и хаоса, которые владеют другими героинями пьесы. И хотя над Сэндэмой подшучивают мужчины, намекая, что красивые женщины – оборотни дьявола, она то отмахивается от этих слов, то шутливо отвергает это сравнение.

Но особенно отчетливо архетип Великой Матери с его амбивалентностью видится в образе Дэжид. Ведь для нее главное – удержание во что бы то ни стало Буды, который давно понял о своей ошибке и страстно хочет вернуться к Хорло, и Дэжид прибегает к разным способам, вплоть до порабощения с помощью отца Боро. Но, кроме этих негативных функций архетипа – удержания и порабощения, не минуют Дэжид функции и позитивные – развития и преображения, свойственные Хорошей Матери, и можно сказать, что Ужасная Мать в ней проиграет, когда она откажется от своего нажитого богатства ради счастья с любимым человеком, а потом благодарная своей сопернице Хорло за спасение телят во время страшного наводнения уже не будет видеть в ней

своего врага. Даже Сэнгэ заметит эту перемену: «Недавно чуть не дрались из-за Буды, и вот чуть не целуются. Женщины!» («Мэнэ һаяхана Будаяа буляалдаха наншалдахаяа байгаад, мүн**өө** тэбэрилдэхэһээ наана болохо тогтууриггүйл зон»).

Вода в виде дождя, вызвавшего наводнение, как один из главных символов Великой Матери, станет событием, хоть и губительным для хозяйства, но и расставит все на свои места: Галя наконец поймет, что мужу не безразличны семья и судьба старого отца, Хорло откроет, что не вражда, а былая любовь и память о ее матери послужили причиной нежелания старого Боро видеть ее в роли невестки, а значит, ее семья воссоединится; мужчины наконец разоблачат все интриги коварного Сэнгэ. Как бы сама Великая Мать дарует людям живительную стихию, преобразовав их жизнь, восстановив гармонию. Обычно в мифах этот архетип выведен в таком символическом образе, как вода (в пьесе река, дождь, поток, вышедший из берегов Иркут), он и выводит людей на более высокий уровень, способствует их духовному развитию. Он символизирует, совсем по Юнгу, первоначальные, первобытные воды и успокаивающую, теплую «воду» материнского чрева.

Амбивалентная Мать, воплотившаяся в женских образах пьесы «Золотое кольцо», а также в символике воды, устраивает так, чтобы люди, уйдя в прошлое, где царят смерть, убийство (ретроспективные сцены возникают как работа памяти стариков Боро и Дархана), вернулись в настоящее как в его объятия, ощутили себя родившимися вновь для жизни, гармоничного существования.

Другой прозаик – Д. Батожабай после создания трилогии «Похищенное счастье» на драматургическом материале задумал политический памфлет «Катастрофа» (1977), где вновь, как и в романе, предстанет драматическое сопряжение и переплетение политических интересов разных стран и народов с простой человеческой судьбой. Обращаясь к событиям периода культурной революции в Китае, Батожабай поставит в центр пьесы образ жены Мао Цзе Дуна Цзян Цин – смелой, энергичной и в то же время порочной и коварной женщины. Цзян Цин – этой Роковой Женщине противостоит Лао Цзы, дочь бывшей подруги. Характерно само сравнение этих женских характеров, которое звучит в словах Цзян Цин: «Ши үнэн сэхэ, гүлмэр залуухан, арюун сэбэр байнаш. Шинии табисуур – инаг дуран! Харин мини табисуур – зузаан үүдэнэй саагуур. Инаг дуран политика хоёрнай эгэшэ дүүнэр, алиниинше хүнэй хүсэ шунал адляар татадаг» – «Ты молода, красива, честна и правдива. Твой удел – любовь. Мой же удел – за семью печатями. Любовь и политика – родные сестры, любая из них притягивает к себе все силы и энергию человека» (пер. И.В. Фроловой) [Фролова, с. 48]. Тем самым Цзян Цин раскрывает свое кредо, которое и погубит ее душу, поскольку она расправляется со своими политическими противниками, не сомневаясь и не чувствуя никаких угрызений совести. Стремясь стать победительницей за высшую власть в стране и потерпев поражение, героиня Балдано воплотила архетип Ведьмы с ее функцией захвата и удержания.

Однако есть в пьесе «Катастрофа» еще один женский образ – старушка Ли, потерявшая двух сыновей: старшего, который подорвал здоровье на каторге, младший же тоже потерян, так как поступил на службу в тайный сыск и ради того, чтобы выслужиться, готов уничтожить брата и мать. Старушка Ли символизирует вселенское страдание, поскольку от голода и нищеты, личных потрясений она не выдерживает их воздействия, впадает в безумие и начинает твердить идеи Мао Цзе Дуна, отчего они приобретают страшную, фанатичную силу. Обращаясь к портрету «великого председателя», она неистовствует: «Шинии үг**өө**р, шинии хэлэһээр ябахабди! Галдахабди! Шатаахабди! Хамаагүй хамаг дэлхэй галдахабди!» – «По твоему слову, по твоему приказу мы будем поступать! Сожжем! Уничтожим. Весь мир сожжем!» [Фролова, с. 49-50]. Мрак безумия – это один из символов архетипа Ужасной Матери, но амбивалентность присуща этому образу, поскольку материнская любовь обратилась в свою противоположность – ненависть ко всему миру.

Заслуга драматурга в том, что в лице двух героинь, каждая из которых выступает как архетипическая Мать (где в отличие от Цзян Цин старушка Ли – одновременно и Хорошая, и Ужасная Мать), он сумел выразить подспудный страх современного общества перед сметающей все стихией политических катастроф как бездны, пожирающей все и вся, создавая антиутопическую картину тревожного, вздыбленного мира.

Интерес к женскому образу, получающему статус Вечной Женственности, т.е. носительницы божественного начала и одновременно земного, представляет пьеса Д. Эрдынеева «Той весной к нам вернулись гуси» (1987). Образ главной героини Янжи как матери двух сыновей играет особую роль в ее структуре. Ее появление в начале пьесы связано с привычным стремлением дарить, заботиться о других, выступать в роли неиссякаемого источника для поддержания сил. Старик Галан так и говорит: «Она здесь вроде как хозяйка, уедет, и пропадет Онин Булаг» (пер.

И. Дмитриева) [Эрдынеев, с. 397]. Янжи выносит из дома лепешки для старых Галана и Дэру, но они слышат от нее сообщение о том, что собралась переехать в город к сыну и что привычная жизнь в оставленной людьми деревне, где они трое – единственные жители, заканчивается. То есть налицо двойственность образа Янжи – ее внутреннее главенство в тройственном союзе стариков и в то же время ее согласие на уговоры сына разрушить это единство.

Тем не менее решение Янжи покинуть деревню отвергается в действии – сюжете обретения другого, брошенного, но не забытого сына, т.е. функция сохранения дома как священного пространства, как храма остается по-прежнему неотменяемой. Недаром потерянный и обретенный сын Василий – по профессии строитель, станет творцом нового дома, сумеет наполнить жизнь Янжи новым смыслом. Если в начале пьесы героиня пьесы принимает решение уехать в город и дом перевезти в качестве дачи для сына Жаргала (некий акт жертвоприношения), то затем появление Василия станет обретением своей сокровенной сущности. Когда-то в юности она стала жертвой ложного, рокового решения оставить младенца у другой женщины, потерявшей на войне сына. И теперь подлинное материнское, женское начало восстанавливается и побеждает, что служит сохранению села Онин Булаг, а значит – преображению жизни. Но драма только начинается: в финале пьесы – другой сын уходит от матери с обидой в сердце, не приняв брата и не простив Янжи. Дом и станет камнем преткновения между меркантильным Жаргалом и благородным Василием.

Финал пьесы обостряет драму Янжи, переживающей потерю дорогого существа, потому что она ощущает, что не смогла внушить Жаргалу уважение и любовь к родному селу, отцовскому дому, родной матери («Где мой сын? Он уехал! Не удержала я его…»). И это переживания героини – Плохой Матери, когда-то бросившей своего первенца, хотя и в надежных руках, и теперь потерявшей младшего сына. Василий утешает Янжи, уверяя, что Жаргал скоро вернется – и в этот момент в небе летят гуси, они возвращаются в Онин Булаг, потому что, как и люди, поверили, что село не будет брошено. Птица как воплощение жизненной энергии является во многих культурах символом человеческой души, защитником и покровителем семьи, рода, жилища (вспомним прародительницу бурят Мать-Лебедицу). Гуси вернулись в Онин Булаг как символы, помогающие сохранить и продолжить естественный цикл, установленный Великой Матерью.

Таким образом, в бурятских пьесах 1950–1980-х гг. отчетливо прослеживается архетип Великой Матери в разных аспектах – как позитивном (Хорошая Мать, Добрая Фея, Муза), так и негативном (Плохая Мать, Ведьма). В одних пьесах эти аспекты разделяются на два образа-антагониста, в других – сосуществуют в одном образе, подчеркивая амбивалентность архетипа. Трансформация архетипа Великой Матери, Матери-Земли в пьесах Ц. Шагжина, А. Ангархаева, Д. Батожабая, Б. Эрдынеева ведет к победе гармонии над хаосом во внутреннем мире героев. Мифопоэтическая интерпретация бурятской драматургии второй половины XX в. позволяет обозначить глубокие и выразительные изменении в концепции личности современного человека, пытающегося открыть собственное «я», приблизиться к нему с помощью божественного языка первопредков.

Литература

1. Имихелова С.С., Фролова И.В. Предисловие // Антология литературы Бурятии XX – начала XX1 века: в 3 т. Т. III: Драматургия / сост. С.С. Имихелова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
2. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. – Новосибирск: Наука, 1980.
3. Муруева В.П. Главная тема – современность // Современная литература Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.
4. Найдаков В.Ц., Имихелова С.С. Бурятская советская драматургия. – Новосибирск: Наука, 1987.
5. Нойманн Э. Великая Мать. Глава первая. Структура архетипа [Электронный ресурс]. – URL: castalia.ru/posledovateli-yunga-per…
6. Платицына Т.В. Архетип «Великой Матери» в традиционной и массовой культуре США: дис. … канд. культурологии. – Улан-Удэ, 2011.
7. Словарь символов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.edudic.ru/sim/277/
8. Фролова И.В. Художественный мир Д. Батожабая. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2005.
9. Шагжин Ц. Пьесы / пер. с бурят. – М.: Советский писатель, 1976.
10. Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость / пер. с фр. – СПб.: Алетейя, 1998.
11. Эрдынеев Б. Той весной к нам вернулись гуси // Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 т. Т. III: Драматургия / сост. С.С. Имихелова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.

Имихелова Светлана Степановна, профессор кафедры русской литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Тел.: (3012)223015. E-mail: 223015@mail.ru

Imikhelova Svetlana Stepanovna, professor, department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

Шантанова Тамара Васильевна, президент фонда верующих шаманистов западного побережья Байкала и Прибайкалья «ОРЬЁЛ», соискатель кафедры русской литературы Бурятского госуниверситета.
Тел.: +7-9247546304. E-mail: bashiila@yandex.ru
Shantanova Tamara Vasilevna, head of the shamanistic fund of Baikal western shore and Baikalside "Oryol", competitor of scientific degree, department of Russian literature, Buryat State University.

82(571.54)+398(571.54)

© А.Л. Ангархаев, Г.Ц.-Д. Буянтуева

Легенды о племени хонгодор в интерпретации бурятских писателей

В статье представлена попытка исследования легенд и преданий о племени хонгодор в бурятской литературе.
Ключевые слова: племя хонгодор, генеалогические, топонимические легенды, единство мифоэпических традиций.

A.L. Angarkhaev, G.Ts.-D. Buyantueva

The Khongodor tribe legends in the Buryat writers' interpretation

This article is an attempt to study legends and myths on the Khongodor tribe in the Buryat literature.
Keywords: Khongodor tribe, genealogy, place names legends, unity of mythoephic traditions.

Самое известная легенда о хонгодорах – это легенда о приходе их на нынешнюю бурятскую землю из Монголии. Она бытует в разных вариантах, отличающихся друг от друга и содержанием, и художественными деталями –в зависимости от места жительства родов. А. Бальбуров в романе «Поющие стрелы» обратился к аларской версии, в которой говорится о трудном переходе через степи и горы, о людских и материальных потерях. В легенде воспевается долг сына перед отцом, каждого члена перед родным племенем, личности перед обществом, когда сам вождь отдает приказ казнить себя за то, что настоял освободиться в трудном походе от стариков: «Двенадцать поющих стрел попали в сердце вождя». В новеллу-легенду рассказчик вставляет фрагмент и от себя: «Говорят, есть в Саянах такое глухое ущелье, откуда до сих пор несутся крики и проклятия. Говорят, даже вечный грохот водопада в том ущелье не может заглушить стонов и криков несчастных. Так говорят хонгодоры» [Бальбуров, с. 250]. Вождь, таким образом, понес наказание пострашнее смерти – проклятие умервщленных по его приказу старейшин рода.

Поучительный смысл легенды, усиленный художественным замыслом писателя, можно рассмотреть на примере существующей в Тунке легенды «О старухе донгайдке», которую можно услышать у знатоков старины села Амаргол Тункинского района. Характерно то, что содержание этой легенды видоизменялось в зависимости от рода и племени, к которому относил себя тот или иной рассказчик. Данная легенда переработана Владимиром Тулаевым [Тулаев].

Одна старуха-донгайдка была брошена на произвол судьбы своими сородичами-донгайдцами на середине длинного и томительного пути их кочевья. Ее нашли два хонгодора, приютили, вылечили, поставили на ноги. Она была бесконечно благодарна им и произнесла вещее благопожелание: «Хоёрхон хонгоодорни хорин түмэн болоороЙт» («Пусть два мои хонгодора размножаются и расплодятся до двухсот тысяч человек»). Поскольку старуха была в страшном гневе по отношению к своим сородичам, она вымолвила проклятие в их адрес: «Долоон түмэн донгойдуудни долоон зуундаа орогты» («Пусть семьдесят тысяч моих донгайдцев сократятся, уменьшатся до семисот человек»). Знатоки Тункинской долины вспоминали, что, действительно, после таких слов старухи хонгодоры стали быстро умножать свою численность, а донгайдцы, опомнившись и поумнев, попросили прощения – милости у своего предка-матери, стали молиться ей, что помогло племени в дальнейшем жить и преумножаться, как прежде [Тулаев, с. 56].

С приходом хонгодоров в Оку связана этимология топонима «Аха», обозначающего как реку, так и сам край. До этих мест дошли два брата. На второй день доехали до озера, от которого брала свое начало эта река. У озера братья устроили ночлег. Наутро младший брат Тархай, обращаясь к старшему, вдруг изрек: «Не назвать ли, дорогой Ахай, это безымянное озеро в честь тебя и нашего ночлега на берегу озера?». Задумался Буранхан. Разумеется, велика была честь. И он, тяжело вздохнув, сказал: «Да, слишком высоко доверие и огромна миссия – нести на своих плечах столь сказочное имя, но пусть будет по-твоему. Да будет так впредь, на веки вечные; пусть так называют наши потомки это озеро, эту реку, этот край – Аха» [Тулаев, с. 54].

К следующей группе легенд о хонгодорах относятся генеалогические. Примечательно, что они обработаны также В. Тулаевым. Одну из них – легенду о Баасаане – использует в своей поэме «Баатарай соло» («Жамбал Тулаев») Шагдар Байминов [Байминов, с. 300]. Герой Советского Союза Жамбал Тулаев, которому посвящена поэма, относится к 12-му поколению хонгодоров, а само генеалогическое древо составил один из летописцев Тагархая Лопсон-Доржа Аюшеевич Гунсенов. Родословная его такая: Хонгодор – Ашхай – Хитад – Муу – Саган Моёотой – Баа саан – Андараан – Боохолой – Туулай – Даша – Еша – Жамбал. Предки Жамбала Тулаева в основном занимались охотой, были неплохими стрелками. Об одном из них – Баасаане – сохранилась легенда, использованная Ш. Байминовым.

Однажды охотники взяли с собой в тайгу 9-летнего Баасаана. Добравшись до места охоты, они оставили мальчика в балагане и сказали ему, что он еще мал для охоты, пусть научится охранять стоянку, еду готовить и т.д. И еще предупредили, чтобы далеко он никуда не ходил, особенно на большую черную гору, которая находилась на западной стороне от балагана. Баасаан, оставшись один, быстро собрал сухой валежник, развел костер, сварил чай и стал ждать старших. Но вскоре ему стало невтерпеж сидеть без дела целый день. Он начал думать, почему ему запретили ходить на черную гору. И любопытный мальчик все-таки решил сходить туда незаметно и посмотреть, что там есть. Взял с собой кремневку (ружье, стреляющее при помощи кремня) и направился к горе. Поднявшись тихо на гору, Баасаан увидел на поляне огромного медведя с белым пятном на лбу, который, ничего не замечая, спокойно жевал траву. Мальчик бесшумно подкрался к нему поближе и, прицелившись прямо в белое пятно, спустил курок кремневки. Медведь страшно заревел, прыгнул высоко вверх и упал с таким грохотом, что земля задрожала. Как только была убита эта громадина, со всех сторон побежали без оглядки десятки медведей. Видимо, они охраняли своего медведя-царя.

Когда Баасаан вернулся на стоянку, старшие уже ждали его. Увидев мальчика, стали его расспрашивать, куда он ходил, что делал. Пришлось Баасаану рассказать о случившемся. Но бывалые охотники не поверили ему, ведь с той горы никто из охотников не возвращался живым. На следующее утро охотники все-таки решили сходить на гору. Поднявшись и увидев мертвым огромного медведя, сначала глазам не поверили. Им ничего не оставалось делать, как снять шкуру с убитого медведя. Длина шкуры была около трех саженей, а толщина пуленепробиваемой. Убить его можно было, оказывается, попав только в белое пятно на лбу. В берлоге медведя-царя охотники нашли более двадцати кремневок, столько же человеческих черепов. А шкуру отдали соседям-сойотам в обмен на сорок шкур обычных медведей. Сойоты, в свою очередь, подарили эту необычную шкуру русскому царю, за что потом имели большую привилегию на охотничьи угодья.

С тех пор Баасаан стал легендарным охотником. Если вдруг в тайге медведь нападал на человека, надо было кричать: «Стой! Я из рода Баасаана». И любой медведь, услышав эти слова, в какой-то миг замирал. В этот момент охотник успевал выстрелить в него и уложить наповал [Тулаев, с. 57].

К генеалогическим мы относим легенду об эхиритах, булагатах и Эреэдэе, который был, согласно легенде, родоначальником тункинских бурят. Мотивы легенды присутствует в повести Балдана Ябжанова «Саяанай домог» («Саянский сказ»), одним из героев которой является Жамбал Тулаев.

Если легенду о Баасаане относим к героической охотничьей группе, то маленькая поэма Ш. Байминова «Хонгоодор» – героическо-бранная. Она основана на лирико-воинственной легенде о воине, мечтающем о мирном бытии. Он возвращается в родные края через десятки лет, подъезжает к юрте, поет песню своей молодости, с трепетом сердца надеясь, что выбежит навстречу молоденькой его красавица-жена. А вышла из юрты согбенная, дряхлая старушка, только глаза ее горели с прежней любовью…

Еще одна группа легенд и преданий, ставших достоянием художественной литературы, – это топонимические, одновременно относящиеся к генеалогическим, этномифологическим. Например, легенды, записанные в Закамне среди енгорбойцев Хандажапом и Лупсаном Цыреновыми [Цыренов Х., Цыренов Л., с. 57].

Особо выделяются легенды о хонгиратах, которых в последнее время в научных исследованиях склонны отождествлять с хонгодорами, вернее, хонгодоры исторически восходят к хонгиратам, как и племя хори – к горлосам // кураласам. Хонгираты, горлосы, икиресы (эхириты) в своем единстве упоминаются в «Сокровенном сказании монголов», «Собрании сочинений Рашид-ад-дина», в сочинении Абуль-гази [Ангархаев, 2013; 2005; 2003].

В пятитомном романе-мозаике Ардана Ангархаева изображены представители племени хонгодор // хонгират [Ангархаев, 2009]. Ярко обрисован образ предводителя хонгиратских племен Дэй-Сэцэна. Также приводится предание о братьях

из местности Золотая чаша (Алтан Сугсэ) – Зурлуг Мэргэн (родоначальник хонгиратов), Хубайшира (родоначальник олхонутов и икиресов), Тусубодо (родоначальник хонгиратов, горлосов, харанутов) и другие главы родов, всего 6, по Абуль-Гази, Сайшияла, что подтверждает единство бурятских племен – хори, хонгодор, эхирит, булагат.

На единство племен прямо указывает единство языка (h-акающий говор), мифоэпических традиций (легенды о Буха ноёне, о лебедице-прародительнице имеются у хори и хонгодоров). О лебедице-прародительнице записано С.П. Балдаевым у эхирит-булагатов, также отдельные записи сделаны в Оке и Тунке. У аларских хонгодоров в их легенде говорится, что Хоредой Мэргэн жил на одном из островов Ангары (Ангара, низовья Иркута считается первичной родиной хонгодоров) и небесной супругой его стала лебедица на озере Оса-нур.

В творчестве А. Ангархаева широко представлен хонгодорский мир. Он освещается в контексте всего монгольского мира, в котором прабуряты играли важную роль, что находит подтверждение в легенде о выходе монголов из прародины – Эргэнэ-хүн.

Роман-мозаика «Небо и Земля», написанный в целом на документальной и историческилитературной основе, при обращении к легендам и преданиям, мифологическим образам в связи с мифопоэтическим характером изложения обретает своеобразный стиль, соединенный с поэтикой устного народного творчества, что можно назвать романтико-историческим реализмом. Нам кажется, как пример можно привести главы о выходе монголов из Эргэнэ-хон, разведывательный поход Буртэ-Чоно и Гуа-Марал к Бурхан-Халдунну, реке Хэрлэн, к тому священному месту монгольского мира, где было заложено начало эпохи Чингисхана.

На наш взгляд, легенды, предания, мифы хонгодоров еще недостаточно изучены, особенно в их литературно-художественном отражении.

Литература

1. Ангархаев А. Историко-культурные связи монгольских народов в языковых и мифоэпических традициях Центральной Азии». – Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2005.
2. Ангархаев А. Этимологическое исследование древнемонгольских онимов. – Новосибирск: Наука, 2003.
3. Ангархаев А. Небо и Земля. – Улан-Удэ, 2009. – Т. IV.
4. Ангархаев А. Хонгодоры и единство бурятских племен // Хонгодор. Уулын уладай уулзалга. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2013.
5. Байминов Ш. Мүнхэ золой мүнгэн шүүдэр. – Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2006.
6. Бальбуров А. Поющие стрелы. – М.: Сов. Россия, 1969.
7. Тулаев Ж. О старухе донгайдке // Хонгодор. Уулын уладай уулзалга. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2013.
8. Цыренов Х., Цыренов Л. Легенды и предания хонгодоров Енгорбоя // Хонгодор. Уулын уладай уулзалга. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2013.
9. Ябжанов Б. Саянай домог (Саянский сказ). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971.

Ангархаев Ардан Лопсонович, профессор кафедры бурятской литературы Бурятского госуниверситета, доктор исторических наук. Тел.: +7-9021699889, +7-9246546861

Angarkhaev Ardan Lopsonovich, professor, department of Buryat literature, Buryat State University, doctor of historical sciences.

Буянтуева Гэрэлма Цырен-Доржиевна, научный сотрудник Центра монголоведных исследований Бурятского госуниверситета, кандидат филологических наук. Тел.: +7-9025657531. E-mail: buyan1984@yandex.ru

Buyantueva Gerelma Tsyren-Dorzhievna, researcher, Center of Mongolian studies, Buryat State University, candidate of philological sciences.

УДК 930 (571.54) + 82-96(571.54)

© ***Ч.Ц. Цыренов***

Основные концепции и понятия сочинения Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости»*

* Статья написана при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН Проект 33.4, номер гос. регистр. 01201252890

Статья посвящена исследованию основных концепций бурятского буддийского произведения «Зерцало мудрости». Выявлена система хронотопов анализируемого сочинения (дом – двор – родные места – дорога – поле – чужбина).

Ключевые слова: бурятский буддизм, хронотоп, закон воздаяния, тайные благодеяния, срединный путь.

Ch. Ts. Tsyrenov

Main conceptions and notions of E.-Kh. Galshiev's composition «Mirror of Wisdom»

The article is devoted to the study of the basic conceptions of «Mirror of Wisdom», the Buryat Buddhist work. A system of chronotopes of the analyzed composition (house – yard –native places – road – field – foreign land) has been identified.

Keywords: Buryat Buddhism, time-space, the law of retribution, secret deeds, the middle path.

«Зерцало мудрости» («Бэлигэй толи»), созданное известным бурятским ламой-просветителем Э.-Х. Галшиевым (1855-1915), является выдающимся произведением бурятской дореволюционной литературы, сыгравшим важную роль в развитии бурятской культуры и религии. Полное название этого произведения – «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам». Наибольший вклад в исследование этого произведения внес видный бурятский ученый Ц.-А. Дугар-Нимаев. В 1966 г. он выполнил полный перевод «Зерцало мудрости» («Бэлигэй толи») и составил к нему подробные примечания. В своем сочинении Галшиев уделил большое внимание проблемам социально-этического и религиозного характера, в изящной афористической форме подробно рассмотрел проблемы гармоничной социокультурной коммуникации людей в самых различных статусно-ролевых ситуациях (высший – низший, старший – младший, богатый – бедный, гость – хозяин и т.д.), включая конфликтные выигрышные и конфликтные проигрышные ситуации. Любой человек может быть и выше и ниже кого-либо, и старше и младше кого-либо, и богаче и беднее кого-либо и т.д. Автор подробно рассматривает особенности таких ситуаций и дает читателю свои советы. Советы Галшиева можно свести к двум вариантам – либо принять что-либо или кого-либо, либо отвергнуть или согласиться с чем-либо или отказаться, что полностью согласуется с полным названием самого произведения. По мнению Л.Е. Янгутова, сочинение Галшиева «представляло собой свод правил, регламентирующих поведение бурят в их повседневной жизни, затрагивающих практически все стороны их хозяйственной и духовной жизни. При этом правила светской жизни были строго подчинены буддийской морали» [Янгутов].

Можно сказать, что в основе многих рассуждений Галшиева лежат следующие диалектические пары понятий: 1) выгода и вред; 2) добродетель и грех; 3) жизнь и смерть; 4) заслуга и вина; 5) счастье и беда; 6) друзья и враги; 7) победа и поражение; 8) богатство и бедность.

Автор доказывает, что истинная выгода заключается в накоплении святой добродетели, но не в накоплении материальных богатств. Метод сопоставления можно назвать главным методом рассуждений и доказательств у Галшиева. В мирских делах он разграничивает выгоду настоящую и выгоду будущую, он также сравнивает предполагаемые затраты и предполагаемый результат. За дело можно браться, только если предполагаемый результат будет превышать затраченные средства. Кроме того, необходимо учитывать также соотношение вины и заслуги в каждом деле. В этом смысле автор рассматривает четыре категории дел: 1) дела, в которых есть только вина и нет никаких заслуг; 2) дела, в которых вина преобладает над заслугами; 3) дела, в которых заслуги преобладают над виной; 4) дела, в которых есть только заслуга и нет никакой вины. Браться, по Галшиеву, следует только за дела третьей и четвертой категории.

Первоначально данное произведение было написано на тибетском языке в жанре под названием «субхашита» (санс. su-bhasita; тиб. legs bshad; монг. sain ugulegsen – букв. «хорошо сказанное или изящное изречение, афоризм»), а затем было переведено на монгольский язык учеником Галшиева Чойдоком Ванчуковым. Жанр субхашита берет свое начало в индийской художественной литературе, затем в этом жанре начали писать тибетские и монгольские авторы. В данном произведении можно выделить следующие центральные идеи и принципы:

1. Мудрость, мягкость и сдержанность в словах и поступках.

Субхашита 368.

Создание или разрушение – все совершай большей частью мягко. Мягкостью побеждают все – и мягкость, и жестокость, поэтому мудрые говорят, что только мягкость остра [Галшиев, с. 227].

Субхашита 320.

Не беги, необдуманно подделываясь под других. Это напоминает обитающих в горах и долинах животных, всей гурьбой побежавших, услышав рассказ зайца [Галшиев, с. 219].

2. Срединный путь, избегание крайностей.

Субхашита 374.

Чтобы рассеять сомнения в задуманном деле, спрашивай у мудрых с широким кругозором. Они укажут средний путь, избегающий крайности страха и кичливости [Галшиев, с. 228].

3. Добродетель, тайные благодеяния слабым и нищим.

Субхашита 933.

Помни, только добродетель выше силы богатства и остроумных приемов. Силою не осуществляются все дела, а добродетелью они осуществимы [Галшиев, с. 323].

Субхашита 759.

Не думай, что скрыто оказанная помощь будет убытком для тебя.

Ведь это – рвение к выигрышу, чтобы забрать себе все, ничего не оставив другим [Галшиев, с.293].

4. Закон последствий дела.

Субхашита 798.

В отношении закона последствий дела не проникайся сомнениями превратного учения. Даже в настоящей жизни конечные цели задуманных действий не осуществятся по правилам [Галшиев, с. 299].

5. Сострадание и стойкость в трудных ситуациях.

Субхашита 545.

Хвалят ли тебя или осуждают – как бы о тебе не отзывались – действуй с глубокой душой, без волнений, без расстройства. Держись подобно земле, с терпением выдерживающей на себе все, – и хорошее, и плохое [Галшиев, с. 257].

6. Глубокая душа, самосовершенствование Личности, глубокое сердце.

Субхашита 863.

Помни, трудно обрести данную драгоценность, – человеческую личность, наделенную свободным совпадением обстоятельств, и знай, что она достается изредка. Подумай, чего больше совершается тобою и всеми другими – греха или добродетели [Галшиев, с. 311].

Структуру «Зерцала мудрости» можно представить в виде таблицы.

№	Главы	Порядковый номер субхашит	Кол-во субхашит в главе	Заголовки	Основные понятия и принципы
1	Первая	1-137	137	Как беречь тело и имущество свое	Трудолюбие. Аккуратность. Почитание родителей как богов. Гостеприимство. Богатство и добродетель. Здоровье и болезни.
2	Вторая	138-270	133	О совершенствовании разума	Вежливость в беседах и спорах с друзьями и врагами. Правила познания и размышления. Советы отправившимся в чужие страны. Правила воспитания детей.
3	Третья	271-408	138	О бдительности и внимательности	Правила поведения с врагами друзьями. Осуждение гнева, тщеславия и опрометчивости. Правила поведения в чужих странах.
4	Четвертая	409-538	130	Как вести себя с врагами	Правила поведения с врагами(сильные, равносильные и слабые, близкие, срединные и дальние). Великодушие по отношению к побежденным врагам. Правила выбора друзей. Тщательное изучение внешних внутренних качеств человека. Классификация друзей и врагов. Умение хранить чужие тайны.
5	Пятая	539-674	136	Думать о будущем	Сдержанность в проявлении радости и гнева как реакций на похвалу и замечания. Осуждение торопливого доверия и склонности к сплетням. Правила поведения с сильным, равным и слабым врагом. Манера поведения. Правила ответа на возражения и изложения своих мыслей в кругу собравшихся.
6	Шестая	675-788	114	В жизни быть честным, бескорыстным	Осуждение зависти к более способным людям. Чувство сострадания и благодарности ко всем живым существам. Осуждение показных благодеяний, восхваление скрытых благодеяний(775, 750, 988). Помощь ослабшему лютому врагу. Искоренение собственных пороков.
7	Седьмая	789-860	72	Как в действиях воздерживаться от прегрешений	Ахимса. Недопустимость убийства всех живых существ. Личная ответственность за каждое смертоубийство. Важность раскаяния за совершенные и отказа от последующих прегрешений.
8.	Восьмая	861-1000	139	О творении добродетели	Важность осознания неизбежности смерти и ее постоянной угрозы. Правила совершения молитвы. Важность накопления добродетели. Осуждение скупости и необходимость помощи бедным и нищим.

Особый интерес представляет анализ и исследование «Зерцала мудрости» через призму понятия хронотопа, введенного М.М. Бахтиным. Это понятие стало одним из ключевых в филологии, философии, истории, а также в некоторых областях психологической науки. В социальной психологии хронотоп понимается как «специфический набор пространственных и временных констант коммуникативных ситуаций» [Андреева, с. 62].

Хронотоп «Зерцало мудрости» различается по главам. Так, для первой главы характерен хронотоп своего и чужого дома и двора, здесь автор говорит о правилах и обычаях приема гостей в своем доме, а также о правилах приличия во время пребывания в гостях у других людей, о том, как обустраивать дом, двор и ограду для того, чтобы воры и грабители не смогли незаметно проникнуть и похитить имущество (суб-

хашита 2). Иначе говоря, свой дом надо оборудовать как неприступную крепость, из которой можно будет успешно обороняться от нападающих.

Вторая глава основана на хронотопе дороги, встречи, расставания и странствий по чужим странам. Хронотоп дороги у Галшиева носит социально-этический характер. Автор подчеркивает, что человек должен овладеть навыками ведения вежливой беседы и спора с друзьями и врагами, с обычными людьми и мудрыми, с вышестоящими и нижестоящими собеседниками. Все это нужно для поддержания гармоничных отношений в обществе как условия решения разнообразных текущих проблем (субхашита 145).

Третья глава основана на хронотопе различных коммуникативных ситуаций (общение домашними и посторонними людьми). Необходимо отметить, что автор отдельно рассматривает ситуации общения в двух аспектах: социально-этическом и пространственном. Социально-этический аспект выражен в подробных наставлениях о поведении с высшими, равными и низшими по положению в обществе, он говорит о том, как вести себя в каждой из этой ситуаций. Пространственный аспект заключается в рассмотрении трех этапов путешествия: подготовка к путешествию и выбор спутника; дорога и возможные трудности в дороге; прибытие и правила поведения в чужих странах (субхашита 312).

Хронотоп четвертой главы – это разбор различных ситуаций общения и/или противоборства с сильными, равносильными и слабыми врагами. Автор излагает приемы противодействия попыткам психологической манипуляции со стороны собеседников. В то же время здесь говорится о необходимости проявления великодушия в отношении побежденных или ослабевших врагов (субхашита 420).

Пятая глава. Здесь Галшиев рассматривает хронотоп публичного выступления. Автор говорит о том, как нужно вести себя во время коллективного обсуждения какого-либо вопроса так, чтобы потом аудитория восприняла мысли выступающего (субхашита 658).

В шестой главе основное внимание уделяется различным статусно-ролевым ситуациям общения. Автор дает советы о том, как реагировать на вербальную (различные оскорбления, скрытая или явная лесть, суровые, но справедливые слова) и невербальную (злобный или лживый улыбающийся взгляд и т.д.) агрессию и манипуляцию со стороны других людей (субхашита 749).

Седьмая и восьмая главы «Зерцала мудрости» посвящены религиозной проблематике. Главным здесь являются хронотоп внутреннего мира человека и строгие требования к бережному отношению к каждому живому существу, не допускать губительных поступков по отношению к ним. Это выражается в постоянном напоминании о возможных негативных будущих последствиях дурных поступков, совершенных в текущей жизни. Иными словами, Галшиев говорит об истинности буддийского закона причин и следствия. Автор подробно анализирует процесс зарождения во внутреннем мире греховных желаний и сомнений в истинности буддийского закона причины и следствия, он приводит свои доказательства ошибочности и опасности таких сомнений. Можно сказать, что время в «Зерцале мудрости» рассматривается именно в контексте развития закона причины и следствия всех поступков человека, так как данный закон разворачивается именно во временном измерении.

В хронотопе восьмой главы больше внимания уделяется временному измерению бытия. При этом главным в этом измерении выступает будущее время (субхашита 921). Прошлое и настоящее время подчинены будущему, которое понимается в максимально широком смысле, как период бесконечных будущих перерождений. В настоящей жизни необходимо накапливать добродетель и совершать молитвы буддийским божествам по установленным правилам. В «Зерцале мудрости» само Время предстает как пространство и Путь духовного восхождения человека к идеальной личности в буддийском ее понимании.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы. Во-первых, для хронотопа исследуемого произведения Галшиева в целом характерен акцент на временное измерение бытия. При этом главным в триаде прошлое-настоящее-будущее является будущее время, остальные аспекты времени подчинены ему. Во-вторых, горизонталь пространства в «Зерцале мудрости» представлена следующими местами: дом – двор – родные места – дорога – поле – чужбина. Что касается вертикали пространства, то она представлена тремя мирами (субхашита 323: подземный, земной и небесный мир). Социальное пространство рассматривается в таких категориях, как «друзья-враги», при этом и друзья, и враги подразделяется на слабых, средних и сильных, а также на ближних, средних и дальних. В-третьих, можно сказать, что главными понятиями в «Зерцале» мудрости» являются следующие понятия: три драгоценности (Будда, учение и духовенство), срединный путь, сострадание, накопление добродетели, тайные благодеяния, буддийский закон последствий дел и стремление к нравственному самосовершенствованию.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. – М., 2008.
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975.
3. Галшиев Э.-Х. Зерцало мудрости / пер. Ц.-А. Дугар-Нимаева. – 2-е изд. – Улан-Удэ, 2006.
4. Янгутов Л.Е. О социально-политической востребованности буддизма в Монголии и Бурятии // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Философия. Социология. Культурология. 2009. Вып. 14.

Цыренов Чингис Цыбикдоржиевич, младший научный сотрудник отдела философии, религиоведения и культурологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, кандидат исторических наук.

Тел.: (3012)215375; e-mail: chts17@mail.ru

Tsyrenov Chingis Tsybikdorzhievish, junior researcher, department of philosophy, religion and culture studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, candidate of historical sciences.

УДК 78.07

© ***Л.Л. Пыльнева***

Ранний этап становления творчества композиторов Бурятии (1900-1930-е гг.)

В статье анализируется ранний этап становления творчества бурятских композиторов. Устанавливается взаимосвязь академического творчества с традиционной культурой как с целостной системой, рассматриваются концептуальный уровень сочинений, вопросы жанрообразования, особенности работы с национальным бурятским фольклором.

Ключевые слова: музыкальная культура Бурятии, творчество бурятских композиторов, фольклор в композиторском творчестве.

L.L. Pylneva

The early stage of formation of Buryat composers creativity (1900-1930's)

In the article the early stage of formation of Buryat composers creativity is analysed. The relationship between academic creativity and traditional culture as a holistic system is established. The conceptual level of compositions, issues of genre formation, peculiarities of the work with national Buryat folklore music are considered.

Keywords: musical culture of Buryatia, creativity of Buryat composers, folklore music in composition creativity.

Зарождение творчества композиторов стало важной ступенью развертывания культуры Бурятии, и эта стадия отличалась новым качеством. Зона разветвления монолитной традиционной культуры на два блока явилась весьма важным звеном: именно в этот период происходило разделение ранее синкретического искусства на исполнительство и композицию; закладывались основы создания музыки авторского типа и определялись ее стилистические, структурные и жанровые особенности. Путь, пройденный сибирскими музыкантами, включал ряд постепенных шагов.

Сама традиционная культура содержала потенциальные возможности к трансформации, переосмыслению. Бытование традиционной музыкальной культуры и фольклора в автохтонном виде во многом подготовило будущие черты академической музыки, а характерная для канона жанровая картина определила основные линии развертывания музыкального искусства. При этом более мобильными являлись необрядовые и игровые формы. Прежде всего, очевидно, что в культуре Бурятии имелось огромное количество образцов, связанных с песенным началом, в том числе застольные, протяжные, лирические, колыбельные, хороводные, кумысные, свадебные, охотничьи песни и т.д. Коллективной формой выделялись ёхорные песни, в которых органично связаны музыка, танец, поэзия и театральное начало. Песенная система стала неисчерпаемым источником для будущего функционирования песен, как в виде самостоятельных жанров, так и в качестве музыкальных номеров, внедряемых в контекст различных постановок и праздничных сценариев.

Другие жанровые возможности, коренившиеся в бурятской традиционной культуре, были связаны с ритуальностью, объединяющей различные элементы в рамках единого «действа», что порождало предпосылки к театральности как явлению профессионального искусства, в том числе традиция сказительства, религиозные ритуалы, жанры одической поэзии, заговоры, молитвы и обращения к духам тайги, гор, ручьев, целебных источников, подразумевающие сочетание музыкального, действенного, поэтического начал. И.С. Давыдова выделяет 3 основных типа театральной репрезентации фольклора: музыкально-пластический, обрядово-игровой и музы-

кально-эпический, усматривает элементы театральности в обрядах, народных представлениях, сценках и диалогах в исполнении «эпических и лирических произведений фольклора» [Давыдова, с. 16]. В частности, театральные элементы коренились в буддийских мистериях «Цам», праздновании «Майдар», важным источником стал улигер (бур. *үльгэр*), который помимо песенно-разговорного начала включает элементы игры и театрализации. Другим импульсом послужили популярные изображения бытовых сцен и разнообразные сюжетные танцы и игры, напоминающие театрализованные представления: «*Хурайн наадан*» («Тетеревиный танец»), *«Һойри наадан»* («Глухариная пляска»), *«Шонын наадан»* («Волчья игра»), *«Арһа элдэхэ»* («Выделка кожи»), *«Зөөхэйн наадан»* («Танец саламата»), *«Шүбгэ бэдэрэлгэ»* («Розыск шила») и т.п. На развитие театральности повлияли и народные комедии, например, «Кража белого быка», которая являлась образцом фольклорного театра.

Первой ступенью к новому прочтению фольклора стал его прямой перенос в систему академической музыки, т.е. новые формы его бытования. Традиционные образцы экспонировались в рамках бытового музицирования, концертного исполнительства и на театральных сценах, фактически в новых системных условиях. Фольклорные произведения были представлены в первозданном виде и сохраняли основные элементы музыкального языка, характерные для пребывания в привычной системе. В то же время они оказывались дистанцированными от своей сакральной, ритуальной, знаковой функции. Для исполнения в формате академического искусства выдвинулись песни и жанры, связанные с прикладным значением музыки, т.е. с сопровождением обряда или танца. В них музыкальный пласт мог быть представлен вокальным (сольным и хоровым) и инструментальным музицированием (в основном на народных инструментах).

Например, в 1909 г. в рамках «этнографического вечера» шаман Долба Билатиков исполнял обряд шаманского камлания, тогда же был представлен ёхор; в 1911-1914 гг. на любительских мероприятиях демонстрировались национальные бурятские обряды и песни (например, «Богат очаг наш», «Будем веселиться до восхода солнца»), танцы «*һойри-наадан*», *гүүгэл*, ритуал бурятской свадьбы, женские праздники «*түргэ*», (бур. *түрхэм* – отцовский очаг), ламаистское служение (*хурал* – буддийская религиозная служба, проводимая собранием священнослужителей). В качестве инструментального сопровождения песен использовались преимущественно *хуур* и *лимба*, а в ламаистских действах – инструменты дацанского оркестра. В проводимых мероприятиях равное значение имели желание и потребность сибиряков вывести искусство за пределы традиционного функционирования и показать как определенную художественно-эстетическую ценность, вызвать интерес зрителей и слушателей к малоизвестным (для «европейцев»), либо, наоборот, к популярным (для представителей коренных культур) формам музыкального творчества.

Следующим шагом стало исполнение традиционной музыки в контексте литературных театральных произведений. Ранними пьесами и постановками, которые могут быть приравнены к театральным, стали «*Үхэл*» («Смерть») Д.Д. Абашеева, «*Архин зэмэ*» («Виновато вино»), «*Хубхай-шоно*» («Голодный волк») И.В. Барлукова, «Картежники» Ч.Л. Базарона, «*Хоёр дэлхэй*» («Два мира») И.Г. Салтыкова. Поскольку новые произведения во многом аккумулировали черты традиционного искусства, в основу первых «драм» и сценок попадали прямые внедрения отдельных персонажей или обрядов (например, в пьесе «Виновато вино» изображался пьяница, подобный фольклорному персонажу *Архиниши-Мангилаю* (букв. Пьяный лоб), а в драме «Смерть» использовались элементы шаманских обрядов).

Отсутствие письменного текста часто усложняло анализ, однако известно, что музыкальная составляющая в названных «драмах» представляла иллюстративные традиционные образцы и речи не шло о музыкально-драматургическом целом. В сопровождении сценических опытов мог использоваться фольклорный инструментарий. Успех ранних сочинений был обусловлен актуальностью, а недолговечность их бытования объяснялась не очень высокими художественными результатами, а порой – тем, что появившиеся пьесы существовали в сознании зрителей и исполнителей на тех же основаниях, что и фольклорные сценки, т.е. как единовременно исполненный вариант, производный от имеющего более широкое хождение инварианта. (Это, кстати, отчасти объясняет отсутствие зафиксированных музыкальных, а порой и вербальных текстов). Учитывая тесную связь с традиционным искусством, исполнителями репертуара в любительских театрах были носители национальных культур, которые играли в пьесах и инсценировках, свободно и легко включая в них фрагменты обрядов и песен. Среди более поздних опусов важным сочинением явилась драма «Баир» Г.Ц. Цыдынжапова и А.И. Шадаева, к которой композитор П.М. Берлинский в 1938-1939 гг. писал музыкальное оформление, а также пьесы «Из

искры пламя» Х.Н. Намсараева, «Один из многих» Н.Г. Балдано, «Новый путь» А.И. Шадаева и М.В. Хаптагаева.

Несовершенство первых образцов профессионального творчества характерно для любой национальной литературы, драматургии, а также для музыкального искусства, и в этом ранние опыты творчества сибирских художников достаточно типичны. Однако следует напомнить важную особенность, связанную с этим периодом развития: преимущественную опору на традиционные, почвенные легенды или актуальные современные сюжеты, а также на близость к своему быту и национальным источникам, на отсутствие подражаний другим культурам в выборе тем и персонажей.

Очередной стадией можно считать новые виды исполнительства, в том числе исполнение инокультурных образцов академической музыки. Конечно, изменения проникали в картину бытования всех музыкальных жанров, но в развертывании театрального и концертного дела наблюдались отличия. Если театрализованные представления являлись достаточно органичными для культуры бурят, то в сферу инструментального музицирования, помимо исполнительства на национальных инструментах, постепенно внедрялось концертирование и на европейских академических инстументах. В частности, в Верхнеудинске создавались ансамбли бурятских народных и храмовых инструментов, а также смешанные оркестры и ансамбли бурятских и русских инструментов. Среди коллективов и солистов на территории Бурят-Монголии появлялись профессионалы, которые внесли солидный вклад в формирование будущей культуры, например, с концертами выступали пианистка В.Д. Обыденная и скрипач Н.И. Никитин.

Для репертуара того времени была характерна пестрота: от исполнения академических произведений – до фольклора и опусов композиторов-мелодистов, сочинения которых мало отличались от традиционных. Как и в других регионах, серьезную просветительскую роль сыграло радиовещание, развивающееся с конца 1920-х – начала 1930-х гг.

Важным этапом в процессе становления композиторского творчества явилась письменная фиксация национального фольклора. Данный процесс был инициирован в первой трети 20-го столетия. Перевод фольклора в другую плоскость, от функционирования в устной форме – в область письменной культуры, стал направлением деятельности, которая способствовала развитию нового мышления и восприятия. Отметим, что собирательская тенденция в Сибири совпала с общероссийским развитием фольклористики.

По сути сбор фольклора в Бурятии – процесс многоканальный, как и многие другие процессы в культуре региона: результаты фольклористической деятельности в равной мере являются плодами трудов литераторов, композиторов и исследователей – представителей и сибирских культур, и отечественного академического искусства и науки. Обе «ветви» собирателей в известном смысле дополняли и оказывали помощь друг другу, как, впрочем, и исследовательские группы, возникавшие еще в XIX в. и включавшие представителей разных наций, и многие будущие творческие союзы русско-бурятских композиторов, сформировавшиеся в 1940-1950-е гг.

Огромную важность представлял тот факт, что для коренных бурят было характерно блестящее знание фольклора, носителями которого они являлись: его жанров и форм, функционирования в целостной системе, ареалов бытования различных вариантов, языков и их диалектов, а также характерных и порой достаточно сложных техник звукоизвлечения. Будучи носителями языка и культуры, представители местных народов сами часто мастерски исполняли песенный и инструментальный фольклор. В Бурятии в описываемый период работали местные и приезжие из европейской части России ученые и музыканты: Д.А. Абашеев, Д.Д. Аюшеев, К.В. Багинов, С.П. Балдаев, Н.Г. Балдано, А.А. Бальбуров, Ж.А. Батуев, Б.В. Башкуев, А.К. Богданов, П.М. Берлинский, В.Г. Галданов, Г.Г. Дадуев, Ц.Ж. Жамцарано, И.Н. Мадасон, Н.М. Мильхеев, В.И. Морошкин, Х.Н. Намсараев, Б.П. Сальмонт, Г.Д. Санжеев, Р.Ф. Тугутов, А.М. Хамгашалов, Д.Д. Хилтухин, Г.Ц. Цыдынжапов, А.И. Шадаев, Б.Б. Ямпилов. В результате был собран большой массив материалов в самых различных жанрах.

Фольклор фиксировался как в переводах, так и на языках оригинального хождения, внимание уделялось и вербальной, и музыкальной стороне. В том числе группа Б.П. Сальмонта (1926-1928) записала около 600 бурятских и монгольских мелодий, большое их количество нотировал П.М. Берлинский, Р.Ф. Тугутовым были зафиксированы бурятские легенды, 15 сказок, 20 шаманских заклинаний, 200 частушек. Б.В. Башкуевым был выпущен «Сборник бурят-монгольских песен» [Башкуев].

Несмотря на фиксацию образцов, многие из них продолжали свое хождение не только в те отдаленные годы, но существуют в настоящее время как традиционные. То есть сформировалась их бифункциональность: с одной стороны, зафиксированный вариант эпического сказания вводился в научный обиход литературоведов,

музыковедов, историков, этнографов в качестве объекта исследований, становился явлением письменной культуры и литературным источником для широкого круга читателей. Функцию посредника в передаче знаний в этом случае выполняла доступная для прочтения и неизменная по содержанию книга, не требующая дополнительного передаточного механизма. С другой стороны, тот же образец продолжал свое существование и в традиционной системе во многих вариантах, исполнялся через посредника-певца и переживался каждый раз заново как действо, имеющее сакральное значение. При этом исполнители, обладавшие феноменальной памятью, не нуждались в фиксации и удерживали в голове до нескольких десятков сказаний (напомним, что самые крупные, как «Гэсэр», насчитывали до 50 000 стихов). Думается, именно собирательство оказало главное влияние на первые композиторские опыты, в которых в полной мере проявилось характерное для начального этапа развития композиторского творчества прямое заимствование материала и необработанное включение фольклора в опус, что определялось цельностью фольклорного восприятия.

Появление первых авторских музыкальных опусов стало логичным шагом вслед за записями оригинального материала и его начальными обработками. Фактически все будущие композиторы приходили к начальной ступени академического искусства, имея: 1) опыт традиционного музицирования; 2) слуховые впечатления или практические навыки, связанные с буддийским дацанским музыкальным обиходом; 3) познания в области элементарной теории музыки или композиции, принятые в российском музыкальном искусстве; 4) некоторым также было свойственно владение различными системами нотации (в том числе старинной тибетской).

Так, Д.Д. Аюшеев (1910-1971), получивший музыкальное образование в дацане, был знаком с музыкой буддийского богослужения, владел инструментами дацанского оркестра, такими как *хэнгэрэк*, *сэн*, *додарм*, *ганлин*, *ухэр-бурэ*, являлся мастером-исполнителем на главном инструменте – *биш-хуре*; другой пласт, традиционного искусства, в котором композитор был своего рода экспертом, составлял бурятский фольклор. Б.Б. Ямпилов (1916-1989), который вырос в весьма религиозной семье (дом родителей будущего композитора был расположен неподалеку от одного из крупнейших дацанов Бурятии – Кижингинского), был знаком с музыкальной практикой ламаистского богослужебного культа; знание фольклора и участие в обрядах традиционного музыкального обихода также были неотъемлемым источником его музыкального опыта. О глубоком и блестящем знании фольклора Ж.А. Батуевым (1915-1996) свидетельствовали участие и победы в сельских соревнованиях певцов и инструменталистов еще в детские годы. Г.Г. Дадуев (1914-1958) великолепно владел бурятскими народными инструментами, такими как *лимба*, *сур*, *биш-хур* и *хур*, являлся знатоком песен аларских бурят. Все названные композиторы в 1930-е гг. окончили Улан-Удэнское театрально-музыкальное училище.

Для национальных композиторов была характерна непосредственная филиация между авторскими сочинениями и их прототипами в традиционной культуре на всех уровнях музыкального языка: концептуальном, жанровом, тематическом, сюжетном, образном. Первые опусы не являли собой результатов межсистемного мышления, т.е. синтеза возможностей традиционной и академической музыкальной систем, а демонстрировали преимущественное нахождение в сфере эстетики фольклора. Поэтому в них проявлялось свойственное традиционной музыке вариантное обновление инварианта, использовались методы обработки, не разрушавшие жанровой и тематической целостности образца. То есть, подобно тому, как певец-импровизатор мог использовать определенные штампы и готовые формулы, допускавшие варьирование в своих комбинациях, так поступали и первые композиторы. Традиционная система мышления была экстраполирована на первые произведения академической письменной культуры. При этом обновление содержания, характерное для периода 1920-1930-х гг., не нарушало стилевого и жанрового единства музыкальных образцов и не было чуждым природе фольклорного мышления.

В частности, черты традиционного мышления проявляются в песне «*Жаргал*» («Счастье», 1934) Ж.А. Батуева. Несомненно сохранение целостности жанра: мелодическая линия вполне соответствует стилю типового напева хори-бурят – в данном случае *богони-дуун*. Сочинение отличается простотой ритма, опорой на ангемитонную пентатонику, традиционной структурой, устойчивыми интонационными и метроритмическими оборотами. Вербальные строки, принадлежащие перу Ц.Г. Галсанова, укладываются в закономерности, характерные для народнопоэтического стихосложения, о чем свидетельствуют и структура стиха, и тоническая система, и аллитерации. Приведем текст первого куплета:

Басагадууд, хүбүүдүүд, шамдаяы,
Барандаа хүхюутэй хүдэлэеы.
Жаргалайнгаа ехэдэ наадаяы,
Байдалайнгаа бардамда неэлдэеы.

Гармоническое обрамление связано не с привычным для классической гармонии функциональным наполнением, а с приемами звукокрасочного оформления. Аналогичные черты характерны для «*Тиимэш ёно байха*» («И такое бывает»), «У таежных хребтов», «*Дуулимхан сэнхир Хэжэнгээээр»* («Привольная светло-голубая Кижинга») того же автора, а также песен Б.Б. Ямпилова «Степь Кижинги», «Бурят-Монголия» на слова Ц.Г. Галсанова. Отметим обращение композиторов к источникам различной языковой принадлежности, что стало следствием двуязычия региона.

Картину творчества в республиках дополняли фигуры композиторов, чье музыкальное образование формировалось в контексте российской школы. Естественно, взаимосвязь с коренным фольклором в творчестве приезжих была иной, поскольку обращение к нему являлось фактором межкультурных и межстилевых взаимодействий. Для них характерен дистанцированный подход и избирательное обращение к элементам фольклора. Данный метод допускает использование кроссжанровых переходов, когда элементы одного жанра могут быть внедряемы в другой, а отдельные интонации и формулы включаться в уже устоявшуюся профессиональную систему средств музыкальной выразительности. Например, свободно трактуемые формулы бурятского и монгольского фольклора использованы в «Марше на бурят-монгольские темы», сюите на монгольские темы *«Хатархадаа»*, «Торжественном марше» П.М. Берлинского. Активные трансформации фольклора, его трактовку в рамках нового жанра – марша использовал и Р.М. Глиэр в «Героическом марше Бурят-Монгольской АССР» (1936).

Приезжие авторы не удерживали в своих сочинениях семантику, характерную для музыкальных тем и жанров инонациональной культуры. В их произведениях просматривались композиционные приемы и принципы, выработанные в недрах русской композиторской школы, несмотря на умелое и изобретательное использование фрагментов подлинных бурятских и монгольских напевов. О преобладании «общеевропейского стиля» в музыкальных сочинениях на бурятские темы П.М. Берлинского упоминает О.И. Куницын [Куницын, с. 16]. Чувствовалась несомненная опора на тонально-гармоническое мышление, и включены приемы имитационной полифонии. Следовательно, представители обеих ветвей композиторского искусства (национальной и общероссийской), имевшие достаточно плотные контакты между собой, на описанной стадии существенно расходились в своих творческих методах. И это вполне объяснимо.

Как известно, существует несколько уровней музыкального языка, определяющих специфику его системы: 1) уровень элементов, который наиболее мобилен и легко подвергается изменениям; 2) уровень семантики – более стабильный; 3) уровень связей между всеми элементами (системный, целостный) – наиболее консервативный. Взаимодействие культур на изучаемом этапе происходило не на уровне синтеза двух целостностей, а путем включения в каждую из систем отдельных новых элементов. То есть в сочинениях приезжих авторов их стиль был обогащен отдельными сегментами бурятского фольклора. В композиторских опытах первых национальных авторов стремление к сохранению жанра и цельности формы преобладало над включением нового, и элементы новизны заключались в нарушении частностей – в обогащении фактуры и красок гармонии, использовании новых тембровых и мелодических вариантов. Причем названные приемы были тоже производными от фольклорных, но представляли более далекий вариант. Иногда они могли дополняться инокультурными элементами, не вступающими в противоречие с целым: например, метро-ритмический рисунок типового напева вбирал формулы марша. Но однопорядковость и одноуровневость подобного синтеза способствовали сохранению выразительных средств как единой системы.

В контексте анализа исследуемого периода нельзя не сказать о других влияниях российской (и через ее посредство европейской) культуры на национальную бурятскую музыку. С одной стороны, развертывание музыкальной культуры Сибири в контексте общероссийской – факт бесспорный, но, с другой – наиболее полно инокультурные влияния проявились во внедрении исполнительства в тех сферах музыкального искусства, которые не имели аналогов в традиционной культуре, а являлись европейскими по происхождению (например, игра на академических инструментах). Но несомненен национальный приоритет и генетическая связь с традицией в тех случаях, когда в ней имелись прототипы для данного вида деятельности: к ним принадлежали исполнительство на фольклорных инструментах и инструментах дацанского оркестра, вокальное исполнительство, театральная игра и композиторские опыты.

В целом обозначенная стадия важна не только сама по себе. Именно здесь наметились пути профессионализации творчества как самостоятельного вида деятельности, не входящего в синкретическую триаду (носитель культуры: творец=исполнитель=слушатель). Импульсы, заданные этапом, получили реализацию в дальнейшем

и во многом определили будущее композиторского творчества в сибирских республиках. Это возможно проследить в сохраняющейся на следующих стадиях специфике и целостности системы национальной культуры, т.е. в единстве музыкального языка, в источниковой функции национального традиционного начала, а также в отношении к своей культуре как к идеалу.

Литература

1. Башкуев Б.В. Сборник бурят-монгольских песен. – М., 1935.
2. Давыдова И.С. Театральность в фольклоре коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: автореф. ... канд. культурологии. – СПб., 2008.
3. Куницын О. Музыкальный театр Бурятии. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988.

Пыльнева Лада Леонидовна, доцент кафедры теории музыки Новосибирской государственной консерватории им. М.И. Глинки, кандидат искусствоведения. Тел.: (3832)220242; (3833)328010; +7-9139193916. E-mail: pylneva@mail.ru

Pylneva Lada Leonidovna, associate professor, department of musical theory, M.I.Glinka Novosibirsk State Conservatoire, candidate of science of arts.

УДК 81–112.2

© ***О.В. Фельде***

Языки для специальных целей в историко-лингвистическом аспекте

В статье рассматриваются теоретико-методологические основы историко-лингвистического исследования языков для специальных целей, представлена их типология и структура, выявлены функции и основные единицы, дано описание законов и закономерностей исторического развития языков для специальных целей, определены актуальные задачи их исследования с позиций исторического терминоведения русского языка.

Ключевые слова: язык для специальных целей, термин, прототермин, диахрония, историческое терминоведение, историческая лексикология.

O.V. Felde

Languages for special purpose in historical linguistical aspect

The paper describes theoretical and methodological embacement of the languages research in historical linguistical aspect for LSP. The types and structure are presented, key types and functions are elicited. The description of laws and conformities of LSP historical development is given. The actual research tasks are defined from the point of Russian Language historical science of terminology.

Keywords: language for special purpose, term, prototerm, diachrony, historical science of terminology, historical lexicology.

Исследование языков для специальных целей (Languages for special purpose, LSP) относится к числу актуальных задач современной лингвистики. Описанием этих уникальных лингвистических объектов занимаются представители различных научных дисциплин – терминоведения, теории LSP, социолингвистики, дискурсивной лингвистики, лексикографии. Данная область научных знаний в русистике представлена именами таких ученых, как К.Я. Авербух, О.А. Зяблова, О.М. Карпова, В.М. Лейчик, М.И. Солнышкина, А.Н. Комарова и др. [Авербух, Карпова; Зяблова; Комарова; Лейчик; Солнышкина]. Обращает на себя внимание преимущественно синхронный подход к анализу языков для специальных целей (далее – ЯСЦ) и слабая изученность профессиональных языков прошедших эпох. Между тем актуальность диахронических исследований ЯСЦ очевидна, поскольку такой подход позволяет раскрыть их высокий этнокультурный потенциал, рассмотреть динамику номинативных процессов, а также особенности восприятия и отражения человеком и / или изолированной профессиональной группой окружающей действительности в условиях различных цивилизационных парадигм.

В задачу настоящей работы входит описание теоретико-методологических основ исследования языков для специальных целей с позиций исторического терминоведения.

Под языком для специальных целей (терминологические эквиваленты: специальный / профессиональный подъязык, подъязык) мы понимаем один из множества вариантов реализации языка этноса, особую функционально-семиотическую подсистему, которая используется для фиксации, интерпретации и передачи специальных знаний, профессионального общения, а также оценки реалий профессиональной сферы [Фельде, с. 508]. Термин «язык для специальных целей» является пословным переводом английского понятия Language for Special Purposes (LSP) и по частотности использования в современной русистике лишь немногим уступает своим синонимам. Основным социальным фактором выделения ЯСЦ в качестве особой формы существования языка, как известно, является профессиональное членение общества.

ЯСЦ древнерусского (XI–XIV вв.), старорусского (XV–XVII вв.) и русского (XVIII – начало XX в.) языков являются основным предметом исследования исторического терминоведения. Подъязыки прошлого «живут» лишь в письменных памятниках. Их словарный состав устанавливается в результате кропотливого изучения рукописных и печатных текстов разных жанров, а также частично реконструируются с помощью специальных методик, которые обычно применяются в работах по историчской лексикологии и лингвистическому источниковедению [Инютина, 2012; Майоров, 2006]. Следует отметить такие черты специальных подъязыков, как высокая степень исторической изменчивости и функционально-семиотическая неоднородность. В структуре многих ЯСЦ прошлых веков выделяются два функционально-семиотических уровня. Один условно назовем «верхним». Он включает терминологию и в некоторых случаях терминосистему. Под терминологией, вслед за В.М. Лейчиком, мы понимаем «языковое образование парадигматического типа, представляющее собой стихийно сложившуюся совокупность лексических единиц, обладающих семантической общностью и сходством (близостью) формальной

структуры, которые совместно функционируют в одном из языков для специальных целей, обозначая общие понятия области знаний или деятельности, обслуживаемые данным ЯСЦ» [Лейчик, с.55]. Терминологии подъязыков наук, ремесел, промыслов и производств прошлых веков представляют собой совокупность единиц разной степени терминологичности: прототерминов, терминов, предтерминов, терминоидов, номенов, терминонимов и терминоэлементов. В отличие от упорядоченных терминосистем, отражающих определенные теории области знаний или производственной деятельности, терминологии характеризуются некоторой избыточностью наименований. Особенно ярко вариативность терминологических единиц представлена в ЯСЦ XVIII в. [Овчинникова, 2008; Корнейчук, 2012]. Это свидетельствует о том, что терминологии минувших веков обладали лишь частичной упорядоченностью, их границы были проницаемы для лексических единиц других форм национального языка и прежде всего для слов общенародного языка, а также терминов смежных отраслей. На специальные подъязыки оказывал влияние и региональный узус, особенно в первой половине 18-го столетия, когда норма литературного языка, как это убедительно доказал А.П. Майоров, еще не упрочила свои позиции [Майоров, 2012]. Кроме того, терминологии активно пополнялись за счет прямых и опосредованных заимствований из других языков, стремясь к полноте отражения предметной области знаний. Упорядочению формирующихся терминологий способствовала тенденция к наиболее точному, адекватному отражению понятий и устранению избыточности средств их выражения. Несмотря на это, отличительными чертами большинства подъязыков XVIII–XIX вв. было отсутствие терминосистем, т.е. сознательно упорядоченных терминологий, что объясняется экстралингвистическими причинами (неразвитостью институтов передачи научных знаний и опыта, отсутствием широкой терминографической практики и т.п.).

«Нижний» уровень ЯСЦ – профессиональное просторечие и/ или профессиональный жаргон. Маркирующими единицами этого относительно открытого и слабо упорядоченного страта ЯСЦ являются профессионализмы и профессиональные жаргонизмы. Историк языка в большинстве случаев не располагает достаточным количеством лингвистических источников для реконструкции единиц устной профессиональной речи, хотя имеются и исключения [Гладилина; Катаева]. Профессиональное просторечие играло важную роль в эволюции LSP. В сфере функционирования происходила специализация многих общеупотребительных слов русского языка, утверждались новые специальные наименования, подвергались дальнейшей терминологизации предтермины и терминоиды. В старорусский период и в XVIII в. проницаемость границ между профессиональным просторечием и терминологией отрасли была особенно высокой. На лексический состав профессионального просторечия всегда оказывали заметное влияние народно-разговорный (обиходный) язык, общенародное просторечие, территориальные диалекты, социальные диалекты (групповые жаргоны, так называемый «воровской язык», арго и профессиональные диалекты смежных отраслей). Это подтверждается и нашими наблюдениями за функционированием специальной лексики золотого промысла Российской Империи XVIII – начала XX в. Так, в первой половине XIX в. в разговорной речи уральских и сибирских золотодобытчиков в результате метафорического переноса значений общеупотребительных слов *борона, чаша, бочка*, диалектного слова *бутара* появились наименования золотопромывальных устройств. Впоследствии эти профессиональные наименования терминологизировались и вошли в состав терминологии золотопромышленности [Борхвальдт, 2000б, с. 71-72; 167-178].

ЯСЦ прошлых веков обслуживали не только все специальные сферы духовной и материальной культуры, но могли частично использоваться и в быту (например, подъязыки земледельцев, кулинаров, картежников и т.д.). В зависимости от сфер употребления и степени профессиональной замкнутости ЯСЦ можно подразделить на 3 группы: 1) специальные подъязыки, обслуживающие научную, промышленную (индустриальную) сферы, а также деятельность в сфере судопроизводства, дипломатии, литературы и искусства, книгоиздательского дела, моды и т.п.; 2) специальные подъязыки народных ремесел и промыслов (ЯСЦ охотников/рыбаков, кедрового промысла, бортничества, санно-тележного промысла, салотопного ремесла, ямщины и т.п.); 3) консубстанциональные специальные подъязыки, не имеющие четких границ с другими подсистемами языка: территориальными диалектами, просторечием, групповыми жаргонами, разговорной формой литературного языка (например, ЯСЦ кулинарии, огородничества, домашнего ткачества и т.п.). Характерной особенностью коммуникативной ситуации прошлых веков является преобладание двух последних разновидностей ЯСЦ. К консубстациональным для дореволюционной России, очевидно, следует отнести и культовые ЯСЦ, поскольку специальные наименования, называющие реалии и понятия ре-

лигиозной жизни, связанные с богослужением, были известны широкому кругу людей.

От других форм существования русского языка подъязыки отличались словарным составом, особой совокупностью тематически и системно связанных специальных лексических единиц, обслуживающих коммуникативные потребности представителей той или иной профессии, рода занятий, а также спецификой функций. К числу важнейших функций подъязыков относятся: *функция профессиональной коммуникации* (быть средством общения представителей одной специальности, профессии); *номинативная* (быть средством номинации новых понятий, возникающих в среде специалистов той или иной сферы общественной жизни); *когнитивная* (быть средством познания действительности); *аккумулятивная* (быть средством накопления научных знаний и практического опыта); *аксиологическая* (быть орудием овладения и оценки научных знаний и практического опыта); *референции* (быть средством отнесения специальных наименований к объектам действительности – референтам и денотатам); *сигнификации* (быть средством соединения специальных наименований в словосочетания и предложения); *предикации* (быть средством соединения специальных наименований в высказывания – словосочетания и предложения).

В историческом терминоведении накоплено достаточно сведений о профессиональных подъязыках минувших эпох, особенно о формирующихся терминологиях, входящих в их состав. Из работ последних лет отметим работы Т.Н. Данькoвой, Г.А. Дианoвой и А.С. Щербиной. В основе современных исследований специальной лексики лежит идея динамики языка и его связи с логическими категориями. Рассматривая историю специальной лексики как на больших временных отрезках, так и на отдельных хронологических срезах, ученые руководствуются принципами, некогда сформулированными классиками мировой лингвистики В. фон Гумбольдтом, И.А. Бодуэном де Куртене, Э. Косериу. Перечислим некоторые из них: 1) принцип созидающей деятельности языка (energeia) в противоположность продукту этой деятельности (ergon); 2) принцип медленного эволюционного накопления элементов нового в системе языка; 3) принцип последовательного перехода одних языковых единиц в другие; 4) принцип модификации языкового знака; 5) принцип сосуществования статики и динамики как объективного свойства языка; 6) принцип понимания статики языка как частного случая его динамики [Гумбольдт; Бодуэн де Куртене; Коттериу]. Опираясь на идеи И.А. Бодуэна де Куртене о статике и динамике языка, Р.А. Будагов отметил: «В самой синхронии как бы присутствует диахрония, каждое синхронное состояние языка обусловлено предшествующим же синхронным состоянием» [Будагов, с. 29]. Динамизм специальной лексики традиционно связывают с такими явлениями, как эволюция системных отношений, закономерности вхождения и освоения иноязычных терминов, появление новых специальных наименований, сосуществование неологизмов и архаизмов, равнозначность специальной лексики и проблема отбора терминов, наиболее адекватно отражающих специальные понятия. В последние годы все большую популярность приобретает когнитивный аспект изучения динамических процессов в составе профессиональных подсистем русского языка, проблемы моделирования семантических процессов, динамики профессиональной языковой картины мира [Голованова].

Изучить динамику подъязыка отрасли – значит выявить причины и условия подвижности специальной лексики. Причинную обусловленность изменений в словарном составе различных подъязыков ищут как внутри лексико-семантической системы языка, так и вне её, в сфере реального мира и в языковом сознании этноса. Динамика специальной лексики – главное условие существования любого подъязыка. Лишь приспосабливаясь к постоянно изменяющимся внешним и внутренним условиям своего существования, он может эффективно выполнять свои основные функции и функцию обеспечения профессиональной коммуникации. Ю.В. Рождественский выделяет три рода динамики языка: эволюцию (или изменение), развитие и совершенствование языка [Рождественский, с. 247]. Все три ипостаси языковой динамики находят свое выражение в подъязыках наук, ремесел, промыслов и производств. Динамические процессы в ЯСЦ наук, производств и ремесел имеют ряд отличительных особенностей на разных этапах их исторического становления. Под «*эволюцией*» понимаются процессы, которые приводят к фонетическим, графическим, семантическим изменениям знаков подъязыка. Заметного увеличения специальных наименований при этом не происходит. Изменениям подвергается в основном инвентарь морфем и терминоэлементов, а также набор словообразовательных и синтаксических моделей. К росту численного состава знаков подъязыка и усложнению их связей приводят процессы, характеризующие *развитие (прогресс)* языка. Процесс развития касается прежде всего словарного состава подъязыка, процесс эволюции – его строя. Эволюция всегда обусловлена действием внутренних законов языка, развитие –

действием внешних и лишь отчасти внутренних законов. Их проявление лежит в сфере бессознательного. *Совершенствование* подъязыка как еще один род его динамики – это процесс сознательного упорядочения терминологии в процессе её систематизации, сознательного терминотворчества, создания терминосистемы. Совершенствование как род языковой динамики – это характерная черта поздних этапов развития отрасли и её подъязыка. Следует подчеркнуть, что развитие подъязыка, с одной стороны, стимулирует нормализаторскую работу, неизбежно приводит к необходимости сознательного совершенствования терминологии, с другой – несколько сдерживает процесс эволюции фонетического, морфологического, синтаксического строя подъязыка.

Подчеркнем, что все динамические процессы обусловлены действием внутренних и внешних законов языка, а также внутренними закономерностями функционирования подъязыка золотопромышленности на ранних этапах его образования. Известно, что эволюционные процессы целиком подчиняются действию внутренних законов изменения языка. К их числу относятся: *закон непрерывного изменения языкового строя; закон аналогии; закон равновесия системы языка; закон сохранения смыслоразличительных средств языка*. Внутренние законы изменения языка не зависят от воли, сознания людей. Их действие универсально, они затрагивают все формы и все подсистемы языка на данном хронологическом срезе его истории.

Существует несколько точек зрения относительно причин, вызывающих действие, активизацию внутренних законов или наоборот ослабление и прекращение их действия. «Все, что входит в язык, заранее испытывается в речи: это значит, что все явления эволюции коренятся в сфере деятельности индивида», – утверждал Ф. де Соссюр. Еще одной причиной изменчивости языка ученый называл «сдвиги в отношении между понятием и знаком». Он полагал, что «язык коренным образом не способен сопротивляться факторам, постоянно изменяющим отношения между означаемым и означающим», что является следствием принципа произвольности знака» [де Соссюр, с. 130]. Аналогичные мысли еще ранее высказывал И.А. Бодуэн де Куртене, предложивший формулу языковых изменений: $n \times \infty = N$. Любое бессознательное изменение (n), повторяющееся бесконечное количество раз (∞), приводит к появлению нового элемента в языке (N) [Бодуэн де Куртене, с. 108]. В современном языкознании получило широкое распространение также мнение Э. Косериу, который подчеркивал, что главной причиной активизации внутренних законов языка является стремление к уравновешиванию системы и сопротивление языковым новшествам [Косериу, 2001].

На процесс развития ЯСЦ прошедших веков оказывали существенное воздействие и внешние законы изменения языка. Отметим некоторые из них: закон зависимости подъязыка от социально-исторических условий его функционирования; закон зависимости подъязыка от территориально-исторических условий его функционирования; закон зависимости подъязыка от социальных факторов (научно-технического прогресса, изменения делопроизводства, социального состава рабочих и служащих и т.д.); закон множества подъязыков (дивергенции специальной лексики по отраслям знаний и общественного опыта). Действие внешних законов развития языка приводило к количественному росту специальной лексики и её функциональной систематизации. Существуют несколько *внешних стимулов* развития подъязыков: 1) развитие науки и производства, которое приводит к появлению новых объектов для номинации; 2) углубление первоначальных знаний, которые актуализируют процессы терминологизации прототерминов, предтерминов, терминоидов, а также части профессионализмов; 3) возникновение новых подотраслей и вовлечение обслуживающих их терминологических макро- и микросистем в общий лексический фонд подъязыка; 4) укрепление межотраслевых связей, в результате чего увеличивается слой привлеченных терминов; 5) научно-техническая революция, приводящая к коренной перестройке производства и глубоким качественным и количественным изменениям в составе специальной лексики отрасли; 6) создание корпуса научной и учебной литературы, а также специальных словарей, которые отражают терминологию отрасли и способствуют формированию строго упорядоченной терминосистемы.

Для функционирования всех подъязыков XVIII – начала XX в. были характерны единство и борьба противонаправленных явлений. С одной стороны, для них была характерна тенденция к избыточности средств выражения, высокая степень синонимичности и вариативности названий, с другой – стремление к преодолению «многоименства». С одной стороны, терминологии всех подъязыков были чрезвычайно восприимчивы к заимствованиям, с другой – в недрах подъязыков шел усиленный поиск их русских эквивалентов. С одной стороны, в области специальной лексики развивалась полисемия. Особенно это было характерно для группы отглагольных существительных, которые могли обозначать и действие (*вскрыша* – «удаление пустых

пород, которые покрывают золотоносный пласт»), и объект действия (*вскрыша* – «пустые породы, которые подлежат удалению для обнажения золотоносного пласта, жилы»); место действия (*промывка* – «место, где моют золото») и результат действия (*промывка* – «количество золотоносных песков, промытое за одну операцию»). С другой стороны – специальная лексика стремилась к однозначности, реализации принципа «одно понятие – одно слово, один знак» [Борхвальдт, 2000а, с. 74-88]. Это приводило к разрыву связей между лексико-семантическими вариантами, к моносемии термина. Процессу стилистической маркированности многих специальных наименований, метафоризации общеупотребительных слов были противопоставлены явления деметафоризации, утраты стилистической маркированности.

Вот один из примеров. Возникший в середине XIX в. предтермин *золото в рубашке* (вариант – *золото в черной рубашке*) – «самородное золото из россыпей, покрытое тонкой пленкой окислов железа или магния» в процессе использования в специальной литературе постепенно утратил стилистическую окраску, перейдя в разряд квазитерминов. Данное сочетание фиксируется современными горными словарями как нейтральный термин. Для специальных подъязыков XVIII – начала XX в. были характерны также противонаправленные процессы терминологизации и детерминологизации специальных наименований. Уже в XIX в. детерминологизировались, перейдя в общее употребление, такие специальные наименования, как *электричество, фотография, локомотив* и др. Единство и борьба общеязыковых и собственно терминологических отношений – еще одна внутренняя закономерность функционирования подъязыка, которая неизбежно приводила к его изменению и развитию. Вот как об этом писала известный историк русских терминологий Л.Л. Кутина: «Тот исторический момент, когда системы терминов только возникают из небытия, первый этап закрепления за словом общего языка новой терминологической функции представляет собой картину своеобразного единоборства кодовых свойств создающихся терминологических систем и общеязыковых свойств составляющих её знаковслов. А так как системные отношения терминов только становятся, только нащупывается и определяется связь понятий, а за общеязыковыми системными лексическими связями – определенная историческая давность и известный автоматизм в реализации их у всех говорящих на данном языке, то ясно, что общеязыковые отношения должны вторгаться в терминологии и нарушать отношения кодовые» [Кутина, 1966, с. 266].

Подведем краткие итоги. Относительно замкнутый характер в прошлом имели лишь системы ЯСЦ формирующихся наук и индустриальных производств. Консубстанциональные специальные подъязыки были тесно связаны с общенародным языком и территориальными говорами. Все разновидности языков для специальных целей представляли собою динамичные функционально-семиотические структуры, единицы которых отражали эволюцию профессиональных знаний, представлений и оценок. Картина развития ЯСЦ может быть воссоздана лишь с учетом комбинации внутренних и внешних законов языка, актуальных для каждого конкретного исторического периода. В настоящее время особую актуальность имеют исследования функциональных особенностей специальных подъязыков, изучение когнитивных свойств различных единиц специальной лексики в её диахронии, характеристика когнитивно-дискурсивного пространства русских научных и научно-технических текстов периода становления наук, производств и других видов созидательной деятельности наших предков. Не потерял своего научного значения и анализ стратификационного состава ЯСЦ прошлых эпох с функционально-стилистической точки зрения, поскольку это способствует углублению теоретических представлений о динамике форм существования национального языка, а также полному и адекватному описанию динамических моделей и законов образования русских терминосистем.

Литература

1. Авербух К.Я., Карпова О.М. LSP иммиграции: проблемы формирования и развития // Вестн. Ивановск. гос. ун-та. – 2007. – № 1.

2. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию: в 2 т. – М., 1963. Т. 1.

3. Борхвальдт О.В. Историческое терминоведение русского языка. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2000а.

4. Борхвальдт О.В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. – Красноярск: РИО КГПУ, 2000б.

5. Будагов Р.А. История слов в истории общества. – М., 1981.

6. Голованова Е.И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2.

7. Гумбольдт В., фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

8. Данькова Т.Н. Русская терминология растениеводства: история становления и современное состояние: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2010.

9. Дианова Г.А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения). – М.: Еврошкола, 2000.
10. Гладилина Г.Л. Лексика лесного сплава в аспекте исторического терминоведения русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005.
11. Зяблова О.А. Принципы исследования языка для специальных целей: на примере языка экономики: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2005.
12. Инютина Л.А. История русского языка в Западной Сибири XVII-XVIII вв.: концептуализация пространства: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 2012.
13. Катаева И.Н. Лексика карточной игры в русском языке конца XVIII – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008.
14. Комарова А.Н. Теория и практика изучения языка для специальных целей: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1996.
15. Корнейчук Ю.В. Структурная характеристика синтаксической терминологии в российских грамматиках конца XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2012.
16. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения) / пер. с исп. – 2-е изд., стереотип. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. (Лингвистическое наследие XX века).
17. Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. – М.; Л.: Наука, 1966.
18. Лейчик В.М. Языки для специальных целей – функциональные разновидности современных развитых функциональных языков // Общие и частные проблемы функциональных стилей. – М., 2006.
19. Майоров А.П. Взаимодействие нормы и регионального узуса в историческом аспекте // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Язык. Литература. Культура. – 2012. – Вып. 2.
20. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. – М.: Азбуковник, 2006.
21. Овчинникова М.В. Терминология уголовного права XVIII века (на материале памятников деловой письменности Забайкалья): автореф. … дис. канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2008.
22. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. – М., 1990.
23. Солнышкина М.И. Асимметрия структуры языковой личности в русском и английском вариантах морского профессионального языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2005.
24. Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977.
25. Фельде О.В. Подъязык // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск: Изд-во СФУ, 2012.
26. Щербина С.И. Развитие русской терминологии сравнительно-исторического языкознания: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.

Фельде Ольга Викторовна, профессор, заместитель директора Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, доктор филологических наук.
Tel.: (3912)062738, +7-9233146817. E-mail: Feldeo@list.ru
Felde Olga Victorovna, professor, deputy director of Institute of philology and language communication, Siberian Federal University, doctor of philological sciences.

УДК 811

© Л.Н. Омельченко

О синкретизме в системе функционально-смысловых типов речи

Статья посвящена проблеме классификации функционально-смысловых типов речи, дифференциации типичных и синкретичных разновидностей текста.
Ключевые слова: текст, описание, повествование, рассуждение, синкретизм.

L.N. Omelchenko

On syncretism in the system of functional-semantic types of speech

The article is devoted to the problem of e classification of functional-semantic types of speech, differentiation of typical and syncretic types of text.
Keywords: text, description, narration, discourse, syncretism.

Появление новых парадигм знания расширило возможности лингвистических исследований. Одной из доминирующих теорий современного языкознания признана лингвистика текста [Демьянков, с.245], объектом изучения которой является сверхфразовый уровень языка. Как известно, система языка находит выражение в классификации языковых единиц: «системный подход к изучению языка означает изучение компонентов (элементов) системы, их связей и отношений, определение места в системе языка как типичных, так и синкретичных образований» [Бабайцева, 2010, с.51].

Рассмотрим проблему классификации функционально-смысловых типов монологической речи, разграничения их типичных и синкретичных разновидностей. Методологической основой для этого послужила теория синхронной переходности языковых явлений, наиболее системно разработанная В.В. Бабайцевой [Бабайцева, 2000]. Понятие синкретизма в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» определяется как

«совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка и связанных явлениями переходности» [ЛЭС, с. 446]. Изучение сложных синкретичных образований в языке и речи осознано в современной лингвистике как актуальная проблема, охватывающая все уровни языковой системы [Бабайцева, 2000; Чесноков]. Специальные исследования посвящены вопросам синкретизма в морфологии и синтаксисе [Высоцкая; Дружинина; Политова]. На сверхфразовом уровне проблема синкретизма мало исследована.

В основу предлагаемого нами анализа текста положена теория функционально-смысловых типов речи, разработанная О.А. Нечаевой. Опираясь на идею Л.В. Щербы о далее неделимых единицах языка, составляющих тот или иной ярус речи, О.А. Нечаева пишет о речевых структурных комплексах, обслуживающих речевую деятельность человека на уровне более высоком, чем предложение: «…обобщенные мыслительные комплексы, выражающие связи одновременности, последовательности или причинно-следственной зависимости между явлениями, возникающие на основе наблюдаемого или известного, или путем абстрактного сопоставления, закреплены в типичных языковых структурных моделях в виде монологических типов речи: описания, повествования и рассуждения» [Нечаева, с. 18]. Важно, что языковые модели текстов описания, повествования и рассуждения имеют логическую основу, строятся на основе мыслительных процессов, отражающих синхронную либо диахронную связь, либо причинно-следственную связь явлений объективного мира.

Описание, повествование, рассуждение образуют систему функционально-смысловых типов речи. Изучение типов речи «выделяется в особую теоретико-лингвистическую проблему о сущности функционально-смысловой подсистемы языка» [Лингвистика текста…, с. 10]. По мнению Г.А. Дырхеевой, результаты исследований представителей научной школы О.А. Нечаевой показывают, что «анализ текста на функционально-коммуникативной основе способствует выявлению более глубинных структурно-семантических текстообразующих характеристик и, следовательно, представляет значительный вклад в теорию речевых актов» [Дырхеева, с. 6].

Проблема классификации функционально-смысловых типов речи многоплановая, решается она и в стилистическом аспекте [Трошева; Пузикова]. В качестве основания классификации разновидностей описания и повествования для нас выступает семантический признак временной локализованности/ нелокализованности явлений, отражающий один из аспектов понятия времени. Данный признак трактуется как «единство противопоставленных друг другу значений: 1) конкретности, определенности местоположения действия и ситуации в целом в однонаправленном течении времени, прикрепленности к какому-то одному моменту или периоду; 2) неконкретности, неопределенности (в указанном смысле), то есть неограниченной повторяемости, обычности (узуальности) или временной обобщенности (“вневременности”, “всевременности”)» [Бондарко, с. 210].

Материал исследования показал, что для повествовательных текстов основными являются значение локализованности действий во времени и значение узуальности (повторяемости) действий: в реальной действительности диахронные действия могут происходить либо в один наблюдаемый период времени, либо в разные периоды времени, повторяющиеся с определенной эпизодичностью.

Классификация описательных текстов на основе признака временной локализованности включает следующие разновидности описания: 1) визуальное описание, номинирующее локализованные во времени признаки объекта, то есть «конкретные, наблюдаемые в определенный момент времени» [Хамаганова, с. 20]; 2) характеристика как перечисление не локализованных во времени признаков, то есть «постоянных или обычных, потенциальных и устойчиво возобновляемых свойств объекта, относящихся к разным периодам его существования и сферам проявления» [Хамаганова, с. 20].

Можно утверждать, что визуальное описание представляет ядерные (семантические и грамматические) признаки описания как функционально-смыслового типа речи; именно оно стало предметом специальных исследований [Хамаганова; Бохиева].

Вторая разновидность описания – характеристика представляет особый интерес в плане совмещения дифференциальных признаков разных типов речи. В текстах с функцией характеристики предмета, наряду с логическими и семантическими признаками описания, обнаруживаем структурные и семантические признаки других функционально-смысловых типов речи: повествования и рассуждения. В связи с этим фактом необходимо установить место характеристики в системе функционально-смысловых типов речи.

Определим онтологическую сущность характеристики. В описательной характеристике объектом речи являются не только внешние, воспринимаемые посредством органов чувств, ус-

ловно говоря, видимые параметры предмета, но прежде всего его внутреннее содержание, сущность предмета, постигаемая в процессе познания предмета, в процессе обобщения его конкретных проявлений. Существенные признаки предмета, его качества, имеют вневременный или даже всевременный характер. Так, признаки водорода как химического элемента, перечисленные в следующей научной характеристике, имеют всевременный характер: *«Водород – самый распространенный элемент в космосе. В недрах звезд находится в виде протонов. Входит в состав основного вещества Земли – воды. Содержится в целом ряде соединений, входящих в состав углей, нефти, природного газа, глины, а также всей биосферы – животных и растений»* (Химия: Справочные материалы).

Итак, характеристика представляет собой перечисление синхронных качеств предмета, выраженных предикативными конструкциями. Далее подробнее рассмотрим тексты, в которых характеризуется человек: либо ему дается оценка с морально-этической точки зрения, либо перечисляются его биографические сведения. В человеческой биографии выделяются определенные этапы, связанные с основными событиями его жизни (дата рождения, периоды учебы, профессиональной деятельности, устройство семейной жизни, наконец, дата смерти). Естественно, что в реальной действительности эти события происходят последовательно, сменяя одно другое, возможно, с большими временными интервалами. Наполняя жизненное пространство человека, события тем самым характеризуют его; как утверждает Н.Д. Арутюнова, «для человека жизнь складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты» [Арутюнова, 1988, с. 103].

Полагаем, что характеристику можно отнести к переходным явлениям в системе функционально-смысловых типов речи. Так, характеристика биографического типа близка в структурно-грамматическом плане к повествованию: в ней используются глагольные формы совершенного вида, темпоральные детерминанты, моносубъектная структура текста, неполные предложения с незамещенной позицией подлежащего, например: *«Сам я уроженец Воронежской губернии, с тысяча девятисотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии, в дивизии Киквидзе. В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один... Ну, через год вернулся с Кубани, хатенку продал, поехал в Воронеж. Поначалу работал в плотницкой артели, потом пошел на завод, выучился на слесаря. Вскорости женился»* (М. Шолохов. Судьба человека).

Особенность характеристики как разновидности описания заключается в том, что признаки, свойственные объекту, отличаются разновременностью появления, но в конечном счете синхронны в тексте-характеристике описываемого человека. По-видимому, в квалификации подобных переходных случаев надо идти «от смысла к форме». Коммуникативная цель создания текстов-характеристик – не перечисление последовательных действий субъекта, а выражение его сущности, его существенных особенностей, в частности, факты биографии позволяют идентифицировать лицо, этапы формирования того или иного предмета осознаются как его внутренние качества. Не разрушают семантику вневременности контекста и темпоральные детерминанты, поскольку они обозначают начальную или конечную временную точку существования характеризующего признака либо достаточно протяженный для такого признака отрезок времени.

Однако при этом между характеристикой как разновидностью описательного типа речи и повествованием сохраняется общесмысловое различие, обусловленное, прежде всего, логической основой речи и коммуникативными намерениями говорящего. Именно эти факторы предопределяют выбор говорящим коммуникантом того или иного семантического типа предложения в процессе порождения констатирующего текста [Омельченко, с. 64]. В описательной характеристике говорящий стремится дать более или менее полное представление об объекте действительности, называя ряд его конститутивных признаков, существующих синхронно, потому строит текст на основе предложений с семантикой характеризации. В повествовании говорящий сообщает о развивающейся ситуации, вычленяя из нее диахронные события, что выражается акциональными предложениями.

В характеристике, прежде всего моральноэтической, часто выражается оценка объекта со стороны говорящего. В логике оценка понимается как «такое определение объекта, при котором выявляется его положительное (отрицательное) значение для субъекта, при условии, что объект способен удовлетворять потребности субъекта» [Ивин, с.12]. Повествовательный текст в соответствии со своей функциональной направленностью не содержит оценки, выраженной предикативной конструкцией. Приведем пример художественной характеристики, в которой эксплицирована оценка говорящего: *«Одним из поздних учеников Зубра был Анатолий Никифорович Тюрюканов. Большой, мужиковатый, с физиономи-*

ей грубой, как он сам говорил, «шлакоблочной», по виду недалекий, простак, по выговору работяга, из разнорабочих – словом, не скажешь, что ученый, да к тому же тонкий, культурнейший человек» (Д. Гранин. Зубр).

Материал исследования показал, что характеристика может содержать обоснование оценки, вообще субъективной по своей природе [Арутюнова, 1999, с. 216]. Наличие оценки связывает описательный текст с текстами типа «рассуждение». Так, в описании-характеристике лица в целях доказательства перечисляемых внутренних черт характера человека могут приводиться соответствующие доводы, примеры, т.е. обоснование оценки, что типично для рассуждения. Обоснование оценки является оправданным, поскольку оценка человека, за исключением эстетической, всегда является результатом оценки его действий и поступков. В контекст характеристики могут включаться примеры поведения человека, некоторым образом организованных действий, которые определяются мотивами деятельности, образом жизни, мировоззрением человека.

Предложения типа *Ян добрый, умный, спокойный, смелый*, по замечанию А. Вежбицкой, являются скрытыми «индукциями» (обобщениями), так как в них «предицируемый признак приписывается, строго говоря, не Яну, а множеству событий, которые тем или иным образом связаны с Яном (множество, которое нельзя просто перечислить, так как его нельзя приравнять ни к какому закрытому списку)» [Вежбицкая, с. 255].

В следующем тексте художественной характеристики наблюдаемые признаки человека перечисляются для того, чтобы обосновать общую оценку персонажа: «Следопыт, настоящий лесной крестьянин-охотник»: *«/Дверь медленно отворяется и затворяется, и я опять остаюсь один, все думая о Митрофане./*

Это был высокий и худой, но хорошо сложенный мужик, легкий на ходу и стройный, с небольшой, откинутой назад головой и с бирюзово-серыми, живыми глазами. Зиму и лето его длинные ноги были аккуратно обернуты серыми онучами и обуты в лапти, зиму и лето он носил коротенький изорванный полушубок. На голове у него всегда была самодельная заячья шапка шерстью внутрь. И как приветливо глядело из-под этой шапки его обветренное лицо с облупившимся носом и редкой бородкой! Это был Следопыт, настоящий лесной крестьянин-охотник, в котором все производило цельное впечатление: и фигура, и шапка, и заплатанные на коленях портки, и запах курной избы, и одностволка» (И. Бунин. Сосны).

Итак, визуальное описание является типичной разновидностью описания, поскольку реализует конститутивные признаки описательного типа речи.

Характеристика также в логическом и семантическом плане является разновидностью описания как функционально-смыслового типа речи, так как в ней перечисляются синхронные признаки предмета, но эти признаки имеют, в отличие от визуального описания, постоянный характер (иногда – вневременный) и выражают проявление самого предмета описания, его сущность, причем признаки выражаются предложениями с семантикой характеризации. Однако структура текстов с функцией характеристики, как правило, моносубъектная, используются некоторые грамматические средства, типичные для повествования, что сближает характеристику в структурном плане с повествовательным типом речи. В текст характеристики, кроме того, могут быть включены элементы рассуждения с целью обоснования субъективной оценки говорящего.

Опираясь на понятие синкретизма языковых явлений, можно определить место характеристики в системе функционально-смысловых типов речи: характеристика квалифицируется как текст синкретичного вида, находящийся в зоне переходности между описанием, повествованием, рассуждением.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.
3. Бабайцева В.В. Изоморфизм и переходность явлений языка как системообразующие факторы // Бабайцева В.В. Избранное. 2005-2010: сб. науч. ст. / под ред. К.Э. Штайн. – М.; Ставрополь, 2010.
4. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. – М., 2000.
5. Бондарко А.В. Временная локализованность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987.
6. Бохиева М.В. Функциональные свойства безличных предложений в условиях описательного типа речи. – Улан-Удэ, 2009.
7. Варфоломеева Ю.Н. Семантика глагольных предикатов как свойство структурно-семантической модели текста типа «описание»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2008.
8. Вежбицкая А. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). – М., 1982.
9. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. – М., 2006;
10. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995.
11. Дружинина С.И. Синкретизм в системе сложноподчиненных предложений. – Орел, 2008;

12. Дырхеева Г.А. Лингвистика текста в Бурятии: научная школа профессора О.А.Нечаевой // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Улан-Удэ, 2004.
13. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М., 1970.
14. Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование». – Улан-Удэ, 2011.
15. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М., 1990.
16. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (Описание, повествование, рассуждение). – Улан-Удэ, 1974.
17. Омельченко Л.Н. Логико-синтаксические типы предложения: семантика и функционирование в констатирующих текстах // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 10. Филология.
18. Политова И.Н. Переходность в системе подчинительных словосочетаний в современном русском языке. – Коломна, 2008.
19. Пузикова З.Г. Функционально-стилевые варианты доказательства в русском литературном языке начала XXI в.): автореф. дис. …канд. филол. наук. – Пермь, 2007.
20. Трошева Т.Б. Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями): автореф. дис. …д-ра филол. наук. – Пермь, 2000;.
21. Хамаганова В.М. Описательный текст в семиотическом аспекте. – Улан-Удэ, 2000.
22. Чесноков П.В. Явления переходности между словом и единицами ближайших к нему уровней // Переходность и синкретизм в языке и речи: межвуз. сб. науч. тр. – М., 1991.

Омельченко Лилия Николаевна, доцент кафедры русского языка Бурятского государственного университета, кандидат филологических наук. Тел.: (3012)426988. E-mail: omelchenko.2@mail.ru
Omelchenko Liliya Nikolaevna, associate professor, department of Russian language, Buryat State University, candidate of philological sciences.

УДК 801:821.161.1

© ***Л.Д. Раднаева***

Просодическая характеристика речи
(на примере фрагментов художественных произведений русских писателей)

В статье продемонстрированы способы интонационного оформления высказываний на примере речи персонажей из произведений русской литературы.
Ключевые слова: русская литература, интонация, ритм, эмоции, свойства голоса.

L.D. Radnaeva

Prosodic characteristics of speech (on the example of fragments from works of Russian writers)

In the paper the ways of intonation registration of utterances on the example of speech of the characters from the works of Russian literature are demonstrated.
Keywords: Russian literature, intonation, rhythm, emotions, voice properties.

Художественные произведения русской литературы писателей XIX–XX вв. М. Булгакова, И. Бунина, Н. Гоголя, И. Гончарова, А. Грибоедова, Ф. Достоевского, М. Зощенко, А. Толстого, Л. Толстого, И. Тургенева, А. Чехова и других представляют собой богатейший материал для исследования широкого спектра интонационных характеристик звуковой стороны речи персонажей.

Интонация, как известно, является одним из важнейших фонетических средств передачи коммуникативного значения (повествование, вопрос, побуждение), выражения эмоционального состояния говорящего, его отношения к содержанию своего высказывания и высказывания собеседника, а также обеспечивает фонетическую цельность высказывания [Бондарко; Брызгунова, 1974, 1984; Николаева; Светозарова, 1982, 2000]. Следует признать, что «интонация как фонетическое явление многофункциональна по своей природе. Часть функций не является лингвистической – например, передавать индивидуальные особенности говорящего, его психологическое состояние, темперамент, социолингвистические особенности» [Бондарко и др.].

В работе собраны фрагменты из художественных произведений русских писателей (всего 220), в которых отражена интонация, как в высказываниях героев, так и в ремарках повествователя. Как показывают примеры, средства обозначения интонации, к которым обращаются авторы, разнообразны. Прежде всего, это характеристика голоса и тона. Образцы речи демонстрируют разнообразие оттенков голоса персонажей.

«Сегодня! – *радостно* сказал внутри его *ликующий шепот*» (А. Куприн. Поединок).

«Алешка степенно кивнул: “Хорошо, батя”. Иван стал разуваться, и – *бойкой скороговоркой*, будто он веселый, сытый:

– Это, что же, каждый день, ребята, у вас такое *веселье*?» (А. Толстой. Петр Первый).

«– Тебе, – говорил *степенно и тихо*, – Василий, еще многие завидуют…» (А. Толстой. Петр Первый).

«Растирая слезы, гнусавя от жалости, Алешка стал сказывать про беду» (А. Толстой. Петр Первый).

«– Кого усватали? – *приглушенно* спрашивает Аксинья» (М. Шолохов. Тихий Дон).

Авторы часто прибегают к сравнению как способу представления интонации.

«– Кто Вам лгал, – *стариковским*, но сильным голосом

заговорил Матвеев, изламывая седые брови, – кто лгал, что царя и царевича задушили…» (А. Толстой. Петр Первый).

Компонентами интонации являются: мелодика – изменение частоты колебаний голосовых связок, изменение основной частоты голоса; темп (длительность) – изменение скорости артикуляции, приводящей к изменению длительности звуков; интенсивность – изменение силы артикуляционных движений, что воспринимается, как изменение громкости; пауза – прекращение фонации, приводящее к отсутствию звучания. Роль различных компонентов в интонационном оформлении неодинакова. Основная нагрузка при интонационном оформлении речи ложится на мелодику, т.е. на изменение частоты основного тона. В таблице 1 представлены примеры частей речи (наречие, глагол, прилагательное) из литературных источников, отражающие компоненты интонации.

Таблица 1

Слова и выражения, соответствующие компонентам интонации

Компоненты интонации	Примеры слов и выражений		
	Наречие	Глагол	Прилагательное
Пауза	помедлив, с расстановкой, беззвучно, прерывисто	замедлить речь, прерываться	медленный, прерывистый, беззвучный
Темп, длительность	монотонно, медленно, неторопливо, не спеша, неуверенно, скороговоркой	быстро протянуть, трещать, тараторить, выпалить, отрезать	медленный, неторопливый, протяжный
Интенсивность	слабо, слабо крикнуть, чуть слышно, тоненько, очень тихо, негромко, громко, громовым голосом, оглушительно, звонко, отчетливо	шептать. лепетать, кричать, орать, греметь, грохотать, реветь, рявкать	тоненький, тихий, негромкий, громкий, громогласный, оглушительный
Мелодика	понизив голос, тоном ниже, повысив голос	понизить голос, повысить голос, понизить голос до шепота	
Ритм	плавно, резко, отрывисто, раздельно, отделяя слова по слогам	отрезать, уронить, отчеканить, запинаться, скандировать, запинаться	резкий, плавный, отрывистый
Тембр	глухо, дрожащим голосом, хрипло, задушевно, звонко, приятно, ясно, мягко	гудеть, шипеть, хрипеть, сипеть	бесцветный, больной, глухой, глуховатый, грудной, гнусавый густой, деревянный, кислый, сиплый, скрипучий, сочный, трескучий, хриплый, ясный, приятный, мягкий, придушенный, свежий, свистящий, серебристый, задушевный, звенящий, звонкий, звучный, казенный

Кроме компонентов интонации, существуют артикуляторные характеристики речи, дополняющие интонационные характеристики (табл. 2).

Таблица 2

Слова и выражения, характеризующие артикуляторные характеристики

	Наречие	Глагол	Прилагательное
Артикуляторные характеристики	неточно выговаривая слова, неясно выговаривая слова, невнятно выговаривая слова	бормотать, мямлить, лепетать, чеканить, сюсюкать, шамкать, гнусавить	невнятный, гнусавистый, неясный

Одним из способов оформления речи с помощью акустических сигналов является использование неречевых звуков (табл. 3).

Таблица 3

Слова и выражения, характеризующие неречевые звуки

Неречевые звуки	Звуки, сходные с животными и птицами	Звуки, издаваемые неодушевленными предметами или природные звуки
стонать, ныть, всхлипывать, хохотать	рычать, мычать, скулить, каркать, щебетать	скрипеть, шелестеть, грохотать

Примеры, зарегистрированные нами, отражают представленную систему.

«– Кто там? – спросила она *тоненько*, вгляделась, увидела Петра, затрясла головой: – Нельзя… Идите спать, герр Петер…» (А. Толстой. Петр Первый).

«– Что?! – *заревел* он таким неестественно *оглушительным* голосом, что еврейские мальчики, сидевшие около шоссе на заборе, посыпались, как воробьи, в разные стороны» (А. Куприн. Поединок).

«– Должно, переломил… – *пробасил* он» (М. Шолохов. Тихий Дон).

«– Шапку-то, шапку, головку напечет!» – *слабо крикнула* вслед царица (А. Толстой. Петр Первый).

«Когда ее что-нибудь волнует, – подумал он, – то слова у нее вылетают *так стремительно, звонко и отчетливо, точно сыплется дробь на серебряный поднос*» (А. Куприн. Поединок).

«– Браунинг, – *пролепетала* Марья Власьевна» (М. Булгаков. Записки юного врача).

Авторы используют графические средства для подчеркивания интонации (курсив, разрядка, разнообразный шрифт).

«– З-заколу!» (А. Куприн. Поединок)

«– Ску-ука!.. Дела плохи, никто не уважает…» (А. Толстой. Петр Первый).

– Рысью ма-а-аррш! – скомандовал громовым голосом Осадчий. (А. Куприн. Поединок).

Коммуникативные типы высказывания имеют типичные просодические признаки. Например, при характеристике просьбы используется тихий голос.

«– Не пугайтесь, ради бога не пугайтесь! – сказал он *внятным и тихим голосом*» (А. Пушкин. Пиковая дама).

«– Я, – сказал он *глухо*, – умоляю вас, профессор, ничего никому не говорить...» (М. Булгаков. Записки юного врача).

«Воровато повел глазами. *Зачужавшим голосом хрипло*:

– Эй, кто тут есть? Вставайте!» (М. Шолохов. Тихий Дон).

Как правило, для просьбы характерен дрожащий голос.

«У двери остановились… *Дрожащий голос*:

– Государь, проснись, беда…» (А. Толстой Петр Первый).

Для выражения команды характерно громкое произнесение, растянутый голос.

«Ромашов уже заранее знал, что сейчас Тальман скажет свою обычную фразу, и он действительно, бегая цыганскими глазками, *просипел*…» (А. Куприн. Поединок)

«– Рруучку!..» (А. Куприн. Поединок).

Эмоциональная речь характеризуется многочисленными паузами, повторами, дрожащим голосом, изменением тембра голоса.

«Это была беда: горячась, он начинал говорить *неразборчиво, захлебывался торопливостью*, точно хотел сказать много больше того, чем слов на языке» (А.Толстой Петр Первый).

«– А Андрею вон микроскоп выдали… за ударную работу… – *Голос* супруги Ериной *упал до жути* – она все поняла» (В. Шукшин. Микроскоп).

«Когда захлопнулась дверь, он *завыл*, гремя цепью, причитывая *дурным голосом*…» (А. Толстой. Петр Первый).

Речь героев характеризуется интонационными особенностями родного языка или говора.

«Василий Васильевич, играя гусиным пером, положив ногу на ногу и великодушно улыбаясь, говорил (лишь иногда запинаясь в латинских словах и выговаривал их несколько на *московский лад*)» (А. Толстой. Петр Первый)

Просодические свойства характеризуют душевное состояние героев.

«– Умрем, — *жалобно* отвечал Ромашов» (А. Куприн Поединок).

«Сегодня! – *радостно* сказал внутри его ликующий шепот» (Куприн. Поединок).

«Ты не слышишь меня! – *с горьким упреком прошептал* Ромашов» (А. Куприн. Поединок).

«– Эх, ба-тень-ка! – с презрением, *сухо и недружелюбно* сказал Слива несколько минут спустя, когда офицеры расходились по домам» (А. Куприн. Поединок).

«– Ну не-ет!!» – *взревела* она» (Шукшин. Микроскоп).

«– Спасибо на добром слове, – *ядовито прошептал* он (Шукшин. Микроскоп).

Таким образом, анализ и подбор слов и выражений по компонентам интонации и артикуляторно-акустическим признакам, выполненные на основе обзора просодических характеристик речи в художественных произведениях русских писателей, показали их основные функции – через оттенки тона и голоса героя передать его индивидуальные особенности речи, эмоциональное, душевное состояние, отношение к собеседнику или событию.

Литература

1. Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка. – СПб., 1998.
2. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики. – СПб., 2004.
3. Брызгунова Е.А. О смыслоразличительных возможностях русской интонации // Вопросы языкознания. – 1974. – № 4.
4. Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М., 1984.
5. Николаева Т.М. Семантика акцентного выделения. – М., 1982.
6. Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. – Л., 1982.
7. Светозарова Н.Д. Интонация в художественном тексте. – СПб., 2000.

Раднаева Любовь Дашиевна, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Бурятского государственного университета, доктор филологических наук.

Radnaeva Lyubov Dashievna, professor, head of foreign languages department, Buryat State University, doctor of philological sciences. E-mail: Radnaeva.ljubov@gmail.com

УДК 811.161.1 (571.54)

© ***В.М. Егодурова***

Региональные черты русского языка в Бурятии

Статья посвящена выявлению региональных черт в функционирующем на территории Бурятии литературном русском языке. Охарактеризованы функциональные особенности регионализмов в коммуникативно-речевой среде города Улан-Удэ и районов республики. В работе показано, что литературный русский язык в Бурятии вобрал в себя лексику региональную, этническую, которая придает языку особенную звуковую, смысловую тональность.

Ключевые слова: региональный русский язык, литературный язык, русские говоры старожилов, русские говоры старообрядцев, двуязычие, лексика региональная, этническая, территориальное варьирование русского языка, собственные имена.

V.M. Egodurova

Regional characteristics of the Russian language in Buryatia

The article is devoted to identifying regional features in the Russian literary language functioning on the territory of Buryatia. We characterize the functional properties of regionalisms in communicative speech environment of Ulan-Ude and the districts of the republic. The paper shows that the literary Russian language in Buryatia has absorbed regional, ethnic vocabulary which gives the language a special sound, meaning tonality.

Keywords: regional Russian language, literary language, Russian dialects of old-timers, Russian Old Believers dialects, bilingualism, regional, ethnic vocabulary, spatial variation of the Russian language, proper names.

Известно, что Байкальский регион – это поликультурный, поликонфессиональный регион. К коренным жителям относятся буряты, эвенки. Начиная с XVII в. территории вокруг Байкала стали заселяться русскими, получившими в научной литературе наименование старожильческого населения в отличие от позднее прибывших русских старообрядцев.

Изучение функционирования русского языка и форм его реализации в Бурятии традиционно привлекало интерес исследователей. В трудах лингвистов, исследовавших русские говоры Бурятии, они достаточно глубоко изучены. Описаны русские говоры старожилов и русские говоры старообрядцев, бытующие на территории Бурятии в сельской местности [Селищев; Молодых; Тынтуева; Эрдынеева; Юмсунова; Матанцева; Степанова; Дарбанова]. По мнению ученых, они подвергаются воздействию литературного русского языка, а также в процессе контактирования с бурятским языком заимствуют из него слова. В статье В.М. Егодуровой, С.М.Бабушкина обобщены работы по исследованию заимствованной русскими говорами лексики из бурятского языка, употребляемой в региональном русском языке [Егодурова, Бабушкин].

Исследователями отмечается взаимовлияние русского и бурятского языков, определены этапы, охарактеризованы изменения складывающихся языковых ситуаций. Современная языковая ситуация в Бурятии характеризуется функциональным преобладанием русского языка над бурятским как по демографической, так и по коммуникативной мощности.

Несомненно, в настоящее время русский язык, функционирующий на территории Байкальского региона, – это прежде всего литературный язык, но это и русские говоры старожилов, и русские говоры старообрядцев, и наблюдаемая в течение 3,5 сотен лет эволюция типов двуязычия от русско-бурятского к бурятско-русскому, которое можно определить как региональное двуязычие. Современные двуязычные буряты все больше обращаются к русскому языку во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и при общении друг с другом как в городе, так и сельской местности [Егодурова].

Специфика городской речи на территории Бурятии не подвергалась изучению, но определенно она отличается от сельской в тех районах, где распространены русские говоры. Однако независимо от городского или сельского функционирования русского языка есть общие черты, характеризующие его использование в территориальном пространстве Бурятии. Цель нашей статьи – определить региональные черты в функционирующем на территории Бурятии, Улан-Удэ литературном русском языке, охарактеризовать функциональные особенности регионализмов в коммуникативно-речевой среде города и республики.

В городе Улан-Удэ и в районных центрах Бурятии доминирует русский язык в литературной форме во всех сферах общественной жизни. На русском языке ведется преподавание в школах и вузах Бурятии, развивается наука, издаются газеты и журналы, ведутся радио и телевизионные передачи. Русский язык удовлетворяет языковым потребностям не только русских, но и людей других национальностей, в том числе бурят как граждан России.

Представители как городской, так и сельской интеллигенции Бурятии говорят на литературном русском языке. Но литературный язык вобрал в себя лексику региональную, этническую. Слова, употребляемые в литературном региональном варианте русского языка из контактирующего с ним языка, составляют пласт слов с национально-культурной семантикой. Некоторые слова с национально-культурной семантикой бурятского происхождения можно отнести к полностью освоенной заимствованной лексике, поглощенной русским языком, ассимилировавшей в нем. Они прочно вошли в функционирующий на территории Байкальского региона русский язык вместе с теми реалиями, которые они обозначают, являются общеупотребительными региональными словами, поэтому естественно употребляются в литературном русском языке в разных функциональных стилях на территории Бурятии, Улан-Удэ. В русский язык они вошли потому, что не имеют эквивалентов в нем. Эти слова распространены и частотны, составляя территориальное варьирование русского языка в пространстве Бурятии.

К ним относятся слова-этнорегионализмы – наименования предметов и явлений традиционного быта: названия пищи (*позы (бууза), саламат, бүхэлёор, шүлэн, арса, тарак, архи, аршан*); названия жилища (*юрта*); музыкальных инструментов (*хур*); религиозного культа, обрядов (*дацан, лама, шаман, обо, онгон, тайлган*); названия государственных органов, лиц по социальному положению (*хурал, нойон*); названия праздников (*сагалган, сурхарбан*); названия одежды (*унты*). Некоторые из этих слов являются ценностно-окрашенными для всех жителей Бурятии: *сагалган, сурхарбан, хурал, дацан,* собственные наименования: *Байкал, Аршан, Селенга, Уда, Улан-Удэ, Саяны.*

Вряд ли эти слова можно назвать экзотическими, так как они обозначают реалии российской действительности, известны жителям региона, в котором большую часть населения составляют русские. Для жителей региона они не несут оттенка экзотичности, употребляются в русской речи естественно, так как обозначают реалии, привычные в среде проживания человека. Эти слова вносят особую фоновую информацию в русский язык, функционирующий в Бурятии. Они употребляются как в устной, так и в письменной речи: в СМИ, художественных произведениях, официально-деловой и бытовой речи.

Значительный объем фоновой информации содержат и имена собственные одушевленных существ и неодушевленных предметов: собственные имена этнических бурят, собственные наименования мест социально-культурного, бытового назначения, образовательных учреждений, номинации городских объектов (эргонимы), названия издательств, вывески, плакаты и т.д.

Как показывают наблюдения, многие буряты носят русские имена. В советский период, по-видимому, для исключения сложностей в межъязыковом общении и адаптации бурятских имен к системе русского языка как языка межнационального общения буряты перешли на трехкомпонентную систему имен собственных: фамилия, имя, отчество. При этом они могут образовывать различные сочетания: национального и русского имени, фамилии, отчества: Сэсэг Сергеевна Иванова, Ирина Цыдыповна Бабушкина, Павел Степанович Баиров и т.д. Бурятские фамилии и отчества составляются по словообразовательной модели русского языка с помощью аффиксов *-ов*, *-ев*: Цыдыпов, Дашиева; *-ович*, *-евич*: Жаргалович, Батуевич; *-овн-*, *-евн-*: Чимитовна, Доржиевна. Национально-языковая принадлежность сохраняется в них в основе слова.

Но все же многие имена собственные бурят выражают национально-языковую принадлежность. Например: Чингис, Гэсэр, Эрдэм, Баир, Даши, Дондок, Чимит, Цыден, Цырен, Саян, Сэсэг, Арюна, Цыпилма, Оюна и т.д. – бурятские имена. Значит, эти имена наряду с номинацией (это человек) реализуют этническую индивидуализацию человека. Но поскольку имена собственные используются в любом коллективе для идентификации человека независимо от того, на каком языке осуществляется коммуникация, они выполняют функцию межъязыкового, межкультурного общения, взаимодействия и вне сферы «родного» языка.

К собственным именам с национально-языковой семантикой относятся также топонимы (эргонимы). Например: Улан-Удэ, Аршан, Селенга, Усть-Орда, Джида, Байкал. Топоним Байкал, одна из трактовок этимологии которого бурятского происхождения, представляется наиболее убедительной, известен как географический объект всем жителям Земли и представляет ценность для всего человечества. Поэтому в межъязыковой и межкультурной коммуникации не требует пояснения. Фоновая информация, связанная со словом Байкал: это самое глубокое в мире озеро с чистой, пресной водой, находится в России, в Сибири, на территории Бурятии и Иркутской области. Название озера Байкал является ценностно-окрашенным не только для жителей Байкальского региона, но и для всего человечества. Экстралингвистические факторы придают топониму общеязыковое значение, фоновая информация, связанная с ним, знакома носителям любого языка.

Территориальное расположение озера Байкал обусловливает использование его в качестве имени собственного многих объектов в пространстве Бурятии и Иркутской области: рыбозавод *Байкал*, журнал *Байкал*, научно-популярный журнал *Мир Байкала*, клуб *Байкал*, гостиница *Байкал* и т.д.

Кроме того, словообразовательные возможности слова Байкал способствуют образованию от него адъективов, в сочетании с существительными образующих составные наименования. Например: *Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат, Байкальская топливная компания, Байкальский мир техники, Байкальский информационный центр дистанционного образования, Байкальский экономико-правовой институт, Байкальская ипотечная компания, Байкальские информационные кабельные сети, Байкальская лесная компания, Байкальская литейная компания, Байкальский институт природопользования СО РАН, Байкальская мясная компания 2005, Байкальский меридиан, Байкальская перспектива, Байкальский терминал* и т.д.

Распространены сложносокращенные названия со словом Байкал: *Байкал-тех, Байкалавиасервис, Байкалриэлт, Байкалфарм, Байкал-авто, Байкал-информ, Байкал-аудит, Байкалбанк, Байкалвент, Байкалкрафт, Байкал-экспо, информационно-издательский центр Про-Байкал, Байкал регион ипотека, Байкал-импорт, Байкалпринт, Байкалметсибирь, Байкалцветмет, Байкалприбор, Байкал-контакт, Байкалсофт, Байкалмедиа, Байкалкурорт, Байкалдомстрой, Байкалинтур, Байкал-наран, Байкалспорттур, Байкалгео* и т.д.

К собственным именам с национально-языковой семантикой относятся также составные наименования, образованные от этнонима «бурят». Например: *Гостиничный комплекс Бурятия, издательство Бурятия, газета Правда Бурятии, агентство недвижимости Солнечная Бурятия* и др.. Наименования учебных и научных учреждений: *Бурятский госуниверситет, Бурятская сельскохозяйственная академия, Бурятский аграрный колледж им. М.Н. Ербанова, Бурятский лесопромышленный колледж, Бурятский республиканский педагогический колледж, Бурятский колледж статистики, экономики и информационных технологий, Бурятский финансово-кредитный колледж, Бурятское республиканское училище культуры и искусств, Бурятское государственное хореографическое училище, Бурятский республиканский учебно-курсовой комбинат, Бурятский институт повышения квалификации и переподготовки работников, Бурятский научный центр СО РАН*; наименования объектов культуры: *Бурятский академический театр оперы и балет, Бурятская государственная филармония, Всебурятская ассоциация развития культуры*; другие городские объекты: *Бурятский республиканский центр по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Бурятский республиканский онкологический диспансер, Бурятское книжное издательство, Бурятское республиканское управление инкассации, Бурятская племенная конюшня с ипподромом, Бурятский хладокомбинат.*

Есть сложносокращенные названия со словом «бурят»: *Бурятавтосервис, Бурят-авиа, Бурятинтур, Буркоопсоюз, Бурятавтотранс, Бурятводмелиорация, Бурятский автоцентр Камаз, Бурятэнерго, Бурятэнергоремонт, Буряттрикотаж, Бурятгражданпроект, Бурятнефтепродукт, Бурятпромресурс, Бурятгаз, Бурятавто, Буряташинторг, Бурятводсервис, Бурятавтодор, Бурятдорпроект, Бурятводпроект, Бурятгеоцентр, Бурятгеомониторинг, Бурятагропромдорстрой, Бурятпромстройпроект, Бурземсервис, Бурят-фармация, Бурятхлебпром, Буручколлектор* и т.д. Этнонимические названия очерчивают как территориальную, так и этническую принадлежность.

Территориально-региональными являются наименования различных городских объектов, образованных от имени столицы республики Улан-Удэ. Например, наименования учебных заведений: *Улан-Удэнский базовый медицинский колледж им. Э.Р. Раднаева, Улан-Удэнский инженерно-педагогический колледж, Улан-Удэнский музыкальный колледж им. П.И. Чайковского, Улан-Удэнский механико-технологический техникум мясной и молочной промышленности, Улан-Удэнский торгово-экономический техникум, Улан-Удэнский индустриальный техникум;* учреждения соцкультбыта: *Улан-Удэнский центр социального обслуживания населения, Улан-Удэнский дом-интернат для престарелых и инвалидов, Улан-Удэнский почтамт, Улан-Удэнская ярмарка, Улан-Удэнский городской спортивно-технический клуб БРО РОСТО, Улан-Удэнская управляющая компания;* заводы: *Улан-Удэнский деревообрабатывающий завод, Улан-Удэнский завод железобетонных изделий, Улан-Удэнский авиационный завод, Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение;* транспортные предприятия: *Улан-Удэнское грузовое автотранспортное предприятие, Улан-Удэнская автобаза ВСЖД, Улан-Удэнская дистанция пути ВСЖД, Улан-Удэнская дистанция сигнализации, централизации и блокировки, Улан-Удэнский региональный центр связи ВСЖД;* организации

лесного хозяйства: *Улан-Удэнское военное лесничество, Улан-Удэнское общество охотников и рыболовов, Улан-Удэнский промысловик* и т.д.; сложносоставные наименования городских объектов: *Улан-Удэ-Лада, СТС Автомобили Улан-Удэ, Форд-центр Улан-Удэ ООО, Улан-Удэстальмост, газета Улан-Удэ реклама, кадровое агентство Улан-Удэ работа-сервис, Улан-Удэторгтехника, Хлеб Улан-Удэ, медпункт Улан-Удэ транзит, Улан-Удэстройзаказчик, Улан-Удэ-газ* и т.д.

К региональным явлениям относятся также топонимы-урбанонимы Улан-Удэ, Бурятии. Например, названия улиц в честь известных бурятских деятелей: *улицы Банзарова, Балдано, Жамцарано, Ринчино, Сахьяновой, Балдынова, Ямпилова;* названия улиц, образованные от названий поселений или районов Бурятии: *Баргузинская, Хоринская;* появляются новые микрорайоны с бурятскими названиями: *Алтан газар «золотая земля»;* бурятские названия гостиниц: *Гэсэр, Сагаан морин, Дулаан, Одон, Селенга, Юрта*; издательств, газет, журналов: *Бэлиг, Буряад Унэн, Духэриг, Алтаргана*; магазинов: *Сагаан дали, Жаргал, Аршан, Байкал-М, Оптика Сэсэг, Алтан*; кафе, закусочных: *Баатарай ургоо, Баяр, Будамшу, Нютаг, Сахюур*; агентств недвижимости: *Тэнгэри, Шэнэ гэр, Дали, Дархан-риэлт;* ресторанов: *Баялиг, Ургы, Ульгэр, Ая-ганга*; салонов: *Арюухан, Сэбэрхэн*; ателье: *Жаргал, Одон*; других объектов: *Тамга, Морин тур,* кадровое агентство *Талан, концерн Ариг Ус*, кондитерская фабрика *Амта*, центр развития ребенка *Оюна,* детсад *Сэсэг* и т.д.

Таким образом, имена собственные в качестве индивидуализирующего признака используют территориальное (географическое) расположение объекта и этническую принадлежность. Необходимость употребления имен собственных в межъязыковом общении в социальной среде способствует частотности территориального их использования.

Итак, особую окраску русского языка в коммуникативном пространстве Бурятии составляет фоновая лексика. Фоновая информация складывается из ассимилировавшей безэквивалентной бурятской лексики (слов-реалий), пополнившей русский литературный язык в результате длительного употребления в региональной живой речи. Эта лексика придает особенную звуковую, смысловую тональность русскому языку в Бурятии, отличающую его от других регионов; в них содержится особый ассоциативный смысл, связанный с экстралингвистическими факторами существования языка в полиэтническом социуме.

Черты национально-региональной вариативности русского языка в Бурятии проявляются также в наименованиях бытовых, этнографических, географических, государственно-административных, исторических реалий, содержащих ассоциативную информацию. Собственные наименования передают социокультурную информацию о территориальной иноязычной среде. К региональным чертам в русском языке, функционирующем в Бурятии, Улан-Удэ, можно отнести следующие: освоенные русским языком национально-культурные слова бурятского происхождения, собственные имена, названия реалий социально-культурного назначения, в том числе названия улиц, площадей, памятников и т.д.

Литература

1. Дарбанова Н.А. Лексикографическое описание экспрессивной лексики говоров старообрядцев Забайкалья. – Улан-Удэ, 2007.
2. Егодурова В.М. И все-таки русский язык … (Факторы выбора языка коммуникации в полиэтнической Бурятии) // Учен. зап. Забайкальск. гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н.Г.Чернышевского. Сер. Филология, история, востоковедение. – Чита: Изд-во Заб.ГГПУ, 2012.
3. Егодурова В.М., Бабушкин С.М. Заимствованная из бурятского языка лексика как компонент регионального русского языка // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Спецвып. А. – Улан-Удэ, 2012.
4. Матанцева М.Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Улан-Удэ, 2001.
5. Молодых К.А. Бытовая лексика говора русского старожильческого населения Тункинского района Бурятской АССР: дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 1968.
6. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. – Иркутск, 1920.
7. Степанова И.Ж. Фрагменты картины мира семейских в идиостиле романов И. Калашникова. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2002.
8. Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говора семейских Забайкалья: дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1974.
9. Эрдынеева Э.Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1986.
10. Эрдынеева Э.Д. Русские говоры в Бурятии (лексикологический и социолингвистические аспекты). – Улан-Удэ, 1992.
11. Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. – Новосибирск, 1992.
12. Юмсунова Т.Б. Язык семейских-старообрядцев Забайкалья. – М., 2005.

Егодурова Виктория Макаровна, профессор кафедры общего и исторического языкознания Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Тел.: (3012)217436. E-mail: egodurova52@mail.ru

Egodurova Victoriya Makarovna, professor, department of general and historical linguistics, Buryat State Uneversity, doctor of philological sciences.

УДК 811.161.1 + 003.349.3

© ***А.П. Майоров***

Отражение в региональной деловой письменности XVIII в. фонетических явлений в области согласных русского языка

В статье рассматривается возможность отражения фонетических явлений в письменных памятниках XVIII в. На материале вариативного написания согласных букв в забайкальской деловой письменности указанного периода прослеживается отражение таких фонетических особенностей забайкальского регионолекта того времени, как произношение долгого твердого шипящего на месте мягкого [шш'], нейтрализация твердых и мягких согласных, утрата интервокального j в формах косвенных падежей прилагательных, неразличение шипящих и свистящих и другие, присущих материнским северновеликорусским говорам.

Ключевые слова: памятники забайкальской деловой письменности XVIII в., орфографические нормы, отражение фонетических явлений, регионолект, материнские говоры.

A.P. Mayorov

Reflection in the regional current documentation of the XVIII c. the phonetic phenomena in the field of the Russian language consonants

The paper analyzes a possibility of reflection the phonetic phenomena in the written monuments of the XVIII-th century. On a material of variable spelling of consonants in the Trans-Baikalian current documentation of that period the reflection of Trans-Baikalian regiolect's phonetic features of the time can be traced, such as long pronunciation of solid hissing instead of soft [šš'], neutralization of hard and soft consonants, the loss of intervocalic [j] in adjective declination's forms, hissing and whistling non-differentiation, etc. All these phonetic phenomena were typical to the parent dialects of Northern Russia.

Keywords: Trans-Baikalian current documentation of XVIII c., spelling rules, reflection of phonetic phenomena, regiolect, parent dialects.

Письменные памятники, в том числе памятники деловой письменности, наряду с говорами выступают одним из главных источников реконструкции звукового строя языка исторического прошлого. Чем шире жанровый диапазон письменных текстов, разнообразнее социальный статус писавшего, тем больше вероятность и надежность реконструируемых фактов языковой системы прошлого.

В связи с этим любопытны памятники забайкальской деловой письменности XVIII в., лингвоисточниковедческий и собственно лингвистический потенциал которых позволяет восстановить в определенной степени достоверные черты звукового строя регионолекта.

Правописание *ш* и *щ* в связи с обозначением одного и того же звука. В связи с изучением орфографических принципов, действующих в деловой письменности XVIII в., и возможности отражения фонетических явлений на письме особо необходимо отметить правописание в исследуемых памятниках шипящих *ш* и *щ*. Прежде всего, стоит отметить, что в забайкальских памятниках буквы *ш* и *щ* дублируют друг друга, употребляясь одна вместо другой. С одной стороны, встречаем написание буквы *ш* на месте *щ*: *обшаго* [НАРБ, ф.88, оп.1, д.47, л.70 об., 1771], *ушербовъ* [НАРБ, ф.88, оп.1, д.79, л.194, 1771], *зачиншик* [НАРБ, ф.88, оп.1, д.219, л.268, 1779]. С другой стороны, возможно написание *щ* вместо *ш*: *щнуром* [РГАДА, ф.634, оп.1, д.9, л.19 об., 1742], *ясащных* [там же, л.19], *рубащечнаго* [НАРБ, ф.88, оп.1, д.40, л.514 об., 1768]. По мнению ученых, неразличение букв *ш* / *щ* может представлять собой графическую особенность какой-либо школы письма или индивидуального почерка писца (по устному сообщению В.М. Живова). Вместе с тем не исключено, что эти буквы-дублеты могли обозначать твердый долгий шипящий, характерный для говоров южно- и северновеликорусского наречия [ДАРЯ, вып. 1, карта 48].

Как известно, показателем твердого шипящего считается написание буквы *ы* или ъ (для ранних памятников) после *ш*, *ж* [Горшкова, Хабургаев, с. 77]. В забайкальских памятниках деловой письменности XVIII в. встречаются не только написания с буквой *ы* после этимологических *ш*, *ж – ис продажы* [ГАЧО, ф.482, оп.1, д.4, л.65 об., 1728], *сержаншы*, но и после букв *ш*, *щ*, обозначавших отвердевший долгий шипящий [шш']: *клещы* [РГАДА, ф.22, л.41, 1754), *плащы* [НАРБ, ф.262, оп.1, д.9, л.10 об., 1731], *дищыплиніи* [НАРБ, оп.1, д.28, л.93, 1770], *приобщыть* [РГАДА, ф.1069, оп.1, д.71, л.170, 1740], *вещы* [РГАДА, ф.413, оп.1, д.3, л.3, 1780]. Кроме того, отдельные написания, представляющие собой отклонения от обычных, могут также свидетельствовать о данном фонетическом явлении. Например, сочетание букв *шо* на месте *ще*, скорей всего, указывает на твердое произношение долгого шипящего: *урочишо* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 4, л. 7, 1731]; *следуюшои* [НАРБ, ф.88, оп.1, д.75, л.161, 1771]. Такая фонетическая черта ха-

рактерна для русских старожильческих говоров Забайкалья [Эрдынеева, 1986, с. 46]. Она восходит к материнским северновеликорусским говорам, носители которых в XVIII в. составляли основную часть населения Забайкалья. Возможно, произношение [шш] в этот период в данном региональном узусе было общепринятым и поэтому на письме его обозначение буквами-дублетами *ш* и *щ* приобрело характер узуальной нормы.

Другой особенностью в обозначении долгих шипящих было употребление сочетаний букв *сч*, *шч, сщ*: *клешчи* (РГАДА, ф.1092, оп.1, д.22, л.317, 1755), *урожаюшчеи* (там же, л.188), *дошчаничнои* (РГАДА, оп.1, *весщи* [НАРБ, ф.88, оп.1, д.494, л.139, 1793], сусщаго [там же, л.139 об.], *лежасщаго* (там же, л.139 об.), *следуюсчия* ГАЧО, ф.31, оп.1, д.4, л.47, 1737). В отличие от функционирования букв *ш* и *щ* употребление буквосочетаний *сч*, *сщ*, *шч* является редким. Альтернативное использование этих диграфов, возможно, также говорит о стремлении писца передать свое аффрикативное произношение шипящего [ш'ч'] или [шч'], восходящее к северным и/или северо-западным говорам русского языка [ДАРЯ, карта 48]. На мягкость аффрикативного шипящего (в отличие от [шч]) может указывать написание буквы *ю* после данных буквосочетаний: *счюрупная* [ГАЧО, ф.31, оп.1, д.7, 1747].

Нейтрализация твердых и мягких согласных. В забайкальских памятниках нередки случаи отражения нейтрализации твердых/мягких согласных: *воиня* (*с китаицами паки воиню началъ*); *всакой* [*безо всакои разни* – ГАИО, ф. 783, оп. 1, д. 70, л. 16 об., 1785]; *тучекъ* [*запечатавъ оные с регистромъ в сумку или тучекъ* – НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 248, 1768]; *тюлейка*, *заключенный* [*данъ сеи ярлыкъ по заключенному контракту* – ПЗДП, 115, 126, 1770]; л*уди* (*лудеи*) [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 210 об., 1729]; п*ошлына* (*пошлыны*); *облызывать* [там же][*].

Широко распространенным является варьирование твердых и мягких согласных в заимствованных словах: *слюда – слуда, слюдяной – слудяной* (*одно окно с оконшинои слудянои шитухои*) [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 102, л. 434, 1772]; *сексюрка – сексурка* [*сексурокъ девять негодных и побитых молью* – РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 22, л. 315 об., 1755]; э*кспедичной – экспедычные, шуфля – шуфла, ширя – шира*. Очевидно, это связано с особенностями освоения иноязычных слов, не имеющих для носителя принимающего языка внутренней формы. Так, аналогичное неразличение указанных согласных наблюдается у заимствованных слов, широко распространенных в литературном языке: *полюс – полус*.

Косвенно с неразличением твердости/мягкости связано чередование н/н' в исходе основы существительных ж.р.: *наковальня – наковальна*, *конюшня – конюшна*, *гвоздильня – гвоздильна*, *мыльня – мыльна* и т.п. На наш взгляд, морфонологическое чередование твердых и мягких согласных поддерживается неразличением их в фонетической системе вторичного говора Забайкалья.

Отдельно следует выделить явление дисплатализации [р']: *каструля* [ГАЧО, ф. 282, оп. 1, д. 17, л. 378 об., 1759]; *крук* (*дверь на круках железных* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 103, л. 122 об., 1772]; *распра* (*но видевши онъ между ими разпру* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 528, л. 31, 1796]); Видимо, лексикализованным фактом является произношение твердого сонанта в слове *крык* и его однокоренных (*крычать*, *закрычать* и др.). Широко распространенное явление нейтрализации [р] – [р'] преимущественно в позиции перед гласными переднего ряда в русских говорах объясняется по-разному. В говорах европейской части России диспалатализация этого сонанта считается либо результатом влияния фонетики западноукраинских и белорусских говоров (южновеликорусские говоры), либо влиянием финно-угорских языков (севернорусские говоры). В русских говорах Сибири диспалатализация [р'] считается унаследованной из материнских говоров, в то же время, поскольку она носит более широкий характер (не только перед гласными переднего ряда), произношение твердого сонанта объясняется влиянием языков коренного населения, в частности бурятского языка в Забайкалье [Эрдынеева, 2006, с. 95-97].

Отражение утраты интервокального j. Яркой особенностью, характеризующей фонетическую систему вторичного говора Забайкалья, является утрата интервокального j с последующим стяжением гласных. Данное явление наблюдается исключительно в формах имен прилагательных: *переметна нога* [РГАДА, ф. 1092, оп. 1, д. 22, л. 34, 1754]; *права и лева рука* [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 100, 1727]; в *пяту восму и девяту роты* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 25, л. 102, 1767], *каку за то <...> плату* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 37, 1772], *Нижну Кудару* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 72 об., 1772]. Анализируемое явление устойчиво сохраняется на протяжении всего 18-го столетия в формах относительных прилага-

[*] В силу действия слогового принципа русской графики показателем чтения твердого или мягкого согласного в русском письме XVIII в. так же, как в современном языке, являлось написание соответствующей гласной буквы после нее: ***лу****ди* [луди] – ***лю****ди* [л'уди]. Между тем вариативное написание гласных букв указывает на дефонологизцию признака твердости/мягких согласных в забайкальском регионе.

тельных, образованных от топонимов с суффиксом *-ск-*: *Кабанску приказную избу* [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 157, 1727]; в *Архангелску* слободу [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 48, л. 52 об., 1772]; в *Удинску коменданску* канцелярию [ПЗДП, 71, л. 208, 1773].

Данная фонетическая черта была унаследована из материнских северновеликорусских говоров. Стяжение гласных при утрате интервокального j широко сохранилось в современных русских говорах Севера и старожильческих говорах Забайкалья, а шире – в русских говорах Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Нерегулярное отражение некоторых фонетических явлений в области согласных. Помимо отмеченных характерных для исследуемого регионолекта явлений в забайкальских письменных памятниках фиксируется неразличение шипящих и свистящих: *два жипуна* вм. *зипуна* [РГАДА, ф. 1069, оп. 1, д. 1, л. 75, 1722]; *из сылных пошелшиковъ* вм. *посельщиков* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 367, л. 73, 1782]; *Вашилья* вм. *Василья* [там же]. Редкость отражения данной фонетической черты связано, скорее всего, с соблюдением фонетико-орфографических норм в деловом письме, составляемых в основном профессиональными писцами. Приведенные примеры представляют собой отклонение не только от произносительных норм литературного языка того периода, но и для забайкальского регионолекта, они являются показателем неоднородности его звуковой системы, отражающей многообразие идиолектов носителей данного вторичного говора, т.е. тех идиолектов, которые содержат фонетические особенности различных материнских северновеликорусских говоров.

Достоверность отражения этих фонетических фактов подтверждается примерами малограмотности составлявших документы писцов, которые в силу слабого владения орфографическими нормами русского языка, естественно, ориентировались при написании тех или иных слов на свое произношение. В частности, в первом документе безграмотность письма подтверждается случаями искажения в виде вариантов написания хорошо известного и орфографически освоенного в русском языке заимствованного слова *амбурский* : *арбунскова*. В другом документе, отражающем неразграничение звуков [с] и [ш], – написание слова *суббота* как *савота*, редкие для орфографии конца столетия написания слов *непремено*, *имяно* с одним *н*, фонетическая запись слова *дествително* – все это сигнализирует, что орфографические навыки тех, кто взялся за составление документа, не обращаясь за помощью к профессиональным писцам (канцеляристам, подканцеляристам, копиистам и т.п.), были довольно слабыми. Еще раз подчеркну, что ценность таких документов как раз заключается в том, что, не зная правильного написания, писавший обращался к своему произносительному опыту – т.е. к узуальным нормам произношения языковой единицы, которую надо было представить на письме.

В основном лексикализованными явлениями представлено неразличение аффрикат [ц] и [ч] в таких лексемах, как *чапли*, *чепь*. Однако о чоканье как живой фонетической черте забайкальского регионолекта может свидетельствовать вариативное написание слова *цейхгауз* с буквой *ч*: *в мирскомъ чехаузе* [НАРБ, ф. 88, оп. 1, д. 40, л. 36, 1767]. Надежность этого свидетельства, на наш взгляд, подкрепляется тем, что заимствованное слово и его адаптация не могли опираться на осознание внутренней формы слова, немаловажного фактора верной интерпретации орфографического облика слова.

Таким образом, в результате проведенного анализа правописания согласных букв в забайкальских памятниках XVIII в. следует сделать вывод о том, что в орфографии деловой письменности того времени было возможно проявление черт регионального узуса. К орфографическим признакам, характеризующим письменный узус Забайкалья восемнадцатого столетия, относится неразличение букв *ш* и *щ* при обозначении твердого долгого шипящего. Ввиду широкой распространенности и регулярности использования этих букв как дублетов данную графико-орфографическую черту следует интерпретировать в качестве узуальной нормы региональной деловой письменности изучаемого периода. Характерно то, что эта орфографическая особенность соотносится с широким ареалом употребления твердого долгого шипящего в русских говорах – его функционирования в южновеликорусских, северновеликорусских и среднерусских говорах. Очевидно, что в исследуемый период произношение твердого долгого шипящего являлось характерной чертой звукового строя забайкальского регионолекта.

Из других фонетико-орфографических особенностей, присущих языку забайкальской деловой письменности, следует назвать неразличение твердых и мягких согласных, которое отражает произносительные черты говора выходцев из севернорусских земель; утрату интервокального j с последующим стяжением гласных в падежных формах имен прилагательных. Из них также можно выделить те фонетические свойства, которые характеризовали отдельные говоры, и те, которые являлись общими для всего пестрого состава забайкальского регионолекта русского языка XVIII в.

Литература
Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. – М.: Высшая школа, 1981.
Эрдынеева Э.Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1986.
Эрдынеева Э.Д. Русские говоры Бурятии: дис. … д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2006.
Сокращения
ГАЧО – Государственный архив Читинской области
ДАРЯ – Диалектологический атлас русского языка
НАРБ – Национальный архив Республики Бурятия
ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Майоров Александр Петрович, доцент кафедры общего и исторического языкознания Бурятского государственного университета, доктор филологических наук. Тел.: (3012)554070. E-mail: map1955@mail.ru
Mayorov Alexander Petrovich, associate professor, department of general and historical linguistics, Buryat State Uneversity, doctor of philological sciences.

УДК 811.161.1’282.2

© ***А.В. Блохинская***

О степени сохранности украинских говоров на территории современного Приамурья
(на материале говоров Октябрьского района)

В статье рассматривается вопрос сохранности украинских диалектных черт в речи потомков украинских переселенцев в Приамурье.
Ключевые слова: переселение на Дальний Восток, речевой потрет, украинский говор.

A.V. Blokhinskaya

On the degree of safety of the Ukrainian dialects in the territory of the modern Amur area
(based on dialects of Oktyabrisky region)

The article is devoted to the safety of the Ukrainian dialect features in the speech of Ukrainian descendants of migrants in the Amur area.
Keywords: migration to the Far East, speech portrait, Ukrainian dialect.

С 50-х гг. XIX в. территории Дальнего Востока (Приамурье и Приморье) активно заселялись русскими, украинцами и белорусами из разных губерний России, Украины и Белоруссии [Аргудяева, с. 17]. При этом, как замечает Ю.В. Аргудяева, исследователь в области традиционной и современной этнографии русских, украинцев и белорусов на Дальнем Востоке, заселение юга Дальнего Востока в конце XIX – начале XX в. – это «прежде всего крестьянская восточнославянская колонизация с преобладанием на первом этапе русских, а на последующих – украинцев» [Аргудяева, с. 36].

Многообразие природных условий Дальнего Востока привело к некоторому разграничению национальных групп территориально: *«Українці – вихідці зі степу з теплим кліматом – після прибуття на Далекий Схід, природно, стали шукати такі місця, які за своїми фізико-географічними умовами ближче за все підходили б до України. Це, власне, й спонукало їх зайняти Південно-Уссурійський край і горнутися до державного кордону з Китаєм, де більша частина місць була вільна від лісу»* [Українці на Далекому Сході]. На территории Амурской области украинцы осели в таких безлесных районах, как например, в Белогорский Завитинский, Ивановский и Тамбовский [Шиндялов, с. 11].

Потомки украинцев проживают и в селах Октябрьского района Амурской области. Во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2010-2011 гг. преподавателями и студентами кафедры русского языка Амурского государственного университета были обследованы следующие села: Николо-Александровка, Максимовка, Покровка, Песчаноозёрка, Варваровка, Кутилово, Борисоглебка, Переясловка, Преображеновка, где встречаются потомки украинских переселенцев. Среди местного населения бытует специальный этноним для наименования украинских переселенцев – «хохлы». Данное наименование, с одной стороны, противопоставляет приезжих из Украины переселенцам из других районов (например, тамбошам – переселенцам из Тамбовской губернии), а с другой – населению Украины. Заметим, что подобный этноним с таким же значением встречается и в других регионах России, где проживали или проживают украинцы. Например, в Томской области [Кутилова, с. 79], Волгоградской области [Супрун, с. 140], Воронежской области [Сьянова, с. 29].

Украинское влияние ярко проявилось и в ре-

гиональной топонимике, в частности, в Октябрьском районе Амурской области. Так, село Переясловка было основано переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии в 1904 г. [Амурская область, с. 291]; село Максимовка основано в 1909 г. переселенцами из украинского села Максимовка [там же, с. 242], село Харьковка основали в 1903 г. переселенцы из Харьковской губернии [там же, с. 387].

Переезжая на новое место жительства, украинские переселенцы стремились перенести на новую территорию не только названия родных мест, но и устройство своего быта, свою культуру и, конечно же, свой язык.

Поскольку большинство переселенцев были крестьяне, люди малообразованные, то можно предположить, что владели они диалектной формой украинского языка, и именно эту форму языка они передавали своим детям: «*А так то наши жилы на Украине, там же по-украински. Ну, вот приихалы, и мы же родились, деты. Родители так, и мы так разговаривали»;* «*По-украински научилась у деда. Многo слов. А писать ничё не умели*» [Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ].

По рассказам жителей обследованных сел, украинцы приезжали сюда из Харьковской, Черниговской и Киевской губерний Украины. Однако подавляющее большинство – это переселенцы из Полтавской губернии. На всех перечисленных территориях, за исключением Черниговской губернии, распространено юго-восточное наречие украинского языка [Матвіяс, с. 105]. Украинские исследователи отмечают, что говоры этого наречия встречаются и на территории России в Курской, Белгородской, Воронежской, Ростовской областях и Краснодарском и Ставропольском краях, частично в Поволжье, в южной Сибири, а также Дальнем Востоке [там же, с. 105].

Большинство черт этого наречия совпадает с чертами украинского литературного языка [там же, с. 112]. К ним относят: употребление гласного *і* на месте исторического «ять»; сохранение звонкости согласных перед глухими и на конце слова, употребление гласного *и* на месте исторических *ы* и *і*; удвоение согласных перед окончанием в формах существительных среднего рода типа *зілля* и в творительном падеже единственного числа существительных женского рода типа *сіллю*; наличие форм дательного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода на *-ві,-еві* и *-у*; наличие окончания *-и* в дательном и предложном падежах единственного числа существительных с мягкими согласными основы; различие твердой и мягкой групп прилагательных; параллельное использование форм инфинитива на *-ти* и *-ть*; мягкость *-т* в окончаниях глагольных форм 3-го лица единственного и множественного настоящего времени и 2-го лица множественного числа повелительного наклонения и т.д. [там же, с. 113].

Однако имеется и ряд особенностей, отличающих данное наречие украинского языка от других наречий. К таковым можно отнести: употребление гласного *і* на месте древнего безударного *у* в слове *заміж*; смягчение шипящих *ч, дж*; встречается мягкий *р*; употребление согласного *к* на месте *т* перед гласным *і* в словах *кісто, кісний;* глаголы 3-го лица единственного числа 1-го спряжения настоящего времени оканчиваются на *-а* (зна, дума, спива); употребление форм слов: *бждьола (бджола)*, *орох (горох)*, *цебро, цеберка (цебер)*; употребление слов*: борошно (мука), лелека (чорногуз), підкат (будівля для сільськогосподарського реманенту), свинінець (будівля для свиней), пшеничка, пшінка (кукурудза), бадилля (картоплиння), мажара (віз для снопів, сіна, соломи), поличка (полиця в плузі), вагани (ночви)* [там же, с. 113].

Для выявления диалектных особенностей жителей сел Октябрьского района нами была создана галерея речевых портретов диалектоносителей этих сел. Был проведен анализ языковых особенностей на фонетическом, морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях [Блохинская, 2011а; 2011б; 2012]. Согласно полученным данным, в речи жителей сел Октябрьского района – потомков украинских переселенцев – украинские диалектные черты сохраняются. Правда, степень «украинизированности» речи у разных языковых личностей не одинакова. По степени сохранности черт украинского говора можно выделить 3 типа диалектоносителей. Эта типология обусловлена рядом социальных факторов: местом рождения информанта, уровнем образования, языковым окружением (язык семьи), национальным самоопределением индивида, а также индивидуальными языковыми особенностями личности.

Первый тип: языковые личности, сохранившие украинский говор. Это в основном пожилые люди, рожденные в 1920-1930 гг. либо на Украине и в последующем переселившиеся в Приамурье, либо уже на территории Амурской области. Всю свою жизнь они прожили в деревне, работали в колхозе, имеют начальное образование. Их родители приехали из Украины, либо родились в украинских семьях, но уже на территории области. Примером таких языковых личностей являются А.А. Федирко [Блохинская, 2011а], Е.И. Галушко, Е.И. Крицкой [Блохинская, 2011б], К.И. Верескун [Блохинская, 2012].

На фонетическом уровне их речь характеризуется следующими явлениями украинского происхождения:

- употребление *и* на месте «ять»*: хлиб, хлиба, мисяц, дитям, вират (верят);*

- оканье: *п[о]пр**о**сится, б[о]льш**и**й, до р[о]д**о**в;*

- доминирование твердых согласных перед гласными переднего ряда: *возылы, дэсять, мэтр, свэтылка, дэржим, у дэрэвне, отэц;*

- отсутствие перехода *е* в *о: запряжэ́шь коня, возьмэшь, тэща;*

- употребление γ-фрикативного: *[γ]арбы, бри[γ]ада, [γ]де, [γ]алушки;*

- реализация фонемы /*в*/ в звуках [*у*], [*ў*] и [*ув*] перед согласным [*в*], [*ув*] – перед гласными: *[у]сих (всех), у кучки, ў район, у Пищанки, выстоять ув армии;*

- реализация фонемы <*л*> как [*у*] в формах прошедшего времени глагола: *ув моде быу, быу голос;*

- произношение [*х*] на месте [*к*] перед согласным: *[х]рэстик, [х]то, тра[х]тарив;*

- употребление твердых согласных на конце в словах *кроў, кров, восим, церков;*

- чередование твердой и мягкой фонемы /*р*/*: тры, токаром, курэй, хрэстик, три, бриγада, веришь;*

- употребление йотированного гласного после согласного в единичных словах*: вьяжу носки, времья.*

На морфологическом уровне для речи людей данной группы характерны следующие особенности:

- использование окончания *-ив* (*-ыв*) в форме родительного падежа множественного числа существительных: *сорок рублив, тракторив мало*, *холодильникив не было, часыв не было тади*, *з родственникив, каких прибауткив было; салатив не было, предкив наших;*

- употребение форм *був, быў, бул, була, було, булы: рубэль був, було интересно, у нас було не так як щас, булы утюγи, булы таки, колхоз же тади бул, бриγада була;*

- периодическое использование глаголов 2-го лица мн. ч. с окончанием *-емо*, *-имо*: *мы закрываемо, спеваемо, мы держимо, открываемо*;

- употребление глаголов в форме 3-го лица мн. и ед. ч. с конечным [*т*’]: *визуть в полэ, заберуть, пьють, гуляють, выстоить, сыдить, кажеть, кажуть, кричить;*

- использование глаголов 3-го лица ед. ч. без конечного [*т*]: *она и качае, земляника там расте, вин живэ, сидае, идэ, прыходэ врэмя, плаче, хоче, думаэ, знаэ, принесэ, робэ;*

- употребление стяженных форм прилагательных и порядковых числительных: *нефтяна́ бри-гада; пе́рва очередь, мерзло сало, ягоду суху, дружка старша, девочка молода, друга;*

- наличие окончания *-ы* у глаголов прошедшего времени мн. ч.: *жалы, жилы, пережилы, забралы, былы, курылы, повыбрасывалы;*

- использование двух форм местоимения 3-го лица ед. ч. муж. р. – *он* и *він* [*вин*]; форм личного местоимения 1-го лица ед. ч.: род. п. – *у меня, у мени, у мэнэ,* (ср. укр. *мене́*), дат. п. – *мэнэ*, вин. п. – *мэнэ*.

- употребление указательного местоимения *це* вместо *это* заменяется формой: *це ж, конечно, вы не знаете; давно це*; вместо местоимений *такая, такой* – формы *така, такэ: дороговизна така, врэмя хоть не такэ;* употребление форм *яки, яка* на месте прилагательных *какие, какая*: *яки то трусики, жисть то яка была, яки-то … люди, яку-нибудь сковороду.*

Синтаксический уровень характеризуется меньшим количеством отличительных черт украинского характера. Однако и здесь имеется своя специфика. Наряду с предлогом «*с*» используется предлог «*з*»: *з матерью, з яичком, з конопля, чай з молоком, зь еγо сто потов вылье; дак зь еγо пот льётся; з невесты знимають; Андрий з Настею; шапки и з бородой; з быка или з коровы*. Вместо союза *или* используется союз *чи* (укр.): *чи тачки, чи дрожках.* Предлог *до* употребляется вместо предлога *к* с род. п. в объектном значении: *перешла тади до матери. придэ до мамы, пришлы до их*.

Лексический уровень характеризуется преобладанием украинских лексем: *вик протягаешься (протянешь), робилы, кажу (говорю), вират (верят), ни дэ нема, маты пошила платье, тисто, нэ бачила их (не видела), с жинкой, зозуля/зузуля (кукушка) кувала (куковала), тэща, вот эту спивалы, в хату, нас нэ пхалы (пихали), тильки (только) ты заходышь, як гляну, кишка (кошка), полыница, трошки, нэ вчую (чувствую) ничё, голодувалы (голодали), дуже плохие, хто куди схотив, мий батько*, *помочи не видкиля нету (помощи не откуда нет), тут стики (столько) жить* и т.д. Необходимо отметить, что часть украинской лексики, используемая нашими информантами, зафиксирована в Атласе украинского языка и характерна для территорий Северной Украины и Среднего Поднепровья, включающих в себя и места выхода амурских переселенцев – Черниговскую, Киевскую, Харьковскую, Полтавскую области [Атлас української мови].

Очевидно, что украинская речь данного типа диалектоносителей испытала на себе влияние русского языка. Это проявилось в вариантном использовании грамматических форм в их речи, например, в одновременном использовании форм

местоимений *вин/он, у меня/у мени/у мэнэ,* изменении фонетической оболочки слов (*лыжко* вместо *лижко,* ср. укр. *ліжко* – кровать), использовании русских и украинских слов как синонимов: *спевать – петь, запеть; жинка – жен*а и т.д.

Мы указали только общие черты, присущие речи всех информантов, относящихся к данному типу языковых личностей. При рассмотрении индивидуальных речевых портретов амурских диалектоносителей можно отметить и другие явления, присущие украинскому языку и его диалектам. Например, отсутствие редукции окончания *-ого-* в формах имен прилагательных и местоимений, использование звательных форм имен существительных: *дружко, Евдохо, мамэ,* употребление местоимений *мий* (укр. *мій*) – мой, *ий* (укр. *її*) – её, *всим* (укр. *всім*) – всем, *вси* (укр. *всі*) – все и т.д.

Второй тип – русскоговорящие языковые личности, для речи которых характерны украинские вкрапления. Сюда можно отнести речь пожилых людей, родители которых приехали из Украины. Примером второго типа языковых личностей является речь М.В. Остапенко [Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ]. Всю свою жизнь она прожила в селе Песчаноозерка, работала в колхозе. Имеет 3 класса образования. Ее мать приехала со своей семьей из Украины, семья отца – из Саратова. К украинским вкраплениям в речи М.В. Остапенко можно отнести: оканье: *отца*, *восьмой, родители, голосом;* звонкий щелевой заднеязычный *г*: *немноγо, разбиγалися, γраммы, γлавой, иγрають, γуляють, γости, оγурцы, γарбузы, запряγали, до брыγадира,* который в слабой позиции меняется на [*х*]: *денех, плух, через порох;* реализацию фонема /*в*/ в звуках [*в*] и [*у*], [*ув*]: *у беде, ув бедности, у переживаниях, у тридцать третьем γоду, в колхоз, у кошеву;* единичные случаи употребления твердых согласных перед гласными переднего ряда: *оны, бросилы, нэбольшой, нэ вернули, нэ знали, называлы;* случаи употребления твердых согласных на конце слова: *церков, сем;* утрату /j/ в интервокальной позиции: *старша, больша;* наличие [*т'*] в форме 3-го лица ед. и мн. ч. глагола: *запишуть, приедуть, поють, подаёть, наберёть;* предлог *до* вместо *к: приедуть до брыγадира, подпряγал до той старой кобылы, до нас подъехал;* единичный случай употребления предлога *з* на месте *с: нас и з отцом.* Встречается и лексика, характерная для украинского языка*: гарбузы, цэбэрко, зозуля, макитра*. Стоит отметить, что некоторые украинские слова находятся в пассивном употреблении и используются ею по мере необходимости: при воспоминаниях, при описании бытовых реалий, при ответе на вопрос: «А как раньше говорили?».

К третьему типу диалектоносителей можно отнести людей среднего возраста 1970-х гг. рождения, которые родились в Амурской области и имеют, как правило, среднее специальное образование, а также речь молодого поколения потомков украинских переселенцев 1990-х гг. рождения, которые говорят по-русски [Оглезнева, с. 37]: «*А у нас… мы по хохлацки. <…> а я похохлацки, а дети вси по-русски. <…> А тутэ у Покровке щас, знаешь, шо, и хохол, хоть и хто, а ўси по-русски щас балакають*» [Фоноархив лаборатории региональной лингвистики АмГУ]. Отметим, что для людей среднего возраста характерно пассивное владение украинскими говорами: они понимают речь своих родителей – представителей первого типа, но сами являются русскоговорящими. В редких случаях в их речи отмечается звонкий щелевой заднеязычный *г.*

Итак, представленный здесь анализ показывает, что украинский говор в Октябрьском районе Амурской области сохраняется лишь в речи некоторых представителей старшего поколения потомков украинских переселенцев, рожденных в 1920-1930-х гг. Другие же сохраняют в своей речи отдельные украинские диалектные черты на фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. Люди среднего возраста пассивно владеют украинским диалектом, а молодое поколение уже говорит на русском языке, т.е. наблюдается ситуация утраты украинских говоров и стирания ярких украинских диалектных черт. Это обусловлено такими внеязыковыми факторами, как проживание в одном селе с носителями русских говоров, смешанные русско-украинские браки, отсутствие возможности изучать украинский язык в школах, кружках, влияние русского литературного языка, благодаря образованию и СМИ, а также индивидуальными особенностями диалектоносителей.

Литература

1. Амурская область. Опыт энциклопедического словаря / ред.-сост. Н.К. Шульман. – Благовещенск, 1989.

2. Аргудяева Ю.В. Этническая и этнокультурная история русских на юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX в. – начало XX в.) Кн. I: Крестьяне. – Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2006.

3. Атлас української мови: в 3 т. – Київ: Наукова думка, 1984. – Т.1.

4. Блохинская А.В. Речевые портреты // Слово: фольклорно-диалектологический альманах: материалы науч. экспедиций. Вып. 9: Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011.

5. Блохинская А.В. Особенности русско-украинского взаимодействия в речи потомков украинских переселенцев // Языковые реалии: региональные особенности: материалы межвуз. науч. конф. – Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. гуманит. ун-та, 2011.
6. Блохинская А.В. К вопросу о языковой картине мира украинских переселенцев в Приамурье (на материале записей речи жителей сел Октябрьского района) // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: материалы всерос. конф. / отв. ред. Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2012.
7. Кутилова Л.А. Украинцы в Сибири: пути этничности (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири: науч. чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конф. / под ред. Ю.Ф. Кирюшина; В.А. Скубневского. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998 [Электронный ресурс]. – URL: http://new.hist.asu.ru/biblio/borod1/B.html
8. Матвіяс І.Г. Українська мова і її говори / І. Г. Матвіяс; відп. ред. П. Ю. Гриценко. – АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О.О.Потебні. – Киев: Наукова думка, 1990.
9. Оглезнева Е.А. Языковая ситуация в дальневосточном регионе России: динамика славянской составляющей // Вестн. Томск. ун-та. – 2012. – № 356.
10. Супрун В.И. Украинские говоры Волгоградской области: диалектный архипелаг // Вопросы региональной лингвистики: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2002.
11. Сьянова Е.И. О проблеме взаимодействия украинской и русской языковых систем на территории позднего заселения (на материале украинских говоров северо-востока Воронежской области) // Лінгвістик. – 2011. – № 3 (24).
12. Українці на Далекому Сході [Электронный ресурс]. – URL: http://www.refine.org.ua/pageid-4388-2.html.
13. Шиндялов Н. Население Амурской области. – Хабаровск: Хабаровск. кн. изд-во, 1967.

Блохинская Алена Владимировна, аспирант, ассистент кафедры русского языка, Амурский государственный университет. Тел.: (4162)394583. E-mail: avblokhinskaya@mail.ru
Blokhinskaya Alyona Vladimirovna, postgraduate student, assistant of the department of Russian language, Amur State University.

УДК 811.51.36

© ***Б.З. Нанзатов, Е.В. Сундуева***

Статус суффикса *-дар* в бурят-монгольских и тюркских этнонимах*

* Работа выполнена при финансовой поддержке междисциплинарного интеграционного проекта № 92 СО РАН.

В статье рассматриваются бурят-монгольские этнонимы со словообразовательным формантом *-дар*, которые представляют собой обозначения мастей лошадей с оттенком неполноты качества. Утверждается, что в этнонимах фуюйских кыргызов суффикс *-дар* служит для выражения собирательного множества.
Ключевые слова: этноним, суффикс, словообразование, масть, антропоним.

B.Z. Nanzatov, E.V. Sundueva

The status of suffix *-dar* in Buryat-Mongol and Turk ethnonyms

The article deals with Buryat-Mongol ethnonyms with word-formative suffix *–dar* which denote names of horse coat color with a shade of incomplete quality. It is stated that ethnonyms of Fuyu Kyrgyzs *-dar* is used to express a collective plurality.
Key-words: ehtnonym, suffix, word-formation, horse coat color, anthroponym.

Среди названий бурят-монгольских и тюркских родов представлены лексемы с общим форматом *-дар* (*-дэр*, *-дор, -дөр, -дыр, -тар*), выявление статуса которых, безусловно, представляет интерес в плане возможности освещения проблем этногенеза. В монгольских языках словообразовательный суффикс *-дар* относится к серии формантов, оканчивающихся на согласный *-р*: *-бар, -вар, -дар, -мар, -цар*, которые образуют как имена существительные, так и прилагательные. Рассмотрим примеры производных, образованных с помощью этих суффиксов, с целью выявления конкретного значения форманта *-дар* в монгольских языках.

В области субстантивного словообразования наиболее высокой продуктивностью отличается формант *-цар* (в некоторых работах его также выделяют как *-нцар*, хотя согласный *н*, скорее, относится к основе, нежели к суффиксу), который придает производному слову уменьшительно-ласкательный или уничижительный оттенок экспрессии, а также служит для образования терминов родства и научных терминов. Суффикс *-мар* образует существительные мо. *хоймор* ‘северная сторона юрты’, *галтмар* ‘пирит’. Формант *-бар* / *-вар* достиг высокой продуктивности

в отглагольной сфере субстантивного словообразования, среди производных от именных основ зафиксирована лишь *олзвор* ‘находка’.

Отыменным производным прилагательным формант *-цар* придает значение: «обладающий свойствами того, что обозначено в основе» (мо. *утсанцар* ‘волокнистый’). Суффиксы *-мар* и *-бар* образуют прилагательные от глагольных основ. Присоединяясь к адъективным основам, суффикс *-вар* / *-бар* придаёт производным значение неполноты качества. Лексемы с другим, более продуктивным, суффиксом *-втар*, указывающим на ослабленную степень проявления качества производящей основы (*шаравтар* ‘желтоватый’, *сулавтар* ‘довольно слабый’), по всей видимости, подверглись процессу регрессивного переразложения. В форме *sirabtur* ‘желтоватый’ изначально выделялся формант *-tur*, в то время как согласный *b* «наращивался» непосредственно к производящей основе, равно как *n, m, γ* (ср. *ани**в**-а-лз-*, *ани**г**-а-лз-*, *ани**м**-а-лз-* ‘мигать, подмигивать’): *sira(b) + tur → sira + -btur*.

.

Интересующий нас суффикс *-дар* образует прилагательные мо. *төгөлдөр*, бур. *түгэлдэр* ‘полный; преисполненный; совершенный’; мо. *цавьдар* ‘игреневый *(о масти самца лошади)*, рыжий, саврасый, с белой гривой’, бур. *сабидар* ‘игрений; светло-гнедой с белой гривой и хвостом’. Протомонгольская форма **čabidar* ‘желтоватый, игреневый’ сопоставляется с «прототунг. **čub-rī-* ‘зеленый, синий, желтый’ и прототюрк. **čubar* ‘пёстрый’» [EDAL, p. 454]. Рус. *чубарый* ‘пёстрый, пятнистый, крапчатый’ признается заимствованием из тюркских языков.

Примеры производных, образованных посредством указанных суффиксов, представлены в таблице.

Если «отбросить» производные от глагольных основ, появившиеся на более поздней стадии развития монгольских языков, то в оставшихся словоформах прослеживается значение неполноты качества, указанного в производящей основе, которое, возможно, и заложено в ряде бурятских этнонимов и антропонимов.

Таблица

Суффикс	Существительные		Прилагательные	
	от именных основ	от глагольных основ	от именных основ	от глагольных основ
-čar	*уутанцар* ‘мешочек’, *мөөгөнцөр* ‘грибочек’, *аманцар* ‘краснобай’, *зээнцэр* ‘правнук’, *зууванцар* ‘эллипсоид’	–	*утсанцар* ‘волокнистый’, *хүүхэнцэр* ‘с манерами, свойственными девочке’, *хээнцэр* ‘щеголеватый’	–
-mar	*хоймор* ‘северная сторона юрты’, *галтмар* ‘пирит’	*зөөмөр* ‘грузчик’, *үзмэр* ‘экспонат’, *болжмор*, *жиргэмэр* ‘жаворонок’	–	*өгүүлмэр* ‘словоохотливый’, *өгөөмөр* ‘щедрый’, *зөвшөөмөр* ‘послушный’
-bar	*олзвор* ‘находка’	*шийдвэр* ‘решение’, *ухвар* ‘понимание’	*ногоовор* ‘тёмно-зелёный’, *улаавар*, *улбар* ‘красноватый’, *харвар* ‘чёрно-серый, тёмно-серый *(конская кличка)*’, *эрээвэр хураавар* ‘разнородный’	*дагалдвар* ‘сопроводительный’, *хийсвэр* ‘легкомысленный’, *цохивор* ‘ударный’, *цуулбар* ‘рассечённый’
-dar	*шулхандар* – о человеке с обвислыми щеками, *Юһэдэр* ‘девятка’ (имя собств., бур. фамилия *Егодуров*)	–	*төгөлдөр* ‘полный; преисполненный; совершенный’, *цавьдар* ‘игреневый, рыжий, саврасый, с белой гривой’	–

Носители бурятского этнонима *хонгоодор* расселены в юго-западной части этнической Бурятии, а именно в составе таких этнотерриториальных групп, как аларские, тункинские, закаменские и окинские буряты. В первой они составляют большинство, в остальных – до половины населения [Нанзатов, 2003, с. 15-18]. В XIX в. 8 административных родов хонгодоров составляли основу Аларской степной думы, Тункинской степной думы, 4 административных рода были представлены в Закаменской инородной управе.

Историография исследования этимологии этнонима *хонгоодор* приведена в работе Б.З. Нанзатова, при этом отмечается явная сложность и запутанность гипотез, трудность лингвистических построений. В данной работе выдвигается версия о том, что название *хонгоодор* состоит из тюрк.-монг. *qoŋur* ‘рыжеватый, каштановый, коричневый, каурый’ и тюркского суффикса-показателя множественного числа *-dar* [Нанзатов, 2005, с. 31-34]. Безусловно, образование эт-

нонимов с помощью показателей множественного числа представляет собой одну из лингвистических универсалий, однако можно попытаться этимологизировать этноним средствами монгольских языков.

Очевидно, в основе этнонима *хонгоодор* лежит прилагательное, служащее для обозначения масти лошадей: п.-мо. *qongγur [morin]* ‘светловолосая или рыжая лошадь’, мо. *хонгор* ‘буланый; саврасый, каурый’, бур. *хонгор* ‘светло-рыжий’, калм. *хоңһор* ‘саврасый’, а словообразовательный суффикс *-дор* придаёт выявленный выше оттенок неполноты качества. В данном случае исходная форма **qonggurdar* прошла через два морфонологических процесса. Во-первых, усечение конечного согласного *r* производящей основы *qongγur*, ранее отмеченное Б.З. Нанзатовым [Нанзатов, 2005, с. 33]. Его целью является устранение скопления согласных на морфемном шве, т.е. облегчение суффиксу, начинающемуся с согласного, присоединение к основе, например, *čabida[r]* + *– γčin* = *čabiduγčin* ‘игреневая *(о масти самки лошади)*, рыжая, саврасая *(о кобылице)*’. Регулярный характер в монгольских языках носит усечение конечного, переднеязычного согласного *-n* (*noya**n*** ‘князь, господин’ + *-rqaγ* > *noyurqaγ* ‘властолюбивый, высокомерный’). Кроме того, данному процессу подвергаются финальные согласные *γ*, *l*, *r*: *ina**γ*** ‘друг; любовь’ + *-liγ* > *inaliγ* ‘дружественный, любимый’; *gere**l*** ‘свет’ + *-bči* > *gerebči* ‘абажур’; *dabqu**r*** ‘слой’ + *-ča* > *dabquča* ‘двойное одеяние’ и др.

Во-вторых, в производном слове произошло удлинение соединительной гласной между основой и суффиксом: *qongγur* + *-dar* = *хонгордор* → *хонгодор* → *хонгоодор*. Данное явление возникает на границе морфов, при этом иногда в языке функционируют формы как с долгой гласной, так и без нее. Например, *зурдас* // *зураадас* ‘штрих, черта’, *туйлдас* // *туйлаадас* ‘лягание, брыкание’, *зоворь* // *зовуурь* ‘страдание’.

Г.Р. Галдановой выдвигалась гипотеза о связи этнонима *хонгодор* со средневековым *хунгират* [Галданова, с. 83-93]. Относительно этимологии этнонима *qonggirad* выдвигалась версия Э. Вамбери: от тюрк. *koñur* ‘темно-каштановый’ + *at* ‘лошадь’. П. Пеллио считал, что элемент *at* не может означать ‘лошадь’, а является показателем множественного числа, при этом допуская связь этнонима *konggirad* с тюркоязычным цветообозначением *koñur* [Kempf, p. 190]. Следует отметить, что мо. *qoŋγur* Г. Дёрфер, А. М. Щербак рассматривают как тюркизм. Этой же точки зрения придерживаются авторы Этимологического словаря алтайских языков [EDAL 720]. По мнению Б. Кемпфа, суффикс *-gir* в лексеме *koñur* / *koñir* свидетельствует о том, что монгольская форма все же древнее тюркской. Исследователь предполагает, что этноним *konggirad* восходит к форме единственного числа **konggiran*, которая состоит из *koñ* + *gir* + *(A)n* [Kempf, p. 190].

В данном контексте исследования безусловный интерес представляет бурятский этноним *һэнгэлдэр*, носители которого представляют одно из племенных подразделений союза эхиритов. В XVII в. о хэнгэлдэрах встречались следующие упоминания: «Породной землей считали территорию «по обе стороны Анги реки», вверх до «Очеульских озер, а по нижнюю сторону до Рассохи» [Долгих, с. 287]. Кроме того, в 1681 г. род делился на две части, одну из них возглавлял Абахай Буриндаев, и она называлась «Буровщиной» или Абахаевой сотней. Другая часть сохраняла название «Хынкыдырской» [Долгих, с. 290].

В XIX в. носители административных родов с названием хонходорский / чингилдурский / хэнгэлдэрский были представлены в Верхоленской, Ольхонской, Баргузинской и Кударинской степных думах соответственно. В Верхоленской степной думе хэнгэлдэры были представлены также меньшими таксономическими единицами, а именно административными родами буровскими от первого до четвертого, а также никелейским и содо-хойбитским административными родами. В настоящее время хэнгэлдэры представлены в составе верхоленских бурят (преимущественно на севере Эхирит-Булагатского и Баяндаевского районов), в составе баргузинских и кударинских бурят (Баргузинский, Курумканский, Кабанский районы РБ), а также среди этнотерриториальной хоринских бурят, а именно этнолокальной группы еравнинских бурят (север Еравнинского, юг Баунтовского районов РБ, Читинский район Забайкальского края).

В работе Б.З. Нанзатова выдвигалась гипотеза об образовании этнонима *һэнгэлдэр* от др.-тюрк. *siŋil* ‘младшая сестра мужа; младшие родственницы’ посредством тюркского показателя множественности *-dar* [Нанзатов, 2005, с. 47-48]. Однако в нем также возможно выделение словообразовательного суффикса прилагательных *-дар* / *-дэр*, который в некоторой степени «диктует» значение производящей основы. Инициальный согласный *č* в вариантах *чиндылдур* // *чингылдур* позволяет предположить, что в основе названия лежит прилагательное *čengkir* ‘светло-лазоревый, бледный’, мо. *цэнхэр* ‘светло-голубой; бледно-синий; беловатый, белокурый, с проседью’, мо. *чингэр* ‘эмаль, глазурь’, бур. *сэнхир*, калм. *цеңкр* ‘светло-голубой, светло-синий’.

Присоединение словообразовательного суффикса *-der* повлекло за собой замену конечного

сонанта основы *r* на *l*. Подобное чередование, продиктованное близким расположением двух дрожащих переднеязычных сонантов *r*, также носит достаточно регулярный характер. Однако чаще оно затрагивает первый согласный словообразовательного форманта в случае, если в производящей основе уже есть *r*: *элсэ**р**хэг* ‘песчаный’ ↔ *эврэ**л**хэг* ‘рогатый’; *годило**р**хуу* ‘в виде черенка’ ↔ *араа**л**хуу* ‘зубовидный’. Таким образом, развитие этнонима можно представить следующим образом: *čengger* + *-der* = *сэнгэрдэр* → *сэнгэлдэр* → *һэнгэлдэр.*

Согласно А.П. Василевичу, рус. *голубой* в первых письменных источниках употреблялось только в качестве названия конской масти. «Под мастью *голубая* подразумевалась лошадь светло-или темно-серая с синевой, либо даже серовато-желтая, серовато-бурая. Еще в XIV-XV вв. слово *голубой* сохраняло это свое значение. Впоследствии оно постепенно обрело нынешнее свое значение (цвет ясного неба, светло-синий) … именно в этом значении оно стало употребительным и закрепило за собой вполне определенный участок спектра» [Василевич]. По аналогии с рус. *голубой* определение п.-мо. *čengkir* в значении ‘бледный, беловатый’ могло соотноситься с серовато-сизой, пепельной окраской волосяного покрова лошади. Возможно, в этнониме *һэнгэлдэр* заложено исходное значение прилагательного *čengkir*, и лишь на более поздней стадии развития халха-монгольского языка значение ‘светло-голубой’ вышло на первый план, а в бурятском и калмыцком – и вовсе вытеснило исходное ‘бледный, беловатый’.

Со светлым оттенком масти, по всей видимости, связано и название рода *чалдар*. Носители этнонима *чалдар* представлены только в одной этнотерриториальной группе – в составе тункинских бурят. В конце XIX в. чалдарские административные роды входили в состав Тункинской степной думы. Основная масса была представлена в составе Харибятской управы – 482 чел. и Тункинской волости – 501 чел., а также чалдары расселялись в улусах Улябор и Ундур-Шогон Коймарского ведомства [Патканов, с. 442, 451-455]. Производящая основа этнонима представляет собой прилагательное мо. *цал* ‘белый’, выступающее в паре: мо. *цал буурал* ‘седой, белый, как лунь, чалый, светло-сивый’, калм. *цал буурал* ‘совершенно белый’. Ср. также мо. *чалбан цагаан* ‘конь белой масти с голубыми глазами, белой мордой и белыми ногами; белый альбинос с красноватой мордой *(птица)*’. В Этимологическом словаре алтайских языков восстанавливается протомонг. форма *čil-* / **čel* ‘альбинос; ясный, безоблачный’, которая сопоставляется с прототунг. *čolka* ‘седой’, прототюрк. *čal* ‘серый, седой’, последняя заимствована в рус. *чалый* ‘серый, с сероватым оттенком’ [EDAL, p. 441-442].

С помощью форманта *-дар* также образовано название масти *сагаадар* ‘светло-серый, беловатый’, которое не встречается в современных монголоязычных словарях, однако восстанавливается на основе личного имени *Сагаадар* (ср. имя прославленного певца-сказителя *Сагаадара Шанаршеева*), а также современной бурятской фамилии *Сагадаров*. По этому поводу М.У. Монраев отмечает, что «имена *Бүүрч* ‘установщик кибитки’, *Задч* ‘заклинатель дождя’, *Далч* ‘предсказатель по бараньей лопатке’ и ряд других давно вышли из употребления. Но их значения легко восстанавливаются по сохранившимся антропонимам. Этим самым обнаруживается давно забытое слово, с одной стороны, а с другой – очень важны подобные факты для воссоздания общей картины по историческому словообразованию» [Монраев, с. 23].

Кроме того, известен этноним *булгадар*, основная масса носителей которого расселена в сомоне Наранбулаг Убсунурского аймака Монголии. В небольших количествах они представлены в соседних восточных сомонах. Основная масса булгадаров вошла в состав дэрбэтов, часть – в состав баятов [Нанзатов, 2010, с. 90-91]. Очевидно, что данный этноним *булгадар* образован посредством суффикса *-dar* от основы **bulγa(n)*. Его производящая основа дала также название одного из четырёх основных племен, принявших участие в формировании бурятского этноса, – *булагад* (рус. *булагат*). Следует отметить, что ранее рассмотрены представленные в литературе версии этимологии этнонима *булагад*, а также выдвинута собственная версия от тюрк. *bulga* ‘смешанный, перемешанный’ и монг. суффикса множественного числа *-d* [Нанзатов, 2005, с. 26-29]. Присоединение к основе **bulγa(n)* суффикса *-дар*, указывающего на признак ослабленной степени качества, заложенного в мотивирующей основе, свидетельствует о том, что корень **bulγan* также может соотноситься с мастью животного.

В монголоязычных словарях зафиксированы мо. *булаг* ‘белокопытный *(о лошади, муле любой масти, но обязательно с белыми копытами)*’, мо. *алаг булаг*, бур. *алаг булаг* ‘пегий’. Как видно, здесь корень **bul* чередуется с **al* в значении ‘пёстрый; имеющий пятна другого цвета, разношёрстный’. Однако можно предположить, что раньше прилагательное *bulγan* означало более распространённую окраску – буланую, которую

в современном халха-монгольском языке обозначают с помощью лексем *халюун* ‘буланый; каурый, бурый, жёлто-коричневый с темными гривой и хвостом’, либо *хонгор* ‘буланый; светло-жёлтый; саврасый, каурый’. В пользу данной версии, во-первых, может свидетельствовать факт близости значений корней **bul* // **qal* (< *qaliγun* ‘буланый’) // **sal*: мо. *хали-* ‘переливаться через край; выходить из русла’ // мо. *булги-* ‘бить ключом *(о роднике)*’, *һали-були* ‘спустя рукава, небрежно, кое-как’ и др. Во-вторых, данный оттенок масти, возможно, сохранился в названиях других животных: мо. *булган* ‘соболь’ и *халиун* ‘выдра’, номинация которых происходила на основе окраски их меха. Окраска соболя варьирует от светло-палевого до буровато-чёрного, выдра обладает темно-бурым мехом с серебристым отливом. Наконец, в-третьих, можно предположить, что корень **bul*, обозначающий цвет волосяного покрова животного, заложен и в прототюрк. **bulan* ‘лось; олень; вид газели; дикая лошадь’. Согласно М. Фасмеру, сев.-тюрк. *bulan* ‘светло-жёлтая масть лошадей’ перешло в русский язык: *буланый* ‘светло-рыжий с чёрным хвостом и гривой (о масти животных); с желтизной разных оттенков (об оперении птиц)’ [Фасмер, с. 238].

Как отмечалось выше, помимо этнонимов обозначения масти с суффиксом *-дар* можно встретить среди бурятских антропонимов. Так, в «Словаре бурятских личных имён» А.Г. Митрошкиной зафиксирован ряд имён с рассматриваемым формантом. Имя *Дайндар* А.Г. Митрошкина производит от *дайн* ‘война’ [Митрошкина, с. 94]. Согласно мнению носителей фамилии *Дайндаров*, она происходит от словосочетания *дайн дараха* ‘победить врага’. На наш взгляд, производящей основой имени является прилагательное мо. *дайр* ‘серо-жёлтый *(масть животных)*’, бур. *дайр харагша гүүн* ‘старая чёрная кобылица с большой мохнатой гривой’. Здесь происходит замена конечного согласного *r* на *n*: *dayir* + *-dar* = *dayindar*. Личное имя *Сайдар* производится А.Г. Митрошкиной от существительного *сайд* ‘сановник, вельможа’ [Митрошкина, с. 180], однако оно семантически близко рассмотренному выше антропониму *Сагаадар*. Ср. *сайбагар* ‘белый; белёсый’. Прозрачна семантика имени *Улаадар* – от *улаан* ‘рыжая (о масти самок); краснуха (о корове)’.

Таким образом, среди бурят-монгольских этнонимов и антропонимов выявлены следующие обозначения масти: *хонгоодор* ‘буланый; саврасый, каурый’, *һэнгэлдэр* ‘серовато-сизый, пепельный’, *чалдар* ‘чалый, светло-сивый’, *булгадар* ‘буланый’, *сагаадар*, *сайдар* ‘светло-серый, беловатый’, *дайндар* ‘серо-жёлтый’, *улаадар* ‘рыжеватый’, в которых словообразовательный формант *-дар* придаёт оттенок неполноты качества. Подобные названия родов, очевидно, связаны с тем, что во время военных походов отряды формировались по масти лошадей: «в одну сотню отбирали буланых; в другую сотню – игреневых, рыжих со светлой гривой и хвостом; в третью – караковых, тёмно-гнедых с бледными подпалинами на морде и в паху; в четвёртую – чалых, серовато-белых; в пятую – каурых, светло-каштановых, рыжеватых; в шестую – чубарых, лошадей, имеющих темные пятна на светлой шерсти; в седьмую – саврасых, светло-гнедых с желтизной; в восьмую – вороных, чёрных лошадей» [Исенбаев, с. 58].

Утрата ряда лексем, возможно, связана с традицией табуирования беломастных животных. По свидетельству Л. Мөнхтөра, лошадей светло-серой, почти белой, масти называли *бор морин* ‘сивый конь’. В шаманизме считается, что кони как перевозчики между мирами должны быть исключительно белого цвета, поэтому подобно запрету на произношение имени своего отца белую лошадь называли серой [Мөнхтөр].

В тюркских языках формант *-дар*, являющийся фонетическим вариантом суффикса множественного числа *-лар* и зависящий от последнего согласного основы, относится к категории словоизменительных, а не словообразовательных аффиксов. Исследователи Чжан Тайсянь, А.А. Шомаев и С.Г. Скобелев выявили большое количество архаизмов в языке фуюйских киргизов, переселенных маньчжурами в провинцию Хэйлунцзян КНР. В приведенном ими списке родов четыре из шести имеют окончание на *-дар* (*-дыр*, *-тыр*): *табындар*, *чигдыр*, *сандырдыр*, *өргтыр* [Чжан Тайсянь и др., с. 227-232].

Т.А. Акеров видит в основе этнонима *табындар* числительное монг. *таван* ‘пять’ и связывает его этимологию с оронимами Таван толгой и Таван богд уул, где жили их предки в более древние времена [Акеров]. Другой этноним фуюйских кыргызов *чигдыр*, по мнению Т.А. Акерова, восходит к названию племени *чекли*, жившего в XI в. на берегах реки Чу, в его потомках можно видеть роды *чекты* (*шекты*) и *чихлар* (*шихлар*) казахов малого жуза. Следы потомков средневековых чиков обнаруживались в родоплеменной структуре современных туркмен и кыргызов под названием *чик* и *чик уулу* [Акеров, 2012, с. 56].

Учитывая выявленное нами значение форман-

та *-дар* в монгольских языках, вызывает интерес то, что в якутском языке суффикс *-лар* (*-тар*) служит для выражения не множественного, а единственного числа имени в возвеличительно-ласкательной форме: *Аттарым, суҕаллык сиэл-бэхтээ!* ‘Лошадушка моя, быстрее порыси!’ «Здесь человек, едущий на лошади, обращается только к ней одной, а не к многим другим лошадям, причём с оттенком возвеличения своей лошади» [Никифоров, с. 140].

В результате исследования бурят-монгольских и тюркских этнонимов с суффиксом *-дар* нами установлено, что в монгольских языках указанный формант является словообразовательным, а в тюркских – словоизменительным. Рассмотренные названия бурят-монгольских родов, равно как и личные имена, представляют собой бесценные архаические пережитки словообразовательной системы монгольских языков. Их изучение позволило проследить эволюцию имени и объяснить его происхождение.

Литература

1. Акеров Т.А. Каркырахан Великий Кыргызский каганат. – Бишкек, 2012.
2. Акеров Т.А. Динлины – кыргызы: предки и потомки. Эпоха Кыргызского Великодержавия [Электронный ресурс]. – URL: http://www.paruskg.info/2010/06/08/26028
3. Василевич А. Синий, синий, голубой… Или всегда ли слово было изгоем? [Электронный ресурс]. – URL: http ://www.ruscenter.ru/626.html
4. Галданова Г.Р. Хонгодоры – хунгирады? // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М., 1960.
6. Исенбаев Т.И. Военное искусство кыпчаков в эпоху средневековья. – Павлодар: Изд-во ПГУ им. С. Торайгырова, 2003.
7. Митрошкина А.Г. Словарь бурятских личных имен: опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря.– Иркутск, 2008. – Ч. 1.
8. Монраев М.У. Проблемы современной калмыцкой антропонимики: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1999.
9. Нанзатов Б.З. Племенной состав бурят в XIX веке // Народы и культуры Сибири. Взаимодействие как фактор формирования и модернизации. – Иркутск, 2003. – Вып. 2.
10. Нанзатов Б.З. Этногенез западных бурят (VI-XIX вв.). – Иркутск, 2005.
11. Нанзатов Б.З. Монгольские буряты: диаспора в ситуациях вызова // Трансграничные миграции в пространстве Монгольского мира: история и современность. – Улан-Удэ, 2010.
12. Никифоров Г.А. О значениях аффикса *-лар* в якутском языке // Тюркологический сборник. – М.;Л., 1951. – Вып. 1.
13. Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – СПб., 1911.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. – М. : Прогресс, 1964. – Т. 1.
15. Чжан Тайсянь, Шомаев А.А., Скобелев С.Г. Происхождение «фуюйских киргизов» // Этнические процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I-II тысячелетии н.э. – Кемерово, 1994.
16. Kempf B. The etymology of the ethnonym Oyrat // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: сб. тр. междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.
17. Мөнхтөр Л. Монгол адууг 500-600 янзаар зүсэлдэг [Электронный ресурс]. – URL: http://news.gogo.mn/r/67473
18. Starostin, S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, O. Mudrak (with assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). – Leiden; Boston : Brill, 2003 (EDAL).

Нанзатов Баир Зориктоевич, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, кандидат исторических наук. E-mail: nanzatov@yandex.ru

Nanzatov Bair Zoriktoevich, senior research fellow, department of history, ethnology and sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, candidate of historical sciences.

Сундуева Екатерина Владимировна, зав. отделом языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор филологических наук. E-mail: sundueva@mail.ru

Sundueva Ekaterina Vladimirovna, head of the department of linguistics, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, doctor of philological sciences.

УДК 81'27

© ***Н.И. Иванова***

Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия)

В статье представлены основные индикаторы сегодняшней этноязыковой ситуации в республике (этноязыковая идентичность, языковая компетенция; функционирование языков в основных регламентируемых и нерегламентируемых сферах общения), охарактеризованные по материалам переписей 1989, 2002, 2010 гг., а также по результатам массового социолингвистического опроса.

Ключевые слова: этноязыковая ситуация, этноязыковая идентичность, прямая этноязыковая идентичность, уровень владения языками, сферы общения.

N.I. Ivanova

Modern ethnolinguistic situation in the Sakha Republic (Yakutia)

The article presents key indicators of current ethnolinguistic situation in the republic (ethnolinguistic identity and linguistic competence; functioning of languages in the main regulated and non-regulated spheres of communication) which were determined based on the census materials of 1989, 2002, 2010 as well as on the results of a large-scale sociolinguistic survey.

Keywords: ethnolinguistic situation, ethnolinguistic identity, direct ethnolinguistic identity, level of proficiency in languages, spheres of communication.

Прошло достаточно много лет со времени распада СССР, послужившего катализатором активных языковых процессов, 20 лет – со времени принятия закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» (1992), наделившего государственным статусом два языка – якутский и русский, и 10 лет – с момента выхода указа «О языковой политике». Сегодня по результатам основных показателей массового социолингвистического опроса можно определить динамику этноязыковой ситуации в республике, выявить, насколько воплотились в реальность преобразования, начавшиеся в тот период. Попытаемся представить основные индикаторы сегодняшней этноязыковой ситуации в республике, опираясь на конкретный социолингвистический материал, собранный в городах, улусных (районных) центрах, селах, – обследованиях 14 объектов республики. Выборочная совокупность респондентов составляет 1 829 чел. (в т. ч. 59% якутов, 26,5% русских, 13,5% представителей других этносов), отобранных по квотной выборке.

Особенности современной этноязыковой ситуации в республике во многом предопределяются миграционными факторами, определяющими становление нового баланса языков: сужение русскоязычного пространства в республике вследствие массового выезда русских в другие регионы; возрастание роли внутренней миграции; приток сельского населения в городскую местность. Перепись 2010 г. показала продолжающееся со времени переписи 2002 г. увеличение доли коренного населения, в то время как в других тюркоязычных республиках – Татарстане, Башкортостане – отмечается снижение. Так, в 2002 г. численность якутов составляла 443 852 чел., что превышало показатели 1989 г. на 16,1%, по РФ находились на 20-м место. В 2010 г. числится на 34 233 саха больше – 478 085. В Республике Саха (Якутия) проживало в 2010 г. 466 492 саха, что на 34 202 больше, чем в 2002 г. [5].

Как видим, увеличение численности населения происходит за счет якутов, проживающих в республике. Другой существенный факт состоит в том, что значительно увеличилась численность граждан, не указавших национальную принадлежность.

Возросла численность представителей коренных малочисленных народов Севера, указавших соответствующую национальность по итогам переписи населения, данная тенденция зафиксирована и в переписи 2002 г. Увеличилось количество мигрантов – киргизов, узбеков, армян, таджиков из числа прибывших на работу.

По итогам переписи 2002 г. существенно уменьшилась численность русского этноса – почти на 160 тыс. чел. По сравнению с этими данными в 2010 г. зафиксирован умеренный отток русских – 37 022 чел.; идет сокращение украинцев на 14 292, татар – на 2 646, бурят – на 255 чел. Последняя перепись также показала, что в республике в соотношении городского и сельского населения наметилась тенденция к увеличению численности сельчан – на 4,7 тыс. чел., тогда как численность городского возросла на 4,5 тыс.

По данным последней переписи наблюдается дальнейшее увеличение числа якутян с высшим, неполным высшим, средним профессиональным образованием [5].

Этноязыковая идентичность. Как и в других субъектах Российской Федерации, в республике происходят этноязыковые процессы различного, более того, разнонаправленного характера. Мас-

совый опрос показал, что 84,5% якутов и 95,7% русских имеют прямую этноязыковую идентичность, т.е. национальная принадлежность и родной язык совпадают; 5,3% якутов признали родным русский язык (по переписи 2010 г. – 5,7%); 9,9% – оба языка. Так, переход на русский язык перекрывается показателями множественной языковой идентичности, присутствующей у якутской молодежи. Русский язык преобладает в качестве родного у респондентов-якутов со средним специальным образованием, получивших школьное образование на русском; оба языка более всего представлены в ответах молодых людей со средним образованием. Таким образом, среди молодежи наблюдается возрастание прямой и множественной (двойной) языковой идентичности.

Явление двойной языковой идентичности характерно и для других регионов РФ и СНГ. Так, в Татарстане оно составляет 10,1%, в Казахстане – 1,2% (языковой сдвиг там составляет 0,8%) [1].

Исследования показывают, что на языковую идентичность разнополярно влияют как степень урбанизированности, так и в целом полиэтничный состав (или гомогенность/гетерогенность) населения. Сравнение показателей генеральной совокупности с данными столицы республики показало – в г. Якутске у 82,0% якутов и 95,9% русских национальная принадлежность и родной язык совпадают. У жителей Вилюйского улуса, где якутское население преобладает, показатели выше: у якутов – 91,4%, у русских – 97%. Явление языкового сдвига и двойной языковой идентичности сильнее выражены у жителей столицы: при преобладающей прямой языковой идентичности якутов 8,1% признали родным русский язык, в Вилюйском улусе – 5,7%; в Якутске 13,0% признали родным оба языка, что также выше, чем у жителей Вилюйского улуса – 8,6%.

В целом выбор этнического языка якутами в гетерогенном сообществе улусов высок: в с. Майя – 95,5%; Вилюйском улусе – 86,5%, п. Нижний Бестях – 80,5%; Оймяконском улусе – 80%; на второй позиции – оба языка. Признание родного языка больше распространено в улусных центрах, чем в моноэтнических якутских селах и полиэтничных городах, и двойная языковая идентичность там ниже, чем в селах. В исконно якутской среде, где преобладает коренное население, но достаточно активно межэтническое общение, сильнее проявляется этнодифференцирующий фактор, в том числе и прямая идентичность. А в городах степень урбанизированности играет нейтрализующую роль в данном вопросе.

Таким образом, для рассматриваемых условий подтверждается тезис о первостепенной роли родного языка среди факторов этнической идентификации личности – владение родным языком у якутов является приоритетным этноидентифицирующим признаком и однозначно относится к лидирующему показателю их этнической интеграции. Так, на вопрос «Что Вы считаете наиболее важным при определении своей национальности?» у якутов получены ответы: «знание родного языка» (73,2%) и «национальное сознание, самосознание» (51,6%); у русских и представителей других этносов – только «знание родного языка» (соответственно – 62,1% и 45,3%).

Выбор как языка родного в целом детерминирован языком обучения в школе, хотя данный факт не характерен для некоторых полиэтнических сообществ (например, г. Якутск), всегда есть люди, которые независимо от языка обучения выбирают язык предков. Обучение на родном или с компонентом родного якутского в наибольшей степени определяет прямую языковую идентификацию. Достаточно высока доля выбравших как родной якутский язык среди закончивших русскую школу. Характерно и то, что двуязычное образование (часть предметов преподается на русском, часть – на якутском) также преимущественно формирует прямую языковую идентичность (26,2%) и двуязычную (16,8%), а обучение на русском обнаруживает смещение: 84,5% из признавших родным русский язык закончили русскую школу. Интересно, что в столице республики не обнаружено респондентов с родным русским среди обучавшихся в классах со смешанным обучением, тогда как в г. Вилюйске таких 14,3% .

Различие в языковой идентификации между городскими и сельскими жителями очевидно. При сравнении с другими регионами наблюдаются те же тенденции. Результаты опроса городских жителей Татарстана (2005) Центром изучения межнациональных отношений (г. Москва) [6] и наши данные оказались сопоставимыми, выявлено 84,6% татар и 84,5% якутов с прямой языковой идентичностью. Однако исследования показали, что в Татарстане, видимо, в силу географического расположения, развитой промышленности, факторов, предполагающих более интенсивные межэтнические контакты, больше татар с родным русским языком (8,2%), тогда как в Республике Саха – якутов с такой же языковой идентичностью – 5,3%.

Более полно обозреть тенденции языковой идентичности можно при сопоставлении данных разных лет – переписей 1989, 2002, 2010 гг.; микропереписи 1994 г. и наших массовых опросов 2007 г. (табл.).

Таблица

Показатели языковой идентичности якутов в динамике, в %

Признали родным якутский язык						Признали родным русский язык					Признали родным оба языка
Годы	1989	1994	2002	2007	2010	1989	1994	2002	2007	2010	2007
Показатели	95,0	97,1	92,6	87,4	94	4,9	2,9	6,5	5,5	5,7	10,3

Примечательно, что последняя перепись показала возрастание прямой этноязыковой идентичности в период с 2002 по 2010 г., хотя наши данные не зафиксировали данного явления, видимо, в силу большей градации вариантов ответов (якутский, русский, оба языка).

Уровень владения языками. При анализе владения якутским языком можно констатировать, что резкого разрыва межпоколенных связей не зафиксировано, ответы респондентов позволяют отметить возрастание языковой компетенции якутской молодежи. Среди всей совокупности респондентов – этнических якутов – достаточно высок уровень активного владения якутским языком – 92,6%, свободного владения – 84,5%. Показатель активного владения среди якутов с родным якутским языком еще выше – 97,1%, свободного владения – 90,5%.

По результатам переписи 2002 г. в целом по России численность лиц, владеющих якутским языком, составляет 456 288 чел., по имеющимся официально опубликованным итогам всероссийской переписи 2010 г. численность лиц, владеющих якутским языком, составляет 450 140 чел. [4].

Надо отметить, что существуют проблемы в языковой практике: из 84,5% якутов, свободно владеющих якутским, лишь 21,3% лучше воспринимают якутскую устную речь; 41,1% ориентированы на русский и 37,6% – на двуязычие. Таким образом, кроме уровня владения языком в данной коммуникативной ситуации значительную роль играют фактор доминирующего языка, проникающий и в более глубинные участки языкового сознания нерусских, фактор стереотипа речевого поведения в зависимости от сферы общения и, безусловно, чисто лингвистические проблемы – снижение культуры речи, нарушение и недостаточная кодификация литературных норм.

Можно отметить некоторое возрастание доли русских, свободно владеющих якутским языком, по переписи 1989 г. их численность составила 1,4%, в 2002 г. – 2%. Нам удалось получить более детальную характеристику включенности якутского языка в русскую языковую компетенцию. Так, 4,3% русских свободно и 5,8% – в активной форме владеют якутским, 25,5% понимают общий смысл сказанного, но не говорят; 58,8% – не владеют. Однако ни в одной из коммуникативных сфер заявленный уровень полностью не реализуется.

По данным переписей, доля якутов, свободно владеющих русским языком, возрастает: 1970 г. – 45,4%; 1979 г. – 60,3%; 1989 г. – 65%; 2002 г. – 87,1%, 2010 г. – 89,3% (в т.ч. городское население – 94,7%; сельское – 85,8%). Наш опрос показал примерно такие же цифры: активно владеющие – 89,4%, пассивно – 10,3%.

В сфере семейного общения у якутов этнический язык устойчиво является доминирующим в кросскультурном общении (с бабушкой, дедушкой) – 89% (в г. Якутске 60-87,6%); в межпоколенном (с родителями) – 83,5%. (в г. Якутске от 66,7 до 80,6%); несколько сокращается – до 76,6% в общении с супругом(ой), особенно у респондентов до 36 лет (в г. Якутске от 55 до 72,7%); и еще реже употребляется в общении с детьми – 72% (41,7-72,9%). Четко прослеживается тенденция к смешанному русско-якутскому общению в семье. Этнические якуты чаще в семье используют якутский язык, реже – общаются в равной мере на якутском и русском языках (с детьми и родственниками), и определенную часть в семейно-бытовом общении занимает русский язык (чаще с супругами). Таким образом, двуязычие у якутов (по сравнению с языковой ситуацией в 1980-е гг.) стагнирует или имеет тенденцию к снижению за счет увеличения доли общения на якутском [2]. Если в сельской местности в 1980-е гг. уровень использования русского языка был высок в семьях, где родителям по 30-40 лет, то теперь максимум наблюдается в возрасте 26-35 лет, далее идет снижение.

Ориентации в сфере образования. В школьном обучении у якутов преобладает потребность в обучении на родном языке с изучением русского языка (30,0%), у русских и представителей других национальностей – с углубленным изучением иностранных языков в русской школе (соответственно 40,2 и 31,1%). Выбор языка обучения в дошкольном учреждении оказался сложным для молодых якутов – многие затруднились ответить. Во всех группах просматривается тен-

денция раннего приобщения к другому, неродному языку – одному из доминирующих языков республики.

Также видим, что коренное сельское население связывает будущее своих детей с родным языком, но расширение коммуникативного пространства в современном обществе, процессы глобализации существенно актуализируют для родителей образовательный компонент иностранных языков. Таким образом, у родителей-якутов в сфере образования по сравнению с 1989 г. ориентация только на русский или якутский сократилась, происходит переориентация на иностранные языки, потребность в билингвальном типе школ устойчива.

В целом сохраняется неравновесность (несбалансированность) в коммуникативном пространстве. Русский язык продолжает доминировать в официальной сфере (в производственных отношениях, при обращении в органы власти, сфере обслуживания, масс-медиа; в публичных выступлениях, а также в личном коммуникативном пространстве коренного населения (личной переписке, ведении личных записей). Дистрибуция якутского, русского языков и двуязычия («в равной мере на якутском и русском») детерминирована параметрами: официальность / неофициальность, город/село.

Во внутрипоколенном общении увеличение коммуникативной мощности якутского языка в столице республики отражается увеличением объема использования якутского, устойчивостью русского языка, замещением двуязычия якутским моноязычием. Чем моложе респондент (16-25 лет), тем более значим для него родной якутский язык, он более двуязычен в ситуациях обучения в вузе, средних специальных учреждениях и школе, чем его старшие соплеменники, но реже пользуется обоими языками на работе и общении с друзьями, что опять же говорит об увеличении объема использования якутского языка не только в улусных центрах, но и в столице. Однако фактор установившихся в течение длительного времени языков общения, иначе говоря, стереотип речевого поведения, языковая толерантность, является очень устойчивым и играет сдерживающую роль в развитии социальных функций якутского языка.

Объективно говоря, проблема витальности актуальна для всех языков – международных, мировых, национальных, языков малочисленных народов и народностей – независимо от числа говорящих на них. Возможно ли в условиях стремительного сокращения количества миноритарных языков в мире сохранить язык, предотвратить натиск глобализации? Насколько стремится якутское этническое сообщество сохранить свой язык, каково отношение народа к своему языку, к языку русского этноса?

Ситуация с использованием русского языка в основных коммуникативных сферах общества единодушно признана стабильной, что соответствует реальному состоянию. Неоднозначно оцениваются изменения в использовании якутского и языков коренных малочисленных народов Севера, что также вполне объяснимо, т.к. интенсивность функционирования в разных коммуникативных сферах различается, нет устойчивой динамики либо регресса.

Важным позитивным моментом, имеющим этноконсолидирующее значение, мы признаем стремление якутов к углублению знания родного языка, которое формируется параллельно с желанием изучать русский и иностранные языки.

В целом можно сделать вывод о том, что при всем разнообразии позитивных и негативных факторов, воздействующих на сохранение региональных языков, появилась положительная динамика в показателях этноязыковой идентичности, что наиболее заметно среди молодежи, снижаются показатели языкового сдвига, приобретает актуальность множественность языковой идентичности. Совокупность различных нюансов в речевом поведении позволяет отметить развитие этноязыковых процессов, национального самосознания якутов, начавшееся в 1990-е гг. Снижение прямой языковой идентичности детерминировано степенью урбанизированности, гомогенностью/гетерогенностью населения. Сложилась позитивная ситуация межэтнической толерантности, сопровождаемая уверенностью в будущем русского языка в республике, его стабильном функционировании во всех сферах, которая основана на выполнении высоких социальных функций [3].

Среди якутов наблюдается высокая степень этнического самосознания, эмоциональное и требовательное отношение к этническим маркерам своей национальности, негативное отношение к представителям своей национальности, не владеющим родным языком, чувство тревоги, а порой и отчаяния, за будущее родного языка. Тем не менее якутское население все же сохраняет спокойное отношение к представителям других национальностей.

Таким образом, этноязыковые процессы, происходящие в республике Саха, имеют разнонаправленный характер. Объективными признаками витальности якутского языка в настоящее время выступают: социально-демографические и национально-культурные показатели, повышение социально-политических, собственно-лингвистических и

социально-функциональных показателей. Обретение высокого статуса государственного языка открывает перед любым из языков безграничные перспективы функционирования и развития. Однако действительность и имеющийся опыт показывают, насколько непросто дается возрождение утраченных когда-то позиций национального языка, несмотря на продуманную систему мер, принятие специальных государственных документов.

Литература

1. Аманбаева Г.Ю. Государственная идентичность как социолингвистический феномен // Язык и идентичность: материалы докл. и сообщений междунар. конф. «Ахановские чтения» / отв. ред. Э.Д. Сулейменова. – Алматы: Қазақ университеті, 2007. – Т. 2.
2. Аргунова Т.В Якутско-русское двуязычие (социолингвистический аспект). – Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 1992.
3. Иванова Н.И. Этноязыковое самочувствие русских в РС(Я): социолингвистические факты // Культурно-историческое взаимодействие русского языка и языков народов России: всерос. науч.-практ. конф. / ред. С.М. Трофимова – Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009.
4. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. – URL: www.gks.ru
5. Краткие итоги всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: http://sakha.gks.ru.
6. Сулейманова Д. Языковая ситуация в Республике Татарстан [Электронный ресурс]. – URL: http://www.info-islam.ru

Иванова Нина Иннокентьевна, старший научный сотрудник сектора грамматики и диалектологии якутского языка Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, кандидат филологических наук. Tel.: +7-9243684217. E-mail: haar-haar@mail.ru

Ivanova Nina Innokentyevna, senior researcher, sector of grammar and dialectology of the Yakut language, Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North SB RAS, candidate of philological sciences.

УДК 811.133.1’25=512.157+811.512.157’25=133.1

© ***И.З. Борисова***

Особенности номинации масти лошадей в якутском языке и их перевода на русский и французский языки

В статье исследуются особенности перевода с якутского языка на французский и русский языки наименований мастей животных, в частности лошадей.

Ключевые слова: перевод, символика цвета, цветообозначения, лошадь, номинация, масти лошадей, картина мира.

I.Z. Borisova

The peculiarities of the horse coat color naming in the Yakut language and its translation into the Russian and French languages

This article discusses the peculiarities of translating animal coat color, in particular horses coat color from Yakut to French and Russian.

Keywords: translation, color symbolism, color naming, horse, naming, horse coat color, world image.

Тема перевода с якутского языка наименований мастей лошадей не становилась ранее предметом научного исследования. В последние годы наблюдается активизация переводческой деятельности, особенно в области эпических текстов. Якутские эпические тексты содержат большое количество информации о лошадях, в том числе об их масти.

В якутском языке социокультурная метафорика обозначений мастей лошадей насыщена глубокой содержательностью. Это объясняется тем, что в национальной картине мира якутов лошадь имеет ключевое значение. Лошадь для якута – не только средство передвижения, но и источник еды, тепла, одежды и т.д. В жизни народа лошадь имеет также сакральное значение. В эпическом тексте *олонхо* встречаются цветовые определения, связанные с образом коня, с символикой масти лошади. Якуты видят в лошади божественное начало. Главные богини якутского пантеона Айыысыт и Иэйэхсит нередко обращались в белую кобылицу (иногда с божественными пятнами – знаками на лопатках) и передвигалась по небу на белом облаке. Предком и покровителем лошадей в религии якутов выступал бог Уордаах Дьесегей. Якуты с особым трепетом молились «лучезарному Дьесегею», ведь от него зависело размножение конного скота – главного богатства народа. Его часто изображают в виде кентавра с человеческой головой.

Масть и цвет близки по своей физической природе и по языковой семантике. В масти животных воспринимается не только цвет или оттенок цвета, но также характерный рисунок внешнего покрова, который в комплексе с цветовым компонентом и составляет характерный зритель-

ный образ. В отличие от цвета масть по своей природе в большинстве случаев неоднозначна. Форма внешнего покрова (рисунка) как составного элемента масти более расплывчата и менее определенна, чем категория цвета, и в плане семантики. В плане номинации: *пятно, крапина, подпалина, пежина, полоса, «яблоки»* и т.д., представляют собой менее однородное целое, чем обозначения цвета.

Масти лошадей, по классификации А.С. Красникова, условно можно разделить на пять групп: 1) одноцветную – вороную, рыжую, бурую; 2) двухцветную – караковую, гнедую, буланую, игреневую; 3) с зональностью окраски – саврасую, каурую, мышастую; 4) смешанного белого и цветного волоса – серую, чалую; 5) пятнистую – пегую, чубарую, тигровую [1].

С учетом оттенков насчитывается более 50 мастей лошадей. Свойственные взрослым лошадям масти формируются в процессе индивидуального развития и с возрастом обычно изменяются.

В коневодстве принята специфическая терминология наименования мастей. В большинстве случаев принята специальная номинация масти, подмасти: вороная (рус. черная), куруо дьагыл (якут. бело-буланая), alezan (фр. красновато-желтая), гнедая (рус. красновато-коричневая), bai (фр. рыжая), саалыр (якут. светло-желтая).

В якутском языке в ходе сопоставительного анализа методом выборки выявлено 62 способа обозначения масти лошадей. Для удобства и наглядности способы номинации рассмотрены в сопоставлении с выявленными 26 французскими, 45 русскими наименованиями мастей лошади.

1. *Одноцветная масть (вороная, бурая, рыжая, соловая, белая).*

1. *Вороная* масть. В трех сопоставляемых языках есть эквиваленты *вороной* масти – вороная, cheval noir, хара сылгы. Подвид (подмасть) этой масти – *«moreau,» (блестяще черная) «чыыстай хара»* – существует во французском и якутском языках, но его нет в русском. Подвид (подмасть) *«вороная в загаре»* (концы волос на корпусе будто выгоревшие на солнце, и корпус имеет бурый оттенок), *«олбооркой (олкоону хара) хара»* (грива и хвост черные, а все остальное – коричневато-черное) не выделяется во французском языке.

2. *Бурая* масть представлена во всех трех языках «*brun», «бурая», «кугас»*. Русский язык различает следующие подмасти – «*темно-бурая»* (кончики волос темные), «*светло-бурая»* (кончики волос светлые), золотисто-бурый (кончики волос золотистого оттенка). Во французском языке подвидов не имеется. В якутском языке существует три подмасти – *«курэн», «курун», «куруннуну»* (буроватый, рыжеватый). Все подмасти передаются во французском языке наименованием масти «*brun».*

3. *Рыжая* масть во всех трех языках совпадает, формально совпадает также внутреннее содержание подмастей. *Alezan (alezan blanc, alezan café au lait, alezan noir), рыжая (светло-рыжая золотисто-рыжая, темно-рыжая,) ара5с сылгы (кугастыны/ рыжеватый* – хвост и грива светлее, а все остальное красновато-желтого цвета*, кугас/рыжий, куба арагас/ желтоватый, как лебедь,* – хвост, грива, корпус рыжие, а колени и грудь светло-желтые.) Таким образом, в якутском языке подвид (подмасть) этой масти, когда у лошади колени и грудь светлее основной масти, сравнивают с лебедью. Но при переводе теряется образность.

4. *Соловая* масть (корпус и голова желтовато-золотистые или песчано-землистые, конечности одного и того же цвета с корпусом, грива и хвост такие же или светлее туловища.) в трех сопоставляемых языках имеет свой эквивалент – «*aubère»* (желтоватая с белой гривой и хвостом*), «соловая», «хонор»* (спина темно-желтая, а брюхо, грива, хвост – светлее). Если в русском языке «соловая» масть не имеет подмастей, то в якутском языке существует три подмасти *(«саһыл улаан»* (красно-соловая), *«сырдык улаан»* (светло-соловая), *«олбооркой кугас»* (желтовато-коричневая лошадь с белыми гривой и хвостом). Во французском языке имеется две подмасти (*aubère gris, aubère louvet*). В якутском языке две подмасти обозначены уточняющими словами *сырдык* (светлая) и *олбооркой* (тусклая). Красно-соловая лошадь обозначена метафорически *«саһыл улаан»* (соловая, цвета лисицы), слово *«саһыл»* передает окрас лисы. При переводе также теряется образность.

5. *Белая* масть в русском и французском языках, по всей видимости, отсутствует. В русском и французском языках в коневодстве белая масть лошади считается подвидом серой масти, при переводе с якутского языка теряется внутренний смысл. Хотя в коневодстве не принято различать белую масть у лошадей, распространенных в средней полосе России и в европейской части, в русскоязычной литературе можно встретить выражение «белая лошадь, белый конь, белая кобылица». Считается, что изначально чисто белый жеребенок с возрастом меняет окрас, становясь серым, серым в яблоках и даже вороным. У якутской породы лошадей белый цвет распространен. Белая масть у якутов имеет сакральный характер. В якутском языке при номинации подвидов этой масти большое значение имеет детальное описание окраски ноздрей, ушей, копыт. «*Манан сыл-*

гы» (лошадь белой масти) имеет пять подвидов. *«Чынкыл манан»* или *«кыыда манан* «У таких лошадей внутренняя сторона ноздрей, ушей, хвост, волосы на суставах, грива и хребет белого цвета, копыта прозрачные (скорей всего, речь идет об альбиносах). Ввиду того, что такая лошадь встречается очень редко, говорят о ее божественном происхождении. Такая лошадь используется для различных обрядов, связанных с поклонением божествам «Айыы». «*Сылбаран манан»* – у лошади этого окраса черные ноздри, вокруг глаз черные волосы, хвост и грива с черными волосами, копыта черного цвета, суставы с серыми волосами, а основная масть белая. *«Аас манан»* (желтовато-белый, седой белый) и *«уут кэрэ сылгы*» («прекрасный, как молоко»),эти подмасти отличаются цветом внутренней стороны уха. *Подмасть «кэрэ сылгы*» («прекрасный конь») имеет подвиды *«саһыл кэрэ сылгы*» («прекрасный, как лиса») – у лошадей этой масти брюхо, хвост и низ конечностей темновато-желтые. *«Сырдык кэрэ»* («прекрасный светлый») – спина, бока и брюхо светло-желтые, шея, низ конечностей, хвост, грива более светлого цвета.

2. Двухцветная масть (караковая, гнедая, буланая, игреневая, саврасая, мышастая).

1. Лошадь караковой масти (черная окраска всего корпуса, головы и конечностей) имеет рыжеватые подпалины на конце морды, вокруг глаз, под брюхом. Во всех трех языках имеются эквиваленты караковой масти: *«караковая», «bai-brun», «чуогурдаах».* Подвиды данной масти во французском и якутском языках *«bai-foncé», «хара турагас»* (грива, хвост, спина черной окраски, темно-рыжие бока и брюхо) являются скорей всего подмастями гнедой масти. Можно также предположить, что данные языки не выделяют караковую масть.

2. *Гнедая* масть шире представлена в русском и якутском языках. Во французском языке их эквивалент -*«bai»* (от латинского badius) – рыжая масть, конечности, грива и хвост черные. Образовывает два типа сложных подвидов: *«bai isabelle», «bai souris».* Гнедая лошадь в русском языке представляется с коричневым корпусом и головой, при этом конечности ниже запястного и скакательного суставов черные, этого же цвета грива и хвост. В русском языке выделяются следующие подвиды этой масти: *«темно-гнедой»* (темно-коричневая окраска туловища), *«светло-гнедой»* (светло-коричневая окраска туловища), *«золотисто-гнедой»* (коричневый цвет туловища приобретает блестяще-золотистый оттенок). В якутском языке масть *«турагас»* представлена такими подвидами (подмастями): *«кыһыл турагас»* (красный гнедой) соответствует русскому *«светло-гнедая».* У этого подвида грива и хвост красновато-черные, спина красной окраски, брюхо светло-коричневого цвета. *«Хаан турагас»* (гнедой, цвета крови) – номинация по сходству цвета, возможно более темный чем *«кыһыл турагас». «Хара турагас»* (черный гнедой) – с черной спиной и темно-рыжими боками и брюхом. При обозначении подмастей в русском языке характерно использование уточняющих слов «темно-, светло-, золотисто-». В якутском языке подвид *«хаан тура5ас»* может совпадать с подвидом *«темно-гнедой»*. Русская подмасть *«темно-гнедая»* близка по своему внутреннему содержанию с якутской *«хара тура5ас».*

3. *Буланая* масть, «isabelle», «саалыр сылгы» совпадают: корпус и голова золотистые или песчано-землистые, хвост и грива ярко-черные, вдоль хребта может идти черный ремень (во французском – цвет кофе с молоко, хвост и грива черные). Во французском языке выявлено два подвида (подмасти) «isabelle bai», «isabelle souris», в русском три подмасти – «светло-буланая», «темно-буланая», «золотисто-буланая», в якутском языке выявлен один подвид – «куруо-дьагыл»/бело-буланый.

Наличие только одной подмасти в якутском языке объясняется тем, что у якутской породы эта масть не является распространенной. При описании буланой масти во французском языке использовано устойчивое выражение, обозначающее цвет «café au lait», которое не встречается ни в русском, ни в якутском языках.

4. *Игреневая* масть считается нарядной (шоколадная с белыми, с серебристыми прядями, серебристо-серыми или светло-песочными хвостом и гривой). В русском языке имеются подмасти – светлая, темная, темная в яблоках. В якутском и французском языках данная масть не выделяется отдельно. На французский язык переводится как «aubère».

3. С зональностью окраски (саврасая, мышастая).

1. *Саврасая* масть (блеклый оттенок гнедой, буланой или рыжей масти, по хребту может быть черный ремень) во французском языке может быть представлена как «louvet» (цвет желто-серый, смешением рыжего с черным). Образует типы смешанной масти: «louvet alezan», «louvet gris».

В русском языке имеется три подмасти. У «гнедо-саврасых» лошадей окраска туловища, как у гнедых, но осветленная, грива и хвост черные, обязательно с примесью пучков светло-бурых волос, вдоль спины проходит темный ремень, в области лопаток могут быть темные пятна, часто наблюдаются поперечные темные по-

лосы на подплечьях и запястьях (зеброидность). У «рыже-саврасых» («каурых») лошадей окраска туловища светло-рыжая, блеклая, грива и хвост состоят из неоднородно окрашенных рыжих и бурых волос, вдоль спины проходит темный ремень, возможны темные пятна на лопатках и зеброидность на предплечьях и запястьях. «Буланосаврасая» имеет черные гриву и хвост, туловище блеклой буланой окраски.

В якутском языке масть «сиэр» имеет подмасти «сырдык сиэр», «хара сиэр». Слова обозначающие основные масти лошадей в русском языке «гнедой», «буланый», «рыжий» в этом случае выступают в роли уточняющих. Якутская подмасть «хара сиэр» соответствует русским «гнедо-саврасая», «булано-саврасая», а «сырдык сиэр» «рыже-саврасой» подмасти. Французское «louvet alezan» соответствует русскому «рыжесаврасая», якутскому «сырдык сиэр».

2. *Мышастая* масть представлена во всех трех языках. В русском языке это вороносаврасая масть, волосы на туловище лошади мышиного или пепельного цвета, грива, хвост и низ конечностей имеют черно-бурый оттенок, имеется темный ремень, пятна на лопатках и полосы на ногах темные. В якутском языке «сур ат» пепельного, пепельно-серого цвета, имеет подмасти «хара сур» (хвост, грива, конечности черные, хребет черной окраски), «сырдык сур» (хребет, брюхо, грива желто-серого цвета светлого оттенка), «сур дьагыл сылгы» (серая с черными пятнами на лопатках). У якутской лошади мышастая масть одна из преобладающих.

Французская масть «gris souris», русская «мышастая» и якутская «сур» совпадают по значению. Во французском и русском языках масть лошади сравнивается с окрасом мыши. В якутском языке при этом сравнение проводится с окрасом волка.

4. Группа белой и цветной (серая, чалая) мастей

1. *Серая* масть представлена во всех трех языках, но в количественном и содержательном плане номинация отличается. Это обстоятельство может привести к неточностям перевода.

Серая масть в якутском языке передается разными словами: *«сур», «борон», «когоччор», «кэрэмэс»*. Они выступают как отдельные масти серой палитры, так как имеют подмасти, в номинации повторяющие основную масть, уточненные дополнительными характеристиками. «Сур» – пепельно-серый, «борон» – темно-серый, «когоччор» – синевато-серый, «буулур» – седой, «кэрэмэс». Помимо этого каждая масть имеет свои подмасти, в якутском языке все тончайшие внешние признаки отражены отдельной номинацией подмасти.

Во французском языке серая масть передана словом *«gris»* (Серая, смешение белого с черным), которое имеет подмасть «gris pommelé» – «серая в яблоках». При переводе с якутского языка все оттенки серой масти могут быть переданы этими словами. В русском языке масти серой палитры представлены двумя номинациями: «сивая», «серая».

В русском языке *серая масть* имеет следующее внутреннее содержание: голова, туловище и конечности покрыты смесью окрашенных и светлых волос. Масть передается тремя подмастями: «серая в яблоках», «светло-серая» или почти белая, «серая в гречку» (с точечными вкраплениями темных волос «в гречку»). В русском коневодстве считается, что жеребята при рождении приближаются по окраске к вороной, гнедой или рыжей масти. С возрастом они становятся серыми с различными оттенками. *Масть сивая* – серовато-сизый, темно-серый с синеватым оттенком. Подмасти не отмечены. Название присутствует в идиомах: «бред сивой кобылы», «сивка-бурка».

В якутской номинации подмастей представлена еще более широкая картина. Все четыре масти *«сур», «борон», «когоччор», «кэрэмэс»* имеют подмасти. 1. Масть *«сур»* (серый окрас волка, пепельно-серый), имеет подмасти *«хара сур»* (темно-серая), у лошадей этой подмасти хвост, грива, конечности черные, хребет черной окраски, брюхо желтовато-серого цвета, *«сырдык сур»* (светло-серая) у лошади хребет, брюхо, хвост, грива желто-серого цвета светлого оттенка. Подмасть *«сур-дьагыл»* – серая лошадь с черными пятнами на лопатках. 2. Масть *«борон»,* (темно-серый и разные оттенки серого) имеет четыре подмасти: *«хара борон» (темно-серая)*. У лошадей этой подмасти хвост с белыми верхушками, спина со смесью белых волос, конечности черные, черные волосы преобладают. Подмасть *«сырдык борон»* (светло-серая) предполагает наличие у лошади белых корней волос, верхушек волос с синеватым оттенком, низа конечностей темно-серого цвета. Подмасть *«уу борон»* («серый, как вода») названа по сходству с цветом воды. У лошади имеется равная смесь белых и черных волос по всему телу. Подмасть *«тимир борон»* («серый, как железо»). У лошади имеется равная смесь белых и черных волос по всему телу. Это более темный и блестящий по сравнению с подмастью *«уу борон»*. Иногда эти две подмасти считают одним подвидом. Подмасть *«когоччор борон»* (серо-сивая) – у лошади шея, грудь, брюхо со светлым оттенком, окрас синевато-серого оттенка. 3. Масть *«когоччор»* (синевато-серый и разные оттенки серого: темно-серый, серый, как сталь, сивый, сивой масти, сиво-

железный, сиво-желтый) имеет подмасти *«хара когоччор»* (темно-сивая), *«сырдык когоччор»* (светло-сивая), *«когоччордуну»* (сероватый с сивым оттенком) 4. Масть *«кэрэмэс»* (темно-серая лошадь, как лиса-сиводушка/кэрэмэс саһыл) не имеет подмастей. Это темно-серая лошадь, имеющая окрас черной лисицы, преобладает темный волосяной покров с серебристыми или белыми крапинками. Ноги, ноздри, грива темные. Большее наличие мастей серой палитры в якутском языке объясняется тем, что эта палитра является одной из самых распространенных для якутской породы лошадей.

2. *Чалая* масть. Группа смешанного белого и цветного в трех языках представлена еще и другими мастями: *«grivelé»* (фр.), *«чалая»* (рус.)*, «буулур»* (якут.)*, «хагдан кугас ат»* (якут.).

«Чалая» масть в русском языке характеризируется таким образом: к волосам основной масти по всему корпусу равномерно «подмешаны» белые волосы, и в меньшей степени – на голове и на ногах у рыжих, гнедых, вороных лошадей. С возрастом окраска чалых лошадей не меняется. Имеются подмасти: рыже-чалая, гнедо-чалая, вороно-чалая. Все они соответствуют французской «grivelé» (серо-пегая).

Масть *«буулур»* в якутском языке имеет значение «серый, седой». Имеет подмасти *«сырдык буулур»* – брюхо со светлыми волосами, скулы, внутренняя сторона гривы, грудь со светлым оттенком, с бледными коленями, хребет, грива, хвост буланой масти. Подмасть *«кыһыл буулур»* – корни волос светлые, а все остальное – красноватое. Масть *«хагдан кугас»* не имеет подмасти («блеклый, коричневый»). Русской «гнедо-чалой» масти соответствует якутское обозначение подмасти «кыһыл буулур». Основные масти «рыжая», «гнедая», «вороная» в русском языке выступают в роли уточняющих слов «рыже-», «гнедо-», «вороно-». В якутском языке для передачи оттенков использовано уточняющие слова «сырдык», «кыһыл». При номинации мастей и подмастей большое значение имеют специфические особенности окраса и детальное описание лошади.

5. Пятнистые. Пятнистые лошади представлены во всех трех языках.

1. *Пегая* масть. Французская *масть «Pie»* (пегая) черно-белая или в крупных белых и другого цвета пятен. Соответствует русской масти «пегая».

Русская масть «пегая» объединяет лошадей, у которых по основной масти (рыжей, гнедой, вороной, буланой) разбросаны большие белые пятна неправильной формы, копыта частично или полностью белые. При наличии белых пятен на голове имеется один (оба) сорочий глаз. Имеет подмасти: «гнедо-пегая», «рыже-пегая», «вороно-пегая» в зависимости от основной масти.

Якутская масть *«элэмэс»* (пегий, пятнистый, пестрый). Все масти могут стать пегими при наличии пятен. Данная масть имеет подмасти: *«куох элэмэс»* – («синий пегий») – темно-серая с крупными белыми пятнами. О такой масти не говорят «борон элэмэс», т.е. «темно-серый пегий»*, «кыталык элэмэс»* («пегий, как стерх») – низ конечностей имеет белые пятна, *«дьайаалы элэмэс»* – (без перевода, ниже запястья задних конечностей имеются крупные белые пятна)*, «бэрбээкэй элэмэс» («баһыргастаах элэмэс»)* – («пегая в лодыжках») – имеются белые пятна на голени.

Якутский язык при номинации придает большое значение не только основной масти пегой лошади, но и раположению пятен по телу. При номинации подмастей в якутском языке большое значение имеют также детальные различия лошадей. При переводе на русский язык теряется акцент на детали, а при переводе на французский язык теряется четкость образа пегой лошади, характерная для якутской номинации подмастей.

В русском языке при номинации подмасти пегих лошадей большое внимание уделяется основной масти. Расположение пятен по телу не имеет принципиального значения.

2. *Чубарая* масть представлена во всех трех сопоставляемых языках. Французская *масть «truité»* –крапчатый, пятнистый, чубарый, с мелкими черными и коричневыми пятнами.

Русская масть *«чубарая»* означает, что по белому корпусу разбросаны мелкие (коричневые, рыжие) пятна или реже по темному корпусу – белые пятна. Масть имеет подмасти: *«тигровая»* (полосчатая форма чубарой масти), *«крапчатая»* (мелкопятнистая). Если на основной серой масти разброаны потемнения неправильной формы различной интенсивности, то речь идет о *«форелевой»* подмасти. Номинация представлена по внешнему сходству.

Якутская масть *«чуогур»* означает, что по основной вороной или буланой части разбросаны мелкие белые пятна или по белой масти – черные (пестрая или чубарая лошадь в яблоках). Эта масть имеет несколько подмастей: *«чоочугур чуогур»* (чубарая лошадь с мелким крапом), *«кыһыл чуогур»* (лошадь с красными пятнами), в силу своей редкости предназначается шаманами в жертву злым духам из нижнего мира. Имеет сакральный характер. *«Хара чуогур»* – лошадь темного окраса со светлыми пятнами. *«Соно чуогур»* – рыжеватая лошадь с белыми яблоками на задней части. *«Эбириэн»* – чубарая лошадь, покрытая мелкими крапинками.

Французское название *«truité»* при переводе с якутского и русского языков в общем передает

все подмасти «чубарой». Но существует опасность потери смысловых оттенков при переводе с якутского подмасти *«кыһыл чуо5ур»* (лошадь с красными пятнами), так как именно эта подмасть имеет сакральный характер, а не все пятнистые лошади, которые будут переданы мастью *«truité»*. Желательно при переводе делать описательные пояснения.

В якутском языке имеется пять подмастей, в русском языке – три, а во французском – нет. В якутском языке при номинации подмастей большую роль играет окраска пятен, а в русском языке – их форма.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы.

1. Русскому и якутскому языкам характерно использование уточняющих слов типа светло-, темно-, золотисто-, сырдык, харана. В русском языке основные масти выступают в роли уточняющих слов: гнедо-, рыже-, вороно-.

2. В русском и якутском языках масть часто передается метафорически, и при переводе на французский язык теряется образность (куба арагас, вороная в загаре, форелевая).

3. Во французском языке обозначение подмасти передается соединением двух основных мастей (bai-isabelle, aubère gris).

4. Во французском и русском языках белая масть является подмастью серой. В якутском языке существует большое количество разновидностей белой масти и ее подмастей, и при переводе на русский и французский языки теряется внутреннее содержание и образность. При переводе требуется лингвокультурологический комментарий.

5. Некоторые масти лошадей имеют у якутов особый религиозный характер. Белая лошадь является священным животным. Красно-пегая лошадь предназначалась шаманами в качестве жертвы злым духам. При переводе требуется лингвокультурологический комментарий.

6. Якутский язык при номинации придает большое значение не только основной масти лошади, но и расположению пятен по телу, деталям окраса, оттенкам. При номинации подмастей в якутском языке большое значение имеют также детальные различия лошадей.

7. При переводе на русский язык масти лошади теряется акцент на детали, а при переводе на французский теряется четкость образа лошади, характерная для якутской номинации подмастей.

8. При переводе с якутского слов, обозначающих масти сакрального характера, следует представлять лингвокультурологический комментарий *(«кыһыл чуогур»* – лошадь с красными пятнами, «*манан сылгы»* – чисто белая лошадь с белыми ноздрями, гривой, хвостом, прозрачными копытами).

9. Имеется расхождение в описании подмастей с учетом характерных черт, таких как цвет гривы, корпуса, хвоста. В якутском языке при номинации большое значение имеет детальное описание ноздрей, копыт, внутренней стороны ушей. Так, например, при желтой окраске внутренней стороны ушей, ноздрей различают две подмасти: *«уут кэрэ», «аас манан»* («прекрасный, как молоко, или желтовато-белый»).

10. Во французском и русском языках при выделении подмасти не выделяются такие мелкие различия, как цвет ушей, ноздрей, и при переводе с якутского допускается неточность.

Литература

1. Красников А.С. Экстерьер лошади. – М.: Гос. изд-во сельскохоз. лит., 1957.

Борисова Изабелла Захаровна, доцент кафедры французской филологии Института зарубежной филологии и регионоведения Северо-Восточного федерального университета, кандидат педагогических наук.
Тел.: +7-9142255596; (4112)365998. E-mail: Isborissova05@rambler.ru

Borisova Isabella Zakharovna, associate professor, department of French philology, Institute of Foreign Philology and Regional Studies, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, candidate of pedagogical sciences.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-3

© *М.Н. Жорникова, Т.Е. Санжиева*

Особенности портретного изображения простолюдина в русской романтической повести

Рассматриваются основные особенности жестового стиля и статического портрета доброго молодца и красной девицы как основных типов романтических героев простонародной повести, в романтическом портретном описании которых появляются фольклорные формулировки и социально маркированные жесты.

Ключевые слова: русская романтическая повесть, романтический герой, портрет персонажа, жестовый портрет.

M.N. Zhornikova, T.E. Sanzhieva

Peculiarities of plebe portrait in the Russian romantic novel

In the paper the basic peculiarities of a gesture style and a static portrait of a fine fellow and a beautiful maiden as main types of romantic heroes of common people novel are considered, in their portrait description folklore formulations and socially marked gestures are traced.

Keywords: the Russian romantic novel, romantic hero, portrait of character, gesture portrait.

В эпоху активного формирования портрета в русской литературе XIX в. в русской романтической повести 1830-х гг. были явлены все общественные типы от благородного сословия до простолюдинов, что было обусловлено интересом романтиков к изображению внутреннего мира героя в его неразрывной связи с социальным типом. В трактовке образа человека из народа, стремлении придать ему черты высокого идеала нетрудно узнать традиционный романтический тип естественного человека. Однако этот герой более конкретен, очерчен социально.

По принципу создания образа героя все простонародные повести условно можно разделить на две группы. В повестях первой группы разрабатывался смешанный способ изображения простого человека с преобладанием приемов романтического портрета (например, портреты красной девицы и доброго молодца в повестях М.С. Жуковой «Инок», «Немая или записки отшельника», которые выдержаны в романтическом стиле). Это в целом естественные герои, только сменившие костюм.

Вторая группа простонародных повестей более перспективная. В.А. Гофман определяет их как отвечающие духу времени, с полубытовой, полусказочной сюжетикой и этнографическим «налетом», с установкой на разговорно-речевые элементы стиля [Гофман, с. 242]. Эту линию разрабатывали М.П. Погодин, Н.А. Полевой, О.М. Сомов и др. В портрете героев такой русской романтической повести сказывается влияние фольклора, например, в статическом портрете присутствуют те же признаки положительно оцениваемой внешности главного героя, что и в произведениях устного народного творчества.

Второй особенностью статического портрета героя можно считать отражение типичного для фольклорных произведений художественного мышления, когда внешность художественного персонажа и его внутренний мир воспринимаются нерасчлененно, как единое целое. Простонародная повесть еще не знает «ложной формулы персонажа», ей не свойственно противопоставление внешней красоты и внутреннего уродства, и наоборот.

Для доброго молодца, основного типа, такими признаками будут физическая сила, статность и высокий рост, белое лицо, румянец, кудри, красная рубаха и шляпа. Красна девица – обязательно полная, высокая, с косой, обязательно в красном сарафане (в белой сорочке – героиня малороссийской повести). Авторами повестей заимствуются из фольклора основные детали портрета идеальных героев, в которых используются устойчивые эпитеты и клишированные сравнения, связанные с образами живой природы.

Преобладающий в простонародной повести способ портретирования (смешанный или фольклоризованный) оказал влияние и на жестовый стиль героя.

Первую особенность динамического портрета героя простонародной повести отметила В.В. Башкеева, рассматривая жест в прозе А.С. Пушкина: байронический жест угрюмости, меланхолический вздох, сентиментальная чувствительность – все это распространяется на новые круги героев [Башкеева, с. 224]. При смешанном способе портретирования в жестовом портрете персонажей из народа наблюдается сочетание жестов, свойственных герою дворянской повести (преимущественно слеза и жесты страстей), с

преобладающими нейтральными жестами, т.к. они даны с точки зрения культурного рассказчика.

Наряду с сочетанием светского и нейтрального жеста особенностью смешанного жестового стиля будет отсутствие стилистической вариативности жеста: не используются разговорные и фольклорные формулировки, устойчивые языковые обороты в описании жеста, а вводимые фольклорные сравнения декодируются и распространяются: *алея от радости, как утренняя заря* («Инок» М.С. Жуковой).

При сохранении общих особенностей жеста в романтической повести (преувеличение внешнего выражения эмоций, однообразие способов выражения эмоции в сочетании с вариативностью формулировки, декодированность жеста), необходимо отметить только общее стремление авторов «фольклоризированных» повестей выразить сильное чувство героя через социально маркированный жест-действие или с помощью сниженной, фольклорной формулировки жеста. В обоих случаях жесты и без авторской ремарки сами по себе характеризуют социальную принадлежность говорящего.

Создавая динамический портрет доброго молодца, авторы стремились отразить сложившийся в произведениях устного народного творчества образ молодого человека, которому присущи смелость, решительность, удаль, широта души, доброта, искренность и страстность [Богуславский, с. 117].

Жестовый портрет доброго молодца включает все группы жестов. Герой наделен даже жизнью сердца, о чем свидетельствует внутренний жест, зафиксированный героем или отмеченный автором [Словарь языка русских жестов, с. 184]: *сердце хотело из-под ребер выпрыгнуть от радости* («Рассказы русского солдата» Н.А. Полевого); *его сердце надрывалось от горести* («Кум Иван» Е. Аладьина); *сердце в куски разрывалось* («Нищий» М. Погодина); *сердце судорожно сжималось под гнетом тоски* («Три смерти» Н. Х-ского); *сердце замерло от радости* («Кум Петрович» Н. Кунацкого). Кроме А.А. Бестужева-Марлинского, фольклорную формулировку внутреннего жеста *ретивое вспыхнуло* используют для характеристики своих героев М.П. Погодин и А.П. Кузьмич

Интересно, что мимические и интонационные жесты вне авторских пояснений не указывают на народное происхождение героя. В этом смысле их можно назвать нейтральными, поскольку они в равной мере могут быть использованы романтиками и в жестовом портрете крестьянина, и в жестовой характеристике дворянина.

Мимические жесты, характеризующие тип доброго молодца, связаны главным образом со слезой: *слезы пролились градом из глаз* («Нищий» М. Погодина); *слезы полились градом* («Мешок с золотом» Н.А. Полевого); *жгучая слеза покатилась по щеке* («Монастырская гора» А.П. Кузьмича); *вместе с улыбкой блистала горячая слеза* («Нищий» А. Х-го) и др. Отдельно следует сказать о мимических жестах в повести А.А. Бестужева-Марлинского «Мореход Никитин». Только здесь автор использует метафорически измененные устойчивые формулировки: *слезы брызнули в три ручья; просунул ответ сквозь зубы*.

Весьма примечательно, что большинство авторов не показывает изменения лица героя, мало зависящие от его воли. Так, смена красок на лице наличествует только в повести Н.А. Полевого «Мешок с золотом» (*краснел, бледнел*), в «Монастырской горе» А.П. Кузьмича (*побледнел*).

Интонации доброго молодца контрастны, но преобладают все же интенсивные: *вскричал* (все повести) / *воскликнул с радостным воплем* («Мешок с золотом»), *заревел* («Монастырская гора»), *говорил во весь голос* («Божьи дети» Г. Квитко-Основьяненко), *вскликнул* («Кум Иван») и др. Большинство интонационных характеристик нейтрально, но многие писатели для указания на происхождение героя используют фольклорную формулировку жеста *молвил/промолвил* (М.П. Погодин, А.А. Бестужев-Марлинский, Н.А. Полевой, О.М. Сомов, Н Кунацкий и др.).

Самая многочисленная группа – собственно жесты и позы, характеризующие доброго молодца с участием рук, головы, всего корпуса: здесь наряду с жестами, которые не выдают происхождения героя, часты жесты-идентификаторы.

В группе собственно жестов типичным может считаться объятие как выражение благодарности (эквивалент светскому жесту пожатия рук) и как проявление любви, более свободное в среде простолюдинов. При этом формулировка жеста варьируется: *бросился на шею, прижал к груди/к сердцу, обвив рукою стан, крепко обнял.*

Как типичный для доброго молодца, не свойственный другим типам героев, можно рассматривать жест *тряхнуть/потрясти/потряхивать кудрями/головой*. Из контекста и качественной характеристики этот жест можно толковать двояким способом: и как жест охорашивания, выражение самодовольства, и как жест упрямства («Три смерти», «Кум Петрович», «Инок» и др.).

На происхождение героя указывают религиозно обусловленные действия, примыкающие к жестам-действиям, поскольку они также выражают изменения «внутреннего человека». Наи-

более часто встречается жест поклона, не свойственный герою-дворянину (в значениях религиозного действия и как знак уважения), и его варианты (*упасть/повалиться в ноги, упал на колени, бросился к ногам*). «Словарь языка русских жестов» называет поклон жестом социальным и, отмечая показательную сочетаемость с прилагательными (и наречиями признака) *низкий, глубокий, уважительный, вежливый, почтительный,* говорит о том, что в русской культуре это ныне выходящий из употребления знак вежливости и уважения [Словарь языка русских жестов, с. 198]. В этом значении поклон дан только в повести Н.А. Полевого «Мешок с золотом». Почтенный хозяин, лишившийся состояния после пожара, приходит за помощью к богатому соседу, с которым приятельствовал. Приятель показывает образовавшееся между ними неравенство, и тогда почтенный хозяин *схватил шапку, поклонился и ушел.* Здесь поклон носит нарочитый характер, подчеркивая внезапность смены отношений между двумя равными людьми.

Роль социальной идентификации, помимо поклона, закреплена за жестом-действием, связывающим героя с маркированными реалиями вещного мира, например: *пригладил голову квасом* (желание выглядеть привлекательно), *сполз с полатей* (страх), *схватил дробовик* (ситуация отчаяния) и наиболее распространенный сквозной жест, связанный с руками: *отер утер слезы/пот,* часто конкретизированный: *рукавом/полою кафтана* (все повести). В подобных примерах наблюдается психологическое окрашивание ситуативного действия, т.е. действие становится жестом.

Особенность изображения народного героя заключается в использовании авторами, сторонниками фольклоризированного способа портретирования, устойчивых языковых оборотов в описании жестов и поз: *задрожал как осиновый лист* («Мешок с золотом»); *стоял как вкопанный* («Кум Иван»); почесал буйну голову (О.М. Сомов «Оборотень»), *повесил нос* («Кум Петрович», «Рассказы русского солдата») и др. В некоторых повестях встречается разговорная формулировка жеста: *доплелся* («Мешок с золотом»); *хватит по лбу* («Кум Петрович»); *выпихнул* («Божьи дети») и др.

Красная девица, героиня простонародной повести, подобно естественной героине в светской повести, являла собой идеал поведения, неотъемлемыми чертами которого были покорность, скромность, стыдливость. Мимическим выразителем скромности в жестовом стиле красной девицы стал коммуникативный жест ухода *опустить/потупить глаза/очи/ресницы вниз/долу,* который встречается во всех повестях.

Краска на лице, не как природный признак, а как изменение внутреннего человека также подчеркивает стыдливость. Здесь встречаются полярные варианты: от жеста, свойственного естественной героине светской повести, до фольклорной формулировки жеста: *розы стыдливости обвили щеки* («Три смерти»), *покраснела/закраснелась* (преобладающий вариант), *ланиты зарделись* («Чернокнижник» А. Тимофеева), *заалелась как маков цвет* («Городское кладбище» А. Глебова), *вспыхнула жарче полымя* («Кум Иван») и пр.

В описаниях слезы красной девицы явно сказывается влияние светской повести. Здесь, в сравнении с нейтральных вариантами *залилась слезами/заплакала*, явно преобладают заимствованные из романтического портрета естественной героини формулировки: *в глазах засветлели слезы* («Городское кладбище»), *на глазах сверкали алмазные слезки* («Три смерти»), *слезы градом хлынули по ланитам* («Чернокнижник») и др.

Для жестового стиля красной девицы типичны молчание и жесты, характеризующие дыхание, что связано с представлениями о скромности, когда девице прилично было молчать и выражать чувства вздохами. Интонации красной девицы в большинстве повестей неконтрастны. Преобладают такие качественные характеристики интонационных жестов, как *тихо/тихонько, робко, едва слышно, кротко, ласково*. Наличие в жестовом стиле жеста *кричать/вскричать*, не отвечающего представлениям о скромности красной девицы, скорее всего, обусловлено влиянием жестового стиля естественной героини. Жест пожатия руки и единично встречаемый обморок в «смешанных» повестях заимствованы авторами, по всей вероятности, оттуда же.

Среди собственно жестов, в отличие от заимствованного пожатия руки, жесты *закрыть лицо руками/платком/рукавом/передником* и *отереть слезы рукавом* включены в жестовый стиль красной девицы авторами всех повестей и могут считаться социально идентифицирующими жестами, во-первых, потому что принадлежат только данному типу, а во-вторых, из-за преимущественного использования маркированных костюмных реалий в формулировке жеста (платок, передник, рукав).

Необходимо отметить, что помимо формулировок жеста *закрыть лицо* и *отереть слезы* в целом для жестового стиля красной девицы (в отличие от жестового стиля доброго молодца) не свойственны жесты, связанные с маркированными реалиями внешнего мира.

Распространенные собственно жесты, помимо движений рук, связаны с изменением положения корпуса (поклоны). Здесь поклон имеет то же

значение, что и в жестовом стиле доброго молодца: это отражение социального поведения, выражение подчинения и почтения. Движения красной девицы поспешны, порывисты. Для характеристики перемещения героини в пространстве используются глаголы *кинулась/бросилась, пала на шею*, используемые как вариант объятий и как выражение благодарности. Те же глаголы в сочетании с другими существительными (*в ноги*, *к стопам*) характеризуют ситуацию мольбы.

Религиозно обусловленных действий мало: преимущественно авторы ограничиваются формулировкой *горячо молилась*. Наиболее распространенные визуальные характеристики, которые свойственны жестовому стилю красной девицы, также отражают идеал скромности: *застыдилась, смутилась, обомлела*.

Литература

1. Гофман В.А. Фольклорный сказ В. Даля // Русский романтизм / под ред. А.И. Белецкого. – Л.: Academia, 1927.
2. Башкеева В.В. От живописного портрета к литературному: русская поэзия и проза конца XVIII – первой трети XIX в. – Улан-Удэ, 1999.
3. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. – М.: Космополис, 1994.
4. Словарь языка русских жестов / С.А. Григорьева, Н.В. Григорьев, Г.Е. Крейдлин. – М.: Языки русской культуры, 2001.

Жорникова Мария Николаевна, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы Бурятского госуниверситета, кандидат филологических наук. Тел.: (3012)445785. E-mail: jornikova@yandex.ru

Zhornikova Mariya Nikolaevna, senior lecturer, department of foreign literature, Buryat State University, candidate of philological sciences.

Санжиева Татьяна Ефремовна, профессор кафедры истории Бурятии Бурятского госуниверситета, доктор исторических наук. Тел.: (3012)461183.

Sanzhieva Tatiana Efremovna, professor, department of Buryat history, Buryat State University, doctor of historical sciences.

УДК 821.161

© ***Т.В. Затеева, Т.Р. Ленхобоева***

Рецепция творчества И.С. Тургенева в «Спасском вестнике» (2004, 2005)

В статье рассматриваются основные тенденции и пути критического восприятия творчества И.С. Тургенева в современном литературоведении на основе материалов научного сборника «Спасский вестник».

Ключевые слова: Тургенев, рецепция, критика, современное литературоведение.

T.V. Zateeva, T.R. Lenkhoboeva

The reception of I.S. Turgenev's literary activity in «Spassky Vestnik» (2004, 2005)

The article considers the main tendencies and ways of critical perception of I.S. Turgenev's literary activity in the modern study of literature on the materials of collections of scientific papers «Spassky Vestnik».

Keywords: Turgenev, reception, criticism, modern study of literature.

В настоящее время многие вопросы в гуманитарных науках рассматриваются в свете межкультурной коммуникации, в частности рецептивной эстетики. В качестве наиболее важного аспекта рецептивных исследований современные литературоведы выделяют восприятие творчества классиков в других культурах и в разных временных периодах. Особую значимость, на наш взгляд, приобретают исследования, демонстрирующие новые подходы отечественного литературоведения к интерпретации творчества писателей. С целью установления характера тенденций, существующих в современном тургеневедении, мы обратились к материалам научных статей «Спасского вестника», вышедших в 2004 и 2005 гг.

Научный альманах «Спасский вестник» выходит в свет с 1992 г. Его редакция находится в Орловской области, с которой жизнь И.С. Тургенева была связана наиболее прочно, а именно – в Государственном мемориальном и природном музее-заповеднике Спасское-Лутовиново. Своим появлением «Спасский вестник» обязан в первую очередь директору Тургеневского музея-заповедника Николаю Ильичу Левину.

По мнению литературоведа Р.Ю. Данилевского, «Спасский вестник» представляет собой ту научную опору, которая может сделаться «главою угла» в современном тургеневедении [Данилевский]. На сегодняшний день это издание является одним из самых притягательных центров, вокруг которого собираются филологи, культурологи, краеведы, посвятившие свои исследования изучению наследия И.С. Тургенева. Альманах является периодическим ежегодником, зеркалом жизни заповедника и отражает актуальные

направления в изучении творчества писателя. Публикации, представленные в «Спасском вестнике», демонстрируют различные образцы восприятия фактов биографии и творчества писателя. Особый интерес представляют сборники, изданные уже в XXI в. и отвечающие потребности литературной науки в создании новых аналитических подходов к творчеству романиста.

Так, главный исследовательский вектор в сборнике «Спасский вестник» за 2004 г. направлен на осмысление фактов, позволяющих с новых позиций осмыслить личность и биографию писателя. Об этом, в частности, свидетельствуют статьи О.Ю. Сафоновой «К истории знакомства И.С. Тургенева с Е.В. Липранди», Л.Н. Новиковой «А.А. Васильчиков – знакомый И.С. Тургенева и претендент на покупку Спасского-Лутовинова» и др.

Тематика статей «Спасского вестника» за 2005 г. позволяет выделить несколько путей рецепции творчества И.С. Тургенева. Первый путь, связанный с формально-содержательным анализом произведений писателя, прослеживается в статьях Т.А. Савоськиной «Внутрилитературный синтез в романе И.С. Тургенева “Рудин”», А.А. Бельской «Полифония заглавия “Дым”», К.В. Лазаревой «Традиции жанра видений в повести И.С. Тургенева “Клара Милич”», Г.И. Орловой «Усадебно-дворянский топос в пьесах И.С. Тургенева и А.Н. Островского». Содержание статей составляют наблюдения авторов за такими формальными компонентами произведений писателя, как жанровые особенности и пространственно-временные элементы, завершающиеся интересными выводами. Так, в статье «Усадебно-дворянский топос в пьесах И.С. Тургенева и А.Н. Островского» Г.И. Орлова делает, на наш взгляд, оправданное заключение о глубинной связи усадьбы и человека. Автор детально рассматривает особенности дворянского уклада жизни, такие как усадебная природа, усадебная атмосфера, внутренний мир усадебного человека. Подобное внимание к феномену русской усадьбы, по нашему мнению, свидетельствует о возрастающем в последнее время внимании к проблеме национальной идентичности, стремлении осмыслить национальное своеобразие русской культуры.

Второй путь, связанный с изучением методологии интерпретации художественного творчества писателя, нашел отражение в публикациях Г.Б. Курляндской «Концепция любви в творчестве И.С. Тургенева», М.В. Костромичевой «Мифологический контекст в рассказе И.С. Тургенева “Живые мощи”», Е.М. Конышева «О возможности многозначного толкования взглядов Базарова». Отметим также сосредоточенность ряда авторов сборника на изучении особенностей художественной рецепции Тургеневым элементов творчества других писателей, рефлексии над различными интертекстуальными отсылками. Тематика этих работ в современной науке представляется важной в связи с актуализацией вопроса о диалоге культур. Исследовательские стратегии такого характера представлены в статьях Т.А. Савоськиной «Поэма И.С. Тургенева “Стено”»: от Байрона к Шекспиру», М.А. Дзюбенко «Гете–Тургенев–Островский (Из истории рецепции и трансформации сюжета о Фаусте в русской литературе)». Наконец, отдельная часть публикаций сборника посвящена компаративистским исследованиям, авторы которых акцентируют свое внимание на типологических связях творчества И.С. Тургенева с другими русскими писателями. Это статьи Р.Ю. Данилевского «Два таланта. И.С. Тургенев и А.К. Толстой (отношения личные и творческие)», Н.С. Никитиной «Тургенев и Гончаров (“Обломов” и “Накануне”: Необыкновенная история или обыкновенная полемика)», «Три долі» Марко Вовчок и «Дворянское гнездо» И.С. Тургенева.

Обратимся к анализу отдельных исследовательских работ. Статья Т.А. Савоськиной «Внутрилитературный синтез в романе И.С. Тургенева “Рудин”», написанная в русле тематики первого направления в современном тургеневедении, вносит существенные коррективы в изучение генезиса тургеневского романа, его жанровой специфики и типологии.

Общепризнано, что прозаические жанры в творческой лаборатории Тургенева окончательно складываются в начале 1850-х гг.: это повесть и роман. Интерес к ним у писателя будет устойчивым на протяжении нескольких десятилетий. Разграничение жанровых понятий «повести» и «романа» самим писателем – проблема во многом сложная в силу нечеткости представлений о различиях этих жанров в эпоху становления русской прозы. Тургеневед А.И. Батюто, в частности, писал о «сбивчивой жанровой терминологии у Тургенева», которая, по мнению исследователя, была «обусловлена не жанровой неопределенностью его романа, а целым рядом других немаловажных, но все-таки побочных обстоятельств: его частыми, но преходящими сомнениями в возможностях романиста, суровыми суждениями критики и читателей и т.п.» [Батюто, 1972, с. 177]. Известно, что первый опыт Тургенева оказался неудачным: роман «Два поколения» не был закончен и был навсегда отложен в сторону ввиду неблагоприятных отзывов друзей и личной неудовлетворенности автора [Батюто,

1972, с. 244].

В работе А.И. Батюто представлена история колебаний писателя в определении жанра своих романов и повестей, которые были свойственны Тургеневу на протяжении 1850-1870-х гг. Даже работа над последним романом «Новь» сопровождалась сомнениями автора в его жанровой дефиниции. Тургенев иногда называет свое произведение «повестью». И только в предисловии к изданию 1880 г. все шесть романов твердо и безоговорочно определены Тургеневым как романы.

В связи со сложной идентификацией жанра романа в тургеневедении были актуализированы вопросы о его генезисе в творчестве писателя. Идея о закономерном созревании тургеневского романа в жанре повести высказывалась еще первыми исследователями творчества писателя – И.И. Ивановым, А.Е. Грузинским, М.К. Клеманом, А.Г. Цейтлиным. Однако современное литературоведение приходит к выводу о том, что абсолютизация одного эпического источника романа не дает оснований для вывода об особенностях длительного и сложного пути формирования данного жанра в творчестве писателя и его синтетической природы. Ведь до создания романа писатель работал во всех родах литературы: лирике, драматургии, эпосе [Савоськина].

Так, Г.А. Бялый в своей монографии «Тургенев и русский реализм» писал, что «работа Тургенева над пьесами в конце 40-х гг. помогла ему подойти к роману не в меньшей степени, чем его повести и рассказы» [Бялый, с. 62]. Похожей точки зрения придерживался С.М. Петров в исследовании «И.С. Тургенев: жизнь и творчество»: «…влияние на первый роман Тургенева его драматургического опыта сказалось в таких особенностях “Рудина”, как быстрое развитие центрального действия романа, «сценичность» некоторых его эпизодов» [Петров, с. 110]. А.И. Батюто высказал мысль о том, что «на роман Тургенева в его становлении и развитии активно “работали” все литературные формы, в которые облекалась его художественная мысль (очерк, повесть, драма, критическая статья)» [Батюто, 1972, с. 240].

Однако, несмотря на приведенные цитаты, до недавнего времени не было проведено комплексного исследования, посвященного проблеме становления жанра романа в творчестве И.С. Тургенева. Поэтому принципиальная новизна работы Т.А. Савоськиной заключается в системном подходе к выявлению генезиса тургеневского романа, поэтапном анализе лирического и драматургического опыта писателя на повествовательном, образно-характерологическом и сюжетно-композиционном уровнях первого романа писателя «Рудин».

Так**,** на повествовательном уровне романа Савоськина отмечает влияние лирического опыта романиста: «Лиризация романного повествования осуществляется благодаря авторскому “Я”, через самосознание и субъективное восприятие которого пропущен весь романный материал. Здесь начинает действовать принцип лирической поэзии: сфера изображения охватывает только те моменты действительности, которые имеют определённое значение для писателя и его персонажей. В результате между автором и главным персонажем устанавливается сугубо лирическая связь, обусловленная сходством черт психологии, общностью жизненных установок, единством мироощущения» [Савоськина]. При анализе повествовательного уровня романа исследователь также учитывает драматический опыт И.С. Тургенева, отражение которого можно проследить в диалогах между главными героями. Взаимодействуя друг с другом, диалоги развертываются в конечном счете в систему точек зрения о главном персонаже, порождая повествовательное многоголосие, которое М.М. Бахтин называл одним из художественных признаков романа [Бахтин, с. 454]. Благодаря эмоционально-смысловым связям не согласующихся между собой высказываний действующих лиц и самого автора-повествователя о главном персонаже, образ Рудина в сознании читателя возникает как удивительное и странное явление русской жизни, не поддающееся рационально-аналитическим интерпретациям. В силу повышенной диалогичности повествование в романе начинает тяготеть к сценическому воплощению эпического материала: отдельные фрагменты представляют собой сцены-действия и сцены-эпизоды, вырастающие из повествования, окруженные повествованием или с вкраплениями повествования.

Анализируя образно-характерологический уровень произведения, Т.А. Савоськина отмечает, что связь с лирической поэзией проявилась у Тургенева-прозаика прежде всего в изображении характеров персонажей. Многообразие душевной жизни своих героев романист передавал через язык «души и сердца» – музыкальные и пейзажные образы, способствующие созданию особой лирико-романтической атмосферы в эпическом произведении. Одновременно субъективный мир Рудина в романе представлен и как напряженный конфликт, в результате чего лирическое начало образа драматизируется. Работа Тургенева в драматургии, по мнению исследователя, содействовала более глубокому, чем в лирике, художественному осмыслению образа дворянского интеллигента, обогащала словесно-художественные

средства его изображения.

Сюжетно-композиционный уровень романа «Рудин» Т.А. Савоськина связывает с его сосредоточенностью вокруг фигуры главного героя, что приводит к созданию моноцентрической композиции произведения. По ее мнению, названная особенность тургеневского романа сближает его с лирическим стихотворением. А вот любовная коллизия романа развивается, как полагает исследователь, с опорой на драматургический способ «внутреннего действия» [Савоськина].

Таким образом, справедливым представляется утверждение Т.А. Савоськиной о том, что «тургеневский роман возник не в результате превращения этюда или психологической повести в роман. Он прошел три стадии формирования: первая была связана с лирическим опытом писателя; вторая – с драматургическим и третья – с работой в «малых» жанрах эпоса» [Савоськина]. То есть лирическое и драматургическое начала, при ведущей роли первого**,** явились в романе предпосылкой и опорой эпоса.

Второе направление тематики анализируемого сборника представлено в статье Г.Б. Курляндской «Концепция любви в творчестве И.С. Тургенева». В ней автор, продолжая многолетние наблюдения над проблемой амбивалентности в произведениях писателя (речь идет прежде всего о монографии Г.Б. Курляндской «Тургенев и русская литература» [Курляндская, 1980], где тема любви в его творчестве была убедительно раскрыта на значительном корпусе его произведений), актуализирует ее значимость: «Проблема соотнесённости эстетического и нравственного в переживаниях человека, а также естественного, то есть природного влечения к счастью и благополучию и нравственного запрета – центральная в творчестве И.С. Тургенева» [Курляндская]. По мнению исследователя, эстетическое начало в героях писателя включает в себя такие необходимые составляющие, как приобщение к мировой вселенской гармонии, чуткость к той красоте, которая обнаруживает себя в природе и доступна человеку благодаря богатству его внутреннего мира. Как правило, оно проявляется в любовном чувстве – либо в первой любви, обогащенной музыкой всемирной гармонии, либо в роковой страсти, превращающей человека в раба, всецело отдавшегося во власть первородного Хаоса. Нравственное начало в героях Тургенева, напротив, как полагает Г.Б. Курляндская, связано с призывом к отречению, к суровому преодолению того чувственного счастья, которое противоречит религиозному смыслу жизни. В итоге, по мнению исследователя, эстетическое и нравственное начала в известных обстоятельствах могут являться взаимоисключающими и потому имеющими различное лирическое звучание: «Эстетическое переживание сопровождается чувством глубокой удовлетворённости, созерцательного постижения Красоты. Отречение выступает как выражение нравственного сознания человека, связанного с обращением к истине» [Курляндская].

Убедительным примером такого взаимоисключения эстетического и нравственного начал исследователь называет роман «Дворянское гнездо», в котором идеальная любовь главных героев Лизы Калитиной и Лаврецкого вступает в противоречие с требованиями нравственного закона. Лиза обращается к идее нравственного долга, т.е. отрекается от личного чувства, которое представляется ей «преступным»: «…нельзя разлучать то, что Бог соединил» [Тургенев, с. 72].

Нам представляется, что отказ от личного счастья и примирение перед судьбой, а самое главное – уход героини в монастырь не только для искупления собственного греха – любви к женатому человеку, а искупления грехов человеческих, свидетельствует о великом самопожертвовании Лизы Калитиной. Ее нравственность выше желания быть счастливой. Об этом в своей монографии «Человек в романах И.С. Тургенева» писал также В.М. Маркович: «Жизненная цель героев… состоит в стремлении к идеалу. Это высокий, всеобъемлющий идеал нравственности, общественной справедливости и человеческого совершенства». При этом в роковом решении героини тургеневед усматривает проявление безоговорочного величия: «Жизнь лишила ее возможности счастья, но уход из “мира” обеспечивает ей несокрушимое достоинство» [Маркович].

Г.Б. Курляндская отмечает, что, с одной стороны, в произведениях Тургенева «единство естественного и нравственного – необходимое условие гармонического душевного состояния» [Курляндская]; с другой – почти во всех произведениях писателя тема возвышенной любви завершается трагически, о чем свидетельствуют финалы романов «Рудин», «Дворянское гнездо», повести «Вешние воды». Объяснение этому факту она обнаруживает в философии романтического созерцания, которую исповедовали русские идеалисты 1830-1840-х гг. во главе с Н. Станкевичем, чьи взгляды разделял И.С. Тургенев. Так, определяя главную причину несбыточности преданной и возвышенной любви, Г.Б. Курляндская замечает: «Именно романтическая любовь, по мысли Станкевича, должна соединить в себе в высшем синтезе эти противоположные начала – физически натуральное и духовное. В противном случае любовь становится

животным чувством. Требовалось, чтобы любовь, оставаясь единственным влечением, была и средством единения человека с духом, пронизывающим мир. Разумеется, такая любовь была лишь неосуществимой мечтой» [Курляндская]. Поэтому во многих произведениях Тургенева это высокое чувство остается для героев несбыточным.

На наш взгляд, новизна исследовательской стратегии Г.Б. Курляндской, предложенной в ее новой статье, заключается в акцентировании подхода И.С. Тургенева к решению проблемы противопоставления эстетического и нравственного начал в теме любви на уровне философских обобщений, с позиций бытийной компоненты как доминантной черты творчества писателя: «Питаясь ощущением единства бытия, неразрывности всех сфер его – материальных и сверхчувственных, – русские писатели в преходящем умели найти символ иного, идеального, безусловного содержания. За планом конкретно-историческим в их произведениях выступает универсальный метафизический. Русская литература всегда отличалась актуальностью изображения социальной действительности как включенной в диалектический процесс всеобщей вселенской жизни. Своим мировым значением она обязана религиозно-философским, этико-эстетическим пафосам» [Курляндская].

Среди работ, образующих третье тематическое направление «Спасского сборника», наиболее значимой, на наш взгляд, является статья Е.В. Тюховой «Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи».

Признавая Чехова мастером в сфере драматургии и короткого рассказа, а Тургенева – в сфере романа и повести, исследователи полагают, что жанровые отличия отнюдь не маскируют «родства душ» названных писателей, гармонической (в целом ряде случаев) контактности их художественного миросозерцания [Батюто, 2004, с. 853]. Однако до определенного времени в литературоведении бытовало мнение о преемственности традиций реализма И.С. Тургенева и А.П. Чехова. Современная же наука сосредоточена на иных типах соотношений фактов творчества и поэтики писателей. Е.В. Тюхова намечает новые подходы к изучению процесса преображения «тургеневского» начала в оригинально чеховское [Тюхова]. По наблюдению исследователя, тургеневское начало обнаруживает себя на протяжении всего творчества А.П. Чехова: с первых рассказов «Каникулярные работы институтки Наденьки N» (1880), «Цветы запоздалые» (1882), «В ландо» (1883) до последних его произведений – «Невеста», «Вишневый сад». Однако проявляется оно у Чехова по-разному. Так, в произведениях первой половины 1880-х гг. имя И.С. Тургенева и его герои упоминались А.П. Чеховым преимущественно с целью сатирической характеристики персонажей, которым не доступен тургеневский мир поэзии и красоты.

Еще А.И. Батюто писал, что чеховская пародия на Тургенева не достигла своего апогея, поскольку Чехов все с большей симпатией относился к Тургеневу как к писателю с родственным миросозерцанием [Батюто, 2004, с. 859]. Доказательством этому являются рассказы Чехова второй половины 1880-х гг., для которых характерно уже осознанное усвоение писателем тургеневских традиций, прежде всего в изображении народного характера. По мнению Е.В. Тюховой, цикл рассказов А.П. Чехова о «вольных людях» из народа – «Егерь» (1885), «Художество» (1886), «Агафья» (1886), «День за городом» (1886), «Свирель» (1887), «Рано!» (1887), а также более ранний рассказ «Он понял!» (1883) – исследователи неслучайно называют «чеховскими “Записками охотника”, возникшими не без тургеневского влияния» [Тюхова]. Это подтверждает ранее высказанную мысль А.И. Батюто о том, что «если бы не Тургенев, Чехов мог бы и не заметить этих фактов, не придать им в своем письме по существу тургеневского звучания» [Батюто, 2004, с. 851].

Следующим шагом в изучении преемственных связей в творчестве И.С. Тургенева являются размышления Е.В. Тюховой о судьбе типа «тургеневской девушки» в творчестве А.П. Чехова. Она не без основания полагает, что его черты обнаруживаются в таких героинях, как Женя («Дом с мезонином»), Надя Шумина («Невеста»), Аня («Вишневый сад») и др. Образ Нади, по ее мнению, это своеобразный парафраз героини романа «Накануне» Елены Стаховой. При этом, как полагает автор, чеховская героиня, по сравнению с тургеневской, обнаруживает большую самостоятельность и решительность: она порывает с чуждой ей средой, не рассчитывая на поддержку со стороны любимого человека [Тюхова].

Иной тип женщины – и тоже тургеневский – представлен в рассказе «Ариадна» (1895). Это, по словам Е.В. Тюховой, «роковая» женщина, женщина-хищница, лицемерная и честолюбивая, сумевшая внушить герою непреодолимую страсть, которая превратила его в безвольного раба. Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ образов Ариадны и Марии Николаевны Полозовой («Вешние воды») позволил Е.В. Тюховой сделать вывод о том, что А.П. Чехов в своем творчестве сознательно депоэтизировал этот литературный тип. В «роковой» героине Турге-

нева репрезентированы основные черты типа демонической женщины: незаурядность, наличие харизмы, что позволяет говорить о проявлении в ее облике в той или иной степени самобытности. Героиня Чехова, напротив, лишена черт подлинного «демонизма». По мнению Е.В. Тюховой, у тургеневской и чеховской героинь есть только две общие черты – это «хищническое начало и актерство». Однако это не позволяет говорить о преемственности идейно-эстетической позиции писателей. В данном случае автор статьи полагает возможным говорить не столько о преемственной, сколько о типологической общности образов Ариадны и Полозовой, представляющих собой две разные стадии в разработке типа «роковой» женщины [Тюхова].

Сложнее в статье решается вопрос о характере связей писателей в области психологизма. По мнению Е.В. Тюховой, преемственные связи между Тургеневым и Чеховым несомненны. В то же время исследователь говорит о Чехове как создателе новой оригинальной психологической манеры, явившейся удачным выходом из назревавшего в конце XIX в. кризиса аналитического, объясняющего психологизма. Как полагает Е.В. Тюхова, достижения Тургенева-психолога только инспирировали создание Чеховым совершенно оригинальной манеры психологического письма, которую называют «психологизмом подтекста», «скрытым» психологизмом, не находя исчерпывающего определения. Такое сюжетно-психологическое сходство в произведениях двух классиков выделяли и другие исследователи творчества Тургенева. Так, А.И. Батюто подчеркивал, что в «Доме с мезонином» есть строки, напоминающие о «Дворянском гнезде». Это отрывок, в котором рассказывается о недолгом счастье художника после любовного объяснения с Мисюсь, его счастливом скитании по ночному саду, благоговейном поглядывании на окно возлюбленной, в котором зажигается и меркнет свет [Батюто, 2004, с. 866].

Таким образом, генетическая связь двух писателей, по мнению Е.В. Тюховой, несомненно, существует, но имея в виду ту кардинальную трансформацию, которой подверглись тургеневские традиции в творчестве Чехова, о них можно говорить весьма условно как об исходной точке новаторства последнего. Следовательно, заключает автор статьи, речь может идти не столько о преемственности связей, сколько о типологии.

Итак, подведем некоторые итоги. Очевидно, что современное литературоведение не ограничивается исследованием только одной проблемы, связанной с изучением творчества И.С. Тургенева. Напротив, оно, как показывает проведенный анализ, демонстрирует многоаспектность и многомерность, указывает на новые горизонты в осмыслении творческого наследия великого русского писателя, исходя из стратегий современной филологической науки.

Литература

1. Батюто А.И. Тургенев и русская литература: от Чернышевского до Чехова // Избранные труды. – СПб.: Нестор-История, 2004.
2. Батюто А.И. Тургенев-романист. – М.: Наука, 1972.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975.
4. Бялый Г.А. Тургенев и русский реализм. – М.;Л.: Советский писатель, 1962.
5. Данилевский Р.Ю. Тургеневедение на родине писателя [Электронный ресурс]. – URL: http://portalus.ru
6. Егоров О.Е., Савоськина Т.А., Халфина Н.Н. Романы И.С. Тургенева: проблемы культуры. – М.: Прометей, 2001.
7. Курляндская Г.Б. Концепция любви в творчестве И.С. Тургенева [Электронный ресурс]. – URL: http://www.turgenev.org;
8. Курляндская Г. Б. Тургенев и русская литература. – М.: Просвещение, 1980.
9. Маркович В.М. Человек в романах И.С. Тургенева [Электронный ресурс]. – URL: http://www.Lit.phil.ru/article.php/id=21
10. Петров С.М. И.С. Тургенев: жизнь и творчество. – М.: Просвещение, 1968.
11. Савоськина Т.А. Внутрилитературный синтез в романе И.С. Тургенева «Рудин» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.turgenev.org
12. Спасский вестник. – 2004. – № 11 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.turgenev.org
13. Спасский вестник. – 2005. – № 12 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.turgenev.org
14. Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Т. 6. – М.: Наука, 1981.
15. Тюхова Е.В. Тургенев и Чехов: преемственные и типологические связи [Электронный ресурс]. – URL: http://www.turgenev.org.

Затеева Татьяна Владимировна, профессор, зав. кафедрой русской литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Тел.: +7-3012426993. E-mail: vlatat1954@yandex.ru

Zateeva Tatyana Vladimirovna, professor, head of the department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

Ленхобоева Татьяна Робертовна, аспирант кафедры русской литературы Бурятского госуниверситета. Тел.: +7-9246533812. E-mail: ltr_1@mail.ru

Lenkhoboeva Tatyana Robertovna, postgraduate student, department of Russian literature, Buryat State University.

УДК 821.161

© ***Т.В. Затеева, Т.Р. Ленхобоева***

Рецепция творчества И.С. Тургенева в английском литературоведении 50-60-х гг. XX в.

В статье рассматриваются основные тенденции в восприятии творчества И.С. Тургенева в английском литературоведении в 1950-1960-е гг., прежде всего в осмыслении романов писателя.

Ключевые слова: рецепция, англоязычное литературоведение, тургеневедение, роман.

T.V.Zateeva, T.R. Lenkhoboeva

The reception of I.S. Turgenev's activity in the English literary studies of 50-60's of the 20th century

The article examines the main trends in the reception of creativity of I.S. Turgenev in English literary studies in 1950-1960's, trends in the reception of the novels of the writer.

Keywords: reception, English-language literary study, Turgenev's creative activity study, novel.

Для английских литературоведов русская классическая литература всегда была объектом пристального внимания. Из всех русских писателей XIX в., пожалуй, самую широкую известность в Великобритании получило творчество И.С. Тургенева. Более того, литературовед А.Р. Ощепков отмечает: «Во второй половине XIX века именно И.С. Тургенев представлял "лицо" русской литературы в Англии. Ни один русский писатель не вызывал столь пристального внимания критики, газет и журналов, не был переводим с такой регулярностью, как Тургенев. Можно утверждать, что серьезное освоение русской литературы Англии началось с Тургенева» [Ощепков].

История приобщения английских читателей к творчеству русского писателя началась рано: уже в середине 1850-х гг. Дж. Майклджон перевел с французского на английский язык первые очерки и рассказы Тургенева из цикла «Записки охотника». Первыми переводчиками Тургенева в Англии в XIX в. также стали У. Ролстон, Ч. Тернер, Э. Дилк и др. Именно Ролстону и Тернеру принадлежат первые переводы произведений писателя с русского языка: Ролстон в 1869 г. опубликовал свой перевод романа «Дворянское гнездо», вышедший под названием «Лиза», а Тернер в 1877 г. напечатал свой перевод романа «Накануне». Однако полностью художественные сочинения И.С. Тургенева так и не были переведены на английский язык в XIX в. Эта заслуга принадлежит известной английской переводчице К. Гарнет (Garnett) (1862-1946), которая внесла особый вклад в приобщение английской читающей публики к сочинениям Тургенева и на рубеже XIX–XX вв. стала признанным автором классических переводов его произведений на английский язык. К. Гарнет перевела все романы писателя, его повести и рассказы, а также несколько пьес и стихотворений в прозе.

Известно, что сам И.С. Тургенев, начиная с 1847 г., неоднократно посещал Англию. Его хорошо знали в английских литературных кругах. Еще в 1857 г. он познакомился с писателями Т. Карлейлем, Б. Дизраэли, Т. Маколеем и У.М. Теккереем, а в 1879 г. в Оксфордском университете был удостоен степени доктора гражданского права, став первым романистом, увенчанным оксфордскими лаврами. Среди королей, дипломатов, богословов, политических деятелей, когда-либо получивших в Оксфорде это высокое звание, поэты встречались изредка: Вордсворт (1839), Теннисон (1855), Лонгфелло (1869). Как полагает А.Р. Ощепков, докторская степень была присуждена русскому писателю, вероятно, потому, что «на исходе XIX века англичане увидели в Тургеневе противоядие, с одной стороны, против слишком натуралистического французского романа, а с другой — против викторианского морализаторства в литературе» [Ощепков].

Действительно, русская литература всегда активно противостояла настроениям пессимизма и неверия, абсолютизации теории «искусства для искусства». Глубоко проникавшие в жизнь, тесно связанные с общественно-политической борьбой, философско-этическими исканиями своего времени, ее создатели повествовали о кардинальных сдвигах в общественной жизни России, говорили о страданиях народа, выражали протест против насилия. В этом были истоки духовного воздействия русской литературы, в том числе романов Тургенева, на представителей английского критического реализма. Так, в своем обзоре «Тургенев в Англии и Америке» (1941) Р. Гетман привел точку зрения своего предшественника, английского писателя и критика А. Куиллера-Куча, который в самом начале XX в., завершая свои размышления о литературе конца 19-го столетия,

выразил удовлетворение тем, что в Англии наконец-то угас интерес к натурализму: «Сказать, что Толстой и Тургенев спасли роман, было бы, по-моему, неверно. Но эти два человека установили, поддерживали и защищали перед всей Европой ту истину, что дело литературы – заниматься вещами духовными, сокровенными, глубокими, но не внешними и поверхностными, читать в сердцах людей, а не заниматься подсчетом их пуговиц» [Гетман, с. 143].

Восприятие творчества И.С. Тургенева на начальном периоде знакомства английских читателей с его произведениями в целом можно охарактеризовать как комплиментарное. В эти годы в свет выходят первые монографии, посвященные его творчеству. Среди них выделим вышедшую в 1882 г. книгу о русской литературе литературного критика и переводчика Ч. Тернера «Современные русские романисты», в которой, наряду с главами о И.А. Гончарове, Ф.М. Достоевском, Л.Н. Толстом, В.Г. Короленко и В.М. Гаршине, был представлен материал, посвященный Тургеневу. По содержанию и основной направленности это был аналитический обзор творчества писателя. Оставив в тени «Записки охотника» и «Стихотворения в прозе», исследователь акцентировал внимание на характеристике всех шести романов Тургенева, которые в своей совокупности, по его мнению, «дают общую картину наиболее критического момента истории современной России» [Тернер, с. 74]. Особую заслугу Тургенева Тернер усмотрел в той величайшей точности, с которой писатель воссоздал в своем творчестве русский характер, свойственную русским людям веру в Бога, их неприязнь ко всякой аффектации, долготерпение перед лицом несправедливости, умение стойко переносить жизненные тяготы (бедность, болезнь) и достойно встречать смерть.

Также важной вехой в изучении творчества И.С. Тургенева в Англии стала монография Э. Гарнета «Тургенев» (1917). Свою задачу автор книги видел прежде всего в раскрытии художественного мастерства Тургенева и установления значения его творчества не только для России, но для всей мировой литературы. Гарнет отметил такие черты тургеневского таланта, как чуткость к современным социальным и политическим течениям, дар изображать героев, представляющих главные действующие силы в обществе и определять их роль в великой национальной драме. Отчасти панегирический взгляд Гарнета на творчество Тургенева во многом развеял бытовавшие в англоязычном литературоведении стереотипы восприятия творчества русского писателя. Так, возражая своим оппонентам, называвшим Тургенева пессимистом, Гарнет заметил: «Философия Тургенева не может быть названа пессимистической, так как его дух непрестанно питают источники понимания, любви и доброты» [Гарнет, с.73]. Заметим, что в 1966 г. исследование Гарнета было переиздано. Это позволяет утверждать, что цель литературоведа – раскрыть читателю подлинный характер творчества русского писателя – была достигнута и не утратила своей актуальности за прошедшие полвека.

Несмотря на значимость первых англоязычных изданий о творчестве писателя, научный интерес к Тургеневу в описываемый период проявлялся спорадически, то вспыхивая, то угасая. Приведем слова литературоведа А.Л. Григорьева: «Несмотря на то, что Тургенев был первым русским классиком, воспринятым в Англии в качестве писателя мирового значения, постепенно интерес к нему идет на убыль. Если английские критики и писатели обычно отдавали предпочтение Тургеневу по сравнению с Толстым и Достоевским, то в дальнейшем соотношение их литературных репутаций изменилось» [Григорьев, с. 78]. В целом можно сказать, что к началу второй половины XX в. И.С. Тургенев оставался признанным классиком русской литературы в Англии, творчество которого по-прежнему привлекало английских литературоведов.

Предложенный экскурс был необходим для изучения вопроса об особенностях восприятия творчества И.С. Тургенева в английском литературоведении во второй половине XX в., когда после окончания Второй мировой войны в западноевропейских странах, в том числе Англии, заметно возрос интерес к русской литературе в целом и отдельным авторам в частности. В первые послевоенные годы в ряде зарубежных университетов появляются отделы славистики, растет число соответствующих специалистов и их трудов. В Англии это время также характеризуется общим оживлением литературоведческих исследований. Из наиболее известных и значимых течений в английском литературоведении активизируется «новая критика», зародившаяся еще в первые десятилетия XX в. В 1950-1960-е гг. ее представители выступают наряду с такими направлениями литературной критики, как мифологическая школа, экзистенциалистская и психоаналитическая критика. По мнению Е.А. Цурганової, задачей автора «новой критики» становится отыскание «способа существования» и структуры произведения, в которую входят пространственная форма, точка зрения и сценическая организация материала [Цурганова, с. 83].

Кроме того, начиная с 1960-х гг., в зарубежном литературоведении возрастает внимание к

возможностям герменевтического подхода, что в свою очередь было связано с обострением интереса к интерпретации содержательной стороны художественного произведения. Одной из первых попыток конкретизации герменевтических принципов явилась рецептивная эстетика, которая дополняет их социально-историческими представлениями. Если в самой герменевтике конкретно-историческая ситуация восприятия произведения и его интерпретации специально не акцентировалась, то рецептивно-эстетические исследования литературы стремятся восстановить именно социальный контекст восприятия произведения, ввести в поле исследования ее читателя [Цурганова, с. 202].

Что касается основных тенденций в восприятии творчества Тургенева английскими литературоведами, то при анализе их работ нами были обнаружены следующие характерные подходы. В первую очередь это исследование собственно текстов писателя с опорой на принципы «новой критики». Следующая тенденция связана с изучением романов Тургенева сквозь призму его личности в аспекте биографического и отчасти психоаналитического подходов. И наконец, третье направление, которое мы считаем необходимым выделить, связано с рецептивной эстетикой, позволившей установить влияние Тургенева на английскую литературу.

Рассмотрим, какие особенности в свете названных направлений приобрело на новом историческом этапе британское тургеневедение, оказавшее влияние на восприятие романистики русского писателя в англоязычной среде. Мы обратились к нескольким репрезентативным, на наш взгляд, монографическим исследованиям английских литературоведов, чьи работы были опубликованы в интересующий нас период, и проанализировали их основные положения.

Так, в свете фрейдистского и отчасти биографического истолкования романное творчество Тургенева было представлено в книге ирландского писателя-новеллиста Ф. О'Коннора «Зеркало на дороге. Исследования о современном романе» (1957), в которой творчество Тургенева рассматривалось в связи с особенностями его личности и обстоятельствами жизни. По мнению исследователя, романистике Тургенева присуще известное противоречие между представлением писателя о самоценности литературы и его практикой создания романов, пропитанных политикой. Объяснение этому обстоятельству О'Коннор усмотрел в том, что воля писателя была подавлена двумя женщинами – властной матерью и французской певицей Полиной Виардо. Так, например, говоря о взаимоотношениях Варвары Петровны и ее сына, английский исследователь отметил: «Тургенев, будучи подавлен деспотичной матерью, всегда по контрасту стремился воплотить в своем творчестве авторитетную фигуру отца, человека с сильной волей» [О'Коннор, с.133]. Далее, анализируя роман «Накануне», О'Коннор акцентировал внимание на трудностях, с которыми столкнулся писатель при попытке привести к соответствию факты объективной действительности с собственными субъективными переживаниями. По мнению исследователя, эта попытка писателя успехом не увенчалась. В частности, воплощение такого несоответствия О'Коннор обнаружил в образе главного героя романа Дмитрия Инсарова, которого романист задумал изобразить человеком действия, лишенным эстетического вкуса к литературе: «Однако, когда Тургенев принялся за свой роман, он счел в равной мере невозможным вывести героя, у которого начисто отсутствует поэтическое чувство, а потому, когда мы впервые знакомимся с Инсаровым, он переводит болгарские песни и предания. Потом, спохватившись, Тургенев пытается замести следы, и кто-то из персонажей говорит, что переводы эти не очень-то хороши» [О'Коннор, с. 135].

Мы полагаем, что избранный литературоведом подход к изучению творчества писателя при всей своей оригинальности имел один существенный недостаток: суждения О'Коннора не были подкреплены изучением культурно-исторического и литературного контекстов, осмыслением философского наполнения произведения, что приводило автора к произвольным интерпретациям и категоричным выводам, которые, к сожалению, обнаруживаются на страницах его работы. Так, в следующем утверждении: «Личный конфликт Тургенева – конфликт между разумом и инстинктом – преобразовался в "политической надстройке" его романов в конфликт между старой Россией с ее суеверием и жестокостью и будущей Россией, которая, как ему казалось, обретет то, что он видел в Европе» [О'Коннор, с. 136] – ученый попытался доказать, что свою личную драму писатель превратил в проблемы целой страны. При всей содержательности и оригинальности отдельных пассажей в целом исследование О'Коннора можно назвать примером односторонней интерпретации произведений Тургенева. Мы полагаем, что однобокость суждений исследователя явилась следствием излишней увлеченности одним подходом, ограничивающим общую концепцию научного осмысления творчества русского классика.

Заметим, что отголоски влияния фрейдизма мы обнаружили также в монографии Д. Магар-

шака, автора многих переводов произведений русских писателей и биографических исследований об их жизни и творчестве. Его книга «Тургенев» (1954) содержит значительное число документальных свидетельств и историко-литературных материалов. Однако названные достоинства работы теряются вследствие гипертрофированного внимания автора к личной жизни Тургенева, в которой, как полагает Магаршак, определяющую роль играла Полина Виардо.

Одной из наиболее ярких и показательных работ англоязычных славистов изучаемого периода, в которых значительное место было отведено исследованию творчества Тургенева, является монография Г. Фелпса «Русский роман в английской художественной литературе» (1956), выполненная в свете рецептивной эстетики. В своей работе автор поставил перед собой задачу: проследить влияние русского романа на английскую, и отчасти американскую, литературу. Главную часть книги занимают шесть глав, посвященных творчеству И.С. Тургенева; остальные четыре главы отданы Л.Н. Толстому, Ф.М. Достоевскому и А.П. Чехову.

Бесспорное достоинство исследования Г. Фелпса заключается, на наш взгляд, в верном осмыслении общественной и художественной роли русского романа в английской культурной и литературной жизни. При этом, справедливо учитывая кризис английской литературы на рубеже XIX–XX вв., автор показал животворное воздействие, оказанное на нее глубокой идейной проблематикой и пафосом русской классической литературы.

В главах, посвященных Тургеневу, Г. Фелпс назвал писателя «послом русского романа» [Фелпс, с.49]. Он неоднократно подчеркивал многогранность таланта русского классика, проявившегося в одухотворенном описании картин природы, мастерском изображении душевной жизни его героев. Вместе с тем, по замечанию литературоведа, романы писателя вызывают интерес у английских читателей прежде всего благодаря их политической направленности, благодаря идеям, оказавшим влияние на русское общество: «Романы Тургенева были восприняты как летопись морально-философского движения в России» [Фелпс, с. 49]. По наблюдениям Фелпса, особенно большим успехом у английских читателей пользовался роман «Новь». Автор связал это предпочтение соотечественников с их повышенным интересом к идеям народничества, волновавшим русское общество в 1870-1880-е гг.

Важное место в книге Фелпса занимает исследование влияния творчества Тургенева на становление таких английских писателей, как Г. Джеймс, Дж. Гиссинг, Дж. Мур, А. Беннет, Дж. Голсуорси, Дж. Конрад, В. Вульф и др. Так, справедливо отмечая роль Тургенева в художественном развитии Голсуорси, Фелпс не только установил типологическую общность их творческой манеры, но обнаружил некоторые сходные черты их характеров. По мнению литературоведа, у романистов было много общего: хорошее образование и воспитание, любовь к путешествиям и спорту, они оба остро реагировали на любую социальную несправедливость. Что касается основ творческой манеры, то писателей сближала, как пишет автор, «философия, которая включала в себя агностицизм, гуманизм, стоицизм, а также легкую степень иронического фатализма» [Фелпс, с. 114].

Размышляя о влиянии русского классика на творчество Голсуорси, Фелпс прежде всего стремился осмыслить характер этого воздействия. Так, утверждение исследователя, что тургеневские образы, в которых Тургенев воплотил определенные социальные силы русского общества, в немалой степени способствовали созданию в произведениях Голсуорси галереи типов, характерных для английской действительности, на наш взгляд, позволяет увидеть, что́ для Фелпса является определяющим в восприятии творческого наследия русского классика у английского романиста. Прежде всего, как мы полагаем, это система образов в романистике Голсуорси. В своем исследовании Фелпс, в частности, проводит интересные параллели между тургеневскими героями Базаровым, Рудиным, Неждановым и такими персонажами Голсуорси, как Харц (роман «Вилла Рубейн»), Ферран («Остров фарисеев»), Милтоун («Патриций»), обнаруживая в их облике общие черты.

Примечателен тот факт, что сам Голсуорси неоднократно признавался в том, что русский классик был его «учителем»: «Я в большом долгу перед Тургеневым. У него и у Мопассана я проходил духовное и техническое ученичество, которое проходит каждый молодой писатель у того или иного старого мастера, влекомый к нему каким-то внутренним сродством» [Голсуорси, с. 397].

Работа Фелпса стала первым в английском литературоведении глубоким и серьезным исследованием, в котором самым подробным образом было изучено влияние русской классической литературы на английскую словесность. Также неоспоримым достоинством монографии Фелпса явилось то, что она была проникнута искренней любовью автора к русской литературе, его стремлением уяснить ее роль в истории английской литературы.

Также значимым вкладом в развитие британ-

ского тургеневедения в рассматриваемый период является исследование Р. Фриборна «Тургенев – романист для романистов» (1960), выполненная в традициях «новой критики». Фигурирующая в заглавии характеристика, данная русскому писателю еще Г. Джеймсом, стала определяющей для направления всей работы.

В основу исследовательской стратегии Фриборна была положена идея классификации романов Тургенева. Так, к четырем великим романам литературовед отнес романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» и «Отцы и дети». Роман «Дым» был определен как политический памфлет. Что касается последнего романа писателя «Новь», то Фриборн счел его творческой неудачей. Более того, именно это произведение Тургенева Фриборн использовал как повод для выражения своего отрицательного отношения к художественным принципам советской литературы. По его словам, этот роман напомнил ему произведения социалистического реализма своей «политической напыщенностью, типическими характерами, индустриальной обстановкой, положительным героем, вышедшим из народа, обязанным осуществить позитивную миссию во имя будущего» [Фриборн, с. 169]. На наш взгляд, утверждение литературоведа о том, что тургеневская «Новь» предваряет роман М. Горького «Мать» и последовавшие за ним произведения социалистического реализма, является излишне категоричным и основанным на их надуманном сближении.

Основополагающие принципы «новой критики» проявились в работе Фриборна, прежде всего в новаторском анализе тургеневских романов. Автор подверг тщательному изучению внутреннюю структуру произведений, принципы ее организации и поэтическую образность. Так, большое внимание исследователь уделил архитектонике романов, стройности их композиции. Анализируя творчество русского классика, Фриборн выдвинул плодотворную, на наш взгляд, идею сбалансированности Тургеневым соотношения между социальными и психологическими, историческими и общечеловеческими мотивами [Фриборн, с. 54]. Именно это качество сбалансированности в совокупности с такой особенностью таланта писателя, которую Фриборн определил как беспристрастность наблюдателя, позволили русскому классику стать «романистом для романистов». Кроме того, в своем стремлении осмыслить творчество Тургенева как единое художественное целое английский литературовед сделал важное и справедливое, по нашему мнению, замечание, что главная ценность тургеневских романов заключается не в тех политических идеях, о которых он писал, а в изображении интимной атмосферы тургеневских героев. Согласно приведенному нами утверждению Фриборна, он определил роман «Дворянское гнездо» как одно из лучших произведений писателя о любви. Когда же, по его мнению, Тургенев отступал от этих принципов, то он нарушал идеальные пропорции, что приводило к отрицательным результатам. В качестве примера подобного отступления Фриборн сослался на романы «Новь» и «Дым», в которых преобладали социально-политические мотивы.

Итак, в исследовании Р. Фриборна, как и в работах Ф. О'Коннора, Г. Фелпса, на суд английских читателей была представлена еще одна оригинальная, в ряде положений сохраняющая свою актуальность и в наши дни интерпретация творчества И.С. Тургенева, в которой утверждается известный тезис о Тургеневе как великом мастере художественного слова.

Проведенный нами обзор английского тургеневедения 50-60-х гг. XX в. позволил сделать ряд выводов. Прежде всего, в британском тургеневедении в этот период обнаружились отличные друг от друга исследовательские стратегии, связанные с апробацией новых для западноевропейского литературоведения подходов: «новой критики», психоанализа в духе фрейдизма и рецептивной эстетики. В то же время нельзя не отметить, что в эти годы английские литературоведы находились под воздействием формалистических, субъективно-идеалистических тенденций в литературоведении, при этом испытывая воздействие атмосферы «холодной войны», порой приходили к односторонней интерпретации творчества русских писателей. Однако, как показывает проведенное нами исследование, это обстоятельство сказалось на восприятии творчества И.С. Тургенева едва ли не в меньшей степени: настолько высок и прочен оказался авторитет русского классика – «романиста для романистов».

Литература

1. Голсуорси Д. «Силуэты шести писателей» // Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 16. – С. 394-412.
2. Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. – Л., 1977.
3. Ощепков А. Р. Тургенев и Запад [Электронный ресурс]. – URL: http://www.litdefrance.ru.
4. Цурганова Е.А. Герменевтика // Современное зарубежное литературоведение: энциклопед. справочник. – М., 1996. С. 195-202.
5. Цурганова Е.А. Новая критика // Современное зарубежное литературоведение: энциклопед. справочник. – М., 1996. С. 81-92.

6. Freeborn R. Turgenev: The Novelist's Novelist. A study. – Oxford, 1960.
7. Garnett E. Turgenev. – Lo, 1917.
8. Gettman R. Turgenev in England and America. – Urbana, 1941.
9. O'Connor The mirror in the roadway. A study of the modern novel. – L., 1957.
10. Turner C. E. The modern novelists of Russia. – L., 1890.
11. Phelps G. The Russian novel in English fiction. – L., 1956.

Затеева Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Бурятского государственного университета. E-mail: vlatat1954@yandex.ru

Zateeva Tatyana Vladimirovna, professor, the chief of the Russian literature department, Buryat State University, doctor of philologycal sciences.

Ленхобоева Татьяна Робертовна, аспирант кафедры русской литературы Бурятского государственного университета. Тел.: +7-9246533812. E-mail: ltr_1@mail.ru

Lenkhoboeva Tatyana Robertovna, postgraduate student, department of Russian literature, Buryat State University.

УДК 82-32

© ***М.Л. Сидельникова***

Мотив «ожившего» изображения в художественном мире А.К. Толстого: неклассическое содержание классической формы

В статье предпринимается попытка исследования сюжетного мотива «оживающего» изображения на примере произведений А.К. Толстого «Встреча через 300 лет», «Упырь», «Портрет».

Ключевые слова: «оживающее» изображение, сюжетный мотив, художественная философия, А.К. Толстой.

M.L. Sidelnikova

The plot motive of "revived" picture in the artistic world of A.K. Tolstoy: non-classical content of the classical form

The article attempts to study the plot motive of "reviving" picture in literature, using as an example stories by A.K. Tolstoy "Meeting after 300 years", "The ghoul", "The portrait".

Keywords: the "reviving" picture, plot motive, artistic philosophy, A.K. Tolstoy.

В.М. Маркович называет «оживший» портрет «одной из кочующих фабульных схем общеевропейского романтизма» [Маркович, с. 27]. Однако выходящие из своих рам «оживающие» изображения привлекали к себе не только романтиков: данный мотив активно разрабатывался и неоготической литературой, и модернистами (один из ярчайших примеров – «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда). Мотив не исчезает и в современной русской литературе (например, роман Ю. Буйды «Борис и Глеб»).

Для русской литературы «оживающие» портреты – явление знакомое, но все же во многом импортированное. Освоение мотива в его характерных чертах с опорой на европейские неоготические и романтические варианты началось в 30-х гг. XIX в. От неоготики осталась событийная схема (указание на исключительность портрета, описываемого автором, нередко дается экфрасис; тайна, связанная с изображением, часто дополненная мотивом вины и искупления; наконец, сам момент «оживания» – наделение изображения неким подобием жизни). Неоготическая атмосфера также оказалась не чужда романтическим вариациям мотива (страх, вызываемый таинственным портретом, иногда поддерживаемый описанием инопространства).

Собственно романтическим влиянием в структуре мотива «ожившего» изображения можно счесть значительное расширение его семантического потенциала – прежде всего благодаря актуализации концепта «художник – искусство».

Русские романтики органично соединили неоготическое и романтическое начала в образе «ожившего» портрета. Вершиной русского романтического синтеза в реализации рассматриваемого мотива стала, конечно, повесть Н.В. Гоголя «Портрет». В дальнейшем русская литература XIX в. подвергла мотив серьезным изменениям (пародии, ложные «оживания», психологическое разоблачение «оживания»[*]). Неоготическое и чисто романтическое звучание мотива казалось на фоне этих экспериментов окончательно устаревшим приемом, отдающим эпигонством.

Однако к концу века мотив «ожившего» изображения смог еще раз проявиться в своем старинном неоготически-романтическом блеске. Речь идет о нескольких произведениях А.К. Толстого: это «Встреча через 300 лет» (1839), «Упырь» (1841) и «Портрет» (1872), в которых,

[*] Например, «Штосс» М.Ю. Лермонтова, образ «живой» статуи в «Медном всаднике», «Каменном госте», «Сказке о золотом петушке» А.С. Пушкина, «Фауст» И.С. Тургенева и т.д.

на первый взгляд, мотив представлен в своей традиционной форме, отточенной романтической литературой начала века. А.К. Толстой не просто воскрешает мотив в его изначальном виде. Провоцирующий читательские ожидания, он используется Толстым как самостоятельный прием и даже как средство литературной борьбы. Особое изящество художественного метода Толстого раскрывается в том, что роль и значение мотива были переосмыслены, но без видимых изменений его формы.

Такая интерпретация мотива представлена уже в двух первых произведениях, где «оживающие» портреты играют лишь эпизодические роли. В рассказе «Встреча через 300 лет» (часть цикла маркиза д'Юрфе, куда входит и «Семья вурдалака») используется, казалось бы, давно отработанный неоготический вариант мотива (упоминание портрета, идея портретного сходства героини и ее прапрабабки, экфрасис, атмосфера). Непосредственно «оживания» в рассказе нет, что само по себе не оригинально, – этот ход (намек на мотив без воспроизведения «оживания» как его необходимой формальной части) характерен для литературы второй половины XIX в. Кроме того, использован уже ставший признаком неоготического рассказа прием рамки. Учитывая год написания, такая верность традициям кажется несколько старомодной и запоздалой.

Однако благодаря анализу повествовательных приемов и речи персонажей приходим к выводу, что Толстой работал не по неоготическому трафарету, а, скорее, создавал стилизацию. Речь персонажей архаизирована, пространные диалоги, воспроизводящие этикетность галантного века, нарочиты. Указывает на стилизацию и образ маркиза д'Юрфе, который может быть намеком на Оноре д'Юрфе (1607-1627), представителя французского маньеризма, автора пасторального романа «Астрея».

Толстой усиливает литературные ассоциации, создавая то единство собственного текста, цитат и аллюзий, которое впоследствии будет известно как интертекст. В это единство включены неоготические и романтические ассоциации, пробужденные «оживающим» портретом, маньеризм литературы XVII в.

А.К. Толстой выбирает такую повествовательную технику, которая несвойственна неоготике, стремящейся к суггестии и саспенсу. Он использует многочисленные вставки, замедления речи, но не в наиболее острых, а, наоборот, в незначительных, «проходных» моментах. Например, героиня описывает портрет прапрабабушки, на которую она походила чрезвычайно. Для реализации мотива достаточно было бы лишь отметить само сходство (экфрасис не так уж обязателен). Толстой поступает иначе: он растягивает момент рассказывания (ср. с приемами героической эпопеи): «Мне льстило, что во мне видят сходство с портретом госпожи Матильды. Вы, впрочем, знаете этот портрет, дети мои, он висит в большой зале прямо над портретом сенешаля Бургундского, вашего внучатного прадеда, и рядом с портретом сеньора Гюга де Монморанси, породнившегося с нами в тысяча триста десятом году» [Толстой, 1986, с. 255]. В этом отрывке заметно и преувеличение темы рода, типичной для неоготики. Подобный повествовательный «перебив» можно обнаружить и в описании замка Обербуа. Героиня, оказавшись одна в про*к*лятом лесу, не преминула отметить и в деталях передать красоту «нечистого места».

Таким образом, жуткий призрак («священник из Обербуа»), компания нечестивцев и сам мрачный замок, в котором должен бы «ожить» портрет, – все это тонкая стилизация с элементами пародии, обнаруживающая себя в деталях. Мотив «ожившего» изображения становится одной из таких говорящих деталей.

В повести «Упырь» А.К. Толстой не отступает от выбранной техники. Однако воспроизведение неоготического канона, неистовых страстей и ужаса в 1841 г. уже кажется безнадежно устаревшим. Так, например, об «Упыре» отзывался В.Г. Белинский: «"Упырь" – произведение фантастическое, но фантастическое внешним образом: незаметно, чтоб оно скрывало в себе какую-нибудь мысль, и потому не похоже на фантастические создания Гофмана <...> несмотря на внешность изобретения, уже самая многосложность и запутанность его обнаруживают в авторе силу фантазии <…> во всем отпечаток руки твердой, литературной, – все это заставляет надеяться в будущем многого от автора "Упыря"» [Соловьев].

Белинский дважды использует слово «внешний» («фантастическое внешним образом», «внешность изобретения»), что, возможно, было вызвано пониманием того, что именно в форме толстовского «Упыря» кроется ключ к пониманию всего произведения. Перед нами вновь стилизация, в которой мотив дается утрированно в соответствии с «генеральной линией» всего произведения.

«Упырь» вновь привлек к себе внимание на рубеже XIX–XX вв. (переиздание 1900 г.). Ирония и стилизация в «страшной» прозе А.К. Толстого были чужды В.Г. Белинскому, но оказались созвучны настроениям Серебряного века. В предисловии к переизданию «Упыря» В.С. Соловьев писал: «Весь рассказ <Толстого> есть удивительно сложный фантастический узор на канве

обыкновенной реальности... Фантастический элемент дает этой повести ее существенную форму, а общий смысл ее – нравственная наследственность, устойчивость и повторяемость типов и деяний, искупление предков потомками» [Соловьев, с. 5].

Действительно, смысл повести, как отметил В.С. Соловьев, неоготический; фантастика («фантастический узор на канве обыкновенной реальности») восходит к романтической традиции (Гофман), а игровой принцип в работе с мотивом предвосхитил модернизм.

В «Упыре» параллельно развиваются темы сразу двух портретов. С первым из них общался Руневский, второй – видел в Италии в Чертовой вилле Рыбаренко. В обоих случаях мотив развивается классически (атмосфера, история, связанная с портретом, поразительное сходство с живым человеком, тайна, вина, которую нужно искупить). Эти истории как будто отражаются друг в друге. Однако в «оживании» портрета матери Даши, который видел Руневский, подчеркивается идея сомнения.

Призрака видел и сам герой, и его слуги. Но Руневский был заранее готов к игре фантазии, провоцирующей «оживание»: «Вот, – подумал он, – картина, которая по всем законам фантастического мира должна ночью оживиться и повесть меня в какое-нибудь подземелье, чтобы показать мне неотпетые свои кости!» [Толстой, 1986, с. 165]. Кроме того, призрак, выходящий из портрета, подозрительно материален (костяная рука призрака, которую держал Руневский; просьба об обручении с портретом, которому нужно надеть на палец кольцо и т.д.). «Оживание» и связанные с ним детали постоянно норовят обернуться обманом чувств: «…он схватил жесткую кисть снурка, и ему показалось, что он держит костяные пальцы скелета… То, что казалось ему привидением, была не что иное, как пестрая ливрея, повешенная через спинку кресел и которую издали можно было принять за сидящую женщину» [Толстой, 1986, с 169]. При внешней традиционности развития мотива «оживания» усиливающееся сомнение приводит к мысли о литературной игре.

С другой стороны, дано «оживание», которое наблюдает Рыбаренко. Приключения на проклятой вилле изложены в гротескно-фантастической форме, но рассказчик (Рыбаренко) не выражает никаких сомнений в случившемся. Он рассказывает о фреске в Чертовой вилле, изображавшей прекрасную девушку с гитарой: «Несмотря на красоту лица, в глазах ее было что-то столь неприятное и даже страшное, что он <хозяин виллы> немедленно приказал ее закрасить. Через несколько времени увидели ту же фигуру на другом месте; ее опять закрасили; но не прошло двух дней, как она еще явилась там же, где была в первый раз…» [Толстой, 1986, с. 170].

Итак, фреска не желала закрашиваться; в ночь, когда герои остались на заброшенной вилле, «ожила» не только она, но и лепные украшения. Второе «оживание», как кажется, подчеркивает сомнительность первого. Однако именно «оживание» портрета матери Даши находит подтверждение в финале (история проклятого семейства, упыри и опасность, которая грозила Даше, наконец, исполнение пророчества: искупление придет тогда, «когда замуж пойдет портрет» – Даша, как «живой» портрет своей матери, обручилась с Руневским). В финале же Руневский узнает, что все, о чем ему рассказывал Рыбаренко, – скорее всего, бред сумасшедшего: в ту ночь на проклятой вилле кто-то подсыпал в пунш опиум; «оживание» фрески было ложным – к Рыбаренко приходил не призрак, а живая девушка и пр.

Комбинируя два варианта мотива в одном произведении, Толстой добивается симфонического звучания мотива, чтобы «возбудить… то чувство чудесного, которого искал так жадно» [Толстой, 1986, с. 180], подтверждая и одновременно опровергая «оживание».

Мотив «ожившего» изображения А.К. Толстой использовал еще раз в 1873 г., завершив работу над своим «Портретом». Изображение оказывается в центре внимания читателя. Мотивная структура осталась неизменной: портрет (правда, не акцентируется идея вины), экфрасис, юный впечатлительный герой, «оживание» и последующая горячка (двойная мотивировка) и, наконец, материальный знак нематериальных отношений – роза, которую сжимал в руке герой, когда очнулся после встречи с девой, сошедшей с полотна. Набор подчеркнуто классичен, но «история с призраком» кажется уже не подходящей для времени создания «Портрета». Однако здесь нужно вспомнить о более ранних воплощениях мотива у Толстого: «оживание» использовалось как элемент художественного комплекса неоготического рассказа в стилизованном, иронически преувеличенном виде.

В «Портрете» жизнь мотива не ограничивается неоготическими декорациями. Толстой выбирает иную, по сравнению с «Упырем», повествовательную манеру и иной жанр, что, очевидно, должно обратить внимание читателя на новую стратегическую роль «оживания».

Жанр «Портрета» определить сложно. Очевидно влияние «Евгения Онегина» (строфика, система авторской речи, соотношение образа героя и образа автора и проч.), содержание которого сокращено Толстым до жанра миниатюры. В «Портрете» представлены три героя: юноша (в котором автор

вспоминает себя), портрет (прекрасной девы) и автор, излагающий историю как свое воспоминание. Идея воспоминания предполагает отстраненность рассказывающего от описываемых событий, трезвую оценку произошедшего, – отсюда иронический тон, хотя в «Портрете» разоблаченного «оживания» нет, отсутствует и явное пародийное начало.

Выбранная форма, ориентированная на «свободный роман» А.С. Пушкина, позволяет Толстому прибегать к авторским отступлениям, благодаря которым можно рассматривать историю «оживающего» портрета шире, чем просто «рассказ о привидении в стихах». «Портрет» А.К. Толстого можно рассмотреть как литературный протест автора. Понимая, насколько несвоевременным покажется критике его произведение, он сознательно идет против доминирующей художественной системы:

Все ж из меня не вышел реалист –
Да извинит мне Стасюлевич это!
Недаром свой мне посвящала свист
Уж не одна реальная газета.
Я ж незлобив: пусть виноградный лист
Прикроет им небрежность туалета
И пусть Зевес, чья сила велика,
Их русского сподобит языка! [Толстой, 1998, с. 6-7]

В контексте подобного выступления автора приобретает значение не столько сам мотив, сколько его полемическая заостренность. «Портрет» становится изящной провокацией для поборников прагматики и реализма в литературе, представляя собой контрастную пару к одноименной повести Н.В. Гоголя, воспринимавшейся к тому времени почти как архетипический образец мотива «ожившего» изображения в русской литературе.

В этой ситуации приобретает особый смысл обращение к поэзии и к высокому – в противовес натуральной школе – слогу, и намек на роман в стихах Пушкина, и мотив «ожившего» изображения в его «ветхой» обработке. Стремление укрыться под сенью «высокой» литературы слишком иронично для простого эпигонства. Не менее иронично и покаяние автора, приписанное самому себе в юности (вместо учения – мечты о деве на портрете), которое может быть прочитано и как «покаяние» А.К. Толстого в своих литературных «грехах»: «Зане я тщетно, сколько ни потел, / Хотел хотеть иное, чем хотел» [Толстой, 1998, с. 6].

Таким образом, А.К. Толстой, внешне воспроизводя мотив в его неизменной классической форме, не просто ищет содержательной новизны. В его «Портрете» он становится знаменем борьбы, символом «высокой» литературы, противостоящей влиянию натуральной школы. С этой точки зрения сохранение формальной структуры мотива необходимо – только в этом случае мотив «ожившего» изображения перестает быть лишь частью неоготической или романтической художественной системы, приобретая необходимую для символа самостоятельность. Тогда и рассмотренные произведения А.К. Толстого можно прочитать иначе, чем просто упражнения в неоготическом стиле. И эту широту восприятия обеспечивает именно рассматриваемый мотив «ожившего» изображения, обретший к концу XIX в. почти символическое звучание.

Литература

1. Маркович В. М. Тема искусства в русской прозе эпохи романтизма // Искусство и художник в русской прозе первой половины XIX века: сб. произведений / сост. и коммент. А.А. Карпов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
2. Соловьев В.С. Предисловие к «Упырю» графа А.К.Толстого // Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. – М., 1997. – URL: http://sochinenie.blogspot.com/2010/07/blog-post_4277.html (11.08.2013 г.)
3. Толстой А.К. Избранное. – М.: Правда, 1986.
4. Толстой А.К. Портрет // Толстой А.К. Избр. соч.: в 2 т. Т. 1. – М., 1998.

Сидельникова Мария Леонидовна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Иркутского государственного университета. Тел. (3952)243995. E-mail: torkwemashenka@yandex.ru
Sidelnikova Mariya Leonidovna, postgraduate student, department of Russian and foreign literature, Irkutsk State University.

УДК 882(092)

© ***А.А. Белоус***

Антиномии Достоевского в концепции реализма советской критики 20-30-х гг. XX в.

Анализируются концептуальные элементы советской критики 1920-1930-х гг. применительно к онтопоэтике Достоевского: представление о человеке как социальном существе, эгоизм и аморализм, связанный с атрофией социальной мотивации, психология, ориентированная на внешние качества человека, которые являлись основанием для материалистического толкования истории, возрастания роли социальной статистики.

Ключевые слова: Достоевский, антиномии, онтопоэтика, реализм, социальный историзм, личность, индивидуальность, социальная статистика.

A.A. Belous

Antinomy of Dostoevsky in the concept of Soviet criticism realism of the 20-30-s of the XXth century

The conceptual elements of Soviet criticism of 1920-1930-s are analyzed in relation to ontopoetics of Dostoevsky. The main focus was on the man as a social being. Selfishness and immorality associated with atrophy of social motivation, psychology focused on the external qualities, all these features were the basis for a materialist interpretation of history, and increasing the role of social statistics.

Keywords: Dostoevsky, antinomy, ontopoetics, realism, social historicism, personality, individuality, social statistics.

Если опираться на работы советских критиков 1920-1930-х гг., то можно увидеть те диаметрально противоположные позиции, на которых находятся в подходе к Достоевскому идеализм и материализм.

В литературе «именно концепция личности – эксплицитная или имплицитная – предопределяет выбор объекта, предмета и методов исследования» [Братченко, с. 68]. Выбранный нами аспект разговора о персонажах Достоевского вскрывает принципиальные разногласия в подходе к личности в ее целостности, разворачивает широкую перспективу ее осмысления в ракурсе онтологической проблематики. Другими словами, попытаемся обозначить первичную основу как прообраз художественной реальности Достоевского, с чем неизбежно сталкивается любой исследователь при анализе его персонажей.

На мир персонажей Достоевского советские критики проецировали свои представления об устроении человека с позиций соцреализма. Реальность человека как совокупность его объективных (проверяемых опытом) качеств всецело владела вниманием социалистов. Гегелевская диалектика вкупе с философскими категориями «объективное» и «субъективное» стала опорой концепции реализма советской критики. Объективная реальность означала для нее предметный мир, что позволяло выделить типическое, повторяемое, что в свою очередь связывалось с социальными факторами и придавало человеку определенность, устойчивость и рисовало его твердый завершенный образ. Полнота истины о человеке понималась как полнота откровения о нем как социальном существе.

Советские критики приводили многочисленные примеры атрофии социальной мотивации в героях Достоевского, приводящей к эгоизму и аморализму, т.е. к разложению личности. «Аркадий Макарович не только в своих мыслях, но и в своих поступках, в своих отношениях к окружающим и даже самым близким ему людям является эгоистом, − эгоистом тщеславным, подозрительным, до болезненности самолюбивым. Под влиянием этого эгоизма он, быть может, сам того не желая, постоянно мучит, терзает и оскорбляет и свою мать и своего отца, − которых он тем не менее очень любит…», – когда-то писал П.Н. Ткачев о герое романа «Подросток» [Ткачев, с. 79]. «Естественным результатом атрофии социальных чувств является обычно аморализм, угасание нравственных инстинктов, чувства обязанности перед другими, долга и совести. Кто не чувствует себя ни в какой связи с себе подобными, у того не может быть и обязанностей к ним… Это не эгоизм даже, а чисто звериное состояние. Эгоизм исключает самопожертвование, но он не нуждается в жертве; он черств и расчетлив, но часто не лишен своеобразного уважения к другой личности», – обобщает В. Переверзев анализ других персонажей Достоевского [Переверзев, с. 83]. И далее следует вывод сугубо классового характера: «Своевольная психика с ее аморализмом находится в тесной, неразрывной связи с социальным дном» [Переверзев, с. 87].

В работах последовательно перечисляются моральные антиномии: эгоизм – альтруизм, нравственность – аморализм, эгоцентризм – любовь к ближнему, права – обязанности, своеволие – послушание и т.п. Поскольку человек в первую очередь социальное существо, то у него нет и не может быть иного источника антиномий (противоречий), кроме социальной среды, порождающей и организующей его человеческие качества. Герои Достоевского, как их характеризует Б. Энгельгардт, люди, потерявшие сословные корни (вымирающий высший класс и разночинцы) [Энгельгард] или, по словам П.Н. Ткачева, «бывшие люди», «забитые люди»: «Что специфически характеризует общественное положение “бывших людей”, так это полная материальная оторванность их от общества, отсутствие экономической связи между ними и обществом… Раз порвана материальная связь между личностью и обществом, разрывается между ними и связь психическая, вянут, глохнут и замирают все свойства души, выросшие на почве социальной жизни» [Ткачев, с. 86-87].

П.Н. Ткачев создал теорию о «забитых людях», в которой, прибегая к психологии, объясняет неизбежную утрату человеком в условиях капитализма любой своей идеи: «Да, такова печальная, роковая судьба идеи наших идейных людей из забитых. Они никогда почти не в состоянии последовательно выдержать ее, не в состоянии надолго остаться верными ей, даже

мысленно» [Ткачев, с. 81]. Антиномия объективного (мира) и субъективного (лица) в этом контексте − социально окрашенный конфликт «естественного» человека и той социальной среды, которая ему мешает. Нравственная сила такого человека − социальная правда, которую он несет, во имя которой борется. Неучастие в такой борьбе стимулирует косное, звериное начало в человеке. Антитезу между творческим и косным началами истории в творчестве Достоевского четко обозначает А.С. Долинин: «Точно отдаленно отражая ход мыслей Лаврова и Михайловского, приспособляя их воззрения к своей колеблющейся, постоянно перестраивающейся концепции, Достоевский проводит здесь резкую грань между объективным ходом истории − он называет ее просто историей − и субъективными устремлениями свободных воль, руководящихся внутренними велениями, истекающими из глубин интуиции… Отмирает идея, а вместе с нею соответствующие формы жизни, падая как бы в объятия косности, которая приобретает над нею свою власть» [Долинин, с. 117].

Однако, если интерпретировать психическую реальность только через внешнюю историческую необходимость, мир предстает слишком физиологичным, безличным и даже чуждым тому пафосу, который характеризует эпоху социализма. Поэтому советская критика невольно задается вопросом: действительно ли «человек – только безвольное колесо в огромной машине механизма природы, который с необходимостью гонит его прямо» к известной цели? [Бронзов, с.648]. Историку нужен был носитель победного духа, эпохе – слава и гордость человека. Требовалась более глубокая историческая концепция. И силой той же социальной закономерности материалистическая история «вызывает своего духа». Так у советских критиков рождается новая антиномия в интерпретации Достоевского. Они ищут в его творчестве формулу, которая бы позволила им не отказываться от эволюционизма, но в то же время прославлять человека как творца истории. Эта формула осваивается ими в русле антагонизма Мира и Лица, как пишет В. Переверзев. В недрах этой логики рождается антиномия рационального и иррационального начал в человеке, которая усматривается критикой в творчестве Достоевского: «…логика и разум хороши лишь тогда, когда служат орудием жизни и счастья. Но, когда логика и разум приговаривают к смерти и страданию, человек пойдет против них, станет пророком иррациональности» [Переверзев, с. 74]. Здесь косвенно признается метафизическая свобода личности и самого Достоевского, и его персонажей.

«Захваченное приливом новых капиталистических отношений, разрушивших старую экономическую правду, превративших в мертвую букву старые правовые, моральные и религиозные ценности, мещанство лишилось почвы, оказалось в состоянии погибающих», − выносит вердикт В. Переверзев «мещанству» Достоевского [Переверзев, с. 68]. А вот каким образом критик характеризует антиномии его героев: «Если мы при этом будем иметь в виду, что, бросаясь то к тому, то к другому выходу, мещанин замечает, что верхний плотно забит, а нижний ведет “на дно”, которое не сулит ему ничего хорошего, то для нас станет еще понятней эта мучительная и напряженная суматоха в действиях и мыслях…куда броситься – к гордости или смирению, к своеволию или к пассивности? Безумная беготня Голядкина, издевательства Опискина, размышления Раскольникова об общественных отношениях – все имеет, в конце концов, единую исходную точку и одну цель: решить, где выход – на верху или на дне, в своеволии или в пассивности? С тем же вопросом в душе подходит Иван Карамазов к решению мировой проблемы… Внутреннее противоречие своей природы и противоречие социального положения, противоречие верха и дна, своеволия и пассивности Карамазов перенес и на отношение между человеком и миром» [Переверзев, с. 69]. Под миром критик понимал социальную среду, подчиняющую свободные склонности человека.

Трагедия мещанина, по мнению советских критиков, в том и заключается, что он не может избежать выбора между душевными терзаниями и покорностью судьбе (все плачущие страдальцы Достоевского) и «зовом эпохи» стать человекобогом (Кириллов, Раскольников), вписавшись в объективный исторический процесс. Художественный мир Достоевского в восприятии этой критики монологичен. Герой рисуется как твердый и завершенный образ действительности без тайн и загадок, у которого любая идея – «социально-типичная или индивидуально-характерная или, наконец, простой интеллектуальный жест героя, интеллектуальная мимика его душевного лица» [Бахтин]. То есть любая рефлексия человека о мире (идея) – лишь форма социальной адаптации человека [Ткачев, с. 69]. Мир детерминирован, идеи и воззрения – тоже. Иррациональность (подсознание) искажает простое ясное лицо мира, поэтому ее нужно изгонять с подмостков истории.

Мысль Достоевского в угоду материалистическому историзму была трансформирована следующим образом: личность человека не может быть охарактеризована в полноте. Ее положи-

тельное начало может быть только историческим, отрицательное (иррациональное) гнездится где-то в темном подсознании. Желание писателя видеть героем истории человека, в духовном и нравственном отношении неустойчивого, объяснялось неприятием и непониманием писателем социального характера истории. У Достоевского человек осмысляется как реальность сама по себе, реальность духовная, у советской критики − как часть реальности объективной. Материалистическое понимание истории не позволяло адекватно оценить иррациональное начало человека, а гуманизм развил идею титанизма человека, одновременно прощая ему все его слабости. Отсюда и непонимание советской критикой того реализма, той философии, которыми проникнуто творчество Достоевского. «Раз человек устроил себе такую философию, он необходимо должен не только примиряться с некрасивой действительностью, но даже и умиляться перед нею, находить свой мир лучшим из наилучших миров… мечты и утопии не могут идти далее несбыточных желаний сделаться вдруг генералом, жениться на богатой купчихе, заслужить благоволение начальства и т. п.», – писал П.Н. Ткачев [Ткачев, с. 68-69]. Метафизическая свобода вновь предстает производным от «органики» жизни, т.е. ее социальной составляющей.

Утратив веру почти во все, во что верили отцы, люди не могли примириться с оскорблениями и унижениями, порождаемыми средой, постепенно проникаясь идеями социализма, – таково объяснение истории социалистами. С точки зрения Достоевского, их идеи попадают в категорию «неподвижных идей», в которых человек мыслится зависимым от «железных» материалистических законов истории. Однако Бахтин, вслед за Достоевским, убежден: «Человек не является конечной и определенной величиной, на которой можно было бы строить какие-либо твердые расчеты; человек свободен и потому может нарушить любые навязанные ему закономерности» [Бахтин, с. 79]. Поэтому в отношении к нему такое понятие, как «полезность», оказывается достаточно условным. Кроме того, человек отнюдь не «благ», самосознание его изменчиво, поэтому он никогда «не равен себе», по словам того же Бахтина. Может ли человек с такой антропологией быть «безвольным колесом в огромной машине механизма природы, который с необходимостью гонит его прямо к известной цели?» [Бронзов, с. 649]. История дает отрицательный ответ. Оценивать человека как исключительно социальный феномен нельзя. Соответственно, статистика как порождение материализма, призванная закрепить социальные выводы, не может запечатлеть индивидуальный нравственный выбор. Социологи, игнорируя понятие греха, законы формирования духовного облика человека, представляют движение истории как прогресс. Христианство после грехопадения толкует историю человека как историю отступничества от Творца. Грех изменил представление о естественном, − и теперь для человека естественно падение. К сожалению, этот факт социальная практика позволяет расценить как объективный.

«Природный» закон делает фатальным слово «неизбежность» в сфере человеческого духа. Именно такой неотвратимости противостоял Достоевский. Для Достоевского «…история… есть результат свободного делания… в котором некие предвечные идеи находят свое воплощение», – писал А.С. Долинин [Долинин, с. 110]. С позиции трактовки антропологии человека раскрывается и вопрос о содержании и содержательности человеческой жизни. Это содержание абсолютно разнится в христианстве и гуманизме (и идейно связанном с ним марксизме). Гуманизм представляет историю в своем главном направлении прогрессом, поэтому человек разумный подчиняет ей свою волю. Иррациональное в человеке как мешающее прогрессу следует держать под контролем. Гуманизм оставляет место и для любви к человеку, но любви безбожной, допускающей строительство «счастья» будущих поколений на «слезинке ребенка». Не потому ли в доказательство вовлекается статистика, чтобы ввести в гетерогенную совокупность человеческой воли некое единообразие для удобства управляемости социумом?

«…Достоевский обвиняет своих сверстников-писателей в поверхностном отношении к действительности, довольствующимися изучением только простейших фактов, маячивших перед глазами. Искусство есть познание, но познание в высшей степени своей, есть предвидение…», – пишет С.Н. Дурылин [Дурылин, с. 163]. При этом он отмечает, что художественная антропология не должна довольствоваться одной психологией, которая исследует характер человека: «Психология свела волевые процессы к предметно-мотивационной функции психики, т.е. редуцировала вопрос об источнике внутренней силы и направление человека к предметно-целевым внешним факторам» [Дурылин, с. 164]. Поэтому психология и исследует те стороны психики человека, которые находятся в наибольшем соприкосновении с внешним, в формировании чего участвует нечто внешнее. Таким же образом это бытие участвует в формировании некоего амплуа, выводимого отдельными качествами человека, но не имеющими отношения к его предна-

значению, – чиновник, рабочий, ученый и т.д. Функция отождествляется с человеком, она необходима, чтобы он утвердился в этой жизни. Богословие говорит о сущностном строении души, о ее духовно-самобытном характере. Это значит, что в самой душе лежат основы ее стремлений, а не в области предметов, вещей, то есть окружающего мира. Однако персонажи Достоевского в интерпретации большинства советских критиков рассматриваемого периода описываются именно социальными характеристиками, эксплуатируемыми социально-бытовым романом, которые отнюдь не совпадают с понятием личности, «внутреннего человека» у Достоевского.

Личность – всегда индивидуальность. Вопрос в том, что ее образует? Является ли это комбинацией врожденных (например, темперамента) и приобретенных (например, характера) черт, представляющих личность в том или ином функциональном качестве? Советскими социологами личность выводилась как некое соотношение генетических и приобретенных социальных черт, рождая объективистскую теорию истории. Достоевский выводил личность как позицию.

Характер, а не «натура», как у Достоевского, – центральное понятие в социальном историзме. Это также одно из ключевых понятий той самой психологии, которая занимается внешними качествами человека. Не так в творчестве Достоевского, апеллирующего к Божественному первообразу. Каков же этот образ, и какие условия вызывают его к жизни? Косвенный ответ на это содержит работа М.М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». В частности, разговор о личности беспредметен, если находится вне культуры диалогического общения, – одно из основных утверждений Бахтина. Онтопоэтика (онтологическая поэтика) Достоевского акцентирует внимание на диалогической сфере как сфере самовыявления личности.

Личность человека советские социологи пытались «вычистить» из истории, но «"чугун" истории, "чугун" материальных сил и "чугун" массовых процессов – это лишь косная, подлежащая преодолению инерция…» [Кирпотин, с. 253], соответственно, социальная статистика – лишь приложение этих явлений, работающая с объектами, а не с субъектами истории.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 3-е изд. / под ред. С. Лейбович. − М.: Худож. литература, 1972.
2. Братченко С.Л. Концепция личности: М. Бахтин и психология // М.М. Бахтин и философская культура XX века. Проблемы бахтинологии. – СПб., 1991. – Вып. 1. Ч. 1 [Электронный ресурс]. – URL: hpsy.ru/public/x2885.htm
3. Бронзов А.А. К вопросу о нравственной статистике и свободе воли // Христианское чтение. – 1897. − № 4 [Электронный ресурс]. – URL: www.xpa-spb.ru
4. Долинин А.С. Достоевский и другие: Статьи и исследования о русской классической литературе / сост. А. Долинина; вступ. ст. В. Туниманова; примеч. М. Билинкиса и др. – Л.: Художественная литература, 1989.
5. Дурылин С. Н. Об одном символе у Достоевского // Достоевский: Тр. гос. акад. худ. наук. Лит. секция. Вып. 3. – М., 1928.
6. Кирпотин В. Я. Достоевский-художник. Этюды и исследования. – М.: Советский писатель, 1972.
7. Переверзев В.Ф. М. Достоевский. – М.-Л.: Гос. изд-во, 1925.
8. Ткачев П.Н. Литературное попурри // Ткачев П.Н. Люди будущего и герои мещанства. – М., 1986.
9. Энгельгардт Б. М. Идеологический роман Достоевского // Ф. М. Достоевский: ст. и материалы / под ред. А.С. Долинина. – М.; Л., 1924. – Вып. 2.

Белоус Анастасия Александровна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Тел: (3952)303835; +7-9832427856. E-mail: voloshnikova@rambler.ru

Belous Anastasia Aleksandrovna, postgraduate student, department of Russian and foreign literature, faculty of philology and journalism, Irkutsk State University.

УДК 82:24

© ***О.С. Чебоненко***

Буддийский канонический трактат «Сутта-Нипата» в творческом наследии Л.Н. Толстого и И.А. Бунина

Рассматривается творческое наследие Л.Н. Толстого и И.А. Бунина в свете их интереса к восточным философско-религиозным представлениям, в частности к раннебуддийскому каноническому трактату «Сутта-Нипата», переведенному с языка пали.

Ключевые слова: «Сутта-Нипата», буддизм, Будда, канон, рассказ, Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, трактат, «Освобождение Толстого»

O.S. Chebonenko

The Buddhist canonical treatise «Sutta-Nipata» in the creative work of L.N. Tolstoy and I.A. Bunin

The creative work of L. N. Tolstoy and I. A. Bunin is considered in the light of their interest in oriental philosophical and religious views, in particular of the early Buddhist canonical treatise «Sutta-Nipata», translated from the Pali language.

Keywords: «Sutta-Nipata», Buddhism, Budda, canon, story, L. N. Tolstoy, I. A. Bunin, treatise, «Osvobozhdeniye Tolstogo».

Теме «Бунин и Толстой» посвящено огромное количество исследований. В качестве примера достаточно вспомнить не только монографии и статьи советских ученых (А.К. Бабореко, О.Н. Михайлова, Н.М. Кучеровского, В.А. Гейдеко, Р.С. Спивак, И.А. Ильина, В.Я. Линкова), но и более поздние работы О.В. Сливицкой, О.А. Бердниковой, Е.Р. Пономарева и др. Однако на сегодняшний день рано говорить о всесторонней изученности этой проблемы. Широко известно восторженное, трепетное отношение И.А. Бунина к великому русскому писателю и философу, «старцу Льву из Ясной Поляны» [Бунин, IX, с. 8].

На протяжении всей жизни восприятие Буниным Толстого, его творчества, миропонимания, философии менялось неоднократно. «Мечтать о счастье видеть его я начал очень рано», – отмечает Бунин. Его отец Алексей Николаевич, участвовавший в обороне Севастополя, не раз вспоминал о своих встречах с молодым Толстым-военным. «И я смотрел на него во все глаза: живого Толстого видел!», – с восторгом восклицает сын. «…в ранней молодости я был совершенно влюблен в него, в тот мной самим созданный образ, который томил меня мечтой увидеть его наяву. Мечта эта была неотступная…», – пишет Бунин в своем трактате «Освобождение Толстого» (1937) [Бунин, IX, с. 51] и вспоминает о всех встречах с великим писателем, о том, как от этой влюбленности в Толстого как художника он сам, тогда еще совсем юный поэт, стал толстовцем.

Молодой Бунин проживал в Полтаве, был лично знаком со многими последователями толстовского учения и даже попал «под начало» к одному из них, «нестерпимому ритору, софисту, занимавшемуся бондарным ремеслом». Так поэт стал подмастерьем, начал учиться набивать обручи: «Для чего мне нужны были эти обручи? Для того опять-таки, что они как-то соединяли меня с Толстым, давали мне тайную надежду когда-нибудь увидать его, войти в близость с ним. И, к великому моему счастью, надежда эта вскоре совершенно неожиданно оправдалась…» [Бунин, IX, с. 54].

Вскоре Бунин стал совершенно «своим» среди полтавских толстовцев, и в конце 1893 г. его вполне официально пригласили к самому Толстому. Впервые посетить Толстого в Хамовниках ему удалось в январе 1894 г. Эта встреча оставила неизгладимое впечатление. Спустя сорок лет, вспоминая ее, писатель почти с благоговением выписывает каждую подробность: пустой лунный переулок, ворота, раскрытую калитку, снежный двор, красноватое освещение окон, сказочную необычность всего вокруг. «Какой особый сад, какой необыкновенный дом, как таинственны и полны значения эти освещенные окна: ведь за ними – Он!». Великолепен бунинский портрет Толстого: «…большой, седобородый, слегка как будто кривоногий, в широкой, мешковато сшитой блузе из серой бумазеи, в таких же штанах, больше похожих на шаровары, и в тупоносых башмаках. Быстрый, легкий, страшный, остроглазый, с насупленными бровями. И быстро идет прямо на меня, – меж тем как я все-таки успеваю заметить, что в его походке, вообще во всей посадке, есть какое-то сходство с моим отцом, – быстро (и немного приседая) подходит ко мне, протягивает, вернее, ладонью вверх бросает большую руку, забирает в нее всю мою, мягко жмет и неожиданно улыбается очаровательной улыбкой, ласковой и какой-то вместе с тем горестной, даже как бы слегка жалостной, и я вижу, что эти маленькие серо-голубые глаза вовсе не страшные и не острые, а только по-звериному зоркие…» [Бунин, IX, с. 55-56].

Трактат «Освобождение Толстого» – произведение, в котором И.А. Бунин как бы подводит итог и своей жизни тоже. В его восприятии фигура Л.Н. Толстого настолько огромна, что сопоставима лишь с величайшими духовными подвижниками, создателями мировых религий, пророками. Отметим, что, говоря об образе Толстого в трактате, необходимо помнить прежде всего о преломлении образа писателя и его творчества в художественном сознании И.А. Бунина, всю свою жизнь восторгавшегося мощью великого русского художника. Здесь очень мало от беспристрастного анализа исследователя-биографа. Философско-религиозные искания Толстого превратили, по мнению Бунина, всю его жизнь в подвиг, ведь он не просто «задумался над смыслом жизни», но и подчинил поиску истины все свое существование: «Толстой начал говорить об этом с самых ранних лет, а впоследствии говорил

с такой одержимостью однообразия, которую можно видеть или в житиях святых, или в истории душевнобольных. Однообразие, с которым говорил Толстой одно и то же в своих последних писаниях, подобно тому однообразию, которое свойственно книгам иудейских пророков, поучениям Будды, сурам Корана» [Бунин, IX, с. 33-34].

Основные идеи «Освобождения Толстого» разрабатывались И.А. Буниным в течение многих лет. Так, почти без изменений в трактат вошла значительная часть рассказа «Ночь» (1925). Это размышления и о двух разрядах людей (строителях и созерцателях), и о безначальности – бесконечности всего сущего, и о Всеедином, и о возможности выхода из Цепи перевоплощений. «Совершенный, монахи, не живет в довольстве. Совершенный, о монахи, есть святой Высочайший Будда… Отверзите уши ваши, монахи: освобождение от смерти найдено. Я поучаю вас, я проповедую Закон. Если вы будете поступать сообразно поучениям, то через малое время получите то, ради чего благородные юноши уходят с родины на чужбину, получите высшее исполнение священного стремления; вы еще в этой жизни познаете истину и увидите ее воочию», – так начинается «Освобождение Толстого». И далее приводятся слова самого Толстого об «освобождении»: «Мало того, что пространство и время и причина суть формы мышления и что сущность жизни вне этих форм, но вся жизнь наша есть (все) большее и большее подчинение себя этим формам и потом опять освобождение от них…». Эти слова, отмечает Бунин, говоря о Толстом, «главное указание к пониманию его всего» [Бунин, IX, с. 7-8]. С первой части трактата прослеживается влияние на текст И.А. Бунина «Сутты-Нипаты», буддийской канонической книги.

В яснополянской библиотеке Льва Толстого, по свидетельству исследователей [Бурба, с. 79], сохранилось множество книг о Будде и индуизме. Среди них есть две, которые были значимы для Бунина. Это сочинение Германа Ольденберга «Будда. Его жизнь, учение и община» (М., 1905) и «Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведённая с пали на английский язык Фаусбеллем» в русском переводе Н.И. Герасимова (М., 1899). В последней есть пометки, сделанные самим Толстым. По цитатам из бунинских произведений можно судить, что именно эти издания были и у Толстого, и у Бунина.

Восточные вероучения, образцы буддийской и индуистской духовности интересовали Л.Н. Толстого уже в юности. Биографы писателя, в том числе Р. Роллан в своем «Ответе Азии Толстому» [Роллан, с. 328-329], придают довольно большое значение следующему факту. Во время недолгого пребывания в Казанском госпитале (1847), куда Толстой в девятнадцать лет попал из-за незначительной болезни, он встретил интересного человека. Его соседом по палате был бурятский лама, впервые рассказавший юноше о законе ненасилия – ахимсе. На этого человека в пути напал разбойник и ранил. «При более подробных расспросах Толстой, к своему удивлению, узнал, что лама этот, будучи буддистом, не защищался от разбойника, но, закрыв глаза и творя молитвы, ожидал смерти. И это переживание произвело сильное впечатление на юную душу Толстого и пробудило в нем глубокое уважение перед мудростью жителей Востока…» – пишет П.И. Бирюков в своей биографии писателя и философа [Бурба, с. 77].

Д.В. Бурба отмечает, что, возможно, по мнению Р. Роллана, именно этот факт подтолкнул Льва Толстого к поступлению на факультет восточных языков Казанского университета. На наш взгляд, с этим предположением трудно согласиться, поскольку студентом Толстой стал гораздо раньше. Да и Р. Роллан об этом прямо нигде не говорит. Казанский университет в первой половине XIX в. был крупнейшим центром ориенталистики в Европе. Известность его «восточного разряда» тогда простиралась на весь ученый мир. В 1844 г. Толстой выдержал строгие вступительные экзамены и стал студентом восточного факультета, но к занятиям относился не слишком ответственно. Университет он тогда не окончил. Из Казани молодой писатель уехал в свое имение, Ясную Поляну, которая досталась ему после того, как молодые Толстые по-братски разделили между собой богатое наследство князей Волконских. Несмотря на то, что Толстой не получил диплом ориенталиста, в течение всей его дальнейшей жизни, особенно в последние ее десятилетия, Восток и его философско-религиозные представления были неотъемлемой частью духовных поисков этого удивительного человека.

К причинам обращения И. Бунина к философии и религиям Востока, по-видимому, можно отнести также его детские впечатления. Студент Н.О. Ромашков, готовивший будущего писателя к поступлению в гимназию, одним из первых пробудил в душе своего ученика интерес к культуре других стран. Н.О. Ромашков был выпускником Лазаревского института, владел несколькими восточными языками. Прошли годы, и Бунин, уже будучи толстовцем и распространяя книги издательства «Посредник», начинает понимать глубину буддийского учения. По свидетельству биографов, с «Суттой-Нипатой»

И.А. Бунин «не расставался» [Солоухина, с. 50]. В.В. Крапивин называет «Сутту-Нипату» «одной из тех немногих книг, которые Бунин готов был перечитывать вновь и вновь» [Крапивин, с. 152]. Книга Г. Ольденберга «Будда. Его жизнь, учение и община» также была одной из любимых книг Бунина о Востоке.

Л.Н. Толстой, необыкновенно много прочитавший о буддизме, не раз отмечал, что существуют книги, требующие пристального изучения современников. «Есть ли что-нибудь настолько не разработанное, как Веды, Трипитака и Зенд-Авеста?», – говорит он в письме (январь 1878 г.) Н.Н. Страхову [Толстой, XVIII, с. 816].

Палийский канон относят к раннебуддийским текстам. Составленный в Северной Индии, он сохранялся устно, а в 29 г. до н.э. на четвертом Буддийском Соборе в Шри-Ланке (Цейлон) был окончательно завершен письменно. Трипитаку (санскр.), или Типитаку (Tipitaka – пали), т.е. «Три корзины (сокровища)», называли буддийским Евангелием. «Сутта-Нипата» (Sutta-Nipata) – пятый отдел книги Suttapitakam (букв. «Корзина (сокровище) изречений»). Suttapitakam входит наряду с Vinayapitakam и Abhidhamma pitakam в свод Tipitaka и содержит в себе сутты-изречения, проповеди Будды. Каждая сутта заключает в себе какое-то цельное повествование, ряд стихов, изречений, касающихся одного предмета. Большинство сутт носят дидактический характер и приводят речи Будды в стихах или в прозе. Книга излагает учение основателя буддизма в форме притч и бесед, близкой в чем-то притчевой манере учительства.

По всей видимости, именно после того, как Бунин познакомился с последними писаниями Толстого и толстовцев, он полюбил «Сутту-Нипату». После цейлонской поездки 1911 г. И.А. Бунин уже свободно, по памяти, начинает цитировать сутты Типитаки. Заслуживает внимания то, что именно Метта-сутту цитирует Бунин на одной из своих фотографий 1912 г.: «Да будут счастливы все существа! И слабыя, и сильныя, и видимыя и невидимыя, и родившияся и не рожденныя еще!» [Отдел рукописей РНБ]. Полностью сутта звучит так: «Все живые существа, которые есть на свете, и слабые и сильные, и длинные и короткие, и большие и средние, и великие и малые, видимые и невидимые, живущие близко и далеко, рождённые или только носимые в утробе – все они да будут счастливы!» (Sutta-Nipata,I Uragavagga, 8 Metta Sutta, 145-146).

В таких произведениях, как «Братья» (1914), «Готами» (1919), «Ночь отречения» (1921), «В ночном море» (1923), «Город Царя Царей» (1924), «Ночь» (1925), «Освобождение Толстого» (1937) и др., Бунин обращается к буддийской тематике. В большинстве из них есть прямые отсылки к «Сутте-Нипате», цитаты и реминисценции.

Герой короткого рассказа «Ночь отречения» мал, как ребенок, по сравнению с безграничным бушующим океаном и черным лесом Цейлона, подступившим почти к самой водной хляби огромных волн – валов, «с огненно-кипящими гривами», вспыхивающих зеленым светом перед тем, как обрушиться на берег. Ноги человека босы, волосы обрезаны, правое плечо обнажено. На нем рубище отшельника, лицо выглядит изможденным. Он молится, пытается перекричать рев волн, восторженно возглашает: «Тщетно, Мара! Тщетно, Тысячеглазый, искушаешь ты меня! Отступись! Как дождевая капля с тугого листа лотоса скатывается с меня Желание!» [Бунин, V, 39]. Его слова напоминают речи нищего странника Сабхьи из «Сутты-Нипаты», обращенные к Учителю: «Ты – Будда… Мудрец, победивший Мару, …могучий, как лев, свободный от желания, отбросивший все страхи и опасения. Как капля росы спадает с прекрасного цветка лотоса, так отпадает от тебя всё злое и греховное, о Победитель, Сабхья припадает к ногам твоим!» (Sutta-Nipata, III Mahâvagga, 6 Sabha Sutta, 545-547). Но перед ним появляется сам Будда, «сидящий на земле, главой своей возвышающийся до самых верхушек пальм. Ноги его скрещены. От шеи и до чресл увит он серыми кольцами змея... Невзирая на безмерную тяжесть змеиных колец, он свободен и статен, величав и прям» [Бунин, V, с. 39]. Его голос по силе подобен грому: «Истинно, истинно говорю тебе, ученик: снова и снова отречёшься ты от меня ради Мары, ради сладкого обмана смертной жизни в эту ночь земных рождений!» [Бунин, V, с.40].

Образ Мары, бога «жажды существования», как называет его Бунин [Бунин, IV, с. 258], представлен в самой «Сутте-Нипате». Мара искушает Возвышенного. Леность, похоть, тщеславие, славолюбие, надменность, глумливость, все плотские наслаждения есть «воинство» Мары. «Вот твое воинство, о Мара, его ты ведешь в бой, о темный! Никто не поборет того воинства, кроме Победителя, и, победивши, он обретет радость!» – отвечает Маре Совершенный (Sutta-Nipata, III Mahâvagga, 2 Padhāna *Sutta, 436*). «Победите жажду к тому, что вверху и внизу, что вдали и что в середине, – ибо за всякою вещью, которая манит человека к обладанию, притаился Мара!» – слова Будды из Сутты-Нипаты (*Sutta-Nipata*,V Pārāyanavagga, 12 Bhadrāyudha Mānava-Pucchā, 1102).

В бунинском рассказе «Братья» мудрость Будды, Возвышенного, противопоставляется же-

ланиям, воинству бога Мары. На этом противопоставлении строится почти все произведение. Герой его, юноша-сингалез, отчаявшийся вернуть невесту, совершает самоубийство. Каждое его действие сопровождается словами Возвышенного. Например, юноша хочет убить себя из-за несчастной любви. И тут же: «Проснись, проснись! – кричали в нем тысячи беззвучных голосов его печальных, стократ истлевших в этой райской земле предков. – Стряхни с себя обольщения Мары, сон этой краткой жизни! Тебе ли спать, отравленному ядом, пронзенному стрелой?.. все скорби, все жалобы – от любви, от привязанностей сердца – убей же их! Ты ранен самой острой стрелой в сердце – жаждой любви» [Бунин, IV, с. 270]. Здесь Бунин снова обращается к суттам канонической книги: «…я увидел в мире стрелу, никем не зримую, вонзённую в сердце. Кто пронзен тою стрелой, тот рвется во все стороны, кто извлек ее из себя, тот не стремится вовсе, стал покоен» (Sutta-Nipata, IV Atthakavagga, 15 Attadanda Sutta, 938-939). Или: «Кто ищет неизменной радости, тот вырвет ту стрелу из своей раны… обретет он мир своему духу; кто превозможет печаль, тот угасит её, успокоится в блаженстве» (Sutta-Nipata, III Mahâvagga, 8 Salla Sutta, 592). В «Сутте-Нипате» многие истины излагаются в виде спора между Совершенным (Буддой) и Марой: «Кто имеет сынов, тот имеет радость от сынов… ибо звенья бытия – радости людей», – так говорил лукавый Мара. Но так сказал Совершенный: «Кто имеет сынов, тот имеет и заботу от сынов, ибо звенья бытия – причина людских забот…» (Sutta-Nipata,I Uragavagga, 2 Dhaniya Sutta, 32-33).

В рассказе «Братья» Бунин, полностью сохраняя стиль «Сутты-Нипаты», говорит о старике-рикше: «Он имел жену, сына и много маленьких детей, не боясь того, что «кто имеет их, тот имеет и заботу о них» [Бунин, IV, с. 257]. Мара – олицетворение страстей, искуситель, пытающийся соблазнить самого Возвышенного. Готаму искушают дочери Мары: Стремление, Тревога, Вожделение. Но Мара терпит поражение. Готама достигает просветления и становится Буддой. У Бунина Возвышенный, победивший Желание, противостоит Маре – богу смерти, повелителю людского мира, властвующему над всеми людскими соблазнами, искусителю, «богу жажды существования». Когда молодой рикша погибает, не сумев справиться со своей страстью (любовь, ревность), побеждает Мара.

Бунин часто рисует чувственную слабость человека. Путь к просветлению известен. Он изложен подробно во многих канонических книгах, например, в любимой и неоднократно цитируемой им «Сутте-Нипате». Но следовать ему до конца могут лишь единицы. Основная масса людей подчиняется Маре. Такова жизнь. И жизненный путь бунинских героев зачастую трагичен: убивает себя рикша, опускается и умирает капитан из рассказа «Сны Чанга», отшельник из «Ночи отречения», вероятно, поддастся искушению, о чем предупреждает видение Просветленного. Дидактика не срабатывает. О своем «Освобождении» Бунин не говорит никогда. В том же, что этого «Освобождения» достиг Толстой перед смертью или, по крайней мере, подошел к нему вплотную, он не сомневается. В своих воспоминаниях о Бунине Г.Н. Кузнецова пишет: «Иван Алексеевич говорил, что жаль ему, что он не положил свою жизнь “на костер труда”, а отдал ее дьяволу жизненного соблазна. “Если бы я сделал так, я был бы одним из тех, имя которых помнят. Но Ананде было сказано Буддой: “Истинно говорю тебе, ты еще много раз отречешься от меня в эту ночь земных рождений”« [Литературное наследство, с. 290].

Один из символических образов, перекочевавший из «Сутты-Нипаты» и других восточных книг в бунинские рассказы, – покрывало Майи. В «Городе Царя Царей» Махинда, сын царя Асоки Великого, обращается к царю Тиссе: «Царь, не разрушай жизни!... Сбрось с себя покрывало греха и невежества. Я Махинда … зову тебя на кроткую стезю Того, кто научил Нирване и Закону» [Бунин, V, с. 134]. В самой «Сутте-Нипате» это «покрывало греха и невежества», «покрывало Майи» упоминается неоднократно, преимущественно в обращениях к Будде: «Каждую истину ведаешь ты, взором проникший в вечную Дхамму, – ты, все живое обнявший своею любовью! Ты совлек покрывало с этого мира, ты, Непорочный, светишь во всех мирах!» (Sutta-Nipata, II Culavagga, 15 Dhammika Sutta, 377); «Если ж покинет он («великий человек». – *О.Ч.*) родной кров ради пустынножительства, он становится Благословенным, несравненным Буддою, Озаренным, сорвавшим покрывало с лица мира» (Sutta-Nipata,V Pārāyanavagga, Vathugatha, 1003); «Радуюсь, внимая словам Мудрого; Совершенно просвещенный сорвал покрывало с мира, благ он, милосерд и премудр» (Sutta-Nipata, V Pārāyanavagga, Pārāyanathutigatha, 1146) и др. Этот образ есть и у Л.Н. Толстого. О покрывале Майи говорит в его рассказе «Карма» буддийский монах Наряда, объясняя ювелиру Панду причины его несчастий: «Считать себя отдельным существом есть обман, и тот, кто направляет свой ум на то, чтобы исполнять волю этого отдельного существа, следует за ложным светом, который приведет его в бездну греха. То, что мы

считаем себя отдельными существами, происходит оттого, что покрывало Майи ослепляет наши глаза и мешает нам видеть неразрывную связь с нашими ближними, мешает нам проследить наше единство с душами других существ. Немногие знают эту истину. Пусть следующие слова будут вашим талисманом: "Тот, кто вредит другим, делает зло себе. Тот, кто помогает другим, делает добро себе. Перестаньте считать себя отдельным существом – и вы вступите на путь истины. Для того, чье зрение омрачено покрывалом Майи, весь мир кажется разрезанным на бесчисленные личности. И такой человек не может понимать значения всеобъемлющей любви ко всему живому"» [Толстой, XII, с. 272-273].

Суть такого восточного понятия, как закон воздаяния, разъясняется Толстым в этом малоизвестном рассказе, написанном в 1894 г. и опубликованном тогда же в журнале «Северный вестник» (№12). Годом позже рассказ «Карма» по решению Московского губернского цензурного комитета был запрещен к изданию отдельной книгой. В 1906 г. он снова вышел в свет вместе с коротким рассказом «Это ты» уже в толстовском издательстве «Посредник» (том самом издательстве, отношение к которому имел и И.А. Бунин). В отличие от «Кармы» «Это ты» – почти дословный перевод Л.Н. Толстого одной из публикаций журнала «Theosophischer Wegweiser» (1903, №5).

Позднее, художественно обработав сюжет, писатель создает рассказ, вошедший в его собрание сочинений как «Ассирийский царь Асархадон». В рассказе старец «с длинной седой бородою» разъясняет жестокому царю Асархадону сущность этого мира и отговаривает от казни порабощенного им царя Лаилиэ, используя оригинальный прием. За доли секунды, пока Асархадон окунается с головой в купель, а старец льет на него воду из кружки, царь успевает почувствовать себя своим врагом Лаилиэ и прожить часть его жизни, длящуюся, как кажется, ему не один месяц:

– О, как ужасно мучался я! И как долго! – говорит Асархадон.

– Как долго? – говорит старец. – Ты только что окунул голову и тотчас опять высунул ее; видишь, вода из кружки еще не вся вылилась. Понял ли ты теперь?

Асархадон ничего не отвечает и только с ужасом глядит на старца.

– Понял ли ты теперь, – продолжает старец, – что Лаилиэ – это ты, и те воины, которых ты предал смерти, – ты же. И не только воины, но и те звери, которых ты убивал на охоте и пожирал на своих пирах, были ты же. Ты думал, что жизнь только в тебе, но я сдернул с тебя покрывало обмана и ты увидал, что, делая зло другим, ты делал его себе. Жизнь одна во всем, и ты проявляешь в себе только часть этой одной жизни. И только в этой одной части жизни, в себе, ты можешь улучшить или ухудшить, увеличить или уменьшить жизнь. Улучшить жизнь в себе ты можешь только тем, что будешь разрушать пределы, отделяющие твою жизнь от других существ, будешь считать другие существа собою – *любить их* [Толстой, XIV, с. 20-21].

Аналогичный прием позже будет использован другим писателем, близко знакомым с мудростью Востока. В романе Г. Гессе «Игра в бисер» (1943) в третьем житии Кнехта идет повествование о долгой жизни Дасу, ученика отшельника, со всеми ее радостями и горестями, взлетами и падениями. Однако оказывается, что всю эту жизнь он «пережил» за доли секунды возле родника, в тот момент, когда собирался наполнить чашу учителя водой. За какие-то мгновения герой успел найти жену, стать царем, потерпеть поражение, потерять единственного сына, а главное – понять, чтó есть майя и стоит ли продолжать дальше свое обучение у буддиста-отшельника или выбрать собственный духовный путь [Гессе, с. 450-465]. Примечательно, что у Толстого (и у Гессе) дидактика работает. Герои осознают свои ошибки, исправляются и начинают следовать Пути.

Некоторые бунинские персонажи только смутно ощущают присутствие Истины, но их Путь еще не начался. Эпиграф к рассказу «Братья» взят из «Сутты-Нипаты»: «Взгляни на братьев, избивающих друг друга. Я хочу говорить о печали» [Бунин, IV, с. 256]. Полностью сутта звучит так: «Кто в руки взял жезл, тот нагоняет страх. Взгляни на людей, избивающих друг друга, я хочу говорить о печали, как я изведал ее». И далее: «Когда я увидел: вот мечутся люди, как рыба в садке, где мало воды, вот они ставят помехи в жизни друг другу, – на меня напал страх», – говорит Будда (Sutta-Nipata, IV Atthakavagga, 15 Attadanda Sutta, 935-936). В эпиграфе к «Братьям» И.А. Бунин убрал те слова, которые слишком явно соотносились с содержанием рассказа (англичанин взял жезл и нагонял страх), и заменил слово «люди» на слово «братья». Братство персонажей не случайно. Англичанин – в какой-то мере персонаж автобиографический. «То, что чувствовал англичанин в "Братьях", – автобиографично», – отмечает А.К. Бабореко [Бабореко, с. 10].

Современный «цивилизованный» человек, по мнению англичанина, уже не верит в бога по-настоящему. Он деловит, жаден, пресыщен, холоден, возносит свою личность «превыше не-

бес», «хочет сосредоточить в ней весь мир». Будда же «понял, что значит жизнь Личности в этом мире бывания: в этой Вселенной, которой мы не постигаем, – и ужаснулся священным ужасом». Герой (и автор) с горечью добавляет: «И вот только в океане, под новыми и чуждыми нам звездами, среди величия тропических гроз, или в Индии, на Цейлоне, где в черные знойные ночи, в горячечном мраке, чувствуешь, как тает, растворяется человек в этой черноте, в звуках, в запахах, в этом страшном *Все-Едином*, – только там понимаем мы в слабой мере, что значит эта наша Личность…» [Бунин, IV, с.278].

Европейцу уже не страшно «лежать внизу в каюте, за тончайшей стеной которой возле самой твоей головы всю ночь шумит, кипит эта бездонная хлябь» [Бунин, IV, с. 275]. Европеец слабей, чем зверь, чем дикарь, так как у них «хоть инстинкт сохранился». «Только здесь, на Востоке… оставшись равнодушным ко всем этим Зевсам, Аполлонам, к Христу, к Магомету, я не раз чувствовал, что мог бы поклоняться разве только им, этим страшным богам нашей прародины, – сторукому Браме, Шиве, Будде, слово которого раздавалось поистине как глагол самого Мафусаила...» [Бунин, IV, с. 277], – говорит англичанин. Рассказ «Братья» – не единственное произведение, в котором Бунин высказывается о подобном желании.

«Сутта-Нипата» – книга, которая наряду с другими трактатами повлияла как на духовные поиски Л.Н. Толстого, так и на миропонимание И.А. Бунина. Восточные трактовки сути бытия глубоко проникли в религиозно-философские представления. И последние десятилетия его жизни – яркая тому иллюстрация. Более того, такие писатели, как Бунин, с его поиском истины, мыслями о Будде, Всеедином, Атмане, могут быть названы последователями «старца Льва из Ясной Поляны», приблизившегося к «Освобождению». Нравственно-философская основа творчества Толстого и Бунина заслуживает серьезного исследования, часть которого должна быть посвящена изучению тех источников, к которым они обращались. Только при таком подходе будет понят истинный смысл многих произведений этих художников слова.

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч.: в 9 т. – М.: Художественная литература, 1965-1967.
2. Бурба Д.В. Зеркало русского индуизма. Неизвестный Лев Толстой. – М.: София, 2006.
3. Роллан Р. Ответ Азии Толстому // Роллан Р. Собр. соч. – Л., 1933. – Т. 14.
4. Солоухина О.В. О нравственно-философских взглядах Бунина // Русская литература. – 1984. – №4. – С. 50.
5. Крапивин В.В. Штудии. Окно на Восток. «Кушитство» и «иранство» в русской прозе 1910-1930 годов // Литературная учеба. – 2000. – №1. – С. 152.
6. Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. – М. : Худ. лит., 1978-1985. – Т. XVIII. – С. 816. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
7. Сутта-Нипата: сб. бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведенная с языка пали доктором Фаусбеллем / рус. пер. и предисл. Н.И. Герасимова. – М.: Издание Товарищества А.А. Левинсона, 1899.
8. Отдел рукописей РНБ. Собр. П.Л. Вакселя. № 124.
9. Литературное наследство. Иван Бунин. – Т. 84: в 2 ч. — М.: Наука, 1973. – Ч. 2.
10. Гессе Г. Собр. соч.: в 8 т. — Харьков: Фолио, 1994. – Т. 5.
11. Бабореко А.К. Поэзия и правда Бунина // Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. – М.: Советский писатель, 1989.

Чебоненко Оксана Сергеевна, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения, кандидат филологических наук. E-mail: oxiche@mail.ru

Chebonenko Oksana Sergeevna, associate professor, Irkutsk State Transport University, candidate of philological sciences.

УДК 82-2

© А.С. Собенников

Ремарка как средство психологического анализа в драматургии А. Вампилова

Статья посвящена функциям психологической ремарки в драматургии А. Вампилова.

Ключевые слова: А. Вампилов, социально-психологическая драма, функции психологической ремарки.

A.S. Sobennikov

Remark as means of psychological analysis in A. Vampilov's drama

The article is devoted to the study of functions of psychological remark in A. Vampilov's drama.

Keywords: A. Vampilov, social and psychological drama, functions of psychological remark.

А. Вампилов – наследник классической традиции в русской драматургии, наследник А.Н. Островского и А.П. Чехова. В пьесах драматургов XIX в. особое место занимал психологический анализ, т.к. жанр социально-психологической драмы был доминирующим и одним из способов описания чувств была психологическая ремарка [Ивлева, с. 82-91].

Уже в первой пьесе А. Вампилова «Дом окнами в поле» психологические ремарки становятся знаками подлинных чувств героев. Молодой учитель Третьяков, отработав по распределению три года в деревне, возвращается в город. Перед отъездом он заходит попрощаться с зав. молочной фермой Астафьевой. Из характерологических ремарок мы узнаем, что Астафьевой «двадцать шесть лет, она привлекательная, здоровая женщина, взбалмошная и любопытная», что у нее «природный, естественный оптимизм» [Вампилов, с. 23] (в дальнейшем ссылки на страницы этого издания указаны в тексте в круглых скобках).

Третьяков – «учитель двадцати восьми лет. Симпатичен, толстоват и медлителен. Третьяков из тех, кто подолгу принимает решения и кого образованность несколько отвлекает от дела» (с. 23). Настроение у него «растерянно-элегическое». На слова Третьякова, что его любят даже второгодники, Астафьева отвечает «грустно»: «А почему бы вас, Владимир Александрович, не любить?» (с. 24). Эмоции героев соответствуют ситуации «прощания».

Однако ситуация «прощания» оборачивается у Вампилова ситуацией «признания в любви». По ходу действия выясняется: что-то случилось на Троицу. Тогда, в мае, Третьяков мог сесть в ходок к Астафьевой и не сел. Тогда, в мае, пели песни, и сейчас, под окнами Астафьевой, поют. В варианте текста, опубликованном в газете «Советская молодежь», хор пел песню «Позарастали стежки-дорожки». Автор взял второе двустишие: «Позарастали мохом, травою, где мы гуляли, милый, с тобою», т.е речь шла об ушедшей любви» (с. 36).

В тексте, опубликованном в журнале «Театр», хор поет украинскую народную песню: «Несет Галя воду, коромысло гнется, стоит Ваня подле, над Галей смеется» (с. 15). Обе песни объединяет мотив измены [Смирнов, с. 54-55]. Хор становится у Вампилова внесценическим персонажем, отчасти он выполняет функцию античного хора. При этом меняется эмоциональное состояние героев. В конце пьесы, когда объяснение, по сути, состоялось «Астафьева смеется»(с. 22).

Уже в первой опубликованной пьесе Вампилова психологические ремарки раскрывали диалектику чувства, демонстрировали мастерство автора в раскрытии характеров, ведущих психологический поединок. Инициатива у Вампилова принадлежит женщине, ибо мужчина «медлителен».

«Астафьева (*вдруг*). Постойте!

Третьяков (*прикрыл дверь*) Да?

Слышна лишь мелодия

Астафьева (*решительно*). Я вас не пущу.

Третьяков. В чем дело?..

Астафьева (*лукавит с большим искусством*). Сейчас я вас не пущу» (с. 15).

Естественно, героиня Вампилова не боится сплетен, ее цель – задержать Третьякова. И далее целая цепь ремарок относится к психологической дуэли, которая происходит между мужчиной и женщиной.

Третьяков: *в недоумении; задумчиво; подходит к Астафьевой; пытается обнять Астафьеву, попытка, впрочем, довольно робкая; обескуражен; раздосадован; смотрит на часы; с нетерпением; задумчиво; растерян; приоткрывает дверь; закрыл дверь; стук в дверь… замолчал; показывает рукой; подошёл к двери, открыл её.*

Астафьева: *приоткрыла дверь; закрыла дверь; останавливает его; с достоинством; теперь она иронизирует; невинно; кротко; мстительно; подходит к окну; открывает дверь; подходит к двери; смотрит на Третьякова вопросительно; держится мужественно; отлично держится; отчаянно; смеется».*

Как видим, открытая или закрытая дверь тоже вовлекается в психологическую игру.

Комедия «Прощание в июне» начинается со сцены на улице. Таня стоит у доски с объявлениями и афишами. Колесов спрашивает Таню, сколько раз она прочитала афиши. Таня отвечает «*не сразу*»: «*Три. Ну и что?»* (с. 45). В этом случае речь идет не о простой задержке с ответом. Предположение героя, что Таня читает афиши «от скуки», не лишено основания. Героине нечего делать, и следующая ремарка «*пожала плечами*» передает это состояние неопределенности.

Одна из самых распространенных психологических ремарок в русской драме – молчание. Ремарки *молчание, пауза, небольшая пауза, маленькая пауза, помолчав, не сразу* не просто определяют темпоритм драматического действия, они, как правило, связаны с психологическим анализом. В «Доме окнами в поле» герои два раза *помолчали*, один раз была *маленькая пауза*. В комедии «Прощание в июне» ремарка *молчание* встречается 27 раз, *небольшая пауза* – 8 раз, *пауза* – 2, *не сразу* – 7 и 1 раз – «*молчит»*, «*молчат*», «*помолчали*», «*помолчав*». Ремарка *молчание* появляется тогда, когда возникают остроконфликтные психологические ситуации. Так, в сцене покупки диплома между Репниковым и Колесовым устанавливается связь, в основе которой лежит нравственный компромисс.

«Репников…Получите диплом и уедете. По назначению… В Каменку на селекционную станцию, если угодно. Как раз то, что вам надо.

Небольшая пауза.

Что?.. Может быть, вы этого не хотите?

Молчание.

Колесов (*не сразу*). Нет. Об этом я не думал.

Молчание.

(*Медленно*). Но теперь я должен об этом подумать.

Репников. Меня привело к вам благоразумие. Будьте и вы благоразумны.

Молчание» (с. 82).

В финале пьесы повторяется сцена первого действия, Колесов стоит возле афишной тумбы. Мимо проходит Таня.

Колесов (*останавливает ее*). Девушка, куда вы торопитесь?..

Молчание.

Домой?

Молчание.

В парк?

Молчание.

На концерт?

Таня. Простите, у меня нет времени. (*Хотела уйти, он снова ее остановил.*)» (с. 94)

В двух сценах семантика молчания разная. В первом случае и Репников, и Колесов понимали, что обмен Тани на диплом аморален. В молчании происходит нравственный выбор Колесова. Во втором случае речь идет о прощении или о прощании. Выбор должна сделать героиня. Герои *стоят в трех шагах друг от друга.* Открытый финал свидетельствует о том, что ничего не решено, возможен и первый, и второй варианты. В пьесах драматурга в зону молчания уходит неопределенность самой жизни, ее непредсказуемость.

В «Утиной охоте» Галина, собрав чемодан, «*сидит молча*». Ей тоже предстоит сделать выбор между ветреным мужем и надежным другом детства. Чемодан собран, но окончательного решения нет.

«Зилов. А как там с охотой? Не знаешь?

Галина. По-моему, хорошо. Там прекрасный лес, озера…(*Вдруг.*) Поедем».

Ремарка указывает на спонтанность решения, бессознательность выбора. Но увлеченный Ириной Зилов не слышит жену.

«Зилов. Туда? На охоту?

Галина. Нет, я пошутила. Я тебя не возьму… Отдыхать, так отдыхать.

Зилов. Верно, лучше мы разъедемся. Ненадолго.

Галина. Да, лучше разъедемся» (с. 578).

Выбор сделан, но окончателен ли он? Галина возвращается, чтобы сказать Зилову правду: она едет не к дяде, а к другу детства. В сцене объяснения пять раз возникает «*маленькая пауза*».

Зилов. Насовсем?

Галина. Да.

Маленькая пауза.

Зилов. «Насовсем» – это как понимать? Навеки, навсегда, так, что ли?

Галина. Так… Навеки, навсегда» (с. 579).

Здесь и далее паузы в диалоге появляются после слов Галины, т.е. это Зилову нужно время, чтобы отреагировать, в отличие от Галины он играет. Возможно, Галина надеялась, что, узнав правду, Зилов перестанет лгать, играть, поэтому она и вернулась.

Выстраивая систему психологических ремарок, драматург решает несколько эстетических задач: 1) раскрывает характер; 2) анализирует ситуацию коммуникативного провала; 3) осуществляет подлинную коммуникацию.

Перечислим ремарки данного эпизода, относящиеся к образам Зилова и Галины, в их последовательности. Зилов: *закипает; трясет ее; тащит ее в другую комнату; в другой комнате усадил ее на стул; выходит на балкон, кричит; оборачивается, бежит к двери, но в это время Галина закрыла ее на ключ; стучит; разбегается, ударил дверь плечом. Безуспешно; мгновение постоял молча; некоторое время стучит, потом перестает стучать. Постоял молча; помолчал; Искренне и страстно…* Галина: *сидит, опустив голову; вдруг поднимается и выходит в первую комнату; опустившись перед дверью на пол, плачет; плачет громче; поднялась, вытерла слезы; тихо уходит.*

Герой действует импульсивно, повинуясь мужской роли охотника. Состояние гнева передают глаголы движения (трясет, тащит, выходит, кричит и т.д.). Ремарки *постоял молча, помолчал* маркируют границу между физическим действием (насилием) и эмоциональным признанием (исповедью). Психологический парадокс у Вампилова проявляется в том, что Галина, добившись своей цели вернуть мужа, сама уходит. Не хватило мгновения, чтобы услышать, как Зилов стал говорить *искренне и страстно.* В психологическом поединке женский персонаж обречен на роль жертвы. Ремарки *плачет, плачет громче*, *вытерла слезы, тихо уходит* передают не только состояние героини, но и провал коммуникации. Подлинная коммуникация осуществляется между автором и читателем (нарратологический аспект).

В пьесе «Прошлым летом в Чулимске» есть несколько драматических сцен, в которых проявляется мастерство автора в описании чувств. Первая такая сцена – в чайной, где Шаманов узнает, что Валентина его любит. Герой спрашивает героиню, почему она осталась в Чулимске. В ходе диалога выясняется правда: Валентину держит любовь. Психологические ремарки выстраиваются в такой последовательности:

Шаманов: *Не сразу; небольшая пауза; любуется ею, потом усмехнувшись; не сразу; с любопытством; никак не ожидал этого признания и явно им озадачен; с удивлением; не сразу, с растерянностью; остановился; не сразу; засмеялся; открыл калитку, сделал шаг и …погладил её по голове; довольно сухо; идёт за ней следом; постоял-постоял, а потом поднялся на веранду и уселся на стул. Некоторое время сидит, вытянув ноги и запрокинув голову.*

Валентина: *У нее вырывается то, что она могла бы сказать ему в любую минуту; тихо; неожиданно громко, с отчаянием; с напряжением, изо всех сил стараясь улыбнуться; негромко, с усилием* (с. 645-646).

В этом описании есть гносеологический аспект: паузы возникают в речи Шаманова, т.к. он ищет ответ на вопрос. Валентина говорит без пауз, она знает, что́ ее держит в Чулимске. Шаманов видит Валентину как будто в первый раз, ему открывается суть характера девушки. Ремарки, связанные с образом Валентины, описывают ее состояние. В ответах Валентины есть психологическое напряжение: она говорит то тихо, то громко, с отчаянием, с усилием. Особую роль в этой сцене играет калитка. Шаманов обращает внимание на Валентину в тот момент, когда героиня начинает восстанавливать ограду. Одной деталью автор сближает персонажей: оказывается, Шаманов, как и Валентина, всегда ходит по тротуару, не ломая калитки. Герой помогает починять калитку: он и она оказываются рядом в физическом пространстве, но «*Шаманов стоит против нее по другую сторону калитки»* (с. 644). То есть калитка становится в пьесе метафорой с ценностным содержанием.

Вторая сцена – поединок Шаманова с Пашкой. Словесная дуэль перерастает в пороговую ситуацию: Пашка стреляет в Шаманова, но пистолет дает осечку. Автор следит за психомоторикой героя: *на лице у Шаманова – ужас, потом недоумение*; *Приходит в себя, но разжать пальцы, которыми несколько секунд назад он схватился за подлокотники, ему не сразу удаётся. Но вот он овладел руками. Ладонью провел по лбу и по глазам; Шаманов хотел подняться, но безуспешно. Ноги его не держат* (с. 649). Психологические ремарки выполняют функцию, аналогичную третьеличному повествователю в эпическом произведении. «Повествователь» описывает поведение героя, рассказывает о его психологическом состоянии.

Третья сцена – ссора матери с сыном из-за мужчины, которого она любит.

«Пашка. Кто ждал твоего Афанасия?
Хороших (*кричит*). Замолчи!
Пашка. Кто его не дождался?
Хороших. Замолчи!
Пашка. Ты или я!
Хороших. Замолчи! Будь ты проклят…(*Ищет оскорбления, потом)* Крапивник!
Молчание.
(*Приходит в ужас от того, что она только что произнесла*.) Паша…Сынок… (*Плачет*.) Прости меня… (*Идет к Пашке, но он ее останавливает)*
Пашка (*глухо*). Ладно, мать… Иди…» (с. 665).

Эта сцена – пример глубокого психологического анализа. Мать просит сына замолчать. Молчание – результат оскорбления, которое в гневе мать наносит сыну. У сына своя правда, не случайно Валентина, чуткая к неправде, в этом случае пожалеет Пашку и пойдет с ним на танцы в Потеряиху.

Таким образом, психологические ремарки – важнейший прием психологического анализа в пьесах Вампилова. Драматурга интересуют состояние души героя, его ценности, его позиция. Мир, окружающий героя, переживается им. Эмоции становятся качеством личности. Не случайно официант Дима в «Утиной охоте» почти не выражает эмоций. В пьесах Вампилова, лишенных идеологического содержания, восстанавливалась связь с социально-психологической драмой XIX в., прежде всего с драматургией А.П.Чехова.

Литература

1. Вампилов А.В. Драматургическое наследие. – Иркутск, 2002.
2. Ивлева Т.Г. Автор в драматургии А.П.Чехова. – Тверь, 2001.
3. Смирнов С.Р. Недопетая песня. – Иркутск, 2005. С.224.

Собенников Анатолий Самуилович, профессор, декан факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета, доктор филологических наук. Тел.: (3952)243995. E-mail: soben@slovo.isu.ru
Sobennikov Anatoly Samuilovich, professor, Dean of the faculty of Philology and Journalism, Irkutsk State University, doctor of philological sciences.

УДК 82:7.046.1

© О.А. Колмакова

Мифологическая метаморфоза как культурный код в русской прозе рубежа XX-XXI вв.

Анализируется мотив метаморфозы в современной русской прозе как элемент неомифологической поэтики.
Ключевые слова: современная русская проза, метаморфоза, неомифологизм, мотив.

O.A. Kolmakova

Mythological metamorphosis as a cultural code in Russian prose at the turn of XX-XXI centuries

The article analyzes of metamorphosis in the modern Russian prose as an element of the new-mythic poetics.
Keywords: modern Russian prose, metamorphosis, new-mythic poetics, motive.

Характеризуя российскую культурную ситуацию рубежа XX–XXI вв., исследователи пишут о ее переходности, связанной с системным кризисом всего общества. Этот кризис в литературе конца XX в. выливается в «переживание глубокой силы», стремление к «преображению, перерождению самого бытия и его природы» [Яковенко, с. 138, 141]. В переходной эпохе, по мнению Н.А. Хренова, отчетливо выражено наличие «скачка», «мутации» [Хренов, с. 435]. В русской гуманитарной науке закрепляется новая парадигма, сформулированная в книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Новый альянс: Метаморфоза науки», вышедшей в СССР в 1986 г. под названием «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой». По нашему мнению, идея метаморфозы, пронизывающей все уровни и формы бытия человека конца 20-го столетия, заслуживает пристального внимания.

Исследуя феномен метаморфозы, отражающей «существеннейшие черты ранней мифопоэтической мысли» [Иванов, с.147], авторы конца XX в. активно используют энергию архаического мифа и мифологического слоя современной культуры – порожденные ими архетипы и стереотипы. Телеология эстетического поступка у современных авторов часто связана с попыткой преодоления границ между «сакральным» и «профанным», переход между которыми возможен лишь посредством обязательных метаморфоз. Как отмечает В.В. Иванов, одними из наиболее характерных видов мифологических метаморфоз являются оборотничество и смерть как переход в царство мертвых, «допускающий длинный (в принципе бесконечный) ряд метаморфоз» [Иванов, с. 148].

Мотивы превращения, перехода, оборотничества, метемпсихоза являются сюжетообразующими в современной прозе. Так, в романе В. Шарова «До и во время» (1993) центральный персонаж Жермена де Сталь обладает магическим даром самовозрождения, преодоления собственной смерти, что позволяет ей прожить три жизни. В романе В. Сорокина «Голубое сало» (1999) Сталин, пытаясь получить мировое господство, вкалывает себе в мозг секретное вещество и превращается в слугу ничтожного «красавчика» из будущего. В антиутопии Т. Толстой «Кысь» (2000) изображаются последствия глобального Взрыва, в результате которого могущественная цивилизации претерпевает метаморфозу, вернувшись в первобытное состояние. Рассмотрим феномен метаморфозы на материале таких произведений, как «Быть Босхом» А. Королева, «Священная книга оборотня» В. Пелевина и «Номер Один, или В садах других возможностей» Л. Петрушевской, вышедших в 2004 г.

На наш взгляд, «текст 2004 г.» может претендовать не только на роль некоего «резюме» по отношению к тем художественным поискам, которые осуществлялись в российском литературном процессе 1990-х гг., но и на роль «текста культуры». К 2004 г. происходит завершение определенного этапа развития постсоветской культуры, обусловленное политическими и экономическими причинами: убедительная победа В.В. Путина на президентских выборах становится показателем относительного единства нации; впервые за весь постсоветский период наблюдается экономический рост; Россия выходит на пятое место в мире по количеству выпускаемых книг; в стране активно вручаются литературные премии, проходят многочисленные фестивали авторов, издателей и критиков.

В романе «Быть Босхом» А. Королев традиционно для своей творческой манеры играет границами бытия и искусства. Герои романа являются одновременно персонажами социально-исторической и бытийной драм, между которыми писатель устанавливает мистико-метафорические отношения. Сюжет романа двухуровневый. На внешнем уровне изображается дисциплинарный батальон в Бишкиле, «зона», где проходит службу автобиографический герой – молодой писатель с вполне диссидентскими взглядами. В этом сюжете «авторское» художественное сознание характеризует реалистическая сублимация, т.е. превращение «любых явлений действительности в социально-моральные и эстетические ценности» [Гинзбург, с. 68]. Здесь вполне уместен такой, к примеру, самоупрек героя: «остекленев на ветру эготизма, ты скользишь мимо жизненной груды униженных и оскорбленных» [Королев, 2004, с. 90]. Изображая «бишкильский ад» (очевидна перекличка с романом С. Довлатова «Зона») как мир контркультуры, Королев противопоставляет его традиционным ценностям: писатель «сталкивает» язык (а

значит, и сознание) «зоны» и русский литературный язык (см. многочисленные «тезаурусы», которыми снабжено повествование).

Внутренний, модернистский, сюжет разворачивается в пространстве высокой культуры. По ночам лейтенант Королев пишет роман «Корабль дураков» об Иерониме Босхе. Обращение писателя к экфрасису, предметом которого являются знаменитые творения художника эпохи Возрождения, связывает обе сюжетные линии в единое целое. Кроме того, сюжетные линии сливаются в проблеме искусства, которую исследователи считают центральной в творчестве Королева [Климутина, с. 5]. Для героя романа «Быть Босхом» искусство становится способом самосохранения человеческого духа: как замечает С. Чупринин, «фантазмы Босха погасили, сделали терпимым то, чего иначе и терпеть-то невозможно, то, от чего так легко либо сойти с ума, либо оскотиниться» [Чупринин, с. 196].

В реалистическом сюжете изображаются эволюция героя от 1970-х к 2000-м гг., становление его писательской и человеческой идентичности «как субъективной, экзистенциальной (телеология творчества, место художника в мире, духовное самоопределение), так и социально-исторической (принадлежность к литературному поколению, кругу, формирование литературной репутации)» [Абашева, с. 74-75]. Герой проходит путь от незавершившихся творческих поисков (роман о Босхе остается недописанным) до создания некоего итогового произведения, расставляющего акценты в современности и дающего оценку всей прожитой жизни.

Модернистскую линию романа характеризует логика мифа. Здесь возможны метаморфозы – мгновенные превращения и преображения героев и окружающей их реальности. Королев художественно воплощает мифологическую концепцию сна как особого состояния «сакрального экстаза», во время которого происходит «приобщение к божеству» [Маковский, с. 302]. Ср.: «В состоянии сна земная цивилизация переходит на высший уровень общей памяти мироздания <…> Сон – ручеек в память Бога». Сон в романе не изображает иную реальность, а «впускает» в нее: герою важно «уметь проснуться внутри собственного сна» [Королев, 2004, с. 93, 96, 94]. «Точкой входа» в иное измерение для героя становится репродукция одной из самых знаменитых работ Босха – триптиха «Сад земных наслаждений». Сосредоточившись, герой входит в лаз между дисками, изображенными на внешних створках алтаря. Выбор именно этого произведения Босха не случаен: сад, как отмечала Т.В. Цивьян, представляет собой устойчивую мифологическую модель универсума [Цивьян, с. 146]. В мифологеме «сад» профанное-бытовое-настоящее соединяется с сакральным-бытийным-вечным.

Сакральное пространство связано для героя с прошлым и географически воплощено в средневековом Хертогенбосе, родном городе Босха. В точке входа в иное пространство лейтенант Королев мгновенно превращается в одного из учеников великого мастера. Эта метаморфоза, позволяющая герою существовать за границами реальности, метафорически изображает идею полного погружения, растворения писателя в создаваемом им художественном мире. Субъектно-объектная система «писатель – герой» превращается в свою противоположность: возникает пара «ученик – учитель». В императивно сформулированном заглавии романа видится не только преклонение автора перед художником эпохи Возрождения, но и паронимическое «быть Богом», что декларирует авторскую интенцию как обретение статуса творца, художника.

Автора-повествователя в произведениях Босха привлекает «творческая сила греха», порожденная «чувством вины», осознанием тяжести собственного греха художника. Босх у Королева заявляет: «…на свете нет ни истинной красоты, ни истинной святости, и то, и другое – лишь метаморфозы греха» [Королев, 2004, с. 284]. Подтекстом в романе проходит идея о спасительной, искупительной силе искусства, буквализирующая метафору «творческие муки» в христианском аспекте. Эта идея звучит в финале: автор обращается к герою со словами: «…цена входа <в средневековье> была одна – твои муки, герой» [Королев, 2004, с. 311]. Таким образом, если писатель становится Богом-отцом, то его герой – Христом. А. Агеев назвал Анатолия Королева писателем, остро чувствующим трагическую основу бытия [Агеев, с. 208]. По Королеву, единственным доказательством подлинности бытия является страдание, поскольку «бытие <…> невозможно без ран» [Королев, 2004, с. 184].

«Следы» мифологической реальности пронизывают реалистический пласт романа, «удваивая» образы героев. Так, начальник гауптвахты старшина Стонас – «нулевой человек» (метафора, обозначавшая в романе «Змея в зеркале…» (2000) человека без памяти), «застенчивый нежный изверг», который по-отечески относился к Королеву, а солдат пытал хлоркой, – становится «Вергилием», помогающим герою преодолеть путешествие по всем кругам «бишкильского ада». Удачно скрывавшаяся среди солдат лагерная «мамка» с «легкими усиками и мальчишескими манерами» оказывается гермафродитом

(«ад», «Вергилий», «гермафродит» – сквозные образы писателя; ср. в «Эроне» (1994) – «ад ткацкой фабрики», Фока Фиглин, «Вергилий» Антона Алевдина, гермафродит Надя Навратилова).

Раздвоенность героев, некая незавершенность начавшейся метаморфозы воплощают идею потери идентичности, острую для кризисного сознания переходной эпохи. Возрождение, несомненно, было одной из таких эпох. Не случайно Королев вводит в свой роман о Босхе притчу о натуре для св. Вероники и Иродиады. Прекрасный одухотворенный образ Вероники Босх пишет с дочери своего соседа, а всего через несколько лет узнает эту девушку в «развратной старой колоде» – старухе из притона, которую он просил позировать для образа великой грешницы Иродиады.

Центральный в тексте мотив пробуждения героя внутри сна, восходящий, по-видимому, к гоголевскому «Портрету», был использован Королевым в уже упоминавшемся романе «Змея в зеркале…», в котором мифологическая метаморфоза выполняет сюжетообразующую функцию. С главными героями этого произведения происходит ряд преображений, погружающих сюжет в новое символическое измерение. Так, безымянный герой романа, потерявший память обитатель психбольницы, становится учеником великого ясновидца Августа Эхо и получает имя «Герман». Чтобы узнать свое настоящее имя, «Герман» должен выполнить задание своего учителя: найти некую Лизу фон Каузер, которой предначертано стать причиной смерти самого Эхо. Эхо погружает «Германа» в гипнотический сон, внутри которого тот просыпается и действует по обстоятельствам.

Однако этот детективный сюжет, разворачивающийся во второй половине XX в., оказывается проекцией, отражением истинной драмы, разыгравшейся много веков назад. В финале романа выясняется, что Эхо – это Зевс, мечтающий вернуть Олимп, для чего ему нужно истребить Лизу – Герсу, которая свергла языческого бога с престола, освобождая его для Бога христианского (Герсой, в свою очередь, была св. Елизавета). Для поэтики Королева характерно диффузное состояние «сакральной» и «профанной» реальностей: обыденность «Змеи в зеркале…» населена чудесными персонажами (оборотень Юкко, медиумы Хейро и Эхо), а богов обуревают вполне человеческие страсти: зависть, измена, пьянство и т.д.

Трагическое мироощущение в романе снимает постмодернистская оптика иронии: мифологический план событий XX в. – это, возможно, всего лишь плод галлюцинаций психбольного с инфернальной фамилией Курносов, соседа «Германа» по палате. Именно от Курносова узнает герой об истинной цели затеянной Августом Эхо игры, в которой он, «Герман», был всего лишь пешкой. Назвавшись Гипносом, Курносов открывает «Герману» его настоящее имя – Гермес, «великое дитя метаморфоз», «повелитель всех превращений» [Королев, 2000, с. 71]. Постмодернистская интертекстуальная поэтика множит коды образа главного героя, превращая его то в одного из персонажей сказки Ш. Перро, то в античное божество, то в Германа из «Пиковой дамы»: в коллизии «Лиза – Герман», в мотиве тайны, а также в такой детали, как «оплывшая свеча в медном шандале», проглядывает пушкинская повесть.

Мифологическая метаморфоза как символ кризиса человеческой идентичности, рассмотренная на материале романов А. Королева, характеризует и произведения В. Пелевина. В его романе «Священная книга оборотня» кризис «identity» связан с еще одной сквозной для писателя темой поиска Истины. Шаржированность культурно-исторических реалий и идея иллюзорности существования ставят «Священную книгу оборотня» (2004) в один ряд с романами «Чапаев и Пустота» (1996) и «Generation ‘П‘« (1999).

Повествование в «Священной книге оборотня» ведется от лица главной героини – лисицы-оборотня, которая, подобно Петру Пустоте и Вавилену Татарскому, ищет ответ на сокровенный вопрос «Кто я на самом деле?». С помощью хвоста лиса наводит на людей «морок» – создает иллюзию наслаждения, в результате чего люди выделяют энергию сложной психофизиологической природы, которой и «питаются» оборотни. Иллюзорная реальность, создаваемая лисой, мало чем отличается от «коллективной визуализации», в которой участвует «Петька», или от цифровой симуляции мира, творимой Татарским. Алису Ли (псевдоним героини по поддельному загранпаспорту, обыгрывающий клише массового сознания «лиса Алиса») сближает с названными пелевинскими персонажами и статус поэта, предопределяющий избранность героя, используя метафору Петра Пустоты, способность «выстрелить в зеркальный шар этого фальшивого мира из авторучки» [Пелевин, 1999, с. 358].

Для художественного воплощения субъекта переходной эпохи оборотень – наиболее адекватный образ, поскольку его характеризует неустойчивая идентичность. Пелевин утрирует в своей героине это качество: лиса поясняет, что у нее «бывает до пяти внутренних голосов, каждый из которых ведет собственный внутренний диалог; кроме того, они могут начать спор между собой

по любому поводу» [Пелевин, 2004, с. 45]. Заключительная деталь в портрете героини – профессия валютной проститутки, наделяющая ее статусом культурного маргинала, который также является «героем нашего времени».

Как и в романе «Чапаев и Пустота», записки героини представляют собой, по словам Д. Полищука, «цепочку обстоятельств от некой точки бифуркации, после которой события приобретают вид предопределенного движения к финалу» [Полищук, с. 174]. По предчувствию героини, приближался момент ее выхода из «духовного тупика, в котором она провела последние пять веков» [Пелевин, 2004, с. 264]. Создавая свой текст, героиня не только пишет руководство к достижению «просветления» (статуса «сверхоборотня»), но и собственную исповедь, очищающую ее сознание перед финальной метаморфозой.

Метаморфоза сопровождает жизнь героини-оборотня по ее природе. Свою лисью сущность она обнаруживает во время «супрафизического сдвига», спровоцированного реализацией охотничьего инстинкта (охотятся лисы на кур или английских аристократов – во втором случае «работает» прием излюбленной Пелевиным инверсивной поэтики). Супрафизический сдвиг сопровождается трансформацией оборотня и ее преследователей, последние постигают чудесную сущность мира: «Когда с лисой происходит супрафизический сдвиг, преследователи видят нечто, разрушающее все их представления о мире. И дальше они бегут уже не за украденной курицей, а за этим чудом. Они гонятся за отблеском невозможного, который впервые озарил их тусклые жизни. Поэтому удрать от них бывает довольно трудно» [Пелевин, 2004, с. 229].

Восприятие реальности как «тусклой», неполноценной позже развернется в интерпретацию знаменитого полотна К. Малевича «Черный квадрат»: «Однако Малевич, хоть и называл себя супрематистом, был верен правде жизни – света в российском небе чаще всего нет. И душе не остается ничего иного, кроме производить невидимые звезды из себя самой, – таков смысл полотна» [Пелевин, 2004, с. 341]. Эти размышления, являющиеся первой ступенью к достижению состояния сверхоборотня, обнаруживают в героине ее «скрытую содержательность» (Е.Г. Эткинд). Концепция субъекта в романе В. Пелевина, таким образом, вписывается в русскую экзистенциальную традицию, ярким представителем которой был А. Платонов, писавший о том, что «последним средством жизни и страдания остается сам бедный человек» [Корниенко, с. 4].

Описывая события последнего времени, героиня вспоминает свой сон, который показывает, что подсознательно она готова к миссии пророка. «Мне снился фантастический сад, – пишет А, – залитый солнцем и полный птичьего щебета <…>. Передо мной была отвесная скала, а в ней пещера, закрытая каменной плитой. Мне следовало сдвинуть эту плиту, но она была тяжелой, и я никак не могла этого сделать. Собравшись с силами, я уперлась ногами в землю, напрягла все мышцы и толкнула ее. Плита отвалилась в сторону, и открылась черная дыра входа <…> А затем из темноты навстречу солнечному дню пошли курочки – одна, другая, третья… Они все шли и шли к свету и счастью, и ничто теперь не могло им помешать – они поняли, где выход» [Пелевин, 2004, с. 276]. В данном случае символика сада связана не с образом Рая, а, скорее, с понятием полноты бытия, которой противопоставлен образ пещеры – ограниченного пространства обыденной, земной реальности.

На пути к цели лису А ждет «последнее испытание адепта»: героиня попадает в лапы (в прямом смысле) представителей ФСБ, которые оказываются волками-оборотнями (Пелевин не упускает возможности обыграть расхожую метафору – «оборотни в погонах»). Если в романе «Быть Босхом» лейтенант Королев иронизирует над неусыпным вниманием к себе со стороны КГБ, превращающим «частную жизнь в повод для истории», то В. Пелевин изображает гротескные, шаржированные образы «представителей силовых структур». Волколаки Михалыч и Александр являются едва ли не самыми выразительными образами в романе, а сцена их коллективного «камлания» перед черепом нефтяной коровы воспринимается как гоголевский «смех сквозь слезы»: «…все выли, подняв лица к луне, выли и плакали о себе, о своей ни на что не похожей стране, о жалкой жизни, глупой смерти и заветном полтиннике за баррель» [Пелевин, 2004, с. 253].

Любовь, возникшая между лисой А и волком Александром, оказывается поворотной в судьбе обоих героев и выполняет роль их инициации. Александр претендует на статус сверхоборотня не в силу своей избранности, а потому, что, согласно открытию героини, «каждый может изменить себя, выйдя за собственные пределы <…> Сверхоборотень приходит не с Востока и не с Запада, он появляется изнутри» [Пелевин, 2004, с. 151]. Если, пережив любовь, героиня продолжает свое восхождение (она постигает последнюю земную практику оборотней, именуемую «хвост пустоты»), то Александр, напротив, деградирует, превратившись из «благородного страшного зверя» в «беспризорно-помоечную собаку» (апофеоз авторского сарказма по отно-

шению к «силовикам»).

Весь сюжет главной героини – это движение к финальной метаморфозе, за которой следует немота: она перестанет вести свой дневник. Такое движение, по словам М.Б. Ямпольского, «совпадает с движением языка, который достигает такой границы выразимости, за которой наступает молчание непереводимых интенсивностей» [Ямпольский, 2004, с. 62]. Как замечает героиня, «никаких философских проблем нет, есть только анфилада лингвистических тупиков, вызванных неспособностью языка отразить Истину» [Пелевин, 2004, с. 260]. Пределом метаморфозы героини становится обретение полноты бытия в самой себе. «Радужный поток», напоминающий УРАЛ («Условная Река Абсолютной Любви») из «Чапаева и Пустоты», – конечный пункт восхождения героини. Для определения сущности «радужного потока» героиня пользуется образами «света» и «воды», двумя древнейшими символами и реальными источниками жизни: «Сияние походило на ручей под весенним солнцем. В нем играли искры всех возможных оттенков, и в этот ласковый свет можно было шагнуть» [Пелевин, 2004, с. 365].

Поиск выхода из духовного тупика в поэтике Пелевина воплощает мотив блуждания в лабиринте. В «Священной книге оборотня» лабиринт также является сквозным образом. Так, лиса А считает реальность «адским лабиринтом»; свои сны она называет «борхесианскими»; увиденный героиней нефтяной путепровод образует «лабиринт протянутых над землей труб»; наркотические фантазии Михалыча – движение в туннеле, «постоянно разветвлялся в стороны» и др. Однако в финале возникает образ «пустого утреннего поля», символизирующего истинную свободу, обретенную героиней.

Несмотря на условный сюжет, метемпсихический роман 2004 г. «Номер один, или В садах других возможностей» Л. Петрушевской, еще одного «культового» современного автора, не лишен примет современной эпохи, ясно выражающих авторское отношение к ней. Как и Пелевин, Петрушевская создает яркий гротескный ряд представителей всех слоев современного российского социума: директор научного института «Панька», «начлагеря» майор Проегоркин, вор Валера и его убийца «Ящик», клофелинщица «Зинка-Индия», «пассионарные дети» подворотен. Пугающим выглядит обобщение, сделанное главным героем, Номером Один, ученым-этнографом: при Сталине был феодализм, теперь в России рабовладельческий строй, «плавно переходящий в первобытный (пещера, костер). Бомжи уже живут так и масс. переселенцы…» [Петрушевская, 2004, с.166]. Мотив деградации современной России – один из сквозных у Петрушевской. Так, в поэме «Карамзин. Деревенский дневник» (1994) в главе «Будущее» героиня, видя рогатину в руках мужика, восклицает: «…но это уже не 1917 // даже не славный 1913 // это млн лет до н.э.!» [Петрушевская, 2008, с.246].

Основной конфликт романа «Номер Один…» раскрывается через столкновение двух типов культур: «цивилизационности» и «природности». Главный герой является представителем «цивилизации». В отличие от персонажей Королева и Пелевина Номер Один не позиционируется как избранник, а представлен как человек массы – традиционный персонаж прозы писательницы. Вторая сторона конфликта – маленький народ энтти, «естественные люди», носители сакрального знания о мироздании. Номер Один должен вернуть аметист, украденный его коллегой из святилища энтти, потому что «без этого там свищет черная вечность <…> и это касается нас» [Петрушевская, 2004, с. 330].

В романе комбинируется несколько известных мифологических сюжетов, в том числе использованных писательницей ранее. Это прежде всего сюжет «Бардо Тодол» – жизнь сознания человека после его физической смерти (рассказы «Бог Посейдон», «Два царства»); сюжет инициации героя, лежащий, по В.Я. Проппу, в основе структуры волшебной сказки (не случайно Номер Один называет себя «Иваном-царевичем») и, наконец, античный сюжет об Одиссее (герой постоянно мечтает вернуться домой к жене и сыну).

Энтти изображаются у Петрушевской как носители мифологического сознания, которому неведом страх смерти, индивидуализм, стяжательство. Жизненные принципы энтти – не сопротивляться насилию и не помогать слабому – кажутся герою странными, но впоследствии он понимает их глубокий смысл: нельзя вмешиваться в ход миропорядка. Черная вечность – иначе небытие (смерть) – существует в нераздельном единстве с бытием (жизнью). Вторгшийся в мир энтти современный человек этот баланс разрушил, как разрушил его в своем цивилизованном мире: «Что у нас святого осталось? – вопрошает «Панька» у Номера Один». В ответ – ничего утвердительного: «Пейзаж? Пасха? Язык? Дети?».

Внимание к архаическим формам мышления определяет нарративную стратегию автора: активизируется «внутренняя речь» персонажа, его «поток сознания», что позволяет Петрушевской изобразить ситуацию послесмертия изнутри сознания героя. «Ужас вечности» напоминает Номеру Один придуманную им компьютерную игру-квест «В садах других возможностей»:

«…упаси Боже, молниеносная рука, узкая, суковатая, вместо пальцев три отростка, стреляет черная молния сверху в меня, и тут мне стреляет в голову, играем в компьютерную игру под названием “вечность”« [Петрушевская, 2004, с. 125]. Компьютерная симуляция как образ альтернативной реальности – это «ответ» современного писателя на «вызов» постиндустриальной цивилизации. Использованный Петрушевской прием изображения виртуальной реальности является стилевой чертой прозы Пелевина, не менее ярко воплощенной и в романе «Священная книга оборотня» (ср. «поездку по Каширке» Михалыча, находящегося под воздействием кетамина, когда «весь мир превратился в огромную самовыполняющуюся программу вроде компьютерной», и сам Михалыч «тоже был элементом этой программы» [Пелевин, 2004, с. 79]).

Кульминационной в романе Петрушевской является сцена метемпсихоза, организованного мамотом (жрецом) энтти Никулаем-оолом с целью возвращения реликвии. Номер Один принимает метемпсихоз за ад, поскольку метаморфоза, развоплощение персонажа и его отделение от собственного тела и реальности, сопровождается физическим страданием: «Господи! Как колет обморозка, иглами в череп <…> жала, шипы … прут в замороженный глаз <…> о, как мозжит в груди <…> каждую кость хрящит, плюснит мясо» [Петрушевская, 2004, с. 116-125].

Погружение в темноту символизирует погружение героя в самого себя, поэтому внешняя темнота и холод становятся характеристиками внутреннего пространства героя. Смерть переживается им как отлучение от себя самого. Словно со стороны наблюдает герой свою прожитую жизнь и не находит оправдания своим поступкам. Номер Один осознает, что в погоне за деньгами он потерял гораздо больше, чем приобрел. Потерял доброе имя ученого, когда у не умеющих отказывать энтти вымогал «ценные артефакты», чтобы продать их иностранцам; лишился драгоценных минут общения с семьей, особенно с беспомощным больным сыном Алешкой, когда дни и ночи напролет просиживал на работе, сочиняя на продажу компьютерную игру про «ады всех конфессий».

О завершении метаморфозы свидетельствует смена темноты и холода, сопровождавших метемпсихоз, «внезапным светом». Оказалось, что душа убитого ученого попала в тело его убийцы Валеры. Возникшее в результате метаморфозы «химерическое тело» может быть, по М.М. Бахтину, названо «гротескным», «амбивалентным», «становящимся телом» [Бахтин, 1990, с. 351]. Вместе с чужим материальным телом герой обретает и чужое сознание, которое стремится поглотить его собственное «Я» и полностью завладеть его сущностью.

Конфликт героя и его метаморфозы реализуется прежде всего на уровне языка: возникает ситуация, определенная М.М. Бахтиным как «напряженное предвосхищение чужого слова» [Бахтин, 1972, с. 351]. Голос Номера Один словно бы «вписывается» в речь Валеры как невидимый собеседник, что приводит к искажению речевой пластики, возникновению феномена «корчащегося слова». Происходящая в герое борьба сознаний вора (реплики диалога) и интеллигента (комментарии реплик в форме внутренней речи) изображается с ощутимой авторской иронией: «– Ло… Ложи, а ну!» – «Клади надо было сказать», или: «…не могут ездить, а ездиют… В киосок врежься еще» <…> – «Господи, что же это происходит! Надо говорить не «киосок», а «киоск», и «ездят». А не «ездиют», сельсовет» [Петрушевская, 2004, с. 131, 182-183].

Пройдя через «ледяной апокалипсис», буквально умерев и воскреснув, Номер Один, подобно мамотам, оказывается способным заглядывать в будущее. Картинка, увиденная им, потрясает: сын Алешка находится в интернате для детей-инвалидов. Этот возможный вариант будущего – прямое следствие его сегодняшней жизни, в которой понятия «сын», «жена», «дом» стерлись, потеряли свою суть. Вспышки прозрения, «картинки» из будущего, заставляют героя пережить глубокую метаморфозу, заключающуюся в его окончательной идентификации с семьей и домом. Взгляд на себя со стороны позволяет герою обрести цельность и окончательно преодолеть раздвоенность себя прошлого и себя будущего. Когда Номер Один осознает, что его семья и дом – это и есть то, что он может противопоставить «черной вечности», прогноз на будущее становится прямо противоположным: «Алешка будет ходить… будет дом на берегу озера... будут дети шесть человек» [Петрушевская, 2004, с. 334]. Содержание метафор Петрушевской связано с осознанием семьи как подлинного смысла жизни.

В новеллистике Петрушевской также разрабатывается мотив смерти как мифологической метаморфозы. Топос иного царства является композиционным узлом цикла «В садах других возможностей» (1993), к которому апеллирует название романа 2004 г. Так, в новелле «Бог Посейдон» героиня, блуждая в приморской местности, случайно встретила свою подругу Нину, которая умудрилась «сменить» свою однокомнатную квартиру на роскошные «апартаменты», выйти замуж за хозяина квартиры и поселиться

там вместе со своим сыном. Все это – приметы обыденного пространства, но дальше начинается нечто необычное: оказывается, что муж Нины – сын бога моря Посейдона. И только вернувшись в Москву, героиня узнает, что Нина год назад утонула вместе с сыном в «известном кораблекрушении на прогулочном катере», в том самом месте, где она ее и обнаружила [Петрушевская, 1996, т. 2, с. 86].

В новелле «Два царства» героиня Лина серьезно заболела. С появлением некоего Василия ее жизнь кардинально меняется: она выходит за него замуж и уезжает на лечение за границу. Сюжет разрешается фантастически: удачное замужество и отъезд за границу оказываются смертью героини и последующим попаданием в Рай. Фантастика в новелле имеет очевидные фольклорно-мифологические корни, обнаруживающиеся в мотивах свадьбы-похорон и путешествия в загробный мир, в образах *Ангел*ины, «бородатого Васи»-Харона, реки «забвения» Леты. Ключевой метаморфозой новеллы становится превращение культурного стереотипа «заграничный рай» в архетип «Эдемский сад». «Тихий сад» – библейский Рай, куда в действительности попадает Лина, осознается ею как «заграница»: срабатывает формула «заграничный рай», что подразумевает магазины, в которых «имелось все, о чем можно было мечтать», рестораны «с местным дивным вином», в общем жизнь, организованную «идеально, стерильно, комфортно» [Петрушевская, 1996, с. 110-111]. Петрушевская изображает атеистическое советское сознание, в котором просто не могло быть иного представления о рае. Поэтому прежде чем полностью раствориться в хороводе «молодых, бледных, успокоенных лиц», сознание героини цепляется за привычное.

Итак, в данной статье мы рассмотрели «феномен превращения в зоне пограничья» [Ямпольский, с. 161], художественно осмысленный русской прозой конца XX – начала XXI в. Для современных писателей одной из адекватных форм, воплощающих идею Абсолюта в насквозь релятивизированной картине мира переходной эпохи, становится миф. Рассмотренная нами мифологическая метаморфоза в структурно-семантическом аспекте представляет собой элемент системы лейтмотивов текста, характеризующий многомерность, противоречивость внешнего и внутреннего пространства героя. Игра реальностями, их удвоение или утроение символизируют духовно-нравственный поиск подлинной реальности – романтически-субъективного «бытия», как у Королева и Пелевина, или пространства личного, «бытового», как у Петрушевской. Посредством метаморфозы авторы создают определенный культурно-исторический тип личности, для которой классическая ситуация нравственного выбора связана с испытаниями на самотождественность. Мифологическая метаморфоза как деформация (ср. у Петрушевской – мотив выворачивания тела героя наизнанку) становится метафорой авторского видения современного человека как субъекта инверсионной культуры. Возвращение к «норме», обретение своего «я» происходит в реализации одного из инвариантов человеческой судьбы – Художника, Пророка, Отца.

Литература

1. Абашева М. Автоконцепция русской литературы рубежа XX-XXI вв. // Теоретико-литературные итоги XX в. / гл. ред. Ю.Б. Борев. – М.: Наука, 2003.
2. Агеев А. Анатолий Королев: Кто спит в лодке // Знамя. – 2006. – № 9.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Художественная литература, 1972.
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанс. – М.: Художественная литература, 1990.
5. Гинзбург Л. О литературном герое. – Л.: Сов. писатель, 1979.
6. Иванов В.В. Метаморфозы // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – Т.2: К – Я.
7. Климутина А.С. Поэтика прозы Анатолия Королева: текст и реальность: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Томск, 2009.
8. Корниенко Н.В. Свет платоновского творчества // Платонов А.П. Вся жизнь: сб / сост. М.А. Платонова; предисл. Н.В. Корниенко. – М.: Патриот, 1991.
9. Королев А. Быть Босхом: роман. – М.: Гелеос, 2004.
10. Королев А. Змея в зеркале, которое спрятано на дне корзинки с гостинцами, какую несет в руке Красная Шапочка, бегущая через лес по волчьей тропе // Дружба народов. – 2000. – № 10.
11. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индо-европейских языках: Образы мира и миры образов. – М.: ВЛАДОС, 1996.
12. Пелевин В.О. Священная книга оборотня: роман. – М.: Эксмо, 2004.
13. Пелевин В. Чапаев и Пустота. Желтая стрела: проза. – М.: Вагриус, 1999.
14. Петрушевская Л. Номер один, или В садах других возможностей: роман. – М.: Эксмо, 2004.
15. Петрушевская Л. Парадоски. Строчки разной длины. – СПб.: Амфора, 2008.
16. Петрушевская Л. Собр. соч.: в 5 т. – Харьков: Фолио; М.: Изд-во АСТ, 1996.

17. Полищук Д. И крутится сознание, как лопасть // Новый мир. – 2005. – № 5.
18. Хренов Н.А. Теория искусства в эпоху смены культурных циклов // Искусство в ситуации смены циклов: междисциплинарные аспекты исследования культуры в переходных процессах / отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2002.
19. Цивьян Т.В. Verg. Georg. IV, 116-148: к мифологеме сада // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983.
20. Чупринин С., Новиков В., Вайль П. Встречным курсом. Академический выбор // Знамя. – 2005. – № 6.
21. Яковенко И.Г. Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности // Искусство в ситуации смены циклов: междисциплинарные аспекты исследования культуры в переходных процессах / отв. ред. Н.А. Хренов. – М.: Наука, 2002.
22. Ямпольский М.Б. Демон и лабиринт: (диаграммы, деформации, мимесис). – М.: Новое лит. обозрение, 1996.

Колмакова Оксана Анатольевна, доцент кафедры русской литературы Бурятского госуниверситета, кандидат филологических наук. Тел.: (3012)459789. E-mail: post-oxygen@mail.ru
Kolmakova Oxana Anatolyevna, associate professor, department of Russian literature, Buryat State University, candidate of philological sciences.

УДК 82-14

© ***С.С. Имихелова***

Русская классическая традиция в поэзии Андрея Румянцева (к 75-летию народного поэта Бурятии)

Статья посвящена исследованию поэтического мира русского поэта А. Румянцева, одной из ее главных черт – верности традиции русской классической поэзии.
Ключевые слова: А. Румянцев, русская поэзия, традиция, тема большой и малой родины, песня, музыкальность.

S.S. Imikhelova

Russian classical tradition in the poetry by Andrey Rumyantsev (to the 75th jubilee of the people's poet of Buryatia)

The article is devoted to the poetic world of the Russian poet A. Rumyantsev, to one of its main characteristic – adherence to the tradition of Russian classical poetry.
Keywords: A. Rumyantsev, Russian poetry, tradition, motherland theme, song, melodiousness.

Русскому поэту Андрею Румянцеву в этом году исполняется 75 лет. Он родился в небольшой деревне на Байкале под названием Шерашово, учился в Иркутском университете, работал в бурятских изданиях и организациях, возглавлял организацию иркутских писателей, сейчас живет в Москве. Существует богатая критическая и литературоведческая литература о поэте: стараниями сотрудников Иркутской областной библиотеки была издана солидная книга «Поле жизни, поле поэзии. О творчестве народного поэта Бурятии Андрее Румянцеве» (Иркутск, 2010), где собраны отклики самого разного характера, в том числе простых читателей. Тем не менее стихи, поэмы, переводы, литературная эссеистика, проза – все, что создано поэтом более чем за полвека и составило пять томов собраний сочинений, требуют серьезного осмысления.

Формулу важных свойств поэзии Румянцева – открытость, честность, душевное тепло, когда-то высказал один из классиков бурятской литературы Николай Дамдинов. Он высоко оценил первые стихи поэта: «Лучшие произведения пишутся нередко и в очень молодые годы» [Дамдинов, с. 19]. Критик и литературовед А.К. Паликова очень точно назвала свою статью о Румянцеве словами поэта: «Сердцем найденное слово» [Паликова, с. 58].

Можно выделить, на наш взгляд, замечательно верный отзыв московского литератора А. Дорина о поэте: «В лучших стихах Румянцева есть тот камертон, которому отвечает поэзия высшей пробы, – это когда при минимальных художественных средствах достигается удивительная сила чувства, переживания, когда глубина мысли гармонично сочетается с художественностью образа, – от чего и слеза на щеке невесома, и душа затаивается в думе глубокой» [Дорин, с. 101]. «Поэзия высшей пробы» – такой похвалы мало кто может удостоиться из ныне живущих стихотворцев.

И тем не менее отыскать в полифонии тем, образов, мотивов то, что составляет единство поэтического мира, сложно, хотя приобщение к ним вызывает острую сопричастность читателя различных возрастных групп, разной степени начитанности. Это так похоже на восприятие стихов Есенина, о которых, кажется, А. Блок сказал: любовь русского человека к Есенину зиждется на полном человеческом понимании и сочувствии.

А. Блоку принадлежит формула двух качеств настоящего поэта: это преобладание у него раз-

мышлений о смерти (он даже отмерял количество этих размышлений – 9/10 от всего написанного) и наличие яда противоречий, что и составляет его нутро. Этими двумя качествами в полной мере обладала поэзия А. Румянцева – как ранняя, так и зрелая. И дело вовсе не в возрасте, когда думы о смерти привычно живут рядом («Когда немало было пройдено…», «Держись, осенний лист, держись…»), когда душа готовится «уже к последнему походу» («На родине»). В лирике Румянцева смерть всегда находится рядом с его соотечественниками – охотниками, рыбаками (например, стихотворение «Мужики» или строка-лейтмотив «Жизнь рискованная насмерть укачала рыбака» в стихотворении «Ночь на дальние утесы черный бросила покров…»); смерть отзывается думами о фронтовиках, погибших, как его родные дяди, или умерших от ран после войны, как его отец; смерть, порожденная разнузданным насилием в стране, подослала убийц и лишила жизни единственного сына (цикл «У черного порога»)… Смерть всегда рядом с лирическим героем Румянцева, он мужественно ее принимает как нелегкую судьбу, как вечную спутницу, как библейский предел, который положен человеку и который отвести невозможно.

Что касается противоречий, то без антитезы как одного из основных способов поэтической речи не обойтись ни одному поэту. И читатель постоянно сталкивается с этим «ядом» в румянцевской поэзии, но часто это вовсе не прием и не украшение. С главным противоречием в поэзии Румянцева читатель сталкивается постоянно, потому что в определении, что есть Государыня Жизнь (название одной из книг пятитомника), поэт не уклоняется от утверждения двух противоположных образных рядов. С одной стороны, земная жизнь – это «простое шаткое крыльцо», рама окна в родном доме, в котором виден край небосклона, «пот и смолевая грязь» рыбацкого труда в родной деревне, и во всем этом есть красота и свет, но, с другой стороны, земное – это и грязная улица села, заплеванный помост у чайной, это и время «злых, беспощадных» 90-х годов, время господства тех, кто «опасней гремучей змеи, беспощаднее лютого зверя»… На антитезе, например, построено стихотворение «Царевна», где русская женщина – и царевна с ангельским лицом, «небесный отрок», и одновременно «жертва самосуда, / Хмельного мата, темных драк» [Румянцев, 2006, с. 289], живущая в гнилом болоте. Но читатель вовсе не замечает, что столкнулся здесь с красотой или яркостью поэтического приема – просто перед ним возник трагический конфликт во внутреннем мире поэта. Ведь в этом противопоставлении горечь, печаль, гнев – как ожог от земного пламени, и от этого «лицо опалившего зла» может излечить неземное, какое-то высшее начало, тот свет, о котором говорится в другом стихотворении: рана залечится дождем, который льется с высоты, «из горних пажитей». Такова румянцевская Государыня Жизнь.

Разумеется, немало у поэта стихов прозрачно ясных, малодраматичных и даже пафосно-оптимистичных стихотворений – например, одно из лучших «У моей деревни смешное имя…» – о родной деревне Шерашово. Но и такой лирике не чужд внутренний конфликт, которого не могут скрыть так присущие поэту мужественная сдержанность и юношеский максимализм.

В своей книге «Кастальский ключ», цитируя скорбные строки русских певцов о родине – целый «свиток сыновних откликов на беду матери», поэт писал, что крупные поэты страдают одним страданием – болью за свою Россию. Эти слова лишний раз свидетельствуют о принадлежности самого Румянцева к поэтам – верным сыновьям своей родины-матери. Верность – стержень художественного мира поэта, а верность Румянцева традициям русской поэзии – важная сторона этого мира.

Прежде всего талант русского поэта всегда был неотрывен от любви к родине большой, верности родине малой. Именно в этой главной теме видится сближающая Румянцева с Есениным и Блоком идея прикосновения к русской тайне, загадке русской души. Все книги, отдельные циклы, литературные эссе, прозаические вещи современного поэта отмечены этим «странным» чувством – болью-тоской за Россию, в очередной раз поруганную, обманутую, но по-прежнему твердо стоящую на ногах. Как и стихотворение, начинающееся строками: «Я не знаю названия странной болезни, / Что терзает с рождения душу мою…» [Румянцев, 2006, с. 260].

Этим чувством движется и другое чувство – долг перед русской культурой, перед великой русской литературой, когда Румянцев пишет строки любви и признания русским писателям-классикам. В его многочисленных эссеистических статьях о них можно обнаружить немало глубоко интимного, личного отношения, какое открывается, быть может, только в любви к женщине, единственной, желанной, неповторимой. Многочисленные цитаты, аллюзии в его стихотворениях – они тоже свидетельствуют о его преданности родной литературе, любимым поэтам. И эта цитация – не простое заимствование, а глубокое знание своих предшественников, позволяющее вступить в диалог с ними. Цитация может быть прямой, а может быть малозаметной,

подтекстовой, и от того ее воздействие на читателя еще сильнее.

Об есенинском присутствии, милосердном его отношении к «братьям нашим меньшим» читателю подскажут строки:

Хорошо, что в этой чаще
Отыскал я свой причал,
Что на вздох сосны грустящей
Тихим вздохом отвечал,

Что звезды рожденье видел
Среди облачных глубин,
Вольной птицы не обидел,
Зверя в жизни не убил.
(«В доме бакенщика тихо…»)

[Румянцев, 2006, с. 186]

Но глубинное родство двух русских поэтов видится в образе-символе золотой избы («Дом», «День рожденья. Янтарная осень…).

Такой же тематический интертекст можно заметить в строках, наполненных блоковским чувством принадлежности своего поколения матери-России, переживающей страшные годы:

Не бездельнику и не разине –
Небесам говорю я свое:
Мы последние дети России,
Что счастливою знали ее. <…>

А теперь –
Простаки и разини –
В отчем доме, где правит ворье,
Мы – клейменные дети России,
Те, что предали скопом ее.
(«Не бездельнику и не разине…»)

[Румянцев, 2010, с. 346]

Мысль, выраженная предшественником: «В сердцах, восторженных когда-то, / Есть роковая пустота…» – может служить общим знаменателем для стихотворений двух поэтов, разделенных целым столетием, и в их сопоставлении ощутим подтекст, особенно мучительный для нас, сегодняшних читателей. Да и в других стихотворениях Румянцева, направленных против тех политиков-»паханов», для кого «Россия – мачеха, не мать», звучит грозная инвектива, родственная гневным политическим памфлетам Пушкина и Лермонтова.

А как безотрадна картина, которая вторит блоковским строкам: «Россия, нищая Россия…»: разоренный храм с «израненным кирпичом» – это сама навек израненная душа поэта. Сто лет прошло, но снова блоковская музыка звучит со страниц поэтических книг Румянцева: «И вот опять над нашей пущей / Лесное нищее село…». Но неизменна нота личной вины поэта в этой музыке:

Лукоморье уже без чудес.
Дикий ветер варначит на поле.
И высокое лоно небес
Потемнело, как небо в запое.

А дороги к святыням – в грязи,
И святое объявлено зряшным.
Хочешь – злобствуй,
А хочешь – грози
Падшим душам и брошенным пашням.

И чернят, и клянут, и грозят…
Ты ж покайся в убогом селенье:
«Только я, только я виноват,
Что Россия в таком запустенье!»
(«Лукоморье уже без чудес…»)

[Румянцев, 2006, с. 166]

По-другому и не может откликнуться русский поэт на то, что происходит с его родиной, и только любовь, вина, память, раскаяние за обездоленность позволяют ее сыну не только горевать, но и надеяться…

Диалог с русскими поэтами («двух голосов перекличка») многое может сказать читателю и в стихотворениях, где то Пастернак аукнется: «Ты живешь в промерзшем доме / Вечным пленником зимы. / Ничего в округе, кроме / Тлена, холода и тьмы» [Румянцев, 2006, с. 181]; то тютчевский «ветер ночной» безумием наполнит строки: «Он, этот ветер, сердце гложет, / Он тучи рвет в горящей мгле… Какая злоба в темном ветре, / Какая нега в ясном дне!» [Румянцев, 2006, с. 222]; а то рубцовская звезда увидится над притихшей, уставшей деревней: «И шепчешь звезде над избою, / Где темные ветви сплелись: / Куда ты зовешь за собою, / В какую отрадную высь?» [Румянцев, 2006, с. 193].

И вполне отчетливо видится также продолжение некрасовской линии русской поэзии, когда прикоснешься к плачу поэта по русской женщине, по ее судьбе в XX в. Ведь русская поэзия, по Румянцеву, – это не только тревожный набат, лепет ребенка, радость и восторг «подростка босоногого», но и кружащийся за окном черный ворон, но и такое, «о чем с тоскою смертною поется», о чем «заплачет сердце… кровью обольется» («О, русская поэзия!»). А сердце и душа поэта особенно скорбными слезами плачут в стихотворениях, посвященных русской женщине: «Сестра», «Станция прощания», «В молчаливой толпе / За селом…, «Мать», «Какие обновки носила…» и др.

Часто, читая Румянцева, приходят на память лермонтовские строки, правда, написанные по другому поводу, но они аллюзивно вторят многим и многим лирическим исповедям Румянцева, после которых читатель мог бы обратиться к поэту: любить, прощать, ненавидеть – это «святое право страданьем куплено тобой». Только совесть, вина, горечь, ощущение тревоги, беды как отражение какой-то необъяснимой тоски и встраивают Румянцева в тот ряд глубоко национальных поэтов, выразивших важный пласт,

чрезвычайно важную основу, которую и можно назвать «русским духом». И при этом страдание дает ему высокое право сохранить верность пушкинскому завету, гармонично усмиряющему злобу и негу, боль и радость, выраженному так отрадно: «Печаль моя светла…» Афористичность стихотворения Румянцева «Взывает время к доброте…» тоже навеяна и лермонтовской надеждой, и пушкинским светом.

Продолжая мысль о главном свойстве поэта – верности всему, что ему дорого, – России, русской культуре, родной байкальской деревне, любимой женщине, делу всей жизни – поэзии, разумеется, не можешь не сказать об эстетическом, поэтическом кредо поэта, которое выражено в его многочисленных стихах-размышлениях о творчестве, о поэзии. Эта тема неотступно преследует Румянцева, как, впрочем, каждого русского художника. За этим кредо – не просто лирическая исповедь, а целое мировоззрение, философская картина мира, о которой принято говорить применительно к поэтам натурфилософского крыла русской поэзии.

Чувство творческой тоски, очень русское, по мнению В. Марковича [Маркович], у Румянцева выражено музыкально. Музыка звучит, потому что «у каждой судьбы есть тональность и темп», именно так только можно говорить о судьбе рано погибшего друга – драматурга Александра Вампилова.

Беснуется ветер
Над плесом, в горах…
Тебя опрокинули волны –
И скорбные ноты
Поплыли в хорах,
И, вторя, запели валторны.

У каждой судьбы
Есть тональность и темп.
Судьба не свершается немо.
Мне каждая пьеса близка твоя тем,
Что в ней –
Без различья сюжетов и тем –
Звучит музыкальная тема…

[Румянцев, 2010, с. 403]

Во многих произведениях – поэтических и прозаических – громко звучит, как музыка, верность Румянцева друзьям-писателям – не только рано ушедшему Вампилову, но и творящему до сего дня Распутину, с которым неотрывны жизнь, судьба. Ведь Румянцев с Распутиным – дети русской деревни, этой Атлантиды, замершей в ожидании катастрофы, и страдающие души обоих все прощаются, все глядят и не наглядятся на любимые очертания. Одно из трагических произведений «Оставленное село», построенное на риторических вопросах к собеседнику, напомнит читателю один большой недоуменный вопрос, звучащий в «Прощании с Матерой». Но спасется русская Атлантида, несмотря ни на что, не пойдет под нож истории, залогом этому – два художника, поэт и прозаик, их личности, их сыновняя вина, их стойкость и совесть.

Стихотворение Румянцева «Учителя», на наш взгляд, тесно связано с автобиографическим рассказом Распутина «Уроки французского». В них говорится о том, как в детстве рождается личность, открывающая мир жестоких, суровых нравов. Именно детство встает в памяти двух художников, ведь именно в детстве душа еще пребывает в потемках, но уже воспринимает мудрые уроки: ребенок превращается в личность, по их мнению, именно с чувством вины, с обретением памяти. Случаи из детства часто вспоминаются Румянцеву для того, «чтоб злом, умножившим невзгоды / Не ранить больше никого / Хотя б в оставшиеся годы» [Румянцев, 2006, с. 23]. Память о суровом детстве диктовала обоим строки автобиографических произведений в одно и то же время; рассказ и стихотворение закономерно перекликаются: оба предварены посвящением своим учительницам. Метафорически «Уроки французского» (1976) – рассказ о рождении в способном мальчике чувства вины перед учительницей, дающей уроки «другого» языка, и личность откликнется на диалог с другим миром, когда родной мир вдруг осветится присланными никогда невиданными ярко-красными яблоками как истиной. И чувство вины даст первые личностные ростки.

В стихотворении Румянцева «Учителя» (1978) лирический герой также вспоминает детство и дает своим учителям метафорическое наименование: «усталая учительница – бедность», «наставник чумовой – недоеданье». Но рядом были вожатые – «всегда спасавший труд / и вечно утешающая вера», а также «веселая учительница – гордость», и еще «достоинство – прекраснейший учитель» [Румянцев, 2010, с. 356-357]. Именно эти «учителя» ковали характер деревенского мальчишки. И общее, что закаляло его, если вспомнить еще и стихотворение «Жестокость», – это чувство вины как ответственности перед другими людьми, понимание чужой боли и другого человека.

И здесь важна снова верность *своей* музыке, *своей* песне (ср. «песни ветровые» из блоковской «России»), прежде всего звучанию русских песен, услышанных еще в детстве.

Песни русские,
кто вас складывал?
Время ль скрадывал?
Душу ли вкладывал?
Кем вы потеряны?
Кем вы найдены?

Вы тети Верины?
Иль тети Надины?
(«Песни русские»)

[Румянцев, 2006, с. 94]

Вопрос, прозвучавший в начале, звучит совсем не отвлеченно, потому что затем лирический герой вспоминает, как тети – «песельницы мои» – выводят «чистыми, безгрешными, сердешными словами» песню о лучинушке-кручинушке, о том, как «выплакала песня / слезоньки за всех» и «сердце ожило. Радости – через». Ответом на заданный вопрос звучит в финале определение всем русским песням: «Те, что / зовут и поднимают, / Горе отмывают / И печаль скрадывают, / Гордо поднимают / Тех, кто их складывал» [Румянцев, 2006, с. 94-97].

Песни тети Веры и тети Нади, «мамина песня» («Вот бы плыть на байкальскую воду…») – и есть песни народные, сложенные в полях России теми, кто своей жизнью, своим трудом и творческим даром своим способны гордо встретить и отвести («отмыть») все беды и печали.

С «маминой песней», признается лирический герой, и связана непонятная, странная болезнь, «что терзает с рождения душу мою». Песни эти, вначале «раздетые», «сиротские», затем приправленные крутой слезой, обжигающим кипятком, стали судьбой, той странной болезнью, что «растворилась в крови. Так сомкнулись память о матери и чувство странной любви к Родине.

Слово *песня* со всеми его лексическими значениями и смыслами сегодняшнему исследователю очень легко назвать одним из доминирующих концептов творчества Румянцева. Обладая универсальным характером, термин «концепт» тем не менее дает возможность взглянуть на *песню* как составную часть индивидуальной картины мира поэта. В лексико-семантическое поле этого концепта входят такие единицы, как печаль и боль, чистота и свет, тайна и красота, т.е. все то, что и составляет национальный дух творений поэта. А также родина – малая и большая, где музыка снежной вьюги, зимней пурги не только не мешают стиху, они как раз придают ему индивидуальную мету – «как оттиск фамильной печатки» («Стальная дорога, плацкартный вагон…»).

И не случайно у Румянцева концепт этот приобретает иное значение, почти антиномичное музыкальности вообще, – и в этом видится кредо русского поэта (в книге «Кастальский ключ» поэзия определена как «особая запись общественных болей»), не способного совладать со страданием при виде горестного облика своей родины, забывшей вольный и высокий дух своих песен:

Ах, эта песня робкая,
В ночном селе случайная,
Как тропочка, короткая,
Как небушко, печальная!

Над камышом-осокою,
Над вымершими хатами
Ну кто тебя, высокая,
Возьмется вдруг подхватывать?

Деревня, что ли мглистая,
Угрюмая, нетрезвая?
Зачем ей песня чистая,
Веселая да резвая?

Она бы, может, вывела,
Как прежде, бойким голосом,
Да нелюдь душу выбила –
Осыпалась колосом…

[Румянцев, 2006, с. 288]

В наступивших горьких временах и песни слышатся такие, что выглядят нелепыми и поэт, владеющей музыкой сонета, и прославленный музыкант «при легкой скрипке, тоненьком смычке». И все-таки музыка не замолкает в лирике Румянцева: наперекор беде и боли раздаются «голоса чудесные», которые таятся в лопухах, крапиве, любой земной мелочи (вспомним в очередной раз, «из какого сора растут стихи»), и «когда они звучали / У каждой травки теплилась слеза, / И дерева навытяжку стояли, / И сладко обмирали небеса» («В такой глуши быть не могло поэта…») [Румянцев, 2006, с. 263].

В своем литературном эссе, посвященном Есенину, А. Румянцев отмечал верность поэта благородной интонации классической русской поэзии, ее глубочайшей искренности, но еще он отмечал ту особенность, которой всегда был предан сам: «За чистой красотою и ясностью земной картины, нарисованной в стихотворении, таится ее связь с завораживающей и притягивающей душу небесной жизнью. Сама Русь, увиденная глазами влюбленного сына, отчалила в высь, в тот “небесный” сад, которого так не хватает на земле… Это постоянное присутствие в стихах молодого поэта вышней силы, правды и красоты превращает его лирику в некий храм, где обитает особое знание жизни – земной и небесной» [Румянцев, 2010, с. 238].

«Поэт, похожий на свою родину» – так назвал Румянцев статью о Есенине. А разве нельзя так же назвать и самого Румянцева? Разве не соответствует чистоте и духовной силе Байкала его поэзия? Разве его не научила родная земля мужественному приятию нелегкой судьбы, открытости чужой беде и боли, бесподобной искренности его исповедальной лирики? Да, верность отчей земле, которой наполнены все творения А. Румянцева, и является той главной традицией, которой отличается русская классическая поэзия.

Литература

1. Дамдинов Н. Близкая душа // Поле жизни, поле поэзии. О творчестве народного поэта Бурятии Андрея Румянцева. Литературные портреты. Статьи. Рецензии. Отзывы читателей. – Иркутск, 2010.
2. Дорин А. Когда нет расстоянья… // Поле жизни, поле поэзии. – Иркутск, 2010.
3. Маркович В. Еще раз о «творческой тоске» // Нева. – 1994. – № 10.
4. Паликова А. «Сердцем найденное слово» // Поле жизни, поле поэзии. – Иркутск, 2010.
5. Румянцев А. Государыня Жизнь: стихотворения. Венки сонетов. Поэма. Переводы. – Иркутск: Родная Земля, 2006.
6. Румянцев А. Моя Атлантида: рассказы, очерки, литературные эссе. – Иркутск: Родная Земля, 2010.

Имихелова Светлана Степановна, профессор кафедры русской литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Tel: (3012)223015. E-mail: 223015@mail.ru

Imikhelova Svetlana Stepanovna, professor, department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 82.09 Бу

© ***И.Н. Именохоева***

«Сансара бытия» в монголоязычной поэзии

В статье представлены семантический и герменевтический анализ поэтических текстов Б. Дугарова и Б. Батхуу. Раскрывается влияние буддийской картины мира на монголоязычную поэзию.

Ключевые слова: сансара, буддизм, бытие, Дугаров, Батхуу.

I.N. Imenokhoeva

“Sansara of existence” in Mongolian poetry

This article deals with the semantic and hermeneutic analysis of poetic texts of B. Dugarov and B. Batkhuu. The strong influence of the Buddhist worldview on the Mongolian poetry is revealed.

Keywords: sansara, Buddhism, existence, Dugarov, Batkhuu.

У каждой культуры свой уникальный взгляд на проблематику бытия, жизни и предназначения человека, оттененный своеобразием религиозной принадлежности, этническим самосознанием, а также естественным состоянием души и собственным мироощущением. В творческих произведениях бурятского поэта Б. Дугарова огромный пласт занимают идеи буддизма, отвечающие на вопросы: Кто есть человек? Кто он во Вселенной?

Ты лепечешь сплетни городские,
Думая, что слушаю тебя.
А меня уже несут ветра степные
по крутым просторам бытия.
И твоя улыбочка порхает,
осеняя твой словесный вздор.
Я ж веду с суровым Субудаем
вот уже какой по счету разговор.
И зачем все эти пересуды,
будничные всплески суеты,
если я давно в тени у Будды
навожу незримые мосты.
И зачем в твоих глазах раскосых
загорается призывный блеск,
я не тот, кто есть, я из прохожих,
заглянувший к вам в пути с небес.

[Дугаров, с. 422]

За простым, на первый взгляд, сюжетом кроется глубоко философская тема стихотворения. Сюжет построен на разговоре автора со своей подругой, в центре которого антиномия быта и бытия: она – земная, он – лирический герой, возвышенный, лишь «заглянувший к нам в пути с небес». Автор искусен в выборе эпитетов: «*ветра степные*», «*сплетни городские*», «*суровый Субудай*», «*глаза раскосые*», «*призывный блеск*». Аллегоричными являются, на наш взгляд, строки: «*Я ж веду с суровым Субудаем вот уже какой по счету разговор*», «*я давно в тени у Будды навожу незримые мосты*».

Художественное своеобразие стихотворения Б Дугарова заключено в проницательном видении окружающего мира в сочетании с лирической, отчасти элегической, интонацией. Поэт как бы завуалировал разговоры героя о жизненных планах, о вечной жизненной борьбе с окружающим миром и своим собственным «я». Мнения, идеи и взгляды не раз меняются, происходят постоянная внутренняя борьба, вечный поиск истины, вследствие чего употреблен эпитет «*вот уже какой по счету*» к слову «разговор». Аллегория «*я давно в тени у Будды навожу незримые мосты*» передает мысли и чувства лирического героя, своей философичностью далекого от материально-бытового существования.

Известно, что двоюродный брат Будды – Ананда – был ближайшим помощником, «*тенью*» Будды на протяжении последних 25 лет его жизни, а быть в тени у Будды означает находиться под его покровительством. «*Навожу незримые мосты*» – метафора неоднократной попытки лирического героя вырваться из мира, пробиться

«по ту сторону добра и зла», чтобы прийти к согласию с самим собой, преодолеть «саморазорванность» собственного бытия, к чему автор подходит весьма систематически, не просто прыгая в бездну, а вновь и вновь возводя «мосты». В двух последних четверостишиях читатель сталкивается с явным параллелизмом (дважды повторяется начало строфы «*И зачем*…»), отчасти «риторизированным».

Лирический герой задает вопрос, однако автор не обозначает его пунктуационно, усиливает внимание читателя на внешнее, бытовое, будничное в сравнении с внутренним, глубоким, гармоничным, ведомым лишь самому творцу. Несмотря на то, что сюжетная линия передает беседу героя с возлюбленной, он не посвящает ее в мир своих мыслей и раздумий. Ее образ метафоричен. Она словно прекрасная дочь Мара, искусительница, манящая соблазнительным «*призывным блеском*». Тень Будды спасает лирического героя от чар Мары, душа и сознание мысли его находятся в вечном потоке созерцания.

Этноспецифика автора – неотъемлемая черта лирики Б. Дугарова. «Мифологема Пути в творчестве Дугарова, – пишет Л.С. Дампилова, – естественно восходит к его поэтическому концепту кочевника» [Дампилова, с. 17]. На протяжении всего произведения лирический герой стремится к свободе мысли и духа. Вечное движение непосредственно связано с достижением свободы: «*А меня уже несут ветра степные по крутым просторам бытия*». Вступив в «поток», лирический герой стремится к рождению в высших божественных мирах. «Одно или то же душа и тело?» – на этот вопрос автор дает ответ своим стихотворением. Физически и материально герой ведет разговор, однако все его сознание в другом мире, вдали от «будничных всплесков суеты». В последнем четверостишии Дугаров акцентирует: «*Я не тот, кто есть*» – не тот, кто виден нам, к кому девушка испытывает земные эмоции («в твоих глазах раскосых загорается призывный блеск»). Существование на земле, здесь и сейчас, мимолетно и краткосрочно по сравнению с существованием мысли и души лирического героя. Он не барахтается в пустоте, не находя точки опоры. Советуясь с Субудаем, лирический герой стремится выйти из «колеса перерождений», достичь конечной цели – полного освобождения, нирваны. Однако в то же время, не стремясь ни к чему другому, лирический герой Дугарова находится в погоне за «нирваной для себя».

Современный монгольский поэт Болдын Батхуу, на первый взгляд, за нарочито упрощенной формой текста скрывает глубоко философское содержание. В своих взглядах на конечные судьбы мира и человека лирический герой Батхуу, по нашему мнению, наиболее близок к философско-мировоззренческой концепции буддизма.

Смерть перетекает в жизнь.
Жизнь рекою сына несет моего.
Сын мой втекает в меня.
Он меня несет на волне.
Я в маму втекаю в свою.
А мама течет во мне.
Она течет туда же, откуда пришла…
И Вселенная вся – Великий Поток…

[Батхуу, с. 9]

Существенно здесь первоначальное чувство, а также возникающие при первичном прочтении ощущения, впечатление легкого перечисления взаимосвязей в действительности. В буквальном смысле не было бы жизни без смерти, а смерти – без жизни. Если не было бы первого, то не было бы и второго. Язык автора сух, нет ни высоких аллегорий, ни гиперболических сравнений. Вместе с тем Батхуу максимально наполнил стихотворение философским смыслом в краткой форме стихотворения, состоящего из двух строф.

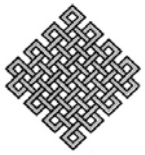
В целях наиболее точного анализа стихотворения имеет место попытка переложения текста в более наглядный графический вариант. Сын, лирический герой, его мать – три точки, которые необходимо выстроить так, чтобы графически они «перетекали» одна в другую, при этом оставляя за собой свою индивидуальность именно как точки, а не сливаясь в один общий круг. В связи с этим синусоидальная вариация изображения потока Батхуу, несмотря на свою бесконечность, достаточно быстро терпит крах, поскольку не возвращается к своему исконному началу.

Более подходящим, на наш взгляд, оказывается математический знак бесконечности».

Бесконечность понятия или объекта указывает нам на невозможность обозначения точных для него границ. Как известно, религиозный аспект символа бесконечности предшествовал его математическому происхождению. Среди тибетских наскальных гравюр также отмечается наличие подобных символов: змея, кусающая свой хвост, или змея бесконечности, часто изображается в форме такого символа:

Уроборос, или ороборос, – мифологический мировой змей, обвивающий кольцом Землю, ухватив себя за хвост. Он считался символом бесконечного возрождения, преходящей природы вещей, одним из первых символов бесконечности в истории человечества. Уроборос также является символом самореференции, цикличности, подобно Фениксу, а также идеи первоначального единства. О цикличности Б. Батхуу упоминает в следующих строках: «*Она течет туда же, откуда пришла*…»

В традициях буддизма широко известен символ бесконечного узла, который имеет несколько интерпретаций.



Это и представление бесконечного круговорота бытия, и символ вечности, и знак неисчерпаемости великих знаний Будды, и взаимозависимость всех явлений во Вселенной. О данной взаимозависимости гласят строки Болдын Батхуу: «*Сын мой втекает в меня*. <…> *Я в маму втекаю в свою. А мама течет во мне*…».

В современном обществе актуальным стало стремление к графическому изображению 3D – геометрической модели материального мира, т.е. трехмерному пространству. Прикладывая данный метод к математическому знаку бесконечности, получаем объемную картину спирали, которая является неизменным и колоссально важным элементом ДНК – его структурой.

Спираль – это всеобъемлющий символ течения жизни, символ непрекращающегося бесконечного движения, символ беспредельных процессов бытия. «Жизнь» – «витие» энергетических спиралей взаимопроникновения и взаимодействия Земли и человека. Не стоит забывать и о том, что одной из частей спирали ДНК является вышеупомянутая синусоида. Представив спираль ДНК с другого ракурса, получаем круг, в котором отправные «точки» – лирический герой, сын и мать – выстраиваются по окружности, которая также символизирует единство, цикличность (упомянутый ранее символ уроборос).

Сансара (с санскр. «переход, череда перерождений, жизнь») — круговорот рождения и смерти в мирах, ограниченных кармой. Душа, тонущая в «океане сансары», стремится к освобождению и избавлению от результатов своих прошлых действий (кармы), которые являются частью круговорота сансары. Ее рассматривают в качестве отрицательного состояния, из которого необходимо выйти. Концепция цикличного существования сансары преподавалась многими буддийскими учителями. Важными элементами в понимании концепции сансары является знание о шести мирах, осознание цикличности бытия и достижение просветления (состояния Будды).

Так что же есть наша жизнь? Возвращаемся ли мы в истинную жизнь после физической смерти на земле? Наш великий поток прерывается относительно «мимолетными» остановками в бренном мире. Лирический герой Батхуу описывает свое положение и самоощущение в круговороте. Он и его близкие находятся в нем, в великом потоке бытия – потоке сансары.

В стихотворении Б. Дугарова, напротив, лирический герой находится в «круговороте» временно: «*Я не тот, кто есть, я из прохожих, заглянувший к вам в пути с небес*». Достигнув просветления, он возвращается в этот мир, чтобы помочь другим. Душой и мыслями он в «нирване», «*в тени у Будды наводит незримые мосты*».

Оба монголоязычных поэта, несмотря на принадлежность к единой буддийской культуре, представляют читателю две кардинально различные модели миропонимания, иными словами, буддийской концепции «сансары» бытия.

Лирический герой Б. Дугарова – это современный «архат», ни на минуту не останавливающийся на пути достижения своего полного освобождения, конечной точки человеческого пути – от суетного мирского к священному. Автор искусно манипулирует ассоциативно-образным мышлением читателя благодаря изобилию аллегорий, эпитетов и метафор, которые выглядят словно яркие мазки на размеренно-однотонном холсте. Поскольку бурятскому мышлению характерны нелинейность и недуальность мышления, это получает свое отражение в поэтических символах, выбранных Дугаровым, – колесо сансары и степь. Однако лирический герой отчаянно борется с фатальностью и предопределенностью своей судьбы.

Зато Б. Батхуу помещает своего героя в круговорот сансары, не пытаясь наделить его стремлением покинуть рамки бесконечного потока: череда перерождений и взаимосвязей, степенное «очищение кармы», преемственность и созерцание. Его герой – неотъемлемая часть, линия бесконечного, цикличного узора «сансары» бытия.

Буддийская картина мира, обладающая своей многоликостью, привнесла в монголоязычную поэзию объемность, глубину раскрываемых лирикой образов и философичность поэтического мышления.

Литература
1. Дугаров Б.С. Сутра мгновений. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011.
2. Дампилова Л.С. Символика кочевого пространства в поэзии Баира Дугарова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
3. Батхуу Болдын. Великий поток: сб. избр. стихотворений. – Улан-Батор, 2009.

Именохоева Иветта Николаевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. E-mail: yni@mail.ru
Imenokhoeva Ivetta Nikolaevna, postgraduate student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS.

УДК 82.091:821.512.157

© *П.В. Сивцева-Максимова*

Поэтика классической якутской поэмы

В статье анализируются поэмы «Сон шамана» А.Е. Кулаковского, «Разговор священных гор» А.И. Софронова, «Красный Шаман» П.А. Ойунского, посвященные теме революции и гражданской войны. Идея и философская основа произведений выявляются в ракурсе раскрытия структурной градации эпической поэзии якутов.
Ключевые слова: поэма, жанр, символические образы, драматизм времени, авторский подтекст.

P.V. Sivtseva-Maksimova

Poetics of classical Yakut poem

Poems “Shaman’s dream” of A.E. Kulakovsky, “Conversation of sacred mountains” of A.I. Sofronov, “The red Shaman” of P.A. Ojyynsky are analyzed in the article. They are devoted to the theme of Revolution and Civil war. The idea and philosophical basis of these works are revealed from the perspective of displaying a structural gradation of the Yakut epic poetry.
Keywords: poem, genre, symbolic images, the drama of the time, author's subtext.

В истории якутской литературы имена Өксөкүлээх Өлөксөй (А.Е. Кулаковский), Алампа (А.И. Софронов), Былатыан Ойуунускай (П.А. Ойунский) занимают особое место. Значимость их творческого наследия заключается прежде всего в самобытном видении мира, отраженном в оригинальных образных системах, подтверждающих наличие истоковых восточных начал в национальной художественной культуре северного ответвления тюрков – народа саха.

Поэтическое наследие А.Е. Кулаковского (1877-1926) – это якутская литература в ее истоках. Основная жанровая специфика его поэзии – поэмное начало, что прежде всего выражается в эпической основе его творчества. Кулаковский учился на опыте русской классической поэзии развивать лучшие тенденции в области поэтики, в обновлении сюжетно-композиционных приемов. Но в создании самобытных и глубоких образов, наделенных социальным содержанием, он исходил из богатого фольклорного материала. Таким образом, поэтика его произведений включает в себя элементы устных народных традиций и литературных норм русской классики, в равной степени подчиненных авторскому стилю.

Генезис А.И. Софронова-лирика (1886-1935) так же, как и А.Е. Кулаковского, – в якутской фольклорной поэзии. Его творчество выросло из лирических монологов народных песен, что определило особую психологическую выразительность всех компонентов текста стихотворений, где конкретная тематическая направленность содержания связывается со стремлением выразить личную причастность авторского «я» в раскрытии идеи произведения. Если глубинная философская мысль в поэзии А.Е. Кулаковского исходит из общенародных, национальных проблем и раскрывается через обобщенные автором образы в их социально-историческом и культурологическом освещении, то философский контекст лирики А.И. Софронова заключается в раскрытии исконного единства личности и народа через изображение чувствований самого поэта.

Эволюцию якутской поэзии в жанрово-стилистическом направлении П.А. Ойунский (1893-1939) осуществил введением новых форм интонационно-ритмической структуры стиха, строфики, соответствующих идейному содержанию и лирическому контексту произведений. Он расширил возможности использования метафоры и символических образов в индивидуально-авторском аспекте. В этом плане традиционность поэтического стиля в творчестве А.Е. Кулаковского и А.И. Софронова определяется прежде всего опорой на устоявшиеся художественные особенности аллитерационного стиха. Для их поэзии характерно размеренное самоуглубленное раскрытие образов, где наблюдается предпочтение динамических эпитетов и утонченных сравнений. А декламационный стих П.А. Ойунского неотделим от публицистической лирики революционного и постреволюционного периодов. Однако глубинная иносказательность или аллегорические образы отличают его лирику от поэзии

молодых авторов 1920-1930-х гг. В его гражданской лирике читателю дается возможность ощутить напряженный революционный дух времени и пафос утверждения нового в особом суроводраматическом контексте идеи конца, завершения, итога. Добавим к этому ритмическую картину его поэзии, соединяющую причудливые сочетания анафорического стиха со строфическими созвучиями, гармонией звуков внутри строк и вариацией трехсложной лексической единицы как основы ритма, что не нарушает, а способствует естественному углублению значения метафоры. Поэтому в творчестве П.А. Ойунского утверждение идеи сопровождается с рефлексией, выражением сомнения, публицистический пафос – с роковым, трагическим предсказанием будущего.

Три поэмы этих авторов вполне определенно можно отнести к классическим произведениям якутской литературы. «Сон Шамана» («Ойуун түүлэ») А.Е. Кулаковского, «Разговор священных гор» («Ытык хайалар кэпсэтиилэрэ») А.И. Софронова и «Красный Шаман» («Кыһыл ойуун») П.А. Ойунского написаны в форме национального аллитерационного стиха с соблюдением структурной градации эпической поэзии якутов, где мифопоэтическое начало осуществляется в оригинальной культурологической ретроспекции образов архаического порядка. Кроме того, эти произведения, датированные с 1910 по 1925 г., объединены особым отношением к событиям первой четверти XX в.: надвигающейся революционной ситуации (А.Е. Кулаковский), революции и гражданской войне (А.И. Софронов, П.А. Ойунский).

Философская глубина проблематики поэм вызывала негативное отношение к ним официальной критики советского периода. Авторский текст поэмы А.Е. Кулаковского дважды претерпевал различные редакторские вмешательства. По единственному прижизненному изданию поэта текст оригинала восстановлен только в 1990-е гг. Именно в этот период якутские читатели получили возможность впервые прочитать запрещенные поэтические произведения А.И. Софронова, понять глубинную философскую тему и самобытность образов в поэме П.А. Ойунского, возвращенной в лоно якутской литературы во второй половине XX в. после политической реабилитации автора. В этих произведениях размышления о времени раскрываются в форме особых утонченных иносказаний, способных представить поэтический универсум, равный постижению истины в динамическом переплетении деталей окружающего мира с символическими образами, способными находиться за рамками реальной действительности.

В поэтике произведений раннелитературной традиции присутствие фольклорного начала как особый национальный ракурс мировидения доказывается в ряде специальных исследований. Однако представление и восприятие поэм классиков якутской литературы только в этом русле недостаточно, ибо по масштабности идеи и проблематики эти произведения стоят на порядок выше художественных опытов, основанных на фольклорной образности. Относительно данного вопроса мы основываемся на фундаментальный труд «Великие лики и литературные памятники Востока» одного из крупных исследователей тюркской словесности в контексте особенностей восточной литературы профессора Р.Н. Баимова. Одним из характерных особенностей в развитии восточных литератур он называет «роль мифологии и устного народного творчества в духовной культуре в целом». В динамическом переплетении «фантастики и реализма, аллегории, мистической символики и невыдуманной конкретики» он подчеркивает «черту восточных литератур всех времен и “возрастов”», а именно «синтез реального и мифологического в поэтике произведений» [Баимов, с. 11-12]. Так, в поэме А.Е. Кулаковского «Сон шамана», где наиболее полно выражены социальные и философские взгляды автора, архаический образ главного героя – шамана – может преодолевать пространственные и временные дистанции, в то же время он выступает и как реальный, размышляющий о своем конкретно-историческом времени мудрый старец. В этом плане мифологическое начало органически сливается с действительным содержанием и не нарушает фабульной стройности сюжета произведения.

Шаман раскрывает истоки и причины бедственного положения народов, описывает войны как последствия экономического кризиса стран, размышляет о колониальных войнах и мировой войне и видит в них своего рода стадии в историческом самоутверждении государств. Поэт в образе шамана-провидца доводит до современников свои мысли о нелегкой судьбе малочисленного народа, населяющего огромное географическое пространство. Обширность территории в социально-экономическом плане составляет главный интерес Америки, Японии и Китая в их отношении к Якутии. Раскрывается перед шаманом и «блистательная сердцевина Земли», «высокое чело всей планеты» – Европа, и глобальность европейского влияния на цивилизацию в описании Англии как великой колониальной державы и Германии как центра европейской и мировой социальной и политической мысли.

В поэме, датированной 1910 г., детально описывается героем-шаманом революционная ситуация, нарастающая с невиданной силой и угрожающая коренным переломом в сфере духовных и культурных устоев всего общества. Он предупреждает слушателей также о том, что гражданская война по отношению к народу равна самоуничтожению. Все эти явления истории он воспринимает вне конкретных политических и идеологических ситуаций: его переживания выражены в духе народных верований и носят общечеловеческий, гуманистический характер. Однако относительно деятельности партии большевиков шаман уточняет в форме совета: «объединить помыслы многих – в один узел», предугадать «горе и нужды людей», а главное – «учения своего узко понятые места» исправлять, остерегаясь «пустопорожних слов» и умея «отступать чуток» [Кулаковский, с. 223].

В начальных четырех периодах своих видений шаман размышляет об экологических и социальных закономерностях цивилизации: обернувшись гигантским орлом, достигнув «вечных небес», обозревает «весь круг земной». Здесь проблема родной земли становится частью проблемы мирового единства стран и государств, где Якутия и Европа «сопоставляются» в ракурсе «края» (крайней, начальной точки) и «центра». С другой стороны, большая территория и малочисленность населения противопоставляются европейской проблеме нехватки земли. В последующих периодах эта система видения в виде всеобщего закона переносится на Россию, и шаман размышляет о судьбе родного народа в реальных временных и пространственных масштабах. Отсюда его обращение к «слушателям» приобретает не только исторический, но и философский смысл, в том числе и предсказание о начале Второй мировой войны «через тридцать лет» (т.е. в начале 1940-х гг.) [Кулаковский, с. 208].

В первом издании поэмы в 1924 г. Литературно-переводческая комиссия, работавшая по подготовке выпуска поэтических произведений А.Е. Кулаковского, после обсуждения поэмы «Сон шамана» приняло постановление о необходимости авторских примечаний к стихам с объяснением «мотивов опасений шамана от переселенческого движения» [Кулаковская, с. 475]. И было сделано следующее примечание от автора: «Когда в 1910 г. писалась мною эта песня, то предполагалось, что как всемирная война, так и русская революция разгорятся не ранее чем через 20-25 лет. Великий голод и переселение на отдаленные окраины должны были случиться тотчас вслед за войной и революцией как естественные их последствия. Рассчитывая на такой сравнительно долгий срок, шаман советует единоплеменникам успеть за этот период времени усвоить русское «волшебство», т.е. культуру, чтобы стать равными с пришельцами в борьбе за существование. Он этим советом не пропагандирует антагонизма против ожидаемых пришельцев, как ошибочно могут понять плохо знающие якутский язык, а лишь указывает на возможное средство устранения вымирания своей народности с помощью поднятия ее культурного развития. Все, что касается партийных распрей внутри России, написано после революции» [2, с. 231].

В изданиях поэмы 1946 и 1978 гг. редакционная коллегия вносит изменения в тексте А.Е. Кулаковского, «учитывая примечания автора», делает перестановку в сюжете поэмы, что существенно изменяет композиционную структуру произведения. Нарушается в поэме логическая последовательность размышлений шамана, его обращения к слушателям приобретают упрощенный смысл в угоду желаниям издателей связывать вопросы национального угнетения только с реакционной политикой самодержавия. Редактирование не заканчивается только перестановкой частей. Правописание отдельных слов и художественных выражений, авторские знаки препинания полностью заменяются орфографией и пунктуацией нормативной грамматики, что вносит значительные разночтения с авторским текстом, восстановленным в академическом издании 2009 г. [Максимова, с.184-186]

Особое внимание к поэме «Сон шамана» от издания к изданию, в том числе ее исключение как буржуазно-националистического произведения из «Избранного» поэта 1957 г., подчеркивает интерес читателей к поэме мыслителя. Можно сказать, поэмы опасались, но преклонялись перед именем автора в течение всего XX в.

Данное произведение основоположника якутской литературы, как и все его интеллектуальное наследие, – это фрагмент действительности. В его поэзии, зарождавшейся в условиях особой литературной ситуации, можно увидеть сосуществование разных жанровых элементов, которые подлежали кристаллизации, установлению. Но остается тот неоспоримый исторический факт: якутская литература начиналась с поэзии, а именно с классических поэм А.Е. Кулаковского, созданных на основе диалектического движения народной эстетики, религиозных верований и поэтической мысли, реализованной в образах. А история литературы как история общественной мысли заключается в определении, каким образом новое содержание времени проникает в традиционные отстоявшиеся образы, которые способны отражать глубинные контексты новых яв-

лений жизни.

В этом ракурсе убедительным подтверждением значения поэтического стиля классика якутской литературы выступает доказательный вывод известного литературного критика о том, что А.Е. Кулаковский «явился убежденным преемником фольклорной поэтики, в частности фольклорного стихосложения», и что именно он «развил и возвел в степень писаных правил народный аллитерационный стих» [Васильев, с. 57]. Именно на этой основе поэзия А.Е. Кулаковского, основанная на образах и поэтических приемах устной традиции, благодаря художественной концепции автора дает первые самобытные образцы национальной литературы.

В поэме А.И. Софронова «Разговор священных гор» авторский дискурс существенно отличается углубленным психологизмом восприятия мира и реальной общественной среды. Его образы представляют собой единство динамичного художественного слова с авторским началом на уровне образов-мотивов и топосов. Для читателя это целостное понятие тесно переплетается с восприятием исторического времени как времени автора. Датированное также 1921 г., стихотворение «Судьба священных гор» воспринимается прологом к поэме «Разговор священных гор». В них А.И. Софронов обращается к образности эпических сказаний, а реально-историческая тематика перекликается с обрядовыми представлениями о судьбе, мире природы, что придает иносказательному содержанию произведений эпическую монументальность. Поэтому нелегкие думы автора в годы гражданской войны в Якутии обретают смысловую весомость в духе «Сна шамана». Но аналогичная проблематика раскрывается в поэме А.И. Софронова в ином композиционном решении, а именно в форме диалога двух персонажей, не исключающего действенного «присутствия» авторского «я». Монологи священных гор раскрывают суть гражданской войны, когда друг на друга идут с оружием братья по крови, и в этой невиданной доселе горести Гора-Хотун (госпожа, охранительница прекрасной Туймаады) упрекает своего старшего брата Гору-Тойон (господина, защитника долины предков), открывшего дорогу пришельцам с южных сторон. Вот здесь пафос поэмы Софронова перекликается с идеей обращения героя-шамана Кулаковского: гражданская война воспроизводится неминуемым историческим продолжением революционных событий в России. Но в раскрытии основной темы произведения Софронова решающую роль играют слова автора, «уточняющего» смысловую динамику диалога предсказаниями провидцев-сказителей древней мудрости. Поэт излагает в двух произведениях их вещие легенды о священных горах, предназначенных охранять добрых духов земли.

Таким образом, А.И. Софронов в художественных образах гор воплощает метафорический образ Земли предков, что выступает главной отличительной особенностью поэмы по отношению к образной идее «Сна шамана». Ибо образ Родины, углубленный иносказательными монологами о судьбе народа, усиливает лирическое начало в поэме Софронова: в философском обобщении идеи произведения авторская линия является ключевым компонентом жанрового своеобразия. Отсюда общая проблема в поэме «Сон шамана» и дилогии Софронова в силу особенностей авторских стилей раскрывается в различных жанровых формах: эпической и лирической, что четко проявляется в финалах. Если поэма А.Е. Кулаковского заканчивается предсказанием-алгысом, обращенным к народу от имени шамана, как того «требуют» композиция, фабула произведения, то «Разговор священных гор» завершается голосом самого автора. В открытом финале поэт делает вывод об особенностях реального времени – начале 1920-х гг. И в самом тексте находим конкретизацию фактов жизни именно в указанном времени. Отражение реального времени в раздумьях лирического героя – это особая авторская позиция в стихотворении и поэме Софронова в целом.

Главный композиционный прием в «Разговоре священных гор» – диалоги однопорядковых образов, которые усиливают эмоциональный мир поэмы. Глоссализацию текста на уровне авторского начала находим в диалектике архаических и современных для поэта метафор, представляющих собой смысл непреходящих ценностей во временном контексте. Архаическое начало в системе метафор выступает носителем возвышенного начала, что специально подчеркивается автором в предшествующем поэме стихотворении «Судьба священных гор». Согласно старинным преданиям, горы предназначены быть хранителями жизни долины Туймаады. В стихотворении и поэме образы диафорического ряда – духи Земли предков, старцы-предсказатели, мотивы трехъярусного мира – приближают лирический дискурс к мифологическому объяснению судьбы и предназначения.

Функция авторского слова в самой поэме, имеющей подзаголовок «Омун» («Фантазия»), заключается в представлении главных «персонажей». В силу этого вступление воспринимается в композиционном плане зачином в значении эпизода ожидания. Северные горы поэт называет Госпожой, южные – Господином, и они в обра-

щениях друг к другу раскрывают главную идею произведения – размышления о судьбе народа, переживающего трагедию гражданской войны. Таким образом, систему кадров внутреннего зрения (фокализацию) составляют картины действительности, отражаемые в диалогах священных гор. В первом обращении Хотун Хайа (Госпожи) к «Почтенному брату» и в его ответе подчеркивается драматизм времени. Во втором «слове» Хотун Хайа, упрекающей Брата в медлительности и требующей от него действенного беспокойства о людях, сюжетный мотив достигает кульминации. Ответ Тойона Хайа (Господина) равняется оправданию надежды Хотун Хайа и воспринимается как заключение поэмы. Однако глоссализация на уровне текста дополняется словом поэта.

Во вступлении «Разговора священных гор» функция авторского слова заключается в представлении «персонажей», а в финале «недосказанность» завершает художественную реальность произведения вторичным эпизодом ожидания:

Не заканчивая, завершаю,
Не объясняя, откладываю,
Не досказав, робко кончаю,
Речь моя не развивается,
Язык мой не раскрывается,
Стихи мои иссякли,
Друзья-читатели,
По ошибке не осуждайте.
Действительно настало, дети мои,
То время, когда
Об известном молчат,
Размышления свои прячут,
Об услышанном не говорят…
(пер. наш. – *П.С-М.*) [Софронов, с. 54]

Таким образом, авторское начало обрамляет диалоги композиционным тождеством начала и конца, тем самым углубляет образную систему поэмы в качестве единого эстетического представления экзистенционального сверхсобытия (эйдоса). Внутри основного текста орнаментальная повторяемость наблюдается в диалогах, в чем уточняется циклический характер мотива иносказаний.

В драматической поэме «Красный Шаман», завершенной П.А. Ойунским в 1925 г., царит напряженная интеллектуальная атмосфера противостояния идей, которая помогает раскрыть глобальные проблемы конкретного времени. Начало работы над поэмой автор отмечает 1917 г. В течение этого времени он несколько раз переделывал, дополнял, работал над языком произведения, а в феврале 1925 г. написал новые части: вступление (Аан маннайгы көстүүтэ көстүүтэ) и эпилог (Бүтүүтэ), что в переводе на русский язык представлено прологом, третьим и четвертым явлениями последнего действия. Таким образом, дополнения могут быть названы одними из значительных частей поэмы. Это заклинание Красного Шамана (Кыһыл Ойуун кэп туонуута), сцена появления Кутурган Куо (духа мировой скорби) и заключительная песня Хатан Тэмиэрийэ (духа огня).

В одном из новых исследований читаем: «Во вступлении мы видим Красного Шамана пасмурным вечером, одиноко стоящего, опустившись на одно колено, возле шалаша. Гремит гром, сверкают молнии. Красный Шаман, ударяя в бубен, говорит заклинание: он размышляет о своем предназначении, о своей роковой судьбе. Красный Шаман верит предсказанному жизненному пути борьбы за угнетенных и стремится к тому, чтобы его заклинания прозвучали “добрым набатом”» [Григорьева, с.73].

П.А. Ойунский раскрывает духовную и социальную неизбежность рождения (появления) «облеченного могучей тайной разума» нового молодого шамана. Это подтверждается в песнях Эбэ Хотун (духа природы), духов деревьев и трав, называющих его своим «праведным шаманом», а также в диалогах главного персонажа с косарями, видящими в нем своего защитника и спасителя от гнета Оруос Бая. Однако его клятва перед огнем во втором действии раскрывает суровый дух свирепого и грозного Шамана:

Девичьей кровью, красной и жаркой,
Вдоволь свое напою божество –
Вольную птицу, орла моего,
Алым напитком насыщу с избытком, –
Алчность и злость
Да пробудятся в нем!..
(пер. В. Корчагина) [Ойунский, с. 231].

Так, знамением победы над Оруос Баем выступает в поэме гибель Айыы Куо, во всех эпических произведениях якутского фольклора являющейся символом красоты, непорочности, идеалом жизни на Срединной земле. По отношению к ней противоборствующие силы становятся носителями неизбежной роковой судьбы, а их время и их мир – период коренного перелома устоев жизни – символизируются в поэме образом «разгоряченного коня, сажей, кровью, потом отягченного», который «скачет, бьется на кругу широком, след свой стелет огненным потоком». Но Красный Шаман, «новых восходов крыло», не радуется победе, ибо знает, что его «жестокое, кровожадное» время обречено. Светлая идея олонхо, основанная на спасении девушки Айыы Куо, в поэме проявляется в «перевернутой» образной системе. В заключении поэмы перед главным героем «сопровождаемая грохотом и сверканием появляется Кутурган Куо». Это третий женский образ в развитии сюжета драмати-

ческой поэмы – «дух, олицетворяющий народную скорбь и мудрость Вселенной». Финальный монолог духа огня символизирует уход (смерть) Красного Шамана и становится прощаньем с ним:

Жил здесь шаман… Нет больше здесь шамана…
Жертв и даров не будет небесам…
От ложной мудрости,
От жгучего дурмана
Отрекся сам он…
Он отрекся сам…

[Ойунский, с. 251].

Так неоднозначно, но мудро завершается произведение Ойунского, которому он придавал особое значение. Целый ряд статей и выступлений он посвятил «Красному Шаману», защищая его от критики и бесспорно веря в долгую жизнь своего неповторимого создания.

Таким образом, представленные поэмы посвящены «осмыслению реальных социальных и нравственных противоречий современной поэтам жизни, то есть с точки зрения родовой природы человека, в системе общезначимых субстанциональных начал бытия» [Спивак, с. 290]. И в этом плане их проблематика основана на традиционных художественных началах глубинной идеи эпических сказаний народа саха. Естественно и жанровое определение произведений (поэма), что соответствует динамике логического контекста как художественного представления семантически открытого образа. Ибо образ как основа художественного творчества входит в поэму со своим изначальным статусом диктующего начала, а идея его изоморфна смысловой структуре произведения. Это подтверждается особой значимостью заглавий поэм, где заложена укрупненная идея произведения, получающая авторское воплощение в систематизации содержательной структуры произведения: позиция автора на актуальную проблему времени раскрывается в содержании и реализуется в сопереживании читателя. Отсюда можно заключить, что в заглавиях поэм якутских классиков дается символическая авторская модель мира.

В ракурсе представленной темы национальное мировидение как особенность устойчивости духовного опыта народа диктовало авторам стремление вносить субъективную оценку времени. В творчестве А.Е. Кулаковского это обращение к жанру поэмы-предсказания, равному автохтонным открытиям новых контекстов. Его произведение – это эпическое сказание мудреца о будущем. Именно поэтому в данном словосочетании «сон шамана» заключается жанровый код произведения, связанный с формой поэмы-концепции. А.И. Софронов в лирической форме раскрывает свои тяжкие думы в монологах священных гор. «Разговор» поэта с ними раскрывает «активное, деятельное участие» поэта в размышлениях о времени. А в названии драматической поэмы П.А. Ойунского «Красный Шаман» неклассический эпитет изначально определяет и динамику сюжета, и исключительность противопоставлений в контексте реального времени, чтобы образно представить трагический конец идеи, которую автор приравнивает к ритуальному отказу от «ложной мудрости».

В ракурсе времени создания произведений относительно раскрываемой темы можно заключить следующее: за семь лет до революции А.Е. Кулаковский размышляет о проблемах общества в форме эпического предсказания; во время гражданской войны А.И. Софронов «описывает» личные переживания в форме лирических монологов; в начале установления новой власти П.А. Ойунский раскрывает драматизм времени по отношению к духовным устоям жизни народа в форме драматической поэмы.

Заслугой А.Е. Кулаковского, как и его современников – талантливых поэтов-классиков, является последовательность и целостность народной философии, заключенной в уникальном поэтическом персонаже, гордо убеждающем вот уже несколько поколений «своих слушателей» в незыблемой закономерности развития общества. Продолжатели их традиций в жанрах философской поэзии стремятся следовать созданию образов-иносказаний, отражающих противоречия поистине сложного времени, освоению целой системы метафорических персонажей, поистине равных метаобразу.

Литература

1. Баимов Р.Н. Великие лики и литературные памятники Востока. – Уфа, 2005.
2. Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон (Поэтические произведения): акад. изд. / сост. Л.Р. Кулаковская, отв. ред. П.В. Максимова. – Новосибирск, 2009. Т. 1.
3. Кулаковская Л.Р. «Сон шамана». Реальные комментарии // Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон (Поэтические произведения). – Новосибирск, 2009. Т. 1.
4. Максимова П.В. «Сон шамана». Текстологические комментарии // Кулаковский А.Е. Ырыа-хоһоон (Поэтические произведения). – Новосибирск, 2009. Т. 1.
5. Васильев Г.М. Якутское стихосложение. – Якутск, 1965.
6. Софронов А.И. Ырыа быстыыта хоһоон / сост. и коммент. Л.Р. Кулаковской. – Якутск, 1996.
7. Григорьева Л.П. Поэмы П.А. Ойунского // Максимова П.В., Григорьева Л.П. Композиционный анализ поэмы. – Якутск, 2009.

8. Ойунский П.А. Талыллыбыт айымньылар: в 2 т.– Якутск, 1975. – Т. 2.
9. Спивак Р.С. Русская философская лирика. 1910-е годы. – М., 2005.

Сивцева-Максимова Прасковья Васильевна, профессор кафедры якутской литературы Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, доктор филологических наук. E-mail: smpv50@mail.ru
Sivtseva-Maksimova Praskovya Vasilyevna, professor, department of Yakut literature, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, doctor of philological sciences.

УДК 82.03

© ***Н.М. Киндикова***

Переводная китайская литература в исторической перспективе (история и поэтика переводов на алтайский язык)

В статье впервые рассмотрены история и поэтика переведенных П.В. Кучияком, А.О. Адаровым, К.Д. Кошевым и др. на алтайский язык произведений китайских писателей.
Ключевые слова: литературные связи Китая и России, Республика Алтай, китайская проза, лирика, переводы на алтайский язык.

N.M. Kindikova

The translations of Chinese literature in historical perspective (history and poetic style of translations into the Altay language)

The article pioneers reviewing history and poetic style of the Chinese literature translations into the Altay language done by P.V. Kuchiyak, A.O. Adarov, K.D. Koshevoy and others.
Keywords: literature relations between China and Russia, the Altay Republic, Chinese prose, translations into the Altay language.

Как известно, Китай был открыт для россиян первым востоковедом Н.Я. Бичуриным (1777-1853), основоположником научного китаеведения в России. Чуваш по национальности, он был, что удивительно для того времени, полиглотом: отлично владел не только родным и русским, но и китайским, латинским, греческим, французским языками. Его труды по истории и культуре Китая, Тибета, Монголии стали впоследствии «путеводителем» в культуру китайского, монгольского, тибетского народов. За 14 лет пребывания в Китае ему удалось даже составить китайско-русский словарь в 9 томах [Кривцов].

Второе открытие Китая россиянами связано с революционными событиями в России в XX в. и закончилось «культурной революцией» в Китае. Тем не менее в те годы издавался глянцевый журнал под названием «Китай» в цветном изображении, который распространяли по всей России, в том числе и на Алтае. Из него россияне узнавали о жизни и быте простых тружеников, были осведомлены о последних событиях за каменной стеной.

Третье знакомство россиян с Китаем началось в XX1 в., когда мир узнал об успехах и достижениях многомиллионного китайского народа. А литературу «всколыхнули» лауреаты Нобелевской премии: Гао Синцзянь, Лю Сяобо и, наконец, Мо Янь – автор 11 романов, 80 рассказов, 30 повестей [Селиванова]. А на Алтае функционирует международный координационный совет под общим названием «Наш общий дом – Алтай», куда входят четыре приграничные государства: Китай, Монголия, Казахстан и Россия. Последнюю географически представляет Республика Алтай.

Мы остановимся на взаимоотношениях двух соседних государств: России и Китая, а точнее, Алтая и Китая, истоки которых уходят к древнейшим временам, с целью выявления истории и поэтики художественных переводов на Алтае в исторической перспективе. И хотя эта проблема рассматривается в алтайском литературоведении впервые, условия для ее решения заложены в трудах о китайской литературе, созданных в 40-е гг. XX в. В.М. Алексеевым, Н.Г. Федоренко и др., работах 60-х гг. И.В. Надеева, Л.З. Эйдлина. В 80-е гг. китайской литературой занимались И.С. Смирнов, М.В. Кравцов и др. [Алексеев; Федоренко; Надеев; Смирнов; Кравцов]. В их исследованиях имеются ценные сведения не только об особенностях развития китайской литературы, но и о поэтике древнейшей поэзии Китая. Опираясь на их исследования, попытаемся проследить литературные контакты двух народов.

История культурных взаимоотношений двух народов: китайцев и тюрков, в том числе алтайцев, началась с торговых связей кочевников, которые впоследствии переросли в политику и культуру обоих народов. Об этом свидетельствуют древнекитайские и древнетюркские источники, обнаруженные на Алтае и в Китае при ар-

хеологических раскопках. В то время средством передвижения были в основном колесницы, упоминавшиеся в древнекитайской поэзии и найденные в могильнике Пазырык на Алтае. Сегодня эта необычная колесница хранится в Эрмитаже Санкт-Петербурга (Россия), копия выставлена в Национальном музее им. А.В. Анохина в Горно-Алтайске (Республика Алтай, Россия). Оба народа с древнейших времен обменивались парчой, сукном, фарфоровой посудой, драгоценными изделиями из камня, серебра, золота. Большой популярностью пользовались врачевание, траволечение и обмен продуктами (зеленый чай). Погребальный обряд обоих народов почти одинаков: вместе с усопшим погребали его жену, слуг, изделия бытового назначения, лошадей и т.д. [Гоголев, с. 103].

В литературных источниках мы находим сведения о том, что тюркоязычные тексты нередко были написаны китайскими иероглифами. В содержании самих текстов имеются сведения о том, что отдельные писари получали образование в Китае [Кривцов, с. 18]. И, что удивительно, некоторые эпитафии, в частности «Большая надпись» в честь Куль-Тегину, написаны не только на тюркском, но и на китайском языках [Надписи в честь Кюль-Тегина, с.26]. Помимо всего прочего в надгробных текстах воспеваются подвиги великих предков тюркского народа и рассказывается о покорении тюрков Китаем [Надписи в честь Кюль-Тегина, с. 33].

В более поздние времена алтайские предводители всячески старались оградить свой малочисленный народ – алтайцев – от смешения с китайцами, поскольку они заметно отличались менталитетом, традиционной культурой и языком общения. Все это запечатлено в поэтических изречениях китайцев и алтайцев, одного из тюркских народов России.

Конечно, несравнима высокая культура древних китайцев с примитивным отношением к окружающему миру и человеку алтайцев, тем не менее философское осмысление жизни и смерти четко прослеживается в древних надписях и литературе обоих народов, о чем свидетельствуют, к примеру, «Девятнадцать древних стихотворений» китайцев в переводе на русский язык Л. Эйдлина [Эйдлин] или исследование поэзии древних тюрков, осуществленное ведущим тюркологом России И.В. Стеблевой [Стеблева]. В частности, в надгробных надписях говорится о том, что их обучали письму в Китае [Большая надпись, с. 33].

Литературно-культурные взаимоотношения китайцев с россиянами возобновились в революционные годы XX в. В это время впервые переводились на алтайский язык китайские произведения отдельных авторов, естественно, с русского переложения, поскольку они написаны иероглифами. Так, в сборник «Пламя революции» (1933), переведенный на алтайский язык писателем П.В. Кучияком, наряду с другими писателями мира вошел лишь один рассказ Дин Серала из Китая. А в 50-е гг. 20-го столетия просвещенные алтайцы подписывались на журнал «Китай», в котором широко и красочно освещались политика, история и культура китайцев. Было время, когда переводились и фольклорные, и литературные произведения отдельных авторов. В частности, с большим интересом читались алтайцами книга «Прогрессивные писатели мира (1957), изданная на родном – алтайском – языке [Революциянын Јалбыжы куйбурейт]. В него вошли рассказы китайских прозаиков. Рассказы Хуа Шаня под названием «Письмо с петушиными перьями» («Канатту письмо», 1958) переведены на алтайский язык алтаеведом Е.С. Алчубаевой [Хуа Шань].

«Рассказы» Лу Синя (1960), изданные отдельной книгой [Лу Синь], интересны тем, что наряду с широким показом жизни городских и деревенских жителей Китая автор сосредоточивает свое внимание на внутреннем мире своих героев. Так, главный герой рассказа «Бумажная змея» уже взрослым, вспоминая свое детство, пытается просить прощения у младшего брата за то, что растоптал его бумажную игрушку. Сюжетно и психологически рассказ построен именно в этом русле: как он встретится с братом, как попросит у него прощения. Герой мучается, страдает, переживает и, наконец, «пытается исправить свои ошибки». Однако оказалось, что младший брат давно забыл этот случай с бумажной змеей. Тем не менее главному герою удалось очиститься от своих мучительных «грехов».

Герой другого рассказа «Учурал болгон кичинек керек» («Эпизод со случайной встречей») приходит к осознанию человеческого достоинства. Именно он нанял рикшу, чтобы добраться в непогоду домой, однако по пути они случайно сбили женщину коляской. Бедный рикша оказался человечным по сравнению с «денежным» героем: он помог женщине подняться и проводил ее домой. Богатый же остался в коляске без проводника. Оставшись в коляске, он понял свою ошибку и попросил полицейского передать рикше копейки. Хотя последний и не нуждался в его «деньгах».

В рассказах Хуа Шаня речь идет о сражении китайцев с японцами. Десятилетний пастух с высоты бугорка сообщал о появлении нежелательных повстанцев-японцев. На этот раз ему было

поручено важное задание – необходимо было доставить письмо китайским партизанам. Письмо с тремя перьями означало для него срочное сообщение. Так, пастушонок смело пытается доставить письмо его адресату, несмотря на рискованные обстоятельства. Сохранение в переводе типичных китайских слов и выражений способствует воссозданию этнокультурных особенностей художественного произведения.

Помимо рассказов на алтайский язык переводилась лирика. В частности, отдельной книгой издан сборник стихов «Восемнадцать стихотворений» Мао Цзэдуна (1960) в переводе А.О. Адарова [Мао Цзэдун]. Возможно, в те годы эта работа была заказной, но для переводчика это было первой попыткой. И он осуществил ее достойно, правда, с русского переложения.

К сожалению, во времена культа личности в Китае эти взаимные переводческие связи резко прервались, а книги были изъяты с полок библиотек. На этом и завершились литературно-культурные взаимоотношения алтайцев и китайцев, в первую очередь пострадал перевод художественной литературы на русский и другие языки народов России.

В XXI в. расширились литературно-культурные связи соседних народов. Через русский перевод в культуру алтайцев входят переводные произведения китайских авторов, чаще всего это классическая лирика, причем алтайские поэты переводят самых известных поэтов, таких как Ли Бо, Ду Фу, Дай Шу-лунь, Вей Ин-у и др. Алтайских переводчиков привлекали, прежде всего, философичность, медитативность и созерцательность древней поэзии.

В настоящее время китайская лирика существует на Алтае в переводе Карана Кошева, Аржана Адарова и др. К. Кошева, инженера по образованию, алтайского поэта-переводчика, прежде всего заинтересовало архитектурное строение древней юрты, описанной в стихотворении «Голубая юрта» китайского поэта VШ в. Бо Цзюй-и. Он впервые обнаружил его в книге Л. Гумилева «Древние тюрки» (М.,1967) [Гумилев]. Текст переведен с немецкого на русский, затем с русского – на алтайский язык. Естественно, оригинал подвергся некоторому искажению. Тем не менее каждый из переводчиков вносит в поэтику стиха свое оригинальное видение. В переводе К. Кошева строки стихотворения обогатились яркими эпитетами, сравнениями и олицетворением. В частности, там, где «плясунья пляшет при огне», у Кошева переведено: «танцовщица пляшет, словно веретено» или «постель, кажется, словно мягкий войлочный ковер» и т.д. Пламя костра в очаге юрты тоже сравнивается с танцами, а красные угли подобны цветку орхидеи. В стихотворении восхваляется удобство передвижной войлочной юрты кочевников по сравнению с богато украшенным дворцом вельмож. Поэт четко рисует образ голубой юрты: «Тень ее прекрасна под луной, / А зимой она всегда со мной». Перевод К. Кошева: «Айдын тунде колоткози сури / Карлу кышта сомы сурлу». Помимо всего этого произведение в переводе отличается необычным стихосложением: обогащено ритмикой и конечной рифмой. Смысл этого стихотворения – показать превосходство голубой юрты лирического героя перед дворцом [Кошев, с. 4]. К. Кошева интересовало лишь содержание стихотворения «Голубая юрта». Не случайно он переводит его на алтайский язык под названием «Кок куйме» и публикует в газете «Алтайдын Чолмоны».

У переводчика А.О. Адарова имеется большой опыт перевода восточной лирики. Кроме «Восемнадцати стихотворений» Мао Цзэдуна он опубликовал стихи разных китайских классиков в ежеквартальном журнале «Мир Алтая». Естественно, он переводил с готового русского переложения. Для достоверности автор указал переводчика с китайского языка М. Басманова и жанр классической поэзии – «цы». Помимо того, расположил свой перевод параллельно с русским переводом, что способствует сравнению русского и алтайского переводов без оригинала. В русском переводе М. Басманов постарался передать этнокультурные особенности оригинала с сохранением в переводе китайской лексики: «флейта», «цинская дева», башня, географическое название местности – Балин и т.д.

В переводе на алтайский язык А. Адаров в первую очередь попытался донести до алтайского читателя смысл китайского стихотворения. Поэтому автор-переводчик вводит в перевод дополнительные эпитеты к понятию «башня» – «бийик өргөө», слово «флейта» заменил идентичным алтайским музыкальным инструментом «амыргы» и т.д. Лицо девушки из Циня переводчик оставляет без изменения для того, чтобы незаметно убрать из текста конкретное место расставания влюбленных – Балин. Все это позволило воспринять китайское стихотворение инонациональному читателю как алтайское произведение.

В целом алтайский переводчик сохранил жанровые и этнокультурные особенности китайского стиха. Однако состояние цинской девушки не совсем точно передано в выражении «*разбудил ее сон*», а в переложении М. Басманова это всего лишь состояние влюбленности девушки – «*цинской деве не спится*». Точнее, было бы «цинь кыста уйку јок» и в последних строках этого стихотворения снова передано состояние томле-

ния лирического героя. А у А. Адарова получилось: «*сердце ее обжигает*».

В целом алтайский переводчик в своих переложениях на родной язык недостаточно полно передал состояние влюбленности китайской девушки. Остальные стихотворения переведены автором идентично русскому переложению. К слову сказать, наиболее удачно переведены отдельные стихи Вэй-ин-у, Дай Шу-лунь, Ли Бо и других китайских поэтов. В целом переводы А. Адарова вызывают интерес у исследователей литературы [Стихотворения китайских поэтов…].

Таким образом, китайская литература в какой-то степени существует на алтайском языке, переводчики – не случайные люди, а профессионалы. Хочется надеяться, что вслед за профессионалами за перевод китайской литературы возьмутся молодые литераторы. Поскольку классическая лирика переводится на алтайский язык, а современная китайская проза существует на сегодняшний день только на русском языке, им предстоит возобновить переводческое дело в России, в том числе на Алтае. Тогда они вслед за журналисткой С. Селивановой могут сказать: «…хотя Китай я знаю не понаслышке, для меня после прочтения Мо Яня словно раскрылись бездны неведомой доселе жизни, обнажилась ее глубинная корневая система, явился образ Китая – страны, огромной и сложной, противоречивой и уникальной» [Селиванова].

Литература

1. Алексеев В.М. Китайская литература (историко-библиографический очерк). – М.;Л., 1940.
2. Большая надпись //Поэзия древних тюрков. – М.: Раритет, 1993.
3. Гоголев К.Н. Культура Древнего Китая // Мировая художественная культура. Индия. Китай. Япония. От древности до современности: учеб. пособие. – М., 1999.
4. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. – М.: Товарищество Клышников, Комаров и К, 1993.
5. Кошев К.Д. Кок куйме (Голубая юрта) // Алтайдын Чолмоны (Звезда Алтая). – Горно-Алтайск, 2001. – 16 янв.
6. Кравцов М.Е. Поэзия Древнего Китая. Опыт культурологического анализа. – СПб., 1994.
7. Кривцов В. Отец Иакинф. – Л., 1978.
8. Лу Синь. Куучындар (Рассказы). – Горно-Алтайск,1960.
9. Мао Цзэдун. Он сегис улгер (Восемнадцать стихотворений) / пер. на алт. яз. А.О. Адарова. – Горно-Алтайск, 1969.
10. Надеев И.М. «Культурная революция» и китайская литература. – М., 1968.
11. Надписи в честь Кюль-Тегина. Малая надпись. Поэзия древних тюрков (VI-XII вв). – М: Раритет, 1993.
12. Революциянын Јалбыжы куйбурейт (Пламя революции). – Горно-Алтайск,1933; Телекейдин прогрессивный писательдери (Прогрессивные писатели мира). – Горно-Алтайск, 1957.
13. Селиванова С. Нобелевская премия по литературе вручена в Стокгольме китайскому писателю // Литературная газета. – 2012. – № 51. – 19-25 дек.
14. Смирнов И.С. Современная синология о поэзии и литературной критике Древнего Китая // Восточная литература древности и средневековье в зарубежных исследованиях 70-х годов. – М., 1982.
15. Стеблева И.В. Древняя поэзия // Поэзия древних тюрков. – М.: Раритет,1993.
16. Федоренко Н.Г. Китайская литература. – М., 1956.
17. Хуа Шань. Канатту письмо (Письмо с петушиным пером). – Горно-Алтайск, 1958.
18. Эйдлин Л. От переводчика // Китайская классическая поэзия. – М.: Художественная литература, 1984.
19. Стихотворения китайских поэтов в переводе на алтайский язык поэтом А.О. Адаровым // Мир Алтая. — 2004. – № 2 (Ли Бо. Амыргынын карыкчыл куузи (Печальная мелодия флейты); Дай Шу-лунь. Јуучыл турган Јер (Стоянка воина); Вей Ин-у. Кардын јолы (Дорога снега).

Киндикова Нина Михайловна, профессор Горно-Алтайского государственного университета, доктор филологических наук. E-mail: temene@mail.ru

Kindikova Nina Mikhailovna, professor, Gorno-Altay State University, doctor of philological sciences.

УДК 82-3

© С.И. Гармаева, С.М. Орус-оол

Евразийская модель в динамике современной художественной картины мира

В статье рассматриваются отдельные слагаемые евразийской методологии в прочтении национального художественного текста.

Ключевые слова: методология, художественное творчество, евразийство, модель мира, национальный текст, национальный образ, глобализация, интеграция, регион, региональное, этническое, конфессиональное.

S.I. Garmaeva, S.M. Orus-ool

Eurasian model in dynamics of the modern artistic of literature

The article considers some components of the Eurasian methodology in the reading of national literary text.

Keywords: methodology, literary activity, Eurasianism, model of the world, national text, national image, globalization, integration, region, regional, ethnic, confessional.

В сложной динамике современного мира науке приходится решать сложные проблемы фундаментального и прикладного характера, которые отражают одну из главных целей современного общества и личности – вписаться с наименьшими потерями в мир глобализации и интеграции. Неминуемость этих процессов актуализировали и проблемы национальной идентичности, менталитета и в целом самодостаточности человека в таком сложном временном и пространственном континиуме. Данная проблема имеет свою особую значимость в геополитическом пространстве и как евразийская идея, где именно центральное азиатское пространство является связующим началом для континентов Европы и Азии и двух цивилизаций – западной и восточной.

Н. Конрад в своих работах о смысле истории определял, что в истории человечества всегда есть моменты, которые означают не только конец чего-то большого, «но и начало чего-то нового; момента, который бросает свет и на будущее» [Конрад], таким началом нового в развитии художественной картины мира может сегодня стать евразийская модель мира. Понятие Евразии, введенное в научный оборот Н. Трубецким, которого, как известно, считают одним из первых евразийцев, евразийская идеология, основы содержательности евразийства были представлены как цивилизационный дуализм, т.е. как равноправная часть мира наряду с романо-германским (европоцентризмом), поэтому их не следует противопоставлять как культурные реальности Европы и Азии, но методологически следует изучать как особую модель мира, приобретающую свою актуальность в национальном и культурно-историческом контексте.

Основная проблема становления евразийской модели состоит в том, что она расширяется и обогащается, переставая быть только европоцентристской, опираясь при этом на двусоставную реальность мира – европейскую и азиатскую, восточную и западную, а Россию, как считают евразийцы, следует осознавать как Срединную страну, Евразию. Такое осознание необходимо принимать, имея в виду реализацию модели в новых культурных очертаниях и смыслах.

Многонациональное культурно-историческое пространство, где сходятся два геоландшафтных и цивилизационных пространства Запада и Востока, рождает как проблемы интеграции в глобальном мире, так и вопросы идентичности и толерантности – эти понятия в силу их современной актуализации нуждаются сегодня в особом пересмотре и переосмыслении в науках о литературе, языке, культуре в целом. Основополагающие факторы существования народов Сибири, Севера, Дальнего Востока, Центральной Азии в едином социокультурном пространстве – пространстве степи, тайги, леса, гор и тундры – закономерно проявляются и в единстве и своеобразии образа жизни, менталитета, традиций и обычаев народов. В таком понимании раскрывается историческая и культурная значимость самой проблемы. Можно начать с того, что через Сибирь проходил второй мировой путь – чайный, известно, что в свое время А. Герцен тиражи изданного в Лондоне «Колокола» отправлял в Россию с купцами, доставлявшими чайный груз. Спрятанное в чайных тюках издание попадало в город Кяхту, соединявший Запад с Востоком, и оттуда, из Кяхты, тираж «Колокола» уходил в Москву и Петербург.

Если рассмотреть литературоведческий аспект проблемы, то выявится социокультурный ресурс таких типажей, которые определены евразийцами как человек «леса» – сеятель, пахарь; человек «степи» – номад, кочевник, скотовод, человек «потока» – босяк, батрак. Социально и национально узнаваемые, эти типы нуждаются в переосмыслении, новом прочтении с позиций евразийской модели мира, что поможет многое понять современному читателю. Приобщение к новым социокультурным факторам в связи с евразийской моделью придает современной методологии в понимании литературного творчества особую глубину содержательности и значимости. В качестве еще одного такого типажа можно говорить об образе охотника, который так же, как и перечисленные выше, сформирован и создан жизненным и духовным пространством евразийского, очень богатого в своей основе художественного ресурса, особенно в связи с острейшими проблемами экологии – природы, взаимоотношений человека с окружающим его миром во всех проявлениях. У народов Сибири и Центральной Азии, где во многом средством выживания человека была охота, образ охотника особенно популярен и содержательно значителен. В связи с этим недостаточно оцененным в хакасской литературе, на наш взгляд, остается творчество одного из создателей хакасской прозы Ивана Костякова, писателя, который создал в своем творчестве уникальный мир – мир «охотничьих» рассказов, и этот художественный пласт экологической нравственной культуры многое сосредоточил в себе – историю хакасского народа, его культурные традиции, высокую нравственность хакаса как человека, действительно живущего в единстве с окружающим его миром.

В ситуации евразийского моделирования жизни определенным ресурсом могут стать духовные и культурные основы землепашеской, кочевой, охотничьей цивилизации, которые как эстетический концепт не востребованы как в реалиях самой современной жизни народов, так и в художественном творчестве. В литературе и искусстве многих народов евразийского региона популярен образ пояса, кушака (хакасский роман И. Костякова «Шелковый пояс», роман бурятского писателя Б. Мунгонова «Хилок наш бурливый» и др.), который как этнографическая деталь в дальнейшем становится эстетической идеей оберега, защиты, сохранения преемственности законов жизни в экстремальных условиях тайги, степи, леса, где постоянно действуют законы его благополучного существования.

Модель евразийства в литературах Сибири, Севера, Центральной Азии воплощает также образ шамана. Литература не раз создавала образ шамана, искусство камлания которого – открыть в результате этого действа все миры – верхний, средний, нижний. Необходимость изучения жизни человека на уровне космического сознания и планетарного мышления выводит к культурной этике космизма и планетарности как актуальному сегодня ресурсу взаимопонимания человека, наций и народностей, идее толерантности в жизни и искусстве.

Известно, что формирование самосознания человека начинается с узнаваемого ему и близкого. У одного из героев тувинского романа Кудажи скулы на лице напоминали вымя невыдоенной коровы. Такая идейная, эстетическая характеристика самодостаточна, близка и понятна многим читателям. Метафора эта для читателя Монголии, Бурятии, Тувы, Хакасии несет генетическую содержательность, ее истоки – в жизни скотовода, номада, кочевника, в их ментальной и социальной сущности.

Типологизация проблем, возникающих на пути методологии, связанной с евразийской моделью жизни, убеждает: чем более будут укрепляться глобализирующиеся процессы развития, тем острее будут становиться вопросы этногенеза, идентификации и самоидентичности, как это подчеркивал в своих трудах Л. Гумилев. В проблемах этногенеза в связи с евразийством мы можем активнее опираться на этнические контексты – ландшафтные, ментально-культурные, психологические: этику и эстетику жизни скотовода, номада-кочевника, землепашца, охотника, т.е. художественные реалии тех представлений, которые впитаны человеком, что называется, с молоком матери.

В ситуации евразийского моделирования проблемы национальной идентичности чрезвычайно актуализируются, и литература своими средствами, всей семантикой национальных образов («лица с необщим выражением») обогащает взгляд человека на мир. Например, образ-символ пояса, кушака, о котором уже говорилось, как о символе оберега и традиций преемственности между поколениями, самосохранения, выживания и сохранения себя в суровых условиях жизни, важен и актуален, как никогда. В силу особой слитности человека «леса» и «степи» с природой [Гачев] всегда был активен в литературе культ дерева. Выступающий как символ жизни, он связан у всех народов Сибири и Центральной Азии с целым кодексом запретов, когда человеку, прежде чем срубить дерево, как живое существо, следует попросить позволения и о многом подумать, прежде чем это сделать, – сегодня нужен думающий, размышляющий человек о проблемах всей жизни во всех ее проявлениях. Особая художественная сила романа писателя Бурятии И. Калашникова «Жестокий век» во многом обусловлена философскими раздумьями Тэмуджина – Чингисхана: «Первыми падают высокие деревья…», «Заглядываясь на высокие деревья, можно споткнуться о кочки» и т.д. Осмысление этих умозаключений героя Калашникова, будучи включенными в евразийскую парадигму человека «леса» и «степи», прочитывается современным читателем многостороннее и глубже, придает особую художественную значимость в восприятии романа.

Особым художественным ресурсом интеграции и идентификации в евразийской модели являются религиоведческие аспекты. Такие каноны мировых религий, как «возлюби ближнего как самого себя», «жить – значит страдать» и др., в той или иной форме и мере присутствуют в текстах бурятской литературы, должны активнее становиться частью ментальности молодых. Особая роль здесь принадлежит буддийским воззрениям, не до конца осознаваемым в герменевтической практике, но где многое направлено на совершенствование личности. Прежде всего это закон кармы как причинно-следственного смысла существования человека, когда за все надо отвечать и за все воздастся; особого внимания заслуживает закон страдания, предполагающий постоянный поиск истины и возможности приближения к ней, к ее абсолюту в познании жизни. Все основополагающие каноны мировых религий представляют собой нравственный ресурс каждого народа. Чингисхан, по мнению евразийцев, ценивших его наследие, считал, что религиозность – важная составляющая человеческого: чтобы исполнять свой долг, человек должен

знать и верить, что его судьба находится в руках высшего существа, каковым является бог, поэтому человек подчиняется чему-то высшему, нематериальному, неземному началу и потому настоящий человек должен быть внутренне религиозным.

Евразийцы, как говорилось выше, расширили образную типажную картину литературы, привнеся в нее новые значения и содержательность типов. Особый интерес для нас в связи с этим представляет генотип человека «степи» – номада-кочевника, скотовода, предпочитающего одиночество, запрограммированного самой жизнью и бытом на существование в себе, вне видимой коммуникации, кроме вселенской, космической. Молчащий, но активно сосредоточенный в себе, в своем внутреннем мире номад, создающий сам этот внутренний мир в общении с окружающим его космосом, его молчаливое, лишенное внешней связи одиночество содержат в своей основе генетический код монгола, хакаса, тувинца, алтайца, бурята. Кочевая цивилизация, кочевой народ – это особый генетический тип человека, во многом полагающегося на самого себя, это особый символ существования, и не учитывать его – значит, обеднять методологию различных гуманитарных наук.

Проблемой переосмысления, современного прочтения в литературе должен стать еще один типаж, привнесенный евразийцами, герой многих произведений бурятских, алтайских, тувинских и др. произведений прозы и поэзии – человек «потока», батрак, у которого ничего нет, кроме самого себя. Когда герой М. Горького «босяк» Челкаш из одноименного рассказа уходит от односельчанина Гаврилы, гордо швырнув ему в лицо добытые воровством деньги, море смывает его следы на песке. В национальных текстах подобных образов немало, и значит, нужна сегодня модернизирующая позиция в восприятии образа батрака и «босяка (вспомним облик героя Кудажи, напоминающее «вымя выдоенной коровы»), но со своим «евразийским» лицом, в котором есть своя особая красота.

Все обозначенные проблемы говорят о сложностях методологического подхода, ведь соединение открытости и соборности православного человека с внутренней сосредоточенностью человека буддийских воззрений – несомненно, богатый социокультурный ресурс для исследования ментальности народов, населяющих просторы Сибири и Центральной Азии.

Л. Гумилев определял, что родина – это твоя связь с кормящим тебя ландшафтом, но она превращается в Отечество, когда ландшафт осваивается, и тогда в этом процессе благополучия возникают традиции, формируется культура, которая делает каждый народ неповторимым. Ученый как один из теоретиков пассионарности развития говорил о теории «толчка», взрыва, происходящего на стыке времен (конец и начало века), ландшафтов (север-юг, восток-запад) [Гумилев]. Евразийская модель мира самым прямым образом позволяет объяснить такие феномены развития человеческого общества.

Литература

1. Гачев Т. Национальные образы мира. – М., 1999.
2. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. – М., 2011.
3. Конрад Н. Запад и Восток. О смысле истории. – М., 1972.

Гармаева Светлана Искровна, профессор кафедры зарубежной литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Тел.: (3012)218936.

Garmaeva Svetlana Iskrovna, professor, department of foreign literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

Орус-оол Светлана Монгушевна, доцент Тувинского института гуманитарных исследований, г. Кызыл, доктор филологических наук. E-mail: orusool_sveta@mail.ru

Orus-ool Svetlana Mongushevna, associate professor, Tuvan Institute of Humanitarian Studies, doctor of philological sciences.

УДК 82

© И.С. Болдонова

Образ Байкала в литературе как способ постижения фундаментальных истин бытия

В статье представлена эвристическая значимость феноменологического метода в анализе стихотворений русских и бурятских поэтов. Ссылаясь на феноменологию Э. Гусссерля, автор подчеркивает роль интенционального акта, трансцендирования в раскрытии особенностей творческого процесса писателей.

Ключевые слова: феноменология, рефлексия, интенциональный акт, жизненный мир, поэтическое творчество.

I.S. Boldonova

The image of Baikal as a way of cognition the fundamental truths of existence

The article presents heuristic significance of a phenomenological method in analysis of Russian and Buryat poetry. Referring to E. Husserl's phenomenology, the author underlines the role of intentional act, transcending in depicting the peculiarities of writers' creative activities.

Keywords: phenomenology, reflection, intentional act, life-world, poetic creativity.

Поэтический образ Байкала представляет собой многообразный комплексный феномен и как ничто другое символизирует богатство жизненного мира. Поэтическое переживание красоты Байкала демонстрирует всю палитру непосредственных данностей первозданного бытия. Возвращаясь к вечному Байкалу не только как к природному чуду и объекту мирового наследия, но и как к художественному образу, становится понятна эвристическая значимость феноменологии поэтического творчества. В век НТР, Интернета, глобальных проблем, массовой культуры необходимо осмысливать основы самообнаружения самости, что дает непреходящую ценность вдохновения, единения с духовной традицией и вековой мудростью предшествующих поколений.

В XX в. рождается синтетическая форма художественного освоения действительности: философия соединяется с литературными формами слова, чтобы глубже и многообразнее выразить бытие человека, дойти до самого сокровенного уровня саморефлексии. Современные философские направления, такие как экзистенциализм, модернизм и постмодернистские типы философствования в особенности, нашли точки соприкосновения с художественной литературой во всей ее многоаспектности и мозаичности. Философия и литература, каждая по-своему, отражают и осваивают мир. Философия как мировоззрение оказывала и будет оказывать значительное влияние на литературу, сама испытывая воздействие литературы. В свою очередь философский текст – это своеобразный диалог, стремящийся к творческому поэтическому выражению и развертывающийся в бесконечности, поскольку словесное искусство как таковое и есть способ существования и выражения истины.

Феноменологическое и экзистенциалистское соединение чувственного с рациональным стали предметом философствования Э. Гуссерля. «Эйдос» Гуссерля является плодом активности сознания, творческий характер которого проявляется не в материально-художественной форме, а является следствием интеллектуально-эмоционального переживания. Таким образом, в предмет философской рефлексии можно включить эмоциональные характеристики, условия воображаемого процесса.

Философскую традицию Гуссерль преобразует в большей мере в эстетическую, поскольку сближает предметы философской рефлексии с образами искусства, действительно наделенными целостной структурой субъективного переживания. Художественная литература, в частности, всегда была идеалом философской рефлексии.

Позиция Гуссерля и его ориентация на художественно-эстетические воззрения были продолжены в творчестве его учеников. Так, М. Хайдеггер развивает феноменологию в русле экзистенциализма и разрабатывает фундаментальную онтологию бытия и времени, позже концентрируясь на проблеме сущности художественного творения и роли философских вопросов в искусстве. Г-Г. Гадамер осмыслил герменевтику в философском ключе и основал герменевтическую методологию, которая и по сей день служит ключом к пониманию феноменов искусства.

Гуссерль пришел к выводу, что философию сегодня больше всего интересует мир непосредственных восприятий, свободных от наслоения материального объективного мира, что существенно повлияло на установки современных писателей. Понятие личностного смысла в структуре творческого сознания, который мы используем при анализе художественных произведений и их восприятия, имеет аналоги в исследованиях феноменологической философии, задача которой – найти пути к истинной личности. Это возможно только при вынесении фактического, нормативного за скобки, обнаружении истинной природы «я». С точки зрения феноменологии подлинная же картина мира берет начало в жизненном мире (В. Дильтей) и создает свои формы репрезентации в виде художественной культуры, философской рефлексии, мистических раздумий, религиозных верований. Феноменологический анализ помогает человеку освободиться от механистичного поведения и погрузиться в собственную жизненную рефлексию.

И.Н. Инишев подчеркивает значение феноменологии для полного постижения художественной литературы следующим образом: «Взаимосвязь герменевтики и поэтики основывается не на том, что герменевтика, соответственно феноменология, поэтизируется, а на том, что «герменевтические исследования» раскрыли феномено-

логический потенциал литературы и поэтической речи. Другими словами, следует говорить не столько о поэтизации феноменологии, сколько о *феноменологизации поэзии*. Различие между ними можно охарактеризовать следующим образом: хотя феноменологическая герменевтика, подобно поэзии, и использует «эвокативную силу» языка, она использует ее в *методических*, или *экспикативных,* целях [Инишев, с. 22].

Поэтические дискурсы, в основе которых находится образ Священного Байкала, давно стали предметом анализа разных социально-гуманитарных наук. Созерцание природного чуда, ощущение его энергетической мощи может привести к постижению фундаментальных основ бытия, априорных законов, к пониманию себя, живущей во взаимодействии с Байкалом личности. Феноменологизация поэтического восприятия Байкала раскрывает не только потайные смыслы стихотворений, но и помогает постичь тайны самого творческого процесса.

Отсюда становятся понятными и доступными творческое переживание красоты Байкала и ее реализация с помощью поэтического языка. Феноменологический анализ схватывает срез восприятия Байкала со всеми переливами, тонами и полутонами сознанием поэта. В письме к Г. фон Гофманисталю Э. Гуссерль писал: «Феноменологический метод требует от нас своеобразной установки, которая существенно отличается от «естественной» установки по отношению к объективному миру и которая родственна той установке, к которой нас приводит Ваше чисто эстетическое искусство по отношению к изображаемым предметам и всей мировой обстановке» [Гуссерль, с. 58-59].

Феноменология как методология изучения произведений искусства описывает сущностные свойства творческого сознания, она исключает любые трансцендентальные установки, т.е. реальное время, пространство, географическое положение, экономический, политический и прочие дискурсы. Согласно феноменологическому анализу, речь идет только о являющемся в сознании образе, поэтому образ Байкала в поэзии может исследоваться с точки зрения объективированного опыта трансцендентального «Я».

Иркутский поэт Иван Козлов опубликовал в журнале «Байкал» в 2006-2007 гг. книгу «Колокола Байкала: Байкал в поэзии четырех веков» (в 6 частях). Среди поэтических высказываний можно встретить разнообразные по силе воздействия мысли, в частности: «Бездна света и отзвук веков. Байкал – это эльдорадо и мекка поэтов и художников, романтиков и ученых, всех, в ком живут знания о Высшей Любви и Высшей Красоте. На Земле много неповторимых и чарующе живописных мест, и Байкал – одно из них. Но Байкал не просто уникален. В хрустально чистой, бесконечно меняющейся световой гамме он неповторим – его свет пронизывает глубины небосвода и возвращается оттуда тонкой, почти неуловимой гармонией звуков.

Высшим божеством давних сибирских насельников – бурят, эвенков и якутов – всегда являлось Вечно Синее Небо, а Байкал, верили они, сын Вечно Синего Неба, и нет на земле более глубокого, более могучего озера-моря. В Байкале воды больше, чем в пяти Великих Американских озерах, больше, чем в Балтийском море. Байкал удерживает в своей гигантской пригоршне почти всю пресную воду России – 97%. И какая это вода! Байкал – единственный огромный водоем планеты, из которого можно пить воду, не очищая ее. Веками поэты прислушивались к накатам набегающих из души слов и ставили их на голоса и на струны Лиры, и мы собрали сегодня все лучшее, что сохранила многоголосая муза Байкала» [Козлов].

Гармония звуков Байкала в творческом сознании И. Козлова ассоциируется со звучащей бесконечностью. В интенциональном акте схватывается многоголосье Байкала, звучание сиюминутного акта, т.е. наката волн, исчезает за пространственным горизонтом, вызывая в следующие несколько секунд очередную симфонию звуков. В художественном восприятии важна рефлексия над процессом создания музыки из шума байкальских волн, и это помогает воссоздать первоначальные чувства человека без налета цивилизации и практицизма. Вернувшаяся из глубин небосвода мелодия волн помогает восстановить утраченную связь человека с Космосом и напоминает о самой ранней стадии бытия. Феноменология восприятия музыкальных звуков Байкала позволяет раскрыть самобытное, почти «сырое» сознание в его переживании, которое фиксирует интенциональную открытость личности в акте творчества.

Поэт А. Румянцев, наш современник, который, как и многие другие поэты, родился и жил у Байкала, считает Байкал наследством, полученным от дедов и прадедов и от всех тех, кто жил, дышал, пел, страдал, любил на этих благодатных и вечно легендарных берегах. Байкалу Румянцев посвящает поэму «Колодец планеты», метафорическое название которой теперь используют не только в специальных трудах по литературе и искусству, но и в научных и публицистических работах, а также широко в СМИ.

В книге «Колокола Байкала» собраны стихи разных во временном и пространственном срезе поэтов, принадлежащих различным эпохам, на-

циональностям, географическим широтам, городам и весям. Там можно найти стихи Ин. Новокрещенных, М. Скуратова, Н. Матвеевой, Н. Нимбуева, Т. Суровцевой, В. Михеева, А. Твардовского, Е. Евтушенко и др.

В пластах мировой поэзии многие строки обращены к морям, рекам, малым и большим озерам. Большинство великих и известных поэтов, которые никогда не были на Байкале и даже не слышали о нем, в своем творчестве отметили общие для многих морей и озер мира черты природных явлений, которые присущи и Байкалу. Многие поэтические строки как будто обращены к природе озера-моря, что характерно для настоящей поэзии, поэтому наряду с вышеназванными поэтами звучат имена Баратынского, Рильке, Райниса, Гарсиа Лорки, Сандрара.

Немаловажное значение для феноменологического анализа имеет бурятская художественная литература, вобравшая в себя фольклорные традиционные образы и символы, испытавшая влияние русской классической литературы и тенденции развития мирового литературного процесса. Природа является в произведениях бурятских писателей основой формирования национального менталитета и характера. Мы видим обращение к образу могучего Байкала у Б. Дугарова, Д. Улзытуева, Н. Нимбуева, К. Балкова, Н. Дамдинова, М. Жигжитова, Д. Батожабая и др. [Балданов].

На первый взгляд, созерцание и рефлексия являются познавательными актами, свойственными любому человеку, так или иначе проявляющему интерес к окружающему его миру. На самом деле сила созерцания и глубина рефлексии определяются более «качественными» интеллектуальными, эмоциональными, эстетическими, духовными способностями сознания человека, его осознанием себя в этом мире, особенно в процессе соотнесения себя с природой. Человек, живущий в согласии с нею, ощущает гармонию и душевное успокоение от возможности созерцания природы, понимания ее бесконечности в пространстве и времени, внутренней ценности и права на неприкосновенность и невмешательство в ее владения и законы.

В стихотворении Н. Нимбуева «Рыбацкая песня» можно рассмотреть описание тончайших нюансов пространственной онтологии:

Я опрокинусь небом,
Ты разольешься морем,
Мы засинеем вместе
Горизонтом в дали…
Буду в тебе отражаться,
Будем с тобой целоваться,
И поплывут между нами
Белые корабли!

[Нимбуев, с. 23]

Синева неба и моря находит отражение в глазах любимой, что является стержнем пространственно-временного континуума и отражает первоначально чувственные данные, которые онтологически входят в структуру «здесь и теперь». «Белые корабли» есть результат первоначального восприятия морской стихии, имманентного содержания пространственных и временных интенций. Первичные чувства и ощущения переходят ко второй фазе более зрелого интенционального акта и появляются «белые корабли» – схватывание эфемерного образа, которое еще больше отдаляет от объективной реальности и еще раз подчеркивает трансцендентальный характер эстетического.

Способность к трансцендированию, которая присуща эстетическому опыту творческого сознания, демонстрирует другой известный бурятский поэт Б. Сыренов:

Я на берег пришел твой, Байкал.
Я твоей тишины не нарушу.
Чистый воздух струится меж скал,
Освежая мне тело и душу.

Волны плещутся прямо у ног,
замирают и плещутся снова.
Выдох ясного дня – ветерок
Отдает глубиной омулевой…

[Золотые гольцы, с. 147]

С точки зрения феноменологии цитируемые строки представляют собой явления субъективного опыта поэта. В момент созерцания великолепия Байкала поэтом совершается акт переживания различных модусов времени, разница которых едва уловима. В переживании настоящего момента игры-движения волн можно увидеть схватывание временного бытия, тончайшее переживание замирания волн. Мгновенное пребывание в фазе осознания темпоральности волн дает возможность приблизиться к секрету творчества – с помощью каких механизмов сознания переживаются время и признаки временности.

Н.И. Кормин пишет: «Трансцендентальная идеальность времени позволяет понять, что произошло в той точке, когда мировая драма начала строиться с учетом нового принципа – антропного принципа, когда духовное творчество стало событием в мире, то есть актом, в котором мир индивидуализировался неповторимым и необратимым образом и стала возможной сама эстетика, которая и есть, говоря словами апостола Павла, не что иное, как способность “петь духом”» [Кормин, с. 87]. Способность к трансцендированию при восприятии волн позволяет поэтическому сознанию соприкоснуться с этой трансцендентальной идеальностью времени и одухотворить живительную силу Байкала.

Подводя итоги, следует сказать о значении феноменологического анализа для раскрытия потенциала художественной литературы. То, что явилось поэтическому сознанию, нашло выражение в поэзии через переживания, и есть реальность. Феноменология художественного произведения позволяет нам постичь эту реальность. Переживания составляют саму ценность человеческого бытия.

Литература

1. Инишев И.Н. Чтение и дискурс: трансформация герменевтики. – Вильнюс, 2007.
2. Хаардт А. Эдмунд Гуссерль и феноменологическое движение в России 10- и 20-х годов // Вопросы философии. – 1994. – № 5.
3. Козлов И. Колокола Байкала // Байкал. – 2006. – № 5 [Электронный ресурс]. – URL: www.baikalgran.ru
4. Балданов С.Ж. Бурятская литература в условиях современных социокультурных процессов // Бурятская литература в условиях современного социокультурного контекста: материалы регион. науч. конф. – Ч.1. – Улан-Удэ, 2006.
5. Нимбуев Н. Стреноженные молнии. Стихи. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974.
6. Золотые гольцы: сб. прозы и стихов. – М.: Современник, 1986.
7. Кормин Н.А. Диаграмма времени-сознания и феномен художественного восприятия // Феноменология искусства. – М., 1996.

Болдонова Ирина Сергеевна, доцент, зав. кафедрой зарубежной литературы Бурятского госуниверситета, доктор философских наук. E-mail: irina_duncan@mail.ru

Boldonova Irina Sergeevna, associate professor, head of the department of foreign literature, Buryat State University, doctor of philosophical sciences.

УДК 130.2

© ***Т.В. Платицына***

Архетип трикстера в зарубежных исследованиях

Статья посвящена рассмотрению понятия «трикстер» в зарубежной культурологии. Автор прослеживает его развитие – от появления термина в работах американских и английских антропологов до его разработки и усложнения американскими и европейскими психоаналитиками, фольклористами, литературоведами, лингвистами, писателями и этнографами в XX в. и перехода на качественно новый уровень в работах культурологов индейского происхождения в начале XXI в.

Ключевые слова: трикстер, культура, антропология, фольклор, индейский, архетип, культурный герой, дискурс, постмодернистский.

T.V. Platitcyna

Archetype of trickster in the Western studies

The article dwells upon the concept of “trickster” in Western Cultural Studies. The author traces its evolution – from the appearance of the term in the works of American and English anthropologists through its development and elaboration by American and European psychoanalysts, folklorists, literature scholars, linguists, writers and ethnographers in the XX-th century and to the transition to a new level in the works of scholars in the area of culture studies of Native American ancestry in the beginning of the XXI-st century.

Keywords: trickster, culture, anthropology, folklore, Native American, archetype, cultural hero, discourse, postmodern.

Одним из интересных, противоречивых и загадочных образов архаической мифологии является комический дублер культурного героя – трикстер (от англ. «trick» – трюк, «trickster» – “трюкач, обманщик, хитрец, шалун”). Он в большой степени может рассматриваться как универсальный образ – в фольклоре любого народа неизбежно присутствует этот персонаж (Гермес в мифах Древней Греции, Койот в сказках и легендах североамериканских индейцев, братец Кролик у афроамериканцев, король Обезьяна в Китае, Ананси в Африке, Ганеш в Индии, Локи в скандинавском фольклоре, Иван-дурак в русских сказках, Будамшу в Бурятии и т.д.).

Трикстеру посвящено множество работ, дополняющих и опровергающих одна другую, что неудивительно, учитывая принципиальную противоречивость его фигуры. В данной статье мы рассмотрим происхождение и развитие понятия «трикстер» в работах зарубежных исследователей в рамках культурной антропологии (не считая его употребления в повседневном общении в значении, впервые зафиксированном в Оксфордском словаре английского языка в XVIII в. как «обманщик, мошенник, лжец»).

Согласно одной из версий, которая считается общепринятой, впервые термин «трикстер» упоминается в XIX в. американским антропологом Д.Г. Бринтоном в трудах, посвященных фольклору американских индейцев (1868), для обозначения комического персонажа, который часто появляется в их сказках и легендах. Однако Л. Хайд отмечает, что этот термин впервые упоминается Ф. Боасом в предисловии к совместной со

своим учеником Дж. Тейтом книге «Традиции индейцев долины реки Томпсон» (1900) [Hyde, 1998: 355]. Среди многих антропологических работ можно выделить «Сказки индейцев Северной Америки» (1929) американского фольклориста С. Томпсона, которая представляет собой обширное собрание мифов и легенд о трикстере у различных индейских племен, однако лишенное теоретического комментария.

Первое фундаментальное исследование в этой области принадлежит американскому антропологу и фольклористу П. Радину (Трикстер. Исследование мифов американских индейцев (1956)), который, будучи приверженцем эволюционистского подхода, относит соединение божественного культурного героя и «божественного шута» (трикстера) ко времени появления человека в качестве социального существа (в отличие от животного). В проанализированном им цикле мифов о трикстере индейцев Виннебаго Радин усматривает изображение эволюции человека от природной стихийности к героической сознательности. Согласно Радину, «трикстер в одно и то же время является создателем и разрушителем, воздающим и просящим, одураченным и выигрывающим… У него нет каких-либо ценностей, моральных или социальных, он находится на службе у своих страстей и аппетитов, однако через его действия появляются все ценности и нормы» [Радин, 1993: xxiii].

Известный австрийский психоаналитик К.Г. Юнг рассматривает трикстера как вариант архетипа «тени» человека – в соответствии со своей теорией архетипов он воспринимает образ трикстера как взгляд «я», брошенный в далекое прошлое коллективного сознания, как отражение недифференцированного, едва оторвавшегося от животного мира человеческого сознания [Jung, 1968: 256-270].

Характерной чертой «тени», по Юнгу, является архетипическая черта нарушения социальных установок – своими безрассудными действиями трикстер-»тень» способен поломать существующие обычаи, что в мифологии воспринимается позитивно, как сила разума, рушащая все барьеры. В качестве примера Юнг приводит древнеримского бога Меркурия, который, нарушая правила, установленные высшими богами, осуществляет свои функции культурного героя. Юнг также проводит параллель между трикстером, полтергейстом и шаманом, отмечая присущую им склонность к трансформации (физической и духовной) и злобным шуткам, которые становятся причиной страданий самого трикстера и которые, в свою очередь, ведут к «его постепенному превращению в спасителя и одновременно очеловечиванию...» Это «преобразование бессмысленного в осмысленное» [Юнг, 1999: 267] позволяет трикстеру стать медиатором между бессознательной и сознательной сферами человеческой психики, привести личность к осознанию собственной «самости» и осуществить компенсаторную функцию в культуре.

Венгерский филолог-религиовед, специалист по античной мифологии К. Кереньи, сравнивая трикстера Виннебаго с трикстерами античной мифологии и персонажами европейского плутовского романа, соглашается с Юнгом, определяя трикстера как «вневременной праобраз» (архетип), «корень всех плутовских созданий мировой литературы, охватывающий все времена и культуры» [Кереньи, 1999: 245], «дух беспорядка», «персонаж, выражающий и воплощающий жизнь тела, ничему не подчиняющийся полностью, управляемый похотью и голодом, вечно навлекающий на себя боль и страдания, хитрый и вместе с тем неразумный в своих поступках» [Кереньи, 1999: 257].

Таким образом, Радин, Кереньи и Юнг акцентируют свое внимание на таких чертах трикстера, как архетипичность и универсальность, бессознательность/неполное отделение от мира животного/телесность, противоречивость, и на его креативной и компенсаторной функциях, выражающихся в нарушении всякого рода границ, включая границы пола. Они дают подробный «психологический портрет» трикстера, выделяя его главные черты и социально-культурные функции, их работы имеют ценность как кросс-культурные исследования, специализирующиеся на сравнительном изучении образа трикстера в индейской и европейской мифологии.

Существенным недостатком данных теорий можно считать то, что трикстер рассматривается как предшественник культурного героя, как важный, но «примитивный» этап в развитии человеческого сознания, а не как естественная составляющая культуры [Greenway, 1964: 90]. П. Радина также подвергают критике за то, что в его работе мифы рассматриваются как продукт устного народного творчества и религиозных воззрений вне их связи с материальной культурой индейцев Виннебаго [Hultkrantz, 1983]. При данном подходе к изучению образа трикстера, для которого характерно восприятие его как универсального, генеративного образа, имеющего общие характеристики и выполняющего сходные функции во многих культурах, пытаются выявить архетипические корни данного образа, восходящие к общечеловеческому «коллективному бессознательному», его происхождение, развитие и функционирование в социокультурных условиях.

В конце XX в. изучение образа трикстера в рамках данного «генеративного» подхода продолжается такими исследователями, как постюнгианец Т. Бельмонт, антропологи-фольклористы Р. Абрахамс и Б. Бэбкок-Абрахамс и др. Так, Р. Абрахамс пишет, что трикстер объединяет в себе качества множества других типов персонажей: клоуна, дурака, шутника, посвященного, культурного героя [Abrahams, 1968: 170-71]. Л. Хайд, Э. Велсфорд, Х. Лок дифференцируют эти типы и выделяют отличающие их характеристики [Welsford, 1935; Hyde, 1998; Lock, 2002], а Б. Бэбкок-Абрахамс разрабатывает типологию персонажей-трикстеров и выделяет 16 свойственных им характеристик [Babcock-Abrahams, 1975: 147-86].

Противоположный этому подход, представленный в исследованиях образа трикстера в отдельно взятой конкретно-индивидуальной культуре (Т.О. Бейдельман, Э. Бессо, Дж. С. Кирк, Д. Сабатуччи, Э.Э. Причард и др.), имеет своей основой тот факт, что этот персонаж настолько разнообразно представлен в мировой традиционной и современной культуре и, следовательно, трикстеры, принадлежащие к индивидуальным культурам, так разнятся и настолько культурно специфичны, что невозможно выявить объединяющие их качества.

Т.О. Бейдельман предлагает отказаться от употребления термина «трикстер» и сконцентрироваться на изучении персонажей, «только частично походящих на то, что условно именуют «трикстером» приверженцы универсальных категоризаций», в отдельно взятой культуре. Он анализирует устное народное творчество африканского племени кагуру и в качестве аргумента приводит то, что представители культуры кагуру не используют термина, который бы имел генеративное значение «трикстер», более того, персонажи, которые с точки зрения западных антропологов можно объединить под «крышей» этого термина, ни в коей мере респондентами не объединяются [Hynes, Doty, 1993: 175-176]. Д. Сабатуччи называет этот термин «чудовищной абстракцией», которая значительно обесценивает кросс-культурные исследования [Sabatucci, 1981].

В. Тернер отмечает, что трикстер является фигурой лиминальной (от лат. «limen» – «порог»), он разрушает и смешивает все категории для того, чтобы создать новые комбинации и аномалии. Трикстер так же, как шут и клоун, обладает маргинальным статусом и привносит в социальный институт новые возможности [Turner, 1969: 125].

У. Хайнс и У. Доти в междисциплинарной работе «Мифологическая фигура трикстера: контуры, контексты и критика» (1993) пытаются преодолеть ограничения «генеративного» и «конкретизированного» подходов и объединяют в ней эссе авторов, придерживающихся иногда очень разных подходов ради того, чтобы показать разносторонность и многообразие фигуры трикстера как таковой, а также множество способов его изучения. В книге описаны персонажи из различных культур и социокультурных контекстов, включая африканских Ананси, Ешу и Легба, западных Гермеса, Святого Петра и Гершеля, индейских Койота, Ваджункагу и Монабозо, азиатских Сузаноо, Сун Вун Юнг, Ага Тампу и Хоранги. Авторы соглашаются, что, с одной стороны, есть общие аспекты, объединяющие персонажей данного типа в разных культурах. Так, У. Доти выделяет 6 характеристик трикстера: 1) противоречивость и пограничность, 2) трюкачество, склонность к обману, 3) способность к трансформации и изменению внешности, 4) «переворачивание ситуации», 5) выполнение роли «божественного посланника и подражателя богов», 6) выполнение функции «священного и распутного бриколера» [Hynes, Doty, 1993: 33-45], которые наиболее соответствуют идентичности трикстера вне зависимости от культуры, к которой он принадлежит.

С другой стороны, эти общие характеристики «ведут нас к сравнению социальных функций, психологических механизмов, литературных мотивов, отношения к религиозным верованиям и ритуальных трансформаций», связанных с трикстером. У. Доти и У. Хайнс отмечают, что легенды о трикстере были в большой степени уже изучены с точки зрения антропологического, этнографического и исторического контекстов, однако за пределами изучения осталось рассмотрение образа в более широком культурологическом контексте, что выявило бы общие свойства человеческой культурной экспрессии [Hynes, Doty, 1993: 2-4].

Авторы также заостряют внимание на том, что трикстер принадлежит к смеховой культуре, следовательно, как всякая пародия и сатира, легенды о трикстере становятся плодородным источником культурной рефлексии и критического размышления, где отношение культуры к смеху отражает ее жизнеспособность, гибкость и творческий потенциал. Таким образом, трикстер одновременно выполняет развлекательную и рефлективную функции.

В конце XX в. становятся актуальными исследования языка трикстера, появляется термин «дискурс трикстера» в работах таких ученых, как Э. Бассо, А. Дуэйхи, Дж. Вайзнер, Р. Лаш, активизируются гендерные (Дж. Смит, С. Сеньер, М.

Джейкобс, М. Джурик), семиотические, герменевтические, психоаналитические (постюнгианские), литературоведческие и кинематографические (Х. Бэссил-Морозов) исследования. Х. Лок и другие ученые выделяют такое понятие, как «трикстер постмодерна», которое, появляясь в разных ипостасях в современном кинематографе, литературе и популярной культуре, выражает психологию и мышление эпохи постмодернизма [Lock, 2002].

В начале XXI в. одним из актуальных направлений становится рассмотрение образа трикстера с ориентацией на восприятие данного персонажа самим коренным населением Северной Америки и учеными индейского происхождения (Дж. Вайзнер, К. Фаган, Н. Синклер, Э. Еллоухорн и др.). Канадский литературовед Д. Редер пишет о том, что фокус научного исследования должен сместиться с колонизаторской точки зрения изучения богатого индейского фольклорного наследия на изучение мировоззрения индейского населения и его интеллектуального вклада в мировую культуру, чтобы выявить новые прочтения рассказов и легенд о трикстере [Reder, Morra, 2010: viii]. Проблема трикстера в течение долгого времени изучалась учеными европейского происхождения, и фигура трикстера всегда рассматривалась как «экзотичная», в то время как образ трикстера нужно «переместить» в определенный социально-исторический контекст и понимать его в связи с этим контекстом согласно концепции этической критики [Reder, Morra: xii]

Таким образом, исследования образа трикстера в зарубежной культурологии, зародившись в конце XIX в. в русле антропологии и фольклористики, в XX в. развивались в различных направлениях, включая психоанализ, литературоведение, гендерные исследования, дискурсивные и герменевтические исследования, этнологию и этику. В настоящее время интерес к многостороннему и междисциплинарному явлению трикстера не иссякает, а лишь обновляется.

Современная американская поэтесса индейского происхождения К. Блейзер объясняет это, рассматривая трикстера как жизненную энергию: «...истории о трикстере все еще имеют силу: силу рассмешить нас, поставить в тупик, удивить или заставить нас задуматься о чем-то и, как трикстер, продолжать идти вперед» [Blaeser, 1994: 3]. В настоящее время приоритет отдается рассмотрению трикстера в контексте этноэтической критики, где этот персонаж изучается учеными индейского происхождения, выявляются смыслы, актуальные для читателя/зрителя индейского происхождения и переосмысливаются белым населением США и других стран.

Литература

1. Кереньи К. Трикстер и древнегреческая мифология // Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев с коммент. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. – СПб.: Евразия, 1999.
2. Радин П. Трикстер // Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев с коммент. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. – СПб.: Евразия, 1999.
3. Юнг К.Г. О психологии образа Трикстера // Трикстер: исследование мифов североамериканских индейцев с коммент. К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. – СПб.: Евразия, 1999.
4. Abrahams, R.D. Trickster, the Outrageous Hero // Ed. T. P. Coffin. Our Living Traditions: An Introduction to American Folklore. – New York: Basic Books, 1968.
5. Babcock-Abrahams, B. A Tolerated Margin of Mess: The Trickster and His Tales Reconsidered //Journal of the Folklore Institute. – 1975. – Vol.11/ № 3.
6. Blaeser, K.M. Introduction. Trickster: A Compendium // Buried Roots and Indestructible Seeds: The Survival of American Indian Life in Story, History, and Spirit. Ed. Mark A. Lindquist and Martin Zanger. – Madison: University of Wisconsin Press, 1994.
7. Greenway J. Tricksters, Tar babies, and other Heroes // Literature Among the Primitives. – Hatboro: Folklore Associates, 1964.
8. Hultkrantz, A. The Study of American Indian Religions // Ed. C. Vecsey. AAR Studies in Religion, 29. – NY: Crossroad, 1983.
9. Hyde, L. Trickster Makes This World: Mischief, Myth, and Art. – New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1998.
10. Hynes W.J., Doty W.J. Mythical Trickster Figures: Contours, Contexts, and Criticism. – Tuscaloosa: University of Alabama press, 1993.
11. Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious. – Translated by R. F. C. Hill. Vol. 9, pt.I. – Bollingen Series XX: Princeton University Press, 1968.
12. Lock, H. Transformations of the trickster, 2002 [Электронный ресурс]. – URL: www.southerncrossreview.org/18/trickster.htm
13. Reder, D., Morra, M. Troubling Tricksters. – Waterloo: Wilfrid Laurier University Press, 2010.
14. Sabbatucci, D. Sui protaganisti dei miti // Quaderni di etnologia religiosa, 2. – Roma: La Goliardica Editrice. – 1981.
15. Turner, V. The Ritual Process:Structure and Anti-Structure. – Chicago: Aldine, 1969.
16. Welsford, E. The Fool: His Social and Literary History. 1935.

Платицына Татьяна Владимировна, старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации Бурятского госуниверситета, кандидат культурологии. Тел.: (3012)214810. E-mail: tplatitsyna@gmail.com

Platitsyna Tatiana Vladimirovna, senior lecturer, department of translation and intercultural comminication program, Buryat State University, candidate of science in cultural studies.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 398(571.54)

© ***Б.С. Дугаров***

К генезису унгинской Гэсэриады: хонгодорский фактор*

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-04-00309а.

В статье рассматривается роль племени хонгодор в распространении унгинской версии эпоса «Гэсэр» в Прибайкалье в контексте этнокультурных связей монгольских народов.

Ключевые слова: эпос, Гэсэриада, генезис, традиция, хонгодорский фактор, монгольские народы.

B.S. Dugarov

To Unginsky Geseriada's genesis: Khongodorsky factor

The article considers the role of *Khongodor* tribe in dissemination of the Unginsky version of the epos «Geser» in Pribaikalye in a context of ethnocultural connections of the Mongolian peoples.

Keywords: epos, Geseriada, genesis, tradition, Khongodorsky factor, Mongolian peoples.

Относительно генезиса унгинской Гэсэриады существует устойчивое мнение, что эту версию принесли из Монголии хонгодоры и другие этнические группы монголо-ойратского происхождения. Первым на эту тему высказался А.И. Уланов, полагавший, что хонгодоры – это представители монгольских родов, переселявшиеся разными группами в Приангарье в течение XV-XVII вв., и что именно они «привезли с собой устные варианты «Гэсэра», легшие в основу первого печатного (ксилографического) издания 1716 г., а на бурятской почве стали известны науке как унгинская версия [Уланов, с.30-31]. Эти положения были уточнены и развиты в ряде других статей бурятского эпосоведа и приняты всеми последующими исследователями бурятской и монгольской Гэсэриады.

Так, С.Ю. Неклюдов соглашается с тезисом о хонгодорских переселенцах и архаичности принесенной ими унгинской версии, сохранившей первооснову монгольской Гэсэриады, существовавшей прежде в различных устных вариантах в качестве общемонгольской «прототипической» версии сказания о Гэсэре, а впоследствии при ксилографическом издании подвергшейся клерикальной обработке. Говоря же о формах устной передачи Гэсэриады в Бурятию, ученый считает, что они «пока остаются невыясненными и сугубо проблематичными» [Неклюдов, 1984, с. 205, 219, 220]. Подобная постановка проблемы заставляет более внимательно отнестись к истории и этногенезу самих хонгодоров как основному «передаточному» звену унгинской версии из Монголии на бурятскую почву.

Напомним, что хонгодоры наряду с булагатами, эхиритами и хоринцами являются одним из четырех основных племен, образующих бурятский этнос. По данным С.П. Балдаева, они достаточно многочисленны, составляют более одной четверти всего бурятского населения Забайкалья и Прибайкалья [Балдаев, 1961, с. 73]. Территория их географического расселения, причем довольно компактного, простирается от р. Ангары (ее левобережья, где располагается Аларский район Иркутской области) до самых границ с Монголией, с которой соседствуют три хонгодорских района, входящие в состав Республики Бурятия, – Тункинский, Окинский и Закаменский. Есть все основания полагать, что в прошлом кочевья хонгодоров и этнически им близких родов тянулись и по Прихубсугулью до нынешних Завханского и Убсанурского аймаков Монголии. То есть исторически существовал так называемый хонгодорский коридор, подтверждаемый наличием многочисленных легенд и преданий самих хонгодоров о своем происхождении.

При этом в аларских и тункинских генеалогических преданиях непременно подчеркивается родство с племенем хотогойто, что выражается в этногенетической формуле по отношению к эпонимам двух вышеназванных этнических формирований: «Хонгоодор Хотогойто хоёр аха дуу байһан юм – Хонгодор и Хотогойто были братьями» [Балдаев, 1960, с. 329]. Представители племени хотогойто, ойратского по происхождению, но впоследствии сильно «охалхасившегося», и поныне живут на территории Северо-Западной Монголии. Уместно привести мнение монгольского ученого С. Пурэвжава, автора монографии по истории хотогойтов, что они относятся по своим историческим корням к тем западным монголам, которые вплоть до чингисовой эпохи, кардинально изменившей всю этническую карту Центральной Азии, кочевали на своих родовых территориях от юго-западного побережья озера Байкал до Хангая и Алтая. При этом они поддерживали родственные отношения (ураг удмын) с монголоязычными племенами, населявшими

древнюю Бурятию под названием Баргуджин-Тукум [Пурэвжав, с. 7-8]. Из сказанного следует, что «хонгодорский коридор» имеет под собой глубокую историческую почву в контексте этногенеза и этнической истории монгольских племен, относившихся к ойратскому этнокультурному ареалу.

Как известно, распространение Гэсэриады в монгольском мире тесным образом связано с фактором политического возвышения ойратов (конец XVI – начало XVII в.) и завоевания ими Северного Тибета, откуда (район озера Кукунор) сказание о Гэсэре по западной части Центральной Азии («меридиан Гэсэриады») первоначально проникает в Западную Монголию, а оттуда – в Прибайкалье [Нармаев, с. 76]. В связи этим весьма интересным применительно к нашей теме представляется уточняющее замечание Ц. Дамдинсурэна о том, что Гэсэриада пришла в Бурятию из княжества Алтан-ханов Западной Монголии [Дамдинсурэн, с.132]. Основным же населением этого княжества, согласно письменным источникам, являлись представители племени хотогойто, в силу своей воинственности и многочисленности игравшие значительную роль в укреплении власти династии Алтан-ханов [Радлов, с. 26]. Территория же их княжества простиралась от Саян на севере до отрогов Монгольского Алтая на юге, от Убса-нора на западе до озера Хубсугул на востоке.

Фактически «хонгодорский коридор» был связан с территорией княжества Алтан-ханов, заявлявшего о себе как о политической силе почти на протяжении всего XVII в. и ведшего длительную и неравную борьбу с Джунгарским ханством, которое положило конец существованию этого небольшого государства. Хонгодоры и часть хотогойтов (этноним хотогойто отмечен в составе хонгодорских родов в Алари) [Сказания бурят, с. 89; Балдаев, 1970, с. 361] в обстановке непрекращающихся междоусобных войн уходили на север к своим единокровным сородичам в Присаянье и Приангарье, уже давно обжившим эти богатые пастбищными землями и звероловными угодьями места.

Г.Н. Румянцев, скрупулезно проанализировавший важные и заслуживающие внимания фольклорно-этнографические материалы, в том числе и генеалогические легенды, связанные с этногенезом и историей хонгодоров, пришел к выводу о разновременности и длительности «периода» переселения хонгодоров из Монголии начиная примерно с конца XVI в. вплоть до начала XVIII в. [Румянцев, с. 120-121]. Отметим, что временные рамки переселения хонгодоров, по Румянцеву, отчасти совпадают с датировкой, предложенной А.И. Улановым в связи с Гэсэриадой, которую принесли хонгодоры (XV–XVII вв.), о чем мы уже упоминали. Именно эта длительность процесса перекочевок представителей рассматриваемого нами племени в течение более чем одного столетия (по Румянцеву), а то и того дольше (по предположению Уланова) из географически близкой Монголии в Присаянье и Приангарье еще раз подчеркивает, что существовал «хонгодорский коридор», связывающий территорию кочевания хонгодоров от монгольского Хангая и Алтай-Хухэя до Прибайкалья, которая в силу известных исторических обстоятельств оказалась в пределах двух новых супергосударственных образований – маньчжурского Китая и России.

Изложенные исторические реалии в определенной степени проясняют проблему «миграции» Гэсэриады. Поскольку хонгодоры как «передаточное» звено унгинской Гэсэриады составляли вместе с хотогойто и другими родственными родами естественный этнический коридор, связующий Приангарье с Западной Монголией, в силу этого следует очертить ареал исторического бытования унгинской версии в рамках территории проживания ее носителей, упомянутых ранее. Правомерность такого подхода подтверждают историко-этнографические источники и материалы, а также культовые представления и фольклорно-мифологическая традиция хонгодоров, связанные с «корневой системой» сакрального мира бурят. Недаром обнаруживаются глубокие внутренние связи и выразительные параллели образа Гэсэра со знаковыми персонажами бурятской мифологии – Буха-нойоном и Хан Шаргай-нойоном. Причем культовые места последних расположены в Тункинской долине, соединяющей благодаря своему географическому положению приангарскую и монгольскую части хонгодорской ойкумены. В связи с этим нельзя не учитывать и тот факт, что хонгодоры и другие ойратские этнические подразделения привезли с собой, помимо Гэсэриады, многие другие ценности: культ сайтинских богов, поэму-улигер «Шоно батор», воспоминания об Алтае, Хухэе, Цайдаме, Тангуте и т.п. [Михайлов, с. 48].

В гэсэроведении бытует устойчивое представление о том, что унгинская версия Гэсэриады приобрела в Приангарье форму типичного бурятского улигера – рифмованной героической былины [Козин, 1935, с.223]. Вместе с тем исследователи констатируют, что эпические поэмы монголоязычных народов обладают чрезвычайным сходством, композиционной, стилистической, языковой и ритмической близостью, а также удивительным единообразием персонажей и ситуаций, представленных в них. Особенно чет-

ко эпические параллели прослеживаются в фольклоре западно-монгольских ойратов и западных бурят (например, хонгодоров) [Неклюдов, 1974, с.221]. Об этом же пишет Н.Н. Поппе, отмечая, что при сравнении халхаских, ойратских и бурятских эпопей последние обнаруживают наибольшую близость благодаря хонгодорскому фактору [Поппе, с. 60-61, 105-106]. Хронологические рамки расцвета основных героических сказаний Н.Н. Поппе обозначает периодом XIV–XVII вв. На этот период приходится пик распространения и трансформации «Гэсэра» в Монголии, особенно в северной ее части. Это совпадает с предположением А.И. Уланова о времени хонгодорской «трансмиссии» унгинской версии Гэсэриады из Западной Монголии в Прибайкалье, что предполагает активную циркуляцию эпических сюжетов по «хонгодорскому коридору» в соответствии с тогдашним уровнем тесных этнокультурных контактов родственных родоплеменных образований. Степень «архаизированности» унгинской версии по сравнению с ксилографическим памятником свидетельствует о ее изначальной приближенности к «прототипическому» источнику в качестве его устного извода.

В свете изложенного исходя из особенностей этногенеза бурят, являвшихся частью монгольского суперэтноса и участниками общих этнокультурных процессов, становится очевидным, что унгинская версия может рассматриваться как возможный «сопрототип» устной общемонгольской Гэсэриады. Аргументы в пользу такого предположения содержатся, по мнению А.И. Уланова, в самом тексте унгинской версии. Это более подробные обстоятельные описания в ряде узловых моментов сюжетного действия, наличие глубокого слоя языческих натурфилософских представлений или народной мифологии, составляющих основу эпического нарратива. Наконец, небесный пролог, повествующий о битве богов, исход которой объясняет возникновение «смуты» на земле и играет сюжетообразующую роль. Показательно и то, что сонм небожителей, представленный в прологе, имеет очевидную связь с общемонгольским пантеоном добуддийских божеств, а сыновья тэнгриев во главе с Гэсэром становятся эпическими персонажами [Абай Гэсэр, с. 6-8].

С доводами бурятского ученого согласуется мнение С.Ю. Неклюдова, что унгинские улигеры о Гэсэре не находятся в зависимости от ксилографического издания, а представляют собой самостоятельный цикл сказаний, восходящий к устной основе монгольской Гэсэриады. Определяемый же им сюжетный корпус «прототипического» источника, состоящий из небесного пролога, рождения героя на земле, его детских подвигов и женитьбы, битвы с черно-пестрым тигром и северным демоном, противоборства с шарайгольским «триумвиратом», Андулмой и Лубсагой, имеет полное соответствие в унгинской версии [Неклюдов, 1984, с. 214]. В связи с этим небезынтересно упомянуть о том, что хронологически самая первая запись изложения унгинской версии, произведенная Г.Н. Потаниным [1883, с.251-256] от аларских хонгодоров в 1883 г., содержит схематически примерно ту же сюжетную канву вышеупомянутого «прототипического» сказания о Гэсэре. Аларский текст был записан от информаторов, которые не были сказителями, но, судя по всему, знали наиболее распространенную в среде хонгодоров ветвь Гэсэриады.

Отмечая существенную интегрирующую роль западномонгольского этнокультурного фактора в историческом плане, нельзя не отметить органичность вхождения Гэсэриады во главе с ее героем в канву бурятской эпической традиции, в которой она получила самобытную разработку, о чем прежде всего свидетельствует ее близость к народной мифологии и центральным персонажам тэнгристского пантеона. Судя по всему, и образ Гэсэра оказался «своим» в бурятской фольклорно-мифологической системе с ее развитым культом неба и разработанностью темы нисхождения небожителей на землю. Подобно тому как Хормуста «потеснил» на бурятском Олимпе традиционное божество прибайкальских бурят Эсэгэ Малана, так и сын Хормусты Гэсэр своим именем, приобретшим сакрализованную известность в общемонгольском и шире – центральноазиатском масштабе, «затмил» имена его бурятских эпических предшественников из улигерных героев, став их общенациональным преемником [Танака, с. 281-283]. При этом наибольшая концентрация и вариативность сказаний о Гэсэре наблюдается в ареале распространения унгинской версии Гэсэриады, куда относятся в первую очередь Приангарье и Присаянье.

М.П. Хомонов при сравнении книжных монгольских версий и хонгодорских устных вариантов Гэсэриады отмечал «абсолютную» схожесть их характеристик относительно достоинств и богатырских качеств улигерного героя. «Казалось бы, аларские буряты, принесшие устный вариант Гэсэриады из Монголии приблизительно триста лет тому назад, – пишет ученый, – могли забыть не только характеристику вида героя, но и содержание улигера, которое могло измениться под влиянием других западнобурятских улигеров. Но этого не произошло. Улигер “Гэсэр” сохранил свое прежнее содержание в деталях, да и его изобразительно-художественные средства не

изменились» [Хомонов, с. 77-78].

Действительно, в Саяно-Приангарском регионе, где проживают хонгодорские и другие рода, вышедшие из Монголии (Джунгарии) и принесшие с собой Гэсэриаду, эпос о Гэсэре обрел благодатную почву и пустил глубокие корни. На этнокультурном симбиозе с местными булагатскими родами и развилась богатейшая эпическая традиция Гэсэриады, представляющая собой вершину «унгинского эпоса». Определение же «унгинский эпос», вошедшее в широкий научный оборот, было введено в эпосоведение Г.Д. Санжеевым и основано на этнотерриториальном признаке [Санжеев, с. 58], указывающем на исторически сложившуюся общность бурят – хонгодоров, булагатов, хангинов, шарайтов, зунгаров и других родоплеменных групп монголобурятского и ойратского происхождения, совместно проживающих в пределах Приангарья. Обратим внимание, что все основные варианты «Абай Гэсэра», относящиеся к унгинской эпической традиции (а их свыше десяти), были записаны от сказителей, живших компактно на сравнительно небольшой территории, охватывающей нынешние Аларский и Нукутский районы Иркутской области (левобережье Ангары).

С.П. Балдаев в статье «Бурятские улигершины и гэсэршины» приводит список «наиболее выдающихся народных поэтов-сказителей» – исполнителей унгинской Гэсэриады, в котором наряду с такими известными именами, как П. Тушемилов из рода олзо, П. Дмитриев из рода онгой (булагаты), П. Петров из рода хангин, Д. Букосов из рода шарайт (хоринцы), называются и представители хонгодорского племени – аларские буряты: П. Степанов, Ш. Дарханов, И. Махачкеев, Б. Зурбанов и Н. Иринчеева (кстати, единственная женщина-сказительница в списке улигершинов) [Балдаев, 1961, с. 32-54]. Из последних пятерых более известен как сказитель Гэсэриады П. Степанов (1890-1970). От него в 1940 г. С.П. Балдаев записал несколько глав эпоса «Абай Гэсэр хубун»: рождение Гэсэра на земле, его детские подвиги и женитьба, уничтожение трех шараблинских ханов и Гал Нурма хана, в общем объеме свыше 2000 стихотворных строк. Исследователь Д.А. Бурчина, подробно рассмотревшая десять основных вариантов «Абай Гэсэра», относящихся к унгинской версии и бытовавших в одном регионе – на левобережье Ангары, отмечает, что в варианте П. Степанова образ Гэсэра особенно наглядно воплощает в себе традиционные черты бурятских эпических сказаний [Бурчина, с. 67].

Унгинская версия Гэсэриады, сохранившая мифологическое ядро и древние сюжеты ее общемонгольского «прототипического» устного источника, приобрела на берегах Ангары черты, характерные для бурятского эпоса в целом. А.И. Уланов, отмечая медиаторскую роль хонгодоров в перенесении Гэсэриады из глубин Центральной Азии на северную периферию монголоязычной ойкумены, подчеркивает, что эпос «Гэсэр» органично и широко вошел в репертуар приангарских сказителей. Он оказал влияние на формирование унгинского эпоса, при этом сам впитал многие эпизоды и поэтику бурятских улигеров [Уланов, с. 105, 128].

В целом проблема генезиса унгинской Гэсэриады связана с истоками эпического творчества монгольских народов. Сама же история и трансформация этого улигерного феномена в Прибайкалье показывает на этнокультурное единство его коренного населения с монгольским миром, о чем красноречиво свидетельствует хонгодорский фактор. Символично, что процесс распространения Гэсэриады совпал по времени с формированием бурятского этноса и явился одним из знаковых элементов национального самосознания, этнической и культурной самоидентификации.

Литература

1. Абай Гэсэр / вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. А.И. Уланова. – Улан-Удэ, 1960.
2. Балдаев С.П. Бурят арадай аман зохёолой туубэри. – Улан-Удэ, 1960.
3. Балдаев С.П. Избранное. – Улан-Удэ, 1961.
4. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят. – Улан-Удэ, 1970.
5. Бурчина Д.А. Гэсэриада западных бурят. – Новосибирск, 1990.
6. Дамдинсурэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. – М., 1957.
7. Козин С.А. Гесериада. Сказание о милостивом Гесер Мерген-хане, искоренителе десяти зол в десяти странах света. – М.;Л., 1935.
8. Михайлов Т.М. «Гэсэр» в свете некоторых исторических реалий // Гэсэриада – духовное наследие народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1995.
9. Нармаев Б.М. Формирование монгольских и калмыцких версий Гэсэриады: дис. … канд. филол. наук. – Л., 1987.
10. Неклюдов С.Ю. Исторические взаимосвязи тюрко-монгольских фольклорных традиций и проблема восточных влияний в европейском эпосе // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. – М., 1974.
11. Неклюдов С.Ю. Героический эпос монгольских народов. – М., 1984.
12. Поппе Н.Н. Халха-монгольский героический эпос. – М.;Л., 1937.
13. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб., 1883. Вып. 4.

14. Пурэвжав С. Хотгойдын угсаа гарал ба туухийн асуудалд (XVI-XIX зуун). – Улаанбаатар, 1970.
15. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии. – Иркутск, 1929.
16. Румянцев Г.Н. Предания о происхождении аларских бурят // Этнографический сборник. – Улан-Удэ, 1961. Вып. 2.
17. Санжеев Г.Д. По этапам развития бурят-монгольского героического эпоса // Советский фольклор. – 1936. – № 4-5.
18. Сказания бурят, записанные разными собирателями. – Иркутск, 1890. Т. 1. Вып. 2.
19. Танака К. Бурият косё Гэсэру моногатари-ни араварета футацуно бунка со // Миндзокугаку кэнкю. – 1964. – №3. Т.29.
20. Хомонов М.П. Монгольская Гэсэриада. – Улан-Удэ, 1989.
21. Уланов А.И. К характеристике героического эпоса бурят. – Улан-Удэ, 1957.

Дугаров Баир Сономович, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор филологических наук. Тел.: (3012)469119.
Dugarov Bair Sonomovich, leading fesearch fellow, department of literature and folklore studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, doctor of philological sciences.

УДК 398.1(571.54)

© ***Д.А. Бурчина***

Эхирит-булагатские эпические традиции в улигерах Бууры Барнакова

В статье рассматриваются эхирит-булагатские эпические традиции в улигерах сказителя Бууры Барнакова, раскрываются неизвестные ранее страницы его биографии.
Ключевые слова: бурятский фольклор, бурятский героический эпос, улигеры, традиции.

D.A. Burchina

The Ekhirit-Bulagat epic traditions in the Uligers by Buura Barnakov

The articles reviews the Ekhirit-Bulagat epic traditions in the Uligers by the narrator Buura Barnakov, it reveals previously unknown details of his biography.
Keywords: the Buryat folklore, the Buryat heroic epos, the Uligers, traditions.

Общеизвестно, что по своим стадиально-типологическим характеристикам бурятский героический эпос классифицируется на три группы: эхирит-булагатскую, унгинскую и хоринскую. Из них наиболее архаичным считается эхирит-булагатский эпос, поскольку в нем преобладают черты охотничьего уклада жизни творцов улигеров, элементы тотемизма, анимизма, различных культов, мотивы побратимства с животными персонажами, оборотничество (метаморфизм), сказочные мотивы. В его сюжетах получили разработку две центральные темы – сватовство и женитьба героя, а также борьба с чудовищами-мангадхаями и врагами-чужеродцами.

Сюжетная разработка темы героического сватовства в эхирит-булагатском эпосе отличается большим разнообразием и вместе с тем устойчивостью основных мотивов – гибели героя, похода за суженой, преодоления препятствий, борьбы за невесту, оживления героя. Но в целом черты «охотничьего» эпоса, обусловленные его близостью к мифологическим истокам, доминируют в эпосе эхиритов и булагатов. В нем все еще значительна роль мифических зооморфных, зооантропоморфных персонажей – помощников, покровителей, противников героя – и сверхъестественных способностей героя (магия и оборотничество).

Помимо двух основных тем в эхирит-булагатской эпической традиции присутствуют взаимоотношения брата и сестры, дяди и племянника, мужа и жены, отражающие конфликты между членами патриархальной семьи и рода.

Таковы основные черты архаичного эхирит-булагатского эпоса, представляющего «нижний слой», «изначальный этап» героико-эпического творчества бурят, но по богатству мотивов и образов, превосходящий все остальные бурятские традиции [Санжеев, с. 35].

Существовавшая с далеких времен богатая эпическая традиция эхиритов и булагатов получила известность после начала планомерного собирания фольклорных произведений, начатого в конце XIX – начале XX в. Так, во время первой своей научной командировки в 1903 г. по поручению Российской академии наук к кудинским, верхоленским, хурумчинским, хутульским и ольхонским бурятам Ц. Жамцарано обнаружил бытовавшую там живую эпическую традицию и впервые записал полноценные тексты героико-эпических сказаний («Айдурай Мэргэн», «Аламжи Мэргэн», «Еренсэй», «Гэсэр Богдо», «Буху Хара хубун» и др.) от талантливых знатоков ули-

геров Маншуда Имегенова, Елбона Шалбыкова, Ботошхи Булдаева, Лазаря Бардаханова, Завина Заяханова и др.

Будучи не только крупным собирателем, но и исследователем, Ц. Жамцарано оставил ценные сведения о бытовании улигеров у бурят, об обрядах, соблюдавшихся в старину при исполнении сказаний, традициях их воспроизведения, их призводственно-магической функции, о том, что пение улигеров являлось «своего рода могущественным волшебством, чарами для привлечения зверей» [Жамцарано, с. 33]. Поэтому присутствие на облавах самых лучших исполнителей считалось обязательным. Существовала также глубокая вера в целительную, благодатную силу улигеров.

В ряду талантливых эхирит-булагатских улигершинов (Маншуда Имегенова, Елбона Шалбыкова, Бутуушхи Булдаева и др.), чьи имена получили широкую известность в начале XX в., достойное место занимает сказитель Буура Барнаков. Его улигеры были записаны уже во второй половине 20-го столетия, когда живое бытование героических сказаний считалось фактически угасшим. В этом плане, на наш взгляд, небезынтересно проследить, сохранились ли традиционные черты эпоса эхирит-булагатов в его творчестве, а также остановиться на ранее неизвестных фактах биографии сказителя. И хотя М.П. Хомоновым, зафиксировавшим в магнитофонной записи в 1962-1963 гг. весь эпический репертуар Б. Барнакова, и были опубликованы статьи [Хомонов, 1968; 1978], нам представляется, что основные сюжеты и мотивы этих улигеров все же требуют более подробного рассмотрения на фоне общей эпической традиции бурят.

О существовании в Верхоленье знатока улигеров ученым Бурятии стало известно от старейшего фольклориста С.П. Балдаева, который познакомился с Барнаковым во время своей экспедиции в Качугский район Иркутской области летом 1960 г., накануне ежегодного сурхарбана. Согласно его записям, хранящимся ныне в ЦВРК ИМБТ СО РАН (ф. № 36, оп. 1, д. 382), ученый после бесплодных поисков знатоков устного народного творчества на правобережье Лены посетил левобережные улусы Бурлай, Хал, Нэхэлэй и Харбатово. И в Хальском встретил своего приятеля, который посоветовал ему ехать в Первый Токский улус, в котором проживал Б. Барнаков у своей свояченицы, сестры покойной жены.С.П. Балдаев разыскал дом этой женщины, но хозяина не застал. Чуть позже во двор въехал ездивший за водой на быке сам сказитель. Увидев незнакомца, переменился в лице, видно, испугался. Как выяснилось позже, в 1931 г. он был раскулачен, преследовался НКВД и был сослан в Якутию (Олекминск) на правах спецпереселенца, откуда вернулся через 12 лет. Поскольку все его хозяйство на родине, в улусе Тэрэнга (долина Лены), было уже уничтожено (скот взят в колхоз, дом и постройки проданы на снос), он вынужден был переехать к овдовевшей свояченице в Первый Токский улус, где стал работать кузнецом в колхозе. Поэтому, увидев незнакомого человека одетого по-городскому, да еще с портфелем в руках, принял его за какого-то начальника, собирающего сведения, как он выразился, о «контрышках». Но когда С.П. Балдаев сказал, что он записывает улигеры, сказки, песни, интересуется родовыми, племенными преданиями и т.д., он успокоился, «вспомнил о Ц. Жамцарано и В. Михайлове, которые в 1906 г. беседовали с его отцом» (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. № 36, оп. 1, д. 382).

За ужином, разговаривая о бурятской старине, об улигерах и сказителях, они просидели до двух часов ночи. На следующий день, когда С.П. Балдаев попросил Бууру исполнить какой-нибудь улигер, тот отказался, говоря, что давно их не пел, позабыл, да они теперь никому не нужны, т.к. народ стал грамотным. Он рассказал, как однажды по просьбе приезжих студентов спел улигер в клубе, но публика осталась равнодушной. А в другой раз подростки и молодежь даже подняли его на смех, говоря: «Разве конь может одним прыжком заскочить на гору?!».

И действительно, как пишет С.П. Балдаев, во многих местах проживания бурят живое бытование эпической традиции в 1920-х гг. прошлого века уже угасало, а к моменту его знакомства со сказителем, она была по существу уже утраченной (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. № 36,оп. 1, д. 382). Изменилось время, обстановка в стране, а вместе с ними и люди. Молодежь уже не имела прежнего трепетного отношения к героическим сказаниям, считая их чуть ли не суеверием. Поэтому Сергею Петровичу пришлось приложить немало усилий, чтобы разубедить Барнакова. И на следующий день тот пропел небольшой улигер «Эрхэбшэ Мэргэн» (314 стихов), являющийся по сюжету волшебной сказкой, в которой герой, выручив из беды некое существо, оказавшееся дочерью хана подводного царства, обретает богатство и благополучие.

В целом Буура Барнаков знал восемь улигеров, но, к сожалению, два из них – «Хурин Хэсэ моритой Хурин Тайшаа» и «Эрэйн сайн Тад мэргэн» («Лучший из мужей Тад Мэргэн») – он уже не помнил.

Открытие в начале 60-х гг. XX в. сказителя такого уровня стало большим событием для фольклористической науки Бурятии. И в 1962 г.

к сказителю в Баяндаевский район был откомандирован М.П. Хомонов (90-летний юбилей ученого был торжественно отмечен ИМБТ СО РАН весной 2013 г.). Как пишет М.П. Хомонов, в тот год ему удалось записать на магнитофон три улигера, а в следующую поездку – в 1963 г. – еще три [Хомонов, 1990, с. 4]. Хотя ранее в своей статье он писал иначе: «Часть улигеров была записана на его родине, а часть – в Улан-Удэ, куда он был приглашен для исполнения улигеров» [Хомонов, 1990, с. 63]. Судя по рабочим записям С.П. Балдаева, очевидно, он тоже принимал некоторое участие в этой работе.

Таким образом, благодаря большому труду двух ученых, ныне в фольклорном фонде ЦВРК ИМБТ СО РАН имеется коллекция героико-эпических произведений, записанных от уникального в своем роде улигершина, хранителя традиционного эхирит-булагатского эпосопения – Бууры Барнакова. Помимо магнитофонной записи, здесь находится еще шесть расшифрованных рукописных текстов, произведенных М.П. Хомоновым (ЦВРК ИМБТ СО РАН, инв. №3156). Это улигеры «Нарин Хузуун Гулдумэй» («Тонкошеий Гулдумэй») – 2 775 стихов; «Арбан табан наһандаа утэлһэн Гургулдай» («Постаревший в 15-летнем возрасте Гургулдай» – 2 700 стихов; «Тохонойн ганса Тоолэн» («Тойлэн, единственный (сын) Тохоноя») – 1 995 стихов; «Найтал Мэргэн» – 1 350 стихов; «Ундэрэй Урбоони гурбан басаган» («Три дочери небесного Урбона») – 764 стиха; «Эрхэбшэ Мэргэн» («Молодец Эрхэбшэ») – 314 стихов.

Все эти улигеры были исполнены напевным речитативом, который, на наш взгляд, должен несколько отличаться от исполнительской манеры других эхирит-булагатских улигершинов (М. Имегенова, Е. Шалбыкова, Б. Булдаева и др.). Как известно, Ц. Жамцарано писал об этом следующее: «У эхирит-булагатов улигер поется с начала до конца громко и протяжно. Присутствующие подпевают, вторят рапсоду…» [Жамцарано, с. 25]. А у Бууры Барнакова, судя по магнитофонной записи, мелодика несколько иная, не похожая на «протяжную», хотя Д.С. Дугаров, нотировавший эту запись, считает ее идентичной традиционному пению эхирит-булагатских улигершинов. Он пишет: «Напевы Барнакова отличаются эпической широтой и спокойной неторопливостью» [Дугаров, с. 512].

М.П. Хомонов, в свою очередь, пишет, что Барнаков «остается последним исполнителем улигеров, сохранившим старинные певческие традиции. Его пение отличается речитативностью, своеобразной напевностью, напоминающей шаманские песнопения» [Хомонов, 1990, с. 4-5]. Ученый также отмечает, что сказитель поет лежа, переходя то в речитатив, то в мотив исполнения шаманского гимна, но не полностью совпадает с последним» (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. № 36, оп. 1, д. 317).

Такой способ воспроизведения эпических произведений, видимо, был обычным у бурятских сказителей. Таким образом, воспроизведение улигерных произведений Б. Барнаковым шло в русле исполнительских традиций эхиритов и булагатов.

Усвоению сказительского искусства способствовала семейная традиция: все предки Бууры по мужской линии были певцами улигеров, знатоками устного народного творчества. По сведениям С.П. Балдаева, осенними вечерами в их доме собирался народ. Дед и отец Б. Барнакова поочередно пели или рассказывали улигеры, одноулусники зачарованно слушали. Их молчание прерывалось, лишь когда они сами начинали петь, очевидно, «сэг даралга» – приветствие вернувшемуся из похода эпическому герою или, наоборот, благопожелание-напутствие при выезде его в поход. Когда слушатели пели, сказители – дед Махара и отец Барнак – отдыхали, выкуривая трубку табаку. Отсюда можно заключить, что у эхирит-булагатов, живое участие коллектива в воспроизведении эпоса все еще продолжало бытовать до начала XX в.

Крупными знатоками улигеров и певцами у Бууры Барнакова были также прадед Абхан и прапрадед Бохал, который, по рассказам, «родился, держа в руках шерсть разных зверей», уже взрослым он пел улигеры в тайге во время больших облавных охот. Он слыл не только хорошим охотником, но и прекрасным сказителем. Кроме отца и деда, улигеры исполняли летом на покосе также дядя сказителя Илья и одноулусники Манушка Захаров, Алексей Алёшкинов и шаман Петрунаев.

Эти сведения, полученные, несомненно, из уст самого улигершина, свидетельствуют о том, что производственно-магическая функция пения улигеров у эхирит-булагатов, продолжавших частично заниматься охотничьим промыслом, существовала еще очень долгое время. Неудивительно, что в такой атмосфере Буура Барнаков с двенадцати лет начал сам петь улигеры.

По сведениям С.П. Балдаева и М.П. Хомонова, Буура Барнаков родился в 1883 г. в зажиточной семье Барнака Балдуева в улусе Тэрэнга, недалеко от села Харбатово (Нықэлэйский род) Ленской инородческой управы, Верхоленского уезда Иркутской губернии. Нигде не учился, подростком стал помогать родителям, занимавшимся скотоводством, пас овец и телят. Работал

в поле, косил сено, возил хлеб, молотил снопы, рубил и возил дрова из лесу (ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. № 36, оп. 1, д. 382).

В статье о творчестве Б. Барнакова М.П. Хомонов передает рассказ сказителя о его любви к улигерам, о том, как в детстве он украдкой слушал отца, иногда певшего сказания в ночной тишине, и как тот потом поправлял сына, если он забывал последовательность эпизодов в содержании эпоса. «Таким образом я выучил наизусть те улигеры, которые знаю теперь. Сорок лет я “не говорил” улигеры, а теперь начинаю опять» [Хомонов, 1974, с. 62-63]. Но память Б. Барнакова, по свидетельству ученого, была отличная; кроме героических сказаний, он хорошо знал легенды, предания, имена своих предков до двенадцатого колена. Очевидно, восемь эпических произведений, перечисленных выше, составляли семейный или улусный репертуар сказителя, и не исключено, что другие знатоки эпоса знали и другие произведения. К сожалению, собиратели, на наш взгляд, упустили из поля зрения этот вопрос.

Улигеры Б. Барнакова интересны и своеобразны по своему содержанию. За исключением двух последних: «Эрхэбшэ Мэргэн хубун» и «Три девицы небесного Урбона», они, несмотря на небольшой объем, двусоставны и повествуют о героях двух поколений (отца и сына). Так, в первой части улигера «Арбан табан напандаа утэлпэн Гургалдай» («В 15-летнем возрасте постаревший Гургалдай») рассказывается о деяниях Гургалдая, отправившегося в поход, чтобы вернуть похищенного Хара Соохор ханом своего боевого рыжего коня (дайндааши унаха усин зээрдэ морин).

В пути герой проявляет свою способность к перевоплощению: оборачивается в разных диких животных и птиц, коня превращает в кремень. Когда встречается высокая гора, конь одним прыжком поднимается на вершину, где находится живительная вода вечности (мунхээн хара yhан). И герой, и конь купаются в ней, становятся сильнее и лучше прежнего. Эти архаичные эпические мотивы особенно распространены в сказаниях эхирит-булагатов.

Гургалдай сражается с похитителем – Хара Соохор ханом – на саблях, копьях, затем противники стреляют друг в друга из луков. Исчерпав все средства, герой обращается к желтой книге судьбы (заяани шара hудар) и узнает, что душа врага находится в верхней пуговице его дэгэла и кисточке его шапки; наказывает стреле принести эти вещи.

Гургалдай побеждает Хара Соохор хана, но перед смертью противник успевает выстрелить в героя, и тот пускается в бегство от преследующей его стрелы; бросает волшебные предметы – стальной напильник и стальные ножницы, превращающиеся в горы, но безуспешно. Стрела пробивает их. Герой уничтожает вражескую стрелу, только выстрелив в нее из своего бухарского лука. Герой хоронит врага с почестью: ставит ему памятник.

Гургалдай возвращается домой, забрав своего боевого рыжего коня. Далее заболевает жена героя, и он едет к трем искусным ламам (гурбан бэрхэ лабууд), которые предсказывают рождение сына (чью пуповину следует перерезать белосуставчатой травой и белым гладким камнем *уен сагаан ногоон, мулуун сагаан шулуун*) и рождение в табуне жеребенка для него. Вскоре все так и происходит. Сын вырастает и укрощает коня. Гургалдай с сыном вновь приезжает к трем ламам, которые совершают обряд закалки юного богатыря и дают ему имя «Хурин Тайшаа, имеющий могучего бурого коня» (*Хурин хэсуу моритой Хурин Тайшаа*).

Примечательно, что в данном сюжете у Б. Барнакова произведена замена действующих персонажей. Например, в эхирит-булагатской версии «Абай Гэсэр-хубуна» героя закаливают небесные кузнецы, а здесь этот обряд совершают ламы. Но предметы, используемые ими при этом, не имеют отношения к буддийской религии, а характерны для традиционных народных верований. Так, ламы сжигают юношу вместе с конем на костре, разожженном из дерева с золотыми листьями и серебряными ветвями, на коричневом камне, равном по величине трем быкам; пепел толкут в ступе, освящают можжевельником и ключевой водой; читают желтую книгу судьбы-Заяна и произносят благопожелание стать неуязвимым для врагов.

Вторая часть улигера посвящена подвигам молодого богатыря по имени Хурин Тайшаа. Завязкой сюжета служит сказочный мотив: отец запрещает сыну подниматься на вершину горы. Но как всегда запрет нарушается. Юноша тайно отправляется в путь. Конь прыгает на гору, где течет живительная вода вечности. Хурин Тайшаа отражает там нападение громадной птицы с черным железным клювом и черными железными когтями, оживляет погибшего юношу, мать которого дала ему до этого калачик, замешанный на материнском молоке. Затем он побеждает напавшего на него незнакомца – стража скалы – и, наконец, одерживает победу над силачом Бухэ Бугдэром – убийцей юноши, оживленного героем. Хурин Тайшаа вызывает силача на бой, заявив, что прибыл, чтобы пролить его черную кровь, разломать его крепкие кости.

Герой побеждает противника, разузнав, где находится его душа, а тот не может найти душу богатыря, т.к. она надежно защищена ламами.

Хурин Тайшаа отправляется домой, забрав имущество (алга зоори) Бухэ Бугдэра и его девиц.

Как видно из краткого содержания улигера, основная его тема – это прославление богатырства, воинских качеств героев, наделенных чудесными, магическими способностями. Занятием их, судя по эпосу, является наряду с охотой, табунное коневодство, т.к. домашний скот вообще не упоминается. Поэтому похищение боевого коня (у Гургалдая есть также ездовой конь) расценивается как потеря ценного имущества, тогда как в унгинском эпосе это обычно угон стада домашних животных. В отличие от большинства героических сказаний бурят, антагонистами в этом улигере представлены не чудовища-мангадхаи, а человеческие персонажи.

Если завязка первой части сказания вполне реалистична, то во второй – она имеет сказочный характер, как и отдельные мотивы этой части повествования. В связи с этим не имеет четкой мотивировки и выезд героя из дома, а также и борьба со случайными противниками. Героизм Хурин Тайшаа проявляется в уничтожении силача Бухэ Бугтэра, погубившего юношу, его оживлении.

Мифологичны и основные мотивы этого улигера, которые встречаются во многих героических сказаниях бурят. Так, несмотря на реалистичность картин боя, сражений богатыря с врагами, исход борьбы решается в мифологическом плане – побеждает тот, кто первым найдет и уничтожит душу врага.

Сюжет второго улигера «Нарин Хузуун Гулдэмэй» (Тонкошеий Гулдэмэй) основан на мотиве борьбы кровных родственников – антагонизме дяди и племянника, который довольно распространен в унгинском эпосе (сюжетный тип «Дядя губит племянника, чтобы завладеть его имуществом»). Он реализован в первой части произведения, вторая же посвящена деяниям сыновей-близнецов героя, оставленных матерями в лесу на попечение природы.

В отличие от унгинских сюжетов, в которых действуют двое дядей, в варианте Б. Барнакова это один Хара Дулдай абага, который клевещет Эжэн Богдо хану, что племянник хочет завладеть его престолом. По совету жены тот отправляет Гулдумэя на войну с непобедимым Тухэрон Богдо ханом. Когда герой побеждает противника, Хара Дулдай грабит имущество хана, забирает его дочь и убивает Гулдумэя с помощью остромордой женщины-ведьмы (самсаал ехэ урэгэн, сарюун ехэ хушуун) – традиционного антагониста героев в эхирит-булагатских улигерах. Затем, желая убить детей героя, требует от невесток их выдачи. Но они успевают спрятать детей в лесу. Хара Дулдай калечит их и уводит с собой, забрав все имущество Гулдэмэя.

Старик-охотник находит близнецов. Однажды, нарушив запрет старика, братья поднимаются на гору, там они видят чудовище – Мангад Гахая, пожирающего людей и коней, – и убивают его. Обратившись к своим божествам-творцам, юноши получают коней и имена от старика-охотника. Отправившись в поход, находят под камнями останки человека с «живыми» светящимися глазами. Оживляют его. Он оказывается их отцом. Сказание заканчивается тем, что Гулдэмэй вместе с сыновьями побеждает врагов, освобождает из рабства своих жен и впоследствии женит сыновей.

Как видим, большую роль в улигере играют сказочные мотивы: нарушение запрета подниматься на гору и последующие за ним события; мотив оставления детей на попечение природы, широко распространенный в мировом фольклоре. Героический же характер придают произведению борьба и победа над воплощениями зла: коварным дядей Хара Дулдаем, его пособницей остромордой ведьмой и мангадхаем – пожирателем людей.

В отличие от предыдущих, улигеры «Тохонойн ганса Тоолэн» (Тойлэн, единственный [сын] Тохоноя) и «Найтал Мэргэн» посвящены теме основания героем семьи. Так, герой первого сказания решает жениться, отобрав жену у Хара Соохор хана. Победив его в схватке, обнаруживает, что женщина исчезла. В пути встречается с красавцем-богатырем, который оказывается его старшим братом. Он доказывает свое кровное родство с Тойлэном, пройдя испытание: метким выстрелом срезает кончик ногтя на его пальце. По совету брата герой добывает в жены небесную деву (Тэньериин басаган Тэмээнэй Ногоон дуухэй), обитающую посреди семи морей и живет с ней в черном железном дворце, имеющем черные железные цепи (гэнжэ).

Сюжет о женитьбе героя имеет сугубо мифологический характер: герой подстерегает небесную деву-птицу, обернувшись то комаром, то эхом, готовит ловушку. Затем проглатывает ее и изрыгает, после чего она обретает человеческий облик. События в улигере осложняются тем, что герой погибает в результате коварных действий остромордой женщины-ведьмы (самсаал ехэ урэгэн сарюун ехэ хушуун), которая путем хитрости и обмана уводит его жену к Харжа Минаа, сыну Хара Соохор хана. Но прежде, выведав у жены, где находится душа Тойлэна, губит его. Этот сюжетный мотив увода жены героя путем хитрости и коварства также встречается в эхирит-булагатской версии «Абай Гэсэр-хубуна» М. Имегенова.

Во второй части эпоса повествуется об оживлении героя и освобождении его жены из заточения, о возвращении домой и свадьбе. Улигер заканчивается счастливой жизнью героя, появлением у него двух сыновей, которые становятся ханами. Большой интерес представляет в этих сюжетах образ старшего брата, наделенного функцией спасителя (оживляет Тойлэна), советчика (указывает, кто его суженая и где она находится), морализатора (укоряет за то, что убил ни в чем не повинного Хара Соохор хана) и верного друга. Интересен также и мотив заточения жены Тойлэна в железный амбар за отказ стать женой Харжи Минаа и связанный с ним сюжет о золотом кольце ее мужа в ведре воды, означающем, что он прибыл освободить ее и ей следует притворно согласиться на свадьбу с Харжи Минаа. Этот сюжетный тип «Муж на свадьбе своей жены», широко распространенный в мировом фольклоре (ср. «Одиссею» Гомера), встречается также в унгинской версии эпоса «Абай Гэсэр».

Герой одноименного улигера «Найтал Мэргэн» – удачливый охотник, имеющий небесное происхождение (*буудалаар ехэ буубуудаа*), – отправляется в поход, чтобы силой отобрать себе в жены дочь Хара Соохор хана – Алтан Ногоон дуухэй. Приблизившись к владениям, магически пускает течь по реке кровь людей и животных. Ханские пастухи говорят об этом Хараасгай Мэргэну – сыну Хара Соохора, и тот, выехав навстречу пришельцу, вступает в бой, обернувшись пестрым изюбрем. После безуспешной борьбы Хараасгай Мэргэн приглашает героя в гости к отцу. Несмотря на гостеприимство, Найтал Мэргэн заявляет, что прибыл воевать с ними. Но увидев красавицу Алтан Ногоон дуухэй, герой, ослепленный ее красотой, смягчается и вступает в беседу с хозяевами. Узнав, что Хараасгай Мэргэн едет на борьбу с врагами, вызывается ехать вместо него.

Найтал Мэргэн уничтожает многих чудовищ-мангадхаев: 75-голового Должин Сагаан Гахая, 95-голового Еньен Хухэ Гахая, 105-голового Зууян Шара Мангад Гахая, вооруженных железными топорами (мэтаал сагаан тарбагай hухэ) и имеющих скребок (хэдэргэ), Мангад Гахайку. Последняя оскверняет героя, кинув в него свой скребок, но тот освящает себя можжевельником и родниковой водой и побеждает, благодаря помощи девяти небесных кузнецов. Герой сжигает останки чудовищ, а пепел развеивает по ветру, произносит заклинание, чтобы земля очистилась от этой нечисти. Узнав из желтой книги Заяна-судьбы, что покончил с врагами, забирает многочисленный скот и серебро Двуголовой мангадхайки и возвращается к Хара Соохор хану. Делит это имущество на три части. Возвращается домой с невестой и устраивает свадьбу, объезжает свои размножившиеся табуны и живет спокойно и счастливо, молясь о мирной жизни.

Как видим, матримональная тематика в улигерах Б. Барнакова имеет оригинальную сюжетную разработку, отличающуюся от известных эхирит-булагатских эпосов типа «Айдурай Мэргэн», «Эржэн Мэргэн хубун», «Хурин Алтай» и др. Своеобразие их заключается в отсутствии самого мотива сватовства как такового, в связи с чем исчезает и фигура грозного отца невесты, устраивающего гибельные испытания жениху. У Барнакова герой-жених стремится силой захватить невесту.

В «Найтал Мэргэне» дается развернутое описание красоты суженой, имеющей реальный человеческий облик, тогда как в «Тохонойн ганса Тойлэне» этот неопределенный образ, очевидно, находится еще на стадии перехода от орнитоморфной природы к человеческой.

Отличает «Найтал Мэргэна» от предыдущих улигеров Б. Барнакова и то, что противниками предстают многоголовые чудовища – постоянные враги богатырей почти всех эпических произведений бурят. Героическая борьба Найтал Мэргэна с ними мотивирована его благородным порывом помочь брату невесты, хотя традиционно она, как правило, ведется из-за соперничества в сватовстве, посягательстве на жену или имущество героя.

Остальные произведения Б. Барнакова являются, по существу, сказками, о чем уже упоминалось выше. Так, в «Трех дочерях небесного Урбона» реализован сказочный мотив магического бегства от мангадхая, встречающийся как в бурятском эпосе и сказках, так и в эпосах многих народов мира. Краткое содержание его заключается в следующем: героини усыновляют найденного в железной колыбели мальчика, который необычайно быстро растет и пожирает весь скот. Сестры дают ему кипящую смолу – мальчик превращается в 3-голового мангадхая и преследует их. Убегая, они по совету своего коня бросают поочередно на своем пути ножницы, гребень, наперсток, превращающиеся в скалу, лес, море, но чудовище преодолевает эти препятствия, убивает богатыря, вступившегося за сестер. Побеждает мангадхая его старший брат. Он же и оживляет погибшего. Сестры возвращаются домой и живут счастливо.

Рассмотренные нами тексты показывают, что сюжеты улигеров Б. Барнакова представляют собой очень ценный материал для изучения эпической традиции не только эхирит-булагатов, но и бурятского эпоса в целом, т.к. показывают ме-

стную, микролокальную традицию, бытовавшую в одном или близлежащих улусах, а, возможно, даже ограниченном кругу, состоявшем из близких родичей.

Бууру Барнакова, очевидно, нельзя назвать сказителем в традиционном смысле, скорее всего, это талантливый передатчик, канонично воспроизведший однажды усвоенные им улигеры. Тем не менее незаметно для себя он все же вносил изменения, подчиняясь духу времени. К этим моментам следует отнести не только русизмы, такие как «дабаноо», «дабай», «мэтаал сагаан тарбагай пухэ», но и замену действующих персонажей (ламы вместо небесных кузнецов) и т.д.

К своеобразию местной эпической традиции, воспроизведенной Б. Барнаковым, очевидно, следует отнести краткость вступлений к улигерам, отсутствие композиционных частей («сэг даралга», «угталга», «удэшэлгэ»), которые, несомненно, исполнялись в прежние времена. Но, тем не менее, в текстах Б. Барнакова хорошо сохранена мифологическая основа бурятских улигеров. Большую роль играют в них эпические реалии, связанные с мифологическими воззрениями народа: высокая гора, живительная вода вечности, желтая книга судьбы – заяна, мотивы поиска, преследования души и т.д. Но вместе с тем сказитель всегда дает развернутые описания боя героев с применением боевого оружия, схваток-единоборств, богатырской езды героя и др.

Главная же ценность коллекции Б. Барнакова заключается в том, что магнитофонная запись демонстрирует живой голос поющего улигершина.

Литература

1. Дугаров Д.С. Напевы бурятских улигеров // Абай Гэсэр Могучий: бурятский героический эпос. – М.: Восточная литература, 1995.
2. Жамцарано Ц.Ж. Образцы народной словесности монгольских племён: произведения народной словесности бурят. Тексты. – Птг., 1918. – Т. 1. Вып. 3.
3. Санжеев Г.Д. Эпос северных бурят // Аламжи Мэргэн: бурятский эпос. – М.; Л., 1936.
4. Хомонов М.П. Улигеры в исполнении Буры Барнакова // Бурятский фольклор: труды БИОН. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 8.
5. Хомонов М.П. Художественно-изобразительные средства улигеров Буры Барнакова // Мастерство современных бурятских сказителей. – Улан-Удэ, 1978.
6. Хомонов М.П. Сокровища народной мудрости // Серебряная коновязь: бурятские улигеры / пер. В. Бояринова. – Улан-Удэ, 1990.

Бурчина Дарима Афанасьевна, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, кандидат филологических наук.
Тел.: (3012)435766. E-mail: darimangara@mail.ru
Burchina Darima Afanasyevna, senior research fellow, department of literature and folklore studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, candidate of philological sciences.

УДК 398 (=512.31)

© Л.Ц. Санжеева

Культурные константы в бурятской Гэсэриаде: мифологические, религиозные и эпические параллели

В статье рассматриваются универсальные культурные константы – небо, земля, вода и огонь, их символическая сущность и роль в традиционной культуре бурят, их отражение в разных вариантах бурятского эпоса о Гэсэре.
Ключевые слова: эпос, универсальные константы, мифологические элементы, сакральный характер.

L.Ts. Sanzheeva

Cultural constants in the Buryat Geseriada: mythological, religious and epic parallels

The article considers universal cultural constants – the Sky, the Earth, the Water and the Fire, their symbolic character and functional value in the traditional culture of Buryats, their reflection in different versions of the Buryat epos about Geser.
Keywords: epos, universal constants, mythological elements, sacred character.

Бурятский эпос вносит свой вклад в современную картину мира благодаря четкой эпически образной парадигме возникновения Вселенной, Земли, Человека, божеств и хтонических существ, парадигме отношений людей с природными силами. В этом, безусловно, прослеживается знаковый характер эпоса бурят, а также символизм всех его элементов.

Эпическая культура бурятского народа всесторонне отражает этапы развития человека в

древний период его становления. В частности, как отмечает Е.О. Хундаева, в бурятском эпосе показана развернутая картина возникновения мироздания, раскрыто всеобъемлющее значение основополагающих начал макрокосма: хаос, мировой океан, первостихии, триединство универсума, с которых начинается изложение вопросов антропогенеза, т.е. происхождение человека, Вселенной [Хундаева, с. 6].

В эпосе бурят в художественно обобщенной форме показан исторический этап развития человечества в древности, в средневековье, период так называемой космогенной цивилизации, которая основывалась на орудийной технике и ручной технологии и в большой степени зависела от природных сил, когда мировой космос определял смысл жизни, диктовал ее законы. В этом же русле высказывается потомственный шаман-кузнец Б.Д. Базаров: «…сегодня одна из главных целей человека – стремление к гармонии с природными силами, возвращение к первоначалу, к духовному совершенству, к общечеловеческим ценностям – вот что должно стать сутью нового мышления всех людей в третьем тысячелетии» [Базаров, с. 28]. В бурятской Гэсэриаде интерпретация этих философских проблем представлена в полном объеме.

В каждой культуре модель мира составляется из целого ряда универсальных концептов и констант культуры, таких как пространство, время, измерение, причина, сущность стихий, нравственные понятия, любовь и т.п., но у каждого народа между этими концептами присутствуют свои особенные соотношения, создающие основу национального мировидения. Являясь универсальными доминантами мировой культуры в целом, культы земли, неба, огня, воды, горы, дерева и др. в миропонимании каждого народа имеют специфические стороны, которые отражаются в языке, ритуалах, фольклоре, поведении представителей того или иного этноса.

На материале из разных вариантов эпического сказания бурят о Гэсэре обратимся к таким первостихиям, как земля, небо, вода, огонь, их роли и значению в традиционной культуре бурят и отражению в эпическом контексте.

Анализ архаических мифов и легенд разных народов свидетельствует о том, что древние люди воспринимали водную стихию, точно так же небо и землю, как реальное живое существо. Водные и другие объекты имели своих духов, им приносили жертвы в знак почитания. Столь же серьезно, как к существам, наделенным разумом и способностью сознательно действовать, относились в древности к животным, растениям, горам и прочим предметам окружающего мира. В бурятском эпосе, например, Гэсэр борется с пестрым тигром, с чудовищем *Орголи*, хозяином тайги, уничтожает сорок величиной с корову, волков, медведей, также на его пути встречаются и другие противники, которых он укрощает, – *Агын уула, Эдир зандан Модон* и др. [Гэсэр]. В древности для человека вообще были характерными значительное расширение границ одушевленности, антропоморфирование природы, вера в одухотворенность всех ее элементов. На это его наталкивала сама жизнь, сам жизненный опыт наших далеких предков.

Первые попытки людей каким-то образом объяснить, познать, упорядочить этот хаос нашли отражение в бурятском эпосе. Свидетельство этому находим в варианте А. Васильева, где детально описывается сотворение всего живого на Земле и во Вселенной. Причем особая роль в этом описании отводится женскому материнскому началу, поскольку в качестве демиурга и творца всего живого и косного выступает *Эхэ ехэ бурхан* (‘Великая Матерь-Богиня’), в образе которой подразумевается некий космический разум, начало начал, хотя и не совсем ясно, откуда она сама произошла [Абай Гэсэр Богдо хаан].

Миф о сотворении мира зачастую оказывается в центре духовного наследия многих народов и стран. Еще в глубокой древности люди пытались понять, как же всё началось, как зародилась жизнь. В исторической же науке общепризнано, что период, когда в обществе особое положение занимали женщины (матриархат), предшествовал периоду, в котором главенствующее место стали занимать мужчины (патриархат). Смена первого вторым проходила не безболезненно, сложно и постепенно. Вероятно, древняя традиция почитания в первую очередь *Матери-земли* как источника жизни все же сохранилась в виде присутствия материнского корня в названии Неба у бурят-монголов (как реликт первоначального матриархата). Бурят-монголы до сих пор поклоняются Небу, называя его *Хухэ мүнхэ тэнгэри*: во всех трех словах обнаруживаются корневые морфемы именно женского начала. То же самое, по сути, было и в греческой, и в римской мифологиях: древнегреческий бог неба – Зевс, древнеримский – Юпитер. И в том, и в другом имени обнаруживается корень женского начала, как и в древней бурят-монгольской мифологии. Разница лишь в том, что у предков бурят-монголов небо не было персонифицированным, как у древних греков и римлян, что свидетельствует о большей древности монгольских народов. Д. Банзаров указывает на то, что и в представлениях древних монголов некогда «небо и земля были слиты, соединены в одну массу, вроде хаоса» [Банзаров,

с. 32]. Об этой же былой слитности говорится и в начальных строках «Молитвы огню» – древнем гимне монголов (этот гимн впервые упоминает Д. Банзаров): «Матерь Ут, царица огня, сотворенная из дерева Ильма, растущего на вершинах (гор) Хангай-хана и Бурхату-хана! Ты, которая зародилась при отделении неба от земли, произошла от стопы Матери Итуген и создана царем тэнгриев!» [Банзаров, с. 32]. Из данного эпизода явствует, что *Богиня-Мать-Земля* важнее *Бога-Отца-Неба*, которые до их отделения друг от друга были единым божеством, хотя и с двойственным началом: во-первых, небо отделилось от земли (от более важного и исходного!); во-вторых, царица огня, а не царь огня; в-третьих, огонь появился не в результате взаимосвязи небесных атрибутов, а в итоге взаимодействия земных (дерево – предок огня!).

В эпоху палеолита (около 12 тыс. лет назад) приоритетное положение в обществе отводилось женщине, существовало почитание женщины-прародительницы. Великая богиня (Magna Mater) считалась главным божеством в пантеоне. Владычица неба и всей природы Матерь-Богиня мыслилась источником, первопричиной жизни. Земля же, которая в раннеземлевладельческой религии считалась сферой мужского божества и олицетворялась как источник бед, как покровитель мужчин и мужской силы, была отрицательным началом.

Образ огня является наиболее ярким и многообразным в древней картине мира. Огонь всегда играл важную роль в истории человечества. В мифологиях разных народов мира огонь – это, прежде всего, символ таких божественных явлений, как сила, мощь, очищение, открытие, изме-

–Гал Дулэн хаан
Хараани газарhаа
Халуун Нурмаар
Халан-дургэн байба ла,
Удэшиин газарhаа
Хуухалан шатаан байба ла
[Гунан зээрдэ моритой Гунхабай Мэргэн хубуун].

нение, возрождение, одухотворение и вдохновение. Кроме того, огонь является символом Солнца и обладает способностями как рождения, так и разрушения, сожжения и необратимого, безвозвратного уничтожения. Поклонение огню присутствовало в той или иной мере в любой религии.

Согласно мифологиям разных народов, у многих племен божество огня мыслилось в женском образе (римская Веста, греческая Гестия, богиня огня и домашнего очага у народов Сибири и Дальнего Востока). В мифологии эпохи неолита солнце представлялось огненной женщиной, попавшей из подземного мира на небо. Интересен тот факт, что у тюрков женщины приносят жертвы огню и просят у него детей. Каким образом жизненный опыт мог привести к мысли о том, что детей нужно просить у огня? Огонь считался воплощением бога преисподней, а тот – олицетворением мужской оплодотворяющей силы. Поэтому в некоторых языках at, ata (ср.тюрк. ot, ut, ud, ‘огонь’) – название родителя. К этому же корню относится, вероятно, и праиндоевропейское u(e)t ‘вода’. Что общего между огнем и водой? В мифологическом сознании их объединяет то, что они являются стихиями бога «низа» Вселенной.

В эпосе монголоязычных и тюркоязычных народов традиции почитания огня как сакральной субстанции отводится особое место. Так, в улигере «Абай Гэсэр-хубуун» главный герой сражается с *Галхан Нурма ханом* (*Гал Дулма хан*), обладающим огромной магической силой: он не спит ни ночью, ни днем, не пропуская никого мимо себя. Его имя тоже указывает на огненное происхождение. С этим противником Гэсэру особенно трудно бороться.

– Хан Огонь-Пламя
С расстояния видимости
Горячим пеплом
Пышет-обжигает,
С расстояния одной ночевки,
Воспламеняя, сжигает
[Абай Гэсэр хүбүүн, ч. 1].

Характерно, что самого Галхан Нурма хана сжигают на костре и пепел разбрасывают по ветру (здесь прослеживаются рудименты древнего обряда сжигания шаманов после их смерти).

Среди других универсальных символов древней мифологии следует назвать гору, озеро и дерево. Они как бы взаимодополняют друг друга, выступая в качестве основных объектов реального и возможного, земного и фантастического. Этот же магический треугольник (*Сүмбэр уула, Һүн далай, Алта-мүнгүн уляаһан*), воплощая в себе образ мифической Вселенной, обнаруживается в шаманских текстах и рисунках, в бурятском эпосе. Если рассматривать данные символы в отдельности, то гора символизирует центр мира; дерево, растущее у подножия горы, ассоциируется с некой вертикалью, которая связывает Землю с Небом; первичный океан (водная стихия) обладает двойственной характеристикой: с одной стороны, это чистое, созидательное начало, некий «строительный материал», из которого все создается (к примеру, в Гэсэриаде утка приносит в своем клюве кусок глины; из этого куска Богиня создает земную твердь), с другой стороны, океан – всегда нечто неизведанное, таинственное, беспредельное. Двойственное отношение

людей к водной стихии объясняется ее непредсказуемостью. В совокупности же (именно так и следует воспринимать эти три основных составляющих модели мира) они издревле воплощают в себе понятие родины для каждого из нас. В эпосе историческую землю-родину бурят можно усмотреть в описаниях *Алтая и Хухэя*, в картинах целебных источников (аршанов), родового кургана Гэсэра (добууна). Герои охотятся на горных вершинах *Алтая*, по северным склонам *Хухэя* пасутся их стада, набираются сил перед походами кони Гэсэра и его баторов. Эти горные системы выступают естественным центром кочевок героя и его соплеменников, и вокруг этих мест развертываются все события. «Какие бы дальние походы ни предпринимал Гэсэр, он постоянно возвращается к родным кочевьям» [Тулохонов, с. 448].

Интерес вызывают роль и значение такой первостихии, как вода, в жизни древних людей. Каким образом проявлялось отношение наших далеких предков к двойственному характеру водной стихии? Известно, что у древних тюрков священная *Земля-Вода* (т.е. гора и озеро или океан) была одним из главных божеств наряду с *Небом-Тенгри* (персонифицированное небесное божество) и *Умай* (божественная супруга Неба-Тенгри). Последняя олицетворяла женское, плодородящее начало. Кстати, в архаичном мифе бурят речь идет о «серебряном отцовском столбе» (бахана), который встречает в океане «золотое материнское лоно» (умай). То есть здесь явно прослеживаются параллели в древнем обычае почитания матери-земли, а точнее, *Хозяйки Земли-Воды* как покровительницы деторождения, в образе которой отражена плодородящая сила всей земли. В этом смысле интересно упоминание *Молочного озера* в бурятских улигерах:

– Эсэгэ хүүе гомойлгөө ло болоо хада -
Һүмэр уула шэргэхэ юм гэхүй дуулаа һам
– Эхэ хүүе гомойлгөө болходоо –
Һүн далай ширгэхэл гэхүй дуулаа һам.

– Слышал я: если обидеть отца,
Рухнет Сумэр-гора,
– Слышал я: если обидеть мать,
Высохнет Молочное Море.
[Абай Гэсэр Могучий, строки 10575-10580].

В данном случае *Һүн далай* «молочное озеро» воспринимается как всеобъемлющий священный источник, как нечто вселенское. В приведенном эпизоде оно названо «молочным» не случайно, так как молоко – это символ чистоты, святости у всех скотоводческих народов Центральной Азии. Оно как бы символизирует прообраз будущей жизни (т.е. зарождение всего живого). Примечательны в этом смысле легенды бурят о своих древних предках (тотемах), которые также связаны с водной стихией, выходят из озера (например, легенда о *Буха-нойоне*, вышедшем из озера, или о рыбе-налиме, которую нашли в прибрежной щели Байкала шаманки *Асуйхан* и *Хусэхэн*). В разных вариантах улигеров родина Гэсэра также расположена вблизи этого священного моря. В вариантах М. Имегенова и А. Васильева упоминается *Һүн ехэ далай* – «Великое молочное озеро», а у П. Дмитриева, П. Тушемилова и П. Петрова ему, по-видимому, соответствует гидроним *Мүнхэ (мүнхү) ехэ далай* – «Вечное великое море». Так, в «Гэсэре» П. Дмитриева говорится:

Хатан ехэ голоор
Бэлшээри даран түрэбэ,
Моорэн ехэ голоор
Һуудал даран турэбэ.
Мүнхэ ехэ далайгаар
Уһалуур хэжэ турэбэ,
Мунгэшэ ехэ уулын
Хормойдо һууба гэхэ.
Гушан гурбан баатартаяа
Гурбан зуун хушуушадтаяа
Абай Гэсэр нэрэтэй боложо,
Амаржа һуушаба – ла.

По долине реки Хатан
Пастбище установив, родился.
По долине реки Мөөрэн
Стойбище установив, родился.
По Вечному великому морю
Водопой установив, родился.
И стал жить у подножия
Великой Серебряной горы.
С тридцатью тремя баторами,
С тремя сотнями дружинников,
Называясь именем Абай Гэсэр,
Испытывая благоденствие
[Гэсэр, 1953, строки 1735-1745].

Из молочного озера или вечного моря жизнь как бы перетекает (переносится) на землю, и этот священный источник неиссякаем. И земным отражением озера жизни становится чаша, из которой кропят молоком во время жертвоприношения в знак глубокого уважения и почитания духов святых предков. Отголоски этого древнего обычая прослеживаются в эпосе.

Доброе, созидательное начало водной стихии также обнаруживается в эпизодах, когда вода выступает как средство исцеления, очищения, воскресения улигерных героев. Дело в том, что целебные источники – аршаны – издревле почитались всеми монголоязычными народами. Их чистая незамерзающая вода, действительно, обладает чудодейственными свойствами. Люди

преподносили жертвенную пищу, поклонялись хозяевам этих источников. В эпосе же, где многое объясняется единством реального и фантастичного, героини (жены, сестры – хухэ, бабушка Гэсэра) пользуются природными дарами, чтобы исцелить, воскресить главного героя. Так, в эпизоде спасения Гэсэра его земная жена *Санхан Гоохон* использует не магические чары, не волшебные свойства, а омывает его водой из девяти родников, окуривает можжевельником великой тайги.

В эпосе все символично и амбивалентно, поэтому в нем часто упоминаются моря, озера, которые встречаются на пути героев. Причем те водные объекты, в которых заключается положительное доброе начало, расположены недалеко от своей теплой родной земли. Среди них выделяются как реально существующие, так и некоторые мифические водные объекты. К первым можно отнести *Хатан гол* (в вариантах П. Петрова, П. Дмитриева, П. Тушемилова, Гэсэр живет на берегу этой реки), *Найжан гол* (по ее долине простираются кочевья Гэсэра и его родовичей), *Онну гол* (*Өөнын, Үүнинн нүүр*), *Ангара, Зүлхэ (Лена), Байкал, Хара далай, Мульһэтэ далай*. Эти названия перекликаются с историческими фактами. Так, согласно некоторым легендам, предки кудинских бурят проживали в районе *Кукунора* и *Хотана*. В восточном Туркестане протекает река *Хотан-Дарья*.

По некоторым данным, монголы издревле называли верховья р. Хуанхэ *Хатану-гол*, здесь же к югу от нее протекала р. *Найджин (Найжан) гол*. Название реки *Онну гол* встречается в районе *Амдо* и *Кукунора*, которая схожа с одноименной рекой в Забайкалье *Онон* (в Баргузинском районе – р. *Онёо гол*). Все эти гидронимы, безусловно, являются позднейшими напластованиями в эпосе. Однако они, несомненно, свидетельствуют о былых культурных и языковых связях, о взаимодействии древних племен и народов, проживавших на территориях Прибайкалья и Амдо. В этих названиях выражено стремление сказителей правдиво, достоверно описать все события, которые происходили в жизни далеких предков, а также места локализации этих событий.

Своеобразными антиподами светлых, чистых морей в разных вариантах улигеров бурят являются мрачные, темные. К таковым относится *Шара (ехэ) далай* или *Эньин шара нуурхан, Хара бүрүүн далай*, «мрачно-темное море», *Шара бүрүүн далай* «мрачно-желтое море или озеро». Последнее можно также перевести как «туманно-желтое море», «зловеще-желтое море», «сумрачное желтое море». В эпосе эти моря и озера выступают как некие границы, рубежи, отделяющие родную землю героя и его родовичей от враждебного им мира чудищ-мангадхаев.

Однако в целом время и пространство в бурятских улигерах в большей степени представлены не конкретными географическими обозначениями, а чисто условными мифологическими названиями. К последним следует отнести упоминающиеся в разных вариантах улигеров гидронимы: *Мунхэ Манзан далай, Эмээлтын гол, Номотын гол, Шаажагайн гол* [Абай Гэсэр]; *Унеэн шара нуур, Эньин шара нүүрхан, Элигэн хара булаг* [Абай Гэсэр Могучий]; *Һун ехэ далай, Газаада ехэ далай, Досоодо ехэ далай, Зүүн далай* [Абай Гэсэр Богдо хаан]; *Ехэ Сагаан нуур, Юһэн хара булаг* [Гэсэр, 1953]; *Хара (Шара) далай, Найман дэби гол, Мүнхү далай* [Гэсэр, 1958].

Обширное использование гидронимов в улигерах, очевидно, связано с самыми ранними анимистическими представлениями людей, особенностями их мифологического сознания, которое во многом было синкретичным. Вода для древних людей символизировала «хаотичность, бесформенность мира, его текучесть и податливость» [Сагалаев, с. 22].

Таким образом, в тексте Гэсэриады находят отражение многие древние традиции и обычаи почитания священных культов бурят: земли, неба, огня, воды и др. Каждый из них может стать объектом отдельного исследования, но все они в совокупности создают картину мира наших далеких предков, выявляются особенности их мировосприятия. Сакральный характер бурятской Гэсэриады, символичность всех ее элементов обусловлены своеобразием общемонгольской мифологии, ее аксиологическим содержанием и важной значимостью в жизни кочевых народов.

Литература

1. Абай Гэсэр хүбүүн: эпопея (эхирит-булагатский вариант / зап. Ц. Жамцарано от сказителя М. Имегенова. – Улан-Удэ, 1961. Ч. 1.

2. Абай Гэсэр Богдо хаан. Буряадай морин ульгэр / зап. С.П. Балдаева от сказителя А. Васильева. – Улан-Удэ, 1995.

3. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос / зап. Ц. Жамцарано от сказителя М. Имегенова. – М., 1995.

4. Гэсэр / зап. Д.Д. Хилтухина от сказителя П. Дмитриева. – Улан-Удэ, 1953.

5. Гэсэр. Героический эпос бурят-монгольского народа (на бур. яз.) / зап. Т.М. Болдоновой от сказителя П. Тушемилова. – Улан-Удэ, 1958.

6. Базаров Б.Д. Таинства и практика шаманизма. Кн. 1, 2. – Улан-Удэ, 2000.

7. Банзаров Д. Собр. соч. – М., 1997.

8. Сагалаев А.М. Алтай в зеркале мифа. – Новосибирск, 1992.

9. Тулохонов М.И. Бурятский героический эпос «Гэсэр» // Абай Гэсэр Могучий. – М.: Восточная литература, 1995.
10. Хундаева Е.О. Бурятский эпос о Гэсэре (связи и поэтика). – Улан-Удэ, 1999.

Санжеева Лариса Цырендоржиевна, доцент, зав. кафедрой английской филологии Бурятского государственного университета, доктор филологических наук. Тел.: +7-9025636956. E-mail: lsanzhe@mail.ru
Sanzheeva Larisa Tsyrendorzhievna, associate professor, head of English philology department, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 398(571.5)

© ***Р.П. Матвеева***

Русские сказки на сюжет «Три подземных царства» в сибирском репертуаре*

* Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 12-04-00107а

Рассматривается сюжетно-композиционное содержание в сибирском репертуаре русских сказок, в основе которых лежит международный сюжет «Три подземных царства».
Ключевые слова: волшебные сказки, сюжетика, контаминации.

R.P. Matveeva

Russian fairy tales on the plot « Three underground kingdoms» in the Siberian repertoire

The plot and compositional content of Russian fairy tales in the Siberian repertoire on the international plot «Three underground kingdoms» is considered in the article.
Keywords: fairy tales, plot structure, contamination.

Волшебные сказки занимают значительное место в русском сказочном фонде Сибири. При формировании регионального репертуара определяющее значение имели особенности бытования русской сказки в Сибири, специфика социально-бытовых условий, которые способствовали распространению волшебных сказок, консервации сказочного эпоса, особенно это относится к таежно-промысловой зоне Восточной Сибири. В русских сибирских сказках свой колорит, этнографический и поэтический, но, имея локальные особенности, порожденные историческими, социальными и другими факторами, сибирские сказки остаются русскими по своей сути.

Русская сказка Сибири в полной мере разделила общую судьбу русского сказочного эпоса, ко времени появления в Сибири уже утратила свою продуктивность как жанр, исчерпала свои внутренние возможности дальнейшего развития и совершенствования формы. О непродуктивности элементов, которые привносятся в традиционную сказку новой для нее действительностью, Э.В. Померанцева в связи с исследованием судеб русской сказки писала: «Русская фольклорная сказка в XVIII–XX вв. всецело живет своим старым багажом, запасом фольклорных схем, сюжетов, мотивов, образов, лишь приспосабливаясь к новой действительности, но в корне не изменяясь и продуктивно не развиваясь. Новая действительность, воздействуя на характер ее интерпретации, на ее роль в жизни и быту народа, отражается, однако, в ней лишь в деталях, изменяющих традиционную основу, но не создает новых фольклорных сюжетов и образов» [Померанцева, с. 203]. Новой действительностью для волшебной сказки стало ее сибирское бытие. В Сибирь пришла она, уже имея канонические сюжетные схемы, художественные формы воплощения сюжета, и главной функцией фантастического повествования была эстетическая. Но детали, элементы, отдельные частности, благодаря которым создаются новые варианты традиционных сказок, уже сами по себе представляют интерес. Для истории фольклора важно, как реализуется сказочный сюжет в локальной традиции, а также его интерпретация в данной местности и конкретном исполнении. Сибирские сказки – это варианты реализации определенного сюжетного типа, воплотившие конкретное содержание его.

Всемирно распространенные сказки на сюжет «Три подземных царства», обозначенные № 301 в международном указателе Томпсона [АТ] и № 301А, В в указателе восточнославянских сказок [СУС], относятся к наиболее многочисленной группе в фонде русских волшебных сказок. В примечаниях к сказкам этого типа в сборнике А.А. Афанасьева указано 144 варианта (из числа опубликованных) [Народные русские сказки, с. 470]. В сибирском материале нами учтено около 70 вариантов, как опубликованных, так и хранящихся в рукописных фондах. Обобщая многие зафиксированные в восточнославянской традиции тексты, «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (СУС) дает сле-

дующее содержание сюжетного типа «Три подземных царства»: герои идут искать исчезнувшую царевну; поочередно варят обед; старичок с ноготок калечит братьев или спутников силача, но терпит поражение в схватке с ним; тот по следам старичка спускается под землю или (реже) поднимается на гору, освобождает трех царевен и, несмотря на предательство братьев (спутников), не пожелавших вытащить его обратно, возвращается наверх (на гигантской птице); приходит на свадьбу царевны и мнимого ее спасителя; женится на ней [СУС, с. 106].

Записанные в Сибири варианты находятся в традиционных рамках представленных в тексте сюжетов (мотивов), по своей сюжетной канве они близки между собой, но в то же время каждый текст неповторим. Одни и те же моменты, сопутствующие развитию одинаковых событий, в различных текстах представлены в самых разнообразных вариантах. Сказки на сюжет «Три подземных царства» в сибирской интерпретации, сохраняя в основополагающих чертах исторически сложившийся сюжетный тип, имеют локальные особенности. Прежде всего следует отметить своеобразие, выразившееся в широком использовании контаминации как одного из творческих приемов создания произведения. Главные причины, приведшие к изменениям в сюжетно-композиционной структуре сказки, – в исторической реальности, вызвавшей актуализацию функции сказительства в Сибири. Обстоятельства сибирской действительности требовали максимальной творческой работы исполнителя, приспосабливающего известный материал к условиям исполнения и потребностям слушателей. В сюжетосложении, как уже сказано, процесс усложнения структур сказок на разных уровнях был уже завершен, но сюжетные типы сохраняли потенциальную способность быть продолженными или самим стать частью сложного повествования. При сохранении структурно-композиционной основы традиционной сказки происходит количественное изменение в сюжетной структуре текста, что в конечном счете приводит к трансформации содержания нового варианта. В устах опытного сказочника присоединение нового сюжета (или элемента другого сюжета) – не механический процесс, оно становится созиданием нового, заключающего в себе более широкий художественный мир произведения, в котором все компоненты взаимосвязаны, взаимообусловлены. Стремление системы сохранить свою целостность удерживает развитие повествования в рамках фольклорной стереотипии, сказочных канонов.

Сюжетно-мотивный набор, сочетающийся с сюжетом 301А, В, в сибирских сказках специфичен по отношению к восточнославянскому сказочному фонду, отмеченному СУС. Сюжетный тип СУС 301А, В в 25 сибирских текстах представлен не соединенным с другими типами. В остальных традиционно контаминируется со следующими типами: 3001 Победитель змея, 300А Бой на калиновом мосту, 301D*Солдат находит исчезнувшую царевну, 3021 Смерть Кащея в яйце, 3022 Смерть Кащея от коня, 303 Два брата, 312D Катигорошек, 313А, В, С Чудесное бегство, 313Н* Бегство от ведьмы, 318 Неверная жена, 4001 Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену, 400_2 Царь-девица, 465А Красавица жена, 513А Шесть чудесных товарищей, 531 Конек-горбунок, 551 Молодильные яблоки, 552А Животные-зятья, 554 Благодарные животные, 650А Иван Медвежье Ушко, 1640 Фома Беренников, а также с отдельными мотивами из сюжетов: 325 Хитрая наука, 550 Царевич и серый волк, 560 Волшебное кольцо: 300_1 + 301А, В (3); 301 А, В + 3001 +3021; 301А, В + 300А (3); 301А, В + 301D*; 301А, В +3021 + 313С; 301А, В +3021 + 560 + 513; 301А, В + 303 (5); 301А, В + 312D + 3021; 301А.В +318; 301А, В + 301А, В + 513А; 301А, В +550 + 313А, В; 301А, В + 551 + 550; 301А, В +554; 301А, В. + 650А (3); 301А, В. + 650А + 650В; 301А, В+650А + 1045; 301D* + 318 + 325 + 650С* + 301А, В; 302_1 + 301АВ +560; 303 + 301АВ (2);; (313Н*) + (301АВ); 303 + 400_2 + 552А + 301АВ + 3021; 4001 + 301А.В; 4002 + 3001 + 465А + 4001 + 301А, В; 301А, В; 513А + 301А. В; 551 + 301А, В + 531; 650А + 301А, В (2); 650А + 301А, В + 552А + 4001; 650А + ср. 1004** +; 1640 + ≈ 301АВ.

Наиболее распространенные в сибирском сказочном фонде контаминации не всегда совпадают с отмеченными в СУС как часто встречающиеся в восточнославянском материале. Это несовпадение, а также и множественность сочетаний сюжетов указывает на то, что контаминирование происходило в процессе локализации русской сказки в Сибири и являлось одним из творческих моментов в сказительстве. В сибирском репертуаре следующие соединения: 301А, В + 3001; 301А, В + 303; 301А, В +3021; 301А, В + 650А, В – встречаются соответственно в 4, 5, 6, 7 текстах, в то время как в восточнославянском материале они не отмечены в числе контаминаций, встречающихся более двух раз.

При анализе сказок типа «три подземных царства» обнаруживается многообразие вариаций традиционной темы и стилевого оформления содержания. Одна сказка включает мотивы и образы из разных сказок, которые логически и эстетически подходят для данного повествования.

Кроме того, в сказку включаются подробности бытового плана, чаще всего описание обряда, жизненной ситуации или произведения другого жанра. Такие вставки в XX в. стали играть существенную роль в композиционной системе сказочного повествования. Из известного сюжетного фонда черпаются мотивы, которые, присоединяясь к основной сюжетной схеме, участвуют в создании целостного произведения, причем главный сказочный сюжет, как правило, не теряется, не размывается, становясь одним из мозаичных элементов, а сохраняет свою генеральную линию традиционного сюжета.

Как видно из приведенного выше сюжетно-мотивного набора, сочетаемого с сюжетом СУС 301А, В в сибирских сказках наиболее распространенными являются соединения в одном произведении трех сюжетов, но встречаются и четырех-пяти-шестисюжетные сказки. Такие многосюжетные сказки, как правило, не имеют единого сюжетного ядра, точно соответствующего определенному сказочному типу. В них мотивы, эпизоды, атрибуты и функции героев из разных сюжетов, объединенные в целостную систему, дают новое сюжетное повествование. Волшебная сказка при этом по структуре и движению сюжета сближается с авантюрной новеллистической.

Наглядную иллюстрацию сюжетной структуры многосоставных сказок представляют сказки баргузинского сказочника И.И. Гаськова. Примером редкого сочетания шести сюжетов, искусно сплетенных в одном сказочном повествовании, служит сказка «Иван Вдовин», записанная в 1981 г. и 1982 г. И.И. Гаськов принадлежал к типу повествователей, наследовавших сибирскую традицию бродячих сказочников с их вольным обращением с известным сказочным материалом: образы, эпизоды, мотивы с легкостью переходят из одной сказки в другую. Например, записанная от него дважды сказка Иван Вдовин (1981, 1982) – шестисюжетная [Памятники 1993, № 5]. Сюжеты СУС 552А животные-зятья, СУС 4001 муж ищет исчезнувшую или похищенную жену, СУС 554 благодарные животные, СУС 3022 смерть Кащея от коня раскрываются в рамках сюжета СУС 301А, В Три подземных царства с вступлением: силач и его спутники, здесь же отголоски разрушенного сюжета СУС 312D катигорошек. Главный герой – персонаж сказок типа СУС 650А Иван Медвежье Ушко. У героя не два (по традиции), а три спутника (по числу царевен). Все эти сюжеты в одном произведении, мастерски переплетаясь, создают единую сюжетно-композиционную структуру, не нарушая специфических законов композиционного строения сказочного текста, сохраняя целостность смысла, заложенного в традиционной сказке. Все компоненты в произведении взаимосвязаны, взаимообусловлены.

Многосюжетность сказки, объединяющая структурно сложившиеся сказки или их части, оказывает влияние на событийную сущность повествования, образуя целостную систему с единой композиционной и стилевой структурой. Благодаря слиянию элементов двух или более сказок возникает новое повествование с углубленным или расширенным смыслом, но в рамках традиционной композиционной модели, в центре которой судьба главного героя: свое царство – чужое царство – свое царство (или чужое, ставшее своим). Судьба главного персонажа становится эпицентром, вокруг которого происходит «накопление» сюжетных ситуаций, сообщающих движение основному сюжету контаминированной сказки.

Обязательной для сюжета «Три подземных царства» является борьба героя с похитителем царевен, в сказочной традиции выработано стереотипное описание победы героя и освобождения царевен, но входящие в контаминированный текст сюжеты (или их элементы) вносят свои детали, а порой оригинальные эпизоды или даже новые версии, нередко архаические, известных сюжетов. Героическая битва за невесту в сказке «Про Ивана Ветрова сына» [РГСС, № 12] содержит архаические мотивы борьбы со стихией. Образы противников – это отцы девиц-богатырок. Противники появляются в виде черных-пречерных туч, герой бьется с тестем Бессмертным Кошелем, который появляется тоже в виде тучи «черной-пречерной, громадной–прегромадной, белого света не видно». *«Ерьknул идолу поганую, раздвоилась она, а палицу назад себе бросил, тут уже пурга не срослась и подохла».* Отголоски этиологического предания находим в сказке «Алена-мудрена». Ворон Вороневич, Вихорь Вихоревич, сильный могучий богатырь подобен герою мифологических сказок и преданий: *«Ежли на огне сожгут, то я все равно уползу: червями или жуками, мышом вылезу… Вот как разгорелся огонь, они Вихоря положили, и стал он ползти всякой нечистью: червями, жуками, мышами…».*

Широкая контаминация, последовательность сюжетов внутри одного текста влияют не только на общее развитие действия, но и на обрисовку традиционных персонажей, внося порой существенные изменения в стереотипный образ. Образ традиционного персонажа и его функции корректируются в зависимости от развития сюжета, сохраняя при этом основополагающие стереотипные качества. Но и изменение образа героя, в свою очередь, приводит к изменениям в сюжете.

Так, в сказке ленского сказочника Ф.Е. Томшина главное действующее лицо – не молодой герой-змееборец, а старик. Отсюда и изменения в развитии сюжета: утрачена основная, традиционная для героической сказки цель подвигов – добывание невесты [РГСС, № 16]. В сказке омской сказочницы А.С. Кожемякиной «Алена-мудрена» [РГСС, № 1] образ человека «Сам с коготь, а борода с локоть» принадлежит сказке типа «Три подземных царства», но функции, которые он выполняет, характерны для вставных эпизодов сказок типа 300А Бой на калиновом мосту. Добавление к имени «Сам с коготь, а борода с локоть» слов «а руки семь сажен» играет определенную роль в сюжете: благодаря этим рукам ему удается отнять кольцо у Ивана-царевича и заставить его добыть ему Алену-мудрену. Но когда надо, чтобы герой расправился с похитителем, сказка делает оговорку: *«Руки у него не всегда семь сажен, дома у него они всегда бывают короткими».* Иван-царевич использует это сообщение Алены-мудрены и уничтожает противника. В сказке томского сказочника Д.С. Романова «Иван-ковш» функции мужичка «сам с ноготь» выполняет баба-яга с характерными для нее атрибутами – помелом и ступой [РГСС, № 13].

Отступление от традиции, как например в сказке «Алена-мудрена», изменение количества помощников (их не шесть, а больше), хотя и не приводит к изменению вставного сюжета СУС 513 Шесть чудесных товарищей, но увеличивает сюжетные ходы стержневого сюжета СУС 301. Среди товарищей появляются такие, которые не встречаются совсем или редкие в русской сказке: мастер петь, мастер пить, мастер из рыбы рыбу выбирать, мастер из травы траву выбирать, мастер из звезды звезду выбирать, мастер холод прогонять, мастер от собак, мастер по думе ходить. Мастер по думе ходить идет невидимкой за Аленой-мудреной и умом переводит ее мысли. *«Она говорит: “Двери, поуже отворяйтесь, я одна иду“. – А он умом переводит: “Двери, пошире отворяйтесь, мы двое“. – Двери на пяту отворяются»* [РГСС, № 1]. Заслуживает внимания эпизод гибели Кощея в этой же сказке. Бабка, к которой заехал герой, учит его: *«“ Ты поздоровайся с ним, в лоб яйцом ударь, он помрет сразу. Только руку не давай, а то он отломит ее. А подай ему горячую клюку“. Так он и сделал: накалил клюку, подходит к нему: “Здорово, – говорит, – Бессмертный Кощей“. “Здорово, здорово, Перекати горошек. Дай-ка мне руку свою пожать: горяча – нет ли твоя рука, можешь – нет ли ты богатым быть“. – Ну он подал ему клюку, она сразу сплюшилась, посыпалась крошками. “Да, – говорит, – горяча твоя ручка“. Ну Иван в то время ударил его по лбу, он сразу упал, помер»* [РГСС, №7]. Момент знакомства и подача раскаленного предмета вместо руки характерны для былины о Святогоре: встреча богатыря со слепой матерью Святогора.

Несмотря на то что сказочники в большинстве своем соблюдают сказочную обрядность (троичность, повторяемость эпизодов, типичные речи персонажей и т.п.), все-таки отступление от жанровых канонов, личное вмешательство сказочников в традиционные общие места велики. Царевен оказывается не три, а две, например, в сказке знаменитой ленской сказочницы Н.О. Винокуровой «Заклятый сад», благодаря чему предательство братьев по отношению к старшему брату оказалось более мотивированным. Внимание сказочницы направлено не столько на развитие действия, движения сюжета, сколько на внутреннюю сущность изображаемого. Сказочная традиция отдает предпочтение младшему брату, он оказывается подлинным героем. У Н.Н. Винокуровой подлинным героем оказывается старший брат. Сказочница пренебрегла сказочным стереотипом в пользу приближения к реальной жизни, где старший брат играл основную роль, после отца становился главой семьи [РГСС, №17].

Встречаются в сибирских вариантах совершенно оригинальные разработки сюжетного типа СУС 301А, В. Сказка «Солдат и царская дочь» [РГСС, № 21], кроме сюжета СУС 301А, В, включает мотив и из сюжета СУС 3001 Победитель змея, и отголоски сюжета СУС 300А Бой на калиновом мосту. Герой проходит через три царства и в каждом находит и освобождает заколдованную лошадь. В медном царстве разбивает железную дверь с шестью замками, затем чугунную дверь с двенадцатью замками и третью дверь стальную с двадцатью четырьмя замками и привaленную камнем. Разбив все двери, герой находит коня «по брюхо в назьме»: заколдован конь на двадцать лет. То же самое, но с возрастающим числом дверей и замков, встречает герой в царствах серебряном и золотом. Все три коня в благодарность за свое освобождение обещают явиться перед героем, как только в этом возникнет необходимость. В золотом царстве, кроме заколдованной на 75 лет лошади, солдат находит царскую дочь, пленницу двенадцатиглавого змея. Далее – эпизоды змееборческого сюжета.

Своеобразием общесказочных мест отличается сказка, содержащая мотивы сюжетного типа СУС 650А Иван Медвежье Ухо [РГСС, № 11]. Такому известному атрибуту волшебной сказки, как яйцо, наряду с традиционными принадлежат свойства, не характерные для данного предмета. Медвежье Ухо свертывает в яйцо дворцы деву-

шек, возвращается в свое село, узнает о свадьбе: *«…все расспросил и узнал, которо платье какой сестре. Взял и покатал яичком по платьям, и на них все нарисовалось: такие рисунки, какие дворы были у них на том свете».* Обычно герой, развернув из яичка царство, достает из него платье.

Одна из характерных сторон творческой манеры сказочников XX в. – стремление к реалистическому изображению сказочных событий. Например, в сказке черемховского сказочника П.А. Петренко эта тенденция ощущается уже в самом начале. Сказочник начинает сказку так, как если бы это была достоверная история: *«Раньше дуели были, кто сильней… Раньше ведь кольчуги. Он щитом сохранялся, может, видели в туманных картинках (лубочным – Р.М.) щитом каждый сам себя огораживал?»* После того, как аудитория подготовлена, сказочник приступает к повествованию, но на протяжении всего рассказа не теряет установки на достоверность событий в рассказе, отсюда масса подробностей из реальной жизни, и сказка все больше приобретает новеллистические черты.

Волшебная сказка пользуется традиционной для нее повествовательной обрядностью: постоянными формулами, типичными стилистическими клише и другими сказочными стереотипами, которые почти без изменения переходят из сказки в сказку. П.А. Петренко пренебрегает сказочной обрядностью, но с нею знаком. Поэтому такой очень важный момент, как добывание героем богатырского коня, на описание которого волшебная сказка обычно не скупится, сказочник дает мимоходом брошенной фразой: «Выбрал он себе, конечно, коня». Слово «конечно» напоминает слушателям о традиции. Как о само собой разумеющемся в сказке говорится о женитьбе героя на царской или королевской дочери: «Раз королевская дочь, то невеста уж будет тут». Давая в традиционном плане конец сказки, П.А. Петренко не удерживается от того, чтобы не связать ее с современной действительностью: *«Ну теперь они стали царствовать, как я раньше царствовал. Я во всех мед там пил. Их потом с царства-то сбросили. Я у них был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало»* [РГСС, № 2].

В сказках Сибири отразились отдельные черты географической среды, быта, хозяйственного уклада (сказалось влияние других народов, населяющих Сибирь) – все то, что называется локальным колоритом. Распространен в сибирских сказках образ старика-дарителя. Нередко вместо сказочной избушки – юрта. Отразился и местный быт – работа артелями в лесу, выкорчевка деревьев. Сказались на сюжете и местные условия таежного быта. Действие происходит в тайге, на трактовой дороге. В русской сказке «Богатый купец» [РГСС, № 27], записанной в Хакасии, наглядно проявилось влияние хакасского фольклора и отраженного в нем местного скотоводческого быта. *«Вдруг земля затряслась, дом затрясся, окна задребезжали, распахнулись ворота и много скота в нем оказалось. Это змей пригнал добычу».* Другой раз: *«Вдруг земля затряслась, дом ходуном заходил. "Это мой муж, шестиглавый змей летит, добычу скота и зверя ведет"«.*

По словам М.К. Азадовского, сказку Н.О. Винокуровой «Заклятый сад» [РГСС, № 17] среди всех остальных сказок нужно считать сибирской в первую очередь. В ней отражены бродяжничество, охота на соболей, ремонт тракта, транспортные обозы, приют прохожего – типичные эпизоды для ленских притрактных селений. Бродяжничество и приют прохожего в сказке нарисованы особенно ярко. Отчетливо выражен сибирский (ленский) колорит в сказке Ленского сказочника Ф.Е. Томшина «Про трех сестер» [РГСС, № 16]. Герой-змееборец – типично таежный охотник или бродяга. По словам собирательницы Е.И. Шастиной, образ таежного деда во многом навеян личной судьбой сказочника Ф.Е. Томшина.

Не останавливаясь на всех текстовых подробностях волшебных сказок региональной традиции, содержащих сюжетный тип «Три подземных царства», надо подчеркнуть, что в разработку традиционного сюжета и традиционных мотивов вносятся свои штрихи, создающие оригинальные версии. Однако при большом разнообразии версий и вариантов в сибирском репертуаре сказок типа СУС 301А, В их общее своеобразие заключается в творческой контаминации, которая не нарушает сказочную стереотипию и находится в рамках фольклорной поэтики. Сибирские сказки на один и тот же сюжет заключают в себе огромный и разнообразный материал. Из сопоставительного анализа текстов, зафиксированных в сибирском регионе, с текстами других фольклорных зон видно, что сибирские сказки (особенно притаежной зоны) оказались более открытыми для соединения с другими сюжетами или их элементами, а также для проникновения в волшебный мир бытовых реалий. Реальный местный колорит, местные топонимы, например, и устойчивая сказочная топика (моря и горы) создают локальную сказочную стереотипию. Все эти привнесения осваиваются традиционным контекстом, и знакомые слушателям местные реалии приобретают характер фольклорных обобщений, создающих традиционную сказочную стереотипию, и в то же время раскрывают региональную специфику сказок.

Стилевая система сибирских сказок в своих тенденциях хотя и отразила общую судьбу русской волшебной сказки – упрощение стилистической обрядности (трехкратных повторений, устойчивых поэтических формул), но оказалась более устойчивой.

Сибирская действительность повлияла на сказочный репертуар, вызвала импульс к созданию новых вариантов на основе старых, явилась объективным положительным обстоятельством, способствовавшим развитию сказочной традиции, расширению регионального сказочного репертуара. Для истории фольклора каждый зафиксированный текст имеет самостоятельное значение.

Литература

1. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – М.: Наука, 1984. – Т. 1.
2. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. – Новосибирск: Наука, 1993 (Памятники 1993).
3. Померанцева Э.В. Судьбы русской сказки. – М.: Наука, 1965.
4. Русские героические сказки Сибири / сост., предисл. и коммент. Р.П. Матвеевой. – Новосибирск: Наука, 1980. (РГСС).
5. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг и др. – Л.: Наука, 1979 (СУС).
6. The types of the folktale. A classification and bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen / Pransl., enl. bu Stith Nhompson. 2nd revis. – Helsinki, 1964. (AT).

Матвеева Руфина Прокопьевна, ведущий научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, доктор филологических наук. Tel.: (3012)436924. E-mail: rufina1938@mail.ru

Matveeva Rufina Prokopievna, leading research fellow, department of literature and folklore studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, doctor of philological sciences.

УДК 398.22

© ***Т.А. Голованева***

Особенности изображения встречи новобрачных в сказках береговых коряков

Исследуется эпизод встречи новобрачных в доме жениха в сказках береговых коряков. В современных фольклорных записях сохраняются элементы традиционного архаического обряда. В то же время изображение встречи новобрачных насыщается новыми деталями, обусловленными жизненным опытом рассказчика.

Ключевые слова: коряки, фольклор коряков, сказки, персонаж, мифологический эпос, этнографические истоки, брачный обряд.

T.A. Golovaneva

Features of description of the newly married couple meeting in the tales of maritime Koryaks

The episode of the newly married couple meeting in the house of the groom is researched, it is described in fairy tales of maritime Koryaks. In modern folklore, the elements of a traditional archaic ceremony remain. At the same time, the description of the meeting of the newly married couple is sated with new details caused by life experience of story-teller.

Keywords: Koryaks, Koryak folklore, fairy tales, character, mythological epos, ethnographic sources, marriage ceremony.

Этнографическая реальность и обрядовая практика являются тем субстратом, на базе которого формируется повествовательная традиция. В сказках береговых коряков сохранились отголоски традиционных обрядов аборигенных народов Камчатки. Но влияние цивилизации на традиционный уклад неизбежно приводит к изменению обрядовой практики, что, в свою очередь, влечет за собой и изменение вербального традиционного текста.

Данное исследование выполнено на базе архивного фонда фольклорных текстов 1992–2006 гг., записанных от береговых коряков, владеющих родным языком. Они переведены на русский язык новосибирским лингвистом А.А. Мальцевой совместно с носителями алюторского языка (Архив Мальцевой. Далее используется сокращение АМ, сведения о конкретных фольклорных текстах представлены в конце статьи).

Сватовство героя – один из сюжетообразующих мотивов многих корякских сказок, поэтому отражение брачной обрядности в текстах сказок – процесс закономерный.

Этнографические исследования показывают, что свадебная обрядность у коряков была достаточно сложной. Помимо отработки невесты и обряда хватания невесты существовал целый ряд ритуальных действий, которые были обязательны при встрече невесты в доме жениха. Само свершение брака происходило посредством выполнения обряда хватания невесты. Все эти дей-

ствия (и отработка, и набрасывание) выполнялись в доме невесты. Далее, по традиции, которая отразилась и в сказках, новобрачные отправлялись в селение жениха. Корякские села расположены далеко друг от друга, поэтому путь к семье жениха требовал снаряжения целого обоза. В доме жениха родные ждали новобрачных. Их приезд сопровождался комплексом ритуальных действий (табл. 1).

Таблица 1

Обрядовые действия, сопровождающие встречу невесты в доме жениха (молодого мужа)*

Обрядовое действие	Значение обрядового действия
Родственники мужа стреляют в сторону подъезжающих молодых.	Эта стрельба призвана была уничтожить вредоносных духов, вызывающих болезнь. С одной стороны, стрельба должна была «очистить» новобрачного, который долгое время находился в чужом доме. С другой стороны, выстрелы из ружья «очищали» все то, что невеста (чужая женщина) вносит с собой в дом.
Вынос огня навстречу молодым.	Приобщение невесты к очагу мужа.
Забой жертвенного оленя Верховному божеству.	Стремление задобрить духов.
Кровью жертвенного оленя на лоб и живот новобрачной наносили знаки семьи мужа.	Приобщение невесты к новой семье, защита от нападения злых духов.

* [Горбачева 2004, с. 53, 54; Иохельсон 1997, с. 190; Стебницкий 2000, с. 166-168].

Прямое соответствие эпизодов фольклорного текста традиционной для рассказчика брачной обрядности – один из первичных путей формирования текста. Фольклорные персонажи могут действовать совершенно так же, как действуют обычные коряки.

Этнографическое свидетельство В.И. Иохельсона (начало XX в.):

(1) *Когда невеста приблизилась к жилищу родителей ее жениха, последние вышли с головнёй из очага встречать ее* [цит. по Стебницкий 2000: с. 166, 167].

Фольклорный текст:

(2) *Стали приближаться (новобрачные). Мити взяла огонь. "Точно, старик, едут, дочка едет. Откуда-то появилась. Оказывается, богатая"* [АМ, т. 28; для удобства восприятия статьи все примеры из оригинальных текстов приведены в переводе на русский язык, сведения о переводчиках как расшифровщиках аудиозаписи представлены в конце статьи].

Интересно, что в рассматриваемом фонде текстов береговых коряков нет ни одного варианта, в котором говорилось бы о том, что в процессе встречи молодых в их сторону стреляют. Возможно, отсутствие упоминаний в корякских сказках о стрельбе из ружей – свидетельство того, что сказки как устойчивые транслируемые тексты сформировались до появления у коряков ружей. Из всех составляющих элементов обряда встречи новобрачных в сказках отразился только обряд выноса огня.

В литературном тексте повести «Хоялхот» (1939) Кеццай Кеккетын, пытаясь максимально точно передать обряд встречи новобрачных, старается не упустить ни одной детали:

(3) *Стали подъезжать (Хоялхот и его молодая жена). На стойбище три раза выстрелили из ружья. И Хоялхот в ответ тоже выстрелил несколько раз, нацеливаясь повыше верхушек юрт. <…>Приехали. Сразу их окурили дымом. От кухлянок отодрали по пучку шерсти и принесли жертву – вредоносных духов накормили этим. <…> Тут же убили яловую важенку для угощения на радостях встречи. Как только вышла Мэллё (молодая жена), лоб и щеки ей намазали кровью* [Кеккетын, с. 63].

В фольклорном тексте эпизод встречи новобрачных изображается с меньшей степенью конкретизации, нежели в литературном тексте. В сказке вынос огня может быть представлен как предельно обобщенное действие без указания на то, кто совершает его:

(4) *Мама, папа приехал и там гостья нерпиха и её дочь. Быстрее огонь разводите* [АМ, т. 70].

Изображая встречу молодых, рассказчик может актуализировать, кто выносит огонь:

(5) *Приехали (новобрачные). "Мама, выноси огонь"* [АМ, т. 90]. Подобные примеры [АМ, т. 28; 115].

Вероятно, в традиционной обрядовой практике огонь выносила старшая женщина в семье, этот момент совершенно отчетливо обозначен в сказках, причем нет ни одного текста, в котором бы это делал мужчина.

Детализация изображения обряда в повествовательном тексте возможна только на основе жизненного опыта рассказчика:

(6) *Прибыли они (новобрачные). Старая сука наполнила огнём совок. С огнём встретила не-*

вестку. Красивый новый совок наполнила горящими углями, невестку с огнём встретила. Стала жир кидать в огонь, заячий пух, жертву приносить, ведь приехала невестка [АМ, т. 115].

На основе своего жизненного опыта рассказчица, Нестерова Ирина Егоровна, конкретизирует эпизод сказки (6). По этому тексту можно восстановить, каким образом она сама совершает ‘вынос огня’: в современном доме головня заменяется углями из печки, которые хозяйка набирает в совок. Совок – предмет утвари, заимствованный коряками. Ни в одной из сказок, кроме этого текста, совок не упоминается, такая деталь могла появиться в тексте только под влиянием жизненного опыта рассказчицы.

Для того чтобы у читателя статьи не складывалось ощущение, что в корякских сказках прибытию новобрачных ‘всегда’, или хотя бы иногда сопутствует обряд выноса огня, часть проанализированных данных представим в виде таблицы 2.

Таблица 2

Наличие элемента ‘вынос огня навстречу новобрачным’ в эпизоде фольклорной сказки

Место записи текста	Фамилия рассказчика	Текст*	Вынос огня**
с. Палана	Белоусова В.К. (1930 г.р., с. Лесная) ***	АМ: т. 127	-
с. Тымлат	Нестерова И.Е (1933 г.р., с. Подкагерная)	АМ: т. 119	+
		АМ: т. 115	+
		АМ: т. 112	-
с. Вывенка	Эхивнав Е.А. (1944 г.р., с. Вывенка)	АМ: т. 90	+
		АМ: т. 89	-
	Мулинаут Д.А. (1918 г.р., с. Вывенка)	АМ: т. 28	+
	Мулитка А.Е. (1926 г.р., с. Вывенка)	АМ: т. 43	-
		АМ: т. 41	-
		АМ: т. 33	-
	Тамлетнава М.П. (1928 г.р., с.Анапка)	АМ: т. 70	+
		АМ: т. 71	-
п. Оссора	Чечулин В.Н. (1942 г.р., с. Анапка)	АМ: т. 80	-
		АМ: т. 81	-
	Чечулина Н.Г. (1918 г.р., с. Анапка)	АМ: т. 85	-
		АМ: т. 84	-
	Чечулина Е.И. (1938 г.р., с. Анапка)	АМ: т. 83	+
		АМ: т. 82	-

* Условное сокращение текста.

** Актуализация в тексте элемента брачного обряда ‘вынос огня навстречу новобрачным’.

*** В скобках указан год и место рождения рассказчика.

Гипотеза исследования была следующей: мы предположили, что актуализация элемента ‘вынос огня навстречу молодым’ непосредственно связана с обрядовой практикой, имеющей место в определенном селе. Если это так, то должно было бы выявиться постоянство в актуализации этого элемента относительно мест записи текстов. Гипотеза оказалась неверной. Реальный текстовый материал полностью ее опровергает.

В одних и тех же селах (с. Оссора, с. Вывенка, с. Тымлат) записаны были тексты, в которых обряд выноса огня актуализирован, и тексты, в которых этот обряд не актуализирован. Один и тот же рассказчик может оговорить, а может и пропустить этот элемент в своем повествовании (тексты, записанные от М.П. Тамлетнавы, Е.И. Чечулиной, И.Е. Нестеровой).

Тот факт, что в современных записях фольклорных текстов вынос огня навстречу молодым далеко не всегда актуализируется в сказках, свидетельствует о том, что этот обряд, даже если еще и не исчез из обрядовой практики, уже теряет свою актуальность для рассказчиков. Не упоминается то, что не принципиально.

Влияние русской культуры на жизнь коряков, доминирование советского уклада, необходимость официальной регистрации браков, единые нормы проведения свадеб в Советском Союзе обусловили модификацию эпизода встречи новобрачных в корякской фольклорной сказке.

В сознании рассказчиков момент встречи молодых связывается не с традиционными обрядами, а с современными правилами проведения свадьбы.

Осознанно или нет, но рассказчик в процессе трансляции традиционной фольклорной сказки обращается к таким реалиям, которые известны ему из собственного жизненного опыта. В корякской традиционной культуре сказка легко допускает реалистическую конкретизацию, какой бы фантастической по сюжету, по составу персонажей, по месту действия она бы не была:

(7) *Приехали. Начали праздновать. Эти муж с женой сказали: "Давай жить, наконец, вместе навсегда". Про свадьбу разговаривают. Сказал: Давай свадьбу играть. Все стойбище оповестили. Сказали: свадьба будет. Собралось народу много. Сыграли свадьбу. Снова забеременела эта женщина. С того времени стали праздновать. Ещё и свадебные гонки устроили* [АМ, т. 108]. В оригинальном тексте на родном языке рассказчик, Алексей Егорович Нестеров, использует заимствованное из русского языка слово *«свадьба»*.

В ходе экспедиций 1970-1980-х гг. ленинградский этнограф В.В. Горбачева отметила, что и у береговых, и у кочевых коряков «изменились брачные обычаи. Исчезли браки малолетних, отработка за жену в хозяйстве родителей невесты, утратили своё значение традиционные обрядовые действия, сопровождающие заключение брака. <...> Свадебный обряд мало чем отличался в 1970-1980-х гг. (да и в настоящее время) от общераспространённого в стране. Центральным элементом его является обряд бракосочетания. В 1970-1980-х гг. он проходил в торжественной обстановке в Сельском совете, клубе или Доме культуры» [Горбачева, с. 117].

Под влиянием нового уклада стержнем эпизода 'встреча новобрачных' становится изображение праздника. Интересно, что в этнографически точном описании первого корякского писателя Кеццая Кеккетына нет указаний на то, что встреча новобрачных сопровождалась танцами и весельем (3). Однако в современных записях фольклорных текстов встреча молодых нередко изображается именно как праздник:

(8) *И Амамкут там женился. И жену домой повёз. Привёз домой, стали оленей забивать. Сисисъын, Валя стали играть на бубне. Стали праздновать* [АМ, т. 85]

(9) *Повёз к родителям. Мити! Папаша как будто едет мой, вроде жену везёт. Это он, Амамкут. Народ веселиться начал, веселятся* [АМ, т. 82]

(10) *Куткынняку стал говорить: "Смотрите, вон вдалеке на упряжке едут. Может, Эмэмкутыклэн женился". Вот так. Приехали. Шишиъын сказал: "Сестра, выходи, красивые торбаза обуй. Подскальзывайся. Танцуй по-корякски, пляши по-русски. Наш Эмэмкутыклэн женился". Стали жить* [АМ, т. 127].

В приведенном фрагменте (10) рассказчица, Варвара Кондратьевна Белоусова, изображая встречу молодых, использует авторскую деталь, не имеющую повторения в других текстах: *«Танцуй по-корякски, пляши по-русски»*. Вероятнее всего, эта вставка непосредственно обусловлена жизненным опытом рассказчицы: современные свадьбы обязательно предполагают танцы. В то же время обряд выноса огня в тексте В.К. Белоусовой не актуализирован.

На основе анализа материала можно выделить два основных принципа изображения эпизода 'встреча новобрачных в доме жениха'. С одной стороны, в эпизоде может быть сделан акцент на традиционных архаических обрядах: выносе (разжигании) огня, принесении жертвы. С другой стороны, стержнем эпизода может быть изображение праздника. Эти две линии дополняют друг друга, но могут использоваться и отдельно. Всё зависит от личной причастности рассказчика к традиционной обрядовой практике, от жизненного опыта и от его стремления к детализированному описанию.

Все рассмотренные примеры (2-10) представляют собой развернутые варианты эпизода. Но 'встреча новобрачных в доме жениха' может и вовсе не изображаться в тексте:

(11) *Сказала: вот на этой женись. Вот эту возьми. Тут будете. Акатну сказал: "Эй, мне плохо будет жить под землёй. Лучше я домой жену повезу. Дома будем. Как-нибудь я помогу вам жить. Повёз жену домой. Приехали домой. Старику действительно хорошо стало* [АМ, т. 71].

(12) *Ладно, на младшей женился, домой привёз. Родила, сына родила* [АМ, т. 43].

(13) *Потом Такали: Ну, повезу-ка жену домой. Повёз домой жену. Амамкут следом поехал. Там женился Амамкут, домой приехал. Что ж, хорошо стали жить* [АМ, т. 33].

(14) *Тогда женился на росомахе, повёз домой к Куткынняку. Красивая росомаха»* [АМ, т. 112].

(15) *Я женился на женщине из тундры, – (говорит Волк-человек. Мать его – Женщина-волк. (Первая) жена Волка-человека – волк. Привёз*

домой (женщину из тундры, Тинианэут). "Мама, я женился на женщине из тундры. А, давайте, готовьте пищу". Тиниванавыт начала варить, вытапливать жир [АМ, т. 41].

(16) *Привёз всех тех жён. Дочерей острой скалы и всех тех. на ком он женился, вот я сейчас говорила, всех собрал. Стали жить, ездить по гостям на упряжках, стало хорошее настроение* [АМ, т. 60].

Корякская фольклорная традиция предполагает достаточно высокую степень свободы рассказчика в процессе моделирования текста сказки. Степень свернутости / развернутости эпизода непредсказуема.

Упоминание архаических традиций еще сохраняется в фольклорных текстах, но они становятся факультативными. Традиционный эпизод корякской фольклорной сказки насыщается новыми деталями, обусловленными изменением уклада социальной жизни коряков.

Рассказчик, изображая действия героев, осознанно или нет опирается на свой жизненный опыт. Детализация одного и того же эпизода от текста к тексту сильно варьируется. В этом процессе определяющую роль играет не локальная фольклорная традиция, а индивидуальная повествовательная манера говорящего, его стремление к детализированному повествованию в конкретный момент записи текста.

Сведения о фольклорных текстах, использованных в статье

АМ – Архив А.А. Мальцевой. Архив фольклорных текстов, записанных в ходе экспедиций 1992-2006 гг. Все тексты расшифрованы с аудиозаписи и переведены на русский язык ведущим научным сотрудником сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН А.А. Мальцевой при участии коряков-алюторцев, владеющих родным языком.

АМ, т. 28 – рассказала Мулинаут Дарья Андреевна, 1918 г.р., уроженка с. Вывенка. Сказка записана в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, тт. 33, 41, 43 – рассказала Мулитка Анна Егоровна, 1926 г. р., уроженка с. Вывенка. Тексты записаны в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.Е. Мулитки в с. Вывенка в 2004 г.

АМ, т. 60 – рассказала Притчина Мария Иннокентьевна, 1918 г. р., уроженка с. Анапка. Текст записан А.А. Мальцевой в п. Оссора в 2005 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии Л.И. Чечулиной в г. Елизове в 2009 г. и при участии В.М. Нутаюлгина в г. Петропавловске-Камчатском в 2011 г.

АМ, тт. 70, 71 – рассказала Тамлетнава Матрёна Павловна, 1928 г. р., уроженка с. Анапка. Тексты записаны в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, тт. 80, 81 – рассказал Чечулин Василий Николаевич, 1942 г. р., уроженец с. Анапка. Тексты записаны в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 82 – рассказала Чечулина Екатерина Ивановна, 1938 г. р., уроженка с. Анапка. Текст записан А.А. Мальцевой в п. Оссора в 1991 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.Я. Волковой в п. Оссора в 1991 г.

АМ, т. 83 – рассказала Чечулина Екатерина Ивановна, 1938 г. р., уроженка с. Анапка. Текст записан в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ. т. 84 – рассказала Чечулина Наталья Григорьевна, ок. 1918 г. р., уроженка с. Анапка. Текст записан в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 85 – рассказала Чечулина Наталья Григорьевна, ок. 1918 г. р., уроженка с. Анапка. Текст записан в ходе совместной экспедиции ИФЛ СО РАН и Новосибирской консерватории в п. Оссора в 1992 г. Текст расшифрован А.А. Мальцевой при участии В.М. Кириченко в п. Оссора в 2007 г.

АМ, т. 89 – рассказала Эхивнав Елизавета Андреевна, 1944 г. р., уроженка с. Вывенка. Текст записан в ходе экспедиции ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 90 – рассказала Эхивнав Елизавета Андреевна, 1944 г. р., уроженка с. Вывенка. Текст записан экспедицией ИФЛ СО РАН в с. Вывенка в 2004 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии А.И. Поповой в г. Новосибирске в 2004 г.

АМ, т. 108 – рассказал Нестеров Алексей Егорович, 1937 г. р., уроженец с. Подкагерная. Текст

записан А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2000 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

АМ, тт. 112, 115, 119 – рассказала Нестерова Ирина Егоровна, 1933 г. р., уроженка с. Подкагерная. Тексты записаны А.А. Мальцевой в с. Тымлат в 2005 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии Н.Н. Нестеровой в с. Тымлат в 2005 г.

АМ, т. 127 – рассказала Белоусова Варвара Кондратьевна, 1930 г. р., уроженка с. Лесная. Текст записан экспедицией ИФЛ СО РАН в п. Палана в 2006 г. Аудиозапись расшифрована А.А. Мальцевой при участии Е.Г. Ягановой в п. Палана в 2007 г.

Литература

1. Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. – СПб.: Наука, 2004.
2. Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. – СПб.: Наука, 1997.
3. Кеккетын К. Эвныто-пастух. Повести на корякском и русском языках. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2010.
4. Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. – СПб.: Наука, 2000.

Голованева Татьяна Александровна, научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, кандидат филологических наук. Тел: +7-9140527760. E-mail: gta-77@mail.ru

Golovaneva Tatyana Aleksandrovna, research fellow, department of Siberian folklore, the Institute of Philology SB RAS, candidate of philological sciences.

УДК 398.22(571.54)

© ***Е.Л. Тихонова***

Топоним как информационный языковой код в фольклорной исторической прозе*

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РГНФ № 12-04-00107.

В статье рассматриваются топонимические предания русского населения Республики Бурятия с точки зрения отражения в них языковой картины мира через такой языковой код как топоним. Топонимы, являющиеся ядром топонимического предания, рассматриваются как слова, непосредственно или опосредованно связанные с национальной культурой, менталитетом, вероисповеданием создавшего эти онимы народа.

Ключевые слова: топонимические предания, географические названия, языковой код, языковая картина мира.

E.L. Tikhonova

Toponym as an information language code in folklore historical prose

The article considers the toponymic legends of the Russian population of the Republic of Buryatiya from the point of view of reflection in them the language picture of the world through such a language code as toponym. Toponyms, core of the toponymic legends, are considered as words, directly or indirectly related to national culture, mentality, religion of the people created these toponyms.

Keywords: toponymic legends, geographical names, language code, language picture of the world.

Оказавшись в середине XVII в. на окраине Российской империи, в иноэтническом окружении, русские не только бережно сохраняли фольклор, принесенный из мест исхода, но и в силу определенных обстоятельств создавали новые фольклорные тексты, которые выполняли прежде всего утилитарную функцию. Такими текстами, имеющими для людей, осваивающих новые территории, прикладное значение, стали топонимические предания: они являлись для русских поселенцев некой системой координат на новых, пока еще незнакомых территориях. Поскольку центральным мотивом в этих преданиях является топонимический мотив, вполне закономерно появление в группе большого количества топонимов. Также появляющиеся в языке топонимы (которые позже перекочевали и в фольклорные тексты) свидетельствовали о культурном освоении пространства человеком: общеизвестно, что если на местности появляются географические объекты с именами собственными, эта территория считается включенной в жизненное пространство человека, и наоборот, если территория не освоена человеком, на ней нет объектов с именами собственными. В народных преданиях имена собственные представляют собой группу слов, непосредственно (но довольно часто и опосредованно) связанных с национальной культурой, менталитетом, вероисповеданием создавшего эти онимы народа. Географические названия, являясь продуктом народного сознания, отражают все стороны духовной и материальной жизни людей. Именно поэтому «фольклорные» топонимы (назовем так топонимы,

функционирующие в фольклорных текстах) представляют особый интерес для исследователей народной картины мира: эти топонимы позволяют задуматься над тем, какие факты, события, люди были важны для наших предков, отразивших в географических названиях и «местную историю», и свое миропонимание.

Русские топонимические предания представляют собой устные прозаические рассказы, как правило, небольшого объема. Своей исторической основой (многие топонимические предания содержат в своей структуре исторические мотивы) они связаны с событиями общественной жизни первопоселенцев, а своей мифологической основой – с древнейшими представлениями и верованиями той социальной общности, к которой принадлежат носители преданий. Выявление этих двух основ позволяет воссоздать языковую картину мира русских людей, которым пришлось добровольно или по принуждению осваивать новые территории на востоке Российского государства.

Мысль о том, что в языке (в том числе и в языке фольклора) воплощается менталитет, характер культуры каждого этноса стала как в лингвистике, так и в фольклористике аксиомой. В науке даже появился термин «этническая языковая личность», под которой понимается «обобщенный образ *носителя* (курсив наш. – *Е.Т.*) культурно-языковых и коммуникативно-деятельных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций, осознающего свою тождественность с этносом и его культурой» [Шулунова, Шойсоронова, с. 282]. Таким образом, язык является отражением «во внутреннем мире внешнего мира» [Шулунова, Шойсоронова, с. 282-283], что по существу и является удачным определением понятия «языковая картина мира». На уровне текста топоним является одной из кодовых единиц (часто топонимический код бывает довольно прозрачным), позволяющих эту языковую картину мира дешифровать.

Набор географических терминов, связанных с деятельностью человека и отражающих его языковую картину мира, зависел от социально-экономических условий, ландшафтных и климатических особенностей заселяемой территории. История того, как и почему возникло то или иное географическое название закрепляется в народной памяти и остается в ней в виде топонимических преданий или топонимических мотивов в других жанровых разновидностях преданий. В фольклорной традиции русского населения Бурятии бытуют предания о таких исторических событиях, как заселение русскими Сибири, раскол церкви и «выгон» старообрядцев за Урал, гражданская война и др. Все эти предания содержат в своей структуре топонимы, привязывающие фольклорный текст к месту, к объекту и в той или иной степени сохраняющие конкретику исторического события. Например, в большинстве преданий о первопоселенцах, содержащих в своей структуре топонимический мотив, название населенного пункта связывается с именем или фамилией первопоселенца (иногда эта связь присутствует имплицитно). «*Село Брянск называется потому, что впервые приехала сюда Брянская, вдова, женщина с детьми, ссыльная*» (зап. от Брянской Ф.В. [год рождения не указан] в с. Брянск Кабанского р-на РБ в 1956 г.); «*Шигаево село. Название произошло от носителей фамилии Шигаевых*» (зап. от Алферова И.С., 82 года, в с. Шигаево Кабанского р-на РБ в 1956 г.); «*Ну, вот, допустим, Колесово, я сама с Колесово уроженка. И там вот первый значит именно начал строиться по фамилии Колесов. И назвали эту деревню Колесово*» (зап. от Исаевой П.К., 1924 г.р. в с. Кабанск Кабанского р-на РБ в 1984 г.). Название населенные пункты получают, согласно преданиям, по имени или фамилии конкретных людей, вполне реальных (естественно, в рамках фольклорной традиции), социально детерминированных, возможно, действительно некогда основавших селения или являвшихся одними из их первых жителей. Информативность (языковой код) топонимов *Брянск, Шигаево*, *Колесово* заключается в указании на этническую принадлежность создавших топонимы людей, что рождает целый ассоциативный ряд: люди какой национальности основали село, на каком языке они говорили, какого они вероисповедания, какие соблюдали обычаи и совершали обряды и т.д.

Как было сказано выше, топоним в речи людей, а затем и в фольклорном тексте – это всегда свидетельство культурного освоения пространства человеком. В фольклорном тексте при помощи топонимов проявляет себя одна из универсальных мифологических оппозиций «свой/чужой». Процесс освоения жизненного пространства первопоселенцами, отразившийся в их языковой картине мира, в речи, маркируется топонимическими номинациями. Человек ориентируется на местности по объектам, расположение которых ему хорошо известно. Будучи выделенными из ряда себе подобных, эти объекты удостаиваются проприальной номинации и таким образом попадают в разряд «своих» (в контексте мифологической оппозиции «свой / чужой»). Система топонимов конкретного локуса (названия селений, близлежащих сельскохозяйственных угодий, водоемов, сопок и падей и т.д., которыми изобилуют тексты преданий) – это одновременно и сис-

тема координат на местности, система ориентиров в пространстве, и регламентация земельных отношений (а земельные отношения – основа взаимоотношений в сельской общине, их упорядоченность влияла на мирное сосуществование членов общины): «(А какие у вас есть местные названия? – собир.). *Да тут навалом: Петряковский ключ, Фёдоровский ключ.* (Но почему так назвали? – собир.). *Но, фамилия Петряковы тоже есть, Петряковски. Кто-то первый основатель. Пахать начал, раскорчевывать, и поэтому, видимо, назвали. Петряковски фамилия. Петряковы, значит, там, раскорчевывали – Петряковский ключ.* (Иванова падь почему так называется? – собир.). *Ну. Потому что там корчевали Ивановы. По этой стороне пахали и по той. Ивановы первые раскорчевывали. Там была поляночка, раскорчевали, распахали, и стали… Давно уже. Теперь есть специальный Казазаевский сивер. Тоже их раскулачили, сослали. Они раскорчевали, и ихний поляна… фамилия Казазаевы. Они сеяли там, может, сорок-пятьдесят лет, но и назвали*» (зап. от Иванова А.И., 1918 г.р. в с. Хасурта Хоринского р-на РБ в 2001 г.).

Реализованные в данных текстах ориентационная и принадлежнеческая функции топонимов актуальны прежде всего для самих местных жителей. Тем более что функциональное назначение этих топонимов было часто сопряжено с неписаным законом, регламентировавшим земельные отношения между сельчанами. Принадлежнеческая функция и функция регламентации земельных отношений чаще всего характерны для топонимов посессивного типа, ранее закреплявших право пользования тем или иным земельным участком за конкретной семьей: *Петряковский ключ, Фёдоровский ключ, Иванова падь, Казазаевский сивер*. Эти и подобные им топонимы отражали в языке установленный в жизни земледельца, землепользователя миропорядок (так называемая владельческая принадлежность).

Также топонимы, являясь особым языковым кодом, позволяют воссоздать очень часто мифологизированную языковую картину мира сельской общины. На восточносибирском региональном материале выделяется топонимический мотив, в котором географические названия связаны с этнической принадлежностью древнего народа, исчезнувшего с конкретной территории, – с баргутами. Почти все предания о баргутах содержат топонимические мотивы, которые позволяют выявить мифологическую составляющую языковой картины мира русских поселенцев. Топоним *Баргузин* (так в Бурятии называются река, село, долина – Баргузинская, штормовой ветер на Байкале) исполнители преданий напрямую связывают с древним народом – баргутами: «*Баргузин существует очень давно, и носит он название людей, его населяющих – баргуты*» (зап. от Башкир Т.Я., 1909 г.р. в с. Баргузин Баргузинского р-на РБ в 1971 г.); «*Баргузин почему? Да потому, что баргуты раньше, говорят, жили. Но мы их не захватили, это было еще раньше*» (зап. от Зверькова Л.Т., 1887 г.р. в с. Телятниково Баргузинского р-на РБ в 1982 г).

Предания о баргутах имеют под собой определенную конкретно-историческую основу [Зориктуев; Сокровенное сказание монголов]. Однако систему образа баргутов составляют мотивы, являющиеся по преимуществу мифологическими. Баргуты в преданиях русского населения Бурятии функционируют не как реальный древний народ, а как универсальная модель, как мифологема. Рассказы русских старожилов о баргутах во многом клишированы, они вобрали в себя традиционные фольклорные сюжеты и мотивы о древних народах. Доминирующий мотив образа баргутов – их огромные размеры. Баргуты – крупные, большие, здоровые, рослые. В преданиях указываются на огромные кости, обнаруженные в местах обитания аборигенов, по которым можно судить о размерах баргутов: «<...> *нашли мы лытку от его, от етого, от баргута. Вот лытка, целу как у коней, как есть ети лытки. Вот таку лытку нашли*» (зап. от Малыгиной М.И., 1910 г.р. в с. Читкан Баргузинского р-на РБ в 1982 г.); «*Баргуты были крупный народ. Признаки были, кости-то находили*» (зап. от Зверькова Л.Т., 1887 г.р., в с. Телятниково Баргузинского р-на РБ в 1982 г.).

Мотив «аборигены – крупные, большие люди» довольно устойчив в преданиях о древних жителях в различных регионах и является, по сути, мифологическим. Сознание древнего человека определяло первых людей как великанов [Криничная, с. 114]. И тот факт, что баргуты в народных рассказах предстают великанами, выявляет архаичность образа баргутов, их мифологическую семантику, а также мифологизированное сознание носителей фольклорной традиции. Конкретно-исторический образ племени баргут, следуя специфическим законам фольклорного сознания, в предании закономерно и неизбежно трансформируется в фольклорный. И связано это не только с закономерностями функционирования фольклорной традиции, но и с мировоззрением русских рассказчиков преданий, с их менталитетом. Дело в том, что в русских преданиях баргуты никогда не осмысливаются как тотемы или как предки, даже потенциальные: рассказчики сразу же отделяют себя от первых жителей края, противопоставляют себя им. Подобное

противопоставление наблюдается и в севернорусских преданиях о чуди (Русский Север) [Пименов, с. 148], однако в силу конкретных исторических событий, связанных с процессом христианизации и последующей ассимиляции аборигенов с русским населением, чудь (та ее часть, которая крестилась) начинает восприниматься как далекие предки современных жителей Русского Севера: «Чудь – это предки, и память о них священна для потомков» [Пименов, с. 136]. Отсюда и мотив культового поклонения чудским могилам в севернорусских преданиях. В забайкальских преданиях о древнем народе этот мотив отсутствует. «Баргутский след» вызывает у русских рассказчиков любопытство, интерес, но не более того. Ни сами баргуты, ни места их обитания и захоронения у русских поселенцев культового почитания не вызывают. Отсутствует и двойственное отношение к баргутам, которое свойственно рассказчикам севернорусских преданий по отношению к чуди: «как к священному (все-таки предки!) и в то же время – греховному (не такие, как обычные люди)» [Пименов, с. 136]. Объясняется такое отсутствие, по-видимому, этническим самосознанием, ясно понимаемой русскими сибиряками генетической чуждостью баргутам.

В бурятских же преданиях присутствует мотив поклонения баргутским могилам. В 1995 г. в с. Кырен Тункинского района нам удалось встретиться и побеседовать с известным знатоком и, главное, талантливым носителем бурятского фольклора Шагдаром Дашиевичем Байминовым. По его рассказам мы зафиксировали некоторые мотивы бурятских преданий о баргутах, в числе которых и мотив поклонения баргутским захоронениям. «*Близ Жемчуга небольшие сопки, там, говорят, метровая кость найдена. Это, говорят, предводитель* (баргут. – *Е.Т.*), *до сих пор ему почести отдают. Баргуты – это древнее бурятское или монгольское название. Некоторые буряты считают себя древними, а другие считают, что они от монголов отошли*» (зап. от Байминова Ш.Д., 1926 г.р. в с. Кырен Тункинского р-на РБ в 1995 г.). Наличие в бурятских преданиях мотива поклонения баргутским могилам объясняется тем, что баргуты воспринимаются некоторыми современными бурятами как далекие предки, то есть срабатывает мифологическая универсалия – культ предков. В русских же преданиях эта универсалия (по отношению к баргутам) не работает.

Итак, устные тексты, содержащие те или иные топонимы и топонимические мотивы, в силу своей функциональной значимости остаются в народной памяти и переходят в фольклорную традицию. По поводу того, *что* это за тексты писал Ю.М. Лотман: «Казалось бы, что текст, проходя через века, должен стираться, терять содержащуюся в нем информацию. Однако в тех случаях, когда мы имеем дело с текстами, сохраняющими культурную активность, они обнаруживают способность накапливать информацию, т.е. способность памяти» [Лотман, с. 22]. Фольклористические исследования показывают, что «способностью памяти» обладают тексты, которые, во-первых, позволяют воссоздать языковую картину мира создавшего эти тексты народа (а для этого необходимы определенные коды, одним из которых является топоним), а во-вторых, характеризуются высокой степенью семиотичности, т.е. поддаются семантической перекодировке, что позволяет этим текстам стать стереотипированными, легко откладываться в сознании аудитории и входить в традицию. Всем этим требованиям отвечают топонимические предания. В них отражается только та информация, которая актуальна для носителей предания и поэтому вошла в информационное поле языковой картины мира русских поселенцев. Топоним как информационный языковой код в фольклорном тексте не только отражает языковую картину мира создавшего его народа, но и влияет на формирование этнической самоидентификации (пример – предания о баргутах).

Литература

1. Зориктуев Б.Р. Прибайкалье в середине VI–VIII вв. – Улан-Удэ, 1996.
2. Криничная Н.А. Персонажи преданий: становление и эволюция образа / отв. ред. А.К. Микушев. – Л.: Наука, 1988.
3. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970.
4. Пименов В.В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. – М.;Л., 1965.
5. Сокровенное сказание монголов (на бурятском, русском языках). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990.
6. Шулунова Л.В., Шойсоронова Е.С. Этническая языковая личность: структура, типология // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.

Тихонова Елена Леонардовна, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доцент, кандидат филологических наук. Тел: (3012)458008; +7-9148443094. E-mail: tipldk@yandex.ru

Tikhonova Elena Leonardovna, senior research fellow, department of literature and folklore studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, SB RAS, associate professor, candidate of philological sciences.

УДК 398 (57) + 882 (092)

© ***Н.Л. Новикова***

Мифологический мотив «явление потустороннего гостя» в повести В.Г. Распутина «Живи и помни»

В статье рассматривается мифологический мотив «явление потустороннего гостя», нашедший отражение в русских фольклорных рассказах и повести В.Г. Распутина «Живи и помни». Привлечение современного сибирского фольклорного материала позволяет выявить символический уровень прозы писателя, восходящий к универсалиям традиционного народного сознания.

Ключевые слова: мифологический мотив, лиминальное пространство, онтологические оппозиции: живой/ мертвый, свой/ чужой.

N.L. Novikova

Mythological motive «appearance of otherworld visitor» in V.G. Rasputin's novel 'Live and Remember'

The article concerns a mythological motive «appearance of otherworld visitor», which was reflected in the Russian folkloristic stories and in V.G. Rasputin's Novel 'Live and Remember'. The use of modern Siberian folkloristic material enables to reveal the symbolic level of Rasputin's prose, which ascends to traditional folk consciousness universals.

Keywords: mythological motive, luminal space, ontological oppositions: alive/dead, native/foreign.

Художественное пространство повестей и рассказов В.Г. Распутина при всей бытовой и социально-исторической достоверности, как правило, содержит символический уровень, восходящий к универсалиям фольклорного сознания, в основе своей мифологического. Так, семантическое ядро пространственного текста героини повести «Живи и помни» составляет мифологическая символика лиминальности (пограничности), поскольку на протяжении всего повествования Настена находится между *своим* и *чужим* мирами, как в реально-бытовом смысле (между двумя берегами Ангары), так и в нравственно-социальном *(«у тебя была только одна сторона: люди. <…> А сейчас две: люди и я»* [Распутин]) и в символическом – между жизнью и смертью.

Практически весь текст Настены, за редкими исключениями, составляют пространства, наделенные в фольклорном сознании семантикой медиативности (переходности): *баня* (наиболее *чужой* локус в пределах *своего* мира), лесное *зимовье* (островок *своего* в *чужом* пространстве), *река* как *граница* между мирами. Вокруг каждого из этих локусов в народной картине мира концентрируется свой круг мифологических представлений, легших в основу целого ряда сюжетов и мотивов, воспроизводящихся в обрядовых и фольклорных текстах. Отголоски этих мотивов легко распознаются в сюжетной ткани повествования Распутина.

Так, первая встреча героини повести с неожиданно вернувшимся с войны мужем происходит в бане, которая, согласно традиционным представлениям, является «медиативным центром» между мирами. Здесь возможна встреча живых и мертвых» [Криничная, с. 83]. В устных народных повествованиях баня нередко предстает опасным местом: *«Ну, мы боялися ходить в баню, особенно где баня. Дак мы боялися так, что около бани всё это чудилося»* [Афанасьева-Медведева, 2009, с. 412]. И в повести Распутина в этом *чужом* пространстве изначально присутствует семантика смерти: *«в бане было темно, маленькое окошечко, выходящее на Ангару, на запад, только-только начинало заниматься блеклым, полумертвым светом»*.

Будучи пограничным в мифологическом плане локусом, баня обычно располагалась на периферии обжитого, *своего*, пространства – «на задах», «с краю» – *«на нижнем огороде у Ангары, поближе к воде»*. В некоторых быличках баня и вовсе является частью дальнего, *чужого,* пространства: *«я самовидка была. Баня стояла далеко в поле…»* [Рождественская ночь, с. 236]; *«ой, тут в бане блазнило так всё, в логу она была»* [Мифологические рассказы и легенды…, с. 70]. В связи с народным осмыслением опасного положения бани, существовали особые правила ее расположения между *своим* и *чужим*: *«нельзя строить баню дверям к речке, а надо к дому её ставить, лицом на дом»* [Афанасьева-Медведева, 2007, с. 255]. В народных верованиях баня считалась «нечистым» местом, то есть «в глубинном значении – относящемся к иному миру» [Байбурин, с. 107]: *«баня-то хоромина погана, так там уж нету икон.<…> Дак вот в байну велено бояться ходить»* [Мифологические рассказы и легенды…, с. 59]. Недаром Настена остро ощущает свою «чужесть», оказавшись ночью в этом «нечеловеческом» пространстве: *«Настена сидела в полной темноте <…> и чувствовала*

себя в оцепенении маленькой несчастной зверюшкой». Она «*чутко, по-звериному стала внюхиваться в банный воздух»; «Настене казалось, что она <…> покрывается противной звериной шерстью и что при желании она может по-звериному же и завыть».*

В народных обычаях существовало немало запретов, связанных с поверьями об опасности бани, особенно в ночное время. Нарушения этих запретов, крайне рискованные для человека, легли в основу мифологических сюжетов быличек. Немногие решались появляться в бане ночью (исключениями были ритуальные ситуации): *«что бы человеку здесь среди ночи делать? Она попыталась о чем-нибудь думать, что-нибудь вспомнить и не смогла: то, что просто было среди людей, здесь оказалось невозможным».*

Медиативное положение бани обусловливало ее важное значение в обрядовой жизни – это было место, где совершались гадания, свадебные и другие семейно-бытовые обряды, заговоры. В быличках и бывальщинах с баней связан целый ряд сюжетов: в бане являются людям мифологические персонажи (банник, обдериха, черт), здесь невидимо обитают проклятые родителями дети, баня служит жилищем для колдунов.

Одним из характерных мотивов народных мифологических рассказов является ситуация подмены, подстерегающей человека в «пороговом» пространстве. Подмененным может оказаться ребенок, оставленный в бане без присмотра: *«обменили как-то в бане ребёнка, обдериха, наверно. Мати оставила, за чем-то убежала, его и обменили. <…> Дак глупый был»* [Мифологические рассказы и легенды…, с. 59]. Черт или покойник может явиться в бане в образе ушедшего на войну (убитого или пропавшего без вести) мужа или сына: *«у нас Сергушиха была. У неё был Николай, Канаха звали, сын, его убили на войне. <…> Вот этот самый сын всё время чудился, в баню ходил. <…> Он же погиб на войне, погиб, а не похороненный, видать, и по земле его душа-то летает. Вот и показывался-то…»* [Афанасьева-Медведева, 2007, с. 249-250]; *«у одной женщины в японску войну муж пропал. <…> Она очень любила его, сильно убивалась по нём. Однажды вечером к ней в избу кто-то постучал. Она глядь в окно, видит – муж. Обрадовалась, не знала, в какой угол посадить. <…> Дело к ночи, ребятишки не спят. <…> Входит черт. Мать ему на шею кидатся. Черт попросил женщину: «Затопи баню, вечерком попозже…»* (зап. О. Иванова в 1995 г. от Клавдии Иннокентьевны Саватеевой, 1916 г. р., в с. Савватеевка Ангарского р-на Иркутской обл.);[*] *«ну, это где-то, наверно, в 1941 году. Там, значит, была женщина одна, ну, молодая. Она мужа своего проводила на войну. <…>Она очень его любила… Всё время плакала ночами, значит, вспоминала: «Где мой Васенька, где мой родненький?» <...> Это уже прошло, наверно, полгода – приходит этот Васенька и стучится в окно… Ой, как она обрадовалась! Запустила его домой, значит. – Ты откуда? Он говорит: – Да отпуск мне, – навроде того, что – дали. Или чё… Ну а в те времена как было? Значит, угостишь, ну там пирогами, всем там на свете, чаем напоишь и баньку истопить надо, значит, чтоб с дороги ему помыться. Пошла, значит, она эту баньку-то топить. <…> Чё-то долго их нету. <…>Пошла, значит, она, эта соседка-то, в баньку-то. Смотрит: там дверь открытая. Заходит – а эта жена-то его задушенная там на полке лежит. <…> И поняла тогда эта соседка, что это чёрт приходил, вот чё. Самый настоящий чёрт был»* (зап. М.М. Перминова в 2008 г. от Галины Васильевны Перминовой, 1959 г. р., в г. Иркутске, м/л 330). Недаром Настена во время свиданий с мужем неосознанно страшится обмана, подмены. *«Чудной ты с этой бородой,* – говорит она Андрею. – *Как леший. Я в бане понять не могла, кто со мной – ты или леший. Думаю, своему мужику берегла, а тут с нечистой силой связалась»; «они тогда виделись, но, как всегда в бане, ощупью. Ей по-прежнему мерещились подмена, обман, и хоть она понимала, что никакой подмены нет, привыкнуть и успокоиться все же не могла: прислушивалась к голосу Андрея – его ли?»*

Появление «оборотня» провоцируется в подобных сюжетах тоской женщины по умершему или, что очень часто, ушедшему на войну мужу. *«Я может, даже чересчур тебя ждала, свободы тебе не давала, мешала воевать»,* – сетует Настена. Этот мотив постоянно встречается в сибирских быличках: *«умер у одной женщины муж. А она его очень сильно любила. Плакала она каждую ночь, всё не верила, что он умер. А ведь говорят, что нельзя так умершего вспоминать, душу его беспокоить, на тот свет не пускать. Прошло девять дней с похорон. Ночью постучался к ней кто-то в дом, голосом мужа попросил открыть…»* (зап. М.Н. Танганова в

[*] Тексты, цитируемые в статье, хранятся в фольклорном архиве кафедры новейшей русской литературы факультета филологии и журналистики Иркутского государственного университета (раздел «Былички»). Если имеется аудиозапись текста, указывается номер магнитофонной кассеты.

2004 г. от Галины Евгеньевны Ивановой, 1949 г. р., в с. Бурят-Янгуты Осинского р-на Усть-Ордынского АО); *«у одной женщины умер муж. Она долго убивалась по нему. И через некоторое время его дух стал её навещать…»* (зап. А.П. Раецкая в 2001 г. от Ольги Викторовны Раецкой, 1954 г. р., в пос. Эдучанка Усть-Илимского р-на Иркутской обл.); *«…что-то с мужем случилось, и он умер. Ну, она, конечно, очень переживала. <…> Ну, плачет, тоскует, конечно. <…> И вот в один из вечеров, поздно уже было, к ней постучались в дверь. Она выглянула в окно, смотрит – муж стоит…»* (зап. М.Л. Сидельникова в 2003 г. от Татьяны Исаевны Горюновой, 1962 г. р., в с. Альбитуй Красночикойского р-на Читинской обл., м/л 200); *«у одной женщины муж солдат был. Она всё о нём думала. <…> Постелила она, легла и думает: «Господи, помилуй, хоть бы приехал». Слышит, муж говорит: – Я ведь приехал, я ведь не убитый. А она-то похоронку получила да не верила всё. Двери отворила, заходит…»* [Мифологические рассказы русского населения…, с. 117].

Появление «потустороннего» гостя, по народным представлениям, имеет крайне опасные последствия для ближайших родных, чаще всего для жены или матери: *«…так он приходил две ночи. Мать стала худеть, бледнеть…»* (зап. Н. Кирпичникова в 1992 г. от Любови Григорьевны Демидчик, 1942 г. р., в д. Шаманаево Черемховского р-на Иркутской обл.); *«…и стал ходить к ней муж помогать. Она стала потихоньку худеть»* [Мифологические рассказы русского населения…, с. 275]; *«а женщина-то (это, конечно, печально), но ведь она потом сошла с ума»* (зап. М.Л. Сидельникова в 2003 г. от Татьяны Исаевны Горюновой, 1962 г. р., в с. Альбитуй Красночикойского р-на Читинской обл., м/л 200)\; *«…дверь тут ветром отворило, и муж улетел. А она с ума сошла»* [Мифологические рассказы русского населения…, с. 117]; *«…оглянулась – а муж стоит за трубой. И говорит: – Долго ли я тебя еще ждать буду? Нехорошо ей стало. Бросилась она от него, упала с вышки. Чуть живая осталась…»* [Мифологические рассказы русского населения…, с. 273]; *«она в баню-то и пошла – сыночка хоть поглядеть, вот. А он её взял и задавил…»* [Афанасьева-Медведева, 2007, с. 250]. Героиням подобных мифологических рассказов иногда удается избежать опасности, обманув «оборотня» или защитившись от него крестом и молитвой: *«– Ладно, что догадалась! А то бы тебя сегодня не было! Ты бы задавлена была! А он потом заставлял её баню топить, в бане бы её задавил»* [Мифологические рассказы русского населения…, с. 97]; *«бабка ей сказала, что с мертвецом она каждую ночь дело имеет, а не с мужем своим, и что нужно избавиться от ночного гостя до наступления сороковой ночи, а не то он утащит её с собой»* (зап. М.Н. Танганова в 2004 г. от Галины Евгеньевны Ивановой, 1949 г. р., в с. Бурят-Янгуты Осинского р-на Усть-Ордынского АО).

«Нездешний» гость несет гибель тем, кому он является: «мертвый, который «вторгается» в надземный мир, может только сделать мертвым живого» [Евзлин, с. 139]. По народным верованиям, «всякие связи, завязавшиеся при жизни, всякие обязательства и всякие отношения сохраняют свою силу и после смерти одной из сторон» [Карнаухова, с. 87]. Незыблемость родственных связей, связей *своих* людей, в народном сознании непреложна. *«– Не забыла, значит, кто такой я тебе есть?* – напоминает Настене Андрей. *– Вот: муж, – с нажимом подтвердил он. <…> – Что ты меня пытаешь?! – простонала она. – Чужая я тебе, что ли? Не жена, что ли?»* В трансформированном виде эти представления сохраняются и в современном фольклоре, реализуясь, в частности, в мифологических рассказах о мертвецах, забирающих родных «на тот свет», и о непрекращающемся общении живых людей с умершими, которые таким образом сохраняют связь с жизнью. Так, в одной из современных быличек колдун говорит девушке, часто видевшей во сне умершего отца: *«От тебя, – грит, – покойником пахнет. <…> Он просто не хотел умирать, – грит, – не думал, что умрёт. И он уцепился за последнее, что, в принципе, привязывало ещё к этой жизни, – он за тебя уцепился. И он не хочет от тебя отцепляться…»* (зап. А.В. Симонова в 1996 г. от Алены Владиславовны Грешных, 1975 г. р., в г. Иркутске, м/л 22). *« – Мне страшно, Настена, далеко от тебя отрываться, я только возле тебя и дышу,* – говорит Гуськов. *– Ты уж и не жена мне – с женой дома живут, ты для меня весь белый свет, все на тебе сошлось-съехалось. Не разомкнуть».* «*Одному, только одному,* – размышляет он наедине с собой. *– Без Настены? Врешь – без Настены тебе жизни нет. Настена тебе дышать дает и, может быть, далеко-далеко вперед, даже после твоей смерти».*

Но, согласно народным представлениям, такое общение, если оно своевременно не прерывается (часто с помощью определенных ритуальных действий, служащих разграничению сфер жизни и смерти, или благодаря вмешательству других людей), обрекает на гибель живого человека: *«они хотят ведь с собой увести, им ведь жалко, что остались…»* [Мифологические рассказы и легенды…, с. 22]. Так, Настена чувству-

ет, что не существующий для окружающих ее людей муж *«все дальше и дальше отводит ее от людей, оставляя только для себя»*.

Пребывание в «пограничном» пространстве опасно для живого человека. В ритуальной практике оно строго регламентировано и сопровождается определенными запретами и предписаниями. Существуют былички о гаданиях, печально заканчивающихся для героини, не успевшей вовремя прервать контакт с потусторонним миром. Так, Настена говорит о своих посещениях потустороннего пространства – пространства войны – в «вещих» снах: *«Я взгляну, что живой, и обратно: задерживаться или там разговаривать нельзя»*. Ср. с северно-русской быличкой: *«… у ей в армии жених. <…> Она трубу открыла, самовар согрела, начала жениха чай пить призывать. Топ, топ – идет, сапоги топат. Стала разговаривать, а разговаривать нельзя. Хватились ее, а она без сознания»* [Мифологические рассказы и легенды…, с. 101].

Чем крепче и продолжительнее связь живого человека с иным миром, тем большей опасности он подвергается. Недаром именно в одно из редких по внутреннему согласию свиданий супругов Андрей Гуськов особенно остро чувствует неясное, но настойчивое беспокойство о том, *«будто сейчас, как раз в эти минуты он по своей глупости теряет что-то важное, невозвратное, донельзя необходимое ему, чего потом не найти»*.

Это свидание происходит уже по ту сторону Ангары, в *«дальнем, заброшенном углу»* – в *«запущенном, без жилого духа»* зимовье, которое напоминает могилу – *«с как попало набросанными на землю плахами вместо пола, с прогнувшейся в потолке доской, с черными, в засохших тенетах, неровно стесанными стенами»*. Это «*сырое темное зимовье с горьким запахом спертого, задушенного воздуха»* предстает как абсолютно *чужое* пространство, прямо ассоциирующееся со смертью: *«смеркалось, из углов сильнее потянуло гнилью, ближе и опасней нависла прогнувшаяся в потолке доска, ненадежно, скользко, тревожно стало вокруг. <…> В окошко <…> стелился пустынный холодный свет. Лица Андрея и Настены казались в нем бескровными, фигуры – неживыми, тряпичными, движения – вызванными посторонней силой. Голоса тоже словно доносились откуда-то исчужа. И сами себе Андрей и Настена виделись в этот укромный час не настоящими, чужими…»*

Зимовье – избушка в лесу, служащая пристанищем охотникам или случайным путникам – один из пограничных в мифологическом плане локусов: это островок *своего*, жилого, пространства в плотном окружении *чужого*, каким представляется лес. Неслучайно лесное зимовье – постоянное место действия сибирских быличек и сказок. Заброшенное зимовье, пустующее много лет подряд (каким является старое зимовье, где «приткнулся» Андрей Гуськов, построенное некогда переселенцем Андреем Сивым, «не пустившем корней на новой земле»), предстает уже абсолютно *чужим* локусом: *«срубленное из листвяка и стоящее на взлобке, оно представлялось вечным. <…> Однажды, раздумавшись, Гуськов вдруг захотел, чтобы его похоронили здесь…»* Ср. в рассказе «Век живи – век люби»: *«люди, удаляющиеся в темный распадок мимо нежилых домов, как мимо чужих гробов, казались уходящими туда в поисках своего собственного вечного пристанища…»*.

Таким образом, завязка действия в повести В.Г. Распутина «Живи и помни» ассоциируется с мифологическим мотивом, нашедшим отражение в поверьях, приметах, быличках, который можно определить как «*явление потустороннего гостя*» (он присутствует в сюжетах «нечистая сила ночью в бане», «муж (сын)-покойник в гостях у жены (матери)», «черт приходит к женщине в образе умершего мужа», «жених-мертвец забирает невесту», некоторых других). Этому мотиву часто сопутствуют мотивы обмана, подмены, подстерегающих человека в «пороговом» пространстве, тоски живых по умершим как причины их явления родным, смертельной опасности этих явлений по отношению к живым людям. Примечательно, что во многих фольклорных текстах на эти сюжеты образы покойника и солдата, ушедшего на войну, взаимозаменяемы, что подтверждает устойчивую связь в народном сознании мифологических представлений о войне и смерти и восприятие пространства войны как потустороннего мира.

Объединяет названные фольклорные сюжеты мифологическая тема оборотничества, которая имеет структурообразующее значение и в сюжете повести Распутина (впервые мотив оборотничества как «важнейший конструктивный элемент прозы Распутина» был рассмотрен В.П. Владимирцевым [Владимирцев, с. 67]). В контексте сюжетной линии Настены эта тема звучит с предельной остротой – с первого появления нежданного гостя судьба героини предрешена: *«она вдруг спохватилась: а муж ли? Не оборотень ли это с ней был? <…> И замерла от предательской мысли: а разве не лучше, если бы и вправду был только оборотень?»*. За безвыходностью реальной ситуации прочитывается символический план, восходящий к традиционным моделям мифологического сознания: по народным представлениям, любые контакты с обита-

телями *чужого* пространства опасны – мертвый неминуемо «забирает» живого. Так и Гуськов, цепляющийся за Настену в последней надежде сохранить связь с жизнью, тем самым губит ее.

Традиционный фольклорный мотив *«явление потустороннего гостя»*, реконструируемый в сюжетной завязке повести Распутина, с самого начала определяет метафорический план повествования, сообщающий сюжету смысловую многоплановость и драматическую напряженность. Тема противостояния реального и потустороннего, «своего» и «чужого», жизни и смерти, составляющая сюжетную основу народных мифологических рассказов, отчетливо прочитывается в подтексте повести «Живи и помни». Однако в повествовании Распутина эта тема приобретает психологический и нравственно-философский смысл. Пребывание между жизнью и смертью оборачивается в сознании героини не только страхом грозящей реальной опасности, но и осознанием неразрешимости противоречий, подстерегающих человека в ситуации противостояния судьбе, которая может однажды явиться в образе «потустороннего гостя».

Литература

1. Распутин В.Г. Повести. – М., 1976.
2. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / под ред. Ф.П. Сороколетова. – СПб., 2007. – Т. 2.
3. Афанасьева-Медведева Г.В. Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири: в 20 т. / под ред. В.М. Гацака, Ф.П. Сороколетова. – Иркутск, 2009. – Т. 3.
4. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993.
5. Владимирцев В. О поэтике В. Распутина // Енисей. – 1979. – № 6.
6. Евзлин М. Космогония и ритуал. – М., 1993.
7. Карнаухова И.В. Суеверия и бывальщины // Крестьянское искусство СССР: Искусство Севера. – Вып. II. – Л., 1928.
8. Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза: истоки и полисемантизм образов: в 3 т. – Т.1: Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». – СПб., 2001.
9. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О.А. Черепанова. – СПб., 1996.
10. Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / сост. В.П. Зиновьев. – Новосибирск, 1987.
11. Рождественская ночь: сб. / изд. подг. Г.В. Афанасьева-Медведева. – Иркутск, 1994.

Новикова Наталья Леонидовна, старший научный сотрудник Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. Тел. (3952)336136, +7-9021783320. E-mail: nln-4591@yandex.ru

Novikova Natalia Leonidovna, senior research fellow, V.P.Sukachev Irkutsk Regional Art Museum.

УДК 398

© ***Т.Ю. Бухаева***

Отражение действительности в современных благопожеланиях

В статье рассматриваются современные благопожелания бурят с точки зрения отражения в них действительности, их бытование в настоящее время.

Ключевые слова: благопожелание, бурятский фольклор, действительность .

T.Yu. Bukhaeva

Reflection of reality in modern good wishes worships

The article considers modern good wishes worships of Buryats from the point of view of reflecting reality in them, their existence at present.

Keywords: good wish worship, Buryat folklore, reality.

Благопожелания (*үреэл*) – один из древних жанров бурятского фольклора. «Происхождение и формирование благопожеланий как жанра уходят в глубокую древность и связаны с ранними формами представлений людей о мире, которые верили в силу магического воздействия слова» [Бардаханова, с. 148]. По мнению Э.А. Уланова, «культ слова выделился из сакрально-магических и многофункционально-практических действий и в фольклоре стал преобладающим. Постепенно принцип сакрально-магического слова, став основой фольклорного невербального текста, восходящего к ритуально-мифологической архаике, самым непосредственным образом воздействовал на слушателя, вызывая непосредственное живое восприятие и реагирование на произносимые слова» [Уланов, с. 145]. То есть фольклорный текст не просто произносился, а благодаря культу слова находил отклик в душе слушателя.

Посвящая благопожелания своим родным, друзьям, буряты вкладывали в них лучшие свои помыслы: пожелания долгой, счастливой жизни,

богатства, хорошей дороги, успехов во всех делах. Благословители давали наставления молодежи, жениху и невесте на свадьбах. На празднике Белого месяца и других торжествах также звучали благопожелания. Тексты касались всех аспектов жизни творцов и носителей фольклора. В современный период, в эпоху глобализации многие жанры бурятского фольклора утратили свое живое бытование, однако благопожелания – один из немногих жанров устно-поэтического творчества бурят, сохранивших свои позиции в современном мире. В настоящее время распространению благопожеланий и их сохранению в определенной мере способствует интернет-пространство, в частности в социальные сети, где они не исполняются, а пересылаются от одного адресата к другому. Кроме того, ими обмениваются во время праздников в виде телефонных sms-сообщений.

Проблема отражения действительности в жанрах фольклора волновала многих ученых и остается актуальной до настоящего времени. По этому поводу Б.Н. Путилов справедливо пишет, что «любому фольклорному жанру свойственны определенные (хотя и не без труда улавливаемые) границы в содержании, «отборе» явлений действительности, в тематическом объеме, равно как и определенный «жанровый» угол зрения и определенная система художественного описания» [Путилов, с. 225]. Лирические жанры более подвижны, потому сохранились до настоящего времени. Они развиваются, вбирают в себя новые идеи, современные веяния. В.Я. Пропп в статье «Фольклор и действительность» отмечает, что «отношение к действительности в лирике совершенно иное, чем в эпических жанрах, и над ней не тяготеют те древнейшие формы мышления, которые сковывали развитие повествовательных жанров» [Пропп, с. 104]. В ныне бытующих благопожеланиях бурят отражаются все стороны их жизни, обычаи, мировоззрение. Издавна буряты занимались скотоводством, поэтому в своих добрых пожеланиях они непременно связывали счастье людей с разведением скота. Например:

Табан хушуун малтнай үдэжэ,	Скот ваш пяти видов
Олон боложол байг!	Пусть преумножается!
Тогоогоороо дүүрэн мяхатай,	С полным котлом мяса,
Олон хүүгэдтэй,	С множеством детей,
Позницоороо дүүрэн буузатай,	С полной позницей поз,
Инвестиционно капиталтай,	С инвестиционным капиталом,
Сейф соогоо алтатай,	С полным сейфом золота,
Хармаангаараа дүүрэн доллартай,	С карманом, полным долларов,
Шэнэ хубсаһатай,	В новой одежде,
Дольче Габбана костюмтай,	В костюме от Дольче Габбана,
Версаче очкитай, шэнэ мебельтэй,	В очках от Версаче, с новой мебелью,
Джакузитай, алтан унитазтай	С джакузи, с золотым унитазом
(платиново хабхагтай),	(с платиновой крышкой),
Гараж соогоо дүүрэн	С гаражом, полным
Внедорожник түхэлэй машинатай,	Типа внедорожника машинами,
Хотошо нохойтой, Абрамович нүхэртэй,	С собакой *хотошо*, с другом Абрамовичем,
Путинай партида Наговицын зарсатай,	В партии Путина с Наговицыным управляемым
Ябахатнай болтогой!	Желаю жить вам!

Данное благопожелание записано нами от С.Д. Бадмаевой, 1978 г.р., проживающей в г.Улан-Удэ.

У монгольских народов главным занятием было разведение скота пяти видов (*табан хушуун мал*): коровы, овцы, лошади, козы и верблюды, по количеству которых судили о степени зажиточности хозяина. Пожелание иметь много детей, безусловно, связано с тем, что буряты издавна придавали большое значение продолжению своего рода. Многодетные семьи пользовались уважением в народе, многодетность воспринималась за счастье. В настоящее время эта тенденция заметно идет к спаду. Тем не менее в благопожеланиях в активном бытовании сохраняется и один из самых распространенных свадебных вариантов, который звучит так: *Хойто жэлдэ хүбүүтэй боложо, саада жэлдэнь басагатай болоорой* – Пусть в следующем году сын родится, а в последующем году – дочка [Бабуев, с.26].

С развитием товарно-денежных отношений пожелание материального благополучия становится характерной чертой бурятских благопожеланий, в данном образце пожелание «иметь инвестиционный капитал» указывает на современный способ зарабатывания денег, поскольку инвестиции, являясь неотъемлемой частью современной экономики, представляют собой долгосрочные вложения капитала с целью получения прибыли. Так же звучит и пожелание иметь много золота в сейфе, много долларов в кармане, которое в данном контексте, на наш взгляд,

можно связать с русской пословицей: «Лучше синица в руке, чем журавль в небе».

В данном образце фигурируют одежда, аксессуары от известных модельеров, джакузи, золотой унитаз с платиновой крышкой, гараж, полный машин, которые расцениваются как показатели роскоши, богатства, высокого социального статуса в современном мире. Их можно назвать пожеланиями богатства в завуалированной форме, поскольку под ними подразумевается пожелание быть настолько богатым, чтобы позволить себе все это.

Пожелание иметь много друзей наряду с традиционным мотивом взаимопомощи обретает новую окраску. Привлечение имен таких известных в наши дни людей, как миллиардер Абрамович, действующий президент Российской Федерации В.В. Путин, глава Республики Бурятия В.В. Наговицын, позволяет высказать адресату пожелание не только богатства, но и влиятельности и могущественности. Как видно из контекста, рассматриваемый образец был создан в то время, когда В.В. Путин еще занимал пост Председателя правительства Российской Федерации.

В благопожеланиях затрагиваются разные стороны жизни, быта современного человека. Как справедливо отмечал Б.Н. Путилов, «действительность входит в фольклор в преломлении сквозь народно-бытовую практику. То, что не стало бытом, не может занимать фольклорное сознание. Фольклор в его интересах, в возможностях и масштабах отражения действительности замкнут в значительной степени в границы устойчивой, повторяющейся, развивающейся и меняющейся бытовой жизни народного коллектива» [Пропп, с. 180-181]. Например:

Ута наһатай,	Длинной жизни,
Удаан жаргалтай,	Долгого счастья,
Сагаан эдеэтэй,	С белой пищей,
Коровнигоор полно үхэр малтай,	С коровником, полным скота,
Сеноваалараа полно соломотой,	С сеновалом, полным соломы,
Спортивнэ сумкээр полно доллар евротэй,	Со спортивной сумкой, полной долларов и евро,
Кажда год шэнэ автотой	Каждый год машины менять
Ажаһуухаш болтогой!	Желаю тебе!

Приведенный выше образец начинается с традиционных пожеланий долголетия и счастливой жизни, множества скота, белой пищи, т.е. молочных продуктов, которые символизируют все самое чистое и лучшее, поэтому ее и используют в обрядах подношения богам. У монгольских народов принято встречать гостей белой пищей. В следующих далее пожеланиях иметь сумку, полную долларов и евро, и приобретать новую машину каждый год нашли отражение интересы и понятия современных людей. При этом упоминаются иностранные денежные единицы, а не российский рубль, что, безусловно, связано с курсом рубля по отношению к доллару и евро, молодым людям эта валюта кажется престижнее, ценнее и лучше.

Употребление слов на русском языке в данных благопожеланиях (*доллар, евро, сейф, инвестиционный капитал, джакузи* и др.) можно считать оправданным с точки зрения узуса, поскольку они не имеют эквивалентов в бурятском языке, либо имеют многословные или неудобопроизносимые в речи эквиваленты. Как отмечает Б.Д. Цыренов, использование заимствованных слов может продиктовано и законом экономии энергии, играющим большую роль в спонтанной повседневной речи. «Говорящий подчиняется этому закону неосознанно, выбирая слова и выражения, требующие минимум затрат физической энергии, времени, т.е. такие слова, в которых присутствует меньше звуков, слогов» [Цыренов, с. 184]. Еще одна причина использования заимствованного из русского языка слова (интернационализма), по мнению автора, лежит в области фонетики: «“Фонетическая” причина может объяснить употребление русских заимствований тем, что в связи с ускоряющимся темпом жизни, увеличении окружающего шума, говорящий вынужден использовать наиболее “громкозвучащие” слова и выражения вместо фонетически “бледных”, хотя и активно употребительных исконных бурятских эквивалентов» [Цыренов, с. 184].

Однако очевидно, что в большинстве случаев подобные слова (*коровник, сеновал, позница, кажда год* и др.) использованы специально для создания комического эффекта. В данном случае делается акцент на нехарактерные с точки зрения бурятского языка лексические сочетания, которые лучше воспринимаются на слух и связаны с отмеченной выше «фонетической» причиной использования иноязычной лексики.

В последние годы наблюдается тенденция, когда молодые люди обращаются к бурятским благопожеланиям, поздравляя друг друга с праздником Сагаалган – встреча Нового года по восточному календарю. Традиция празднования Сагаалгана свято почиталась с древних времен,

хотя была позабыта в советское время. Начиная с 1990-х гг., мы наблюдаем ее возрождение. Люди традиционно желают в этот праздник друг другу здоровья, благополучия в доме, счастья и добра, например:

Сагаан һараар!	С белым месяцем!
Сагаалганаар!	С Сагаалганом!
Байгал далайн эрьедэ	На берегу озера Байкал
Коттедж барижа,	Коттедж постройте,
Джипээр шэрүүлжэ,	На джипе пусть возят [вас],
Альган дээрээ	На ладонях своих
Ажалаа бадаруулжа,	Труд свой возвеличивая,
Абдар соогоо	В сундуках своих
Алтан мүнгөө ханхинуулжа,	Золотом-серебром своим звеня,
Аза талаантай	Счастливо
Ажаһуухатнай болтогой!	Вам жить!
Или:	
Сагаан һараар! Сагаалганаар	С белым месяцем! С Сагалганом
Таниие амаршалнаб!	Вас поздравляю!
Хошелек дүүрэн валютатай,	С кошельком, полным валютой,
Хоорпоороо дүүрэн мяхатай,	С коробом, полным мяса,
Луи Виттон хубсаһатай,	В одежде от Луи Виттона,
Хара Бэха түмэр тэргэтэй,	С железной телегой – черным BMW,
Үмэдөөр дүүрэн баяртай ябахатнай	С радости полными штанами жить вам!
Болтогой!	Да будет так!

В приведенных благопожеланиях, записанных нами от Цыреновой Соелмы, 1983 г.р., и Танхаевой Саяны, 1990 г.р., традиционные формулы переплетаются с новыми жизненными понятиями – джип, коттедж на берегу Байкала. В первом образце привлекает внимание использование глагола в побудительном залоге *шэрүүлхэ* (*досл.* быть таскаемым), который, в разговорной речи имеет несколько принижающий оттенок (Пусть на джипе вас таскают, ср. *Джипээр зөөлгэжэ* – Пусть на джипе вас возят), в контексте благопожелания усиливает юмористический эффект. Эту же функцию во втором благопожелании выполняют просторечное название автомобиля марки BMW – Бэха и калька русского выражения *үмдөөр дүүрэн баяртай* – счастья полные штаны, характерного разговорной речи.

Также с началом возрождения традиций и обычаев у бурят с 1990-х гг. возрос интерес и к свадебным благопожеланиям. На сегодняшний день на бурятских свадьбах можно услышать как традиционные, так и современные благопожелания. При этом тамада, как правило, имеет определенный запас шутливых пожеланий, которые он использует в определенный момент, поскольку на современных свадьбах именно от тамады во многом зависит атмосфера праздника.

Раньше у бурят конь был главным средством передвижения, поэтому коня восхваляли, ему посвящали гимны, магталы, называли *морин эрдэни* (досл. конь-драгоценность):

Хүлэг морин эрдэнеэр,	На лучшем своем аргамаке
Үдэр бүри урилдажа,	Каждый день состязаясь,
Үндэр солотой бологты,	Большую славу обретите,
Жэл бүри урилдажа,	Каждый год состязаясь,
Зон арадтаа алдаршагты!	В народе своем прославьтесь!

[Бабуев, с. 78]

Однако современная жизнь диктует свои условия: автомобили, мотоциклы давно стали ее неотъемлемой частью. Поэтому наши современники, как бы сравнивая, говорят:

Мори унанхаар, мотоцикл унагты,	Чем на коне скакать, на мотоцикле ездите,
Амаржа һуунхаар, ажалаа хэгты!	Чем сидеть, сложа руки, лучше работайте!

[Бабуев, с. 146]

Здесь отражен облик современной деревни, где езда на коне отходит на второй план. Развитие сферы сельского хозяйства у бурят можно усмотреть в следующих благопожеланиях:

Трактортнай хүдэлжэ байг,	Пусть трактор ваш работает,
Таряантнай ургажа байг!	Пусть урожай ваш растет!

[Бабуев, с. 144]

или:

Капустадли бүдүүржэ байгты,	Как капуста, толстейте вы,
Хартаабхадли олоширжо байгты.	Как картошка, размножайтесь вы.

[Бабуев, с. 144]

Таким образом, жанр благопожеланий можно считать одним из наиболее «живых», быстро реагирующих на изменения в обществе. Как показало исследование современных образцов, помимо традиционной функции пожелания, они стали выполнять развлекательную, или рекреативную функцию. Поскольку подобные шутливые благопожелания создаются в основном молодыми людьми, их можно отнести к явлениям современного молодежного бурятского языка, или молодежного социолекта. Следует отметить, что «жизнь» подобных новообразований достаточно коротка для надежной фиксации.

Литература

1. Бабуев С.Д. Үреэл тогтохо болтогой. – Улаан-Үдэ, 1990.
2. Бардаханова С.С. Малые жанры бурятского фольклора. – Улан-Удэ, 1982.
3. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1989.
4. Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Л., 1976.
5. Уланов Э.А. Фольклор в контексте бурятского словесного творчества. – Улан-Удэ, 2001.
6. Цыренов Б.Д. Языковой сдвиг в бурятском языке // Язык как национальное достояние: проблемы сохранения лингвистического разнообразия: сб. тр. междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.

Бухаева Туяна Юрьевна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. Тел.: +7-9247735552. E-mail: tuyana_86@mail.ru

Bukhaeva Tuyana Yurievna, postgraduate student, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetian studies, SB RAS.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070.1(571.54)

© ***Б.Б. Сибиданов***

Тактики регионального таблоида в пространстве проблемного дискурса
(на примере газеты «Номер один»)

Рассматривается проблемный дискурс газеты «Номер один», определяются участники коммуникативного пространства, выявляются основные тактики, используемые в проблемном дискурсе, отслеживается влияние таблоидных технологий на формирование и исследование общественной проблематики издания.

Ключевые слова: проблемный дискурс, коммуникативное пространство, тактики проблемных материалов, таблоидные технологии.

B.B. Sibidanov

Tactics of regional tabloid in the space of problematic discourse
(on the example of the newspaper «The Number one»)

The article considers the problematic discourse of the newspaper «The Number one». The author defines participants of communicative space, identifies major tactics that are used in the problematic discourse, monitors the effects of tabloid technologies on formation and study of social issues of the edition.

Keywords: problematic discourse, communicative space, tactics of problematic materials, tabloid technologies.

Таблоидизация региональной прессы с особой остротой ставит проблему общественного и личного пространства потребителя информации в текстах СМИ. Доминирование таблоидного подхода закономерно, однако к тенденциям современного развития (или трансформации) следует отнести смешение или пограничное взаимопроникновение друг в друга актуальных и развлекательных материалов. В результате частная жизнь отдельных лиц попадает в рубрику «Проблема» или отдельные факты уголовной хроники перерастают в медиаявление общественной значимости. Тем не менее среди тем, которые отражаются в СМИ, основными и определяющими воздействие на аудиторию являются те, что находятся в поле общественной проблематики. Современная региональная газета формирует ее, прибегая к созданию проблемных материалов, которые в своей совокупности и формируют проблемный печатный дискурс.

Понятие проблемного дискурса нами определяется через коммуникативные задачи, которые ставит перед собой автор. В центре должна находиться общественная проблема, а содержанием публикации будет являться ее исследование. Результат такого исследования зависит от конкретных целей публикации: это может быть выход из ситуации, обвинение одной из сторон, ожидание (если событийный потенциал проблемы не исчерпан), оценка, прогноз и т.д.

Первопричиной любой проблемы является конфликт. Это либо конфликт института с личностью, либо института с институтом, либо личности с личностью. Кроме того, возможен конфликт каждого из перечисленных участников с обществом. Подобная классификация взята нами из существующей практики разделения дискурсов на личностные и институциональные [Карасик, с. 193]. Если в основе первых лежит стремление выразить интересы отдельного индивида (личности), то вторые представляют речемыслительные типы, в которых говорящий защищает не собственные персональные интересы, а интересы организации. В результате «институт» в конкретной коммуникативной ситуации выступает как единый агент и способен включаться в конфликтные отношения с участниками общественного обсуждения. Нередко при обсуждении проблемы возникает положение, когда конкретному участнику (чаще всего обвиняемому или порицаемому за какое-либо антиобщественное деяние) противостоит не конкретное лицо или организация, а общественное мнение. В таком случае в качестве коммуниканта должно выступать общество. Однако общество является собирательным феноменом и не может представлять собой лицо или организацию, которая имеет единую позицию по проблеме. И все же эта позиция чаще всего бывает представлена именно в качестве единого мнения, поскольку интересы общества в тексте публикации определяются ее автором.

Таким образом, основными участниками проблемного дискурса газеты являются *Личность, Институт, Общество*.

В основе проблемного дискурса лежит конфликтный дискурс: «В качестве конфликтного дискурса выступает такое амбивалентное речевое воздействие в виде целостного конструктивного образования, иллокутивная доминанта которого представляет собой столкновение коммуникативных целей, а консеквент характеризуется изменением знаний и эмоциональных состояний оппонентов благодаря их вербальному воздействию друг на друга» [Белоус, с. 6].

На первый взгляд, все указанные условия встречаются в проблемных материалах региональной прессы. Тем не менее ситуация имеет существенные ограничения. Массовая коммуникация представляет собой опосредованный процесс взаимодействия коммуникантов, за которым следит аудитория. Конфликтная коммуникация, которая предполагает столкновение противоположных сторон (участников), в итоге перерастает в единого агента, создающего текст для реципиента. Именно рассказ о конфликте является посланием автора своему читателю. Однако это вовсе не нивелирует полностью конфликтный дискурс. Аудитория либо выбирает сторону, которой она отдает предпочтение, либо выносит конфликтующим агентам приговор, либо иным способом откликается на предмет разговора. Иначе говоря, она включается в коммуникацию (при этом такое включение не всегда озвучивание своей точки зрения – публикация, но и внутреннее отношение к происходящему или отдельным лицам). Так или иначе, происходит значительное расширение конфликта до размеров проблемы, в обсуждении или выражении внутреннего отношения к которой участвует большое количество людей.

Более того, конфликт на страницах газеты практически всегда носит проблемный характер, поскольку разворачивается перед массовой аудиторией. При этом большую роль играет автор, от позиции которого зависит, на чьей стороне будут симпатии аудитории. Его работа заключается в изучении проблемы, после чего он должен вынести свой приговор, который, кстати говоря, может быть выражен самым разным способом: от иронии до открытого обвинения.

Конфликт может быть предметом исследования автора, но сам дискурс формируется в совершенно ином коммуникативном пространстве – пространстве газеты и ее читателя. Проблемный дискурс должен втянуть в себя как можно больше людей, чтобы те выразили свое отношение к происходящему.

Нетрудно видеть, что решающее значение здесь начинают играть методы и приемы авторского исследования. Когда в основе лежит анализ, мы имеем дело с аналитическим произведением. Чаще всего проблемные материалы и расцениваются как аналитические, но поскольку они зависят от конкретных коммуникативных условий, мы не можем утверждать, что любой проблемный материал является аналитическим. Так, нередко предпринимаются попытки исследовать проблему с заданной коммуникативной целью достижения определенного результата. Подобные проблемные материалы могут обладать элементами манипулирования общественным сознанием, что, конечно, не является чертами аналитического дискурса. Кроме того, авторский подход в таблоидной прессе требует не сухого, трезвого рассуждения, но пробуждения сильных эмоций, которые невозможны при создании чисто аналитических материалов.

С другой стороны, проблема как информационный повод обладает воздействием и эмоциями, которые нередко и формирует авторское отношение. Иначе говоря, конфликт – основа и повод для анализа практически любой проблемы. Как воздействует проблема (конфликт) на автора, так он и исследует ее. Точнее оказывается не проблема, а ее поле, основанное на ценностях данного общества, на предыдущих событиях, каким-либо образом с ней связанных и т.д. Эти установки порой идут вразрез с анализом ситуации, формируя необъективный итог материала.

Таким образом, исследование проблемного дискурса общественно-политической прессы мы будем проводить, опираясь на коммуникативные тактики, реализуемые в текстах. Они и являются способом выражения авторской позиции и проявлением дискурса. В результате многократного повторения общих условий и типичных участников таких конфликтов можно выявить типичные проблемные ситуации. Безусловно, важнейшим фактором реализации проблемной ситуации является завершенность коммуникативного происшествия. Однако в СМИ проблемный текст нередко предполагает развитие событий в будущем.

Словом, мы имеем дело с двумя случаями развития проблемы в журналистских текстах: 1) коммуникативная ситуация, которая исчерпывается одной публикацией; 2) коммуникативная ситуация «с продолжением», которая включает несколько публикаций на данную тему. Конечно, ситуация «с продолжением» имеет больше шансов запомниться аудитории, а в некоторых случаях стать своеобразным символом каких-либо отношений в обществе, т.е. когда проблема имеет шанс перерасти в «именной» дискурс, который при одном упоминании будет формировать определенную психологическую установку восприятия проблемы.

Исходя из изложенного, можно говорить о структуре проблемного поля таблоидного издания в Бурятии. Совокупность единичных проблемных материалов создает общее проблемное поле газеты. Здесь определяющая роль принадлежит обобщенным способам освещения конфликта в издании. Это создает неповторимый дискурсивный образ газеты, ее стилистику, метод. На фоне общего проблемного поля рождаются тематические проблемные дискурсы. На-

пример, «МК в Бурятии» в 2011 г. создала обвинительный дискурс «Хориноев» (или «О Хориноеве»), в конечном итоге приведший к отставке председателя Верховного суда Бурятии. При этом в прессе появилось понятие «хориноевщина» (в частности, одно из последних упоминаний было в газете «Новая Бурятия» в материале А. Михайлова «Фрагменты схватки за пост Председателя Верховного суда РБ» в № 34 от 26 августа 2012 г.), которое красноречиво свидетельствует о силе данного проблемного тематического дискурса.

Мы сосредоточим внимание на общем проблемном дискурсе газеты «Номер один» в период с января по декабрь 2011 г. Уже в первом выпуске от 12 января встречаем материал В. Золотарева с явным проблемным потенциалом – «Экономика перегрелась юбилеем». В центре внимания оказались удивительные показатели экономического развития Бурятии. В начале статьи автор приводит победную статистику 2010 г.: «По индексу промышленного производства совсем диковинные цифры – 5-е место по России и рост 27%. В мире, похоже, нет другого территориального образования с таким ростом промышленности. Всякие Китай и Сингапур нервно отошли и курят в сторонке». Но за этими цифрами стоит не реальный экономический рост, считает В. Золотарев, а федеральные вложения в празднование юбилея – 350-летия вхождения Бурятии в состав России. Поэтому финансовый поток, пролившийся на республику, важно использовать максимально эффективно. Однако в основном миллионы и миллиарды уходят в проекты, которые не окупятся и не принесут Бурятии экономического роста: «Это не инвестирование в бизнес и в экономику как таковую, это разовая постройка объектов и передача на баланс министерствам, ведомствам, администрациям». Итог рассуждений В. Золотарева печален: «Целевой поток денег иссякнет. А дальше покажем по итогам 2011 г. отрицательную динамику роста процентов в 10-15?». Выход из ситуации со стороны президента Бурятии автор видит в умении найти повод и выпросить у Москвы очередные вливания: «Впрочем, у президента есть еще два варианта сравнительно легкой добычи инвестиций в Бурятию, и оба федеральные. Можно устроить очередной праздник, вплоть до юбилея прибытия инопланетян. Но после 350-летия любой местный креатив на тему торжеств может показаться федеральной власти чрезмерным. Но есть более вероятный и беспроигрышный способ – надвигающиеся выборы президента России 2012 года. Грядет очередная раздача денег регионам в счет политической лояльности. Главное – зафиксировать место в очереди к кассе в Москве и предъявить непреложные аргументы к получению».

Из приведенного отрывка видно: перед автором стоит цель не столько оценить экономическое положение региона и спрогнозировать дальнейшие шаги президента Наговицына, но выставить региональные власти не в самом выгодном свете. В прогнозе слышна ирония. Фразы «юбилей прибытия инопланетян», «зафиксировать место в очереди к кассе» сообщают прогнозу В. Золотарева издевку, а значит, и соответствующую оценку деятельности властей Бурятии. В конечном итоге, основное желание автора (его позиция по отношению к конфликту) – обвинить власти в неспособности поднять экономику региона. Это обвинение свидетельствует о конфликте интересов правительства Бурятии и общества, от лица которого выступает автор. И поскольку в материале нет конкретной пострадавшей стороны, конфликт скатывается в общую критику региональной власти. В целом такую проблемную ситуацию можно обозначить как «институт–общество», где на втором месте в паре выступает потерпевшая сторона, а в качестве «института» выступает правительство Бурятии.

Тактику данного проблемного материала можно обозначить следующим образом: 1) описание ситуации (высокие показатели экономического роста в Бурятии); 2) прогноз (экономического эффекта не будет); 3) оценка ситуации с интенцией обвинения (варианты выхода из ситуации).

Следующий материал «Улан-Удэ ждет “санитарное” переселение» И. Ревенской (№ 2 от 19 января 2011 г.) совмещает в себе черты новостного и проблемного материалов. Во-первых, в глаза бросается явно таблоидный заголовок, который отчасти вводит в заблуждение, поскольку переселение коснется не всего города, а только тех горожан, кто проживает вблизи котельных и ТЭЦ. Во-вторых, содержательная цель материала включает в себя и задачи информирования, и постановку проблемы. В частности, речь идет о том, что Восточно-Байкальская природоохранная прокуратура обязала ТГК-14 создать вокруг котельных и ТЭЦ санитарно-защитные зоны, на территории которых жилые дома стоять не должны. Подобные мероприятия стоят миллионы рублей. Они, естественно, будут включены в тариф ТГК-14, полагает автор, а потом… «Потом тысячи улан-удэнцев окажутся в зонах выселения. За этим последует активный отказ ТГК-14 участвовать в переселении горожан. У муниципалитета денег на это тоже не будет. В результате население за свой счет всего лишь узнает, что живет на экологически вредных территориях».

Как видим, и в информационно-проблемных материалах коммуникативной целью автора яв-

ляется обвинение. Кроме того, налицо и определенное манипулирование. После приведения мнения заместителя мэра Г. Гендуновой по проблеме автор вдруг делает вывод о том, что позиции по переселению уже обозначены: «ТГК-14, как обычно, перекинула свои проблемы на тариф и на местную власть. Мэрия, в свою очередь, берет паузу на неопределенный срок». Хотя со слов Г. Гендуновой можно сделать вывод только о том, что мэрия начала заниматься этой проблемой, и 14-18 февраля собирается провести круглый стол всех хозяйствующих субъектов города. Газета информирует о еще не рожденном конфликте двух социальных институтов: мэрии и ТГК-14. В отличие от первой ситуации «проблемный» посыл автора носит более прямолинейный характер, а обвинение вновь мало обосновано. Даже последствия от прогнозируемого события носят, мягко говоря, преувеличенный характер (автор упоминает о необходимости переселения тысяч горожан). И вновь интересы общества представляет автор, и вновь выхода из проблемы не выявлено, но заявлена вина мэрии и ТГК-14. Но, так или иначе, нас интересует типология проблемной ситуации. Как мы уже упомянули, в данном случае речь идет о конфликте двух институтов, однако потерпевшей стороной станет вновь общество (тип проблемной ситуации «институт–общество»). Ведь в случае непереселения людей из санитарно-защитных зон и мэрии, и ТГК-14 вред нанесен не будет, поэтому их возможный конфликт связан не с защитой собственных интересов, а с перекладыванием своих обязанностей. В случае если бы материал уже располагал данными и вел рассказ о конкретных семьях, которые проживают в санитарно-защитных зонах, то тогда мы могли бы говорить о типе «институт–личность».

Тактика проблемного материала: 1) описание события (необходимость санитарно-защитных зон вблизи котельных и ТЭЦ); 2) постановка проблемы (кто будет финансировать переселение людей); 3) позиция ТГК-14 (отказ); 4) позиция мэрии (проблему еще не решали); 5) прогноз-обвинение (людей не переселят).

Следующий тип публикаций проблемного характера, на который мы не можем не обратить внимания, материал «Смерть дешевле безопасности» В. Шишкиной (№ 15 от 20 апреля). Речь в нем идет о смерти электрогазосварщика Юрия Абидуева. И вновь можно констатировать обвинительный характер публикации. Смерть человека возникла в результате вынужденного нарушения им норм техники безопасности: предприятие ТГК-14 совершенно не желает вкладывать средства в защиту жизни и здоровья сотрудников. Данный материал во многом носит информационно-публицистический характер. Автор опирается на позицию адвоката вдовы погибшего Виталия Хонихоева. Материал является очень острым, поскольку основан на трагическом результате халатности руководства компании. Технология привлечения внимания в данном случае выдержанна идеально. Тип проблемной ситуации представляет собой конфликт личности и предприятия («институт–личность»). Нетрудно видеть, что в подобных ситуациях материал обладает особенной остротой. Связано это с эффектом персонификации: читатель видит конкретного человека, который пострадал, сопереживание и эмпатия обеспечивают особенно сильное привлечение внимания к содержанию публикации. Цель материала – обвинить руководство ТГК-14 в преступлении.

Тактика проблемного материала: 1) описание события с одновременным созданием возвышенного образа погибшего; 2) обвинение ТГК-14 с созданием образа страдания; 3) итог-выход из ситуации (выплатить деньги семье и принять меры по технике безопасности).

Такая же ситуация сложилась и в конфликте между семьей одиннадцатиклассницы Анжелики Бальжиновой п. Саган-Ур и директором школы Еленой Столоповой (материал В. Шишкиной «Прокуратура исправила школьную оценку», № 24 от 22 июня). Разногласия между сторонами возникли из-за оценки по информатике. Особенность данного случая в том, что здесь мы имеем дело с коммуникацией двоякого рода: с одной стороны, конфликт развивается в рамках «институт–личность», а с другой – проблема связана либо с деспотическими качествами личности руководителя школы, либо с личной неприязнью родителей и педагога («личность–личность»). Однако для нас важней всего, что конфликт связан с институциональным функционированием, иначе говоря, мы имеем дело со статусным «неравноправием» участников коммуникации, что свидетельствует об институционально-личностном типе конфликта. Отсюда и проблемная ситуация определяется нами как «институт–личность».

Цель материала – описать подробности конфликта. Однако по сумме изложенных аргументов и описанных событий (конфликт директора с учителями и родителями уже имел место) складывается впечатление, что жертвой является ученица, отсюда и материал может быть расценен как обвинение педагога в необъективности и превышении должностных полномочий. И в этом случае конфликт перерос бы в проблему соответствия Елены Столоповой занимаемой должности директора школы. Проявился бы другой

тип конфликта: «личность–общество», поскольку возможные несправедливость и самоуправство означают, что люди страдают не от института, а от деятельности человека, занимающего должность, не соответствующую его нравственным качествам. Однако данный аспект сохраняется в тексте только как возможность, а не как данность. Поэтому и тип конфликта остается непроявленным.

Тактика проблемного материала: 1) описание события (вмешательство прокуратуры); 2) мнение директора (несогласие с действиями); 3) обвинение директора с одновременным созданием образа страдания (мнение семьи школьницы); 4) точка зрения директора на обвинение.

Типы проблемных ситуаций «личность–общество», «личность–институт» и «личность–личность» чаще всего носят уголовно-криминальный характер и ограничиваются задачами обыденного информирования. Естественно, в этом случае публикации перестают быть проблемными. В газете «Номер один» данное направление выражено отчетливо. Уголовная хроника присутствует в каждом из выпусков газеты. При этом сами ситуации сложно назвать проблемными, поскольку в них совершенно не обозначена позиция автора, точнее, она переведена из текста в контекст. Например, публикация «Мать покончила с собой из-за сына» (№ 20 от 25 мая) носит именно такой характер. Приведем текст публикации полностью.

«Мать покончила с собой из-за сына.

Ее единственный сын совершил кражу. Чтобы мирно прекратить дело в суде, матери нужно было найти 20 тысяч рублей для возмещения вреда потерпевшим. Но найти деньги мать не смогла и повесилась.

17 марта в университетском кафе по Жердева произошла кража. У одной из отдыхавших женщин украли сумочку. Потерпевшая, заметив пропажу, бросилась за парнем, который сидел за соседним столиком и недавно ушел.

– В сумочке находились телефон, документы и деньги на общую сумму в 23 тысячи рублей, – сообщает Эвелина Богданович, старший следователь СО ОМ № 2 УВД по г. Улан-Удэ. – Парня задержали, но сумочки при нем не оказалось. По его словам, он испугался и выбросил похищенное. Ничего из сумочки он взять не успел.

В ходе следствия была изучена видеозапись, на которой видно, как подозреваемый быстро выходит из кафе, держа что-то за пазухой. 17-летнему подростку предъявили обвинение. А его мать поехала в родную деревню в Тункинский район искать деньги, чтобы возместить ущерб потерпевшей.

Мать обвиняемого в краже подростка – инвалид, была больна бронхиальной астмой. Деньги для сына она не нашла и повесилась. В предсмертной записке 36-летняя женщина написала, что денег у нее нет, и просит никого не винить в ее смерти.

Ее сын обучается в одном из техникумов города. Кроме матери у него никого нет, только отчим».

Как видим, проблема не заявлена, описание конфликта и его последствий не перерастает в рассмотрение социально значимого явления, не сопровождается комментарием автора. Автор ставит задачу информировать о происшествии, но не погружаться в проблему в поисках выхода. Хотя потенциал для подобного поворота имеется. Наличие конфликта (насилия) в описываемых событиях еще не гарантирует проявление проблемного дискурса. Материал реализуется в рамках трэш-дискурса [Сибиданов, с. 52-61]. С точки зрения участников события, подобные материалы подразумевают реализацию схемы «личность–личность». Цель материала – информировать и шокировать произошедшим. Послание к читателю можно охарактеризовать следующим образом: «Взгляните, как это ужасно!» Подобным образом построены сообщения практически всей уголовной хроники.

Однако событийная основа происшествий криминальной жизни все же способна проявить проблемный дискурс. В материале Л. Ульяновой «Зверские убийства с неясными мотивами» (№ 15 от 20 апреля) в центре – убийство подростками двух девочек: шестнадцатилетней Вали и семнадцатилетней Ани. Журналист пытается понять, что послужило причиной страшного преступления. В частности, в полиции, констатирует автор, считают, что «преступления были совершены из хулиганских побуждений, а умысел складывался внезапно и из-за нелепых мотивов». Рассматривается и версия о том, что подростки были скинхедами. Но больше всего похожа на правду другая версия: убийства были женской местью. Как видим, в материале вновь проблемная ситуация, реализующаяся в координатах «личность–личность». Вновь перед нами конфликт-насилие. Однако в отличие от предыдущего материала автор пытается осознать мотивы. В начале публикации журналист рассказывает о ходе следствия, об ожиданиях родителей погибших девочек. Словом, в той или иной мере выведен образ потерпевшей стороны. И хотя в тексте нет рассуждений о нравственности, в материале, построенном на противопоставлении убийц и жертв, проявляется этическая оценка. Главная цель публикации лежит в плоскости между посланием «как это ужасно!» и попыткой ответить на вопрос: «почему это происходит?». Иначе говоря, наличие нравственной проблематики вовсе не отменяет влияния трэш-дискурса, т.к. именно он обусловил попадание данного материала в газету.

Тактика проблемного материала: 1) описание события (пересказ первичных фактов убийства); 2) создание образов убитых девушек (цель – обобщенный образ безвинного страдания); 3) описание институциональной ситуации со скрытой интенцией обвинения (в милиции долго не заводили дела); 4) описание версий мотивов преступ-

ления; 5) итог-оценка преступления (обвинение).

Такая же ситуация перерастания трэш-дискурса в проблемный наблюдается в других материалах Л. Ульяновой: «Знакомство с убийцами – через Интернет» (№ 16 от 27 апреля), «За что убили продавщицу ломбарда» (№ 21), «Юный педофил» (№ 25 от 29 июня), «Девочка повесилась от взрослых проблем» (№ 40 от 12 октября), «В Улан-Удэ работает более 500 проституток» (№ 41 от 19 октября) и др.

Для коммуникативной ситуации проблемного материала характерно то, что конфликт формирует проблемный дискурс газеты. Как правило, в конфликте присутствует потерпевшая сторона («жертва») и виновник («злодей»). Автор становится на сторону жертвы конфликта и пытается в той или иной мере вынести нравственный приговор рассматриваемому событию через обвинение.

Типичные тактики развития проблемной ситуации, которые использует газета «Номер один», основаны на типологии «институт–личность» и представляют собой следующие этапы: фактическое описание события; обвинение с параллельным созданием образа страдания (или создание образа страдания с одновременным обвинением); итог.

Иногда создание образа «страдания» отделяется от обвинения. Кроме того, возможен и параллельный процесс – создание образа «злодея». В крупных материалах может присутствовать и презентация обвиняемого, в которой он пытается оправдаться. Однако этого почти никогда не происходит. Фактически этот этап всегда используется для усиления позиции обвинения. Иногда первый и второй блоки могут сокращаться ввиду отсутствия конкретных потерпевших или отсутствия сведений, но в тексте обязательно присутствует акт обвинения. Кстати, он может содержаться в тексте как эксплицитно, так и имплицитно (проявляясь через контекст медиаречи). Эта черта становится стилистической особенностью издания.

В публикациях, где важнейшими элементами являются мнения сторон как способа проявления проблемы, тактика несколько меняется: фактическое описание события; мнение одной стороны; мнение второй стороны; итог.

В зависимости от целей материала даже этот сценарий может модернизироваться: часто в нем наблюдаются элементы обвинения, которые тут же активизируют роли «жертвы» и «злодея». И тогда мнение «потерпевшей» становится обвинением. В случае если после обвинения следует мнение-опровержение обвиняемого, то к концу материала, как правило, обвинение повторяется.

Среди типов проблемных ситуаций в «Номере один» ведущее место занимает тип «Институт – Личность». Именно в этих координатах газета получает возможность реализовать персонификацию и наиболее эффективно кого-либо обвинить. Второе место занимают проблемные материалы, в которых рассматриваются нарушения или преступления со стороны тех или иных институтов (тип «институт–общество»). Обширным блоком представлены публикации «личность–общество» и «личность–личность». Гораздо реже встречаются материалы типа «институт–институт», в которых виновные обрисованы неявно из-за неясности последствий исследуемых событий. Все это позволяет говорить о сильном влиянии таблоидных технологий на проблемный дискурс газеты. Тактики развития проблемной ситуации почти всегда заранее определены заданной целью, которая чаще всего представляет собой обвинение.

Литература

1. Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Краснодар, 2008.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
3. Сибиданов Б.Б. Печатные СМИ Бурятии: дискурсы воздействия. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2013.

Сибиданов Баир Борисович, доцент кафедры журналистики и рекламы Бурятского госуниверситета, кандидат исторических наук. Тел.: +7-9148411191; e-mail: sibibair@mail.ru

Sibidanov Bair Borisovich, associate professor, department of journalism and advertising, Buryat State University, candidate of historical sciences.

УДК 070.1(571.54)

© ***Б.Б. Сибиданов***

Таблоидный дискурс газеты «Номер один»

Рассмотрены отдельные стороны функционирования таблоидного дискурса в печати Бурятии. На материале газеты «Номер один» автор выявляет структуру и взаимосвязи анонсов первой страницы с основными текстами публикации, показывает столкновение таблоидного с другими печатными дискурсами.

Ключевые слова: дискурс СМИ, дискурс власти, политический дискурс, рекламный дискурс, тематические дискурсы.

B.B. Sibidanov

Tabloid discourse of the newspaper «The Number one»

Some aspects of tabloid discourse functioning in mass media of Buryatia have been considered. On the example of the newspaper «The Number one» the author reveals the first page structure and interrelationship of announcements with the main texts of publication, shows a collision of tabloid discourse with other printed discourses.

Keywords: mass media discourse, discourse of authorities, political discourse, advertising discourse, thematic discourses.

Таблоидный дискурс мы определяем как речемыслительный тип, реализующийся в печатном СМИ и имеющий цель привлечения внимания аудитории. В некотором смысле эта цель совпадает с целями рекламного дискурса, однако в отличие от него присутствие речевых моделей (технологий), захватывающих внимание аудитории, здесь не мотивировано объектом речевого внимания (продаваемого товара или услуги). Кроме того, в нем обязательным целеполаганием становится «необходимость побудить адресата к ответным действиям» [Куликова, с. 199], т.е. приобретению товаров и услуг. Это потребление, исходя из логики рекламного дискурса, должно привести адресата к чувству удовольствия и удовлетворения. Словом, сам рекламный дискурс обретает «позитивную прагматическую направленность» [Куликова, с. 200]. И в этом заключается еще одно его отличие от таблоидного дискурса, реализующегося в виде агрессивных моделей информирования. Тем не менее чаще всего таблоидный дискурс повторяет тактики рекламы. В частности, он в значительной мере реализуется за счет анонсов первой страницы.

Рассмотрим, как проявляет себя таблоидный дискурс в газете «Номер один» за 2012 г. Практически все выпуски газеты имеют те или иные искажения в анонсах по отношению к основной публикации. Приведем данные за май:

№ выпуска	Анонсы	Связь с текстом публикации
№ 17 от 2 мая	Некачественные экстрасенсы. *Колдуньи и гадалки Улан-Удэ не справляются со своей ролью, с. 13*; Владимир Матханов объявил войну пьянству. *Школам республики строго рекомендовали не отмечать выпускные, с. 4*; Как не разориться по счетчику. *Следить за потреблением воды и тепла в домах придется с применением полиции с. 17*; Наказаны за неспортивное поведение. *Агентство по спорту уличили в сговоре при госзакупках на миллионы рублей, с. 11*; Выборы президента Бурятии пройдут осенью. *Республику ждет горячее лето, с. 5.*	Анонсы «Владимир Матханов объявил войну пьянству. *Школам республики строго рекомендовали не отмечать выпускные, с. 4*» и «Как не разориться по счетчику. *Следить за потреблением воды и тепла в домах придется с применением полиции, с. 17*» написаны с искажением содержания текстов публикаций. Остальные анонсы информативны.
№ 18 от 9 мая	Следователь зарезал коллегу. *Это уже второе происшествие со смертельными последствиями при участии военных следователей Бурятии. Подробности с. 12*; «Бомбилы» объехали закон. *Таксисты Улан-Удэ нашли способ работать без всех лицензий и разрешений, с. 7*; Слепая альпинистка поднялась на Мунку-Сардык. *Девушка сопровождала воспитанников детского дома в походе, с. 25*; Ипотечных банкротств стало больше. *Государство отбирает квартиры у должников и продает их по дешевке, с. 15*; Подросток выкрал клад. *Улан-удэнская семья лишилась всех семейных драгоценностей, с. 12.*	Анонс «Ипотечных банкротств стало больше. *Государство отбирает квартиры у должников и продает их по дешевке, с. 15*» искажает содержание публикации. Остальные анонсы информативны.
№ 19 от 16 мая	Скандалы на назначении Наговицына. *Депутату Госдумы не дали слова, а к несогласным приставили полицию. Но второй срок Главы Бурятии все равно начался с оваций, с. 5*; Детство на алтарь балета. *160 детей терпят суровые лишения, чтобы получить призрачную надежду стать звездой, с. 11*; Как живет бывшая «Краса Бурятии»? *Большинство победительниц конкурсов красоты прошлых лет развелись, с. 9*; Дело об убийстве и золоте. *Верховный суд приступает к слушаниям по делу ломбарда «Золото 585», с. 12*; В Таксимо умыкнули целый аэродром. *Бурятия не сможет в ближайшее время развивать местные авиалинии, с. 6.*	Анонс «Как живет бывшая «Краса Бурятии»? *Большинство победительниц конкурсов красоты прошлых лет развелись, с. 9*» искажает содержание публикации. Остальные анонсы информативны.
№ 20 от 23 мая	Андрей Малахов опоздал в Селендуму. *Ирину Дацко, которой был посвящен целый выпуск программы «Пусть говорят» спасти уже вряд ли удастся, с. 13*;	Анонс «Дети отвергли «Закон божий». *Две трети школьников Бурятии не захотели изучать религию в школе, с. 9*» искажает содержание публикации.

	Революционер из Хорватии *Парень из Европы приехал в Улан-Удэ, чтобы изменить наш город к лучшему, с. 11*; Дети отвергли «Закон божий». *Две трети школьников Бурятии не захотели изучать религию в школе, с. 9*; Самоволка в зоне *Возле исправительной колонии № 7 вот уже 30 лет незаконно живет и разводит индюков большая семья, с. 17*; За тушение пожаров – штраф. *Почему лесные пожары в Бурятии приобрели масштабы катастрофы? с. 6.*	Остальные анонсы информативны.
№ 21 от 30 мая	Банкоматы-мошенники отбирают последнее. *Семья улан-удэнцев лишилась 30 тысяч, с. 13*; В пригороде Улан-Удэ небывалый ажиотаж. *Из-за паводка нерестовая рыба идет косяками, с. 2*; Нерадивых фермеров лишат господдержки. *Правительство ищет, куда исчезли элитные семена, с. 7*; Турандот косолапа и мужеподобна. *Прошла премьера ожидаемого спектакля, с. 28*; Бурятский футболист сыграет на Евро-2012. *Эксклюзивное интервью Владимира Граната, с. 29.*	Анонс «Банкоматы-мошенники отбирают последнее. *Семья улан-удэнцев лишилась 30 тысяч, с. 13*» искажает содержание публикации. Остальные анонсы информативны.

Как видим, в среднем один анонс из пяти искажает содержание основной публикации. При этом все эти искажения носят исключительно «рекламный» характер. Чаще всего в основе искажений лежит преувеличение. Этот прием порой приводит к стилистическим неточностям. В частности, анонс «Владимир Матханов объявил войну пьянству…» – содержит фразу «строго рекомендовали», хотя в контексте рекомендательного письма, о котором идет речь в основной публикации, можно лишь «настоятельно рекомендовать». Анонс родился в результате опоры на другой устоявшийся в печати оборот – «строго приказали». Именно этот смысл хотелось бы использовать авторам анонса, но в этом случае пришлось передернуть факты, поскольку никто ничего школам не приказывал. Словом, газета на явную ложь в анонсе пойти не решилась, но и отказаться от сильных выражений не могла. В результате и появился стилистический ляп – «строго рекомендовали», который стремится преувеличить произошедшее.

Следующий анонс «Ипотечных банкротств стало больше. Государство отбирает квартиры у должников и продает их по дешевке, с. 15» серьезно искажает содержание публикации. Из анонса следует, что государство намерено обогащаться за счет несчастья людей. Подобный сценарий напоминает сюжет какого-то криминального «развода», в котором ипотечные клиенты становятся «жертвами», а государство – «злодеем». В действительности по решению суда государство продает квартиры неплательщиков, возвращает долг банкам, а оставшуюся сумму отдает неудавшимся хозяевам. В результате этих действий квартира может уйти по цене, которая окажется меньше, чем та, которую выплачивал клиент ипотеки. Именно этот момент и становится основанием для агрессивного анонса, обвиняющего государство. В основе искажения анонса – умолчание. Анонс представляет неполную информацию, в результате чего общая информационная картина искажается.

По сравнению с ним анонс «Как живет бывшая «Краса Бурятии»? Большинство победительниц конкурсов красоты прошлых лет развелись, с. 9» и вовсе кажется невинным. Он всего лишь берет только один из фактов публикации, превращая его в основное содержание. Хотя главная мысль автора публикации совершенно иная, более конструктивная: после конкурса победительницам следовало бы трудиться, успех в ленивые руки не приходит. Здесь мы сталкиваемся с изменением акцента в анонсе, что тоже искажает содержание основного текста.

Подытоживая искажения, встречающиеся в анонсах, можно сделать вывод о главной причине таких искажений: в основе лежит явное стремление привлечь внимание, используя смыслы, в той или иной мере шокирующие аудиторию. Чаще всего такой шок связан с определенными угрозами, конфликтами. Однако эта установка входит в противоречие с текстами материалов журналистов. И как результат – несоответствие смыслов публикации смыслу, заложенному в анонсе. Это несоответствие является точкой расхождения между рекламным и таблоидным дискурсами. Для первого в центре внимания – товар или услуга, для второго – внимание аудитории. В этом смысле рекламный дискурс имеет позитивную прагматическую направленность, а таблоидный, напротив, – отрицательную. Говоря образно, рекламный дискурс продает удовольствие, таблоидный – угрозы.

Расположение анонсов на странице газеты также имеет свою структуру. Здесь мы можем выделить главный анонс (т.е. тот, что набран более крупным шрифтом по сравнению с осталь-

ными, а фото, его иллюстрирующее, самое крупное на странице) и второстепенные анонсы, которые «не выделяются». Главные анонсы в большей степени формируют восприятие издания. Большая фотография привлекает внимание, а содержание анонса формирует первое впечатление от номера.

Главные анонсы майских выпусков следующие: «Некачественные экстрасенсы. Колдуньи и гадалки Улан-Удэ не справляются со своей ролью, с. 13» (№ 17 от 2 мая); «Следователь зарезал коллегу. Это уже второе происшествие со смертельными последствиями при участии военных следователей Бурятии. Подробности с. 12»(№ 18 от 9 мая); «Скандалы на назначении Наговицына. Депутату Госдумы не дали слова, а к несогласным приставили полицию. Но второй срок Главы Бурятии все равно начался с оваций, с. 5» (№ 19 от 16 мая); «Андрей Малахов опоздал в Селендуму. Ирину Дацко, которой был посвящен целый выпуск программы «Пусть говорят», спасти уже вряд ли удастся, с. 13»(№ 20 от 23 мая); «Банкоматы-мошенники отбирают последнее. Семья улан-удэнцев лишилась 30 тысяч, с. 13» (№ 21 от 30 мая).

Из пяти анонсов только один – «Некачественные экстрасенсы. Колдуньи и гадалки Улан-Удэ не справляются со своей ролью, с. 13» не содержит явно выраженной конфликтной информации. Хотя и этот анонс в контексте несет в себе заряд отрицательной энергетики (основная мысль публикации: «Все гадалки и “экстрасенсы” в Улан-Удэ являются мошенниками»). Словом, все анонсы «Номера один» предполагают агрессию. Их послание читателю таково: «Посмотрите, как плох (опасен, несправедлив и т.д.) окружающий нас мир». Уже по этому признаку можно судить об агрессивности и характере технологий издания.

Несколько иная ситуация в газете «Новая Бурятия».

Рассмотрим ее анонсы так же, как мы рассматривали анонсы «Номера один» за май 2012 г.

№ выпуска	Анонсы	Связь с текстом публикации
№ 18 от 6 мая	Определились претенденты на пост главы Бурятии (дано начало публикации, продолжение с. 4); Скандалы – стиль Минкультуры РБ, с. 5; Теплосети ждут конкурса и ремонта, с. 6; Казак Петлин и торговля с Китаем, с. 21.	Анонсы информативны
№ 19 от 13 мая	Азат Максутов вступил в противостояние с министром, с. 4, 16; Владимир Путин ускоряет Сибирь с. 4; Ажиотажный спрос на землю, с. 12; Ушуисты Бурятии поедут в Китай, с. 23.	Анонс «Азат Максутов вступил в противостояние с министром, с. 4, 16» искажает содержание публикаций. Остальные анонсы информативны.
№ 20 от 20 мая	Съезд депутатов Бурятии легитимизировал главу республики; Оперный театр ответил экс-худруку, с.4; Самоубийственная Бурятия, с.10; Оформить недвижимость без нервов, с. 11; 150 лет первой газете Забайкалья, с. 16.	Анонсы информативны
№ 21 от 27 мая	Неизвестная Верхняя Березовка, с. 16; День защиты детей, с. 2; Страсти вокруг правительства, с. 4, 5; Как вернуть «Водоканала» народу, с. 6; Курорты Сибирской Швейцарии, с. 9.	Анонсы информативны

Как видим, явных расхождений между анонсами и содержанием публикаций имеется немного. Однако и «Новая Бурятия» подвержена стремлению придать своим публикациям больший конфликтный потенциал, чем он в действительности представляет. В частности, анонс «Азат Максутов вступил в противостояние с министром, с. 4, 16» искажает содержание публикаций. На с. 4 размещено интервью с Азатом Максутовым, который дает свою оценку конфликту, возникшему между ним и коллективом театра. На с. 16 – публикация Надежды Цибудеевой «По периметру пространства Республики Бурятия». Материал искусствоведа касается деятельности министра культуры РБ. Однако сам Максутов не вступал в противостояние с министром. Во всяком случае у газеты не было оснований для подобного анонса.

С другой стороны, налицо – фрагментарный «провал» таблоидного дискурса в анонсной части. Многие из минитекстов, целью которых должно быть максимальное привлечение внимания, не справляются с этими задачами, «подменяя» «продажу» материала простым информированием: «Определились претенденты на пост главы Бурятии», «Теплосети ждут конкурса и ремонта, с. 6», «Казак Петлин и торговля с Китаем, с. 21» (№ 18 от 6 мая); «150 лет первой газете Забайкалья, с. 16» (№ 20 от 20 мая); «День защиты детей, с. 2» (№ 21 от 27 мая). В этих анонсах таблоидный дискурс исчезает, вместо него функционирует новостной дискурс. Мы не видим использования технологий конфликта, «близости темы», известности, необычности

[Сибиданов, Борхонов, Тармаханов, с. 54-77]. Кроме того, в приведенных анонсах «Новой Бурятии» нет желания создать интригу, завлечь читателя. В этом смысле «Новая Бурятия» в меньшей степени таблоидное издание, чем «Номер один».

Что касается композиционных решений «Новой Бурятии» на первой странице, то тут обращает на себя внимание расположение «рядовых» анонсов. Так, в номерах 18 и 20 они расположены в нижней части (ближе к «подвалу»), а в номерах 19 и 21 – в верхней части (на «чердаке»). И далее в номерах 22, 23, 25, 27 – в нижней части, а 24, 29, 32 – в верхней. В № 33 анонсы и вовсе расположены вертикально, ближе к правому краю. Очевидно, связан такой «подход» с удобством расположения материала, со стремлением уместить все. «Номер один» в этом отношении более строг. На его первой странице, как правило, пять анонсов, и все они расположены примерно в одном порядке и величине (включая шрифт и фотографии). Эти отличия мы связываем с особенностью макета и верстки разных изданий. В частности, в «Номере один» больше «воздуха», значит – и возможности свободно располагать материалы. Обратим внимание, что обе газеты примерно одинаковы по величине. Формат их страницы 42 х 29 см (с той разницей, что у «Новой Бурятии» в течение 2012 г. происходило либо увеличение, либо уменьшение формата в пределах 1 см). Плотность материалов в макете «Новой Бурятии» очень высокая, поэтому и верстка требует постоянных изменений в композиции материала.

Кроме того, «Новая Бурятия» использует максимально короткие анонсы, которые либо сообщают о произошедшем: «Определились претенденты на пост главы Бурятии», либо выполняют номинативную функцию, т.е. ограничиваются обозначением темы публикации: «Казак Петлин и торговля с Китаем». Реже встречаются анонсы с явной оценкой («Скандалы – стиль Минкультуры РБ»).

В «Номере один» ситуация иная. В содержании практически всех анонсов присутствует агрессия. Условно каждый анонс можно разделить на «заголовок» и «лид»: «Банкоматы-мошенники отбирают последнее. Семья улан-удэнцев лишилась 30 тысяч, с. 13». «Лид» набран курсивом и выполняет функцию пояснения, аргументации агрессивного посыла. Это позволяет газете наиболее полно реализовывать смыслы анонса.

В анонсе «Некачественные экстрасенсы. Колдуньи и гадалки Улан-Удэ не справляются со своей ролью. «Номер один» провел контрольную закупку, с. 13» (№ 17 от 2 мая 2012 г.) основной «заголовок» «Некачественные экстрасенсы» содержит интригу. При ознакомлении с этим сообщением у читателя возникает непонимание: что подразумевается под «некачественным экстрасенсом». Обычное понимание «некачественного» (товара, продукции) вызывает у аудитории ассоциативный ряд со сферой торговли: с плутоватыми продавцами, с просроченной или «левой» продукцией. «Лид» подтверждает догадки читателя: авторы этой публикации сравнивают услуги «колдунов и гадалок» со сферой торговли: «“Номер один” провел контрольную закупку». Налицо функция пояснения.

Те же отношения между «заголовком» и «лидом» наблюдаются и в других анонсах этого номера: «Владимир Матханов объявил войну пьянству. Школам республики строго рекомендовали не отмечать выпускные, с. 4»; «Наказаны за неспортивное поведение. Агентство по спорту уличили в сговоре при госзакупках на миллионы рублей, с. 11»; «Выборы президента Бурятии пройдут осенью. Республику ждет горячее лето, с. 5».

Но это не единственная возможная модель смысловых отношений, возникающих между «заголовком» и «лидом». В том же выпуске от 2 мая 2012 г. находим анонс, не подчиняющийся исключительно пояснительной логике: «Как не разориться по счетчику. Следить за потреблением воды и тепла в домах придется с применением полиции, с. 17». Как видим, «лид» в данном случае призван не столько прояснить, сколько добавить интригующих деталей в какое-то событие, связанное с потреблением «воды» и «тепла». Эту связь «заголовка» и «лида» можно обозначить как «добавление интригующей детали». Подобным характером смысловой связи обладают анонсы: «Взрослая неожиданность. Президент Бурятии внезапно определился с первым зампредом будущего кабинета министров, с. 5» (№ 3 от 25 января 2012 г.); «Хурал прикрылся судами. Продлить себе жизнь депутатам помогли юридические уловки и отставка председателя Конституционного суда, с. 5» (№ 7 от 22 февраля 2012 г.); «Слепая альпинистка поднялась на Мунку-Сардык. Девушка сопровождала воспитанников детского дома в походе» (№ 18 от 9 мая 2012 г.); «Сити-менеджера отменяют. Дураки и политиканы остаются у власти? с. 5» (№ 22 от 6 июня 2012 г.); «Кривой эфир. Цифровое телевидение в Бурятии повернули к Москве передом, а к людям задом, с. 14» (№ 29 от 25 июля 2012 г.) и др. Главным отличием таких анонсов является неясность, загадочность сообщения, которые должны сняться в результате обращения к основному тексту публикации.

«Интригующие» «лиды», таким образом, имеют несколько иные цели, нежели «поясни-

тельные». Они стремятся вызвать у читателя любопытство либо игрой слов, либо неожиданным заявлением, которые требуют пояснения и за которым необходимо обратиться к основному тексту публикации. Однако, как видим, по сравнению с «пояснительными» «интригующих» анонсов немного. Специфика издания, которое отбирает для своих публикаций в основном материалы с ярко выраженным конфликтом, не требует от таблоида какой-то особой работы над анонсом, поэтому «Номер один» ограничивается в основном информированием о своих публикациях.

В этом смысле интересен «интригующий» анонс «За тушение пожаров – штраф. Почему лесные пожары в Бурятии приобрели масштабы катастрофы? с. 6» (№ 20 от 23 мая 2012 г.). Налицо два утверждения, не связанных друг с другом. Поэтому может возникнуть ощущение, что перед нами уже знакомая «интригующая» детализация. То есть данный анонс стремится вызвать любопытство читателя. Однако на поверку оказывается, что перед нами инверсия анонса: в «заголовке» содержится сообщение, которое должно быть в «лиде» и наоборот. Ответ на вопрос «лида» – в «заголовке». Почему лесные пожары в Бурятии приобрели масштабы катастрофы? – Потому что за тушение пожаров введен штраф. Таким образом, перед нами информационный материал «поясняющего» анонса, переставленный для достижения эффекта «интригующего» анонса.

Обратим внимание на тот факт, что среди анонсов «Номера один» встречаются такие, в которых присутствие «лида» избыточно. Чаще всего, такие анонсы не содержат агрессии, а всего лишь информируют о каком-либо факте, достойном внимания читателя: «Спортбары Улан-Удэ готовы к Евро-2012. Болей за наших, с. 31» (№ 22 от 6 июня 2012 г.). Как видим, в данном случае «лид» содержит призыв, который не несет в себе функцию информирования или формирования какой-либо важной установки. «Болей за наших!» – всего лишь ссылка на дискурс болельщиков. В действительности общественно-политическое издание «Номер один» далеко от футбольной тематики федерального уровня, поскольку это издание предназначено информировать аудиторию Бурятии о событиях, произошедших в республике. В данном случае «лид» – всего лишь следование модели анонса, которую исповедует газета.

Важнейшим фактором восприятия анонса является опора на контекст. Для несведущего читателя анонс «Никто не хотел умирать. Народный Хурал принял закон о политическом фильтре, с. 6» (№ 26 от 4 июля 2012 г.) вызовет больше вопросов, чем ответов. Ведь данный анонс опирается на сформированный специфический дискурс «Номера один». Оперирование нарочито «громкой» эмоциональной лексикой («Никто не хотел умирать»), смешанной с иронией, является стилистической чертой газеты. Поэтому мы можем говорить о некоем стилистическом контексте, который влияет на восприятие анонсов.

Другая разновидность контекста, влияющего на восприятие анонса, это контекст тех публикаций, которые к моменту возникновения анонсируемого материала уже прошли в СМИ: иначе говоря, это информационный контекст: «Чартерный самолет для поросят. 1400 хрюкающих пассажиров прилетели на “Боинге” в Бурятию» (№ 27 от 11 июля 2012 г.). Публикации об открытии нового свинокомплекса в Бурятии проходили в печатных СМИ в 2011 г. Поэтому анонс о «хрюкающих пассажирах» явился для аудитории вполне информативным.

Таким образом, место анонса в таблоидном дискурсе является определяющим. Если его основная цель – привлечение внимание читателя, то анонсы представляют его жанровое воплощение. Можно сказать, что в «чистом» виде в текстах СМИ он встречается только в анонсах. Сами же журналистские материалы сосредоточивают в своих текстах еще и иные дискурсы – новостной, проблемный, персонифицированный. Суммируя анонсную часть таблоидного дискурса, выделим следующие его черты:

- анонсы – наиболее агрессивная часть таблоидного дискурса издания (являются его «ядром»);
- содержание анонсов может не совпадать с содержанием анонсируемых текстов (так, таблоидный дискурс вступает в конфликт с нетаблоидными);
- анонсы способны дублировать композицию новостных материалов (в «Номере один» каждый из анонсов состоит из «заголовка» и «лида»);
- на восприятие анонсов могут влиять различные контексты (нами рассмотрены стилистический и информационный).

Особенности анонсов газеты «Номер один» как ярко выраженного таблоида включают в себя следующие стилистические особенности:

- агрессия анонса достигается за счет ярко выраженных конфликтных минитекстов;
- в основном в газете представлены «пояснительные» и «интригующие» анонсы (причем первых в несколько раз больше, чем вторых);
- двухчастная структура анонсов в газете («заголовок» и «лид») позволяет изданию более конкретно моделировать воздействие анонса.

Литература

1. Куликова Е.В. Языковая специфика рекламного дискурса // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. – 2008. – № 4.
2. Сибиданов Б.Б., Борхонов Э.Л., Тармаханов А.К. Воздействие электронных СМИ в Бурятии: анализ контента. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.

Сибиданов Баир Борисович, доцент кафедры журналистики и рекламы Бурятского государственного университета, кандидат исторических наук. Тел.: +7-9148411191; e-mail: sibibair@mail.ru

Sibidanov Bair Borisovich, associate professor, department of journalism and advertising, Buryat State University, candidate of historical sciences.

УДК 070:316

© М.Н. Жорникова, В.В. Башкеева

Общество, власть и бизнес в газете «МК в Бурятии»: результаты контент-анализа

В статье рассматриваются особенности освещения общественной, экономической, политической проблематики в газете «МК в Бурятии».

Ключевые слова: Московский комсомолец, общество, власть, бизнес, контент-анализ.

M.N. Zhornikova, V.V. Bashkeeva

Society, power and business in the paper «The MK in Buryatia»: results of content-analysis

Peculiarities of considerations of social, economical and political problems in the regional paper «The MK» in Buryatia» is the theme of this article.

Keywords: Moskovsky komsomolets, society, authority, business, content-analysis.

Газета «МК в Бурятии» («Московский комсомолец» в Бурятии) является региональным еженедельником, который уже давно функционирует в пространстве СМИ Бурятии. Он публикует как информационные и аналитические блоки, так и разделы, граничащие с бульварностью, рассчитанные на широкие массы читателей, позволяющие обслуживать разные слои населения и тем самым привлекать широкий круг рекламодателей. Данное издание, конечно же, взаимодействует с другими региональными изданиями в плане прежде всего политической вертикали [Сахаровская, 159]. Отсюда важно понять, какова оценка понятий «общество», «власть», «бизнес» в данном издании.

Основная задача статьи – выявление и оценка особенностей функционирования категорий «общество», «власть», «бизнес» в газете «МК в Бурятии». Материалом для анализа стала ограниченная выборка, взятая из большого массива информации за 2011 г., включающего совокупность всех текстов (газетные статьи, заметки).

В выбранных номерах газеты «МК в Бурятии» были рассмотрены все статьи и заметки, кроме досуговых (гороскопы, сканворды, анекдоты и др.). Особо отмечались материалы, которые содержательно или на уровне смысловых сигналов соответствовали тематике «Общество. Власть. Бизнес». Всего было проанализировано 1070 статей.

2011 г. был выбран в некотором смысле произвольно, так как для задач нашего исследования любой год в сложившемся и зарекомендовавшем себя определенным образом издании является репрезентативным. Л.Н. Федотова, кстати, отмечает, что вопрос временных границ – это воля самого исследователя [Федотова, с.113]. Для данной работы границы генеральной совокупности были определены в диапазоне с 12 января по 19 октября 2011 г., т.е. за 10 месяцев (42 номера). Выборочной совокупностью стал 21 номер газеты (каждый второй номер), метод выборки – механический, с шагом 2. Это обусловлено не только доступностью единиц наблюдения, но также возможностью изучить данный объем газетного материала печатного СМИ «МК в Бурятии» в короткий срок до начала предвыборной агитации, когда в прессе будет наблюдаться явный перевес политической проблематики.

После определения хронологического периода возникла необходимость в отборе смысловых единиц, которые являются единицами счета. Ключевыми смысловыми единицами являются публикации на тему общества, власти, бизнеса. Вспомогательными единицами будут понятия, выраженные в терминах «общество», «власть», «бизнес». Например, в статье «Награждение непричастных» М. Гольдштейна (№ 9 от 23 февраля 2011 г.) отражена тема власти, а в статье С. Белобородова «Байкалфарм подписал соглашение с Красноярским краем» в том же номере употреблен термин «общество», хотя в публикации речь шла о бизнесе.

Раскрывая особенности отражения проблематики «общество, власть, бизнес» в газете «МК в Бурятии», мы учитывали, чью позицию отражал изложенный материал: ведомственную, общегражданскую, когда автор выступает с позиции общепринятых ценностей; личностную или смешанную, при которой в статье сочетаются две и более указанных позиций. Ра указанный период общество, власть и бизнес оценивались в газете «МК в Бурятии» преимущественно с позиции определенных ведомств и госструктур (28% материалов). Эта позиция для нас не релевантна, так как предполагается, что в ее рамках заведомо поддерживаются изучаемые понятия.

Общегражданская (21%) и личностная (24%) позиции количественно на 2-м и 3-м месте, но совокупно, с учетом проявленной в них отрицательной оценки общества, власти и бизнеса, они преобладают в газете. Материалов, отражающих национальные позиции, в изучаемых номерах всего 15%, смешанную позицию отображают 11%. Таким образом, газета «МК» в Бурятии», негативно оценивая власть, бизнес и происходящие в обществе процессы, представляет свою оценку с точки зрения прежде всего общегражданских и личностных позиций.

Для эффективности контент-анализа в ходе соответствующей процедуры была составлена таблица характеристик для отдельного номера газеты, отражающая основные критерии оценки.

Таблица

Характеристики и основные критерии оценки материалов «МК» в Бурятии» (№ 3 от 12-19 января 2011 г.)

Всего материалов	В какой сфере готовился материал	Как оценивается процесс в материале	Какие формы аргументации преобладают в материале	Какую позицию отражает материал	Используются ли стереотипы и штампы	Жанр материала	Кто является автором материала	Наличие контрольных терминов, всего
53	Соц. 25 (47,2%) Полит. 10 (18,9 %) Эконом. 10 (18,9 %) Пр. 8 (4,2%)	Положит. 19 (35,9 %) Отриц. 22 (41,5 %) Нейтр. 12 (22,6 %)	Фактологич. 28 (52,8%) Смешан. 25 (47,2 %)	Нац. 8 (15,1 %) Личн. 13 (24,5 %) Ведомст. 15 (28,3 %) Общегражд. 11 (2,8%) Смешан. 6 11,3 %)	Да 25 (47,2 %) Нет 28 (52,8 %)	Информ. 39 (73,6 %) Инф.-аналит. 13 (24,5 %) Худ.-публ. 1 (1,9 %)	Корр. газеты 35 (66,0 %) Ред. газеты 4 (7,5 %) Инф. агентства 13 (24,5 %)	«общество» – 2 «власть» – 28 «бизнес» – 8

По итогам контент-анализа двадцати одного номера газеты «МК в Бурятии», который был осуществлен по схеме, рассмотренной выше, можно сделать следующие выводы.

В целом в газете преобладают информационные материалы (это наблюдается в 100% номеров газеты), что позволяет отнести данный региональный еженедельник к информационным изданиям.

Большинство материалов газеты «МК в Бурятии» касается социальной сферы, в среднем 53% от общего количества рассмотренных материалов. Материалов, в которых освещаются бизнес и власть, – 12 и 22%. Соотношение может быть представлено в виде диаграммы (рис. 1).

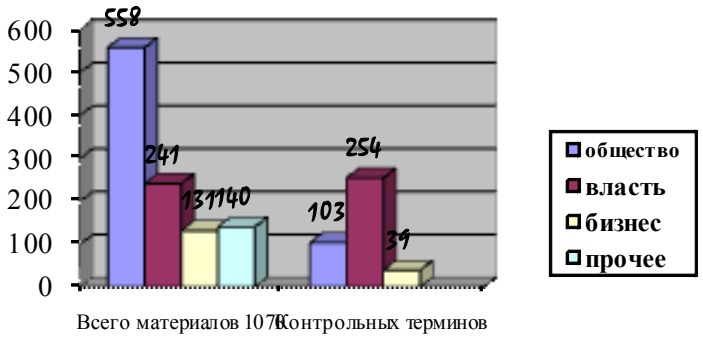


Рис. 1. Социальная, политическая, экономическая проблематика в «МК» в Бурятии»

Диаграмма дает также представление о частотности использования контрольных терминов и позволяет сделать вывод о преобладании контрольного термина «власть» в общем количестве публикаций, тогда как в материалах о социальных проблемах практически не используется термин «общество». Между тем тематика «общество» в целом преобладает (во всех исследуемых номерах). Все рассматриваемые категории «общество», «власть» и «бизнес» в газете «МК» в Бурятии» оцениваются в целом отрицательно (75%). Данный факт может объясняться как стремлением привлечь читателя демонстрацией оппозиционного настроя и негативной оценкой действий властей, так и заказным характером материалов.

Анализ количественного соотношения материалов, соответствующих тематике «общество, власть, бизнес», показал, что свои предпочтения издание «МК» в Бурятии» отдает общественной проблематике. Проблемно-тематическая линия власти отходит на второй план, а интересы и проблемы бизнеса освещаются в наименьшей степени. При этом контрольный термин «власть» абсолютно преобладает в общем количестве публикаций, тогда как материалы о социальных проблемах практически не используют термин «общество».

Издание ориентируется на массового читателя, что, скорее всего, объясняет достаточно большую долю материалов с использованием речевых штампов (58%), которые понятны абсолютному большинству, способствуют образному восприятию информации, делают ее более доступной и привлекательной для рекламодателей.

Литература

1. Сахаровская Л.В. История становления и развития национальной печати в Бурятии (1923-2006 гг.). – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009.
2. Федотова Л. Н. Анализ содержания – социологический метод изучения средств массовой коммуникации. – М.: Ин-т социологии РАН, 2001.

Жорникова Мария Николаевна, старший преподаватель кафедры зарубежной литературы Бурятского госуниверситета, кандидат филологических наук. Тел.: (3012)445785; e-mail: jornikova@yandex.ru

Zhornikova Mariya Nikolaevna, senior lecturer, department of foreign literature, Buryat State University, candidate of philological sciences.

Башкеева Вера Викторовна, профессор кафедры русской литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук. Тел.: (3012)210591; e-mail: oaelun@mail.ru

Bashkeeva Vera Viktorovna, professor, department of Russian literature, Buryat State University, doctor of philological sciences.

УДК 070(571.54)

© *Л.В. Сахаровская*

Возникновение и развитие газетной прессы на бурятском языке в Бурятии в 1923-1930-е гг.

В статье раскрываются причины возникновения и особенности развития газетной прессы на бурятском языке в Бурятии в 1923–1930 гг. Изучение ранее недоступных источников, комплексный научный подход позволили рассмотреть газетную периодику на бурятском языке как целостный объект, создание и развитие которого обеспечивалось за счет внутренних факторов, и как субъект, испытывавший влияние внешних – идеологических и общецивилизационных факторов, динамику их взаимодействия и взаимовлияния.

Ключевые слова: Бурятия, история, газетная пресса, бурятский язык.

L.V. Sakharovskaya

Origin and development of newspapers in the Buryat language in Buryatia in the 1923-1930's

The article reveals the causes of origin and peculiarities of newspapers development in the Buryat language in Buryatia in the 1923-1930's. The study of previously inaccessible sources, complex scientific approach made it possible to consider the newspapers in the Buryat language as an integral object. Its establishment and development were provided by inner factors and at the same time it was considered as a subject which was influenced by external – ideological and general civilization factors, by dynamics of their interaction and mutual influence.

Keywords: Buryatia, history, newspaper press, the Buryat language.

В истории национальной печати Бурятии уникальным, но малоизученным является начальный этап ее зарождения, создания и развития на бурятском языке в 1923-1930-е гг. Появление местной советской периодики произошло при решающем влиянии внешних общецивилизационных и идеологических факторов и только в меньшей степени явилось результатом внутрен-

него развития региона. Логическая цепь в Бурятии развернулась следующим образом: возникновение прессы – создание национальной письменности – становление книжной печати – распространение массовой грамотности.

Такой сценарий зарождения национальной печати во многом определил особенности исторического развития газетной периодики Бурятии в последующие годы. Изучение своеобразного опыта преломления в республике общих закономерностей возникновения и развития прессы является актуальным. Это поможет определить специфические черты истории становления и развития местной прессы, и на этой основе – выявить современные тенденции ее развития.

В данной статье представлены результаты исследования, целью которого являлась реконструкция причин возникновения и особенностей развития газетной прессы на бурятском языке в Бурятии в контексте исторических событий первой четверти советского XX в. В исследовании автор опирался на современные методологические подходы в изучении истории национальной печати, сформулированные в трудах Р.П. Овсепяна, Б.И. Есина, О.Д. Якимова, Ф.Т. Кузбекова, Л.В. Сахаровской, Д.Ц. Намжиловой и др. [Овсепян, с. 88; Есин, с. 46; Якимов; Кузбеков, с.144; Сахаровская, 2009, с. 38-105; Намжилова, с. 104].

В работе были использованы источники, большая часть которых являлась ранее недоступной или малодоступной для исследователей. Из них базовыми были уцелевшие номера газет, выходившие в 1920-1930-е гг. полностью на бурятском языке – на базе газеты «Шэнэ байдал» стала издаваться «Буряад-Монголой үнэн». Вероятно, большая часть номеров газет на бурятском языке, содержавшая печатные материалы «...злейших врагов масс-контрреволюционеров...» была уничтожена по решению ЦК ВКП(б) Бурятии в 1925 г. (Национальный архив РБ (далее – НАРБ), ф. Р-45, оп. 1, д. 2, л. 30). Директивы и инструкции ЦК ВКП(б), постановления Бурятского ЦК ВКП(б) позволили проследить этапы становления организационной, материально-технической и редакционной базы газетной периодики.

Отдельные источниковедческие сведения были выявлены в публикациях Л.В. Сахаровской [Сахаровская, 2013, с. 144] и И.В. Демидовой [Демидова, 2009, с. 46]. Особую ценность монографии Л.В. Сахаровской придает наличие сведений из личного архива начальника Управления по делам печати при Совете Министров Бурят-Монгольской АССР А.И. Прохорова, в частности материалы опросов сотрудников первых бурятских газет и специалистов печати.

Критический анализ источников позволил по-новому определить хронологические рамки исследования (1923-1930-е гг.) и в целом продолжить научное изучение истории периодической печати Бурятии, начатое в конце 1970-х гг. О.Д. Якимовым, а затем в 1990-х гг. Л.В. Сахаровской [Сахаровская, 1991, с. 68; 2001, с. 88]. По нашему мнению, характерные черты в развитии газетной периодики на бурятском языке прослеживаются до начала 1930 г. Во второй половине 1930 г. в результате изменения политико-идеологического курса ВКП(б) и Бурятского ЦК ВКП(б) и задач печати наступил новый этап в истории газетной периодики Бурятии.

Предпосылки для создания газетной периодики на бурятском языке в Бурятии сложились в первой четверти XX в. Внутренним условием их появления стал рост культуры и образованности на основе бурятской письменности среди управленцев, представителей духовенства, зажиточных кочевников. Удовлетворение возросших информационных и культурных потребностей бурятской элиты происходило за счет достижений бурятской культуры (литература, пресса).

В то же время большая часть местного населения Бурятии была неграмотной. Распространение социальной информации (нередко в форме слухов) осуществлялось на родном языке при помощи своеобразного института устной информации, который в народе называли «хэлэ-хэлэ» (сказали-сказали). Отсюда – значимость в традиционной культуре Бурятии посредников в передаче информации (хэлэшэ – разносчик новостей) и в целом слухового ее восприятия.

Решающими для создания и последующего развития газетной прессы стали социально-политический и идеологический факторы. Образование в 1923 г. Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики выдвинуло задачу объединения местного населения посредством его регулярного информирования, формирования общественного мнения в поддержку проводимого политического и экономического курса. В то же время идеологические задачи советской национальной и внешней политики, определили активное участие СССР не только в международных, но и во внутриполитических делах молодого государства. Распространение советского влияния в Бурят-Монгольской АССР осложнялось традиционно сильными монголофильскими предпочтениями национальной элиты. Монголия была ближе бурятам по культуре и религии.

В условиях географической изолированности и труднодоступности региона руководство СССР

и Коминтерна видели решение задач партийно-идеологического и культурного просвещения населения в создании местной газетной периодики на бурятском языке. Этот вывод – результат анализа рекомендаций Коминтерна, Сибирского бюро ЦК РКП(б) местным партийным организациям, а также отчетов представителей Коминтерна о своей работе в Бурятии.

Идеологическое влияние в первую очередь осуществлялось через Русскую самоуправляющуюся трудовую деятельность, объединившую в 1922 г. русских граждан Бурятии. Здесь в сентябре 1923 г. совместными усилиями членов полномочной комиссии ЦК ВКП(б), работников исполкома и Бурревкома и Бурбюро РКП(б) была выпущена первая в Бурятии газета «Бурят-Монгольская правда». Под влиянием этого события в 1923 г. Бурревком принял первое решение о создании своей газеты «Буряад-Монголой үнэн» (НАРБ, ф. Р-45, оп. 1, д. 37, л. 44) и в течение года шла подготовительная работа по ее изданию (НАРБ, ф. Р-45, оп. 1, д. 232, л. 11).

Надо отметить, что редакции первых бурятских газет находились под влиянием более опытных журналистов «Бурят-Монгольской правды» и опирались на их помощь. Поэтому в определении статуса, структуры редакции, принципов ее оформления и содержания бурятской газеты перенимали советский опыт. Главным в организации работы редакции стал принцип коллегиальности. В качестве элемента поддержки (и в то же время контроля) в состав редколлегии газеты был назначен советник. 26 октября 1923 г. Бурбюро утвердило редколлегию в составе М.И. Амагаева (редактор, председатель ЦИКа, глава республики), впоследствии редакторами газеты были И.Д. Дампилон, И.Д. Дондубон, Г.И. Бельгаев и Ц.О. Очиров.

10 октября 1923 г. вышел первый номер газеты на бурятском языке с эпиграфом «Пролетарии всех стран объединяйтесь!». Газета была небольшого размера (чуть больше листа размером А-4) тиражом 500 экземпляров. Следует отметить, что одной из особенностей «Буряад-Монголой үнэн» являлось то, что с самого начала она зародилась как массовая крестьянская газета. Она печатала материалы, написанные на доступном и понятном для малограмотных крестьян языке. Учредителем газеты был определен Бурятский обком партии [Сахаровская, 2009, с. 60].

Характерной деталью оформления заголовка газеты является наличие рисунка, дополняющего название газеты. Этот рисунок в отличие от своеобразного названия газеты станет идеологическим визуальным штампом в оформлении местных периодических изданий и стенных газет с 1924 г. С одной стороны, рисунок символизирует идею поддержки (покровительства) Советским Союзом бурятской республики, с другой, служит ориентиром для выбора СССР в качестве единственного возможного союзника. Размещение рисунка выглядит хорошим средством для привлечения внимания к газете бурятского населения, традиционно обладающего художественным восприятием окружающего мира. И что не менее важно для ее создателей – идеологический смысл рисунка был понятен даже неграмотному человеку. Основное содержание первого номера, по данным И. Дампилона, составили приветствия в честь выпуска газеты и переводные материалы из московских газет (НАРБ, ф. Р-45, оп. 1, д. 44, л. 26).

Газета «Бурят-Монголой унэн» по причине финансовых трудностей, отсутствия качественного типографского оборудования, совместительства членов редколлегии на партийной и правительственной работе в течение года выходила с большими перерывами. Тиражи газеты в 300-500 экземпляров рассылались бесплатно по комитетам партии, учреждениям, аймачным (районным) и сельским правлениям (НАРБ, ф. Р-45, оп. 2, д. 5, л. 22). Это не соответствовало идеологическим задачам, поставленным советским руководством при создании газетной периодики в Бурятии.

Вопрос об активизации и улучшении работы национальных печатных органов был отражен в докладе агитационно-пропагандистского отдела Бурятского обкома партии от 24 февраля 1925 г. «О состоянии периодической прессы в республике» и принято решение: укрепить редакцию газеты «Буряад-Монголой үнэн» партийными органами, усилить руководство селькоровским движением, издать массовую крестьянскую литературу, срочно выполнить полиграфическому предприятию заказы Буриздата и отпустить Буриздату на переоборудование типографии 20 тыс. р. Во втором полугодии 1925 г. были проведены комплексные мероприятия, способствовавшие улучшению газетного дела в Бурятии на новой графической основе [Сахаровская, 2009, с. 56]. Важными мерами в период подготовки издания газеты стало обучение членов партии и активистов из молодежи на внутренних краткосрочных курсах и в учебных заведениях Монголии и СССР.

Следует отметить, что по причине несовершенства национальной бурятской письменности и наличия в Бурятии людей, владевших монгольским письмом, газета иногда выпускалась на монгольском языке. Были приняты меры по модернизации полиграфической базы за счет заказа в СССР печатной машины, крупного шрифта, приглашения из Москвы опытного наборщика.

Из Москвы в Бурятию были направлены квалифицированные наборщики Т.Н. и М.Н. Шелковниковы (супруги). С целью приближения печати к национальному населению было предложено выделить специальные кадры помощников печати каждому партийному органу и установить сеть аймачных (сельских) корреспондентов (НАРБ, ф. Р-45, оп. 2, д. 7, л. 20).

Принятие этих мер позволило наладить периодический выпуск газеты, увеличить ее тираж до 1000 экземпляров, объем – до 4 страниц, а также в виде приложения к газете «Буряад-Монголой үнэн» в 1925 г. начал выходить двухнедельный орган обкома ВЛКСМ «Залуу малшан» («Молодой скотовод»). Для воспитания самого юного поколения в республике создавалась особая печать. Одной из важнейших задач культурной революции являлось школьное образование. В первом номере «Залуу малшан» прослеживается определенная структура оформления газеты. Она в своей основе не менялась до 1928 г. Заголовок газеты состоял из трех частей – названия, общих сведений о газете и краткого содержания номера, где указывались названия и авторы основных материалов. К примеру, в содержании первого номера «Залуу малшан» было указано пять материалов. И если сравнительный анализ показал наибольшее сходство внешнего оформления бурятской газеты с монгольской газетой «Үнэн» («Правда») за 1925 г., то структура внутреннего содержания имела много общих элементов с рекомендованными ЦК РКП(б) планами местных (губернских, уездных) газет (НАРБ, ф. Р-45, оп. 1, д. 14, л. 14).

Номер, как правило, открывался передовой публикацией, отражавшей политико-идеологические задачи текущего момента. Например, передовица первого номера называлась «О всеобщем собрании». Ее автор, член партии и сотрудник редколлегии А.И. Оширов информировал о повестке предстоящего собрания Бурбюро, а также работе членов партии по его подготовке. В рубрике «Зарубежная газета» на второй странице освещались новости в первую очередь о событиях в СССР, Монголии и Китае. На третьей странице помещались материалы об организационном и идейном становлении просвещения и идеологической работе с населением Бурятии. Последняя страница шла под рубрикой «Внутренняя газета». Содержание соответствовало ее названию – здесь размещалась информация о заметных событиях общественной жизни в Бурятии.

Авторами большинства публикаций «Залуу малшан» выступали члены редколлегии, руководители партии и правительства. Материалы носили в основном информационный характер (заметки, известия, выписки из резолюций, приветственных речей, телеграмм, объявления). По причине малограмотности авторов, отсутствия профессиональной подготовки, уровень этих публикаций был невысоким. Некоторые материалы перепечатывалась из газет «Правда», «Бурят-Монгольская правда», либо готовились советскими партийными работниками.

Основными точками распространения газеты оставались сельские ячейки и комитеты партии, городские организации, культурные учреждения и местные управления. По данным Л.В. Сахаровской, в них создавались «газетные кружки», в которых активистами и пропагандистами периодически устраивались коллективные чтения и разъяснения по газетным материалам [Сахаровская, 2009, с. 64].

1927 – начало 1930-х гг. – особый этап в становлении газетной периодики на бурятском языке. В это время была опубликована первая революционная концепция, положенная в основу деятельности и развития периодической печати. В дальнейшем, судя по вышедшим в 1927 г. номерам газеты «Буряад-Монголой үнэн», можно отметить, что облик газеты, ее внутреннее содержание и внешнее оформление приобрели свое неповторимое «лицо».

Мы склонны связывать эти нововведения с укреплением технической базы, кадрового состава печати, установлением взаимодействия газеты с читательской аудиторией и развитием самой газеты. Оборудование республиканской типографии позволило установить регулярный выпуск, увеличить формат и объем газеты до 6 страниц, улучшить качество ее полиграфического исполнения. Например, публикации специального тематического выпуска, посвященного В.И. Ленину, шли в сопровождении его фотографий. Первая и последняя страницы шестого номера газеты от 8 сентября 1927 г. были в цветном исполнении. К этому времени сложился постоянный авторский актив газеты с определенным опытом журналистской деятельности: Д. Дашинимаев, Ц. Дондубон, Мунко Саридак, Б. Базарон, Б. Тогмитов, Б. Абидуев и многие другие. Работники национальной прессы всегда встречали практическую помощь квалифицированных журналистов из газеты «Бурят-Монгольская правда», особо следует отметить Г. Мулакова, А. Якимова, И. Абрамовича (НАРБ, ф. Р-45, оп. 1, д. 32, л. 52).

Эффективность взаимодействия газеты с читателем заметно возросла, когда параллельно с работой первых корреспондентов на местах редколлегия стала публиковать обращения к населе-

нию, членам партии. Одно из таких обращений было дополнено важной преамбулой, которую можно считать первой сформулированной программой бурятской прессы. Содержательно это была революционная по духу программа, в которой говорилось: «…правильный путь бурятского народа после утверждения народной власти, создания своей республики и партии заключался в последовательном укреплении государственности посредством издания своих законов, развития партийной пропагандисткой работы. Для достижения этой цели «нашим хорошим товарищем» является печать (газеты и журналы). В заключение, в форме пожелания редакцией была верно сформулирована основная функция прессы и условие ее популярности – «народные массы, что они хотят – об этом подробно пишите и в любое время отправляйте...» (НАРБ, ф. Р-45, оп. 1, д. 46, л. 28).

Первые корреспонденты газеты и активисты партии приступили к распространению газет среди местного населения. Имеются сведения, что буряты покупали газеты, но так как среди них не было людей, которые бы смогли объяснить содержание написанного в газете материала, хранили их в сундуках. На практике единственным способом ознакомления нерусского населения с содержанием газет стала привычная форма ее устной передачи посредством пропагандистов, агитаторов Бурятского обкома партии и людей, знавших бурятский язык (НАРБ, ф. Р-45, оп. 1, д. 342, л. 46). На фотографии запечатлено коллективное чтение газет бурятам в Хоринском аймаке (1928) [http://www.tuva.asia/uploads/posts/2009-12/1260910460_chtenie-gazet-aratami.jpg].

Информация передавалась населению устно, но важно то, что с этого времени одним из действенных инструментов политической власти в руках ее посредников стали печатное слово и газета. «Когда появилась газета, люди не стали верить слухам. Если кто-нибудь скажет: “Говорят, там-то происходит то-то”, обязательно спросят: “А об этом газета писала?”», – вспоминал один из первых активистов «газетного кружка» Ц. Дондубон (НАРБ, ф. Р-45, оп. 2, д. 344, л. 34). Это свидетельствует о том, что среди бурятского населения сложилось иное (в отличие от устных сведений) отношение к официальной информации, распространяемой газетами. Эта информация приобрела особый легитимный статус.

Принятие указанных выше мер вместе с началом распространения газет среди нерусского населения содействовало постоянному увеличению доли внутренней информации, расширению географии ее новостей. Так, например, в № 6 от 8 сентября 1927 г. было опубликовано 15 заметок на местную тематику. Известия приходили не только с близлежащих, но и многих отдаленных поселений Тункинского, Закаменского районов. Наиболее актуальными были темы: работа правительства, партии и ревсомола, деятельность местных органов власти; экономическая политика правительства (новая тема – создание и развитие кооперации в Бурятии); культура (просвещение населения, обучение бурятов в СССР, семейно-брачные отношения, праздники, религия, положение бурятской женщины).

В освещении первых двух тем, по сравнению с предыдущим периодом, расширился спектр используемых информационных жанров: стали применяться такие, как доклад, отчет, коллективное обращение, некролог, опровержение. Значительное место в общем объеме газетных материалов занимала публикация решений съездов, пленумов Бурятского Обкома партии, Верховного Совета Бурят-Монгольской АССР, отчетов ведомств и учреждений республиканского, городского, сельского уровней. И это было закономерно. В условиях слабой издательской деятельности и, как следствие, недостатка печатной литературы газеты являлись единственными источниками информации о деятельности правительства и партии. Газеты стремились популяризировать передовой опыт партийных комитетов и ячеек в организации и проведении политико-идеологической и культурно-просветительной работы. Поэтому вполне понятно, что они использовались членами партии, работниками местных органов власти в качестве методических пособий в их повседневной работе.

Кроме того, чтение газет становилось одним из факторов социальной мобильности и средством политической социализации местного жителя. Из газеты можно было получить предварительную информацию о приеме в различные кружки (шахматный, драматический, физкультурный, швейный и др.), открытии новых культурных учреждений (клубы, красные уголки). Объявления о наборе на внутренние краткосрочные курсы обучения и советские учебные заведения обязательно размещались в газете.

Характерно, что отдельные материалы по вопросам культуры носили аналитический характер. Эти материалы были подписаны от имени населения («Один из многих») или шли под вымышленными именами (Жаргал, Красное знамя революции, Улан-Сюзнуд и др.). Получил распространение жанр критической заметки, а в 1930 г. в номере от 24 сентября появилась первая проблемная статья. Применение указанных жанров позволяло, на наш взгляд, отразить дискуссионный характер поднимаемых прессой акту-

альных в бурятском обществе вопросов религии и культуры.

На страницах газет публично осуждались партийные работники, представители местных органов власти, которые допускали соблюдение традиционных обычаев и обрядов. Они, как и многие буряты, вопреки новым законам о браке в вопросах семейно-брачных отношений придерживались традиционных норм, справляли религиозные обряды. Эти публикации, например в номере от 12 октября 1930 г., отразили противоречия переходного этапа в развитии бурятской культуры, вызванные распространением революционной идеологии, введением новых социальных порядков. Судя даже по количеству примеров и обращений газет к данным темам, буддизм и шаманизм продолжали играть важную роль в общественно-политической жизни Бурятии и определяли менталитет ее жителей в 1920-е гг.

Показательно, что и во внешнем оформлении газеты отразилось главное противоречие того периода. Заголовок и содержание газет дополнялись декоративными элементами – рисунками, орнаментами и символами, сочетание которых было неповторимо для каждого номера. Их размещение, видимо, преследовало цель облегчить восприятие читателем материалов, так как структурировало бурятский текст. Интересно то, что в революционной по содержанию бурятской газете иногда использовались религиозные символы и знаки. Заголовки публикаций помещались в рамки, а в качестве разделителя текста между ними использовались две параллельные черточки (*шат*). Этот элемент из религиозной тибетской печатной традиции означал конец текста.

В заключение следует подчеркнуть, что решающими для создания и последующего развития газетной прессы на бурятском языке стали социально-политический и идеологический факторы. Формирование и последующее изменение ее структуры в меньшей степени подчинялось внутренней логике развития, а в основном исходило из задач, продиктованных большевистской идеологией и осуществляемой культурной революции в Бурятии. Однако создание, функционирование и в определенной степени развитие прессы на бурятском языке обеспечивались за счет внутренних факторов – задач развития информационной политики молодого государства и социокультурных потребностей представителей национальной интеллигенции, нарождающейся партийной элиты. Именно они выступили первыми журналистами и читателями газет. Их традиционное миропонимание проявилось в применении иногда религиозной символики в оформлении революционных по содержанию газет. Через грамотную прослойку буряг и с помощью адаптации привычных и устойчивых механизмов устной передачи информации происходило эпизодическое распространение газет среди населения. С помощью газет нерусское население вовлекалось в общественно-активную публичную деятельность, приобщалось к достижениям цивилизации, в том числе расширяло свой кругозор, так как пространственный охват транслируемой информации был весьма широким (СССР, Монголия и другие страны). Печатное слово стало важным фактором формирования национального и патриотического сознания бурятского населения республики.

Литература

1. Демидова И.В. Периодическая печать: социально-экономическое и культурное развитие Бурятии (1923–1937 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2004.
2. Есин Б.И. Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). – М., 1981.
3. Кузбеков Ф.Т. Становление средств массовой информации Башкортостана и развитие этнической культуры башкир (XIX в. – 30-е гг. XX в.) – Уфа, 2001.
4. Намжилова Д.Ц. История периодической печати Бурятии (вторая половина XIX в. – 1937 г.). – Улан-Удэ, 1999.
5. Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики (февраль 1917 – 90-е гг.). – М., 2005.
6. Сахаровская Л.В. История становления и развития национальной печати в Бурятии (1923-2006 гг.). – Улан-Удэ, 2009.
7. Сахаровская Л.В. Издательско-печатная деятельность и ее роль в культурном развитии Восточной Сибири XIX–XX вв. – Ч. 1. – М.: Изд-во нач. б-ки ГАН, 2013.
8. Сахаровская Л.В. Полиграфия в Бурятии: история и проблемы (1923-1999 гг.). – Улан-Удэ, 2001.
9. Якимов О.Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. – Новосибирск, 2000.
10. Якимов О.Д. Формирование системы многонациональной печати автономных государственных преобразований и ее развитие в условиях обновления Советской федерации (на материалах печати Сибири и Дальнего Востока 1917-1990 гг.): дис. … д-ра ист. наук. – М, 1991.

Сахаровская Людмила Васильевна – старший преподаватель кафедры журналистики и рекламы Бурятского государственного университета, кандидат исторических наук. Тел.: +7-9146325425; e-mail: saharovsk@mail.ru

Saharovskaya Lyudmila Vasilevna – senior lecturer, department of journalism and advertising, Buryat State University, candidate of historical sciences.

УДК 070.13(571.54)

© ***Б.Б. Шагдарова***

Цензура в Бурятии в 1930-е гг. и ее взаимодействие с прессой

Автор обращается к истории становления и развития цензурного органа в Бурятии, рассматривает его влияние на развитие местной печати в 1930-е гг., когда он окончательно монополизируется партийными органами, приобретает всепроникающий характер.

Ключевые слова: цензура, политический контроль, периодическая печать Бурятии, революционная бдительность.

B.B. Shagdarova

History of censorship in Buryatia in the 1930's and its interaction with press

The author adverts to history of formation and development of censorship authority in Buryatia, he considers its influence on local press evolution in the 1930's, when it was completely monopolized by party organs and attained pervasive nature.

Keywords: censorship, political control, periodic of Buryatia, revolutionary vigilance.

История отечественной цензуры изучается исследователями в прямой взаимосвязи со свободой журналистского творчества. В России взаимодействие цензуры и журналистики всегда носило непримиримый характер. В данной статье мы обратимся к истории становления и развития советского цензурного органа в Бурятии и его влиянии на развитие местной периодической печати. Рассматриваемый период приходится на 1930-е г., когда в СССР окончательно сложился инструмент политико-идеологического контроля за прессой, орган цензуры – Главлит. В дальнейшем над средствами массовой информации и пропаганды устанавливается плотная завеса контроля и ограничений, повлекших за собой снижение потенциала достоверности в изложении событий или в описании политической и психологической атмосферы в стране. Установившийся тоталитарный режим и наступление культа личности И.В. Сталина лишили информационное пространство страны плюрализма и гласности. В этот период цензура окончательно монополизировалась партийными органами и стала эффективным орудием защиты тоталитарной системы. Более того, она получила всепроникающий характер.

Предпосылки этого процесса наблюдались уже в первые годы советской власти, когда политическая цензура была оформлена в структуре Наркомпроса. Еще в 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов РСФСР была принята Конституция, в которой ограничения на гражданские свободы, в том числе свободу слова, обосновывались действиями во имя трудящихся, большинства народа. Свобода слова и печати предоставлялась только части населения страны – рабочим и крестьянам. О сущности большевистской цензуры писал в своей статье «Свобода книги и революция» А.В. Луначарский, бывший в 1920-е г. Наркомом Просвещения РСФСР. Им, в частности, отмечалось, что «цензура – это нечто, присущее упорядоченной социалистической жизни».

В 1922 г. СНК РСФСР издал Декрет об учреждении единого цензурного органа в стране. В тексте декрета говорилось, что «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений учреждается Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) при Народном Комиссариате Просвещения и его местные органы при губернских отделах народного образования». Тогда же было определено, что от предварительной цензуры свободны издания Коминтерна, вся партийная печать, издания Госиздата, Главполитпросвета, а также научные труды Академии наук. Однако в 1931 г. политико-идеологический контроль был ужесточен и все «освобожденные» издания стали подвергаться предварительной цензуре.

В Бурятии до 1923 г. цензура была оформлена в структуре Дальлита, отдел которого существовал здесь с 1920 г. За этим цензурным органом были закреплены широкие полномочия по контролю за печатью. В дальнейшем его правопреемником стало Бурлито, созданное в период выделения Бурят-Монголии в автономную республику. В 1924 г. во главе Бурлито официально был назначен цензор Попов. Он занимался всеми видами цензуры. В аймаках и районах республики за неимением штатных работников Бурлито их функции исполнялись заведующими отделами народного образования. По мере разворачивания цензуры на местах требования к уполномоченным все возрастали. Видимо, этим объясняется появление из-под пера цензора секретного рапорта на имя секретаря Бурбюро РКП(б), в котором Попов выражает озабоченность тем, что «все они (уполномоченные Бурлито. – *Б.Ш.*) беспартийные, а такую работу, как цензура, нежелательно поручать, хотя бы в будущем, заведую-

щим районо. Дело цензуры является конспиративной работой» (НАРБ, ф. Р 803, оп. 1, д. 1, л. 5) [1]. В дальнейшем отмечалась слабая закрепляемость кадров на должности цензора Бурлито и причиной тому являлся большой объем работы, с которой цензоры не справлялись, поскольку зачастую не имели даже среднего образования. В целом же это стало следствием упущения и недостатков в кадровой политике союзного Главлита. В качестве серьезных упущений цензуры в Бурятии Бурбюро РКП(б) называло отсутствие цензора, владеющего бурятским языком. По этой причине контроль за литературой на национальном языке в первые годы существования Бурлито не имел регулярного характера, а поручался от случая к случаю разным лицам.

Координацией цензурной деятельности в Бурятии непосредственно занимался Иркутский областной орган ГПУ, в котором официально была выделена должность политического уполномоченного ОГПУ по Бурятии. В 1924 г. республиканские газеты по требованию областного ГПУ ввели у себя разрешительные визы. Однако на тот момент существовало общее положение, освобождавшее партийные и государственные газеты от цензуры. По этой причине цензор Попов в служебной записке в редакцию газеты «Бурят-Монгольская правда» о необходимости ввести разрешительную визу поясняет редактору Г.С. Мулакову, что, хотя партийные и государственные газеты от цензуры свободны, но для соблюдения общего порядка отныне нужно проставлять внизу газеты визу цензуры «Бурлит № 1». Складывающаяся таким образом ситуация не могла не указывать на то, что в недрах самих партийно-цензурных органов крепло желание усилить всемерный контроль за информацией и ужесточить ограничения. Очевидно и то, что редакторы газет не имели ни малейшей возможности влиять на этот процесс, поскольку циркуляры цензуры носили не рекомендательный, а обязательный для исполнения характер. Находящемуся в рассматриваемый период на должности редактора республиканской газеты «Бурят-Монгольская правда» Г.С. Мулакову приходилось непросто, потому что он не мог пренебречь требованиями цензуры, но сам характер требований напрочь лишал редакцию и ее сотрудников профессиональных ориентиров и творческой самостоятельности. Нередко от редактора газеты цензура требовала сообщать компрометирующие материалы на лиц, подавших заявления о вступлении в рабселькоровскую организацию (НАРБ, ф. 1П, оп. 1, д. 948, л. 104) [2]. Крайне непростым был для редактора шаг, связанный с введением предварительной цензуры для всех материалов газеты. После ряда циркуляров из Бурлито он был вынужден издать приказ № 59, который к тому же сопровождался предупреждением о том, что авторы газеты, не представившие свои материалы для предварительной цензуры, могут быть наказаны, вплоть до предания суду.

В 1926 г. из Областного ГПУ в Бурлито был направлен уполномоченный по цензуре Грикит. Тогда же была предпринята реорганизация органа политического контроля, повлекшая упразднение должности цензора – заведующего Бурлито. Одновременно в структуре Бурполитпросвета была учреждена должность политредактора Бурлито, которому предстояло координировать и направлять деятельность аймачных инспекторов по делам зрелищ и печати. Таким образом, политический контроль был оформлен в структуре Главполитпросвета, поэтому данный период в истории самой цензуры справедливо называют «наркомпросовским».

Прибывший из Иркутска Грикит (в архивных документах не указаны инициалы. – *Б.Ш.*) в должности политредактора Главполитпросвета приступил к энергичным действиям. Уже в одном из своих первых отчетов в высшие партийные инстанции республики он сообщает об обмене опытом с Главлитами Татарстана, Якутии, Читинским и Иркутским облкрайлитами, о прочном сотрудничестве республиканской цензуры с ОГПУ (НАРБ, ф. Р 293, оп. 1, д. 7, л. 18) [3]. Не менее активно им была развернута деятельность по урегулированию и контролю за выпуском религиозной периодической литературы. Получившие тогда повсеместное распространение циркуляры Главлита содержали предупреждение о том, что религиозные журналы ограничены исключительно вопросами догматического и религиозно-обрядового характера и в отношении них следует усилить внимание. В силу немногочисленности самих религиозных изданий, а также по причине отсутствия цензора со знанием бурятского языка цензура нередко не справлялась с возложенной задачей.

Совершенно иным по масштабу и характеру являлся политико-идеологический контроль за республиканскими газетами. Об этом ярко свидетельствуют документы служебной переписки, носившей секретный характер. Эта переписка между политредактором и редакторами республиканских газет носила в рассматриваемый период интенсивный характер и в основном состояла из циркуляров и обращений с требованием соблюдать революционную бдительность и политико-идеологическую выдержанность материалов. В отдельных циркулярах прямо указывались темы, которые по цензурным соображениям

были запрещены к опубликованию. К таким темам были отнесены вопросы, затрагивающие политику зарплат, норм исчислений на зарплаты, также строжайше запрещали публиковать статьи, связанные с финансовыми мероприятиями, суть которых заключалась в выдаче части зарплаты облигациями выигрышного займа (НАРБ, ф. 1П, оп. 1, д. 948, л. 109) [4]. Не допускались к опубликованию материалы о месте отдыха и лечения членов правительства. Редакции предупреждали, что по распоряжению М. Ягоды нарушившие цензурные требования газеты подвергнутся штрафу, а репортеры и фотографы – аресту (НАРБ, ф. Р 803, оп. 1, д. 7, л. 14).

В ходе переписки политредактора с редакторами газет обсуждались, помимо цензурных, вопросы иного содержания. К примеру, в письме политредактора от 2 марта 1927 г. содержится требование к редактору газеты «Бурят-Монгольская правда» Лескову предоставить текущие данные о количестве распространенных экземпляров газеты за учтенный период и указать причины падения тиража. В письменном ответе редактор газеты Лесков отмечает, что «по существу Вашего отношения: тираж не падает, а растет» (НАРБ, ф. Р 248, оп. 1, д. 9, л. 153). Из содержания этой краткой переписки видно, что на плечи политредактора была также возложена работа по анализу деятельности местной печати. В документах об этом также сообщается, что политредактор готовил для подотдела печати ОК ВКП(б) и ОГПУ регулярные сведения о состоянии республиканских газет. В одном из квартальных отчетов за апрель-июнь 1927 г. говорится о том, что объектами политического контроля и инспектирования являются 17 издательств республики, которым разрешена издательская деятельность. Общий объем их продукции насчитывал 198,95 печатных листа.

Регулярные отчеты о деятельности республиканских газет указывали на активную работу политредактора по выявлению промахов и ошибок в газетах, в ходе которой, возможно, имели место перегибы и чрезмерная бдительность. В качестве иллюстрации следует привести случай, связанный с очередной резкой критикой политредактора в адрес газеты «Бурят-Монгольская правда», которая опубликовала отзыв-рецензию о выступлении приезжих артистов. Дело заключалось в том, что газета авансом разрекламировала выступление артистов, которые на самом деле дали плохой концерт и были освистаны зрителями. Примечательно, что в ответ на критическое замечание редактор газеты решительно обратился к политредактору не вмешиваться во внутренние дела редакции. Подобные противоречия имели под собой объективные причины и служили следствием того, что в рассматриваемый период функции политического контроля были размыты и не обеспечены соответствующими нормативными документами. Негативная ситуация многократно усугублялась еще и тем, что в 1920-1930-х гг. происходило формирование и неоднократное реформирование цензурного органа РСФСР, осуществлялся пересмотр его полномочий [Кучмурукова, с. 79].

В 1930 г. был создан институт уполномоченных политредакторов союзного Главлита при государственных издательствах, состоящий из их заведующих или заместителей. В обязанности уполномоченных политредакторов Главлита входило осуществление «предварительного контроля как политико-идеологического, так и с точки зрения сохранности государственных тайн над всей выходящей в издательстве литературой и выдача разрешений на выпуск той или иной продукции после отпечатывания» [Кучмурукова, с. 79]. Уже через год, в 1931 г., в ОК ВКП(б) поступил циркуляр Главлита за № 570/с. В нем говорилось, что в связи с созданием института уполномоченных политредакторов союзного Главлита в Бурятии «принять срочные меры по закреплению на постоянную работу штатной единицы заведующего Бурглавлитом». В указанном циркуляре сообщалось, что на заведующего Бурглавлитом «Политбюро ЦК ВКП(б) и Главлит РСФСР возлагают особую ответственность, вплоть до придания их к суду за разглашение в печати не подлежащих к опубликованию сведений [Кучмурукова].

Указанные события положили начало превращению государственной (наркомпросовской) цензуры в сугубо партийный контроль над всеми процессами социальной, политической и культурной жизни страны. Это означало, что функции цензуры служили цели укрепления политической монополии партии.

Главлит РСФСР через местные органы создал систему ограничительных мер и надзора за печатью. Иными словами, он сконцентрировал в своих руках все виды цензуры. Главлит также был уполномочен выдавать разрешительные визы на издание нового журнала или газеты. В этой связи хотелось бы отметить, что введенный тогда разрешительный принцип учреждения средств массовой информации существовал в СССР вплоть до 1990-х г., до принятия Федерального закона России «О средствах массовой информации», которым был определен регистрационный принцип учреждения газет, журналов и аудиовизуальных средств массовой информации.

В период 1930-х гг. союзный Главлит страны

тесно взаимодействовал с Народным комиссариатом национальностей страны, осуществлявшим политико-идеологический надзор за изданиями на языках национальных меньшинств. По требованию Главлита 2 января 1934 г. СНК республики принял постановление № 1291, которым окончательно определялась структура цензурного органа республики – Бурглавлита. На местах, в районах и аймаках, были созданы аймрайлиты. Для осуществления предварительного контроля за предназначенными к опубликованию и распространению произведениями печати устанавливались должности уполномоченных политредакторов Бурглавлита. Политредактор при Бурятском государственном издательстве занимался контролем за печатной продукцией, выпущенной в типографии республики и подготовленной издательством. Уполномоченные политредакторы также появились в структуре Объединенного государственного газетного издательства, в республиканском Комитете по радиофикации и радиовещанию. Их назначение и отстранение было возложено на Наркомпрос. Однако в дальнейшем сотрудники Бурглавлита были введены в партийную номенклатуру.

На территории Бурятии к объектам Бурглавлита были причислены многотиражные, аймачно-районные и другие газеты периодичностью менее 15 номеров в месяц, а также журналы, не входящие в число изданий Бургосиздата (НАРБ, ф. Р 803, оп. 1, д. 7, л. 19). Работа по предварительной цензуре указанных изданий велась с большими упущениями и вскоре руководство Бурглавлита было вынуждено признать, что не справляется с возложенными задачами.

Продолжительное время должности уполномоченных политредакторов не были обеспечены кадрами. В течение ряда лет все функции уполномоченного политредактора Бурглавлита исполнялись Ч.О. Очироном практически в одиночку. К этому времени бывший политредактор Главполитпросвета Грикит был вновь отозван в Иркутск и назначен на должность начальника Восточно-Сибирского крайлита. Вопросы кадрового укомплектования Бурглавлита до конца 1930-х г. характеризовались остротой. В период массовых политических репрессий один из первых начальников Бурглавлита Ч.О. Очирон был арестован и репрессирован. Лишь в 1940-х гг. были окончательно решены организационные вопросы по обеспечению цензорами республиканских газет, радиокомитета и государственного издательства.

Во второй половине 1930-х гг. заметно ужесточились цензурные ограничения и требования сохранности государственных тайн в печати и на радио. На всех без исключения произведениях печати, издаваемых в РСФСР, должна была присутствовать разрешительная виза Главлита. Регулярно расширялся перечень сведений, составлявших государственную тайну. В 1936 г. только собственный перечень «государственных тайн» Главлита составлял 372 пункта, а в 1937 г. к этому перечню прибавилось еще 300.

Тенденция к увеличению государственных тайн позволяла местному партийно-административному аппарату развернуть партийную цензуру в неограниченном масштабе. Без предварительного разрешения Главлита и партийного руководства категорически воспрещалось изготовление значков, жетонов, эмблем, нарукавных повязок с рисунками и текстом, скульптур, изображающих политических деятелей, а также лозунгов и политических рисунков. Цензура проверяла все грузы и посылки с произведениями печати, документами, клише, рисунками, рукописями. Наряду с этими мерами цензурой была развернута тотальная борьба с проникновением в страну зарубежной газетно-журнальной периодики. В 1937 г. академик П. Капица написал письмо в правительство в знак протеста против лишения ученых возможности читать иностранные журналы. В частности, в письме говорилось: «Мы все знаем, что держат нас как институток в закрытых учебных заведениях, и боятся, чтобы кто не лишил их невинности» [Журналист, с. 9].

Стоит также упомянуть о важной детали, характеризующей положение цензуры. Она касается вопроса оплаты труда цензоров Главлита, которая производилась за счет издательств и редакций, при которых они состояли. Иными словами, подцензурные печать и радиовещание были призваны «кормить и оплачивать» труд цензоров. В этом и многом другом заключались истоки обюрокрачивания журналистики, усиливавшиеся тем, что в адрес Главлита и его местных органов была запрещена всяческая критика. Положение цензуры в стране и на местах многократно усилилось в связи с появлением в 1936 г. отдела военной цензуры. Этим отделом тогда же был введен в действие перечень сведений, составляющих военную тайну. Сведения данного перечня были распространены по всем редакциям газет и радиокомитетов. В связи с ужесточением деятельности по охране военных тайн в печати в практику предварительной цензуры были введены вычерки в материалах газет и микрофонных папках радиовещания. Уполномоченным СНК СССР по охране тайн в печати контроль за деятельностью Бурглавлита был возложен на Восточно-Сибирский крайлит. На протя-

жении 1936 г. из крайлита в Бурглавлит поступил ряд секретных циркуляров. В одном из них было указано, что при помещении в печати сведений «об опыте и учении войск в горно-таежных условиях, не выявлять факта учений в широком масштабе, не упоминать о прокладке колонных путей в горной тайге. Вместо термина «тайга» использовать «лес» (НАРБ, ф. Р 803, оп. 1, д. 7, л. 19). В другом циркуляре крайлит оповещает Бурглавлит о запрете печатать сведения по Байкалу, а также о проводимом призыве в Красную Армию. Цензурой запрещалось также публиковать «сведения о планах выработки синтетического каучука, изобретениях Капелюшникова, Залкинда, касающихся дистанционного управления буровыми инструментами» (НАРБ, ф. Р 803, оп. 1, д. 7, л. 31.

Литература
1. Кучмурукова Е.А. История книгоиздания Бурятии (2-я пол. 1930-х – 1991 г.). – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2002.
2. Журналист. – 2005. – №11.

Шагдарова Баярма Баторовна, старший преподаватель кафедры журналистики и рекламы Бурятского госуниверситета, кандидат исторических наук. E-mail: bayarma70@mail.ru
Shagdarova Bayarma Batorovna, senior lecturer, department of journalism and advertising, Buryat State University, candidate of historical sciences.

УДК 05/07 (571.5) (091)

© ***О.С. Шилова***

Информационная политика иностранных государств в период гражданской войны в Сибири (на примере Иркутска, 1918-1920-е гг.)

Рассматриваются характерные черты информационной политики иностранных государств в Сибири в период гражданской войны: манипулирование общественным мнением, подавление инакомыслия. Утверждается, что первая мировая, затем гражданская войны явились поворотным пунктом в развитии теории и практики информационного противоборства, а СМИ признаны главными партнерами в кризисных ситуациях.
Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, иностранные государства, информационная политика, пропаганда, союзники, интернационалисты, интервенты.

O.S. Shilova

Information policy of foreign states during the Civil War in Siberia (Irkutsk,1918-1920)

The characteristic features of foreign countries information policy in Siberia during the Civil War are considered, they were: manipulation of public opinion and suppression of dissent. The World War I and then the Civil War were a turning point in the development of the information confrontation and the media were recognized as major partners in crisis situations.
Keywords: the Civil War, Siberia, foreign states, information policy, advocacy, allies, internationalists, interventionists.

Иностранные государства принимали участие в гражданской войне в Сибири. В зависимости от того, на чьей стороне они воевали, в советской литературе их называли по-разному: иностранцы, воевавшие в Красной Армии, были «интернационалистами», а в белой армии – «интервентами». В «перестроечное» время за «интервентами» закрепилось название «союзных» войск. «Союзники» были самостоятельной и достаточно серьезной силой на арене гражданской войны в Сибири, обладающей авторитетом, значительными финансовыми ресурсами. В Сибири существовало несколько политических центров, выстраивающих собственную информационную политику по отношению к населению, мировому сообществу. Такими являлись Белое движение, поначалу разрозненное, а затем объединенное под знаменем адмирала Колчака, Красное движение, «союзные» войска государств – стран Антанты.

Коммуникационные процессы в период гражданской войны в Сибири протекали по большому счету только в городах, находившихся вдоль Транссибирской магистрали, как, впрочем, и вся основная политическая и экономическая жизнь региона. Железная дорога была главной артерией, вокруг которой разворачивались военно-политические баталии противоборствующих политических сил. По сути, кто осуществлял контроль над Транссибом, тот являлся хозяином крупной территории страны, отрезанной большевиками от центральной части России и имеющей связь с внешним миром только через Владивосток.

Основную работу по информационную обеспечению и воздействию на сибирское население и мировую общественность выполняли информационно-пропагандистские учреждения ино-

странных держав, среди них: Американское бюро печати, Информационно-просветительский отдел Чешско-Словацкого национального Совета (ЧСНС), французское информационное агентство «Эклер», Чехословацкое телеграфное агентство и др. «Союзники» понимали важность эффективной информационной политики, направленной на формирование общественного мнения, поскольку основная задача любой власти – постоянное подтверждение собственной легитимности. Информационными центрами в период гражданской войны стали Омск, Иркутск, Новониколаевск (Новосибирск), Томск, Красноярск. Основными источниками информации на тот момент являлись телеграф, телеграфные агентства газеты, агитаторы, листовки, плакаты, кинофильмы, просветительские кампании. В условиях войны широко использовалось такое средство информации, как демонстрация военной мощи, путем организации военных парадов. Войска «союзников» традиционно устраивали парады по главным улицам и площадям Иркутска, чтобы ослабить моральный дух и боевую мощь противника, поднять боевой дух собственных войск. Иркутск, как и вся огромная территория Сибири, в период гражданской войны стал своеобразным полигоном, где происходило оттачивание на практике методов воздействия на общественное мнение. Первая мировая, а затем гражданская войны явились прародительницами эпохи информационных войн, послужили отправной точкой, когда политические режимы осознали, что СМИ являются главными партнерами и союзниками в кризисных ситуациях, когда роль информации в обществе значительно возрастает.

Иностранный контингент, воевавший в Сибири на стороне Белого движения, практически не принимал участия в боевых действиях, а занимался охраной Транссибирской магистрали, выполнял задачи своего правительства. По воле исторического случая чехословаки стали ядром контрреволюции в Сибири. Поэтому чехословацкий легион явился главной платформой, на базе которой сформировался информационный центр «союзных» войск в Сибири для тиражирования «высоких целей» по спасению России. На самом деле иностранные государства, положившие начало интервенции в Сибири, никогда не хотели организовывать настоящий крестовый поход против большевизма. «Союзники» не желали глубоко ввязываться в гражданскую войну и придавать интервенции официальный статус. Американские, английские, французские войска в Сибири занимались охраной порядка, конвоированием грузов и патрулированием стратегически важных объектов. Информационная машина Чехословацкого легиона громко заявляла о поддержке Белого движения до момента окончательной его эвакуации из России к середине 1920 г. Самый нашумевший в истории «состав дембелей», как порой называют Чехословацкий корпус, эшелоны которого растянулись в 1918 г. по всей железнодорожной магистрали – от Пензы до Владивостока. Еще с XVIII в. чехи связывали свои надежды на независимость с Российской империей. В 1914 г. Чешская дружина начинает формироваться из пленных и перебежчиков, к 1917 г. Чехословацкий корпус насчитывал около 40 тыс. человек и сражался на Юго-Западном фронте против немцев и австрийцев.

После заключения Брестского мира и окончания Первой мировой войны чехам в России делать было нечего. Находившийся в Париже Национальный комитет во главе с будущим президентом Чехословакии Масариком потребовал от большевиков дать возможность легионерам выехать во Францию и продолжить сражаться на западном фронте. Корпус отправили во Францию не через Мурманск, а долгим путем – через Владивосток и Америку. В Челябинске произошел один незначительный инцидент, который по масштабам воздействия оставил огромный след в истории начала XX в. В результате стычки между заклятыми врагами, встретившимися на вокзальном перроне, чехами и пленными, подданными Австро-Венгрии, один чех был серьезно ранен. Группа чехов была задержана большевиками, после чего последовал приказ Троцкого по разоружению бывших военнопленных. Чехословаки, взявшись за оружие, свергли неокрепшую власть в городе. По телеграфу весть разнеслась по всей магистрали. Чехословацкий корпус объединил антибольшевистское движение. Пали Пенза, Сызрань, Самара, к середине июня 1918 г. белые совместно с чехами захватили Омск, Томск, в июле пала Уфа, Екатеринбург, Иркутск. К концу лета советская власть была свергнута на огромной территории [Шимов].

В советской историографии, а впоследствии в историографии Белого движения историки пытались представить чехословаков «союзниками» того или иного политического режима. Однако главной задачей для чехословаков стало выживание в чужой стране и скорейшее возвращение домой. Советские историки часто называют чехов «белочехами». Белыми чехов можно назвать условно, они никогда не были под командованием Белого движения, поскольку подчинялись союзникам, в частности, в Сибирь корпус прибыл как формирование французской армии под руководством генерала М. Жанена. Чехословацкий корпус не участвовал во внутренних воен-

ных действиях, а занимался охраной Транссибирской магистрали [Муратова].

В чехословацком корпусе собрались люди различных профессий и интересов. Чехословаки, находясь вдали от дома, остро нуждались в любой коммуникации. Командование корпуса уделяло повышенное внимание выстраиванию информационной политики. В своей книге «О чехословацких легионерах в Сибири» Александр Котомкин рассказывает: «…легионеры занимаются музыкой, слушают лекции, а иногда танцуют» [Котомкин, с. 55]. В городах пребывания легионеров возникли редакции журналов и газет. С приходом чехословацких войск в Екатеринбург в городе открылось отделение Чешско-Словацкого Национального совета (ЧСНС), образованного в Париже в 1916 г. Большая роль в деятельности сибирского отделения отводилась техническому и информационно-просветительскому отделам во главе с доктором Ф. Полак. Постепенно в составе информационно-просветительского отдела появились музыкальное, художественное, театральное отделения [Дмитриев].

В Екатеринбург чехословацкая походная типография прибыла 22 августа 1918 г. и оставалась здесь до 6 марта 1919 г., затем была эвакуирована в Иркутск. Работа в типографии велась в две, а затем и в три смены. Огромными тиражами стали выходить: «Ческословенски Деник» (более 100 тыс. экз.), «Ческословенске беседы» (97 тыс. экз.), «Ческословенски вояк» (118,3 тыс. экз.), «Устршедни Вестник» («Центральный Вестник», 6,3 тыс. экз.), «Ческословенски Валечны Справодай» («Чехословацкий военный корреспондент») и др. Типография издавала также произведения чешской и классической литературы. Например, по предложению информационно-просветительского отдела в Екатеринбурге в 1918 г. были изданы «Силезские песни» П. Безруча, а в следующем году вышли в свет «Эпиграммы» К. Гавличека-Боровского [Дмитриев]. В Иркутске, когда было уже ясно, что Белое движение близко к разгрому, Чехословацкий корпус продолжает информационное сопровождение своей деятельности на территории Сибири. Следует отметить, что тиражи чехословацких изданий в этот период сократились. Однако, если их сравнивать с тиражами периодических изданий других общественно-политических объединений, чехословацкие издания продолжают выходить большими тиражами. К слову, в Иркутске в 1919 г. тираж «Чехословацкого дневника» составлял 10500 экз., «Чехословацкого воина» – 8000 экз. Недостатка в информации Чехословацкий корпус не испытывал. Для сравнения: в 1919 г. газета «Сибирский рабочий» (орган Иркутского губернского совета профессиональных союзов) выходит тиражом 2 500 тыс., «Ведомости Иркутской губернии» (официальная газета управляющего Иркутской губернии) – 1 000 экз.

Основная задача коммуникации – передача информации с помощью разных коммуникационных каналов, поэтому информационно-просветительский отдел Чехословацкого корпуса не ограничивался только периодическими изданиями. Для трансляции информации использовал театральные кружки, спортивные состязания, парады. В Екатеринбурге возникли, а затем продолжали действовать в Иркутске театральное и музыкальное отделения информационно-просветительского отдела. Руководил театральной труппой, одновременно являясь и ее режиссером, Й. Еничек. Отделение передвигалось в вагоне, давая представления в различных сибирских городах. С момента создания театральным отделением было сыграно 235 спектаклей в 17 различных городах Урала и Сибири [Дмитриев]. Труппа музыкального отделения активно гастролировала по городам Урала и Сибири, выступая в основном перед легионерами, но иногда давая концерты и для местных жителей. В 1919 г. в репертуаре оркестра насчитывалось 38 симфонических произведений Бетховена, Моцарта, Дворжака, Вагнера. Из Екатеринбурга коллектив отправился в гастрольную поездку по городам Сибири, дав в течение года в пятнадцати из них 77 симфонических концерта [Дмитриев]. Чехословацкие войска во время своего пребывания в Иркутске постоянно устраивали парады, спортивные состязания. Так, 30 августа 1919 г. прошла военно-походная демонстрация чехословацких войск, тяжелой артиллерии с броневиком по Большой, Дегтевской и Тихвинской улицам. На иркутском циклодроме чехословаки в 1919 г. систематически устраивали спортивные соревнования. В программе традиционно было метание дисков, футбольные матчи [Романов, с. 361-365]. Чехословацкий корпус имел хорошую материально-техническую и профессиональную базу для информирования легионеров. Анализируя чешские издания того периода, понимаешь то, насколько мало чехословаков интересовали российские дела. Все «передовицы» отданы для освещения событий в Чехословацкой республике, сообщениям иностранных информационных агентств, таких как Американское бюро печати, французское информационное агентство «Эклер», Чехословацкое телеграфное агентство.

Еще одной крупнейшей иностранной информационной службой, функционирующей на территории Сибири, являлось Американское бюро печати (АБП). Через неделю после вступления

США в первую мировую войну создается Комитет общественной информации (Си-пи-ай), являвшийся главным пропагандистским учреждением США. В декабре 1917 г. открывается АПБ как русское отделение Комитета общественной безопасности. Первые центры создаются в России – в Петрограде и Москве. После запрета их деятельности советской властью, еще один крупный центр АБП был создан летом 1918 г. во Владивостоке с отделениями в Иркутске, Екатеринбурге, Омске, Харбине и Чите [Привалова, с. 57].

В течение длительного времени его директором был Д. Буллард. АБП просуществовало до 15 марта 1919 г., после чего его сотрудники были отозваны из России. Источниками информации для отделений АБП, действовавших на территории России, были телеграфные сообщения из-за рубежа. Поступившие материалы переводились на русский язык и в виде телеграфных бюллетеней, брошюр и листовок распространялись по редакциям газет, профсоюзным, кооперативным и другим организациям. Основные печатные издания АБП: «Американские бюллетени», журнал «Дружеское слово», газета «Американский часовой». Отдел русского отделения Си-пи-ай издавал также специальный бюллетень на английском языке «The news summary» или «Сводка новостей», как называли этот бюллетень русские газетчики, выступала неиссякаемым источником сообщений для прессы Сибири и Дальнего Востока. «Американские бюллетени» представляли собой 16-24-страничное издание книжного формата. Всего вышло 27 номеров. В бюллетенях печатались информационные телеграммы, полученные из Америки, переводы статей из американских газет и журналов, корреспонденции, специально написанные для бюллетеня. Бюллетени имели широкое распространение, что позволяло американцам оказывать большое влияние на общественное мнение. В число распространителей информации АБП входили учителя, студенты, железнодорожники, кооператоры, работники земств, сотрудники американского красного Креста и члены Христианского союза молодых людей. Последних только в Сибири насчитывалось около 300 человек [Привалова, с. 134].

АПБ особое внимание уделяло земским учреждениям и кооперации Сибири. Земства с больницами, школами, мастерскими банями, чайными, кадрами технологов, врачей, педагогов представлялись удобными для транслирования идейных установок США. На это обстоятельство обращал внимание президент Вильсон в своем письме Лансингу от 19 июля 1918 г. он заявил: «Кооперативные сообщества следует рассматривать как инструменты осуществления наших нынешних планов в Сибири» [Вильямс, с. 191].

Собственную информационную политику при помощи пропагандистского аппарата Красного движения пытались выстраивать «интернационалисты», выступающие на стороне большевиков. Формирования «интернационалистов» входили в состав Красной Армии, подчинялись командованию Реввоенсовета республики. По оценке сибирского историка В.Д. Вегмана, именно «интернациональные отряды», сформированные из военнопленных отрядов мадьяр, немцев, стали главной опорой большевистской власти в Сибири, не имевшей собственных сил в этом крае. В марте 1918 г. в соответствии с решением II Всесибирского съезда Советов началось формирование Красной Армии, но значительных сил создать не удалось, поскольку первоначально Красная Армия формировалась на добровольных началах [Вегман, Циркунов, с. 15]. Немцы, венгры, австрийцы, хорваты воспринимали большевиков как возможность вернуться на Родину. Эти желания любого человека, находившегося на чужбине, широко использовались большевиками в своей пропаганде среди военнопленных. Военнопленные, поддерживаемые большевиками, начинают издавать на территории Сибири газеты для военнопленных. В апреле 1918 г. Центросибирь под председательством Н.Н. Яковлева, организовала в роскошном иркутском отеле «Гранд-Отель» Общесибирский съезд военнопленных-интернационалистов, на котором присутствовали 60 делегатов от 10 лагерей. В результате была создана газета для военнопленных. На съезде было вынесено решение о том, что каждый «интернационалист» должен считать своим долгом вступить в Красную Армию для защиты Советов от врага [Килессо, с. 128]. После этого по всей Сибири началось формирование интернациональных отрядов из военнопленных, которые вступали в ряды Красной армии. В 1917 г. в Сибири находилось более 400 тыс. военнопленных, в том числе, например, в Иркутской губернии более 11 тыс. Только в Иркутском лагере, находившимся вблизи станции Иннокентьевская, пребывало 8,8 тыс. военнопленных [Краеведческие записки, с. 57]. Все же коммуникационная политика военнопленных «интернационалистов» носила локальный характер и не оказала существенного влияния на общественное мнение сибирского населения.

К середине 1919 г. разочарованность в «союзниках» в рядах Белого движения и среди сибирского населения возрастает. Поначалу восторженная, затем сдержанная тональность в прессе меняется на разочарованность. В тот период русский вопрос стал самым запутанным из всех ми-

ровых вопросов. Происходит отделение от России бывших провинций, правительство которых тут же признается ведущими мировыми державами, и они становятся самостоятельными государствами в отличие от правительства Колчака, которое юридически «союзники» так и не признали. Страны-«союзники» понимали, что окрепшая Россия не позволит дробления своей территории. Эти опасения находят освещение в сибирской прессе. В «Нашей газете» публикуется статья из американской газеты «Русский вопрос», в которой журналист Мак Лют дискутирует на тему, что если адмирал Колчак придет в Москву как борец за восстановление единой России, то признает ли он договоры, по которым «союзники» создали самостоятельную Финляндию, Польшу, Прибалтийские государства. Автор резюмирует, что русские никогда не согласятся на это. Разве можно отделить от России прибалтийские провинции и оставить Россию без выхода к Балтийскому морю и уничтожить всю работу Великого Петра [там же]. Иностранные «союзники», держа под достаточно прочным идеологическим колпаком почти всю белую прессу, блокировали любые критические ноты в свой адрес. По сути, их манера поведения в области выстраивания коммуникационной политики с общественностью Сибири ничем не отличалась от других противоборствующих политических режимов внутри страны. Арсенал пропагандистских средств, обеспечивающих воздействие на общественное мнение, политических режимов, существовавших в тот период времени в Сибири и «союзников» был многообразен, при этом имел много общих черт. Устанавливался жесткий цензурный режим, подавлялось любое инакомыслие, вытравливался критический дух. Управленческое звено, стоявшее во главе формирования и управления общественным мнением, так препарировало информацию, способствуя распространению сообщений, угодных власти и далеких от реальности, что сводило на нет эффект пропагандистских усилий и вызывало недоверие к власти и СМИ.

Литература

1. Вегман В.Д. Циркунов Ю. Сибирская Красная гвардия и отряд П. Сухова: крат. очерк. – Новосибирск: Партиздат; Западно-Сибирское отделение, 1934.
2. Вильямс В.Э. Американская интервенция в России 1917-1920 гг. // История СССР. – 1961. – № 4.
3. Дмитриев Н.И. Чехословацкие легионеры на Урале Пермь: Изд-во Урал. гос. тех. у-та, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: politarchive.perm.ru
4. Килессо Г.Т. Улица имени. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989.
5. Котомкин А.Е. О чехословацких легионерах в Сибири 1918–1920 гг. Воспоминания и документы. – Париж, 1930.
6. Краеведческие записки / Иркут. обл. краевед. музей. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН. – 1998. – № 5.
7. Муратова А., Муратова Д. Что привезли чехословаки из России? [Электронный ресурс]. – URL: http://www.aidm.eu
8. Привалова Е.А. Русский эксперимент. Комитет общественной информации и внешняя политика США. – М.: ВК, 2006.
9. Романов Н.С. Летопись города Иркутска / под ред. С.Ф. Коваля. – Иркутск: Вост-Сиб. кн. изд-во, 1994.
10. Шимов Я. Солдат Швейк в Сибири [Электронный ресурс]. – URL: http://www.flb.ru/info/44115.html.

Шилова Ольга Сергеевна, доцент кафедры связей с общественностью и рекламных технологий Иркутского государственного университета. Тел.: +7-9025151976; e-mail: olgaanufari@gmail.com

Shilova Olga Sergeevna, associate professor, department of public relations and advertising technologies, Irkutsk State University.

Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 т. Т. 3: Драматургия / сост. С.С. Имихелова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 592 с.

Anthology of the Buryat literature of the XXth – beginning of the XXIst century: 3 vol.Volume 3: Dramatic Art / compiled by S.S. Imikhelova. – Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2011. – 592 p.

К 350-летию воссоединения Бурятии с Россией вышло в свет уникальное издание – трехтомная «Антология литературы Бурятии XX – начала XXI в.», которое сразу вошло в научный оборот. Изданная по заказу Правительства РБ, она стала достоянием не только самого широкого читателя, школьников и студентов, но и серьезным подспорьем в научном изучении творчества писателей Бурятии. В первом томе (сост. Б.С. Дугаров) представлены произведения поэтов Бурятии разных поколений, причем наряду с хрестоматийно известными именами даны не менее яркие и талантливые авторы поэтических строк, причем в новых переводах представлены те, кто не был знаком до этого русскому читателю. Немало переводов принадлежит перу самого составителя – народного поэта Бурятии Баира Дугарова. Второй том подготовлен коллективом авторов – преподавателей Бурятского госуниверситета, самим отбором текстов предоставивших современное видение истории бурятской и русской прозы Бурятии. Формат «Антологии», к сожалению, не позволял включить в ее состав достояние бурятской литературы – роман, хотя все авторы – классики этого жанра – представлены в томе как авторы повестей и рассказов. Практически весь корпус избранных эпических произведений в томе уже был когда-либо опубликован, и сюда не вошли произведения современных писателей, пишущих на родном, бурятском, языке, к сожалению, еще не переведенные на русский язык. Особый интерес и читателя, и специалиста вызовет третий том, в котором впервые в издательской практике собраны лучшие произведения драматургии Бурятии, отразившие тот вековой путь, который пройден национальным драматическим театром республики. Во всех трех томах имеются статьи-предисловия, биографические справки, глоссарий в сносках, иллюстрации бурятских художников – все это придает «Антологии» современный облик. Читателю подарено полноценное собрание произведений писателей разных поколений и национальностей, которое дает представление о культуре народов, живущих у священного Байкала.

На наш взгляд, уникальный характер рецензируемому изданию придает содержание третьего тома, посвященного драматургии Бурятии. Как пишут авторы предисловия к третьему тому С.С. Имихелова и И.В. Фролова, драматические произведения по своей родовой специфике способны развернуть «картину жизни по принципу “здесь” и “сейчас”, особенно интенсивно развиваются в те периоды, когда остро ощущается потребность в обсуждении назревших, насущных вопросов, в моменты социально-исторических сдвигов и переломов» (с. 5). Включенные в антологию драматические тексты, созданные начиная с 1920-х гг. и по сегодняшний день, запечатлели основные исторические вехи в ярких драматических картинах.

В состав тома вошли не только драмы, комедии Х. Намсараева, Н. Балдано, Д. Батожабая, Ц. Шагжина, Н. Дамдинова, ставшие классикой бурятской драматургии, но и пьесы известных драматургов, которым национальный театр обязан своим дальнейшим развитием: А. Ангархаева, Д. Дылгырова, Б. Эрдынеева, Б-М. Пурбуева, Д. Эрдынеева. Том своим появлением обязан стараниям и настойчивости его составителя проф. С.С. Имихеловой – известного исследователя бурятской драматургии. В 1987 г. в издательстве «Наука» ею опубликована в соавторстве со своим учителем В.Ц. Найдаковым, первым обратившимся к изучению бурятского драматического театра, монография «Бурятская советская драматургия», которая стала для исследователей единственным полным, быть может, источником по изучению этой части наследия бурятской литературы. Вот почему состав избранных пьес в «Антологии» вызывает у читателя веру в то, что перед ним настоящие образцы всего, что создано писателями Бурятии в драматическом роде.

Добрая половина включенных в антологию пьес никогда не была опубликована на русском языке: это знаменитая драма «Великая сестрица шаманка» Б. Барадина и одна из лучших бурятских сатирических комедий «Волшебная дача на Аршане» А. Ангархаева в переводе Б. Цыденовой, блистательная комедия «Ход конем» Д. Батожабая и героико-эпическая драма «Бальжинхатан» Д. Эрдынеева в переводе И. Фроловой (обе переводчицы, кстати, ученицы С.С. Имихеловой). Никогда до этого не публиковалась стихотворная пьеса «Мудрая девица Ногоодой»

(пер. В. Трошина) М. Батоина, создавшего немало пьес для детей, поставленных на сцене Государственного театра кукол «Ульгэр» и ГАБТД им. Х. Намсараева. Впервые увидела свет драма «И на нашей улице будет праздник» («Эрьехэ наран») (пер. Н. Шабаева) Б.-М. Пурбуева, работавшего в течение более полувека только в драматических жанрах (спектакль по его драматической трилогии «Эрьехэ наран» режиссера Т. Бадагаевой был отмечен Государственной премией РБ в 2008 г.). Впервые опубликована одна из пьес драматурга нового поколения Б. Гаврилова «Чингис-хан», ставшая целой вехой в истории ГАБТД им. Х. Намсараева: спектакль по пьесе, поставленный режиссером Ц. Бальжановым, был в 2002 г. удостоен Государственной премии РБ.

Интересно, что творчество известного русского драматурга С. Лобозерова и бурятского прозаика и драматурга Г. Башкуева представлено в томе пьесами последних лет, которые еще не получили должного отклика критиков и литературоведов, – «В ста шагах от праздника» и «Чукча». На такой шаг автор-составитель пошел совершенно сознательно, поскольку драматурги, чьи пьесы уже долгое время главенствуют в репертуаре двух театров в Улан-Удэ – Русского драматического им. Н.А. Бестужева и ГАБТД им. Х. Намсараева, прошли большой путь в оттачивании своего мастерства и не одна их пьеса была опубликована в различных, в том числе столичных, журналах и издательствах. (Замечу, что по одной пьесе в московских журналах «Театральная жизнь» и «Современная драматургия» издали, как это видно из биографических справок, Б. Эрдынеев и Д. Дылгыров). О произведениях С. Лобозерова и Г. Башкуева, которые вышли за пределы республики, поставлены на сцене Москвы, других городов и стали достоянием общероссийского литературного процесса, а сами их авторы влились в отряд известных российских драматургов, авторы предисловия пишут: «Включенные в антологию пьесы С. Лобозерова и Г. Башкуева последних лет позволяют судить о самобытности их творчества, сплаве фольклорного начала с традициями реалистической русской и европейской драмы, не чужды этим драматургам романтические настроения и абсурдистские сюжеты. Многообразие созданных драматургами нового поколения характеров и коллизий, как и их стремление подчинить законы театральной образности вызовам наступившего века, свидетельствует о том, что драматическое искусство Бурятии переживает новый этап в своем развитии и совершенствовании» (с. 9-10). Такой вывод накладывает отпечаток и на все предыдущие этапы развития драматургии Бурятии, которая всегда славилась горячим откликом на современность, и эта традиция поддержана авторами рубежа XX–XXI вв.

Следует отметить мастерство литературного редактирования составителя третьего тома «Антологии»: не нарушая авторского стиля, С.С. Имихелова тем не менее придала впервые опубликованным на русском языке пьесам отточенный вид. Особенно это касается стихотворной, поэтической сказки-драмы М. Батоина, а пьеса «Чингис-хан» Б. Гаврилова, написанная на русском языке, по ее совету получила точное жанровое обозначение, приняла соответствующую ему форму как в плане структуры, так и стиля.

Для научного описания литературного процесса XX в. в республике «Антология» поистине неоценима, поскольку составителями ее трех томов создана в том числе целая исследовательская база данных по поэзии, прозе и драматургии Бурятии: литературные тексты, комментарии к текстам в виде предисловия и глоссария, краткие сведения к биографиям писателей. Давая высокую оценку и значимость этому изданию, погрузившись в его чтение, понимаешь, какую исключительно важную и несомненно своевременную задачу выполнили ее непосредственные создатели-составители и все, кто принял участие в создании «Антологии» – члены редколлегии, художник, автор макета Д.Т. Олоев, редакторы издательства БНЦ СО РАН, выпустив труд, не только знакомящий с богатым наследством, которое мы имеем, но и намечающий перспективы по его дальнейшему изучению.

И.В. Булгутова

СОДЕРЖАНИЕ

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

Харанутова Д.Ш. Категория залога (словообразовательная или формообразующая) в бурятском языке 3
Санжанов Ж.Ш. Общественно-политическая лексика бурятского языка (на примере газеты «Буряад-Монголой үнэн») 6
Савинова Т.Б. О лексических трансформациях в переводах бурятских пьес на русский язык (на материале текстов драматических произведений об истории хори-бурят) 10
Булгутова И.В. Структура поэтического образа в поэзии Н. Нимбуева: особенности символизации и метафоризации 15
Балданмаксарова Е.Е. Живая и действенная поэзия Даши Дамбаева 20
Серебрякова З.А. Национальный характер в романе Д. Батожабая «Похищенное счастье» 24
Башкеева В.В., Доржиева Г.С. К вопросу о литературной биографии Владимира Митыпова . . 28
Имихелова С.С., Шантанова Т.В. Трансформация архетипа Великой Матери в бурятской драматургии второй половины XX в. 31
Ангархаев А.Л., Буянтуева Г.Ц.-Д. Легенды о племени хонгодор в интерпретации бурятских писателей 38
Цыренов Ч.Ц. Основные концепции и понятия сочинения Э.-Х. Галшиева «Зерцало мудрости» . . 40
Пыльнева Л.Л. Ранний этап становления творчества композиторов Бурятии (1900-1930-е гг.) 44

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Фельде О.В. Языки для специальных целей в историко-лингвистическом аспекте 50
Омельченко Л.Н. О синкретизме в системе функционально-смысловых типов речи 55
Раднаева Л.Д. Просодическая характеристика речи (на примере фрагментов художественных произведений русских писателей) 59
Егодурова В.М. Региональные черты русского языка в Бурятии 62
Майоров А.П. Отражение в региональной деловой письменности XVIII в. фонетических явлений в области согласных русского языка 66
Блохинская А.В. О степени сохранности украинских говоров на территории современного Приамурья (на материале говоров Октябрьского района) 69
Нанзатов Б.З., Сундуева Е.В. Статус суффикса *-дар* в бурят-монгольских и тюркских этнонимах 73
Иванова Н.И. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) 79
Борисова И.З. Особенности номинации масти лошадей в якутском языке и их перевода на русский и французский языки 83

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Жорникова М.Н., Санжиева Т.Е. Особенности портретного изображения простолюдина в русской романтической повести 89
Затеева Т.В., Ленхобоева Т.Р. Рецепция творчества И.С. Тургенева в «Спасском вестнике» (2004, 2005) 92
Затеева Т.В., Ленхобоева Т.Р. Рецепция творчества И.С. Тургенева в английском литературоведении 50-60-х гг. XX в. 98
Сидельникова М.Л. Мотив «ожившего» изображения в художественном мире А.К. Толстого: неклассическое содержание классической формы 103
Белоус А.А. Антиномии Достоевского в концепции реализма советской критики 20-30-х гг. XX в. 106
Чебоненко О.С. Буддийский канонический трактат «Сутта-Нипата» в творческом наследии Л.Н. Толстого и И.А. Бунина 110
Собенников А.С. Ремарка как средство психологического анализа в драматургии А. Вампилова . . 116
Колмакова О.А. Мифологическая метаморфоза как культурный код в русской прозе рубежа XX-XXI вв. 119
Имихелова С.С. Русская классическая традиция в поэзии Андрея Румянцева (к 75-летию народного поэта Бурятии) 127

Именохоева И.Н. «Сансара бытия» в монголоязычной поэзии 132
Сивцева-Максимова П.В. Поэтика классической якутской поэмы 135
Киндикова Н.М. Переводная китайская литература в исторической перспективе (история и поэтика переводов на алтайский язык) 141
Гармаева С.И., Орус-оол С.М. Евразийская модель в динамике современной художественной картины мира 144
Болдонова И.С. Образ Байкала в литературе как способ постижения фундаментальных истин бытия 147
Платицына Т.В. Архетип трикстера в зарубежных исследованиях 151

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Дугаров Б.С. К генезису унгинской Гэсэриады: хонгодорский фактор 155
Бурчина Д.А. Эхирит-булагатские эпические традиции в улигерах Бууры Барнакова 159
Санжеева Л.Ц. Культурные константы в бурятской Гэсэриаде: мифологические, религиозные и эпические параллели 165
Матвеева Р.П. Русские сказки на сюжет «Три подземных царства» в сибирском репертуаре. . 170
Голованева Т.А. Особенности изображения встречи новобрачных в сказках береговых коряков . . 175
Тихонова Е.Л. Топоним как информационный языковой код в фольклорной исторической прозе 180
Новикова Н.Л. Мифологический мотив «явление потустороннего гостя» в повести В.Г. Распутина «Живи и помни» 184
Бухаева Т.Ю. Отражение действительности в современных благопожеланиях 188

ЖУРНАЛИСТИКА

Сибиданов Б.Б. Тактики регионального таблоида в пространстве проблемного дискурса (на примере газеты «Номер один») 193
Сибиданов Б.Б. Таблоидный дискурс газеты «Номер один» 198
Жорникова М.Н., Башкеева В.В. Общество, власть и бизнес в газете «МК в Бурятии»: результаты контент-анализа 204
Сахаровская Л.В. Возникновение и развитие газетной прессы на бурятском языке в Бурятии в 1923-1930-е гг. 206
Шагдарова Б.Б. Цензура в Бурятии в 1930-е гг. и ее взаимодействие с прессой 212
Шилова О.С. Информационная политика иностранных государств в период гражданской войны в Сибири (на примере Иркутска, 1918-1920-е гг.) 216

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Булгутова И.В. Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: в 3 т. Т. 3: Драматургия / сост. С.С. Имихелова 221

CONTENTS

BURYAT STUDIES

Kharanutova D.Sh. Category of voice (word formative and formation category) in Buryat language 3
Sanzhanov Zh. Sh. The socio-political lexis of the Buryat language (on the example of the newspaper «Buriyad Mongγul-un Ünen») 6
Savinova T.B. On lexical transformations in the translations of the Buryat language plays into the Russian language (on the material of dramatic works on the history of the Hori-Buryats) 10
Bulgutova I.V. The structure of poetic image in N. Nimbuev's poetry: peculiarities of symbolization and metaphorization 15
Baldanmaksarova E.E. Lively and effective poetry of Dashi Dambaev 20
Serebryakova Z.A. National character in the novel «Stolen happiness» by D. Batozhabay 24
Bashkeeva V.V., Dorzhieva G.S. To the issue of Vladimir Mitypov's literary biography. 28
Imikhelova S.S., Shantanova T.V. Representation of 'the Great Mother' archetype in the Buryat dramatic art of the second half of the 20th century 31
Angarkhaev A.L., Buyantueva G.Ts.-D. The Khongodor tribe legends in the Buryat writers' interpretation 38
Tsyrenov Ch. Ts. Main conceptions of E.-Kh. Galshiev's composition "Mirror of Wisdom" 40
Pylneva L.L. The early stage of formation of Buryat composers creativity (1900-1930's) 44

LINGUISTICS

Felde O.V. Languages for special purpose in historical linguistical aspect 50
Omelchenko L.N. On syncretism in the system of functional-semantic types of speech 55
Radnaeva L.D. Prosodic characteristics of speech (on the example of fragments from works of Russian writers) 59
Egodurova V.M. Regional characteristics of the Russian language in Buryatia 62
Mayorov A.P. Reflection in the regional current documentation of the XVIII c. phonetic phenomena in the field of the Russian language consonants 66
Blokhinskaya A.V. On the degree of safety of the Ukrainian dialects in the territory of the modern Amur area (based on dialects of Oktyabrisky region) 69
Nanzatov B.Z., Sundueva E.V. The status of suffix *-dar* in Buryt-Mongol and Turk ethnonyms 73
Ivanova N.I. Modern ethnolinguistic situation in the Sakha Republic (Yakutia) 79
Borisova I.Z. The peculiarities of the horse coat color naming in the Yakut language and its translation into the Russian and French languages 83

LITERATURE STUDIES

Zhornikova M.N., Sanzhieva T.E. Peculiarities of plebe portrait in the Russian romantic novel 89
Zateeva T.V., Lenkhoboeva T.R. The reception of I.S. Turgenev's literary activity in «Spassky Vestnik» (2004, 2005) 92
Zateeva T.V., Lenkhoboeva T.R. The reception of I.S. Turgenev's activity in the English literary studies of 50-60's of the 20th century 98
Sidelnikova M.L. The plot motive of "revived" picture in the artistic world of A.K. Tolstoy: non-classical content of the classical form 103
Belous A.A. Antinomy of Dostoevsky in the concept of Soviet criticism realism of the 20-30-s of the XXth century 106
Chebonenko O.S. The Buddhist canonical treatise «Sutta-Nipata» in the creative works of L.N. Tolstoy and I.A. Bunin 110
Sobennikov A.S. Remark as means of psychological analysis in A. Vampilov's drama 116
Kolmakova O.A. Mythological metamorphosis as a cultural code in Russian prose at the turn of XX-XXI centuries 119
Imikhelova S.S. Russian classical tradition in the poetry by Andrey Rumyantsev (to the 75th jubilee of the people's poet of Buryatia) 127
Imenokhoeva I.N. "Sansara of existence" in Mongolian poetry 132
Sivtseva-Maksimova P.V. Poetics of classical Yakut poem. 135

Kindikova N.M. The translations of Chinese literature in historical perspective (history and poetic style of translations into the Altay language) 141
Garmaeva S.I., Orus-ool S.M. Eurasian model in dynamics of the modern artistic of the literature. . . 144
Boldonova I.S. The image pf Baikal as a way of cognition the fundamental truths of existence. 147
Platitcyna T.V. Archetype of trickster in the Western studies 151

FOLKLORE STUDIES

Dugarov B.S. To Unginsky Geseriada's genesis: Khongodorsky factor 155
Burchina D.A. The Ekhirit-Bulagat epic traditions in the Uligers by Buura Barnakov 159
Sanzheeva L.Ts. Cultural constants in the Buryat Geseriada: mythological, religious and epic parallels . . 165
Matveeva R.P. Russian fairy tales based on the plot «Three underground kingdoms» in the Siberian repertoire 170
Golovaneva T.A. Features of description of the newly married couple meeting in the tales of maritime Koryaks 175
Tikhonova E.L. Toponym as an information language code in folklore historical prose 180
Novikova N.L. Mythological motive «appearance of otherworld visitor» in V.G. Rasputin's novel 'Live and Remember' 184
Bukhaeva T.Yu. Reflection of reality in modern good wishes worships 188

JOURNALISM

Sibidanov B.B. Tactics of regional tabloid in the space of problematic discourse (on the example of the newspaper «The Number one») 193
Sibidanov B.B. Tabloid discourse of the newspaper «The Number one» 198
Zhornikova M.N., Bashkeeva V.V. Society, power and business in the paper «The MK in Buryatia»: results of content-analysis 204
Saharovskaya L.V. Origin and development newspapers in the Buryat language in Buryatia in the 1923-1930's 206
Shagdarova B.B. History of censorship in Buryatia in the 1930's and its interaction with press 212
Shilova O.S. Information policy of foreign states during the Civil War in Siberia (Irkutsk, 1918-1920) 216

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Bulgutova I.V. Anthology of the Buryat literature of the XXth – beginning of the XXIst century; 3 vol. Volume 3: Dramatic Art / compiled by S.S. Imikhelova. – Ulan-Ude: Publishing House of BSC SB RAS, 2011. – 592 p. 221